ІГА • РЕДКАЯ КНИГА РЕДКАЯ КНИ
ДКАЯ КНИГА • РЕДКАЯ КНИГА • РЕДК
ГА • РЕДКАЯ КНИГА РЕДКАЯ КНИ

МОРСКИЕ СРАЖЕНИЯ РУССКОГО ФЛОТА

«ВСЯКИЙ ПОТЕНТАТ, КОТОРЫЙ ЕДИНО ВОЙСКО СУХОПУТНОЕ ИМЕЕТ, ОДНУ РУКУ ИМЕЕТ, А КОТОРЫЙ ФЛОТ ИМЕЕТ, ОБЕ РУКИ ИМЕЕТ».

Петр I

«Покончив с «Фазли-Аллахом», адмирал хотел спешить на помощь «Парижу», но тот и один успел справиться с третьим врагом: с перебитыми мачтами, турецкий фрегат «Низамиэ» тоже отклепал свою якорную цепь и выбросился к городу, где скоро и загорелся... Уничтожив все стоявшие против них суда, т. е. четыре фрегата и один корвет, с 230 орудиями, русские флагманские корабли, поворотившись параллельно батареи № 5, сосредоточили против нее все свои силы».

Е. В. Богданович

ББК 63.3(2)4
М80

Составитель В. Г. Оппоков

Морские сражения русского флота: Воспоминания, дневники, письма / Сост. В. Г. Оппоков.— М.: Воениздат, 1994. — 560 с., ил. (Ратная слава отчизны).

ISBN 5—203—00662—8

Эта книга вобрала в себя неизвестные и малоизвестные широкому читателю воспоминания, дневниковые записки, письма о морских сражениях и боях русского флота дореволюционного периода. Некоторые из них взяты из походных журналов и архивов Петра Первого, Ф. Апраксина, Н. Синявина, Ф. Ушакова. Большинство же воспоминаний и записок принадлежат авторам, о которых массовый читатель узнает впервые. Предлагаемая книга в какой-то мере восполнит очевидный пробел в пропаганде славных боевых традиций русского флота.

Книга рассчитана на массового читателя.

М $\frac{0503020200—010}{068(02)—94}$ 79—91

ББК 63.3(2)4

ISBN 5—203—00662—8

© Коллектив авторов, 1994

Светлой памяти талантливого писателя, истинного патриота, неутомимого труженика и доброго бескорыстного человека — Валентина Саввича Пикуля посвящается

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

Интерес к истории в нашем Отечестве никогда не затухал. Но в последние годы он особенно вырос. Наблюдается прямо-таки исторический бум. Чем же он вызван?.. Появившейся возможностью узнать подробности о событиях, о которых раньше умалчивали? Возрастанием достоверности публикуемого материала, некогда «приглаженного» или вовсе исковерканного? Расширяющейся доступностью (наконец-то!) к правдивым сведениям (злободневным и сейчас) об исторических лицах, к их действительным биографиям и жизнедеяниям?.. Думается, последнее вызывает наибольший интерес у широкого круга читателей, поскольку историки, писатели, журналисты все заметнее и откровеннее «поворачиваются лицом» к конкретному человеку. Происходит, можно сказать, гуманизация истории.

Не буду первооткрывателем, если замечу, что наибольшими возможностями, так сказать, психологического и обособленного вторжения в историю обладает мемуарная литература. Поэтому-то она и пользуется высоким спросом у современного читателя. Приведу довольно любопытное признание по этому поводу известного писателя Валентина Саввича Пикуля. Рассказывая о своей работе и «творческой кухне», он заметил, что ему очень интересно перечитывать заметки мелких чиновников и малоприметных в истории офицеров. Пожалуй, в этих словах сокрыта и глубинная историческая суть, и писательская мудрость, подтверждаемая неиссякае-

поры ботик иноземной постройки, на котором юный Петр I устраивал потешные плавания. Несуразность подобного возвеличивания ничем не примечательного суденышка, кроме того, что оно принадлежало царствующей, пусть и значительной в истории, особе, становится очевидной, если процитировать слова английского историка Джена. Их привел со ссылкой на иностранный источник (Лондон, 1899 г.) профессор К. В. Базилевич в своем предисловии к книге А. В. Висковатова «Краткий исторический обзор морских походов русских и мореходства их вообще до исхода XVII столетия» (изд. второе, выпущенное Воениздатом в 1946 г.). «Существует распространенное мнение,—писал Джен,—что русский флот основан сравнительно недавно Петром Великим, однако в действительности он по праву может считаться более древним, чем британский флот. За сто лет до того, как Альфред построил первые английские военные корабли, русские участвовали в ожесточенных морских сражениях, и тысячу лет тому назад именно русские были наиболее передовыми мореками своего времени».

Основания для такого утверждения, причем более древние, можно отыскать, если внимательно вчитаться в страницы старинных летописей и сказаний, если проанализировать противоречивые суждения разных исследователей по истории нашего государства. В них можно обнаружить многочисленные вкрапины «русских» следов, фактиков и фактов в мировой, если можно так сказать, боевой летописи флота.

В первую очередь следы морской славы наших предков нужно искать, естественно, в морях и приморских районах. И они находятся. Так, Н. М. Карамзин, говоря о них, приводит «сказку», якобы внесенную в летописи, в которой есть примечательные строки. Согласно им Александр Македонский написал письмо могущественным и воинственным словенам и русам, выражая уважение «храбросердному народу, славнейшему колену русскому», обитающему «от моря Варяжского до Хвалинского». В скандинавских, немецких, византийских и других летописях содержится немало любопытных фактов о морской торговле россиян с северными и южными народами, а также о том, что они, подобно норманнам, были грозою морей.

В скандинавских летописях (Руническая харатейная грамота) сказано, что согласно договору, составленному между Россией и Данией в X в., при датском короле Свепоне I, россияне получили право брать дань с жителей приморских, горных и лесных до самых северо-восточных пределов Норвегии. В Несторовской летописи утверждается, что финны

издревле платили дань Новгороду, а в Византийской — о морском походе Владимира Ярославовича, призвавшего против греков вспомогательное войско с северных островов Океана и посадившего на суда 100 000 ратников.

Византийские историки (Лев Грамматик, неизвестный Константинов Продолжатель, Симеон Логофета, Георгий Монах) описывают морской поход россов на Византию и осаду двумястами судами Константинополя в 866 году. Киевские россы, или киевские варяги, были хорошо известны византийцам, поскольку многие из них, искусные в мореплавании и морских сражениях, на договорных началах служили в греческом флоте. Так, в 902 году 700 человек киевлян числились в греческих корабельных экипажах и получали из византийской казны 100 лир золотом.

Обратимся непосредственно к тексту древних рукописей. Вот одна из них — преподобного Нестора. Приведу два отрывка из нее по Лаврентьевскому (М., 1884 г.) и Кенигсбергскому (СПб., 1863 г.) спискам: «В лето 6412. В лето 6413. В лето 6414 (т. е. в 904—906 гг.), — говорится в первой из них, — иде Олег на греки, Игоря оставив Киеве... пойде Олег на конех и в кораблех, и бе числом кораблей 2000. И приде к Царюграду... И вылезе Олег на берег, и повеле воем изволочити корабля на берег... колеса изделати и вставити корабля на колеса; и бывшему покосну ветру, успяша пре с поля (т. е. натянули паруса) и идяше к городу... Царь же Леон с Олександром мир с Олегом... Олег... повеша щиты своя в вратех, показующе победу и поидо от Царяграда...» «В лето 6452 (944 г.) Игорь совокупи вои многи, Варяги, и Русь, и Поляне, и Словены, и Кривичи, и Тиверци, и Печенеги... пойдя на греки в лодьях и на конех, хотя мстити себе.

Се слышавши Корсунцы, послаша к Роману, глаголюще: «Се идут Русь без числа корабль, покрыли суть море корабли». Також и Болгаре послаша весть, глаголюще: «Идут Русь, и наяли суть Печенеги. Се слышав Царь посла ко Игорю лучшия бояры, моля и глаголя: «Не ходи, но возьми дань, юже имал Олег, и придам еще к той дани... И послуша их Игорь, и... взял у грек паволоки (материя, ткань) и злато и... возвратись вспять, и приидо к Киеву...»

Мстил же Игорь, как сообщает другая, Троицкая, летопись, за неслыханные бедствия, понесенные от греков за четыре года до успешного похода. Вот как летописец отразил то событие: «В лето 6448 (940 г.) иде Игорь на греки... Феофан же сустрете я в лядех со огнем и пущати начи трубами огонь на лодьи русские. И бысть видети стражно чюдо:

Русь же видящи пламень вметахуся в воду морскую, хотяще убрести и тако прочим возвращавшиеся во свояси. Темже пришедшим в землю свою и поведаху каждо своим о бывшем и о лядьнемь огнем: яко же молонья, рече, иже на небесех, греце имут и ее пущающа же жагаху нас...»

В приведенном последнем отрывке уж очень видна поздняя корректура этой летописи, деланная рукой, явно усердствующей в пользу греков. Конечно, греческий огонь по тем временам был грозным оружием, и нет в том особого преувеличения, когда он уподобляется молнии — «молоньи... на небесех», — приводящей в ужас. Но уже никак он не был для русских, служивших в немалом колличестве в греческом флоте, а также ходивших в морские походы против Византии значительно раньше, в диковину и не мог восприниматься ими как страшное чудо. Ведь греческий огонь стал применяться в морских боях начиная с VII века. Трудно судить, постигли ли его тайну россияне, скажем новгородцы, в том же веке, но древние источники сообщают, что они умели пользоваться греческим огнем, а также брандерами (зажигательными судами, или — по-иному — огненными таранами). Если верить Никоновской летописи, то новгородцы в IX веке поддерживали прочные торговые связи со странами Востока, так что уже за сто лет до неудачного похода Игоря русы могли выведать тайну греческого огня или, в крайнем случае, познакомиться с ним настолько, чтобы не считать ужасным чудом.

Но почему же тогда осталось так мало описаний, отразивших подвиги русов на морях? Почему их славные деяния затмили полулегендарные варяги или норманны? Почему то, что сохранилось в летописях, носит если не сказочный, то не совсем правдоподобный или преувеличенный характер? Почему не известно точное описание древнерусских кораблей (их устройство, вооружение), на которых русы совершали невольно дальние, длительные и рискованные переходы?

Причин здесь множество. Каждая летопись, с утверждением во власти очередного князя, почти перебеливалась (переписывалась заново), а прежние великие или успешные деяния преуменьшались, искажались, опускались ради возвеличивания нового правителя и в угоду ему. Многие рукописи уничтожались совсем, то ли по тем же причинам, то ли во время стихийных бедствий или же войны. Но самое значительное принижение, коверканье или же радикальное изменение отдельных этапов нашей общей и военной истории принадлежит византийцам (после введения православия

на Руси), с целью отрицания нашей древней культуры и добрых традиций, а также германцам, стремившимся к постоянному захвату русских земель, а потому отвергавшим нашу самобытность и способность к самостоятельности во всем.

Есть основания утверждать, что к «забвению» давних отечественных достижений, в том числе в развитии мореплавания и кораблестроения, приложил руку и Петр I, а также его многочисленное — расчетливое в своих корыстных целях, угодливое царю и враждебное русскому национальному самосознанию и русской истории — окружение, в первую очередь из числа иностранцев. Было сделано многое, чтобы подвижника-царя провозгласить на века первоустроителем и первостроителем русского флота.

Бесспорно, Петр I потратил немало сил, энергии и дарования для развития и укрепления военного флота. Но есть и другая сторона, которая явно просматривается, если знакомиться с журналами, дневниками и письмами авторов петровской поры: флот кроме баталий зачастую служил для празднеств, развлечений, забав, увеселительных игрищ и спектаклей. С легкой руки Петра и его приближенных постепенно именно эта сторона все больше и больше выпячивалась многими послепетровскими правителями, и даже складывалось общественное мнение, что увлечение флотом — это «царские причуды».

Мемуарная литература времен Петра I ценна, помимо всего, своей фактической стороной, но очень бедна художественностью и мыслью. Это, скорее всего, батальная и бытовая хроника походов, поездок и увеселений государя, а также приближенных к нему лиц. И все же из скупых и разрозненных сообщений можно почерпнуть достоверные и интересные сведения о восстановлении (здесь не оговорка, именно о восстановлении, если учитывать допетровский, богатый и длительный, период развития отечественного флота) боевых флотских традиций и мореплавательного опыта, о зарождении флотских русских династий. Для более объективного освещения событий используются также отрывки из дневника шведского адмирала Густава Ватранга, а также некоторые более поздние публикации.

В книге о пренебрежительном отношении к флоту как к «царским причудам» не говорится, поэтому здесь, во вступительном слове, есть смысл привести выдержки из некоторых соответствующих воспоминаний.

В 1815 году начал свои записки адмирал П. В. Чичагов. Не стану останавливаться на подробностях его жизни, по-

поскольку в последующем об этом будет сказано. Хочу в подтверждение предложить лишь отрывок из его записок, первый выпуск которых вышел в Санкт-Петербурге в 1885 году, спустя 36 лет после смерти их автора.

«В 1767 году, 27 июня, я узрел свет, — писал адмирал. — Родители мои жили в Коломне. Отец, в это время имевший звание морского капитана, должен был предпочесть эту часть города, самую болотистую из петербургских топей, вследствие дешевизны, соответствовавшей его средствам к существованию.

Содержание военных в России вообще очень недостаточно, и это одна из причин, заставляющая некоторых заниматься взяточничеством в продолжение почти всей службы за неимением собственных своих средств. Недостаточность их особенно присуща русским морякам, и вот главная тому причина. В Петербурге существовало тогда много заведений, предназначенных для воспитания юношества. Их называли кадетскими корпусами. Между ними один был для молодых людей, готовившихся поступить в пехоту или кавалерию; другой для артиллеристов и инженеров; были еще корпуса — Морской и Горный. В них принимали лишь детей из дворян...

Более состоятельные родители старались определять своих детей в первый или второй корпуса, открывавшие им лучшую карьеру, тогда как беднейшие записывали своих детей в Морской корпус, требовавший менее расходов впоследствии.

Русский флот, созданный умом Петра I, мог существовать только им одним. Так как он ни в духе народном, ни вызван потребностями государства, ни в духе русского правительства, то на него не смотрят как на необходимое условие для благосостояния или безопасности империи, и он есть обременительная роскошь подражания, зависящая от доброй воли государей.

Жертвы и лишения, которым подвергаются поступающие в морскую службу, не получают соразмерного вознаграждения. Поэтому-то люди поблагоразумнее кончают тем, что, замечая это, отвращаются ремесла и бросают его при первой возможности пристроиться куда-нибудь получше. Из этого следует, что на службе остаются лишь люди бедные или недальновидные... Однажды, ради забавы, вздумали подвести общий итог русских моряков, и оказалось, что он не совсем достигает... содержания одной роты гвардии императрицы Екатерины. С тех пор эта разница поуменьшилась, но вовсе не потому, что моряки стали богаче...»

Тот же Петр I, «открыв настежь окно из Европы в Россию», дал ход широкому потоку иностранцев, среди которых, наряду с единицами полезных и честных людей, хлынули сотни авантюристов, проходимцев, преступников. Добиваясь при преимуществе и царском покровительстве высоких постов и больших привилегий, они, обогащаясь, наносили вред государству, в том числе и флоту, затирали и губили одаренных людей русского происхождения.

Правда, были среди иностранцев, как уже говорилось, приносившие России немалую пользу своими знаниями, опытом и честным служением. Более того, некоторые из них нашли здесь вторую родину и положили начало известным флотским династиям, таким, как Грейги, Гейдены. В настоящей книге даются извлечения, к примеру, из журнала капитан-командора С. К. Грейга, а также записки, которые велись на эскадре Л. П. Гейдена.

Если говорить об отражении боевых действий русского флота в мемуарной литературе в послепетровский период, то всевозможных дневников, записок и журналов походных можно отыскать немало. Но они большей частью, за исключением отдельных из них, отражают детально все то, что не касается боя или сражения. Такая тематическая направленность подобных воспоминаний объясняется тем, что, когда русский флот стал все чаще и чаще вырываться из прибрежных вод на просторы морей и океанов, авторы дневников и записок, потакая потребности читающей публики и своему интересу, подробно писали о том, с кем и с чем встречались в пути, оставляя батальные эпизоды и сценки боевым сводкам и донесениям.

От подобных воспоминаний значительно отличается книга Александра Семеновича Шишкова (1754—1841) «Военные действия российского флота против шведского в 1788, 89 и 90 годах...». Читатель имеет возможность познакомиться с выдержками из нее. Правда, фамилию автора пришлось «вычислять» из текста, поскольку она обозначалась только двумя буквами — А. Ш. Поступил так Шишков то ли из-за неловкости собственной, то ли из-за пересудов современников, поскольку, хотя и являлся очевидцем большинства описываемых событий, воспоминания о боевых действиях русского флота почерпнул, по его признанию, «из дневника, записок и донесений главноначальствующего над оным адмирала Чичагова».

Следует отметить, что А. С. Шишков — это насколько любопытная и интересная, настолько и противоречивая фигура в нашей истории. Посудите сами: корабельный офицер,

который не только ни разу в жизни не руководил сражением, боем, но и не командовал кораблем, вдруг становится адмиралом; адъютант, приласканный адмиралом В. Я. Чичаговым, получивший за радостное сообщение государыне о победе саблю «За храбрость», хотя этой храбрости и не проявлял, пользующийся умом и славой своего давнего благодетеля даже после смерти последнего (имеются в виду дневники В. Я. Чичагова), по непонятным для других причинам подвергал престарелого адмирала униженьям до самой его смерти, устраивал гонения и различные козни противостив остальных Чичаговых. Один из первых историографов флота России, президент Российской академии, один из просвещенных умов и последовательных патриотов, Шишков в то же время является инициатором издания реакционного цензурного устава, преследует декабристов и сторонников отмены крепостного права. Возможно, из-за этих резко противоположных черт характера и направлений деятельности Шишков получал большей частью крайние оценки— от самых оскорбительных до самых восторженных. Вот и в наше время кое-где в печати нет-нет да и мелькнет хвалебный, не совсем правдивый и обдуманный, отзыв о А. С. Шишкове как об участнике и даже герое Отечественной войны 1812 года, хотя участие и «героизм» его заключались в пребывании в ставке царя и написании всевозможных рескриптов и воззваний. Думается, что предлагаемая публикация, подготовленная Шишковым на основании архива адмирала Чичагова, позволит читателю более объективно посмотреть на эту примечательную фигуру.

Учитывая, что в названных публикациях (журналы Петра I, С. К. Грейга, воспоминания А. С. Шишкова) не все важные боевые эпизоды нашли отражение, а также то, что о многих событиях рассказано скупо и сухо, пришлось, чтобы дополнить впечатления некоторых авторов, прибегнуть к помощи тех, кто оставил увлекательные и умные записи, составленные с чужих слов. К таким материалам относятся «Суд над вице-адмиралом Крюйсом 1715 года» Александра Соколова, «В походах и сражениях» Ростислава Скаловского, рассказы о Наваринском и Синопском сражениях Евгения Богдановича. Да и их авторство никак не назовешь случайным. Взять, к примеру, Ростислава Карповича Скаловского, известного, а точнее, самого известного в свое время биографа и исследователя боевой деятельности адмирала Ф. Ф. Ушакова. Конечно, Скаловского трудно назвать современником Ушакова. Когда последний ушел из жизни, первому исполнилось только шесть лет. Но все его детство,

вся его флотская юность, а точнее, учеба в кадетском морском училище прошли под влиянием флотоводческой славы и таланта Федора Федоровича. Нужно учитывать, что учеба, первые офицерские годы будущего знаменитого историка и писателя прошли под опекой питомцев и учеников Ушакова, делившихся еще живыми и волнующими впечатлениями о встрече с прославленным адмиралом, о совместной службе с ним. Эти рассказы, по всей видимости, дополнялись и дневниковыми записями родных и близких Ростислава Карповича. Ведь его фамилия — флотская, ее носили и сослуживцы Ушакова, впоследствии становившиеся видными флотскими начальниками, адмиралами.

Фамилия Скаловского, например, упоминается в воспоминаниях В. И. Мелихова, оставившего после себя описание действий Черноморского флота в войне с Турцией в 1828—1829 годах (отрывки из его воспоминаний вошли в книгу). Походные записки Мелихова, пожалуй, больше всего и примечательны подробным перечислением кораблей и фамилий. Причем отрадно, что фамилии-то русские, в отличие от журнала Петра I. Отрадно потому, что это свидетельствовало о более целеустремленном пополнении корабельных кадров «доморощенными» офицерами. Правда, им не всегда сопутствовала удача в профессиональном росте, поскольку влияние иностранцев по-прежнему тормозило этот рост. Пользуясь покровительством самых влиятельных при дворе кругов, они всячески препятствовали русским офицерам, пробивающим себе дорогу «своей собственной головой», продвигаться по службе.

Вот как по этому поводу писал адмирал В. М. Головнин. Свое авторство записок «О состоянии Российского флота в 1824 году» (к сожалению, их в книге не удалось использовать, поскольку в них не отражены боевые действия флота) он прикрыл псевдонимом — мичман Мореходов. Однако содержание записок мало оставляет сомнения об истинном авторе. Кроме того, рукопись хранилась в архивах адмирала. Изданная отдельной книжкой в Санкт-Петербурге в 1861 году, она сопровождалась пометкой: «С рукописи, найденной в неполном виде в бумагах вице-адмирала В. М. Головнина».

«Если бы хитрое и вероломное начальство. — остро и смело замечал Головнин-Мореходов спустя сто лет после смерти Петра I, — пользуясь невниманием к благу отечества и слабостью правительства, хотело, по внушению и домогательствам внешних врагов России, для собственной своей корысти, довести разными путями и средствами флот

наш до возможного ничтожества, то и тогда не могло бы поставить его в положение более презрительное и более бессильное, в каком он находится...

В 1821 г. из Архангельска в Кронштадт должна была отправиться эскадра, состоящая из линейного корабля и двух фрегатов, над которою надлежало бы начальствовать и по чину и по старшинству капитан-командору Монку, командиру находившегося в Архангельске экипажа, но ему оной не поручили по неспособности его, а приказали вести эскадру служившему под его начальством капитану 2 ранга Певцову. Монку же велено было сухим путем ехать, в Кронштадте он опять вступил в начальство своим экипажем.

В 1823 г. другой англичанин — капитан-командор Роль явно пойман и изобличен в контрабандной торговле. Его отдали под суд, который тянется больше года, а Роль занимает место в списках и останавливает других к производству...

В 1824 г. еще один англичанин — Гамильтон, за год перед тем забаллотированный и о котором сам начальник морского штаба публично говорил, что он продавал канаты и такелаж со своего корабля, по его же докладу произведен в контр-адмиралы...

Медленное производство во флоте притупляет охоту к продолжению службы и отдаляет всех находящихся в ней людей со способностями и состоянием. Офицеры по десяти лет и более служат в одних чинах и знают, что сие происходит не от обстоятельств и порядка службы, а из пристрастия к иностранцам, которые имеют преимущество перед русскими, несмотря на то что многие из них известны правительству как люди развратные, заведомо гнусного поведения, пьяные, ни к чему не годные; но их хотя никуда на службу употребить нельзя и не употребляют, однако ж и не выключают из оной, а производят жалование и все содержание. Подобные люди отнимают место у молодых способных людей из русских...»

Головнин-Мореходов саркастически описывает, как устраивают «потемкинские деревни» из кораблей, выкрашивая свежей краской только те борта, которые царь, во время посещения Кронштадской базы, сможет видеть из кареты. Флот получал высокую оценку, в то время как пришедшие в негодность многие корабли, блестя «показательными» бортами, вот-вот пойдут ко дну, не увидев моря. Ну а когда их выводят на морской простор, то только для того, чтобы тут же поставить на длительный ремонт, еле-еле дотянув на буксире до берега.

Кстати, в воспоминаниях В. И. Мелихова, вопреки воле автора, этот мотив улавливается. Да и все боевые действия (правда, он описывает не Балтийский, как у Головнина, а Черноморский флот, но состояние их примерно одинаковое) нашего флота против турецкого в основном свелись к бесплодным поискам кораблей противника. Не зря современники, как В. И. Мелихова, так и В. М. Головнина, называли ложную готовность флота к боевым действиям поражением без боя. Особенно это состояние проявилось в русско-японской войне 1904—1905 годов... В числе наиболее ценных можно назвать книги В. И. Семенова и Л. Ф. Добротворского, отрывки из которых включены в эту книгу. Их мемуары — воспоминания-обличения, воспоминания-уроки.

Хотелось бы обратить внимание читателей, особенно тех, кто носит офицерские погоны, на следующую рекомендацию: попробуйте в некоторых местах умных, мудрых, острых, непримиримых наблюдений повидавших смерть людей увидеть среди участников событий не третьих лиц, совершенно вам незнакомых и давным-давно забытых, а... самих себя. Это очень важно для тех, от кого в большей или меньшей степени зависит боевая готовность нынешнего флота. Ведь каждому известна фраза: «история учит». Но она, история, никогда не научит того, кто будет воспринимать эти эпизоды и действующих в них героев как наблюдатель, как совершенно посторонний и далекий от происходящего человек. Но если все это постараться пропустить через себя, то совершенно по-иному воспримутся обличительные и поучительные строки Л. Ф. Добротворского: «По-видимому, мысль о том, что флот, все его учреждения, все мы и все они необходимы только для боя, для одного боя и больше ни для чего, — основательно была вычеркнута из головы и заменена отбыванием номеров учений, мелкой формалистикой, бесконечным писанием никому не нужных, будто бы важных для истории, а в сущности для самопрославления, приказов и инструкций, и главное, игрою в почести, якобы крайне необходимые для внедрения дисциплины и поддержания высшего престижа начальников... Только бюрократический произвол, выраженный в ненасытной жажде власти ради ее престижа и ради канцелярских удобств сношения с центральными органами, превратил наших адмиралов в каких-то громовержцев или еще в церемониймейстеров с большим штатом придворных при оркестре музыки, а не в учителей, не в наставников, как требует это всякий военный флот». Как человек не так уж далекий от флота, смею заверить, что это взгляд через годы и... на наш флот, на наших ко-

мандиров и военачальников. И у нас нередко негодные корабли замазывают свежей краской, и у нас есть адмиралы-громовержцы и церемониймейстеры.

Конечно, в истории отечественного Военно-Морского Флота были негативные моменты. Но не они определяли и определяют лицо флота. Его визитная карточка — безграничное мужество русских моряков, их высокая боевая выучка, преданность Родине. В героических сражениях и боях они неизменно проявляли отвагу и бесстрашие, мастерство и самоотверженность.

Флоту — быть!..

ШТОРМ ДЛИЛСЯ ДВАДЦАТЬ ЛЕТ...[1]

Журнал или поденная записка Петра Великого[2]

1701 г.

...В сем же... году летом государь ради лучшего учреждения войск своих был в Новгороде и Пскове и тамо те городы фортификациями укрепил, сколько время допустило, и полки гвардии того лета были при нем в Новгороде, и осенью паки возвратился в Москву.

В бытность же его государеву в Новгороде, писал от города Архангельского... воевода князь Алексей Прозоровский, что в июле месяце приходили шведских 5 фрегатов и 2 яхты, и из оных 3 фрегата да яхта остановились на море про-

[1] Имеется в виду Северная война (1700—1721 гг.) между Россией и Швецией. Кроме благоприятного для России окончательного результата — утверждения на берегах Балтийского моря — она знаменательна и другими важными событиями, которые можно назвать вехами нашей истории. На Балтике был создан русский регулярный военно-морской флот, получивший немалый опыт ведения боев и сражений корабельными силами против искушенного в морском искусстве противника и добившийся замечательных побед при Гангуте (1714 г.), Эзеле (1719 г.), Гренгаме (1720 г.) и др.

[2] Журнал ведется от третьего лица. (*В дальнейшем цифрами будут обозначаться сноски составителя, звездочками — авторов.*)

тив Кусковой деревни; а два фрегата да яхта за 3 часа до ночи пришли ко Двинскому Березовскому устью, и караул обретающийся тогда на том устье прошли; а как вошли в малую Двину, крепости строили, тогда обретающийся при строении той крепости штапный офицер Животовский, собрав 700 человек солдат и посадя на мелкие суда, поехал к тем шведским судам; и хотя со шведских фрегатов стали стрелять из пушек и несколько человек наших солдат ранили, а иных и побили; однако ж, когда от новой крепости с батарей по шведским судам начали из пушек, а с судов из ружья стрелять и, не допустя до крепости, один фрегат и яхту разбили, тогда люди с них некоторые на мелких судах ушли в море, а иные с теми разбитыми судами потонули; а другой фрегат ушел за вышеписанными своими мелкими судами в море. И тако вышепомянутый фрегат и яхту взяли, на которых обрели 13 пушек и басов, 200 ядер, 850 досок железных, 15 пудов свинца, 5 флагов.

На тех же взятых судах найдено побитых тел — один порутчик и четыре человека солдат.

И оставшие шведские 3 фрегата и яхта, которые не входили в устье, да фрегат же, который ушел с Двинки, на море стояли против Кусковой деревни и в той деревне дворы и варницы сожгли и пошли в море; а по ведомостям на вышеписанных шведских судах было всех людей человек с 1000.

Помянутые разбитые суда из воды выняв, привели к городу Архангельскому со упущенными на низ их флагами, а над ними поставлены были российские флаги.

По получении той ведомости послан указ к вышеобъявленному воеводе князю Прозоровскому, дабы те взятые шведские суда починя, поставил в удобном месте; а бывших на той акции офицеров велено переменить чинами, а солдат наградить деньгами...

1702 г.

...Государь по имеющимся тогда ведомостям как подтверждали, якобы неприятель намерен был отправить свой флот к городу Архангельскому.

Между тем же временем будучи в Ладоге с некоторою частию войска, окольничий Петр Апраксин уведомился, что шведский вице-адмирал Нумберс со шнявами и большими ботами в 5 судах ходил на озере от Кексгольма и Орешка для разорения по берегам Ладожского озера наших сел и деревень и монастырей.

По которым ведомостям посылал он полковника Тыртова с полком его в 30 лодках в Кексгольмский уезд, где несколько деревень разорили, и сошлись с оным вице-адмиралом на озере в тишь, и имели бой, на котором бою хотя оный полковник от неприятеля из пушки картечем и убит, однако ж наши люди из тех шкут шведских 2 сожгли, 1 потопили, 2 взяли, на которых было 6 пушек...

Июля в 15-м числе отправлен был изо Пскова от фельдмаршала Шереметева на Чудское (или Пеипское) озеро генерал-майор Гулиц с партиею в лодках, который июля в 19-й день на том озере сошелся со шведскими четырьмя шкутами и учинил со оными бой и одну из тех 4 шкут (называемую «Виват») [1] с пушками и со всеми припасами взял, но нечаянно оная взорвалась и потонула...

1703 г.

...В вечеру (первые числа мая) получена ведомость от наших караульщиков о приходе на взморье неприятельских кораблей, и что они, пришед к устью Невскому, учинили в городе лозунг о своем приходе двумя выстрелами пушечными (будучи в той надежде, что люди их в городе сидят), и для того по приказу фельдмаршала [2] велено в вечеру и по утру в нашем обозе стрелять из пушек шведский лозунг по дважды, чтоб на тех кораблях не дознаемо было помянутого города взятие; дабы сим их обмануть и каким над ними поиск учинить, что и удалось; понеже по тому лозунгу прислали с адмиральского их корабля бот или шлюпку для лоцманов. Из той шлюпки выходили солдаты и матросы на берег; и наши, которые на карауле, укрывся в лесу, были, одного из них поймали, а достальные ушли; который матрос сказал, что над тою пришедшею эскадрою командует вице-адмирал Нумберс. Потом пришли 2 шведские судна, шнява и большой бот и стали перед устьем на якорь для того, что опоздали и в устье войти не могли.

По которым ведомостям мая в 6-й день капитан от бомбардиров и порутчик Меншиков (понеже иных на море знающих никого не было) в 30 лодках от обоих полков гвардии, которые того ж вечера на устье прибыли и скрылись за островом, что лежит противу деревни Калинкиной к морю; а 7-го числа пред светом половина лодок поплыла ти-

---

[1] Для удобства чтения все названия кораблей и судов, вопреки оригиналу, даются в кавычках.

[2] Б. П. Шереметьев.

хою греблею возле Васильевского острова под стеною онаго леса и заехали оных от моря; а другая половина с верху на них пустилась. Тогда неприятель тот час стал на парусах и вступил в бой, пробиваясь назад к своей эскадре (также и на море стоящая эскадра стала на парусах же для выручки оных), но узкости ради, глубины не могли скоро отойти лавирами [1]; и хотя неприятель жестоко стрелял из пушек по нашим, однако ж наши, не смотря на то, с одною мушкетною стрельбою и гранатами (понеже пушек не было), оные оба судна абордировали и взяли; а мая 8-го о полудни привели в лагерь к фельдмаршалу оные взятые суда, бот адмиральский, именованный «Гедан», на оном 10 пушек 3-фунтовых да шнява «Астрель», на которой было 14 пушек. Людей на оных было всех 77 человек, из того числа побито: поручиков — 2, штурманов — 1, подштурманов — 1, констапелей — 2, боцманов — 2, боцманматов — 2, квартермистров — 1, волонтеров, матросов и солдат — 47; в полон взято: штурман — 1, матросов и солдат — 17, кают-юнг — 1.

И те полоненики сказали, что они с теми судами посланы были в город к коменданту Опалеву с письмами, и те письма найдены в тех судах; и тогда шведы... дознались, что для того у нас шведский лозунг стреляли и их задержали...

Мая в 30-й день за тою (никогда прежде бывшую) морскую победу было благодарение... с троекратною стрельбою из пушек и ружья, и при том командиры тоя партии, которые викторию получили, бомбардирский капитан и поручик Меншиков, учинены Кавалерами ордена святого Андрея, а потом спустя неделю и постельничий господин Головин, в той акции бывший, удостоен тою ж кавалериею, которая им наложена чрез адмирала графа Головина [2] (яко первого того ордена Кавалера), а прочим офицерам даны медали золотые с цепьми, а солдатам — малые без цепей...

1704 г.

...Между тем же получена ведомость изо Пскова от фельдмаршала Шереметева, что когда он, фельдмаршал, будучи во Пскове, уведомился подлинно о неприятельской эскадре, которую имел тогда неприятель на Пеипском (или

[1] Галсами, лавированием.

[2] Федор Алексеевич Головин (1650—1706), генерал-адмирал и генерал-фельдмаршал, сподвижник Петра I. Участвовал в Азовских походах 1695—1696 гг., командовал первой русской эскадрой на Азовском море. В 1699 г. возглавлял Военно-морской приказ, с 1700 г. руководил Навигацкой школой.

Чудском) озере, в 13 судах состоящую, того ради он, фельдмаршал, отправил изо Пскова генерал-майора фон Вердина с частию пехоты в лодках, чтобы при самом взломании льда вышепомянутую эскадру из устья Амовжи, где уведомился от взятых рыбаков, что оная эскадра уже в курсе от Дерпта обретается, и по тем ведомостям пошел к неприятелю навстречу и, встретя... против городка Кастерска, вступил с ним в бой, на котором... оных неприятелей так побили, что ни едино судно не ушло; но все с людьми, пушками и амуницию в руки нашим достались, только одна яхта, именуемая «Каролус», от метания гранат взорвалась... Итого 13 судов, на них пушек — 98. На вышеписанных судах в полон взято... всего всех чинов — 138. А прочие побиты...

1705 г.

...**Реляция.** Июня в 4-й день поутру... увидели неприятельский флот, на всех парусах идущий к Котлину острову, состоящий в 22 кораблях, в том числе 7 кораблей линейных от 54 до 64 пушек, 6 фрегатов от 28 до 36 пушек, 2 шнявы, 2 бомбардирских, 2 брандера, еще два судна по 40 пушек плоскодонные, одно судно с провизиею. Командовали тем флотом адмирал Анкештерн, вице-адмирал Депроу, шаутбенахт [1] Шпар и, не дошед до Кронштлота с милю небольшую, стали на якорь; а около 10 часа пред полуднем из оного неприятельского флота 6 фрегатов, подняв парусы, пошли под самые пушки кронштлотские (також фрегатов наших и галер, стоящих у оного) к нашим пловущим рогаткам, которые на якорях лежали поперек фарватера между косою кронштлотскою и Котлина острова, и как стали приближаться, то из наших галерных пушек да с батареи, именуемой святого Иоанна, оных встретили, от чего немедленно поворотились... к большому флоту. И пошли к Копорскому берегу, и высадили на берег 1000 человек, некоторые небольшие жилья там пожгли.

На другой день, то есть июня в 5-й день поутру... изрядная погода; около 8 часа неприятельский флот весь начал приближаться к нашей эскадре и стал на якорь от нас в пушечном выстреле; а шаутбенахт Шпар со своею эскадрою стал у Котлинской косы... близ берега (где имел пост

[1] Шаутбенахт (от голландского: шау бе нахт — смотри ночью) — первый (младший) адмиральский чин, соответствующий контр-адмиральскому. Начальник в этом звании, находясь в походе на корабле (головном), следил за обстановкой. Чин шаутбенахта имел Петр I.

полковник Толбухин с одним только полком и тремя полковыми пушками) и палил из пушек своей эскадры на тую косу довольно; однако ж ни малого повреждения оною стрельбою нашим не учинил, для того что помянутый полковник Толбухин во время той стрельбы людям велел лечь; а пред полуднем в 11 часу неприятель под тою стрельбою, посадя людей своих в боты и шлюпки, под командою полковника Нирота пошел к берегу; и как близко подошли и стали выходить на берег (и уже 128 человек гренадеров вышло на берег, а прочие за ними поспешили с рогатками), тогда наши, встав, начали по ним стрелять, как из мелкого ружья, так и из трех пушек дробью, от чего неприятель пришел в конфузию. И тут их на месте осталось с 40 человек да в полон взято 31 человек (между которыми несколько человек было офицеров), а остальные с берега побежали в той конфузии на свои суда, и будучи в такой конфузии те свои суда опрокинули, от чего многое число их потонуло. И между тем из наших помянутых трех пушек огонь непрестанно продолжался, от которого в ретираде неприятель також немалое число людей своих потерял. И взяли нашу одну шлюпку, да 8 чухонских ботов с амуницией, с провиантом и прочим багажом.

(В то время взятые шведские офицеры между протчими разговорами сказывали, что пред несколькими днями шведский генерал Мейдель был у адмирала Анкерштерна на корабле, где они согласились, чтоб адмиралу Анкерштерну флотом овладеть Котлин островом и эскадру росскийскую разорить; а генералу Мейделю, пришед к Петербургу, оным овладеть же и учинить им между собою коммуникацию; однако ж то их намерение не сбылось, но со стыдом и с великим уроном людей своих принуждены отступить, как ниже помянется.)

Июня в 6-й день неприятель... атаковал нашу линию и батарею святого Иоанна, но то не долго было, ибо принуждены были ретироваться. Тогда одного человека у нас убили да 6 человек ранили... От 6 до 10 числа неприятельские флагманы имели консилии, а в 10-й день неприятель на батарею святого Иоанна и на нашу авангардию довольно из пушек стрелял и бомбы и гранаты метал; однако нашим никакого вреда не учинили, только им с наших батарей и с кораблей... жестоко докучали пушечною стрельбою. Потом стала быть тишь, и неприятельский флот стал назад отходить. И для того командующий наш вице-адмирал Крюйс распустил красный флаг на своем корабле... також и комендант в Кронштоте; против чего и адмирал Анкерштерн спу-

стил свой шведский флаг и стал подымать красный и, не дотянув... спустил, а наш вице-адмирал на своем корабле тот флаг держал до самого вечера и поставя свои корабли в одну линию с галерами против неприятельских бомбардирских кораблей... Увидя, неприятель едва успел те бомбардирские корабли шлюпками своими ко флоту своему прибуксировать. Потом наши, приближась своими бомбардирскими судами, начали на эскадру вице-адмирала Депроу бомбы бросать, от чего принужден он со своими кораблями завозом выбираться, а вся его эскадра — отступать... После того с неприятельского флота ни одного выстрела не было, а с наших галер по неприятельскому флоту непрестанно стреляли. Наших людей в то время убито матросов и солдат 13 человек да ранено 19 человек.

В 11-й день неприятельский флот начал отступать и с бомбардирских судов мортиры выгружать, для того что оные от наших пушек разбиты, и другие свои корабли починивали. А наши в то время расставливали по пристойным местам привезенную тогда из Санкт-Петербурга артиллерию. В то же время получена о генерале Мейделе ведомость, что он к Петербургу с войском приближался, и для того изо флота нашего отпущено в Петербург 2 шнявы и 7 галер.

В 15-й день было тихо, и все флагманы были на корабле у шаутбенахта Шпара в гостях, где на литаврах и трубах довольно играли... С батареи, именуемой святого Иоанна, из одной пушки и гаубицы выстрелили по кораблю адмиральскому, и так трафило, что с того корабля разные галереи сшибло... Потом того же часа изо всех мортир и пушек, привезенных из Петербурга, по адмиральскому и шаутбенахтскому кораблям вдруг стали стрелять, от чего неприятель пришел в великую конфузию, и спустя паруса шлюпками назад буксировались, и всеми мерами трудились, чтоб от наших пушек и гаубиц отступить свободно, чтоб до них не доносило; и так отступили, что не возможно было уже из наших мортир и пушек их достать.

В 16-й день неприятель, стоя поперек фарватера от нашей линии в 3 верстах, починкою в своем флоте исправлялся даже до 21-го числа.

В 21-й день пришли в наш флот из Санкт-Петербурга еще 2 бомбардирских шмака; тогда командующий вице-адмирал Крюйс велел галерам якори вынимать, что видя, неприятель минуты в 4 со всеми судами... пошел; а с плоскодонного их судна, подошедшего к батарее нашей, выпалили изо всего нижнего лага, потом другою стороною выпалили

другим лагом и на последни — из двух задних пушек, и потом пошли в море.

Июля в 5-й день уведомились наши от пойманных мужиков, что неприятель с флотом своим стоит у Березовых островов и при нем много мелких судов и плотом связано... Наши по тем ведомостям також начали укрепляться и расставили кругом острова в пристойных местах артиллерию и распорядили людей, и к полковнику Толбухину на косу людей прибавили.

В 14-й день по полуночи в 3 часу увидели... неприятеля в 24 судах, идущего подле Выборгского берега; а около 5 часа отделили от флота 4 корабля линейных и пошли к зюйду около Котлина острова; а адмирал Анкерштерн с большим флотом стал к северу (или к норду) Котлина острова и отправил 2 шнявы вперед, которые стали на якорях в 4 саженях воды; а флот... весь с мелкими при себе имеющимися судами расставил в полкруга, також и помянутые 4 корабля равно же стали у зюйда и пошли к острову, сколько глубь допустила. Тогда от нас по кораблю адмиральскому из 5 пушек выстрелили по его водяной линии, так что он того же часа пушки свои принужден был со стороны на сторону перетаскивать для наклонения корабля... По полуночи в 6 часу неприятель начал всею своею силою из верхних и нижних пушек с обоих сторон с кораблей против острова стрелять. Однако нашим никакой вреды не учинили, от того что две тысячи двести человек солдат под командою полковника Толбухина лежали на земле в прикрытом месте, и по неприятелю ни единого выстрела не было. А пред полуднем неприятель, посадя людей своих в мелкие суда, послал к берегу; и как они подошли недалеко от берега, тогда наши по неприятелю жестоко из пушек стреляли; а как оные пришли к берегу гораздо ближе, их взяли в мушкетную стрельбу; а как стали выходить, воды им было выше колена... в некоторых местах глубже, а иные и дна не доставали, иные же по горло в воде... Из наших 15 пушек непрестанно стреляли ядрами и картечами, от чего оные неприятели пришли в конфузию. И хотя из них некоторые вышли было на берег, однако ж оные в той конфузии все побежали назад на свои суда, из которых... многие опрокинулись, и тогда 35 человек неприятелей на берег наши выхватили; а в 1 и 2 часу неприятель со всем флотом стал назад подаваться, тогда стрельба перестала. Неприятельских судов было ботов и шлюпок 29. Того же числа к берегу принесло с 400 человек мертвых неприятельских тел, тогда же

взято в полон 3 капитана, 2 поручика, 2 прапорщика, 7 унтер-офицеров да рядовых 21 человек.

В нашем траншаменте убито 29 человек да 50 ранено.

В 15-й день по полуночи во 2 часу неприятельский флот пошел прочь; а с нашего берега оных бомбами провожали; а которые 3 корабля близ острова стояли, принуждены были канаты свои отрубить.

Августа в 19-й день командующий вице-адмирал Крюйс за тем шведским флотом пошел с галерами с полтретьи мили от острова; и как стали близко крейсеров шведских в выстреле, тогда с одного корабля по нашим галерам стреляли из пушек... Ветер так силен был, что наши галеры против воды на веслах идти не могли, и тогда по таком трактовании неприятелю пощастило от нас уйти.

Наших тогда убито 3 человека да ранено 13 человек.

...Во время всего того действия неприятелей в полон взято 66 человек... 1 шлюпка, 8 чухонских ботов с амуницией, с провиантом и прочим багажом.

Да по отходе неприятельском побитых тел, которые остались на берегу, и потоплых, которых принесло к берегу, перечтено 450, кроме тех, которые потонули, на море унесло и которые после из воды вытасканы... Неприятели взятые сами сказывали, что с 1000 человек во время того действия всех пропало. Тогда же по берегу и в воде найдено 500 фузей, которые заряжены пулями, рассеченными на четверо и обвитыми лошадиными волосами, да сверх обыкновенной пули еще по 4 пули небольших.

Наших матросов и солдат во все то действие убито — 46 человек, ранено — 88.

Наших кораблей тогда было не много, и те гораздо малопушечны, а именно: «Олифант», «Думокрахт», «Кроншлот», «Стандарт», «Нарва», «Петербург», «Шлютелбург», «Михайло Архангел» (все 24-пушечные); шнявы: «Дерас», «Яким», «Мункер», «Копорье», «Фалк», «Иван-город» (12-пушечные); 2 брандера; 7 галер больших...

1706 г.

Октября 12-го дня отправлены были Преображенского полка сержант Михайла Щепотьев, да бомбардир Автоном Дубасов, да 2 от флота унтер-офицера Скворцов да Наум Синявин на малых пяти лодках с 48 человеками командированных солдат и гренадеров к торговым шведским кораблям, которые тянулись от города в море.

...Но пока лодки сыскивали, тем временем оные корабли

пооттянулись дале, потом стал быть туман, и скоро ночь наступила... Посланные... наехали на адмиральский бот... «Эспер», на котором было 5 офицеров, 103 человека солдат и 4 пушки... Бот оными лодками атаковали и взяли, побив большую часть людей, а достальные ушли под палубу, где наши их заперли. Потом пришел на ту стрельбу другой бот им на выручку, который наши из пушек со взятого бота отбили и взятый бот привезли к лагерю. На сем бою наших от 48 человек остались 18 живых и в том числе только 4 нераненых. Из неприятелей побито... 2 капитана, 2 поручика, 1 прапорщик да солдат... 73 человека... живых взято в полон 23 человека солдат и трое женских персон... Сия неслыханная акция с великим мужеством учинена, ибо атаковали и взяли неприятеля вдвое сильнее себя и в таких малых лодках, между которыми только одна была такая, что 15 человек уместилось, а в прочих по 7 и по 5 человек; а привезли наши 18 человек с ружьем 23 человека неприятелей. А из вышереченных 18 человек 4 нераненых да 4 или 5, которые легче были ранены, так что могли помогать, а прочие поистине так тяжело было ранены, что с мертвыми лежали на палубе...

1714 г.

...В 19-й день (июнь) в полдни приехал в наш флот поручик Мишуков из шведского флота, который туда был послан с письмами, и рапортовал, что он встретил... шведские корабли в четырех милях от Наргена и посланные с ним письма хотел отдать самому шведскому вице-адмиралу Лиллию, который тою эскадрою командовал. Но он ему себя видеть не допустил, и держали его, Мишукова, на корабле у капитана и писем не приняли долго... Как он мог приметить из разговоров того капитана, что они посланы были из главного флота от Ангута от командующего их адмирала Ватранга, чтоб осмотреть наш флот, в какой силе оный состоит. И когда тот Мишуков спрашивал их, сколько имеют во флоте кораблей, и тот капитан сказал, что кроме сих 6 имеют у Ангута 13 кораблей, в которых есть от 60 до 80 пушек... Шкипер, посланный от Мишукова, между прочими разговорами от шведских офицеров и матросов, когда он был у вице-адмирала Лилия на корабле, тоже слышал о кораблях, кои у Ангута...

В 27-й день пришел бригаптин от адмирала графа Апраксина с письмом, что неприятель стоит у Ангута, и им с галерами пройти невозможно, и чтоб кораблями нам сделать

диверсию неприятелю для галерного прохода. Буде же того учинить нельзя, чтоб командир от кораблей приехал сам к галерному флоту для совета и осмотрения места, каким бы образом оное учинить.

В 28-й день был консилиум капитанов... о том адмиральском письме, где не советовали делать с моря диверсию для того, что всего надежных было 2 корабля, а протчие купленные — неходкие... Ежели б пришли близко, то трудная была бы ретирада, а ежели появиться издали, то только б был смех неприятелю. Но положили ехать шаутбенахту [1] в галерный флот, а капитан-командору Сиверсу с штурманами в шхерах вымерять глубину, не можно ль пройти к Апгуту кораблями и, случась с галерами, неприятеля отбить от Ангута...

В 30-й день пришли тялки с провиантом под командою порутчика Нелидова...

Июля в 4-й день от Ревеля шаутбенахт корабельный поехал на фрегате «Св. Павел» к Елзинфорсу... за ним последовали шнява «Принцес» и две галеры да для провожания два корабля «Рафаил» и «Ланздоу»...

В 5-й день в шестом часу поутру в виду от Елзинфорса, например, меньше трех миль были, и понеже лавировать к шхерам опасно было... поворотились... к Ревелю во флот в десятом часу. Того же времени пришел другой бригантин от адмирала с ведомостью, что он с галерным флотом прибыл в Тверминду, а неприятельский флот стоит от того места в двух или трех милях у урочища Ангута, стоящий в 20 кораблях, и при них одна шнява, прам, два судна бомбардирских и восемь галер и несколько провиантских судов...

В 12-й день капитан-командор Сиверс отправлен с штурманами в финские шхеры...

В 17-й день пред полуднем пришел купленный из Голландии корабль «Перл» о 50 пушках.

В 18-й день поутру, получа способный ветер, поруча команду над корабельным флотом капитан-командору Шелтингу, пошел государь на том же фрегате «Св. Павел» к Порколу... Прийдя к шхерам, сел на полугалеру (а фрегат отпустил к Елзинфорсу) и прибыл к Порколу того же дня в 8 часу пополудни, и тут ночевал.

В 19-й день поутру в 7 часу пошли в путь... и того же дня в вечеру пришли к Баю Тверминдскому в первом... часу пополудни, и тут ночевали.

---

[1] Петр I.

В 20-й день поутру в 8 часу пришли во флот к адмиралу...

В 21-й день Его Величество ездил морем рекогносцировать неприятельский флот...

В 22-й день ездил сухим путем на Ангут для рекогносцированья же неприятельского флота... Как с моря, так и с земли оного сочли (без крейзеров, которых было 6): 13 линейных кораблей, 4 фрегата, 1 блокгоус, 2 бомбардирских галиота, 2 шнявы, 6 больших и малых галер; три судна за островом видны были, как наши русские бригантины, а подлинно рассмотреть было невозможно. Командиры над флотом были один адмирал, вице-адмирал, 2 шаутбенахта.

В 23 и 24-х числах ездили и осматривали переволоки и нашли оную, которая только 1170 сажень трехаршинных от Вереминского залива до другого, который по вестную (западную) сторону Ангута... По смотру велено мост делать, дабы несколько легких галер перетащить и пропустить для действ и тем бы неприятеля привесть в конфузию...

Июля в 25-й день (то есть в воскресенье) пополудни слышна была немалая стрельба в море... С брандвахты рапортовали генералу-адмиралу, что та стрельба была от крейзеров неприятельских... Потом в 14 парусах шведский вице-адмирал Лиллий пошел в море и пришел ко оным крейзерам... Шаутбенахт корабельный просил адмирала, дабы его отправил с частию галер к брандвахте... и... отправлен к ближним островам с тридцатью пятью галерами... Когда помянутый шаутбенахт прибыл к своему караулу и осмотрел, что шведский адмирал Ватранг с шестью кораблями линейными и с тремя фрегатами стоит на старом месте, а помянутый вице-адмирал идет на зюйд-ост, при котором и бомбардирские галиоты... стали думать, что или к Ревелю, или к нам в Тверединд есть неприятельское намерение (ветер тогда был тих и непостоянен)... Тот час генерал-адмирал письменно рапортовал — (шаутбенахт Петр I) — и при том просил, дабы к утру сам к нему был для летучей обсервации.

В 26-й день генерал-адмирал к тому месту прибыл, а шведский вице-адмирал Лиллий, вышед из шхер от Ангутского устья, поворотил в Тверединдское. Тогда уже подлинно узнали, что неприятельское намерение не к Ревелю, но в Тверединд... Послали указ, дабы весь флот готовился выходить из узкого места, где стояли, дабы неприятель не запер в Авангуте, видя свободный обход. Взяли резолюцию послать 20 галер, проехать мимо неприятельского флота (понеже было тихо), что и учинено под командою капитана-командора Змаевича да бригадира Волкова и капитана Бредаля. Неприятель тот час знак дал к походу и стал буксировать, как возможно; а особливо адмиральский корабль шлюпками и ботами буксировали скоро и на наших зело много стреляли, однако ж не вредили их ядра... Когда... наши первые посланные прошли, послали достальные 15 галер, которые тут были с бригадиром Лефортом и с капитанами Дежимонтом и Грисом, которые також... счастливо огребли... Потом шведский адмирал поднял белый флаг для возвращения своего вице-адмирала. В то же время, когда отправляли галеры, получена ведомость, что явились один фрегат и шесть галер и два шхербота неприятельских близ того места, где намерены были мост делать, тогда оба флагмана поехали от того места назад к галерному флоту, а капитану-командору Змаевичу послан указ — велено их атаковать. Но стало того дня поздно: вице-адмирал возвратился и соединился с флотом своим... Понеже генерал-адмирал с шаутбенахтом корабельным (который тогда перешел в галерный флот) между собою были не в ближнем расстоянии, а наипаче разлучила их темнота ночная, того ради в ту ночь 27-го числа июля между помянутыми флагманами была пересылка чрез тайного кабинет-секретаря Макарова... По той пересылке положено с галерным флотом пробиваться сквозь неприятеля.

И в 27-й день поутру генерал-адмирал граф Апраксин со всем при нем бывшим флотом с полуночи пошел и того же утра приближался к неприятелю. Указ дал пробиваться сквозь оного, не огребая кругом, что с помощию божею и учинено. И так безвредно, что только одна галера стала на мель, которую неприятель взял... Прочие все как суда, так и люди без вреда прошли, хотя со всего неприятельского флота стреляли по нашим надмеру жестоко, от которой стрельбы у одного капитана ногу отбили... Когда адмирал прошел, тогда рапортовал его капитан-командор Змаевич, что он блоковал неприятеля... Когда генерал-адмирал в то место прибыл и, учредя флот к бою, послал генерал-адъютанта Ягужинского к командующему тою шведскою эскадрою шаутбенахту Эрншильду, чтоб оный отдался; на что он сказал, что того учинить не может... Видя их упорство, генерал-адмирал дал сигнал авангардии нашей оного атаковать... Атака началась в третьем часу по полудни и продолжалась даже до пятого часа... Хотя неприятель несравненную артиллерию имел пред нашими, однако же, по зело жестоком сопротивлении, перво галеры одна по одной, а потом и фрегат взяты. И так крепко неприятели оборонялись, что

ни единое судно без абордирования от наших не отдались. Шаутбенахт, спустя флаг, скочил в шлюпку со своими гренадерами и хотел уйти. Но нашими пойман, а именно Ингерманландского полка капитаном Бакеевым с гренадерами. Воистину нельзя описать мужество наших как начальных, так и рядовых. Понеже абордирование так жестоко чинено, что от неприятельских пушек несколько солдат не ядрами и картечами, но духом пороховым разорваны...

В 31-й день ветер был поутру зюйд-вест... Того же дня с вечера явился знак, по которому приметили, что будет немалый шторм...

Сентября в 1-й день к утру надмеру жесток стал, от которого на кораблях немалая вреда учинилась...

Во 2-й день поутру, как стало тише, флот вышел в Березовые острова...

В 3-й день стояли в островах для того, что был противный ветер, и в то время распорядили, как идти со взятою шведскою эскадрою к Кронштлоту.

В 4-й день поутру пошли... и в третьем часу пополудни пришли к Кронштлоту, где по обычайной салютации еще дважды для виктории с крепости стреляли... С командорского корабля ответствовано... перво из 23, а другой раз изо всех (пушек)... Потом приехали на командирский корабль генерал-фельдмаршал князь Меншиков и несколько иных знатных персон...

В 6-й день флаг командирский опущен с обыкновенною салютациею, и корабли велено вводить в гавань, а со взятою эскадрою и с шестью нашими галерами того же утра пошли к Петербургу. Того же дня к вечеру вошли в устье Невское и ночевали против Катерингофа...

В 9-й день поутру... пошли к Петербургу сим образом: перво три наши галеры, потом взятые шведские суда... (три шхербота и шесть галер, потом... фрегат), за ними командирская галера и еще две наши галеры... Когда пришли против слобод, везде распущены были флаги и убраны были ворота, также во многих домах стрельбою поздравлены... С Адмиралтейской и Петербургской крепостей, перво обыкновенно, а потом дважды, изо всех пушек салютовано, которым все три раза с командирской галеры ответствовано из всех же пушек; потом с судов сошли и взятые флаги внесли, и пленных ввели в город, а взятые суда поставлены перед площадью на большой Неве реке (так как они стояли в ордер баталии)...

За сию кампанию и взятье шаутбенахта шведского шаутбенахту корабельному объявлен чин вице-адмирала... также

и протчие штаб- и обер-офицеры за ту службу награждены золотыми медальми, каждый по препорции своего чина, а рядовые серебреными медальми и деньгами...

1719 г.

...Между тем же временем (в мае) известие получено, что из Швеции отправлены 3 корабля для провожания хлеба из Пилау в Стокгольм... Капитан-поручик Александр Апраксин, будучи... с двумя кораблями «Самсоном» и «Ландоу»... услышав об отправлении помянутых неприятельских 3 кораблей, приехав, то же подтверждал. Того ради в 10-й день отправлен капитан Наум Синявин для поиска над оными с четырьмя российскими кораблями, и велено ему идти к Пилау и Данцигу, где их застать может.

А в 30-й день, то есть в день рождения Его Величества, поутру получена ведомость от капитана Наума Синявина с корабля «Порчмоута», что он с теми неприятельскими кораблями имел счастливый бой, а каким образом, тому следует реляция.

Реляция

Того же мая против 24-го числа в полночь увидели... три судна... между (островами) Эзель и Готланд, за которыми, сделав сигнал своей эскадре, роспустя все парусы, пошел в начале третьего часа; и как стал свет, осмотрели, что два корабля и один бригантин, до которых в начале 5 часа со своим кораблем (и другой корабль при нем[1] «Девеншир») дошли в пушечную стрельбу под шведскими флагами и выпалил ядром из пушки, чтоб показали свои флаги. И тогда шведский командорский корабль... флаги свои поднял. Тогда он шведский флаг спустил и поднял брейд-вымпел и флаг российский и, учиня сигнал к бою, начал биться против командорского корабля... Бились друг против друга от 5 часов... до 9... Стрельбою... марсопоры неприятель у него, Синявина, перебил... Тот командорский корабль взял у него перед, а задний шведский фрегат нашел на него. И тогда он стал против его носа боком и со всего исподнего дека запалил из пушек картечьми, отчего оный того часа, также и бригантина флаги свои спустила и отдалися... Командор шведский расставил все парусы и пошел на уход. И он (Си-

[1] Имеется в виду Н. А. Синявин; вся реляция написана от третьего лица.

нявин) сделал сигнал достальным своим кораблям, на которых были капитаны Шапизо и Деляп, чтобы за ним гнали и оного абордировали... А как он исправился со своим кораблем и со шнявою «Наталиею» (оставя капитана Зотова с кораблем «Девенширом» у взятых фрегата и бригантины), за помянутым командором туда же в погоню пошел... В начале 12 часа помянутые капитаны Шапизо и Деляп командорский корабль догнали и оного стеньги сбили, а тако оный также флаг спустил и сдался. Сие... учинено без великой траты наших людей. А как взятым кораблям имена и что на них взято... тому при сем реестр.

Командорский корабль «Вахтмейстер» в 52 пушки... фрегат «Карлскронваген» 33 пушки... бригантин «Бернгардус» 12 пушек... На вышеупомянутых кораблях обер-офицеров 11... унтер-офицеров 41... солдат и матросов 335...

Июня в 1-й день в 10 часу поутру государь взошел на корабль «Ингерманланд», где тот час поднят был вице-адмиральский флаг...

В 9-й день пополудни в 5 часу во флоте, стоящем у Кронштота, сделан сигнал к выниманию якорей; а в 9 часу корабельный флот пошел к Ревелю... А адмирал с галерным флотом пошел своим курсом в Финляндию...

В 17-й день... Пришли в 12 часу к Ревелю (где была эскадра под командою капитан-командора фон Горта) и в 1 часу пополудни стали на якорь. В то время приехали на корабль к Его Величеству капитан-командор фон Горт с морскими офицерами. Тогда капитан Наум Синявин, который командовал при баталии морской 24 мая, пожалован в капитан-командоры; капитанов 3 ранга Зотова, Шапизо во 2 ранга; капитана-поручика Деляпа в капитаны 3 ранга. Им же за взятые корабли, по уставу морскому, пожаловано денег 11 000 рублев, которые велено им разделить по пропорции их чинов. Им же пожалованы по рангам золотые медали. И тогда командор новый Синявин поставил на своем корабле брейд-вымпел и благодарил из 13 пушек. А потом Его Величество был в гавани и смотрел взятые шведские воинские корабли...

1720 г.

...Августа в 6-й день получена зело изрядная ведомость от генерала князя Голицына из Финляндии, от острова Сандо, с галеры «Февры» чрез майора Шипова, (июля от 31 дня) о счастливом бое в Лameланде при острове Грейнгам со шведами... Было их 1 корабль, 4 фрегата, 3 галеры, 1

шнява, 1 галиот, 3 шхербота, 1 бригантин... Из оных 4 фрегата... от российских галер в 27 день взяты. А каким образом то действо было и сколько на оных кораблях людей в полон взято, а также при том сколько наших побито и ранено, тому при сем следует обстоятельная реляция.

...Июля 24-го числа, когда он, генерал князь Голицын, услышал, что неприятели при Лameланде обретаются... тогда пошел в 61 галере и в 29 лодках... 25-го числа следовал он к Лameланду. И как пришел к острову Мюлкее, тогда послал пред собою для осмотрения неприятеля капитана-командора от флота Дижимона на шлюпках, который, возвратясь, рапортовал ему, генералу князю Голицыну [1], что видел у острова Ризаеран одну неприятельскую галеру, стоящую на карауле... 26-го числа ездил он для осмотрения неприятеля сам; и как подъехал в такую дистанцию, что можно видеть, тогда усмотрел у острова Ризаеран две галеры, которые, увидя его, ретировались... к своим, кои стояли позади их у острова Фрисберга... 27-го числа... он учинил воинский совет, на котором положили, чтоб немедленно выйти к острову Гренгам (где было место для наших галер способное), и ежели ветер будет тише, а неприятель не уступит, то его абордировать. И как он в тот гавань вошел, тогда вышепомянутые неприятельские суда и еще прибывшие с вице-адмиралом Зейблатом на парусах все пошли к нашим в пролив, чего не чаяли... Генерал князь Голицын... уступил в прежний свой гавань, а неприятель за ним же... И когда он усмотрел, что неприятель так далече за ним в пролив зашел, в котором много мелей и каменья, тогда начал его абордировать... Как стали близко к неприятелю пригребать, тогда неприятельских два фрегата, разворачиваясь для стрельбы, стали на мель, а прочие два фрегата уходили на парусах. Но все четыре, как стоящие на мели, так и идущие на парусах на свободной воде, по жестоком бою абордажем взяты (у которых снасти от стрельбы нашей перебиты)... Достальные неприятельские суда, из которых на одном был вице-адмирал, ретировались... Абордировать их не могли, понеже уже вышли в море из шхер, и погода стала прибавливаться — (суроветь), — и волны стали быть велики. Но... стрельбою их гораздо повредили так, что от кормы вице-адмиральского корабля видели доски, отбитые... И тако... полная вик-

[1] Михаил Михайлович Голицын (1681—1764), русский генерал-адмирал (1756 г.). С 1726 г. советник Адмиралтейств-коллегии. В 1737—1740 гг. ведал строительством флотилии на Дону. С 1748 г. главнокомандующий русским флотом. С 1750 по 1761 г. президент Адмиралтейств-коллегии.

тория над неприятелем получена, и оные фрегаты и на них полоненных отправил в Петербург...

Всего на вышепомянутых 4 фрегатах взято офицеров и прочих морских служителей, также и сухопутных — 407. Убито — 103. Пушек разных калибров взято 104.

На тех же фрегатах взято пушечных ядер, картечь, ручных ядер, пороху и прочей амуниции не малое число.

При вышеописанном абордировании на российских галерах людей побито, ранено и опалено... 328.

...Сентября в 8-й день приведены в Петербург взятые шведские фрегаты со следующим триумфом... и для сего триумфа учинена была одна изрядная пирамида... на Троицкой площади... При вводе оных фрегатов из Санкт-Петербургской и Адмиралтейской крепостей стреляно из стольких пушек, сколько на оных взято...

В 30-й день к генералу князю Голицыну за полученную над неприятелем во взятии вышепомянутых 4 фрегатов в знак воинского его труда послана шпага золотая с богатым украшением алмазов, да трость с алмазным же убором... Штабу и обер-офицерам, на той баталии бывшим, — золотые монеты с цепьми, а унтер-офицерам и рядовым... деньги по морскому регламенту; а вышепомянутый присланный от него майор — (Шипов) — пожалован за ту викторию через чин из майоров в полковники...

МОРСКИЕ ЖУРНАЛЫ

Журнал Н. А. Синявина
1705 г.

Май. Из Петербурга флот пошел на море 7-го дня. К Кронштлоту пришли в 9-й день.

---

[1] В подборку «Морских журналов» вошли походные записки, взятые из двух книг: «Материалы для истории русского флота» (С.-Пб., 1866) и «Материалы для истории Гангутской операции» (Петроград, 1914). Ее составили выдержки из трех «Морских журналов». Первый — Наума Акимовича Синявина, одного из первых капитанов, а затем адмиралов иностранцев, родоначальника флотской династии Сенявиных. Второй — Федора Матвеевича Апраксина, генерал-адмирала; в разные годы являлся главным начальником Адмиралтейского приказа, президентом Адмиралтейств-коллегии. Третий — шведского адмирала Густава Ватранга; в Гангутском сражении (1714 г.) он возглавлял сильный корабельный флот, потерпевший сокрушительное поражение от русского галерного флота под командованием Ф. М. Апраксина.

Июнь. Шведский флот пришел к Кронштлоту в 4-й день. Приступали на остров в 6-й день. Ко флоту российскому приступали в 10-й день. У них было во флоте: ...адмирал Анкерштерн, корабль 60 пушек; вице-адмирал Депроу—54; шаутбенахт Спар — 48; 1 корабль — 36; 2 — 28 и 36; 2 — по 54; 3 флейта, 2 шнявы, 2 бомбардира, 4 гальота... Всего было 15 кораблей о трех мачтах и датский шкут для торговли.

Шведский флот пошел от Кронштлота в 21-й день.

Июль. В 14-й день пришел флот шведский и стал на мысу, и из пушек били по батареям часов 8 или 9, и на остров на лодках приступали.

И в тот приступ... их побили с 300 человек, а в полон взяли 1 капитана, 1 поручика, квартирмейстера полкового, 25 человек солдат. А было их на приступе 1630 человек.

20-го дня шаутбенахт * во флот пришел с тремя галерами.

22-го дня вице-адмиралу ** отдали той-тоу (пушку) в 7 с половиной дюймов.

Август. В 17-й день, т. е. в субботу, явился на море шведский корабль; и стала быть тихая погода. Пред вечером наши 7 галер пошли в море к тому кораблю и ночевали за рогатками.

В 18-й день, за три часа до полудни, начался быть бой у наших галер с кораблем. И был бой часа с три. И в тот случай стал ветер, и от того ветру наши галеры возвратились назад, а корабль пошел в море далее. На том бою у капитана Луки Демьянова в галеру пришло 5 ядер; у него же ранено 15 человек, убито 5. У капитана Мулина пробита галера в трех местах. При той акции был и вице-адмирал, токмо не под своим флагом.

Во флоте от г. шаутбенахта в праздники или воскресные дни становится на корме, на правой стороне, флаг; да на носу два по сторонам. А у капитанов по одному на корме на левой стороне...

1706 г.

...Я пожалован в боцманматы.

Апрель. В 4-й день лед тронулся под городом.

В 15-й день шнява «Мункер» вышла на большую реку... но сорвало с двух якорей льдом; ночевали у адмиралтейского двора.

---

* Боцис. Он же далее называется галерным шаутбенахтом и греческим.

** Крюйс.

Флот пошел на море в 23-й день, т. е. во вторник.

Г. капитан-командор * пришел на своей шняве «Мункер», — и при нем 7 шняв и брандер и несколько бригантинов, — к Кронштлоту того же числа.

Г. вице-адмирал пришел к Кронштлоту с другими фрегатами в 24-й день.

Четыре галеры пришли к Кронштлоту 26-го дня, т. е. в пяток.

Шнява «Мункер» с двумя шнявами пошла к устью в 30-й день.

Май. Затмение было солнцу в 1-й день, в половине дня; как все изошло... того времени было меньше четверти часа... Солнце зашло, и в это время была как самая сущая ночь.

В 7-й день г. капитан-командор пошел на шняве «Мункер» (и при нем одна шнява) на брандвахту... Отошли верст на 15... В те часы пришли 7 кораблей шведских; и мы того ж числа возвратились во флот свой.

В 14-й день г. адмирал ** приехал из С.-Петербурга на бригантине и перешел на шняву «Мункер»; и того ж числа пошли в путь свой. Против Поповой мызы бросили якорь и ночевали...

Август. В 7-й день... шведский корабль пришел к нашему крейсеру под белым флагом на фор-стеньге, и когда наш крейсер увидел белый флаг, тогда поднял... белый флаг на грот-стеньге при едином выстреле.

В 18-й день г. вице-адмирал получил ведомость, что г. адмирала Головина не стало; и в то число поднят был у вице-адмирала его адмиральский флаг с крестом, на грот-стеньге, с флагштока в половину. Потом из десяти пушек выстрелил, пушка за пушкою не часто. Потом опущен флаг в половину с флагштока на корме; также и на других кораблях...

1707 г.

Апрель. В 1-й день река прошла, т. е. среда.

Шнява «Мункер» вышла на большую реку (и прочие шнявы) в 23-й день.

В 26-й день шнява «Мункер» и прочие 7 шняв и 1 шмак пошли из С.-Петербурга на море и, вышед за вехи, стали на якорях... а при отходе от города выстрелили из 7 пушек.

Из Нарвы суда пришли к Кронштлоту в 27-й день.

---

* Государь.

** Граф Ф. А. Головин.

Май. Адмиральский корабль с 4 фрегатами пришел к Кронштлоту в 1-й день.

Шнява «Мункер» пришла к Кронштлоту в 1-й день в ночи; из пушек не стреляли.

Лука Демьянов послан на 4 бригантинах (на бригантине по 32 человека) на остров Березов в 1-й день в ночи.

В 9-й день г. адмирал * приехал во флот на английской яхте, под белым вымпелом, и ниже своего корабля бросил якорь. На шлюпке приехал на корабль, и как ступил на корабль, тогда распустили флаг его...

В 10-й день поутру рано 6 шведских кораблей показались; а после в полдень пришли и близко.

В 11-й день 4 фрегата и 4 шнявы и 1 брандер пошли на крейсерство. Командир был г. Шельтинг.

В 12-й день г. шаутбенахт приехал к нам на крейсер с 4-мя галерами.

В 13-й день наша шнява «Мункер» пошла за мыс Котлина острова и сошлась с 6-ю шведскими кораблями так близко, как борт видеть; а наш крейсер был назади верстах в 10. Воды было 13 сажен.

В 16-й день пришли во флот...

Июль. В 7-й день пошли на крейсерство.

Брат Иван Акимович приехал на новом судне во флот...

Октябрь. Во 2-й день 4 шнявы пошли на крейсерство...

В 9-й день г. адмирал вынул якорь и пошел, за ним вице-адмирал, за ним фрегаты, один за одним, за последним фрегатом наша шнява, за нею другая; и как поравнялся адмирал с адмиральским двором, тогда стали стрелять с крепости, после того с галер, потом с города, после от г. адмирала и от г. вице-адмирала, потом все вдруг...

В 31-й день пошли в Петербург. В сем походе были и госпожи дамы.

Ноябрь. В 4-й день Царское Величество пошел на русских бригантинах в Кронштлот. И как пришли к самому Кронштлоту в гавань, за быки, тогда оторвало ногу у Кирилы Рыбакова.

В 5-й день пошли в Петербург и того дня пришли.

В 13-й день река стала.

В 23-й день я пожалован в боцманы.

1708 г.

Март. В 1-й день поехал я из С.-Петербурга по указу на Воронеж.

---

* Ф. М. Апраксин.

В 24-й день приехал на Воронеж и того часа пришел в дом светлейшего князя. И в то время г. адмирал сказал мне, что Царское Величество пожаловал меня в поручики. То есть я пожалован.

Апрель. В 13-й день река пошла; т. е. во вторник.

В 16-й день, то есть в пяток, шнява «Мункер» из гавани вышла на большую реку. Из 7 пушек выстрелили, а с города тож число. Потом с адмиральского двора из 3, також и от нас из 3...

В 25-й день Царское Величество и с прочими приезжими гостьми пришел из Шлиссельбурга на буерах, и флагманы Его Величество встретили на шлюпках...

В 26-й день поутру загорелся дом губернаторский...

В 29-й день г. капитан-командор и при нем другие шнявы пошли от флота к Кроншлоту и, не дошед версты за две за умножением льду, кинули якорь... Как кинули якорь, тогда купали Ушакова и за недопускание до воды взяли 3 рубля денег; с Бориса Неронова за то ж 10 рублей.

Г. командор поехал в Кроншлот и, не доехав за версту, вышел на лед...

Май... В 6-й день г. шаутбенахт отправлен с 9 скампавеями да 7 русскими бригантинами в местечко Боргоу, при котором походе и я сам был...

В 10-й день пришли к Боргоу и вышли на берег версты за 3. И пошел первый батальон Луки Демьянова; второй подполковника Шмита; третий майора Микешина; четвертый, братнин, — которые были на русских бригантинах. И как пришли к мосту, тогда пошел подполковник с морскими гренадерами, у которых командовал Лука Демьянов, и в ту баталию, на мосту... гренадеры уступили назад...

В 11-й день поутру рано переехали на ту сторону, на которой местечко... Пошли строем. Тогда шведы побежали, а мы пришли... И при том местечке сожгли в разных местах 15 шкут...

Август. В 29-й день, т. е. воскресенье, генерал шведский Либекер перебрался чрез Неву на нашу сторону; а при том его переборе я был с двумя русскими бригантинами. И стреляли по моему бригантину со шведской батареи из 12 пушек, который пробит ниже воды 2 раза, и мачта перебита. И послан (корабль) в С.-Петербург с ранеными, а я со здоровыми взят на берег. И... была у нас баталия... И побито и ранено у нас 400 человек; у шведов, по счету, 300; а сколько раненых, про то неизвестно.

Октябрь. В 16-й день г. адмирал был под Сойкиною мызою для провожания генерала Либекера. Он, шведский генерал, уехал на флот свой, а на позициях оставил майора и с ним с лишком с 1000 человек, которых мы шпагою взяли. Я на той баталии был у гренадерской роты за капитана и ранен в правую ногу.

У нас на той баталии убито: подполковник Грос, майор Озеров, 6 человек капитанов и несколько солдат.

Ноябрь. В 13-й день в ночи, т. е. суббота, река стала...

1709 г.

Апрель. В 7-й день Царское Величество пошел с Воронежа в Азов...

1713 г.

Февраль. С квартир свели солдат на корабли в 5-й день.

Из гавани вышли 11-го дня.

От Копенгагена в Ревель пошли 22-го дня.

Март. В Ревель пришли во 2-й день...

Апрель. От Ревеля пошли 23-го дня, бросили якорь против Наргена.

В 24-й день пришли к Гогланду и за множеством льда против него всю ночь крейсировали.

В 25-й день... лавировали подле Гогланда.

В 28-й день в Ревель пришли... Того дня пошли на крейсерство капитаны Экгов и Бредаль.

В 29-й день назад возвратились.

В 30-й день послан я на крейсерство... Пополудни возвратились к Наргену, и тогда наши 2 фрегата, идущие из Риги под командою капитана Бранта, сошлись со мною у Наргена... и устроились в баталию. Я им показал флаг российский. Тогда они подняли флаги голландские... Я про то знал, что голландские фрегаты... не будут и... думал, что фальшь. Распустил все свои паруса и пошел к ним для подлинного известия, и тогда они флаги спустили и поставили российские флаги и из 3-х пушек выстрелили... Я им ответствовал таким же числом и пошел за Нарген остров к Ревелю, и они за мною... У Наргена ночевали. Того дня Копон Зотов с корабля упал, а корабль шел на парусах, однако ж поймали на шлюпке.

Май... В 8-й день против Лавенсара увидели 2 корабля... после того... 5 кораблей... Наш командор поставил тот сигнал, чтоб стали в ордер баталию по данному указу всякому капитану... Не дошед за полмили... показывал сигналы, данные ему от г. адмирала, и на те сигналы ему г. вице-адмирал ответствовал.

Потом пошли к ним и, не дошед в пушечной стрельбе, остановились на древель [1]. Наш командор позвал всех капитанов к себе сигналом на корабль и спрашивал у нас... верим ли про эти корабли, что они российские. Мы ему сказали, что российские, однако ж послали свои шлюпки на корабли свои и велели сказать поручикам, чтоб они смотрели на корабль нашего командира, что у него станут делать, то бы и они, так же как их капитаны. А командор Рейс приказал своему поручику по отъезде своем смотреть на корабль вице-адмиральский. Как мы к нему... прибудем, а вымпела... не поднимут, то бы он знал, что это корабли не российские. И когда мы на корабль прибыли и вымпел подняли, тогда командорский корабль спустился ниже вице-адмиральского... также и другие и кричали 3 раза «ура». От него ответствовали таким же числом. С прочих кораблей не кричали и стали на якорь...

Июль. В 3-й день г. контр-адмирал [2] прибыл во флот.

Персидский посол был во флоте в 4-й день.

В 7-й день г. контр-адмирал пошел из флота в Петергоф.

В 9-й день поутру рано по сигналу вынули якорь (и другие во всем флоте) и пошли... к Ревелю. Ветер был южный с тишиною.

«Полтава» стала на мель против Александровской крепости, а флот, пройдя последний риф, остановился на древеле, и стояли два часа.

А как «Полтава» к нам пришла, тогда г. вице-адмирал пошел курсом... за которым весь флот последовал... Всю ночь шли.

В 10-й день поутру ветер стих... В 8-м часу пополуночи кинули якорь. Вода под кораблем была 31 сажень; впереди виден был остров Сомерс, от нас... в 5 милях, Лавенсар — в 2 милях...

После полдня в 1-м часу вынули якорь и пошли курсом вест... Шли одну милю. Ветер стал... крепкий. В 4-м часу пополудни наши крейсеры увидели суда... и сигнал сделали... В крейсерстве были капитан Эдварт, капитан Весель, командор Шхон... Шел за ними и весь флот.

В 7-м или 8-м часу прошли Гогланд, ветер стал крепкий...

В 10-м часу ветер стал зело крепкий, и вдруг... стало тихо, так что корабли поворачивали буксиром... Всю ночь было тихо.

[1] Дрейф (от голландского — плавать), т. е. свободное плавание по течению или ветру.

[2] Петр I.

В 11 числе, как рассвело, мы увидели 3 корабля шведских... Наши вышепомянутые крейсера впереди нас близко от тех кораблей, и чаю я, что они всю ночь их от глаз не отпускали. А капитан-командоры Шельтинг и Рейс и капитан Дегрейтер, думаю, что они указ имели... идти на веслах и буксиром до того, как рассвело... Они от нас стали впереди далече... Мы с 6-ю кораблями были подле г. вице-адмирала: капитан Беземакер — «Перлов»; капитан Экгов — «Эсперанс»; капитан Риго — «Диана»; капитан Рам — «Св. Яков»; командор Гослер — «Полтава»; капитан-поручик Синявин — «Рандольф».

И шли за неприятелем, распустя все паруса...

В 4-м часу пополуночи капитан Весель поднял на корме флаг... и выстрелил из одной пушки, потому что он ближе к неприятелю был... Тот час шведский капитан-командор выпалил из двух пушек и поднял свой флаг. В 5-м или 6-м часу капитан-командоры и Дегрейтер (капитан) стали стрелять из пушек по неприятельским кораблям... В тот час г. вице-адмирал поднял красный флаг с флагштока... и оба капитан-командора подняли тот же флаг с того ж места и из одной пушки выпалили... Как я вышепомянутый флаг увидел, тогда со своим кораблем как возможно трудился, чтоб мне стать в своем месте по данному мне указу от г. вице-адмирала, и был в готовности для абордажа к неприятелю. Только ожидал... сигнала...

В 8-м часу капитан-командор Шельтинг стал на мель, и красный флаг спустил, и паруса связал... Тот час г. вице-адмирал стал... по левую сторону подле капитан-командора и красный флаг спустил... Мое еще мнение было, что неприятель от нас еще не освободился, потому мы еще... красный флаг имели.

В 9-м часу капитан-командор Рейс от неприятеля назад поворотил и мимо нас пошел, потом и мы все... последовали... По сигналу г. вице-адмирала бросили якорь.

И позваны все главнейшие офицеры к г. вице-адмиралу, а как я приехал на корабль, тот час корабль с мели сошел. В то время неприятель стрелял два раза кругом из пушек. Наши шлюпки и бот все посланы на корабль «Выборг» для работы.

После полудня... позваны были опять все главнейшие офицеры к г. вице-адмиралу... Как я приехал к нему на корабль, тогда мне показал и приказал перевесть, что в... письме написано: 1) ежели к нам неприятель силою приступит, то наш корабль «Выборг» — (севший на мель) — надобно сжечь; 2) ежели в ночи оный корабль разобьет, что не мо-

жно его достать, то то же учинить... Вице-адмирал то письмо подписал, и все главнейшие офицеры подписали.

...В 5-м часу после полдня я видел... 8 кораблей неприятельских.

В 12-м числе в 4 часа после полуночи вынули якорь по сигналу и лежали на древеле. В 7-м часу зажгли корабль без званья всех главных офицеров. В 8-м часу пошли... В 10-м часу видели, что корабль подорвало...

1714 г.

Апрель. В 6-й день отправлен в Ревель для приема купленных в Англии кораблей.

Май. В 3-й день корабли английские, прибывшие к Ревелю, принял...

В 19-й день шведский вице-адмирал с 6-ю кораблями пришел к Наргену, которого назад прогнали... В то время у них был поручик Мишуков на шняве «Диана» с письмами.

В 20-й день весь флот российский от Кронштлота к Ревелю пошел.

В 21-й день весь флот российский к Ревелю пришел... 9 скампавей и 9 русских бригантинов.

В 27-й день слышна была пушечная стрельба на море к Гельсингфорсу.

Июль...В 11-й день г. контр-адмирал пошел в Гельсингфорс на своем корабле и при нем 4 корабля: «Рандольф», «Гавриил», «Оксфорд», «Св. Павел», шнява «Принцесса», 2 скампавеи, 1 русский бригантин. У Наргена бросили якорь, а во время отходу от города стреляли из пяти пушек...

Август. Во 2-й день прибыл из шхер г. Мишуков на «Св. Павле» с викториею... Взяли фрегат и шхерботы.

В 14-й день после полуночи в 5-м часу пошли к Гельсингфорсу... В 12-м часу, прошед батарею, стали на якорь, а «Рандольф» стал на мель. Поручик Муханов пошел со взятыми судами к Березовым островам...

Журнал Ф. М. Апраксина

1714 г.

Май. В 9-й день в С.-Петербурге приготовились к маршу, и все люди на судах были в готовности.

В 8-й день пополудни скампавеи поставили на якорь по эскадрам. Их обрелось в каждой... эскадре по 11, а в генеральной 33. Всего — 99 скампавей.

В 9-й день после обедни по прибытии генерал-адмирала[1] на его полугалеру поднят флаг, також и в прочих эскадрах чинилось... А Ц. В.[2] наперед восприял путь свой в Кронштлот.

В 10-й день, в 9-м часу пополудни, на адмиральской полугалере учинен сигнал из одной пушки и потом играли на трубах и били в литавры и в барабан... Поднят был вымпел желтый, тогда все скампавеи торжественно проходили одна за другою. Оный сигнал чинен во всех эскадрах, кроме пушечного выстрела...

Перед вечером прибыли пред Кронштлот, где прежде комплимент чинили стрелянием со всех кораблей и с крепости, потом ответствовано в начале с флагманских и потом со всех скампавей пушечною ж стрельбою.

В 11-й день все скампавеи введены в гавань, и люди спущены на берег. Поручен авангард генералу Вейду, понеже Е. Ц. В. принять изволил команду корабельную...

Июнь. В 1-й день, поутру, наступила тишина... Учинен сигнал, и шли по эскадрам и ночевали в последних Березовых островах...

В 4-й день, во 2-м часу пополуночи... шли до шхеров на гребле и на парусах, куда прибыли в 6-м часу пополудни... Ночевали, вшед в шхеры с милю. Когда поднялись от Березовых островов, отпущен к генералу князю Голицыну с письмами присланный от него поручик Сельчиской.

В 5-й день для ожидания провиантских судов умедлили до полудни. Пополудни в 2 часа пошли и ночевали, отошед с милю, при острове Стамно, который называется Черный, где обретается с командою своею лейб-гвардии майор Мамонов.

О полудни... видели с палубы в море верстах в 15-ти три корабля да с мачты видели пять кораблей и слышали с оных кораблей пушечную стрельбу; выстрелов 9, один после одного, а чьи корабли, признать не мочно.

В 11-й день, после полудни в 5-м часу, прибыли к Гельсингфорсу. По прибытии получена ведомость от генерала князя Голицына, что оный намерен из Абова ехать с 10-го числа июня.

Того же числа все нагруженные с провиантом суда приведены к пристани и начали выгружать.

В 12-й день трудились выгрузкою провианта ж и начали... приготовлять 2 прама и бомбардирский галиот...

---

[1] Ф. М. Апраксин; журнал ведется от третьего лица.
[2] Петр I.

Поутру прибыл на бригантине из Ревеля с письмом от Ц. В. астраханского полку поручик Лавров, который удержан до прибытия генерала князя Голицына, понеже имели ведомость, что он имеет двух дезертиров от флоту неприятельского, а какое от них получено известие, не знали.

В 13-й день непрестанно трудились исправлением судов и выгрузкою провианту и приготовлением с собою сухарей, а в порожние суда грузили каменный балласт.

Приказано капитан-командору Змаевичу, чтоб скампавеи, которые зимовали при Гельсинфорсе, расписать по эскадрам, чтоб всех было 100.

В 14-й день... послан указ к генерал-майору Чекину, чтоб с рапортом о состоянии своей команды был немедленно в Гельсингфорсе.

В 16-й день, поутру, прибыл генерал князь Голицын и рапортовал о состоянии армии Ц. В., обретающейся в Абове, что оная состоит благополучно. Он же привез двух дезертиров, которые в допросах сказали, что неприятельский флот состоит из 16 кораблей линейных (от 60 до 70 пушек), 2 бригантин по 16 пушек, 2 бомбардирских гальотов да 8 галер. Командуют адмирал Ватранг, вице-адмирал Лиллий, шаутбенахт Тоубе. Из оных кораблей по 7 и по 8 с вице-адмиралом и шаутбенахтом крейсовали в море, а достальные стоят близ Гангута.

Того ж числа присланный от Ц. В. поручик Лавров отпущен и из вышеписанных дезертиров послан с ним один, а другой оставлен на гребных судах.

В 17-й день имели консилиум с генералом князем Голицыным, чтоб ему с полками, которые в Абове, быть в Поекирке и тамо посадить на скампавеи, а на сухом пути иметь команду генерал-лейтенанту Брюсу.

Выгруженные ластовые суда и лишние русские бригантины с поручиком Росом отпущены в Петербург, а при Гельсингфорсе, для посылок с письмами в Ревель, оставлены три бригантины под командою поручика Витстока.

Того ж числа прибыл генерал-майор Чекин.

В 18-й день карбусы выгруженные, с полковником Толбухиным, отправлены в Петербург, только из оных 15 карбусов меньших оставлено...

В 19-й день, поутру, генерал князь Голицын отъехал... в Абов. Того ж числа пополудни и генерал-майор Чекин...

В 20-й день, поутру, били на гребных судах сбор, чтоб все люди были во всякой готовности, а около полудня прибыл на полугалеру г. генерал-адмирал, учинил сигнал к походу. Но понеже ветер противный, того ради принуждены

стоять при Гельсингфорском устье, вышед к последним батареям.

В 21-й день, в 3 часа пополуночи, наступила тишина и потом ветер зюйд-ост, которым шли до вечера и ночевали в островах против реки Пиккалы... Тут дожидались прамов, понеже оные в таком дальнем переходе отстали.

В 22-й день, поутру, кой час прамы прибыли, того ж часу и пошли... Ночевали у острова, прошед посад и кирку Инго. В вечеру к оному острову прибыл полковник Воейков с лодками и с карбусами, в которых отвозил он провиант в Пое-кирке... Дан ему указ быть комендантом в Гельсинфорсе на место полковника и коменданта Бильса...

В 23-й день, в 3 часа пополуночи, от оного острова отошли и для отдохновения солдатам ночевали, отошед мили с две...

В 24-й день, в 3 часа пополуночи, пошли и пред полуднем... вошли в залив к Пое-кирке, куда прибыли со всеми скампавеями и с прамами, и с бомбардирскими и провиантскими судами пред вечером.

Когда вошли в залив версты 4 или 5, тогда в виду был посад и кирка Екемень.

Того ж числа прибыл на полугалеру адмиральскую полковник Пестриков и привел двух дезертиров с флоту неприятельского, которые допрашиваны порознь. А скампавеи разделили по эскадрам и выгружать начали провиант.

В 25-й день продолжали вышеписанное исправление... 30 скампавей оставлено для дивизии генерала князя Голицына...

Того ж числа послано несколько скампавей с капитаном Георгием для проведыванья о неприятельском флоте.

В 26-й день, хотя сколько возможно трудились, однако ж не могли исправиться пересажением на скампавеи людей и для того умедлили до 27 числа и ожидали ведомости от капитана Георгия. Того ж числа пред вечером капитан Георгий прибыл и рапортовал, что он видел неприятельские корабли, стоящие близ Гангута.

В 27-й день, поутру, оставя бомбардирские суда и прамы и на дивизию генерала князя Голицына 33 скампавеи, с достальными 66 скампавеями... от Пои-кирки пошли и за противным ветром вынуждены ночевать, отошед с полмили.

В 28-й день, в 4-м часу пополуночи, пошли и пополудни пришли и ночевали, не дошед деревни Тверемид за четверть мили... Для осмотрения к Гангуту послан на шлюпках капитан-командор Змаевич, который рапортовал, что непри-

ятельских 17 кораблей стоят близ Гангута, а 7 крейсуют... При оных же кораблях, которые у Гангута, 6 галер.

В 29-й день, в 4 часу пополуночи, от того места пошли и стали при деревне Тверемынд. Того ж числа послали 15 скампавей к Пое-кирке для приводу прамов и бомбардирских судов.

Того ж числа командировано 600 человек солдат к Гангуту, где стоят неприятельские корабли, для осмотрения места, где делать батареи.

В 30-й день г. генерал-адмирал с генералом Вейдом и другими морскими и сухопутными офицерами на шлюпках ездили для осмотрения к неприятельским кораблям.

Июль. В 1-й день генерал-адмирал с прочим генералитетом и штаб-офицерами ездили поутру рано еще для осмотрения кораблей неприятельских и были до полудни. При возвращении готовлены письма к Ц. В.

Во 2-й день, поутру, отправлен к Ц. В. с письмами денщик Ларион Переверзин. Того ж числа прибыло от Пои-кирки 60 человек драгун и 40 человек казаков.

В 3-й день, поутру, командировано к Гангуту сухим путем три батальона солдат лейб-гвардии с майором Волковым... Г. генерал-адмирал с г. генералом Вейдом и с другими штаб-офицерами ездили для осмотрения местоположения мыса Гангутского и неприятельских кораблей... Возвратились пред вечером.

Того ж числа послан на шлюпке в неприятельский флот с письмами поручик Лихудьев, но оный его к себе не допустил... Возвратился с письмами... ко флоту.

В 4-й день отпущены во флот шведский на лодке из пленных 1 сержант и 2 солдата и те письма к адмиралу посланы с ними.

В 5-й день, поутру, прислан на шлюпке с неприятельского флоту поручик, и те письма, которые посланы от нас... назад присланы. И просил адмирал шведский, чтоб опые письма прислать с переводом на шведском или немецком языке. И о полудни оный поручик... во флот их отпущен. Пополудни прибыл из Абова г. генерал князь Голицын и с ним полковник Шток... Доносили, что они были у Гангута и осматривали, как стоят неприятельские корабли.

В 6-й день, поутру рано, генерал князь Голицын поехал на шлюпке к Пое-кирке для приводу оставленных там скампавей. Того ж часа посланы к Гангуту для осмотрения и описания неприятельского флота капитан-командор Змаевич да полковник Шток и с ними инженер-капитан Дефплет и пред вечером возвратились.

В 7-й день, поутру, шведских арестантов один пастор да 153 человека урядников и солдат отправлены к неприятельскому флоту с капитаном Лукою Демьяновым, и приказано оному капитану при прибытии... учинить сигнал с шлюпки из единой пушки.

В 8-й день вышеписанный капитан, передав пленных, возвратился ко флоту...

В 9-й день... пополудни на оставленных при Пое-кирке скампавеях прибыл к Тверемынду генерал князь Голицын и с ним генерал-лейтенант Бутурлин и генерал-майор Головин...

В 11-й день лейб-гвардии капитан-поручик Пашков, который отправляется с письмами к Ц. В., посылан на шлюпках для осмотрения неприятельского флота...

В 13-й день приготовлены были письма к Ц. В., но удержаны отпуском для того, что г. адмирал намерен был назавтра ехать для осмотрения флоту неприятельского сам.

В 14-й день г. адмирал с гг. генералами ездил на шлюпке для осмотрения неприятельского флота, и пред полуднем, прежде возвращения их ко флоту, прибыл на скампавее из Ревеля с письмом от Ц. В. капитан-командор Сиверс, с ним инженер-майор Люберас и несколько штурманов.

Пополудни капитан-поручик Пашков к Ц. В. с письмами отправлен...

В 20-й день, пред полуднем о половине 9-го часу, прибыл в Тверемынду на скампавее Ц. В...

В 21-й день Ц. В. и генералитет ездили на шлюпках для осмотрения неприятельского флота, и того ж числа в ночь 15 скампавей послано за один остров пред флот неприятельский...

В 23-й день, пополудни, ездили для осмотрения того места, где можно перетаскивать суда, о котором доносил капитан-командор Змаевич, а к вечеру командировано туда для делания мостов от полка по 100 человек с майором Преображенским...

В 25-й день, то есть в воскресенье, пополудни стала слышна не малая стрельба в море... Потом рапортовали с брандвахты г. генерал-адмиралу, что та стрельба была от крейсеров шведских... В 14-ти парусах вице-адмирал их Лилий пошел в море... Много размышляли, для чего такая стрельба, и того ж числа пред вечером г. генерал-адмирал отправил на море (к 15 скампавеям, которые стояли близ неприятельского флота) 20 скампавей под управлением г. шаутбенахта

корабельного [1]... Когда помянутый г. шаутбенахт прибыл к своему караулу и осмотрел, что шведский адмирал Ватранг с шестью кораблями линейными и с тремя фрегатами стоит на прежнем месте против Гангута, а... вице-адмирал Лиллий, при котором и бомбардирские галиоты, идет на зюйд-ост, рассудил, что последний направляется или к Ревелю, или к Твереминде, где наш гребной флот обретается... Пополуночи во 2-м часу прислан от него с письмом к г. генерал-адмиралу денщик Орлов, дабы для осмотрения неприятельского флота послать офицера к Гангуту... Того ж часа помянутый денщик... отправлен, а к Гангуту послан от бомбардир поручик Бибиков.

В 26-й день, в 6-м часу пополуночи, г. генерал-адмирал поехал на шлюпке к караулу, где обретался г. шаутбенахт... По многих воинских советах взяли резолюцию: послать 20 скампавей объехать неприятельский флот морем (понеже было тихо), что и учинено под командою капитан-командора Змаевича, бригадира Волкова и капитана Бредаля в 9-м часу пополуночи... Когда неприятель усмотрел наши скампавеи, тот час адмирал — (шведский) — со своего корабля учинил сигнал... с двумя выстрелами, что тако ж учинили с двух кораблей, которые были под флагами двух шаутбенахтов... Они буксировали корабли свои к нашим скампавеям шлюпками и ботами как можно скоро, а особливо корабль адмиральский, и в наших жестоко палили. Однако ж оные скампавеи на шхеры счастливо прошли... Потом слышна была в шхерах из пушек многая стрельба... Рассуждали: не имел ли неприятель... там батареи. Однако ж... потом известились, что стреляли с наших скампавей по... неприятельскому боту. Сие чинилось в 11-м часу пополуночи... Когда г. генерал-адмирал усмотрел, что наши первые 20 скампавей прошли, тогда дан указ бригадиру Лефорту, капитанам Дежимону и Грису, чтоб они на 15 скампавеях, ежели возможно пройти, за первыми следовали, ежели же невозможно, чтоб возвратились... назад. И по тому указу оные исполняли. И... неприятель... трудился, корабли снова буксировал. К тому ж начался быть малый ветер, что более неприятелю дало способ; и шли к нашим скампавеям, и из пушек довольно стреляли. Однако ж наши, не смотря на то, шли на гребле зело порядочно. В шхеры вошли и с первыми случились благополучно. Потом шведский адмирал поднял белый флаг для возвращения своего вице-адмирала... Наш генерал-адмирал положил, чтоб со всем гребным флотом пробиться

[1] Петр I.

сквозь неприятеля. В то ж время, когда г. генерал-адмирал отправлял скампавеи, получил ведомость, что явились один фрегат и 6 галер и 2 шхербота неприятельских близ того места, где наши намерены были делать мост для перетаскивания судов... Послано два указа к капитан-командору Змаевичу, дабы он трудился оные суда атаковать и... чинить над оными воинский промысел.

И потому г. генерал-адмирал и г. шаутбенахт в 3-м часу пополудни возвратились в Твереминд, где г. шаутбенахт... поехал для осмотрения неприятельских судов к тому месту, где мы строили мост, а на полугалере г. генерал-адмирала учинен сигнал о походе... Шли со всеми скампавеями одна за другою до последнего острова, где наш караул... Прибыли с полуночи, но понеже была ночь весьма темна... умедлили до утра. В то время получена ведомость от капитан-командора Змаевича, что он неприятельские суда атаковал и они уйти не могут.

В 27-й день, в 3-м часу, призваны гг. генералы Вейд и князь Голицын и имели совет, каким образом удобнее неприятельский флот обойти... Оный всеми кораблями, а именно более 30 парусов, тот курс, где наши скампавеи первые шли, заступил... За благо определили, чтоб идти от внутренней стороны, не огребая неприятеля... В 4-м часу пополуночи пошли от того острова, где был наш караул, все скампавеи одна за другою: в авангардии шел г. генерал Вейд, за ним следовал г. генерал-адмирал, потом в ариергардии генерал князь Голицын. И когда неприятель наши скампавеи усмотрел, тот час с адмиральского — (со шведского) — корабля учинен сигнал из двух пушек... Дальние их корабли, распустя свои паруса, трудились, чтоб приблизиться, но за наступающею тишиною не могли скоро прибыть... Три корабля их... буксировались к нашим скампавеям шлюпками и ботами зело скоро и, приближаясь надмеру, стреляли из пушек жестоко... Могли счесть 250 выстрелов. Однако ж... наши скампавеи прошли счастливо и так безвредно, что только одна скампавея стала на камень... Несколько людей с оной шлюпками сняли, а достальных неприятель взял, понеже их один линейный корабль к оной скампавее зело приблизился. К тому же 2 неприятельских бота и несколько шлюпок атаковали, так что отстоять скампавею с достальными людьми было не мочно... Прочие все, как суда, так и люди, без вреда прошли, только у одного капитана ногу отбили. О половине 10-го часу, когда, прошед неприятельский флот, вошли в шхеры, получили ведомость, что капитан-командор Змаевич с первыми скампавеями атаковал неприя-

тельскую эскадру и не далее мили обретается... Генерал-адмирал рассудил за благо и трудился, чтоб со всеми скампавеями идти и случиться с ними... Прибыли о полудни и увидели неприятельский атакованный фрегат, стоящий на якоре, и при нем по обе стороны в линии по одному шхерботу и по три галеры... Г. генерал-адмирал учредил флот к бою последующим образом: от авангардии, под командою г. шаутбенахта корабельного и генерала г. Вейда, с правой стороны для абордирования неприятельских галер на 9 скампавеях помянутый г. генерал Вейд и капитан-командор Змаевич; с левой стороны столькими ж скампавеями генерал-адъютант Ягужинский... Было направлено предложение к командующему... шведскою эскадрою шаутбенахту Эреншельду, чтоб... отдался без пролития крови, но оный ответствовал, что того учинить не может. Тогда, видя их упорство, г. генерал-адмирал дал сигнал авангардии нашей, поднятием синего флага... с единым выстрелом из пушки, оного атаковать... Атака началась 2-го часа пополудни и продолжалась... до 5-го часа... Хотя неприятель несравненную артиллерию имел перед нашими, однако ж по зело жестоком сопротивлении перво галеры одна по одной, а потом и фрегат флаги опустили... Однако ж... крепко стояли... Что взято от неприятеля людей и судов и артиллерии, також сколько побито и ранено, при сем — реестр: фрегат «Олифант», на котором был шаутбенахт; галеры «Эрн», «Трана», «Грипен», «Лаксен», «Геден», «Вальфиш»; шхерботы «Флюндран», «Мартан», «Симпан». Пушек — 116. Всего было офицеров морских и сухопутных, также унтер-офицеров, рядовых и неслужащих — 941. Из того числа живых 580, а достальные 361 побиты. Наших на том бою побито и ранено: всего сухопутных штаб- и обер-офицеров, також унтер-офицеров сухопутных и морских и рядовых солдат и матросов убито — 124, ранено — 342.

Того ж числа, кой час оная баталия окончилась, без всякого медления г. генерал-адмирал учинил сигнал идти со всеми судами... к Гангуту, дабы неприятель не мог в том месте флотом своим заступить... Ночевали близ Гангута, где наш был караул, куда и завоеванные суда все приведены... Послан указ к капитан-командору Сиверсу, чтобы со всеми оставшими судами в Тевеминде и с людьми, и с провиантом шел к кирке Экенес и прамы и шняву с собою взял, дабы неприятель флотом своим не отрезал.

В 28-й день получена ведомость, что флот неприятельский от Гангута отступил... Послан указ к капитан-командору Сиверсу: велено со всеми судами вместе с полковником

Штоком быть к тому месту, где осмотрено для строения крепости.

В 29-й день послан указ к капитан-командору Сиверсу: повелено с оставшими скампавеями, взяв с собою оставших от полков солдат и полковой провиант, быть к главному флоту, а к полковнику Штоку писано — велено на том месте, где осмотрено, строить крепость.

В 30-й день все взятые неприятельские суда приведены были пред полугалеру генерал-адмирала и приказано, чтоб 31-го числа поутру в 3 часа от всех эскадр по 3 скампавеи буксировали их к северной стороне...

1716 г.

Январь... В 3-й день господин адмирал поехал из Петербурга...

В 4-й день, после полудня в 3 часа, прибыл в Ревель. Того ж числа с капитан-командором Сиверсом и с капитаном Фангентом говорили о килевании кораблей. Сказали, что из больших подлежит килевать «Полтаву», фрегат «Св. Питер», а другие пять кораблей не килевать. Да из фрегатов за достойных объявили «Аронделъ», «Лансдоу» и фрегат «Св. Илия». Амуницию «Виктории», «Фортуны» и «Св. Николая» нужно улучшить, а «Св. Антоний» в... путь не годен... Собрав с него такелаж, велел положить на другие корабли, а его приказал оставить и со временем, сколько можно, починять. Да ластовых судов при Ревеле — 2 ката, 1 флейт, 2 буера, 1 шмак и олонецкий краер...

Март. Во 2-й день прибыл в Ревель и от того числа в непрестанных трудах пребывал о приуготовлении эскадры, которую... хотя не без многой трудности, к 15-му числу приготовили. И провиант морской в корабли грузить начали... На корабль «Викторию» и «Николая» нагрузили ржи 350 ластов...

В 14-й день по ведомости провиантмайстера нагружено в корабли провианту на 4 месяца... Приказано капитан-командору Сиверсу, чтоб еще велел грузить на 2 месяца, а ежели не можно, то, по конечной мере, на месяц, а достальное разложить на ластовые суда.

В 15-й день получил указ от Ц. В. о прибавке на флот школьников и для того послал к графу Матвееву и к генерал-майору Чернышеву, чтоб немедленно прислали, выбрав породных и небедных 20 человек, которые прибыли в Ревель в последних числах марта...

В 22-й день дан указ, чтоб на ластовые суда, кроме того, что положено на наличное число людей на 6 месяцев, еще грузили морского провианту (кроме сухарей) на 2000 человек на 4 месяца, а из 6-месячного запаса убавить сухарей...

В 28-й день дан указ капитан-командору Сиверсу, чтоб он приказал гг. офицерам лед в гавани прорубить и корабли вводить в линию до самых ворот. Сие сделано для того, что кой час лед пред гаванью будет очищаться, в выводе кораблей никакого помешательства не было. Також трудиться, сколько можно, достальной провиант догрузить. Меж тем словесно о том подтверждал непрестанно.

Апрель. Во 2-й день, то есть второго дня пасхи, к вечеру около 9-ти часов во время светлое с звездами видимо было, как... пришло от горизонта облако, очень черное, на верху остро, а на низу широко, и пошло вверх скоро, так что меньше трех минут до половины небосвода дошло. В то же время, как явился черный облак, явилась... подобно как великая метла светлая и подымалась выше горизонта около 12 градусов. В том же часе явилось от метлы, ближе к северу, одно черное облако, которое зело скоро шло против первого облака... А первое облако шло против того на северо-запад, и промеж обоими черными облаками явился свет подобно столпу. И стояло так около 10 минут. Потом облако, которое пришло от северо-запада, страшно скоро пошло сквозь столп и ударилось о другое облако... и мешалися с великим пламенем и дымом... И видим дым был выше горизонта 20 градусов, и сквозь дым видимо было непрестанное пламя, подобно как флот и армия бились. И было то видимо 15 минут. Потом помалу поднимались в высоту, подобно как многие огненные метлы, и взошли выше горизонта 80 градусов. А облако, которое... подалось к югу... стало быть невидимо прежде, а другое невидимо стало быть около 10-ти часов... Потом светло стало от звезд как перво.

Не можно описать, какой в то время был страх, как оба облака ударились... Також многие малые облака следовали за большим облаком, которое шло от запада, и было такое пламя, подобно молнии, так что глаза не терпели.

В 6-й день все морские офицеры и прочие служители посажены на корабли... С того числа велено быть на кораблях бессходно под штрафом. Ежели кто из офицеров ночует на берегу, у таких вычтено будет месяц жалованья, а нижним чинам учинено будет наказанье.

Послано к капитан-командору Сиверсу, чтоб немедленно подал ведение, сколько шлюпок, и объявил бы господам капитанам, чтоб (кроме ординарных) шлюпок не брали, кроме корабля «Ингерманланд», где повелено взять шлюпку для господина вице-адмирала [1]...

В 8-й день корабли из старой гавани начали переводить в новую, чтоб, ежели лед взломает пред гаванью, возможно было удобнее выводить...

В 19-й день поутру генерал-адмирал на корабле капитан-командора Сиверса был и поручил ему указ Ц. В. и инструкции, что ему чинить. Також отдал ему письма к Ц. В. с приложенными о состоянии эскадры табелями... При отъезде с корабля приказал ему немедленно учинить сигнал к вынманию якоря... Потом, быв на корабле «Ингерманланд», возвратился в гавань и приказал, чтоб для оставших солдат и матросов, которые на корабли не поспели, оставить до вечера корабль «Рафаил» под командою капитана Гаука... По половине дня учинил сигнал к походу... В 1-м часу пополудни пошел на парусах наперед корабль «Ингерманланд» и потом капитан-командор на «Екатерине», отдав честь крепости из 5 пушек. В то же время г. адмирал стоял на батарее и по приказу его ответствовано с крепости равными выстрелами. И за капитан-командором до вечера все корабли, кроме «Рафаила», который оставлен для забирания оставших людей, следовали. Ветер был изрядный...

Август... В 11-й день имели генеральный консилиум о посылке на шведскую сторону партии, и положили, чтоб с девятью галерами (к каждой придав по одной лодке) отправить к Ревелю бригадира фон Менгдена, а другую партию с майором Кислинским послать в семи лодках к стокгольмской стороне к острову Грейн-сунд...

И того ж числа вышеписанному господину бригадиру и майору даны указы, что чинить с приписанием руки его светлости генерал-адмирала.

В 12-й день, т. е. в воскресенье, вышеозначенные две партии от Хусхольма восприяли путь свой к Сигниль-шхерам.

В 14-й день получено от вышепомянутой партии известие, что как они при способной погоде от Сигниль-шхер чрез Аландсгаф следовали... в 12-м часу пополудни настала великая погода — и темнота, и дождь... Оною погодою разбило их врозь, а именно, бригадира фон Менгдена к одной стороне острова Грасо (где... большой маяк) с тремя галерами и с тремя лодками, а достальные галеры и лодки... на дру-

[1] Петр I.

гую сторону... За темнотою ночною встали на якорь. И как стало рассветать, увидели по другую сторону Васерсона в полторы версты четыре корабля, два фрегата и три шнявы и более десяти галер и шхерботов, кои тот час пошли в море... Как из тех островов... стали выходить, тогда с кораблей, фрегатов и шняв жестоко стреляли... Однако же наши... вошли в каменные клины, которые от острова Васерсона были недалеко, и при том проходе только убили на лодках одного солдата, другого ранили и у одной галеры отбили нос из пушек... Против 15-го числа к вечеру прибыли к Аланду с достальными галерами и лодками... благополучно...

1719 г.

...Послан указ к генерал-майору Чернышеву, чтоб записал указ о морских служителях, которых Ц. В. пожаловал чинами, а именно — капитан-командоров в шаутбенахты: Сиверса от красного, Томаса от синего флагов; в галерные шаутбенахты: Матвея Змаевича; из старших капитанов в капитан-командоры: Гофта; из галерных: Луку Демьянова; из капитанов младших во второй оклад: Класа Экгова, Матиса Фалькенбурга; из капитан-поручиков в младшие капитаны: Вилима Батинга, Ипата Муханова, Яна Дена, Конона Зотова; из поручиков в капитан-поручики: Ивана Кошелева, Дениса Калмыкова, Ивана Шереметева, Матвея Коробьина; из подпоручиков в поручики: Якова Брета, Алексея Шереметева, Василия Дмитриева-Мамонова, Василия Арсеньева, Федора Чаодаева, князя Александра Черкасского, Федора Бутурлина; из мичманов чрез чин в поручики: Федора Соймонова; в подпоручики: Александра Головина, князя Александра Прозоровского, Алексея Дмитриева-Мамонова...

Май... В 30-й день... Получено письмо от капитана Наума Синявина, в котором написано: мая против 24-го числа в полночь увидели они три судна... Всего на вышеписанных взятых шведских кораблях обер- и унтер-офицеров и матросов и солдат — 387.

А сколько побито, такого известия не сообщено, только... по словесному объявлению... капитан-командора Врангеля побито с их стороны близко 50 человек.

С нашей стороны побито: поручиков 1, комиссар 1, гардемаринер 1, канонир 1, матросов 2, солдат 3 — (всего 9); ранено: от канонир сержант 1, канонир 1, матросов 4, солдат 3 — (всего 9)...

Журнал Густава Ватранга [1]

(Перевод со шведского)

...Четверг, 1 июля. Ветер норд-вест при хорошей погоде... От крестьян мы получили сведения, что противник с целою массою судов находится невдалеке от нас и что солдаты его движутся вдоль берега, зажигая ужасные огни...

Воскресенье, 25-го числа. Легкий ветер... В дневную вахту явились на судно четыре крестьянина с известием, что неприятель ныне намеревается перевести через переволоку у Твермине свои галеры и суда и что сегодня он возьмется за исполнение этого плана, что теперь уже все подготовлено... Я велел позвать обоих флагманов и в их присутствии внести в протокол это известие. При этом я велел прочесть доставленную мне вчера от вице-адмирала Лиллие записку. Таким образом, мой план, а именно: оставить здесь на этой позиции вместе с галерами и шхерботами корабли «Поммерн», «Гетеборг» и «Ревель», а равно блокшиф «Элефант» и фрегаты «Анклам» и «Вольгаст», а с остальными силами отправиться на поиски неприятеля, — оказался совершенно расстроенным... Нам пришлось подумать о других способах, чтобы воспрепятствовать осуществлению пагубных намерений неприятеля... Если бы ему удалось переправить свои суда, то он этим самым приобрел бы господство в шхерах и, следовательно, наша стоянка здесь ни к чему не послужила бы. Поэтому, по тщательному обсуждению вопроса, было единогласно постановлено, чтобы шаутбенахт Эреншельдт и капитан Сунд с блокшифом «Элефант», всеми галерами и двумя шхерботами отправился по ту сторону Гангеудда и произвел там разведку о намерениях противника, стараясь поставить ему всевозможные препятствия, а вице-адмирал Лиллие с кораблями «Эланд», «Сконе», «Весманланд», «Верден», «Серманланд», «Лифланд», «Рига», «Готланд» и «Поллукс», а равно с обоими бомбардирскими судами и шлюпкою с «Принца Карла Фредерика» пошел в Твермине и там постарался сделать неприятелю диверсию или же прогнать его галеры. Между тем я должен буду остаться тут с кораблями «Бремен», «Принц Карл Фредерик», «Стокгольм», «Фредерика Амалия», «Поммерн», «Гетеборг», «Ревель» и обоими фрегатами, чтобы сохранить за собою позицию... Затем оказалось нужным оставить здесь корабль

[1] Журнал морской экспедиции адмирала Густава Ватранга 1714 года.

«Сконе», который не мог так скоро привести себя в готовность, и послать вместо него «Фредерику Амалию». Кораблю «Весманланд», находившемуся в море в крейсерстве, приказано через специально посланное... судно «Поллукс» быть в распоряжении вице-адмирала, когда тот выйдет в море, а другим крейсерам одновременно было приказано держаться к востоку от меня, так чтобы они, в случае надобности, могли соединиться со мною. В полдень вице-адмирал вышел в море... при туманной погоде. Немного спустя, когда погода прояснилась, отправились также блокшиф с галерами и шхерботами под командою шаутбенахта Эреншельдта и капитана Сунда. Ветер весь день дул с востока. Затем я приказал приготовить провиантские суда «Ланд фон Беловтен» и «Ингфрау Брита», которые к вечеру вышли в море. В полдень я также отправил письмо к шаутбенахту Таубе о планах неприятеля у Тверминне, предупредив о необходимости принятия соответствующих мер. К вечеру ветер совершенно затих, причем мы заметили, как масса галер, числом около 20, надвигалась с восточной стороны, по которым наши корабли открыли огонь. Затем, по данному сигналу, наши корабли, а именно: «Принц Карл Фредерик», «Стокгольм», «Сконе» и «Лила Солен» пошли вперед... Корабли эти были расставлены впереди судов «Поммерн», «Гетеборг» (на месте блокшифа) и «Ревель», который в свою очередь шел впереди «Поммерн» вместе с обоими фрегатами «Вольгаст» и «Анклам». Так мы шли до 2-х часов ночи, когда, в виду штиля, должны были бросить якорь у Эльдшхер, где мы стали со спущенными марселями.

Понедельник, 26-го числа. Полнейший штиль. Так как мы в дообеденную вахту видели массу галер, числом около 19, идущих около берега между скал в море, то я дал сигнал — поднять якоря на кораблях «Бремен», «Принц Карл Фредерик», «Стокгольм», «Сконе», «Поммерн» и «Ревель», причем мой корабль был взят на буксир тремя шлюпками и одним шхерботом... С боку шла наша большая шлюпка, буксируя меня с возможною скоростью, но все же я не мог подвергнуть галеры серьезному обстрелу, хотя я стрелял в них из пушек. Чем ближе, однако, я со своим кораблем, находившимся на главном пункте, и другие наши суда подходили к ним, тем дальше они уходили в море и скрывались за острова, проходя мимо нас. Тот час вслед за ними явилась вторая флотилия галер в 15 штук, которая держалась еще дальше в море, и, не смотря на то, я и другие корабли стреляли по ним, они все-таки прошли мимо нас. Мы же задерживались из-за штиля и находились в том более невы-

годном положении, что дувший иногда малый ветерок был... нам противен. Немного после полудня... мы увидели вице-адмирала и другие корабли, шедшие нам навстречу; я тогда же дал сигнал сняться, но из-за штиля не могли подойти к нам, а мы по этой же причине должны были стать на якорь. Капитан Сиестерна, отправленный на своей шлюпке вице-адмиралом, явился к нам, чтобы узнать все о происшедшем. Вечером другие корабли, которые стояли под берегом, по моему приказанию были введены буксировкою в фарватер, дабы они в штиль не были захвачены неприятелем врасплох, тем более что мы им ничем не могли помочь. В «собачью» вахту [1] вице-адмирал подошел со своими кораблями ближе к нам. Ветра не было во всю ночь, и он не мог совсем подойти к нам ранее, чем в дневную вахту...

...27-го числа, вторник. Мертвый штиль и туман. Мы опять увидели большое количество галер, числом 60, под берегом; они старались со всеми силами пройти со стороны берега мимо наших кораблей к Гангеудду. Некоторые из наших кораблей, которые находились поближе, с помощью буксировки, пустились им вдогонку, причем я оказал им возможное содействие, предоставив им столько шлюпок, сколько при всей спешности можно было достать, для каковой цели был дан особый сигнал. Но так как опять господствовал мертвый штиль, а малый ветерок, который дул, был с севера, то, к нашему величайшему огорчению, и эта масса галер прошла мимо нас, не смотря на то, что наши корабли довольно близко подошли к ним и обстреливали их из пушек. Лишь одна галера была простреляна нами и попалась нам в добычу [2]. На ней оказались один майор, капитан, два прапорщика, один комиссар, один казначей и один пастор, а равно мешок с деньгами и 179 нижних чинов. Тот час после того было созвано общее совещание для обсуждения вопроса — как ныне следует поступить с флотом... Единогласно признали необходимым оставить Гангеудд и отправиться на защиту шведских шхер, в виду чего всем офицерам было приказано держаться наготове. Одновременно были отправлены крестьяне в шхеры для повсеместного распространения известий об этом прискорбном событии, а равно для предупреждения стоящих там кораблей. Затем кораблю «Верден» было дано приказание быть наготове, чтобы отправиться об-

[1] И поныне так называют на флоте самую трудную вахту — с полуночи часов ночи до четырех утра.

[2] Здесь сообщение шведского адмирала расходится со сведениями другой стороны, которая утверждала, что галера засела на камнях. Вместе с тем даются ценные подробности о плененных русских.

ратно с письмом к Ее Королевскому Высочеству и Королевскому Сенату.

...В полдень ветер южный при штиле. Мною было сделано распоряжение о распределении русских пленных на кораблях... Я также велел нескольким из кораблей взять новые запасы закупленного скота. Штиль продолжался весь день. После обеда послышалась сильная пальба на берегу, что, как мы с опасением предполагали, означало атаку на наш блокшиф и галеры. Несильный западный ветер, который тот час опять повернул на восток со штилем, продолжался целый вечер, но в полночь ветер немного усилился. На 1-й склянке «собачьей» вахты «Верден» снялся. На нем же я отправил лейтенанта Энгельгольма с письмом к русскому генерал-адмиралу Апраксину с просьбою сообщить мне о судьбе нашего блокшифа и галер, и если таковые перешли во владение царя, то я просил об обмене шаутбенахта Эреншельдта и капитана Сунда на взятых ныне с галеры «Конфай» в плен русских. Одновременно я отправил доставленное мне несколько времени назад от шаутбенахта Таубе русское письмо. Затем установилось полное затишье.

Среда, 28-го числа. Полный штиль. Из Кимото на шхерботе прибыл лейтенант, чтобы справиться о положении вещей здесь у нас, причем он не имел ни малейших сведений о том, что случилось с галерами; вчерашнюю стрельбу они тоже слышали, но из этого ничего определенного не могли заключить. Я его немедленно опять отправил обратно с письмом к шаутбенахту Таубе с изложением положения вещей и моим мнением о том, что шаутбенахту при этих обстоятельствах следовало бы предпринять. Утром вернулся посланный мною лейтенант, однако без ответа на мое письмо или сообщения, что они приняли русские письма и отправленные для шаутбенахта вещи... Лейтенант донес, что шаутбенахт жив, но ранен в левую руку, а равно, что блокшиф и галеры вчера после тяжкого боя были взяты неприятелем и что он их видел у русских. О других же офицерах он не мог получить никаких сведений, а равно, как выше упомянуто, русские также не хотели принять посланные для шаутбенахта и капитана Сунда вещи. Но изъявили согласие по получении ими верных сведений об убитых и плен-ных сообщить мне таковые. Эти сведения затем и были сообщены, из коих выяснилось, что четыре обер-офицера были убиты...

Четверг, 29-го числа... Был дан сигнал о созыве общего совещания. Так простояли до 10-й склянки послеобеденной вахты. На совещании разбирался вопрос о том: отправиться

ли в поиски неприятельского флота под Ревель или стать на защиту шведского побережья. Были взвешены все доводы за и против, но мнение большинства было за защиту шведских берегов...

ЖУРНАЛЫ, ПИСЬМА И УКАЗЫ ПЕТРА ПЕРВОГО [1]

Извлечения из журналов

1703 г.

...В 5-й день — (май) — по ведомости, что пришли шведские корабли и с ними вице-адмирал *; в 6-й день капитан [2] и наши полки **, в мелких судах, пошли на взморье и иные из низовых полков; и против 7-го, в полночь, пошли лодки к шведским судам и был бой; взяли шняву «Астрил», на которой 8 пушек, и гальот «Гедан», 10 пушек...

1704 г.

...Март. В 3-й день, на пятой неделе великого поста в пяток, приехал господин капитан на Олонецкую верфь.

В 16-й день отсель поехал в Петербург.

В 22-й день приехал господин шаутбенахт [3].

Май... В 9-й день писал к Великому Государю в С.-Петербург из Пскова генерал-фельдмаршал и кавалер Борис Петрович Шереметев, что посланный от него, водою, в лодках, на Чудское озеро генерал-майор фон Вердев, мая 7-го дня, напав внезапно на шведские новопостроенные 15 шкут в устье Амовжи реки, близ того Чудского озера, которые шли с запасами из Дерпта в гарнизоны для разоре-

---

[1] По утверждению известного русского историка ВМФ капитана 1 ранга Сергея Ивановича Елагина (1824—1868), не известно, кто занимался ведением этих «Журналов», за исключением нескольких, «писанных рукою Государя». Он также утверждает, что с 1695 года, т. е. первые из них, велись при бомбардирской роте Преображенского полка, а с 1705 года «здесь уже видно участие и других лиц...».

[2] Александр Данилович Меншиков (1673—1729), впоследствии генералиссимус, один из ближайших сподвижников Петра I. Участник Азовских походов 1695—1696 и Северной войны 1700—1721 гг. С 1703 г. губернатор Ингерманландии (позднее Санкт-Петербургской губернии). Руководил строительством С.-Петербурга, Кронштадта, корабельных верфей на реках Нева и Свирь.

[3] Петр I.

* Нумерс.

** Преображенский и Семеновский.

ния подданных Царского Величества, живущих около того озера, оные разбил... Из них 13 с пушками и с людьми взял, одну сжег да одна ж ушла. А на взятых обретаются медных и железных пушек 96... При том случае наших убито подполковник, майор, 50 человек солдат и ранено 150 человек... Вышеписанным взятым шведским шкутам... имена: «Каролус», «Вахмейстер», «Ульрика», «Дорпат», «Виктория Ватблат», «Виват», «Елефант», «Нарва», «Горн», «Шлипенбах», «Нумерс», «Штрофельт», «Шутте»...

1705 г.

...Июнь. В 4-й день, в понедельник, пришел шведский флот к Кроншлоту: адмирал Анкерштерн, 60 пушек; вице-адмирал Депроу, 54; два еще по 54; шаутбенахт Спар, 48 пушек; 1 корабль 36-фунтовых ядер; 1 корабль 28-ми да... 36 пушек. Всего 13 кораблей, 2 шнявы, 2 бомбардирских гальота, 2 с провиантом, 1 для хворых людей... Один шкут датский для торговли в Петербурге... шведы не допустили; сия ведомость получена от г. капитана Абрама Рейса.

В 6-й день был бой; взято у них 7 лодок, в них 2 капитана в полон и 29 человек. Их же потонуло: 1 капитан, рядовых 90 человек. Бросали они, шведы, к нам во флот 32 бомбы: одна бомба упала на галеру, на которой капитан Александр Молино.

В 10-й день еще они, шведы, бросали 17 бомб и во весь день били из пушек; и от нас також.

Июль. В 15-й день, т. е. в неделю, по ведомости, что сего июля 14-го числа поутру явился шведский флот, 25 кораблей. И с тех кораблей начали по нашим батареям, которые построены были на острове, стрелять и бомбы бросать до полудня. И с полудня они, шведы, в лодках, 1630 человек, хотели пристать на берег, чтоб им взять батареи приступом, и, не дошед за милю, стали. Наших полков (Гамонтова да Микешина) солдаты, не утерпя, начали палить залпом и их, неприятелей, побили 300 человек; взято живьем: 1 капитан, 1 поручик, 1 квартирмейстер, рядовых 25 человек.

В 18-й день был великий ветер и шторм; была с моря великая вода.

Август. В 18-й день явился шведский корабль, и посыланы были наших 7 галер в 19-й день. И был великий бой с 3-го часа; и за погодою галеры поворотились назад, а корабль в море...

1706 г.

...Октябрь... В 12-й день отправлен г. Щепотев с Автономом Дубасовым на малых 5-ти лодках, с 48-ю человеками командированных солдат, к торговым шведским кораблям, которые стояли близко города в проливе морском... Был бой, на котором г. Щепотев вместе с Дубасовым убиты, также и солдаты многие побиты, от которых малое число живых осталось... С ранеными наших осталось 18 человек. Они в оном бою чрезвычайно, за темнотою ночною, наехали мимо торговых кораблей на неприятельскую с 4-мя пушками шкуту, зовомую «Эсперн», и наперед пушками их на той шкуте овладели. И стали наши из оных по ним стрелять. И хотя их было довольное число людей, а именно несколько персон офицеров и 103 человека солдат, однако ж от темноты пришли в великую конфузию. Чаяли, что наших было много, и оттого стали бросаться вниз под палубу. Тогда наши, как их пушками, так и ручными гранатами, зело мужественно их побили, а именно... 2 капитана, 2 поручика, 1 прапорщик да солдат... 73 человека. Да живых взято в полон 23 человека солдат и трое девок. И тако оные наши оставшие неприятеля (сильных себя людьми в пятеро больше) взяли и тем судном совсем овладели, что зело удивительно...

Письма и указы Петра I

Архангельскому вице-губернатору Курбатову

14 июля 1713 г.

Письмо твое, писанное февраля от 12-го дня, до нас дошло, в котором пишете, что 3 корабля отделаны и на воду спущены будут в июле месяце, а матрозов у вас нет, — того для к сороку человекам, которые к вам уже отправлены, наймите еще у города Архангельского с чюжестранных кораблей 2-х боцманов, 4-х подбоцманов, 2-х констапелей, 2-х подконстапелей, 2-х штюрманов, 2-х подштюрманов да русских взять в матрозы с качей, также с лодей, морянок и карелок, выбрав добрых и молодых на корабль по 200 человек. Пушек, какие возможно, сыскать по 18 или по 20 на корабль. И когда помянутые корабли на воду спущены будут [тогда заложите, ежели готовые леса есть], один корабль или два, а впердь леса еще на 2 корабля или на 3 изготовьте препорциею против прежних, чтобы оные корабли поспели зимовать в будущую зиму в Дацкую Норвегию близ Ка-

тагат, а оттоль, что пошли не одне, но даждався дацких каких кораблей, дабы безопаснее могли миновать Готенбурх; а буде дацких не будет тогда к походу готовых, то б хотя и одне шли; а когда будут в Зунте, то б, не останавливаясь у Копенгагена, прямо пошли к Ревелю и, чтоб было тайно, тля того дай им два указа, запечатав: первой, — что им итить в Норвегию, чтоб распечатали против Колы, другой,— что из Норвегии итить к Ревелю, чтоб распечатали, пришед в Норвегию, в последних числах генвэря. Также и у офицеров и у протчих, кои вновь приняты будут, возьми присягу в их службе и верности обыкновенную. И чтоб в будущем феврале или по нужде марта в первых числах 1714-го году могли оные корабли поспеть к Ревелю...

Светлейшему князю А. Д. Меншикову

27 июля 1713 г.

Письмо Ваше, писанное июля от 7-го дня, чрез курьера Юшкова, мы получили, на которое ответствуем. Хотя за дальностию и непрестанными отменами конъюнкторов подлинных указов послать невозможно, однако ж нужно сие есть, чтоб Дацкого короля не отогнать, ибо зело они опасаются, что когда им испражнить Голштинию, то не чают получить обменою на Бремен и Ферден; что же до короля Прусского надлежит, то оному не такая нужда, ибо сие для выгождения голштинцам, частию же и шведам чинится...

P. S. Еще получили от Вас два письма, в которых пишете, что остров Руген счастливо взят, чем Вам взаимно поздравляем и желаем, дабы Господь Бог и прочее у Вас окончал вскоре, дабы войски вместе иметь и скорее сего гордаго неприятеля к миру склонить, онаго ж помощию. О вдешнем объявляю, что, слава Богу, неприятельская эскадра под командою вице-адмирала Лили из Финского моря выбита и гаван Эльзинфорской укреплен, и тако неприятелю ныне нет гавана ближе как Гогланд и Галанд; також надеемся на помощь Божию, что вся финская земля будет сей же кампании в руках. Приемышев еще пять прибыли к нам. Еще же объявляю о некотором несчастливом случаю, которая учинился над кораблем «Выборхом», что оной во время гонения за неприятелем попал на плиту и разселся, котораго снять не могли, но тут, сняв людей и верхния пушки, сожгли.

Третьего дни пришли шесть кораблей торговых сюда голанских и англинских, из которых гальет да гукар ко мне и причалились к самым моим палатам [на которых есть деревья и к Вам], чего я еще отроду не видал, чтоб у двора моего такия суда были...

Капитану Сиверсу и капитанам-поручикам И. А. и Н. А. Синявиным

31 июля 1713 г.

Явиться адмиральскому советнику г-ну Кикину и делать по сему:

1.

Тялки все спастить, которые ныне в Питербурхе есть, також и на шнаву «Принцес» приготовить всю такелаж.

2.

Что надлежит из Ладоги и с Олонецкого верфу привести, то возить нынешним летом до заморозов, пока водяной путь есть, как возможно скоряя, дабы все было к будущему году готово.

3.

Корабли, которые в гаван посланы, разспастить и выгрузить.

4.

Чтоб брегантин с Луги реки, ежели могут пройти пороги, сколько возможно к нынешней осени в Питербурх привести и совсем приготовить их для нынешнего осеннего транспорта, також и те 5 брегантин, которые в Нарве, взять в Питербурх.

Сие и протчее, что потребно для адмиралтейства, дается на диспозицию вышереченного г-на адмиралтейского советника, кого из офицеров, куды и по скольку матрозов определить.

Пред документом помета:

Того ж числа (выше — июль 31-е) пункты даны капитану Сиверсу, да капитанам-поручикам Ивану и Науму Синявиным.

Адмиралтейскому советнику А. В. Кикину

12 августа 1713 г.

Понеже соль, которая отпущена была сюда из Питербурха, на море вся пропала, того для объяви господам вышним

сенаторам или вице-губернатору Корсакову, дабы он, вместо той которая на море пропала, прислали новую немедленно (також пришли к нам, не мешкав, маленькую верстомерную колясочку, которая есть у Алабердеева). Сей урон учинился от великого шторма, которой был в 3 день сего месяца, и еще к тому разбило «Велком», «Хелт», «Драгарс» и галиот «Нарвской», из которых гальет починить мочно, а буерс — Бог знает, а «Велкома» — и думать нельзя, ибо посадило на высокий камень и разломило; также несколько карбусов разбило, о чем еще ведомости подлинной не имеем, ибо разбросало всех врозь так, что про одну тялку и ныне не ведаем где, ищут по щелям. Люди только на двух карбусах совсем пропали, а на прочих Бог спас, как людей, так и провиант. Правда, в 22 года, как я почал служить на море, разве два или три таких штормов видел. Прошу о сем так пространно не объявлять домашним моим, ибо я о трех судах (что здесь писано) объявил легонько, что повортило. Мы с Усиньева дни пойдем к Аббу. Я писал в Ригу, чтоб купили два гальета для мортиров и гаубиц. Мы сюда прибыли 5-го дня сего месяца, впротчем здесь все, слава Богу, благополучно и неприятель бежит.

Генерал-адмиралу графу Ф. М. Апраксину

7 сентября 1713 г.

По отъезде от Вашей милости я был близко шведской эшкадры и сколько в сие короткое время осмотрел, тут невозможно ныне, кажется, проехать, ибо близ материка, когда поехала наша шлюпка, то по оной стреляли и тотчас 2 корабля на парусах к нам пошли и, не дошед, паки повернулись; узкое место и мелкое, о котором сказывал г-н шаутбенахт Боцис, и он его не видал, но от мужиков слышал; правда, хотя пройтить трудно, а проведать далее землею и мужичьими лотками весьма мочно было. Место, где корабли неприятельские стоят, тесно и весьма им в будущий год возбранит в сем месте мочно (что далее сего места, то не знаю), ибо зело внутрь земли есть и нигде моря видеть как у Борнгоу, но еще проливы. Уже письмо Ваше во флот послал. Стоит неприятель зело осторожно, однакож для него и зело опасно, для того что зело уско место, где стоит, а особливо в нынешния темныя ночи и утренние туманы; жаль, что время пропущено без опыту брандеров.

Скампавей «С. Александра».

Капитану Федорову и капитан-поручику Муханову

1.

Итти до захождения солнца часа за два, или больше, дабы к сумеркам к острову поспеть. А итти на гребле возле сего берега и, поровнявся, прошив острова, пуститься к нему. Дабы неприятели не узнали, какие суды, для чего большую мачту снять надлежит и буде возможно сыскать четвероугольных парусов, тоб всего лучше было, ибо неприятель почаял бы ихния суды.

2.

Когда к острову прибудут и смеркнется, тогда итти, сняв передний мачт, и как возможно тихо себя держать и греблею не шуметь, но, тихо опуская, проволакивать, дабы можно подкрасться к неприятелю. А особливо чтоб такое место трафит, где отмель далеко, и чаю и караулу нет, понеже за отмелью к берегу пристать нельзя, и для того в таких местах и опасения не имеют.

3.

Идучи, мерять глубину, и когда на такую глубину придут, чтоб фут или полтора под галерою воды было; тогда дать знак свистом в трубочку, чтоб бросили якорь **с зади;** а потом как возможно скорее козаков высадить, для чего лощади были на судах обседланы, как возможно тихо, и чтоб **потащились** добраго языка достать. Прочее дается на рус-суждение господ офицеров.

Петр.

Августа 28, 1716 года.
Из Копенгагена.

Поручику князю Лобанову

Ежели с кораблем «Страфордом» от Гданска еще не пошли, то по получении сего не мешкать ни часу поди сюда, для чего нарочно послали мы к вам корабль «Лансдоу»; понеже соединенные флоты от Борнгольма отступили. И для того будучи в курсе имейте добрую осторожность от неприятеля, дабы вам не попасть оному в руки.

Петр.

Сентября 8, 1716 года.
Из Копенгагена.

Шаутбенахту Сиверсу

О крюйсерах учинить определение по сему, тотчас когда лед от виду здешняго отойдет:

1-е. Послать три гукора: «Кроншлот» и два что Немцова дела и к тому шведский корабль «Вахмейстер»; а буде мало, то «Армонд» и других меньших прибавить.

2-е. Вышеписанным судам быть от Гогланда до Варивалдая, в таком расстоянии чтоб друг друга видели марс-зейли; а первому в добром виду от Гогланда.

3-е. На Гогланд послать бот с офицером и несколькими солдатами, который бы там приготовил три пирамиды на самом верху из сухаго дерева, и смотрел только, где флот воинский чей-нибудь увидит, то оныя зажечь, а сам ретировался в шхеры, или к Естляндскому берегу.

4-е. А первой крейсер от Гогланда, когда увидит тот огонь, чтоб учинил знак другому флагом на грот-мачте и стрельбою обыкновенною. И тако друг другу, и учиня б шли к сему порту.

Петр.

Апреля 24, 1720 года.

Шаутбенахту Сиверсу

1-е. Вывесть корабли «Лесной» и «Гангут» и поставить между воинскаго гавана и Кроншлота.

2-е. Корабль «Викторию» поставить между Кроншлота и торгового гавана на шпрингах без балласта, или балласт на канатах, дабы ежели какой несчастливый случай оному случится, дабы вынять мочно было и тем фарватера не испортить.

3-е. Суды, к которым притянули галеры, поставить ныне на место, утвердя якорями. А бомбы двойныя приготовить половину в торговом гавани, а другую в Кроншлотском, дабы во время нужды скоро претянуть было возможно.

4-е. Корабли старые: «Михаил», «Гавриил», «Пернау», приготовить к затоплению, и как будут готовы, то дать Мне знать. А ежели в небытность Мою приход неприятеля будет, то оны тогда затопить и без Меня, как начерчено.

5-е. О диспозициях воинских и прочих разпорядках иметь сношение с г. гвардии майором Матюшкиным и делать обще что к пользе.

6-е. Оборону флота и сего места иметь до последней силы и живота, яко наиглавнейшее дело.

7-е. Хотя чего здесь и не написано, а может быть к пользе, чинить с совету, как доброму и честному офицеру надлежит, не пропуская никакого удобного случая.

Петр.

Мая 18, 1720 года.

Гвардии майору Матюшкину

1-е. Что касается до обороны острова и прочих крепостей, то вручется в его команду, со всеми сухопутными служители.

2-е. Галеры всегда держать в готовности в удобном месте, дабы в случае всегда выйти могли, какой ветер не был.

3-е. Оными галерами наипаче оберегать того, дабы ежели какая машина, или брандер посланы будут, чтоб оные не допустить, но отворотить, взять, или сжечь, или на мель посадить. Сие так чинить надлежит тем, которые посланы будут, чтоб какой страх, или убыток в людях не был, сие чинить с помощью Божиею, под наказанием смертной казни, без всякой пощады. Но для сей экспедиции на каждую машину, или брандер, более одной галеры не посылать, дабы лишней траты людям не учинить, понеже оныя всегда безлюдны бывают, а лучше б лодками большими.

4-е. Все, что до морского дела надлежит сноситься с шаутбенахтом Сиверсом и с ним еще делать. А советовать и с прочими главными офицерами.

5-е. Еще галерами чинить: ежели неприятель мелкия суды иметь будет, а именно: о 24-х пушках и меньше и похочет обойти фарватер и с помощью Божиею разорить тщиться по крайней возможности.

6-е. Александрову крепость, что необходимая нужды требовать будет поправить; также кругом острова где мочно пристать мелкими судами, чтоб сделать линию батарей и где надобно поставить железных малых пушек, где сколько пристойно будет.

Петр.

Мая 18, 1720 года.

Генералу князю Михаилу Голицыну

Как письма ваши, так и г. майор Румянцов к Нам прибыли. И для чего поход ваш отменен, Нас уведомили; правда зело б добро было, ежели б перешли и что-нибудь сдела-

ли; но однакож не без опасения было. Того ради возврат ваш за противно не приемлем.

А что указ имеете: итти к Абову, оставя галеры в Гельсингфорсе, то сим отменяем, ибо лучше вам к Абову не ходить, но стать с корпусом между Або и Гельсингфорсом на половине, и чтоб не гораздо далече от Гангута, а кавалерию всю послать к Або, разве малой разъезд оставить, или как оное сами лучше разсудите.

Сие для того учинить надлежит, понеже ведомости имеем разныя, иные пишут, что транспорт будет на Або и флот станет у Гангута, дабы коммуникацию вам пресечь с здешним местом. Иные пишут: что транспорт будет к Гангуту, дабы как водою, так и землею отрезать вас.

Того ради надобно стать вам в таком месте, как выше писано, от коль удобнее можете всюды смотреть и обращение иметь, где б неприятель ни вышел на берег. По сему извольте поступать; а прочее дается на ваше искуство.

Петр.

Мая 21, 1720 года.

Капитан-командору фон Гофту

Итти со всею командою, для конвою провианта в Ревель, а когда поравняется у Стен-шхера, тогда ему ластовыя суда оставить, а самому итти к Ревелю, корабль от корабля в виду только марзейль, для проведывания о неприятеле. И ежели его там нет, то дать сигнал от одного до другого корабля и до ластовых судов, что без потеряния времени шли к Ревелю.

Когда оныя дойдут до Ревеля, тогда ему крейсовать между Рогерником и Гангутом с своею командою. Буде же увидит у Ревеля неприятеля, то дать другой сигнал, чтоб провиантские корабли шли назад или в шхеры, и самому возвратиться сюды, а ежели усмотрит, что неприятеля у Ревеля нет, то провиантские суды отпустить по своим местам, одни к Гельсингфорсу, а другия к Ревелю. Буде же ветер будет к одному месту противной, а к другому способной, то отпустить провиантския суды все к одному месту, куда ветер будет способнее.

Петр.

Июня 12, 1720 года.

Князю Меншикову

1-е. Чтоб помнили всяк свое дело, как надлежит, и как уже многажды письменно и словесно, сверх регламенту указы даны под жестоким штрафом. Но надлежит крепко смотреть на сигналы и по оным делать; ибо ныне уже в преступленьи прощенья не будет.

2-е. Стрелять перво из исподней палубы... из каждой пушки; а по том оных не заряжать, но закрепить.

3-е. По том стрелять у двух палубных с верхней палубы; а у трое палубных из средней и верхней переменяясь. Однако ж смотреть, чтоб более с верхней палубы была стрельба. Например: чтоб две доли с верхней, а третья с средней.

4-е. В стрельбе смотреть накрепко, дабы не очень редко и не очень часто стрелять, но наподобие салютации.

5-е. Все ядра и картечи снять, дабы кто глупой не ошибся, чего надобно смотреть командирам накрепко.

6-е. Во время сей экзерциции иметь в вашей половине синие флаги, а вымпелы с фор-стеньга; а которые будут в команде шаутбенахта князя Меншикова, у тех белые флаги, а вымпелы с крюйс-стеньга.

7-е. Когда сигнал подымут: стать на якорь и при том белый флаг с синим крестом (который ставится для молитвы), тогда всякому стать в том же месте, где ныне стоят на якоре.

Петр.

Августа 5, 1721 года.

...К гвардии подполковнику князю Петру Михайловичу Голицыну, с препровожденнем гравюры, на которой изображен торжественный вход в Неву фрегатов, взятых у шведов

Господин подполковник.

В 8 день сего месяца взятые швецкие фрегаты сюды с триумфом пришли ветром вест-зюйд-вестом; а как оные шли, также предводили и замыкали их галеры, тому прилагаю компорштых при сем, также и пирамида с проблемами, которая для сего триумфа на Троицкой площади зделана. Сии фрегаты давно б приведены были, но замешкались затем, что двое из них на камелях вводили в устье. При сем же посылаю и препорцию длины, ширины и глубины; правда, что написаны фрегатами все, но два из них, «Штур Феникс» и «Венкер», сей ранг превосходят, понеже «Феникс» был о 50 пушках, но ранг был, того для полуба верхняя снята, а «Венкер» и теперь двоепалубный и с фордеком и имеет 44 окна пушечных, только исподней лаг шведы не употребляли для тесноты или низости между палуб. Сего триумфа ныне последней третей день, и все ночи убраны луминациями зе-

ло изрядно. При вводе их стреляно с обоих крепостей из столка пушек, сколько на них взято.

Петр.

Из Санктпитербурха, сентября в 11 день 1721-го.

Ответы на письма Петра I и донесения ему

По присланному ГОСУДАРЬ от ВАШЕГО ВЕЛИЧЕСТВА указу, намерен пустить к Кронштоту с контр-адмиралом Паддоном корабли: «Москву», «Ингерманланд», «Шлюссенбург», «Мельбрук», «Леферм», «Екатерину», «Полтаву» и оба голландские и пять кораблей городских, да из фрегатов: «Илию» с трубами и галиот бомбардирской; а сам буду до указу ВАШЕГО ВЕЛИЧЕСТВА в Ревеле.

В Ревеле останутся: «Перло», «Уриил», «Рандольф», «Эсперанц», «Самсон», «Страфорд» и новый пинк. Надеюсь, вышеписанные корабли к Кронштоту в последних числах сего месяца или в первых сентября отсюда отпустятся: понеже надлежит разобраться людьми, которым быть при Кронштадте и Ревеле. Также некоторые из оных на крюйсе в Балтийском море, между Курляндских и Лифляндских берегов и Готланда.

Подполковник кн. Голицын до ныне к нам не бывал, и когда прибудет, то о содержании и удовольствовании мастеровых людей, как ВАШЕ ВЕЛИЧЕСТВО изволил писать, буду исполнять.

Пред сим ВАШЕ ВЕЛИЧЕСТВО изволил писать из Шпа от 18 июня о литье для пробы 4 пушек 16-фунтовых и о том на Олонецкие заводы писал, велел немедленно против указу ВАШЕГО ВЕЛИЧЕСТВА вылить и отправить в С.П.бург.

Генерал князь Голицын с галерным флотом обретается у кирки Карпо, которая в 8 милях от Абова к Аланду, и тамо чинит экзерцицию, о чем против указу ВАШЕГО ВЕЛИЧЕСТВА писал с подтверждением, чтоб чинили то беспрестанно.

Ф. Апраксин.

Августа 19 дня, 1717 года.

С покорностию ВАШЕМУ ВЕЛИЧЕСТВУ доношу, июля 31, по счастливом возвращении от Готланда, отправлен от нас на крюйс капитан фон Гофт с двумя кораблями: «Перлом» и «Портсмутом» и с новым пинком, и дана инструкция, чтоб крюйсовать между курляндских и лифляндских берегов и Готланда, и который возвратился ко флоту 20-го августа благополучно, и привел взятую близ Аландских

шхер неприятельскую шняву, которая послана была от Штокгольма к Готланду для проведывания о нашем флоте.

И как счастливым взятием сей шнявы, так и благополучным окончанием сей кампании ВАШЕ ВЕЛИЧЕСТВО поздравляю. Флот, ГОСУДАРЬ, здешний на сих днях отпустится к Кронштоту, а я намерен здесь ожидать ВАШЕГО прибытия.

Роспись, что на взятой шведской шняве «Полюкс» обретается пушек и морских служителей: 14 пушек (3-фунтовых, чугунных); поручик — 1, лекарь — 1, штурман — 1, шхипер — 1, подштурманов — 2, нижних чинов — 60. Всего 66 человек.

Ф. Апраксин.

Августа 22 дня, 1717 года.

Доношу ВАШЕМУ ВЕЛИЧЕСТВУ: 8-го числа на корабле «Перло» с капит.-командором фон Гофтом и прочими командующими офицерами на Кригс-рате резолвовали [1]: дабы «Самсон» и «Ландсоу» крейсовали между Ландсортом и крепостию Визой на Готланде 6 или 7 дней для поймания пакетбота, который ходит от помянутой крепости в Швецию. Чрез котораго б могли получить известие о состоянии неприятеля.

И между оною крепостию и Ландсортом крейсовали до 13-го числа и взяли несколько призов, идущих в Швецию, и возвращались с оными к капит.-командору; по по противному ветру от и великой погоде не могли с оными призами авопсировать в наш курс, понеже три приза были в несостоянии за великою течью, также и с кораблей наших довольное число людей было откомандировано на призы, а паиболее принуждены были к Ревелю идти, что из тех призов на одном некоторую персону взяли, которая ВАШЕМУ ВЕЛИЧЕСТВУ о состоянии неприятеля нашего предложит особливое известие, понеже он был от Штокгольма посажен.

И с Божиею помощию вчерашняго числа прибыли мы к Ревелю и призы привели благополучно; а вчерашнего числа встретились мы с капит. Н. Синявиным и оному известие дали, где найти капит.-ком. фон Гофта.

Уведомились мы от г. Маша, что 18-го апреля пошло из Карлскроны 3 корабля, которые один данской капор взяли, а другой потопили. Он же слышал что майя 7-го дня были в Карлскроне готовы к походу 5 или 7 кораблей и фрегатов;

[1] На военном совете решили...

а о другом состоянии он донесет сам ВАШЕМУ ЦАРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ.

Ф. Апраксин.

Майя 18 дня, 1719 года.

Доношу ВАШЕМУ ВЕЛИЧЕСТВУ: сего майя против 24 числа в полночь увидели мы 3 судна, идущих от нас к западу, между Эзеля и... за которыми сделав сигнал моей шквадры, распустя все паруса пошел. В начале 3 часа, как стал свет, осмотрели, что два корабля и 1 бригантин, до которых в начале 5-го часа своим кораблем, и другой при мне «Девоншир», дошли в пушечную стрельбу под шведскими флагами, и выпалил еще из пушки, тогда шведской командорской брейд-вымпел и флаги свои подняли. Тогда я шведской флаг спустил и поднял брейд-вымпел и флаг ВАШЕГО ВЕЛИЧЕСТВА и с Божиею помощию прошив командорскаго корабля, подняв красный флаг, стали стрелять, и были друг против друга от 5-го часа, даже до 9-го, от которого я получил, что шаги и марсели сбил у меня долой. И для того командорской вымпел взял у меня перед, а задней шведской фрегат нашел на меня, тогда я стал против его носу боком и со всего исподняго деку запалил картечьми; которой тотчас спустил свой флаг, также и бригантин. А командор шведской расставил все свои парусы и пошел на утек. Я сделал сигнал архангелогородским кораблям, чтоб за ним гналися и онаго абордировали. А я, исправясь своим кораблем и шнявой «Наталией», пошел за ними. Г-на Зотова оставил для взятаго фрегата и бригантина. В начале 12-го часа капитаны Шапизо и Деляп командорской корабль догнали и у онаго стеньги сбили; которой также флаг спустил.

Сие все Божиею помощию и ВАШЕГО ВЕЛИЧЕСТВА МОЕГО ВСЕМИЛОСТИВЕЙШАГО ГОСУДАРЯ счастием сделано, без великой утраты людей ВАШЕГО ВЕЛИЧЕСТВА. А для подлиннаго известия, что делается в Швеции, послал капитана с командорскаго корабля до ВАШЕГО ВЕЛИЧЕСТВА.

При сем прилагаю реэстр взятым кораблям, также обер- и унтер-офицерам, матрозам и солдатам. Я иду со всею своею шквадрою и взятыми шведскими кораблями в Ревель; понеже многие корабли требуют починки, как стеньгов, так парусов и веревок.

Реэстр взятым кораблям: корабль «Вахмейстер», кап.-ком. Врангель, пушек 52; фрегат «Карлскрон Вапен» — 34;

бригантин «Бернардус» — 12; офицеров — 11; нижних чинов — 376. Всего 387.

Наум Синявин.

Майя 26 дня, 1719 года. Ревель.

Мнение генерал-адмирала Апраксина

Понеже неприятель, как видимо на конгрессе Аландском, чинит предположение как возможно, и к миру не исполняет, и за тем может себя поставить пред нынешним, как известно, в лучшее состояние, и для того дается мое мнение: каковым образом производить настоящую кампанию и понуждать неприятеля к склонению добраго мира.

1. Надлежит послать несколько лодок в разныя шхеры, где возможно достать языков, чтоб знать подлинно: где неприятельския войски обретаются и где неприятельский флот состоит.

2. Надлежит приступить всем корабельным флотом к Аландс-Гафу, с добрыми лоцманы, и стать в вид неприятеля, дабы не могли выйти из своих гаванов.

3. Надлежит немедленно под защищением корабля послать знатныя одну или две партии, на галерах в нордную сторону, а имянно: между Гефля и Штокгольма и чинить чувствительное разорение, дабы тем неприятеля разделить в разныя части и отволочь от Штокгольма. И дать указ, чтоб немедленно рапортовали, как будут с неприятельской стороны поступать, и потом, ежели возможно, действовать генерально.

4. Буде все устья к Штокгольму укреплены батареями, такожде прамами и блокгаузы и пройтит будет без великой потери не возможно, тогда умножать партии, по правую и по левую сторону Штокгольма, и разорять, где возможность допустить неприятеля, жилища и, где есть великие заводы, жечь.

5. А ежели неприятель сильно противиться не может, то под тем же корабельным прикрытием велеть идти всем галерам генерально к самому столичному месту; хотя б обшед на одну часть котораго места, напасть и разорить вышед на землю, понеже оныя состоит в трех или четырех островах, а кораблям стоять в Аланд-Гафе.

6. Буде же паче чаяния всем кораблям стоять тамо долговременно опасно, то, по моему мнению, лучшим кораблям идти прочь и крюйсовать, между Дагер-орта и Готланда; дабы не могли отрезать неприятельские корабли от Карлскро-

на, или иные какие, помощные от противных нам потентантов. А при Аланд-Гафе оставить против Штокгольма эскадру кораблей 9, или как заблагоразсудится, и при них фрегата два и бомбардирские галиоты и брандеры. И велеть крюйсовать, дабы без известно к Штокгольмской эскадре от Карлскрона корабли не прибыли, а понеже хотя неприятель каким случаем противно оных не усилится, или бы отрезал, от наших гаванов, то может оныя вывесть до глубокой осени в безопасной гаван при Аланде, а когда будут ночи темныя, тогда могут возвратиться к Ревелю.

Прочее все предается высокому Генеральному совету.

Генерал-адмирал Ф. М. Апраксин.

Июня 28 дня, 1719 года.

Доношу Вашему величеству, 24 числа в 16-ти галерах и в 29-ти лодках прибыл к острову Берк-скер и командировал от себя до кирки Корпа и до капели Гутскер, по Абовскому курсу подполковника в 9-ти галерах и 15-ти лодках, осмотреть неприятельских судов, нет ли лежащих в шхерах? Понеже уведомились у Корпострема, что был тут неприятель.

Отправив онаго подполковника, следовали мы по курсу к Ламеланду, и как прибыли к острову Мюльке, послан был вперед, для осмотрения по курсу нашему неприятеля, капитан-командор Дежимон на шлюбках. И, возвратясь, рапортовал нас, что видел у Резафан-острова галеру шведскую, стоящую на карауле. И я, у онаго острова остановясь, посылал еще того ж капит.-командора, полковн. Гогмуша, подполков. Баркова и галерного порут. Павла Степанова, осмотреть подлинно, понеже близко к ночи. И оные, возвратясь, репортовали, что галера стоит и палили для сигналу из пушек 6 раз; а как настигла ночь, они стали на якорь, а галера взяла ретираду.

26 числа есдили мы оной смотреть, и как в такую дистанцию подъехали, чтоб видеть, то усмотрели две галеры, которыя, завидя нас, ретировались к своим, кои состояли позади острова Фризберга, а имянно: 1 корабль, 4 фрегата, 3 галеры, 1 шнява, 1 галиот, 3 шхербота и 1 бригантин; а погода была ЗВ — (зюйд-вест) — и за оною абордировать их не допустило.

27 числа была та ж погода, корабли выбуксировали галерами за пролив и за Меланскую косу; ветр был ЗЗВ, а я, осмотрев и призвав генералитет, полковников и подполковников, имели совет, и предположили: чтоб того дня выйти

на гавань к острову Грен-Гаму, и когда погода будет тихая, а оныя суды далече не отступят, чтоб абордировать.

И как мы в тое гавань стали, то оныя суды, и еще прибылыя с вице-адмиралом Шеблатом, на парусах шли к нам в пролив, чего не возможно было надеяться, однако ж для погоды имели уступить в прежнюю свою гавань; а оныя за ними ж азардовали, и усмотря, что так далеко к заливу пробились, принуждены в надежде поиску абордировать. И как стали к нам пригребать и в их оборотах для пушечной стрельбы и в ретираде, снасти перебиты, и стало на мель два фрегата, которые хотя не с жестоким, только абордирунгом достали.

Другие два фрегата взяли абордирунгом на парусах, на свободной воде; а достальные, вице-адмиральский корабль и прочие ретировались, однако ж по возможности гнали и от вице-адмиральского корабля, от кормы видели в воде доски, а за ними больше следовать не допустила погода, а паче, что близко к морю и место широко, також и с моря еще два судна показались. А ежели б затихло, тоб ни одного судна не упустили...

Князь Михаил Голицын.

Июля 31 дня, 1720 года.

СУД НАД ВИЦЕ-АДМИРАЛОМ КРЮЙСОМ

(Эпизод из истории Русского флота)

Деятельнейший сотрудник Петра в образовании флота, победитель шведов в 1705 году, у Кронштадта, старейший адмирал нашего флота Крюйс в 1713 году был судим за упущение неприятеля и приговорен к смерти... Сам Петр был в ряду судей его, как контр-адмирал флота. Это событие в свое время наделало много шуму в Европе, и почти все иностранцы, писавшие о России того времени, упоминают про него *. Но ни иностранцам, ни нам доселе не были известны

---

[1] Этот эпизод, описанный известным в свое время военным историком и писателем Александром Петровичем Соколовым (1816—1858; окончил кадетский морской корпус, служил во флоте и морском ведомстве) в 1849 году, нашел отражение в различных воспоминаниях, дневниках, журналах и письмах, малоизвестных или совсем неизвестных широкому читателю не только в наши, но и в те годы.

* Берх в жизнеописании Крюйса привел только противоречивые показания иностранцев, ничего не прибавя в пояснение их.

подробности этого дела. Предлагаемый здесь рассказ составлен по подлинному судному делу, по журналу одного из участников, Н. Синявина, и по нескольким письмам Крюйса к государю и графу Апраксину.

Летом 1712 года, когда государь был в Дании и замышлял высадку на о. Руге для защиты его от покушений шведов, он имел под своим флагом 3 корабля, 2 фрегата, 2 шнявы и 1 бомбардирское судно; сверх того, 6 бригантин находилось под командою шаутбенахта Шельтинга и 12 скампавей под начальством шаутбенахта Боциса. Вечером 29 июля Крюйс известился, что у Толбухиной косы показались три неприятельских судна — 2 корабля и 1 шнява. Он пошел им навстречу, но, не дойдя мили за три, за наступившею темнотою, был принужден стать на якорь; неприятельские суда тоже остановились. Ночью получено известие, что у Сойкиной горы показалось 10 неприятельских судов. На рассвете 24-го числа вчерашние три судна стали подходить к нашему флоту с попутным ветром. Крюйс послал им навстречу 2 корабля и 1 шняву, а потом и сам снялся со всеми другими судами. Приблизившись к нашим передовым судам, шведы привели к ветру и пошли в море. Между тем ветер стал затихать. Крюйс послал в помощь гнавшимся 4 бригантины, а когда совсем заштилило (часу в 11-м), приказал буксировать все корабли скампавеями. Но едва успел распорядиться буксирами, около полудня, когда адмирал, обедая у себя с некоторыми из капитанов, пил уже «на доброе счастие» рейнвейн, ветер засвежел, и наши суда, бросив буксиры, начали отставать от шведских. Во втором часу стало уже так свежо, что были принуждены закрыть нижние порты. Неприятель тогда был милях в полутора за косою, наши суда по сю сторону косы, в линии довольно растянутой, и ничего не выигрывали при лавировке. Поэтому Крюйс приказал прекратить погоню, подняв белый флаг. Увидев прекращение погони, шведские суда снова спустились по ветру и, приблизясь к нашим передовым на полмили, привели к ветру. Тогда Крюйс опять поднял красный флаг — сигнал погони. Но неприятель, имевший, как видно, намерение только высмотреть наши силы или заманить нас далее к своему флоту, имея суда более ходкие, стал опять удаляться. Между тем ветер свежел и наступал вечер. Перед заходом солнца мы прекратили эту безуспешную погоню и расположились на якоре. На другой и на третий день шведские суда были видимы у Варивалдая; но ветер стоял нам противный и свежий, и адмирал не решался далеко отходить от Кронштадта. Потом те суда скрылись, и получено подтвердительное известие, что у Сойкиной горы стоят 8 неприятельских кораблей и 4 шнявы.

Шаутбенахт Боцис, издавна враждовавший с Крюйсом, доказывал, что неприятельские суда могли бы быть догнаны, если бы Крюйс раньше послал за буксирами, не прекращал погоню во втором часу и не стал на якорь перед вечером. Крюйс оправдывался, утверждая, что иначе он не мог поступить; ссылался на указ, повелевавший «не газардовать» на известие, что у неприятеля были значительные силы у Сойкиной горы; что о. Котлин укреплен слабо и оставить его без защиты опасно; приводил примеры из истории английского, голландского и шведского флотов, выставляя свою долголетнюю службу; называл Боциса «невежливым, глупым и неискусным греком»... Некоторые обстоятельства оправдывают Крюйса, другие обвиняют; в показаниях много недомолвок и противоречий. Но вообще дело это казалось не очень важным, и суд по нем начат только на следующий год, когда Крюйс попал в другую беду... Далее в приговоре суда мы увидим, в чем главнейше обвиняли Крюйса за кампанию 1712 года; а теперь опишем следующее с ним событие.

В 1713 году было предпринято завоевание Финляндии, важность которой в глазах государя показывают следующие строки его письма графу Апраксину: «Ничем так шведов к резону и к склонности к миру не приведем, как Финляндиею, откуда все они довольствуются». С начала весны государь отправился к Гельсингфорсу на 200 гребных судах с 16 000 войска. Гельсингфорс был оставлен неприятелем, перешедшим в Борго; туда пошли и наши войска, а государь возвратился в Кронштадт, чтобы выслать в море эскадру...

В Ревеле тогда стояли четыре корабля («Виктория», «Штрафорт», «Британия» и «Аксфорт») и один фрегат («Ландсдоу»), только что приведенные из Англии, где они куплены...

Государь хотел и сам участвовать в этой кампании, в звании шаутбенахта; но Крюйс настоятельно отсоветовал это, представляя, что государь для блага своего государства не должен подвергать себя опасностям и, приписывая многие примеры бедствий, даже отклонял государя от поездки в армию. Петр оскорбился. «Осьмнадцать лет, — отвечал он,—как служу сему государству (о чем пространно не пишу, понеже всем известно) и в коликих баталиях, акциях и белаграх был, везде от добрых и честных офицеров прошен был, дабы не отлучался; как и последняя нынешняя моя от-

лучка из Голландии, где не только от своих, но и от датских и саксонских генералов о том прошен был, дабы там остаться, а не отсылан и дабы дома яко дитя остался. Я думаю, много причин о сем, но ныне, до времени, оставляю, дабы никакого препятствия дать сему доброму случаю и того ради, где не желают, оставляю свою команду; однако ж, дабы я ни в чем причиною не был к нерадению, свое мнение предлагаю. Хотя таким или иным образом, только б корабли ревельские сюда в целости препровождены были; в чем и прочем может господин вице-адмирал ответ дать».

На примеры же, приводимые Крюйсом, государь написал следующие язвительные ответы:

Предложение	Ответ
«Адмирал Обдам, будучи в датском флоте, против шведов в баталии, от пороху корабль разорвало».	«Дворянин Микита Долгой, ехав Окою, имел бочонок пороху, который взорвало, ему ногу переломило и многих обожгло».
«Адмирал граф Крус, на большом шведском корабле, именованном «Три короны», который был против датских, також порохом подорвало».	«Окольничий Засекин свиным ухом подавился».
«Адмирал Шофель потерял свой корабль на одном камне».	«Ивана Ивановича Бутурлина палаты задавили».
«Адмирал Коломбург, через четыре года, только на малое время отлучился от своего корабля, но оный от пороху разорван был».	«Год тому назад как делали фейерверк на Москве, и тогда, только я вышел, подорвало и подполковника Страсбурха, Франца Тиммермана и прочих сожгло; о чем многие помнят».
«Адмирал Рюйтер сказывал, дабы морские люди были опасны, что они не так далеко от смерти, как доска от корабля толщину имеет».	«Неопасение человеку везде вредит».

«Адмирал Тромп сказал: счастье и несчастье в баталии многажды состоит в одной пульке».	«Бояться пульки, не идти в солдаты; или кому деньги дороже чести, тот оставь службу».
«Ежели Вашего Царского Величества флот (чего боже спаси) будет осажден от неприятеля или от непогод какое препятствие учинится».	«Азардовать ни велят ни советуют, а деньги брать и не служить стыдно».
«Когда в туманное время флот друг от друга разойдутся; а зело мало штурманов при флоте Вашего Царского Величества».	«Что же о штурманах надлежит, и в сем море до Ревеля ничего не пользуют, кроме лоцманов».

Выше мы сказали, что государь подал свое «мнение» о походе как шаутбенахт; Крюйс просил подтвердить это мнение «указом». Шаутбенахт отвечал как государь:

«Пишет ваша милость, чтоб мне письмо мое подтвердить. Я не знаю более, что писать, ибо я свое мнение вам уже объявил за подписанием своей руки, которое и ваша милость хвалите; и ежели оное добро есть, извольте так делать, будете инако — только б в пользу было. И не извольте терять времени, и именно, чтоб корабли ревельские сюда препроводить. Что же примеры пишете (против чего и я свои прилагаю), а особливо Тромново, что счастье и несчастье состоит в одной пульке, я вашей милости никогда не советовал чинить азардов... безмерному ж опасению, которое ваша милость имеете, не могу следовать и не могу знать. В письме своем пишете, что готовы от всего сердца исполнить сие дело; а столько примеров страшных в другом месте кладете. И тако прошу — или извольте делать, или кому вручить сие дело, дабы в сих переписках не потерять интересу (в чем я весьма, еще вчерашним письмом, свободен). Что же пишете, что по доносу ваших неприятелей, то я не хочу совесть свою иметь не чисту пред богом, дабы доносом без испытания верить (8 июня)»

Отсюда видно, каковы были тогдашние отношения Крюйса к государю. Послушный подчиненный, государь не скрывал своего гнева на адмирала, насильно склонившего его отказаться от похода. Крюйс писал в ответ на запрос суда: «Для чего шаутбенахт корабельный в том походе не был?.. Я, как всегдашний верный слуга, прямым чистым сердцем

предлагал, дабы драгоценную персону сохранить, поволил, чтоб в оный путь не шел для многих случаев, которые на море могут чиниться... Токмо, ежели б мой господин шаутбенахт оное действие поволил видеть сам, и мне б лучше и легче много там было».

9 июля эскадра вступила под паруса. Впереди, в расстоянии около мили, были четыре мелких судна — «заставные» или крейсера: «Самсон», «Святой Петр», «Святой Павел» и «Наталия»; прочим судам, хотя и была назначена линия, но по неловкости ли небрежности линия не устраивалась, и все шли как попало. Крейсера имели довольно определительную инструкцию; прочие командиры — никакой. Только адмирал постоянно говаривал своим подчиненным, чтобы при встрече с неприятелем пороху напрасно не тратили, а, сойдясь борт о борт, выстрелить всем лагом [1], закрыть нижние порты и сцепиться на абордаж. Такие наставления он подтверждал и на обеде у себя, перед отправлением в море: «Когда с неприятелем сойдутся, чтобы без церемонии нелицемерно бой чинили, и как скоро время усмотрят, абордировать».

Около полудня 10-го, когда эскадра находилась между о. Сосерса и Лавенсари, крейсера известили, что впереди три неприятельских судна. Ветер был нашим попутный, и в пятом часу неприятеля «в вид взяли» — увидели его с палубы. Адмирал призвал на совет бывших поблизости его корабля капитан-командоров Шельтинга и Рейса, также капитана своего корабля Фангента, прочитал им свои инструкции, и в общем совете положено: гнаться за неприятелем до ночи, а ночью идти в Ревель, чтобы соединиться с находившимися там кораблями, «донеже подлинное известие о неприятеле будет».

В 8-м часу миновали Гогланд. Неприятельские суда становились все ближе и ближе, и уже открылся корпус их, когда, вместе с наступившею ночью, ветер затих и спустился туман... Некоторые суда стали буксироваться; другие не буксировались, и это еще более растянуло и то уже нестройную линию. Во втором часу ночи подул попутный ветерок от востока, туман прочистился — вскоре взошло солнце, — и неприятельские суда снова открылись впереди, по курсу. Это было около Гельсингфорса. Адмирал, а за ним оба капитан-командора подняли красные флаги — сигнал погони, поставили все паруса, и часу в пятом передовые суда начали перестреливаться. Корабли «Антоний», «Полтава» и «Выборг» вышли вперед и, готовые к абордажу, выжидали

[1] Бортом.

только повеления главнокомандующего. В это время неприятельские суда вдруг привели к ветру, как будто вызывая на битву. Но они только обходили подводный камень и, обойдя его, снова спустились. Нашим эти места не были известны, и, продолжая свой прежний курс, корабль «Выборг» взлетел на камень: паруса были немедленно убраны, красный флаг спущен, сделан сигнал бедствия. За «Выборгом» шел адмирал на корабле «Рига», не успел отворотить и тоже приткнулся. К довершению смущения адмирала неприятельское ядро пробило у него крюйт-камеру; поднявшуюся от того пыль почли дымом и закричали: «Пожар!» Флаг к погоне спустили.

Адмирал говорит, что он не считал себя вправе предводительствовать флотом, находясь на камне, и не имел возможности делать какие-либо распоряжения. Чтобы понять его положение, надобно припомнить недостаточность тогдашнего сигналопроизводства и от того зависимость распоряжений от личного участия. Но, может быть, здесь участвовало и замешательство, причиненное таким неожиданным расстройством. Заметим только, что суд не обвинил за это адмирала.

На корабле «Святой Антоний» еще развевался красный погонный флаг, и командир Рейс, как старший, должен был принять команду, когда адмирал отказался от нее. Но Рейс, а с ним и другие ожидали условного знака к абордированию. Этот условный знак должен был состоять из двух выстрелов. Адмирал его не сделал: потому, объяснял он перед судом, что этот сигнал употребляют только в линии баталии, а в настоящем случае он был совсем не нужен, ибо когда велено идти в погоню, то всякому известно, как надобно поступать. «Что из двух пушек выстрелено не было, — писал он государю, — сие есть худое оправдание бодрому солдату, только крышка негодных, бездельных плутов...» Как бы то ни было, но Рейс, в это время уже сошедшийся на близкий пушечный выстрел, но имевший у себя пробитою крюйт-камеру, сделал залп... и поворотил. За ним поворотили и другие.

Адмирал, хлопотавший о снятии своего корабля с камня, между тем призвал бывшего ближе других командира судна «Диана» и хотел переехать к нему. Когда тот приехал, наши суда уже бежали от неприятеля. «Теперь поздно!» — сказал Крюйс, остался на своем корабле, часа через два стянул его, потом поехал на «Выборг» («по своему обыкновению, в шапке, как шкипер на купеческом судне», —

говорит Шельтинг) и употреблял все усилия облегчить его. Эскадра стала на якорь.

Созванные на совет командиры судов положили, чтобы корабль «Выборг», ежели окажется невозможным снять, сжечь. К вечеру он переломился. Между тем избежавшие погони шведские суда соединились со своею эскадрою, в которой наши насчитывали до десяти судов, и на радостях палили из пушек. (По полученным позднее — 20-го числа — известиям, у них было 9 кораблей 50- и 52-пушечных, 3 фрегата 30-пушечных и 1 шнява 20-пушечная.)

На другой день, на рассвете, наши зажгли оставленный корабль и пошли в Ревель.

«В жизнь мою, — писал Крюйс Апраксину, — такой трудной и печальной кампании не имел, как нынешняя...»

Шведы ушли в Гельсингфорс. После неудачи в погоне за ними мы уже не решались действовать наступательно со стороны моря и потому пропустили случай запереть их здесь; напротив, мы очень боялись, чтобы самих нас не заперли в Ревеле, и, выполняя главнейший пункт инструкции, 25-го того же месяца, выбрав способный ветер и взяв с собою ревельские корабли.. пришли в Кронштадт. Шведы были вытеснены из Гельсингфорса уже совокупным действием наших галерных судов и береговых батарей, а еще более, подобным нашему, опасением быть запертыми. Финляндия была покорена, но господство на море оставалось еще оспариваемым... Общественное мнение сильно обвиняло Крюйса, и государь был глубоко огорчен неудачею. Назначенный по этому делу суд состоял из следующих чинов: лейтенанты Мишуков и Зотов, капитан-лейтенант Беринг [1], капитаны — Нальсон, Кронебург, Змаевич и Сиверс, капитан-командор князь Меншиков, корабельный контр-адмирал Петр Михайлов [2] и президент генерал-адмирал граф Апраксин.

Горячо и гордо оправдывался Крюйс. Он укорял своих подчиненных в невыполнении их долга, доказывая, что Шельтинг мог бы сойтись с неприятелем еще прежде постановления корабля на камень; что крейсера, бывшие впере-

[1] Витус Ионассен (Иван Иванович) Беринг, датчанин по национальности. В 1730 г. получил звание капитан-командора русского флота. В 1725—1730 и 1733—1741 (год смерти) гг. руководил 1-й и 2-й Камчатскими экспедициями. Его именем названы море и остров в северной части Тихого океана, а также пролив между Чукотским полуостровом и Аляской, которым прошли русские суда под его командованием.

[2] Петр I.

ди, отстали и капитан Дегрюйтер поворотил еще во время погони (чтобы спасти упавшего матроса, — доносил Дегрюйтер); доказывал параграфами законов и примерами, что, с одной стороны, он должен был спустить красный погонный флаг, с другой — прочие не должны были принять это за сигнал отступления, ибо в последнем случае он поднял бы белый флаг; уверял, что у него не было времени пересесть на другое судно, и на противное этому замечание капитана Рама отвечал, что морское искусство «выше его ума» и «что он, лучше зная рейтарскую, нежели матросскую, службу, может быть, думает, что кораблем управляют, как лошадью»; даже обвинял командиров судов, что они «намерение имели вице-адмирала предать в руки неприятеля». Прося государя разыскать все подробности дела и строго наказать виновных «в страх прочим», он заключает один из своих «мемориалов» так: «Вице-адмирал надеется единократно, в начале на господа бога, також и на свою душевную совесть, что в нынешнее и прошедшее время, також и всегда, что возможно к прославлению Российского государства чинил, и надеется, что высочайший, благородный и полномочный кригсрехт мне, вице-адмиралу, учинит прямой рассудок против моих нечестивых на меня доносчиков».

Но и обвинения против него были сильны. Особенно восставал капитан-командор Шельтинг, называя Крюйса «глупцом», позорящим всех иностранцев в России; настоящим виновником такой богатой потери, какую имели не только в трех видимых неприятельских кораблях, но и в других, которыми было бы возможно овладеть; даже прибегал к клевете, напоминая о каком-то гальоте с солью, приведенном из Ревеля в Кронштадт для продажи...

Каждый из членов суда подавал свое мнение письменно, делая приговоры, как по настоящему, так и по прошлогоднему происшествию. Некоторые присуждали Крюйса к смертной казни, другие к лишению чина, третьи к денежной пени; никто не оправдывал его. Рейса, почти все, осудили на смертную казнь. Прочие подсудимые — Шельтинг и Дегрюйтер — были или оправдываемы, или обвиняемы очень легко. Выписываем здесь приговор суда. Он замечателен тем особенно, что относительно Крюйса, почти слово в слово, выписан из мнения, поданного от князя Меншикова и Петра Михайлова за собственноручными их подписями с приложением печатей.

ПО ПЕРВОМУ ДЕЛУ:

«Понеже в прошлом 1712 году, 24 июля, во время бывшей за неприятелем погони господин вице-адмирал зело оп-

лошно поступал, первое: что с самого утра 24 дня была зело слабая погода и между тем и тишь (как сам объявил); и когда шаутбенахт галерный и капитан-командор Шельтинг приехали к нему поутру, то указ о русских бригантинах дал, а для буксирования скампавеями ничего шаутбенахту не сказал, но уже в десятом часу по них послал. Второе: что удержал крейсера без причины, ибо сам послал к оным бригантины для помочи абордирования, а потом, медля с два часа, паки красный флаг поднял... и тем временем крейсеров увалило назад, а неприятель получил свободу... Третье: что в 25 и 26 числах июля не чинил погони за неприятелем, и такими худыми поступками неприятельские корабли упустил. А что ссылался на данный ему указ, который гласит, чтоб не осмотря над неприятелем авантажу не азардавать,— и тот указ его, вице-адмирала, более обвинял, нежели оправдать мог, ибо сила слова «газард» есть сие: чтоб в опасность себя не отдать; а тут ее не было: первое — что неприятелей два корабля и шнява, а у него было три линейных, три фрегата и две шнявы; також и место до Варивалдая безопасно сочинило для узости оной, где прокрасться неприятелю отнюдь невозможно... к тому ж сам написал, что ветер был от веста, и так свободно ему было ретироваться, ежели б более неприятелей увидел, к Кронштлоту... без всякого опасения».

ПО ВТОРОМУ ДЕЛУ:

«Вице-адмирал многажды в своих очистительных письмах писал, что он ничего по морскому обычаю не пренебрег, но все чинил, как искусный морской человек... но оный во многом явился неисполнителен своей должности; первое: не надлежало было, чтоб ордера давать за рюмками (как он шлется, что чинил в восьмой день мая), при котором только семь человек офицеров было, а не все, и из оных свидетельствовали подписанием своих рук, что не слыхали, кроме одного капитана Фенгента (который был на корабле его); и хотя б и то за позитив-ордер принять, то те, которые не были и не слыхали, чем винны? и как все слова за обедом бываемые, могут за позитив-ордер приняты быть? Надлежало б порядком, по сигналу призвав офицеров, сказать; не... одних капитанов-командоров, но и всех командующих кораблями, и не единова, но многажды, дабы подлинно знали; и не только указ дать, но и укреплять, дабы должность свою всякий исполнял... Но ныне, хотя б и прямь не делали офицеры своей должности, то их сим, поданным ордером, господин вице-адмирал прикрыл. Второе: будучи в погоне за неприятелем... на консилии письменной о погоне и повороте написано было, чтобы гнать до вечера и поворотить к Ревелю и важное слово «абордирование» не упомянуто; ниже то написано, чтоб всяк как возможно неприятеля атаковал. Також господин вице-адмирал винил офицеров, что можно б было каждому долг свой и без указу исполнять, а сам, два письменных указа имея в руках, однако ж не осмелился гнать без консилии (как сам написал во оной)... Третье: правда, что сигнал стреляния из двух пушек не служит нерегулярному бою; однако ж разумному командиру все способы употреблять во время нужды надлежит, не смотря на церемонию; и понеже видел господин вице-адмирал, что офицеры долгое время в бою и не абордируют (и видел, что позитив-ордера нет)... то для чего не делал сигнала, хотя и чрезвычайно? чем бы мог весьма оправдан быть. Четвертое: когда сел его корабль на мель, то для чего не перешел на иной корабль... которых имели три, а именно: «Диану», «Наталию» и «Святого Иакова»... которые пришли к нему в четверть часа, а иные и меньше? и как свидетельствовали капитан Рам и командор Шхон, что перейти ему на другой корабль было возможно. А что господин вице-адмирал предлагал, что для того не сел на иной корабль, что скоро капитан-командор Рейс поворотился, в том он виноват по вышеобъявленному свидетельству — первое: что не довелось было красный флаг спускать, когда меньше четверти часа вышереченные корабли к нему пришли, но перешед было на который из них, и тогда на корабле «Рига» опустить, а на другом, куда пересел, красный флаг поднять; второе: хотя и поворотил Рейс, то бы пересесткою на иной корабль поправить можно; и не надлежало б своего дела оставлять, как кто иной в своей должности не погрешил... Третье (пятое), господин вице-адмирал на офицеров, а паче на капитанов-командоров и на четырех крейсеров, подал письменный ответ... что они не только преступили свою должность, но и его хотели неприятелю выдать (что последнего в деле не являлось). Когда такое великое преступление видел, то не токмо... оных судил, но ниже писал об них к господину адмиралу, ниже, при возвращении своем из кампании, письменное о том подал доношение, — но капитан-командору Шельтингу (на которого более всех вину кладет) по потерянии корабля «Выборг», которым оный командовал, из первых кораблей «Пернов» в команду поручил; и когда от адмирала письмом о том спрашивал, то ответствовал, что оное не исполнено не для чего иного, но только для бесчестия, что сели на мель два корабля, «Рига» и «Выборг», но уже тогда почал доносить, когда до самого дела дошло, как

выше изображено, чего было доброму и честному человеку чинить не довелось. И тако, господин вице-адмирал, не един раз, но в двух кампаниях интерес сей монархии потерял и достойно должности (как выше писано) не учинил...

Капитан-командор Шельтинг сам сказал, что хотя ордера абордирования ему не дано было, однако ж он хотел абордировать по выстреле одним лагом, ежели б корабль его сел на камень. А по допросу офицеров корабля его освидетельствовано, что час стрелял и то позади, а не сшед между кораблей неприятельских сбоку; и посему видимо есть, что прежде случившегося несчастия корабля его было время ко абордированию, но он в том должности своей не исполнил, ибо сам приказал людям готовым быть абордировать и так долго стрелялся.

Капитан-командор Рейс, по учиненному несчастию двух кораблей, вице-адмиральского и капитан-командора Шельтинга, которые в гнании за неприятелем стали на камень, сколь скоро усмотрели на корабле вице-адмиральском подобрание парусов и спущение красного флага, по которому чинена погоня, должен был остаться командором... и надлежало б ему неприятеля абордировать и всякий последний способ к разорению неприятеля чинить, несмотря на вице-адмирала, понеже он на камени был и паруса в знак того подобрал; разве когда б перешел на иной корабль и паки иные сигналы дал. Но оный не токмо по своей должности... не исполнил, но по усмотрению спущения красного флага (без сигнального белого флага, который имел быть...) из такой близости от неприятеля (как сам в своем ответе написал, что уже был в фузейном [1] выстреле) поворотился. Також, как освидетельствовано многими офицерами, стрелял сперва по неприятелю так далеко, что ядра не доставали...

Капитан Дегрюйтер явно себя худым человеком оказал, а именно: в гнании за неприятелем, когда у него с корабля матрос упал, тогда совсем кораблем поворотился; для чего можно было шлюпку или бот, которые позади волоклись, отсечь.

Итако мы, нижеподписанные... по прилежном и довольном вышеобъявленных дел рассмотрении и рассуждении, по изобретении самой правды... по большим голосам осуждаем:

Вице-адмирала Корнелиуса Крейса, за его преступления и неисполнение своей должности... наказать *смертию*.

---

[1] Ружейном.

Капитан-командора Шельтинга, который достоин был жестокого наказания, но понеже на то ордера не имел, того ради от жестокого наказания избавляется, но осуждается *быть в молодших капитанах*.

Капитан-командора Рейса, за неисполнение его должности... *расстрелять*.

Капитана Дегрюйтера, за незнание его дела, *выбить из сей земли без абшиту* [1].

Кошт взять, по обыкновению, приседящими в кригерехте [2], из оставших пожитков вышеобъявленных виноватых, которым показана смерть.

При Петербурге. В 22 день января 1714».

В тот же день, 22 января, поутру, привели перед собрание судей всех обвиненных, за караулом, и сентенция прочтена им публично. Затем объявлена монаршая милость: Крюйса, «взяв чин», послать в Тобольск; Рейса — привязать с завязанными глазами к позорному столбу и приготовить к расстрелянию, а потом сослать в Сибирь; с Шельтингом и Дегрюйтером велено было поступить по приговору, но Шельтинг, в том же 1714 году, уже имел прежний чин.

Крюйс был сослан не в Тобольск, а в Казань, и пробыл там около года. Оттуда он писал письма к графу Апраксину, умоляя его испросить у царя помилование, и даже подавал просьбу самому государю. Не оправдываясь и не жалуясь на врагов своих (как беспрестанно жаловался на них в суде), Крюйс только напоминал свою долголетнюю службу; сокрушался, что «божеским посещением» прогневил государя; поздравлял его с победою (Гангутскою); напоминал Апраксину, что они вместе служили государю и что теперь, больной и старый, разлученный с женой и детьми, он предается его великодушию и заступничеству; писал, что ему остается надежда «на... милосердие его царского величества», за которого он жертвовал «последнею каплею крови...».

Есть предание, переданное Бюшингом, будто по возвращении Крюйса из ссылки государь сказал ему: «Я на тебя более не сержусь!» И что тот отвечал: «И я перестал сердиться!»

---

[1] Без провожания; уволить с позором (от немецкого слова).
[2] Члены военного суда (от немецкого).

Чесменское сражение. Слава Гангута не меркнет

СОБСТВЕННОРУЧНЫЙ ЖУРНАЛ[1] КАПИТАН-КОМАНДОРА С. К. ГРЕЙГА [2]

Ее Императорское Величество, желая, по возможности, усилить военные действия против турок для скорейшего окончания войны, вознамерились послать военный флот в Архипелаг и Левант. Цель экспедиции заключалась в том, чтоб произвесть диверсию в этих местах и беспокоить турок в той части их владений, где они менее всего могли опасаться нападения по причине затруднений, с какими должно быть сопряжено отправление вооруженной силы от са-

[1] «Председатель Морского Ученого Комитета (генерал-адъютант Литке) получил эту драгоценную рукопись от наследников покойного адмирала. Пробелы, находящиеся в этом журнале, равно как и имена лиц, судов, мест и проч. и проч., пополнены и сличены редакциею «Морского сборника» с флагманским журналом адмирала Спиридова и означены в примечаниях».

«Морской сборник»; октябрь, декабрь 1849 г.

[2] Грейг Самуил Карлович (1736—1788) — в русско-турецкую войну 1768—1774 гг. командир отряда кораблей эскадры адмирала Г. А. Спиридова. В Чесменском бою командовал кордебаталией (центром эскадры).

мых крайних пределов Балтики в моря, столь отдаленные. Не смотря на это, Ее Величество, по сношении с различными европейскими державами (из коих некоторые благоприятствовали этому предприятию, а другие смотрели на него с завистью), повелела вооружить нижеследующее число линейных кораблей, фрегатов, транспортов и мелких военных судов и снабдить их всем необходимым для плавания и предстоявшей им службы. Главное начальство поручено адмиралу Спиридову [1].

Список судов флота: линейные корабли — «Трех иерархов» (командор Грейг), «Святослав» (командор Барж), «Святой Януарий» (капитан Борисов), «Европа» (капитан Корсаков), «Трех святителей» (капитан Роксбург), «Северный орел» (капитан Клокачев), «Евстафий» * (капитан Круз); фрегат «Надежда Благополучия» (капитан Аничков); бомбардирское судно «Гром» (капитан-лейтенант Перепечин); военные транспорты — «Соломбала» ** (капитан-лейтенант Мистров), «Лапоминка» (капитан-лейтенант Извеков), «Сатурн» (капитан-лейтенант Лупандин), «Венера» (капитан-лейтенант Поповкин); мелкие суда *** — «Летучий» (лейтенант Ростиславский), «Почтальон» (лейтенант Еропкин).

Когда флот был вооружен и совершенно готов к отплытию, Ее Величество, во внимание к тому, что экспедиция эта была первая, посылаемая в столь отдаленные страны и в таком роде, всемилостивейше удостоила [2] флот своим посещением 17 июля 1769 года, за день до отплытия его из Кронштадта. По прибытии на корабль «Евстафий», на котором адмирал Спиридов имел свой флаг, она возложила на него орден Святого Александра Невского, произвела капитанов Грейга и Баржа в капитан-командоры и приказала выдать всем чинам флота четырехмесячное жалованье не в зачет, а потом повелела флоту отправиться в море.

На следующий день, 18 июля, рано утром весь флот снялся с якоря с Кронштадтского рейда и пошел к Красной

[1] Спиридов Григорий Андреевич (1713—1790) — русский адмирал, флотоводец. В русско-турецкой войне 1768—1774 гг. командовал с 1769 г. эскадрой в Сердиземном море. Фактически руководил действиями русского флота в Чесменском бою (1770 г.).

* Под флагом адмирала Спиридова.

** В журнале адмирала Спиридова все эти суда названы пинками о 12 пушках; имени «Сатурна» вовсе нет; но показаны два гальота о 12 пушках: «Кронштадт» и «Кронверк», и три бота, каждый о 12 фальконетах.

*** Пакетботы о 12 пушках.

[2] Речь идет о Екатерине II.

горке, где бросил якорь, чтобы принять сухопутные войска и артиллерию, которые были с этого места в тот же самый день перевезены на суда; но так как адмирал задержан был в Кронштадте, для получения окончательных инструкций, то в ожидании его флот оставался на якоре до 23-го числа.

26 июля весь флот снялся с якоря от Красной горки, при попутном ветре, кроме «Святослава», тендер которого стал на мель, и он остался, чтобы снять его.

Весь флот (за исключением «Святослава») плыл по Финскому заливу с попутным ветром и без всякого замечательного происшествия прибыл 31-го того же месяца на вид острова Гогланда, где держался под парусами в ожидании эскадры вице-адмирала Андерсона, с которой должно было принять некоторые потребности и людей для укомплектования флота.

6 августа «Святослав» соединился с флотом.

9-го числа нашли повреждение в фок-мачте корабля «Евстафий», и потому ему приказано идти в Ревель для перемены ее. Адмирал пересел на корабль «Трех святителей».

10-го числа «Святослав» сделал сигнал, что терпит бедствие, и спустился в Ревель.

12-го числа эскадра вице-адмирала Андерсона, состоявшая из четырех кораблей («Екатерина», «Кириан», «Архангельск» и «Азия»), соединилась с флотом, и тогда все вместе отправились в Копенгаген, куда прибыли без особенных происшествий 30-го того же месяца, и стали на якоре на рейде, на котором нашли восемь датских линейных кораблей и два фрегата...

Тут стояли также на якоре два русских линейных корабля («Ростислав» и «Всеволод»), недавно прибывшие из Архангельска, и две пинки («Наргин» и «Гогланд»).

1 сентября корабль «Евстафий», переменив фок-мачту в Ревеле, соединился с флотом.

3 сентября контр-адмирал Елманов поднял флаг свой на корабле «Северный Орел». Он был в эскадре вице-адмирала Андерсона, но получил теперь предписание быть во флоте адмирала Спиридова и участвовать, под его начальством, в этой экспедиции.

6 сентября контр-адмирал Елманов, капитан-командор Грейг и большая часть капитанов флота были представлены Датскому Королю и Королеве русским министром Г. Философовым. Они были милостиво приняты и приглашены к обеду ко двору.

Во время пребывания флота в Копенгагене от Датского двора было оказано всевозможное содействие для наливания

водою и всех других надобностей флота. Все внимание было оказано также и от Датского контр-адмирала, командовавшего судами на рейде. Этим содействием налитие водою произведено весьма скоро.

Увидя из донесений, полученных на корабле «Евстафий», что «Святослав» требовал некоторых весьма важных исправлений, которые могут задержать его долго в Ревеле, адмирал Спиридов приказал одному из прибывших из Архангельска кораблей, «Ростиславу», соединиться с флотом, снабдив его в то же время провизиею и запасами.

8 сентября адмирал снова перенес флаг свой на корабль «Евстафий», и 10-го числа, когда флот был совершенно готов к походу, снялись с якоря с Копенгагенского рейда и отправились по назначению; 12-го прошли Гельсингер, а 16-го ночью, выходя из Категата при крепком восточном ветре, военный транспорт «Лапоминка» сел на мель на Скагенский мыс и совершенно разбился; но вся команда и часть провизии и запасов была спасена и впоследствии перевезена на датское купеческое судно, зафрахтованное для этой цели и посланное к флоту, к которому оно прибыло в следующем году в Средиземное море. Все остальные суда флота благополучно, хотя большею частью поодиночке, вышли из Балтийского моря и плыли к мысу Фламборг-гед, первому рандеву, назначенному адмиралом, чтобы взять там лоцманов для проводки по Английскому каналу.

20-го того же месяца весь флот собрался на высоте Фламборогеда, за исключением «Ростислава», «Летучего», «Венеры» и «Соломбалы». Адмирал с флотом подошел к берегу и сигналом требовал лоцманов, нанятых уже прежде и долженствовавших явиться на флот, как скоро его завидят; но по ошибке в их инструкции все эти лоцмана были в Гулле и прибыли на флот не прежде 23-го, а 24-го флот, за исключением упомянутых выше судов, вошел в реку Гомберг... и стал на якорь. Бомбардирское судно, сломавшее топ-грот-мачты на переходе Немецким морем, вошло в Гулль, для исправления, а остальные суда флота остались на рейде Гримсби для пополнения пресной воды. 4 октября корабль «Трех Святителей», при крепком восточном ветре, ударился о песчаную мель и получил некоторое повреждение: у него преломился бимс опердека над головою руля, от ударов румпеля, и несколько тонких обшивных досок, заменивших в то время медную обшивку, было оторвано.

9 октября бомбардирское судно, переменив грот-мачту, пришло из Гулля и соединилось с флотом.

10-го числа утром адмирал Спиридов, на корабле «Евстафий», контр-адмирал Елманов на «Северном Орле», вместе с фрегатом «Надежда Благополучия» и бомбардирским судном, снялись с якоря и отправились по назначению, оставя капитан-командора Грейга с приказанием исправить повреждения корабля «Трех Святителей», и когда это будет окончено, идти вместе с этим кораблем и конвоировать его, на случай какого-нибудь бедствия во время перехода. Также приказано остальным судам флота, т. е. «Януарию», «Европе», «Почтальону» и «Сатурну», как скоро будут готовы, идти отдельно и со всевозможною поспешностью к ближайшему рандеву, в Гибралтар.

Адмирал, вместе с судами, при нем находившимися, без всякого замечательного происшествия прошел Британский канал и вышел в Атлантический океан, где, во время крепкого ветра от зюйд-вест, все суда разлучились. Адмирал один на корабле «Евстафий» пошел прямо в порт Магон, куда прибыл 18 ноября. «Северный Орел» был принужден воротиться в Портсмут с большими повреждениями и имея 8 футов воды в трюме. В Портсмуте, по осмотре корабля, он найден неблагонадежным для дальнейшего плавания. Фрегат «Надежда Благополучия» прибыл без повреждения в Гибралтар 12 ноября.

По окончании исправлений на корабле «Трех Святителей», налитом водою, и по окончании поправок на других судах, отряд, под начальством капитан-командора Грейга, снялся с якоря 26 октября и отправился в море. 12 ноября капитан-командор Грейг, со своим кораблем «Трех Иерархов» и с кораблями «Трех Святителей» и «Януарий», прибыл благополучно в Гибралтар (где назначен был рандеву), не разлучившись во время плавания. Там они нашли английский корабль и три фрегата под начальством командира Проби, которому капитан-командор Грейг салютовал 13-ю пушечными выстрелами, на что было ответствовано тем же числом. Бросив якорь на Гибралтарском рейде, капитан-командор Грейг салютовал крепости также 13-ю выстрелами, на что получил с салютной батареи равный ответ. На рейде стоял фрегат «Надежда Благополучия» и военные транспорты: «Соломбала» и «Венера». Во время пребывания на рейде русским судам было оказано всевозможное внимание генералом Бойдом, губернатором Гибралтара, и командиром Проби: при содействии последнего они налились водою и запаслись провизиею и нужными материалами. 18 ноября капитан-командор Грейг получил, через английское купеческое судно, письмо от адмирала Спиридова с известием,

что адмирал, минуя Гибралтар, уже прошел прямо в порт Магон. Вследствие того, 19-го числа утром капитан-командор, со всеми русскими военными судами и транспортами, снялся с якоря и отсалютовал крепости и английскому командору, и получив ответ на салюты, как и прежде, вышел из залива и направился в порт Магон, куда прибыл благополучно 4 декабря со своим кораблем и кораблем «Трех Святителей» и соединился с адмиралом. 5-го числа пришел военный транспорт «Соломбала», а 8-го числа корабль «Януарий», фрегат «Надежда Благополучия» и «Летучий».

11-го числа прибыл шлюп * «Почтальон», а 12-го военный транспорт ** «Сатурн», которые оба пришли в Гибралтар 27 ноября, а оттуда вышли 2 декабря.

В порте Магон собралось к этому времени 9 наших судов: «Евстафий», «Трех Иерархов», «Трех Святителей», «Януарий», фрегат «Надежда Благополучия», шлюпы... «Летучий» и «Почтальон» и военные транспорты «Сатурн» и «Соломбала», которые одни только и пришли на этот рандеву. Транспорт «Лапоминка» разбился, а корабль «Северный орел», по осмотру в Портсмуте, оказался неблагонадежным. Плавание корабля «Ростислав» и транспорта «Венера» будет описано впоследствии, когда они соединятся с флотом в Архипелаге.

Зная, что греки, столько веков уже угнетаемые турками, жаждут освобождения из-под несносного для них ига, государыня императрица решилась доставить им средства освободиться от своих притеснителей. Такое предприятие обещало наиболее успеха в Морее, где греческое население было несравненно многочисленнее турецкого и где турки, давно отвыкшие от войны, утопали в неге и разврате. С этою целью ее величество, еще до отправления настоящей экспедиции, тайным образом повелела генералу графу Алексею Григорьевичу Орлову [1], находившемуся в Италии, при начале войны, с братом своим Федором Григорьевичем Орловым, стараться, через посланных туда доверенных людей, узнать настоящее расположение греков в Морее, и также предложить славянам и албанцам, обитающим на берегах Адриатического моря, присоединиться к восстанию, так как естест-

---

* Пакетбот «Почтальон».

** Пинк «Сатурн».

[1] Орлов Алексей Григорьевич (1737—1808). Один из главных участников дворцового переворота 1762 г., возведшего на престол Екатерину II. Во время русско-турецкой войны 1768—1774 гг. командовал русским флотом в Средиземном море. За победу в описываемом бою получил право называться Чесменским.

венное расположение этих поколений к грабежу и военным набегам легко могло склонить их к тому. В то же время ее величество назначила графа Орлова главнокомандующим всей экспедицией на море и на сухом пути, с полною и неограниченною властью, как найдет за лучшее и как потребуют обстоятельства.

Граф Орлов немедленно приступил к исполнению этого поручения. Он нашел греков повсюду готовых к восстанию и жаждавших воспользоваться случаем, который представлялся им для освобождения. Духовенство их напоминало о давнишних предвещаниях, с целью убедить, что падение турецкого владычества близко и что пришло наконец время их свободы. Великие и могущественные братья их по вере прибыли теперь на помощь из дальних стран, ведомые рукою провидения, для восстановления их независимости. Если б можно было русскому флоту прийти несколькими месяцами ранее, пока это всеобщее одушевление народа еще было в полной силе, турки же малочисленны и рассеяны, то весьма вероятно, что вся Морея в короткое время была бы очищена от турок и осталась в полной власти греков. Граф Орлов так твердо был убежден в этом, что отправил генерала Дарагана в Гибралтар, а брата своего, графа Федора Григорьевича, в порт Магон, чтобы поторопить прибытие флота. Сам он, не имея возможности отлучиться из Тосканы, средоточия его тайных сношений, до совершенной готовности отплыть в Морею, приказал послать тотчас по прибытии флота небольшой отряд из порта Магон в Ливорно, чтобы принять его и доставить к месту соединения в Морее.

Вследствие того, 9 января капитан-командор Грейг на корабле «Трех Иерархов», с фрегатом * «Надежда» и шлюпом ** «Почтальон», был отправлен из порта Магон в Ливорно; но на переходе туда отряд был застигнут крепким противным штормом, и суда разлучились, а фрегат «Надежда», потеряв грот-стеньгу и имея некоторые другие повреждения, должен был возвратиться в порт Магон: потому-то отряд соединился весь в Ливорно не ранее 6 февраля.

Между тем флот, остававшийся в порте Магон, под начальством адмирала Спиридова, и состоявший из кораблей «Евстафий», «Януарий», «Трех Святителей», военного транспорта «Соломбала» и шлюпа «Летучий», будучи снабжен всем для дальнейшего похода, поступил под паруса 23 янва-

* 19 января фрегат «Надежда» велено надкилевать кораблем (в порте Магон), а пинки и пакетботы фрегатами.

** Пакетбот «Почтальон», а в другом месте журнала адмирала Спиридова — фрегат.

ря, при попутном ветре. Он оставил только военный транспорт «Сатурн» для доставления на флот выздоравливающих. 4-го февраля флот прибыл на вид острова Мальта. Адмирал послал письмо к маркизу Кавалькадо, русскому министру в этом месте, извещая его об отплытии флота к берегам Мореи и прося, чтобы другие суда его эскадры, могущие прийти в Мальту, были немедленно направлены к рандеву, назначенному адмиралом.

Известия, получаемые из Греции, указали между тем графу Орлову пункт, на котором было выгоднее прежде всего обратить свои усилия. Гористый полуостров, составляющий южную часть древнего Лакедемона, ныне называемый Майна (от чего и жители его называются майнотами), обитаем народом, отличающимся, между всеми греческими племенами, особенною отвагою. Существуя главнейше грабежом и разбоем, они никогда ни признавали над собою владычества турок. Из неприступных своих ущелий, безопасного убежища от всяких преследований, делали они набеги на равнины, похищали скот и съестные припасы, которыми питались на бесплодных своих скалах. Такой народ казался графу Орлову хорошим орудием для совершения его плана, и он решился одним своим появлением поднять майнотов против турок, уже знавших и страшившихся их воинственного духа. С этою целью общим рандеву для флота назначен был порт Витило *, куда адмирал Спиридов и прибыл из Мальты 18 февраля, подойдя на переход к острову Стафадия, за лоцманами.

Майноты были в восхищении от прибытия флота. Они салютовали русскому флагу из нескольких небольших, старых орудий, поставленных на стенах монастыря. По ответу адмирала 9-ю выстрелами на этот салют, они, в доказательство своей радости, целый день стреляли из ружей и пистолетов. В порте Витило стояло купеческое судно под венецианским флагом, капитан которого был из славян. Граф Орлов нанял его в русскую службу и отправил в Витило, в ожидании прибытия флота. На нем было 20 пушек, и оно также салютовало адмиральскому флагу, по приходе его. Адмирал произвел капитана этого судна, по имени Палекутий, в лейтенанты, а судно, названное «Святым Николаем», на другой день подняло русский флаг.

19-го числа леса и материалы, бывшие на каждом из линейных кораблей для построения полугалеры, свезены на берег, и 23-го все три галеры были построены, окопаче-

* Виттуло.

ны и спущены на воду. Галера корабля «Евстафия» названа «Касатка», и командиром ее назначен г. Кумман*. Галера корабля «Януарий» названа «Ласточкою», и командиром ее назначен шкипер сего корабля Лукавич. Галера корабля «Трех святителей» названа «Жаворонком», а командиром назначен г. Николетти, славянин. На каждую галеру дано по 20 человек команды.

25-го числа прибыла греческая полякра по имени «Гендрик Каррон», под командою г. Александра Алексиано. Она была нанята в нашу службу и в тот же день подняла русский флаг. На ней было 12 пушек. Граф Федор Григорьевич Орлов, прибывший с адмиралом Спиридовым из порта Магона в Морею, имел поручение от брата своего, графа Алексея Григорьевича, сделать все нужные распоряжения в приготовлении для сухопутной кампании в Морее. Во время пребывания флота в порте Витило он посылал с этою целью сильные партии майнотов под начальством нескольких русских сухопутных офицеров, придав каждой партии по нескольку унтер-офицеров и солдат, против Миентрии (древней Спарты), Каламаты, Аркадии и других городов. Мы упоминаем обо всех этих экспедициях в своем месте, чтобы не прерывать теперь рассказа о действиях флота.

Порт Витило, открытый вестным и зюйд-вестным ветрам, вообще опасная и неудобная гавань, в особенности для больших кораблей. Все, что можно было предпринять из Майны, было теперь сделано, а потому адмирал Спиридов, согласясь с графом Федором Григорьевичем Орловым, решился отправиться с флотом и всеми силами атаковать город и крепость Корон. Для той же цели отправили сильную партию майнотов вокруг залива, берегом. Эта партия должна была соединиться с флотом, по прибытии его к сему месту.

27 февраля весь флот снялся с якоря из порта Витило и отправился в рейд Коронский, куда прибыл 28-го и бросил якоря около четырех миль к северу от города Корон. Тут они прождали весь день прибытия партии майнотов, отправленной из порта Витило. 1 марта сухопутные войска и часть морских солдат были высажены на берег и началась осада города. Турки, без большого сопротивления, оставили предместия (которые немедленно были заняты майнотами) и заперлись в крепости.

Начальство над осадою и войсками поручено подполковнику Лецкому под руководством графа Орлова...

Ночью с 1-го на 2-е число наши войска заложили батарею, поставили на нее несколько орудий и были совершенно готовы открыть огонь по городу. Около 2-х часов пополудни флот вступил под паруса, чтобы действовать по укреплениям с морской стороны, в то время как батарея начнет действовать с береговой.

Три линейные корабля подошли весьма близко к восточной стороне крепости, легли в дрейф и открыли сильный огонь; береговая батарея между тем обстреливала западную часть города. Гарнизон отвечал весьма исправным огнем, как кораблям, так и осадной батарее. Это продолжалось до захождения солнца, но без особенного вреда той или другой стороне...

9-го числа во время шквала с берега, с сильною грозою и градом, молния ударила в адмиральский корабль, убила одного матроса и ушибла капитан-лейтенанта Кайсарова и трех писарей в адмиральской канцелярии; другой удар молнии упал на корабль «Януарий» и раздробил запасную гротстеньгу, лежавшую в рострах. Корабль «Трех Святителей» тоже получил удар молнии, который повредил и зажег гротмачту под марсом. К счастию, огонь вскоре был затушен.

12-го числа французское купеческое судно из Туниса, назначенное в Смирну, со значительным числом турок и богатым грузом, им принадлежавшим, приведено к флоту пакетботом «Летучим» и фрегатом «Св. Николай». Оба они имели приказание крейсировать у южного берега Мореи для извещения приходящих русских военных судов о пребывании адмирала на Коронском рейде.

18-го числа прибыло к флоту греческое судно под командою Дмитрия Ями, которое было нанято в русскую службу и потому подняло русский флаг.

19-го числа к флоту прибыло еще греческое судно из Занта.

Число больных на флоте начало увеличиваться, а потому они все свезены 22-го числа на берег и помещены в палатках.

25-го числа к флоту прибыли: корабль «Европа» *, на ко-

---

* Вероятно, Кумани, потому что хотя в Жур. ад. Спиридова и не упомянуто имени командира «Касатки», но в другом месте того же Журнала сказано: «2 июля 1770 года я (адмирал Спиридов) переехал на корабль «Европу», и при мне в должности генерал-адъютанта флигель-адъютант Павел Нестеров и мичман Кумани» и проч.

* «Европа» из Гулла отправился вместе с другими судами отряда капитан-командора Грейга 26 октября 1769 г. Но командир сего корабля, капитан Корсаков, имея инструкцию от адмирала сле-

тором находился контр-адмирал Елманов, бомбардирское судно «Гром» *, английский транспорт «Кингстон» с запасами и провизией и датский транспорт, зафрахтованный для перевоза людей, запасов и провизии с разбившегося военного транспорта «Лопаминка»...

Адмирал Спиридов и граф Федор Григорьевич Орлов признали необходимым завладеть спокойным и безопасным убежищем для флота; и так как лучшим и удобнейшим во всей Морее считался порт Наваринский, то они решились взять крепость Наваринскую. Вследствие того послано приказание генерал-майору князю Долгорукову оставить Акадию и со всеми своими силами как можно скорее идти к Наварину и постараться овладеть им. Но князь Долгоруков, по прибытии к сему пункту, найдя, что город слишком хорошо укреплен, чтоб быть взятым приступом, и что губернатор намерен защищаться, послал известить адмирала, что крепость без артиллерии и правильной осады взять невозможно. Поэтому адмирал 24 марта отправил к Наварину корабли: «Святой Януарий», «Трех святителей» и фрегат «Святой Николай» с бригадиром [1] артиллерии Ганнибалом [2] для начальствования над осадою.

Эти суда при входе в залив выдержали сильный огонь

довать с возможною поспешностию, отдельно, к различным местам рандеву, пока опять не присоединится к его флоту, разлучился с отрядом 29-го и 31-го, подойдя к Портсмуту, чтобы отослать на берег лоцманов, приткнулся к мели Бембридж-Ледж, причем от ударов вышиблен руль и корабль потерпел весьма значительные повреждения и получил сильную течь. Корабль стал на мель при малой воде; когда вода пошла на прибыль, он, к счастью, сошел с мели и пошел в Портсмут, где введен в док и исправлен. Во время этого исправления капитан Корсаков заболел и 10 января 1770 года умер.

* Бомбардирское судно «Гром» оставило реку Гомбер вместе с адмиралом Спиридовым 10 октября 1769 года, как было сказано выше, но разлучилось с ним в первую же ночь, бросило якорь в Доунсах 15-го, где осталось до 29-го, и, снявшись с якоря, прибыло в Портсмут 31-го. По перемене нижних вант, 20 ноября, «Гром» отправился в Средиземное море. Здесь он встретил сильный вестовый шторм, на высоте мыса Финистера, 30-го числа. На нем треснула грот-мачта. Это принудило командира спуститься опять в Портсмут, куда он и прибыл 5 декабря 1769 года и где переменил грот- и бизань-мачты...

[1] Офицерский чин в русской армии в 1722—1799 гг., промежуточный между полковником и генерал-майором.

[2] Абрам Петрович Ганнибал. Родился в семье эфиопского князя около 1697 г. Приехал в Россию (здесь он умер в 1781 г.) вместе с Петром I. Был у русского царя камердинером и секретарем, затем стал известным военным инженером. Прадед А. С. Пушкина.

крепости, на который они отвечали с неменьшею живостью, и затем, пройдя в залив, бросили якорь вне пушечных выстрелов. После этого, не теряя времени, Ганнибал устроил, на возвышении к востоку от города, одну батарею из восьми 24-фунтовых пушек и двух единорогов [1], а другую из двух 24-фунтовых пушек — к западу от входа в залив, на высоте, которая командовала городом. Батареи открыли огонь, и восьмипушечная в короткое время пробила просторную брешь в восточном валу цитадели, а двухпушечная нанесла значительный вред городу. Губернатор, опасаясь приступа, предложил сдать крепость и заключил капитуляцию с бригадиром Ганнибалом и капитаном Борисовым, вследствие чего 10 апреля русские войска вступили в крепость...

В это время, т. е. 14 апреля, граф Алексей Григорьевич Орлов, главнокомандующий экспедицией сухопутных и морских сил, прибыл из Италии в Корон на корабле «Трех иерархов» * и вследствие представления, сделанного ему братом, графом Федором Григорьевичем, со своей стороны согласился на снятие осады и переход всеми силами к Наварину, с целью укрепить это место как безопасное убежище, в особенности для флота, по отличному его порту, а еще более с намерением привести майнотов и других греков в какой-нибудь военный порядок и дисциплину и обучить их действию огнестрельным оружием, — одним словом, испытать, возможно ли образовать из них что-нибудь похожее на регулярное войско, так как до сих пор они не имели ни малейшего понятия о порядке и дисциплине или послушании начальству: каждый из них делал, что ему хотелось.

Граф Орлов имел равным образом в виду, посредством обращения их с русскими солдатами, ознакомить с воинскою доблестью и искоренить в них рабский страх, какой они ощущали в присутствии каждого турка, даже пленного. Эти пленные обращались всегда с греками с гордым пренебрежением, а греки сносили это и преклоняли перед ними выю [2]. Справедливость требует сказать, однако, что между греками были исключения и встречались люди, оказавшие самую отважную и примерную храбрость, достойную знаменитых предков, которые искали славы и пренебрегали опасностями.

---

[1] Старинное русское артиллерийское гладкоствольное орудие. Существовало до середины XIX в., т. е. до введения нарезных орудий.

* При корабле «Трех иерархов» находились фрегат «Надежда», пакетбот «Почтальон» и несколько греческих судов, нанятых в службу.

[2] Шею.

15 апреля вся артиллерия и тяжести были перевезены на флот. Граф Орлов приказал принять на суда всех стариков, женщин и детей, составлявших греческое население Корона, страшившихся мщения турок и не имевших возможности следовать с войсками на переходе их сухим путем из Корона в Наварин. 16-го числа рано утром войска выступили в поход; в то же время флот снялся с якоря и на другой день благополучно прибыл в Наварин. Эта крепость, стараниями бригадира Ганнибала, назначенного комендантом, была очищена и приведена в достаточное оборонительное состояние.

Граф Орлов, осмотрев подробно положение крепости, сделав смотр войскам, собранным у Наварина, как русским, так и греческим, и после рекогносцировки местности, нашел, что трудно или даже невозможно привести в исполнение предположения его насчет сформирования из греков устроенного войска, доколе город Модон, отстоящий только на десять миль, будет находиться в руках турок. Русские беспрестанно были бы тревожимы неприятелем, который имел в этом городе значительные силы. Поэтому граф Орлов создал военный совет из генералов, флагманов и бригадиров. Рассмотрев вышеозначенные обстоятельства, совет положил атаковать город Модон и стараться овладеть им.

Вследствие сего было назначено 500 человек русских солдат и 2000 греков, и начальство над этим отрядом поручено генерал-майору князю Юрию Владимировичу Долгорукову, который прибыл с графом Орловым из Италии. Отряд отправился по назначению ночью 18-го числа.

Князь Долгоруков предполагал напасть на город внезапно и взять его приступом; но по прибытии к Модону, до рассвета, нашел, что турки знали уже о его намерении и были готовы дать сильный отпор. Они употребили греческих шпионов для наблюдения за его движениями и через них имели верные о нем сведения. Таким образом он был принужден отложить приступ, и на следующий день, при рекогносцировке, нашел, что крепость необходимо обложить правильною осадою. Он немедленно донес об этом графу Орлову, который назначил капитан-командора Грейга с его кораблем «Трех иерархов» и фрегатом «Святой Николай» подойти с моря к Модону, снабдить осадный корпус артиллериею и снарядами и помогать ему в осаде.

Утром 26-го числа командор Грейг с вышеозначенными кораблем и фрегатом «Святой Николай» снялся с якоря и в тот же день, около полудня, подошел близко к городу Модону. Турки открыли по нему огонь; он отвечал на него двумя или тремя залпами, и как скоро суда вышли из пушечного

выстрела, бросил якорь. По совещании с князем Долгоруковым в ту же ночь свезли на берег нужное число орудий и снарядов: артиллерия состояла из восемнадцати 24-фунтовых и двух 12-фунтовых длинных пушек (из числа корабельных орудий) и двух больших мортир с 50 боевыми выстрелами для каждого орудия...

Между тем как это происходило на сухом пути, остальная часть команды корабля и фрегата устраивала шестипушечную батарею на небольшом острове, лежащем к востоку от крепости...

3 мая князь Долгоруков получил известие, что значительный корпус турок и албанцев, под начальством главного морейского паши, идет на помощь Модону...

Турки, после решительного удара, предались самой восторженной радости. Как скоро они овладели батареями, то немедленно зажгли их, и даже сожгли платформы и пушечные станки, и большую часть предместий.

Командор Грейг, перевезя с острова свезенные туда орудия (что ночью было исполнено капитаном Аничковым), отправился с отрядом к Наварину, куда и прибыл 6 мая...

Граф Орлов, видя, что с малыми остатками сухопутных войск более ничего нельзя предпринять в Морее, начал думать об уходе из Наварина и о совершенном оставлении полуострова. Для сего он приказал приготовить три транспорта: «Сатурн», «Венеру» и «Соломбалу», — к помещению и перевозу больных и раненых в порт Магон и для их конвоирования назначил фрегат «Надежда». Начальство над этим отрядом было поручено контр-адмиралу Елманову, которому приказано сделать необходимые для того распоряжения по приходу в порт Магон.

9 мая через одного грека получено известие, что турецкий флот из 12 линейных кораблей, нескольких фрегатов и других мелких судов прибыл в Наполи-ди-Романию и намеревается обойти кругом Мореи, чтобы атаковать русских в Наваринском заливе в то время, как турки, собравшиеся в больших силах в Модоне, нападут на город. В самом деле турки начали показываться в больших толпах на прилежащих высотах, не предпринимая, однако, никаких неприязненных действий. Ко всему этому, по совершенном прекращении всякого сообщения с внутренностию полуострова, продовольствие, в котором был уже некоторый недостаток на флоте, стало весьма затруднительно в крепости, где русские войска были почти заперты. Турки отрезали от города воду, испортив водопровод, доставлявший ее с гор. Посему нельзя было более медлить оставлением города, несмотря даже на

то, что единственное ручательство в успехе состояло в том, чтобы, отправив больных и раненых, идти навстречу турецкому флоту и решиться на сражение в открытом море.

В то время как это приводилось в исполнение, 15-го числа пришел через горы грек с вестью, что контр-адмирал Эльфинстон прибыл в залив Колокинт, высадил там все имевшиеся на его эскадре сухопутные войска и с эскадрою отправился искать турецкий флот.

Теперь нам нужно остановиться на некоторое время и дать краткий отчет об эскадре контр-адмирала Эльфинстона. Он состоял из следующих кораблей: «Святослав» (80-пушечный; капитан Хметевской), на котором находился адмирал; «Не тронь меня» (66-пушечный, капитан Беженцов); «Саратов» (66-пушечный, капитан Барж); фрегат «Африка» (32-пушечный, капитан Клеопин); фрегат «Надежда» (капитан Поливанов); транспортов «Панин», «Чернышев» и «Орлов» и пинка «Святой Павел» *.

Адмирал Эльфинстон вышел из Кронштадта 9 октября 1769 года, имея под своим начальством корабли: «Не тронь меня» (66-пушечный, капитан Хметевской) **; «Саратов» (66-пушечный, капитан Беженцов); «Тверь» (66-пушечный, капитан Игнатьев); фрегат «Африка» (32-пушечный, капитан Клеопин); «Надежда» (32-пушечный, капитан Поливанов); вооруженное судно «Чичагов» (капитан Поярков) ***, которое разлучилось с эскадрою и разбилось в Финляндских шхерах, пройдя Готланд, за что капитан по суду оправдан, а вахтенный лейтенант разжалован ****.

По позднему времени года эскадра имела крепкие ветры на переходе в Копенгаген; корабль «Тверь» потерял мачты, почему должен был возвратиться в Ревель, где зазимовал и не участвовал более в этой экспедиции. Капитан Игнатьев предан военному суду и присужден к лишению чинов за дурное утверждение мачт, а равно и за то, что не употребил всех средств, чтобы идти под фальшивым вооружением в Копенгаген. Императрица смягчила его участь и только отставила от службы. Корабль «Не тронь меня», на котором адмирал имел свой флаг, получил большую течь и на переходе имел

---

* Это поименование судов и их командиров противоречит с тем, что следует ниже. Командиром корабля «Святослав» был командор Барж.

** Контр-адмирал Эльфинстон вначале имел свой флаг на корабле «Не тронь меня».

*** Капитан-лейтенант Поярков.

**** Да еще купленный пинк «Святой Павел» (лейтенант Кривцов) и нанятое английское судно, называемое «Провиант».

более пяти футов воды в трюме; другие суда также много терпели от течи, однако после десятидневного перехода прибыли 19 октября в Копенгаген. Фрегат «Африка», разлучившийся с эскадрою и спустившийся от сильной течи за Наргин, соединился с эскадрою 6 ноября. «Святослав», под командою бригадира Баржа, исправив повреждение в Ревеле, вышел оттуда 16 октября, прибыл в Копенгаген 2 ноября и соединился с эскадрою контр-адмирала Эльфинстона.

Адмирал немедленно потребовал плотников и конопатчиков и исправил и выконопатил суда своей эскадры, сколько позволяло время года. 1 декабря он вышел из Копенгагена к Портсмуту; но на переходе эскадра имела жестокие штормы, и все суда ее разлучились. Большая часть судов была в большой опасности, особенно «Саратов», который в одно время имел 9 футов воды в трюме. Фрегат же «Африка» коснулся мели, потерял руль и получил другие значительные повреждения, почему и должен был идти в Ширнесс, где введен в док и исправлен.

Остальная часть эскадры пришла в Портсмут в разное время; последнее судно прибыло 29 декабря. В Портсмуте адмирал Эльфинстон ввел их в доки и совершенно исправил и, запасшись провизией и водою, по присоединении «Африки» из Ширнесса, 2 апреля поднял флаг на корабле «Святослав» и ушел со всею эскадрою из Портсмута вместе с транспортами «Чернышев», «Орлов», «Святой Павел» и «Панин», которые он там нанял. Они имели весьма удачный переход, и, не заходя ни в один порт и без всяких приключений, вся эскадра благополучно прибыла 10 мая в залив Богана, или Колокинт, по восточную сторону Матапан, в Морее. Контр-адмирал Эльфинстон высадил на берег в местечке Эллию, или Рапилу, близ Миситрии, сухопутные войска и кирасиров, бывших на его эскадре, с приказанием следовать на соединение с графом Орловым в Наварине. Узнав от греков, что капитан-паша с турецким флотом находится в Наполи-ди-Романии, он 12-го числа со всею эскадрою снялся с якоря и пошел отыскивать неприятеля.

16 мая в 10 часов утра, миновав мыс Сент-Анджело, были усмотрены два больших судна под ветром. Адмирал сделал сигнал кораблям «Саратов» и «Не тронь меня» идти в погоню. Скоро открылось, что это турецкие линейные корабли; и так как они лежали бейдевинд [1], то эскадра быстро к ним приближалась. Около 3 часов пополудни открылся весь

---

[1] Курс парусного судна при встречно-боковом ветре, когда угол с линией направления ветра меньше 90 градусов.

турецкий флот, состоявший из одиннадцати больших линейных кораблей и шести каравелл и фрегатов, не считая других малых судов. Турки лавировали, выходя из залива Наполи-ди-Романия. Адмирал сделал сигнал общей погони. Около 5 часов пополудни «Не тронь меня» подошел к ближайшему неприятельскому кораблю, на котором находился капитан-паша, имея флаг на грот-брам-стеньге, и вступил с ним в бой. Вскоре после того «Саратов» подошел к следующему неприятельскому кораблю, имевшему... вице-адмиральский флаг, и открыл по нему огонь. Оба турецких адмирала вскоре стали уклоняться от сражения и спустились на фордевинд[1] в залив Наполи-ди-Романия, куда последовал за ними весь турецкий флот, близко преследуемый русскою эскадрою и под непрерывным огнем с ее передовых кораблей «Не тронь меня» и «Саратов» и фрегата «Надежда». Но, к несчастию, ветер совершенно утих. Турки, воспользовавшись этим, галерами своими отбуксировали корабли свои, ближайшие к русским; остальные же, посредством гребных судов, буксировались все ко входу в залив. Во всю ночь продолжался штиль и маловетрие, так что турки к утру успели намного удалиться от русских.

Во время дела «Не тронь меня» имел одного убитого и шесть раненых. «Саратов» и «Надежда» не имели ни убитых, ни раненых.

17-го числа, утром, задул тихий ветерок от севера; турецкий флот виден был лавирующим к заливу; русская эскадра, под всевозможными парусами, гнала к ветру за ним. Около полдня наветренный турецкий корабль бросил якорь в заливе и к двум часам пополудни весь флот их уже стоял на якоре вплоть к городу Наполи-ди-Романия и под защитою крепостных орудий. Турки тотчас стали на шпринги и поворотились лагом против русской эскадры, которая к трем часам, устроившись в линию баталии, подошла к ним. Немного спустя передовой русский корабль снова открыл огонь по туркам, и другие корабли, по мере того как подходили, вступали в бой. Вскоре заштилило совершенно и течением начало их прижимать к внутренней части залива. Заметя, что ветер стихает, адмирал сделал сигнал поворотить и выйти опять из залива, но корабли не имели почти хода, и «Саратов», и «Святослав», не будучи в состоянии поворотить, были принуждены бросить якорь. Шпрингами они поворотились бортом к неприятелю и продолжали сражаться на дальний пушечный выстрел. Около 5 часов легкий ветерок подул с южной стороны; корабль «Святослав» отрубил канат и стал выходить из залива; «Саратов» же, будучи далее внутри залива, не мог воспользоваться этим ветерком, чтобы вступить под паруса и следовать за адмиралом. Как скоро адмирал со своим кораблем соединился с остальными судами эскадры, то послал все гребные суда к «Саратову», который, снявшись с якоря и буксируемый гребными судами всей эскадры, соединился с нею.

Во время дела «Святослав» имел трех человек убитых и двух раненых; «Не тронь меня» одного убитого и одного раненого.

Адмирал Эльфинстон, осмотрев силу и позицию неприятельского флота под замком Наполи-ди-Романия, нашел невозможным атаковать его в этом положении с такими неравными силами, в особенности не имея в своей эскадре брандеров. Поэтому он счел за лучшее отойти от берега и выждать выхода их в море; в то же время он, на небольшом греческом судне, послал известить графа Орлова о всем происшедшем и просить об усилении его эскадры.

Возвратимся теперь к событиям в Наварине. Как скоро граф Орлов узнал, что адмирал Эльфинстон в Рапилу, в залив Богана, высадил сухопутные войска, которые не могли соединиться с ним сухим путем, то послал немедленно адмирала Спиридова с 4 кораблями и одним фрегатом к этому пункту, чтобы перевести их опять на корабли, а потом, соединившись с адмиралом Эльфинстоном, вместе с ним идти для отыскания неприятельского флота.

Вследствие сего в тот же день, 15 мая, адмирал Спиридов вышел из Наварина и 17-го прибыл в Рапилу, а 19-го все войска высажены на корабли; но по совершенному безветрию эскадра в этот день и в следующий не могла вступить под паруса. 20-го числа к эскадре прибыл лейтенант Гололобов, посланный от адмирала Эльфинстона к графу Орлову. Он сообщил адмиралу Спиридову о действии эскадры адмирала Эльфинстона против турецкого флота, что еще более увеличило его нетерпение вступить под паруса.

21-го числа подул от норд-вест легкий ветерок; эскадра снялась с якоря и направилась для соединения с адмиралом Эльфинстоном, в чем благополучно успела на следующий день, близ острова Цериго. Тогда они вместе пошли для отыскания турецкого флота.

Весь следующий день, 23-го, они имели тихий ветер из северо-восточной четверти и мало подвигались вперед лавировкою; но 24-го подул ветерок от юга и около полдня от-

[1] Курс парусного судна, совпадающий с направлением ветра; поворот парусного судна носом по ветру.

крылся неприятельский флот на якоре под островом Специя. Вследствие того оба адмирала, Спиридов и Эльфинстон, сделали сигнал общей погони.

Увидя русский флот, турки отрубили якоря, вступили под паруса и легли бейдевинд к востоку. Русские под всеми парусами быстро к ним приближались. Ветер продолжался свежий от зюйда. Корабли адмирала Эльфинстона, вышедшие недавно из дока и еще не обросшие, на значительное расстояние опередили корабли адмирала Спиридова. Сверх того, адмирал Спиридов около 2-х часов пополудни, несмотря на то что неприятель был еще далек, сделал своей эскадре сигнал построиться в линию баталии, отчего она отстала много от эскадры адмирала Эльфинстона. Хотя он и продолжал спускаться, но, потеряв столько времени на построение линии и по причине стихавшего ветра, ни один из его кораблей не мог подойти к неприятельскому флоту. В то же время адмирал Эльфинстон повторил своей эскадре сигнал общей погони, и вследствие того передовые его корабли «Саратов» и «Не тронь меня» около 6-ти часов вечера подошли к неприятелю и вступили в бой с пятью турецкими кораблями, хотя на слишком дальней дистанции; но они продолжали нести всевозможные паруса, желая сблизиться с ними. Ветер в это время начинал стихать, а полчаса после начала боя почти вовсе затих, и ни один из прочих кораблей не мог подойти на помощь к ним. Турки, воспользовавшись штилем, отбуксировали свои корабли галерами и гребными судами.

Во время погони два турецких корабля и несколько фрегатов значительно ушли вперед своего флота, а три корабля отстали от него. Увидя это, адмирал Спиридов сделал сигнал кораблю «Трех святителей» и фрегату «Надежда» гнать за отставшими кораблями, между тем как с другими кораблями эскадры он держал восточнее, гонясь за передовыми неприятельскими кораблями. Но по причине стихшего ветра ни один из сих кораблей не мог подойти к неприятелю.

Происшествия этого дня были причиною некоторого недоразумения и разногласия между адмиралами Спиридовым и Эльфинстоном. Последний обвинял первого, что он не приложил возможного старания подойти к неприятельскому флоту и атаковать его.

Во всю ночь продолжался штиль, а на рассвете 25-го подул слабый ветерок от севера. В то время открылся турецкий флот около четырех миль на ветре, шедший к востоку. Оба русские адмирала снова сделали сигнал общей погони.

Но во весь тот день продолжались легкие и переменные ветры, а к вечеру вовсе заштилило: это было причиною, по-

чему турецкий флот еще несколько удалился от них. Хотя турецкие корабли имеют мало верхних легких парусов, но нижние паруса и марсели огромные и весьма легкие (они сделаны из бумажной парусины): это дает им большое преимущество в ходу при таком ветре.

26-го числа все стояло маловетрие и штиль, и хотя наши суда продолжали погоню, но неприятель так много ушел вперед, что к вечеру уже видны были только задние шесть кораблей, и то с марса, между островами Зея и Термиа, куда они бежали. Русский флот продолжал погоню при северном тихом ветре и 27-го числа утром прошел между островами Термиа и Зея, но неприятельских судов уже не было видно.

Адмирал Спиридов послал капитана фрегата «Николай» на остров Юра, а адмирал Эльфинстон греческого своего переводчика на остров Сиро, чтобы узнать, куда ушел неприятель.

Возвратясь к эскадре 28-го числа, они сообщили, что турецкий флот прошел между островами Тино и Микони, но куда именно, неизвестно. Они слышали, что в Негропонте был турецкий корабль и две большие галеры.

После этих известий адмирал Эльфинстон уведомил адмирала Спиридова, что у него на эскадре только на два дня пресной воды и что ему необходимо идти в порт Рафти... чтобы налиться водою. Он предложил адмиралу Спиридову дать ему три корабля и два фрегата, для того чтобы отправиться вверх по проливу Негропонтскому, с целью взять неприятельский корабль и две галеры, пока его эскадра в Рафти будет наливаться водою. Адмирал Спиридов изъявил на то свое согласие.

29-го числа адмирал Спиридов с кораблями «Святой Евстафий», «Святослав», «Не тронь меня» и «Саратов» пришел в порт Рафти, бросил якорь и стал наливаться водою. Адмирал Эльфинстон на корабле «Трех святителей», на котором он поднял флаг, и с кораблями «Януарий», «Европа» и фрегатами «Надежда» и «Африка» пошел вверх по Негропонтскому проливу. В то же время адмирал Спиридов послал пакетбот «Почтальон» для крейсерства между островом Зея и мысом Доро с повелением стараться узнать о месте нахождения неприятельского флота.

2 июня адмирал Эльфинстон возвратился из Негропонтского пролива, не видав ни одного из неприятельских судов, за которыми ходил, и без всяких дальнейших приключений. Лорд Эффингем сделал на нескольких вооруженных гребных судах высадку на Негропонт и привез несколько старых

медных орудий из древней крепости, оставленной турками при приближении русских. Лорд Эффингем служил волонтером на корабле адмирала Эльфинстона. Он присоединился к этой экспедиции с разрешения короля единственно из любви к военному ремеслу.

По прибытии эскадры адмирала Эльфинстона к порту Рафти адмирал Спиридов со своими кораблями вышел из этого порта на соединение с ним. Но как несогласие между адмиралами, происшедшее во время погони и дела 24 мая, еще продолжалось, то граф Федор Григорьевич Орлов, сопровождавший адмирала Спиридова, предложил им идти на соединение с графом Алексеем Григорьевичем, главнокомандующим всей экспедицией, прежде нежели пойдут отыскивать неприятельский флот, для того чтобы в случае встречи с турками обе эскадры могли действовать соединенно и единодушно, под начальством одного главнокомандующего. На это оба адмирала охотно согласились. Адмирал Эльфинстон перенес свой флаг на корабль «Святослав», и каждый из адмиралов, взяв под свою команду суда, принадлежавшие его эскадре, отправились вместе к острову Цериго для соединения с графом Алексеем Григорьевичем.

Здесь кстати упомянуть, что адмиралу Эльфинстону при отправлении его из России было дано обещание не подчинять его адмиралам Спиридову и Елманову, хотя они и были старше его чином, но состоять только в команде у графа Орлова, как главнокомандующего всей экспедицией. Хотя и нет причины думать, чтобы некоторые из министров в Санкт-Петербурге не могли дать ему подобного словесного обещания, но между тем в письменных, полученных им инструкциях об этом ничего не упоминалось.

На этом основании адмирал Спиридов не принимал над ним начальства, хотя он был полным адмиралом, а Эльфинстон только контр-адмиралом. Это объясняет некоторые обстоятельства при первой их встрече, которые без того были бы военному читателю непонятны.

В продолжение этих происшествий на море турки, ограничив, как мы сказали, владение русских городом и портом Наваринским, собрали все сухопутные силы в Модоне и по прибытии флота в Наполи-ди-Романию предполагали флот свой отправить вокруг Мореи и в одно и то же время атаковать русских в Наварине сухопутными силами, а флот их в заливе.

Осведомясь, что там было только пять линейных кораблей, один фрегат и несколько мелких судов и что, по-видимому, они не готовы еще выйти в море, он немедленно оставил Наполи-ди-Романия, в полной надежде напасть на русскую эскадру врасплох, во время амбаркации больных и раненых, также орудий и артиллерийских припасов, которые были свезены в Наварине на берег. Но, встретив эскадру адмирала Эльфинстона на высоте мыса Сент-Анджело, в самый день выхода ее из Наполи-ди-Романии, он совершенно потерялся и стал подозревать, что ему изменили лазутчики, дав ложные известия о русском флоте. Принимая фрегаты и транспорты Эльфинстона за линейные корабли, он был уверен, что шпионы обманули его также и насчет русской эскадры: это, вероятно, и было причиною внезапного отступления его в Наполи-ди-Романию.

В Наполи-ди-Романии он узнал настоящее положение русского флота, и, убедившись, что в эскадре Эльфинстона было только три линейных корабля, он ободрился и вступил опять под паруса с намерением атаковать ее. Подойдя к ней, он, к вящему еще испугу, нашел, что она усилена кораблями из Наварина под командою адмирала Спиридова. Тут он стал думать только о том, как бы скорее укрыться в Дарданеллы.

Хотя эта одновременная атака с сухого пути и с моря не удалась, но турки, собранные у Модона, видя, что в Наваринском заливе остался только один линейный корабль («Трех иерархов») и один фрегат («Надежда Благополучия») вместе с бомбардирским кораблем и транспортами, стали показываться сильными партиями на высотах к востоку от города и... отрезали воду, разрушив водопровод. Русские до того времени имели в виду оставить крепость, а потому больные и раненые были с возможною поспешностью перевезены на приготовленные для них транспорты. Корабль «Трех иерархов» подтянулся вплоть к берегу, чтобы прикрывать перевоз войск, и 23-го числа укрепления наваринские взорваны, пушки разорваны порохом и все войска забраны на суда. Около полудня того же дня турки пришли из Модона и заняли крепость, в которой нашли три пушки не разорванные, и из этих пушек начали действовать по кораблю «Трех иерархов». По силе дувшего прямо на берег ветра корабль не в состоянии был оттянуться. Крепкий ветер стоял до 26-го числа. В течение этого времени неприятель продолжал по временам стрелять по кораблю, но как скоро с корабля начинали отвечать на огонь, турки оставляли свои орудия.

27-го числа ветер сделался попутным от норд-веста, и все суда снялись и вышли из залива. Адмирал Елманов на фрегате «Надежда Благополучия», конвоируя провиантские суда, отправился в порт Магон. Граф Орлов на корабле

«Трех иерархов» с бомбардирским кораблем «Гром» пошел в Архипелаг на соединение с флотом, и в тот же день, на высоте острова Сапиенца, соединился с ними корабль «Ростислав» *.

Соединяясь с флотом у острова Специи 11 июля, граф Орлов решился идти отыскивать неприятеля. Но многие из кораблей имели недостаток в воде. Поэтому флот сначала пошел в порт Трио, на южной оконечности острова Пароса. Он прибыл туда 16-го, и, налившись водою, 19-го весь флот вышел из порта и отправился к острову Хиосу для отыскания турецкого флота. В следующие три дня было маловетрие от севера, так что флот, лавируя, подвигался очень мало вперед. Граф Орлов с нетерпением желал отрезать турецкий флот от Дарданелл, и эти легкие противные ветры увеличивали нетерпение его и других генералов, которые опасались, что турки воспользуются и войдут в Дарданеллы прежде, чем можно будет их настигнуть.

Наконец свежий от зюйд-веста ветер, поднявшийся утром 23-го числа, обрадовал всех, тем более что греческое судно привезло известие, что турецкий флот был накануне виден между островом Хиосом и Анатольским берегом.

Поставив всевозможные паруса, флот прошел между островами Инсарой и Хиосом. Турецкая гребная галера, бежавшая под усиленною греблею от Инсары к Хиосскому проливу, еще более увеличивала вероятие найти там неприятельский флот.

Поэтому граф Орлов около часа пополудни отрядил командора Грейга, на «Ростиславе», с двумя малыми фрегатами вперед для открытия неприятеля. В четыре часа командор увидел весь турецкий флот между Хиосом и Анатольским берегом, частью под парусами. Два корабля несли все паруса, лежали поперек Смирнского залива к норду и успели войти в Митилинский пролив. Остальные же бывшие под

---

* «Ростислав» из Балтики пришел в Портсмут 25 сентября 1769 г. ... 13 октября «Ростислав» вышел в море вместе с шлюпом «Летучий» и, зайдя на несколько дней в Фальмут, 9 ноября пришел в Лиссабон. Офицеры были представлены ко двору и... приняты королем и королевскою фамилиею... 22 декабря оставили они Лиссабон и 27-го пришли в Гибралтар, откуда ушли на следующий день в порт Магон. 30-го они разлучились. 11 января 1770 года во время шторма «Ростислав» потерял мачты... под фальшивым вооружением пошел в Геную... и прибыл в этот порт 25 (марта). Поставив новые мачты и исправив вооружение, пополнив провизию, воду и все нужное, корабль снялся с якоря 16 апреля... 26-го прибыл в порт Витило и, узнав от греков, где находится граф Орлов, соединился с ним...

парусами корабли, увидя русский корабль, подошли к Анатольскому берегу и стали под ним на якорь.

Командор Грейг немедленно уведомил графа Орлова сигналом, что открыл неприятеля. Граф сделал сигнал: «Всему флоту спуститься к «Ростиславу»; в это время командор Грейг возвратился на свой корабль «Трех иерархов» и донес подробно графу о том, в каком числе и, сколько по отдалению можно было судить, какой силы были неприятельские корабли. По приближении ночи решились привести к ветру и держаться ночью под малыми парусами. В предположении, что неприятель примет атаку на якоре, послано всем кораблям приказание приготовить шпринги на канатах и изготовиться к сражению.

Флот в продолжение ночи держался под малыми парусами к северу от острова Хиоса при свежем... ветре от норд-вест.

На рассвете, в четыре часа утра, граф Орлов сделал сигнал общей погони, что было репетовано адмиралами Спиридовым и Эльфинстоном. Весь флот спустился в кильватер к кораблю «Трех иерархов», на котором главнокомандующий граф Орлов имел кейзер-флаг генерал-адмирала *. Идучи под всеми парусами при свежем ветре, около шести часов утра начали входить в пролив между Хиосом и Анатольским берегом, где увидели весь турецкий флот, расположенный под Анатольским берегом, на якоре и построенный в две линии. Русский флот продолжал спускаться под всеми парусами, доколе передовые корабли «Трех иерархов» и «Святослав» не подошли на две мили к неприятелю. Тогда сделан сигнал построиться в линию баталии, и эти корабли привели к ветру, чтобы дать время остальным подойти и исполнить ордер **.

Около 10 часов утра задние корабли подошли, и линия построена в следующем порядке:

Порядок русской линии баталии: авангард (адмирал Спиридов) — «Европа» (корабль, 66-пушечный, командир Клокачев), «Святой Евстафий» (66, Круз), «Трех святителей» (66, Хметевской), «Святой Януарий» (66, Борисов);

---

* Сколько известно, граф Орлов поднял кейзер-флаг в половине июня 1770 г.

** А в половине девятого часа утра по учинении сигнала под кейзер-флагом на корабле «Трех иерархов» легли всем флотом в линию не далее друг от друга полукабельтова, причем стали командовать: авангардиею... адмирал Спиридов, кордебаталиею... граф Орлов, арьергардиею контр-адмирал Эльфинстон; в половине одиннадцатого часу, поворотясь всем флотом, линиею пошли к турецкому флоту, передним «Европа».

кордебаталия (граф Орлов) — «Трех иерархов» (66, Грейг), «Ростислав» (66, Лупандин), «Не тронь меня» (66, Безенцов); арьергард (контр-адмирал Эльфинстон) — «Святослав» (80, Роксбург), «Саратов» (66, Барж); фрегаты позади линии — «Святой Николай», «Почтальон», «Орлов», Панин», «Надежда», «Африка», бомбардирский корабль, значительное число малых греческих судов.

Турецкая линия баталии... на якоре: корабли Гасан-паши — «Реал Мустафа» (84-пушечный), «Капитан Аллибей» (96), «Патрона Реало» (84); Капитан-паши — «Капитан-паша» (100), «Патрона Аукара» (84), «Мулинос Ахмет» (84); Джафер-бея — «Джафер-бей» (80), «Ахмет» (74), «Султана» (74), «Эмир Мустафа» (70); корабли 2-й линии— «Хамензей» (60), «Барбаросена» (60), «Алли Кандиск» (60), «Родос» (60), «Мекхин» (60), «Гепулин-паша» (60), имя неизвестное (60), а также 2 каравеллы (по 50) и 2 фрегата (по 40); позади линии — десять галер и большое число галиотов и барказов, державшихся на веслах.

Турецкая линия баталии была превосходно устроена; расстояние между кораблями было немного более длины двух кораблей. Они составляли впалую дугу и были не более полумили от Анатольского берега, между заливом Чесменским и малым низменным островом, лежащим к северу от Чесмы, близ берега, и которым при норд-вестовом ветре прикрыт был их правый фланг или авангард.

Передовая линия их состояла из десяти самых больших кораблей, имевших шпринги на канатах и таким образом поставленных бортом в линию. Вторая линия состояла из семи линейных кораблей, двух 50-пушечных каравелл и двух 40-пушечных фрегатов. Корабли и каравеллы расположены были в интервалах кораблей первой линии и не более полукабельтова позади их. На каждом фланге было по одному фрегату и все галеры и барказы держались на веслах между флотом и берегом. На берегу был лагерь со значительным корпусом турок, которые, как узнали после от пленных, должны были замещать убыль убитыми и ранеными на кораблях: турки полагали, что сражение может продлиться значительное время.

Когда русская линия баталии была устроена и диспозиции к атаке сделаны, то в 11 часов утра дан был сигнал «спуститься на неприятеля». Адмирал Спиридов с авангардом спустился немедленно, а за ним близко следовал остальной флот в ордере баталии при свежем ветре... В третьей четверти двенадцатого часа передовой корабль «Европа» подошел на пушечный выстрел, и неприятель открыл чрезвычайно сильный огонь по нему и другим, близко следовавшим за ним кораблям. Они выдерживали неприятельский огонь, не отвечая, пока не подошли на пистолетный выстрел; тогда, поворотясь бортом к неприятелю, авангард открыл весьма сильную пальбу. За авангардом вплоть следовала кордебаталия, которая открывала огонь по неприятелю, по мере того как к нему приближалась. Вскоре арьергард вступил в бой с задними неприятельскими кораблями, так что в половине первого часа пополудни сражение сделалось общим и весьма жарким с обеих сторон. В особенности наш авангард и кордебаталия дрались почти все на самом близком расстоянии.

Корабль «Европа», подойдя близко к неприятелю... вступил в бой. Но когда «Святой Евстафий» подошел весьма близко к нему, то «Европа» принужден был... выйти вперед наветренного неприятельского корабля. Поэтому корабль «Европа» поворотил на другой галс, вскоре спустился в самый жаркий огонь и занял место позади корабля «Ростислав».

«Святой Евстафий», производя быстрый и хорошо направленный огонь, в весьма близком расстоянии от неприятеля, также вышел вперед наветренного неприятельского корабля. Поэтому он хотел поворотить оверштаг, но, имея много перебитых снастей, не успел в том и, уваливаясь под ветер, навалил на передовой турецкий корабль «Реал Мустафа» под командою Гасан-паши. Пушечный и ружейный огонь несколько времени продолжался с большой живостью; турецкий корабль вскоре загорелся под шканцами, и пожар в несколько минут распространился по всему кораблю. Турки еще до того бросались с корабля один за другим в воду и спасались вплавь на берег; тут же они стали бросаться в воду сотнями и совершенно оставили свой корабль. Пламя распространялось по снастям и парусам, и вскоре весь корабль был в огне. Находясь на ветре, «Евстафий» не вдруг загорелся, и адмирал, и граф Федор Григорьевич Орлов, и несколько офицеров имели время спастись на гребных судах. По сцепившимся реям и такелажу огонь перебегал с одного корабля на другой; горящая грот-мачта турецкого корабля упала на корабль «Святой Евстафий», и не более как через минуту после того «Евстафий» взлетел на воздух. Как скоро «Святой Евстафий» навалил на турецкий корабль, всем гребным судам флота был сделан сигнал идти к нему для подания помощи, но шлюпки успели спасти только капитана Круза, одного кирасира и артиллерийского офицера, коих сняли с обломков взорванного корабля. Граф Алексей Гри-

горьевич был в это время в большой тревоге, полагая, что брат его Федор взлетел с кораблем на воздух. К счастью, оказалось, что он вместе с адмиралом благополучно достиг шлюпа «Почтальон» на адмиральском катере. Граф Алексей Григорьевич узнал об этом только по окончании сражения, а потому во все продолжение дела был чрезвычайно озабочен насчет своего брата

Турецкий корабль, после взорвания «Святого Евстафия», горел еще с четверть часа, пока огонь дошел до крюйт-камеры; тогда он тоже взлетел на воздух. Это доказывает, что его крюйт-камера была весьма хорошо защищена от огня.

Корабль «Трех святителей», следовавший за «Святым Евстафием», подошел весьма близко и лег борт о борт с неприятелем. Он действовал решительно и храбро; но, увидя, что «Евстафий» не мог поворотить, и не имея со своим кораблем хода... капитан был в необходимости... спускаться прямо в средину неприятельских кораблей. К счастью, он не сошелся ни с одним из них и... действовал по ним с обоих бортов. «Святой Януарий», следовавший за кораблем «Трех святителей», стрелял залпами по неприятелю по мере прохождения вдоль его линии. Не потерял хода, когда корабль «Трех святителей» был принужден спуститься в неприятельскую линию, он поворотил... на другой галс.

Корабль «Трех иерархов» следовал в кильватере корабля «Святой Януарий» и стал на якорь со шпрингом вплоть у борта корабля Капитан-паши; он начал производить по нему беспрерывный огонь пушечный и ружейный, пока тот не обрубил канаты. Но, вероятно, в замешательстве и торопливости турки, отрубив канат, забыли перерубить шпринг, взятый в ретирадный порт, потому что корабль их поворотился кормою к «Трем иерархам» и оставался в таком положении около четверти часа. Это дало последнему возможность продольными выстрелами нанести ему страшное разрушение без малейшего для себя вреда.

«Ростислав» следовал за кораблем главнокомандующего. Как скоро он подошел к неприятелю, то... действовал с большою решимостью.

Арьергард между тем атаковал неприятельские задние корабли, хотя и не на таком близком расстоянии, как авангард и кордебаталия.

Пока флоты находились в этом тесном и жестоком бою и «Святой Евстафий», как было упомянуто, навалил на наветренный неприятельский корабль и загорелся, турецкие суда, будучи все под ветром... и страшась, чтобы его не несло прямо на них, начали рубить канаты и отдавать паруса и в совершенном беспорядке и ужасе обратились в бегство в Чесменскую бухту. Как скоро русские заметили, что неприятель намерен бежать, граф Орлов приказал обрубить канат на корабле «Трех иерархов» и, сделав сигнал общей погони, преследовал неприятеля до того времени, пока он не вошел в Чесменскую бухту. Турецкие корабли бросились сюда в совершенном беспорядке, сталкиваясь между собою, отчего некоторые из них потеряли бушприты.

В русском флоте не было брандеров, которые можно было бы пустить на турецкие суда, пока они находились в этом беспорядке и паническом страхе, и граф Орлов, по необходимости, сделал своему флоту сигнал стать на якорь, что корабли и исполнили, став у самого входа в бухту на расстоянии пушечного выстрела от неприятеля. Он тотчас отрядил командора Грейга на бомбардирском корабле «Гром» с тем, чтобы тот, пока турецкие корабли находились в таком замешательстве, бросал на них бомбы и каркасы; а между тем приказал снарядить брандерами четыре самых больших греческих судна из числа тех, которые следовали за флотом.

Таким образом кончилось это замечательное сражение 24 июня, которое было как бы приступом к последовавшему затем делу. Самый ожесточенный бой, от начала атаки до того времени, как неприятель стал рубить канаты и отступать, продолжался только полтора часа, затем продолжалась погоня еще около получаса, и около двух часов пополудни неприятельский флот находился уже в Чесменской бухте. Потери русских убитыми и ранеными были следующие.

На корабле «Святой Евстафий» — флаг-капитан Плещеев, 34 морских и сухопутных офицера и 473 унтер-офицера, матроса и солдата.

На корабле «Европа» — 4 убитых и несколько раненых; на корабле «Трех святителей» — 1 мичман и 5 нижних чинов убитых и 12 раненых.

На корабле «Не тронь меня» — 3 убитых и несколько раненых.

Всего убитых 523 человека.

На корабле «Трех иерархов», хотя он стоял на якоре менее одного кабельтова от неприятельского флота, был только один раненый, потому что неприятельские пушки были наведены слишком высоко и стреляли только по рангоуту, повреждали мачты, реи и перебивали снасти. В каждую из нижних мачт попало по два ядра и одно в бушприт... На кораблях «Януарий» и «Ростислав», также по причине слишком большого возвышения неприятельских пушек, равным

образом не было убитых, хотя оба они дрались на близком расстоянии с неприятелем.

Нельзя было получить даже приблизительных сведений о потере неприятеля, но должно полагать, что она была еще значительнее. Русские корабли имели большие повреждения в рангоуте и такелаже, особенно корабли «Трех иерархов» и «Трех святителей», которые, немедленно после сражения, приступили к исправлению и наложили фиши на нижние мачты, значительно перебитые, так же как и на бушприты.

Остаток этого дня, вся ночь и часть следующего дня были употреблены русскими для снаряжения четырех брандеров и исправления повреждений, полученных в сражении. Бомбардирский корабль во все это время не переставал бросать на неприятельские суда бомбы и каркасы; из них многие попадали, не производя, однако, пожара.

Приготовление брандеров было предоставлено бригадиру Ганнибалу, который к вечеру 25-го числа совершенно изготовил их к действию.

Пока русский флот занимался этими приготовлениями, неприятель приводил в порядок свои корабли и воздвигал батареи на берегу, по обеим сторонам входа в залив... Против этого входа турки поставили в одну тесную линию шесть самых больших кораблей; два корабля фланкировали [1] северную, или правую, оконечность этой линии; остальные же находились позади этой линии в ее интервалах. Гребные галеры были поставлены в небольшой бухте, позади мыса, образующего северный вход в залив; ветер был от норд-вест. На возвышении этого мыса турки устроили батарею 22 самых тяжелых орудий, снятых с кораблей в задней линии. Они начали также строить две батареи на южном мысу залива, но не успели вооружить их пушками.

В этом положении турки ожидали нападения русских, которые, снарядив свои брандеры и исправив повреждения, полученные во время сражения, были готовы снова вступить в бой.

Командор Грейг, посланный для рекогносцировки положения неприятеля и входа в Чесменскую бухту, нашел, что устье ее до того узко, что не более трех кораблей могут удобно бросить в нем якорь, и то не в одной линии. Посему граф Орлов назначил для атаки четыре корабля, а именно: «Ростислав», под командою капитана Лупандина; «Европа», капитан Клокачев; «Не тронь меня», капитан Безенцов; «Саратов», капитан Поливанов; и два фрегата: «Надежда», капитан Степанов, и «Африка», капитан Клеопин, а также бомбардирский корабль и четыре брандера *. Начальство над отрядом и распоряжение им поручено командору Грейгу. Он имел повеление войти с отрядом в Чесменскую бухту и поставить корабли как можно ближе к неприятелю, расположив их, смотря по обстоятельствам и местности, для достижения цели.

Командор Грейг, отдав каждому из капитанов надлежащие приказания, сел на корабль «Ростислав», на котором и поднял свой брейд-вымпел [1].

Диспозиция [2] была следующая: три линейных корабля должны были войти прямо в бухту и бросить якорь в ближайшем расстоянии от неприятеля, но так, чтобы один не мешал другому. Четвертый корабль должен был стать около двух кабельтовых мористее их, для подания помощи или отбуксирования тех из кораблей, которые могли бы встретить нужду в том. Фрегату «Надежда» назначено действовать против батарей на северном мысу; фрегату же «Африка» приказано стрелять по батарее на южном мысу, в предположении, что неприятель уже вооружил ее пушками. Бомбардирский корабль имел приказание стать немного мористее линейных кораблей и бросать через них на неприятельский флот бомбы и каркасы. Четыре брандера должны были держаться на ветре под парусами, в совершенной готовности спуститься на неприятеля, как скоро увидят сигнал из двух ракет, пущенных с командирского корабля. Они должны были подойти, сцепиться с неприятелем и потом уже, но не ранее, зажечь свои суда. По разным причинам эту атаку признали более удобным произвести ночью, тем более что в то время наступило почти полнолуние; следовательно, было довольно светло для того, чтобы войти в залив и бросить якорь на назначенных местах, а равно приступить и ко всем прочим действиям.

Около 11 часов ночи командор Грейг сделал своему отряду сигнал сняться с якоря. Для сего, чтоб не встревожить неприятеля пушечными выстрелами, он приказал поднять один фонарь на гафеле. Отряд немедленно был под парусами. Корабли, подняв фонарь на кормовом флагштоке, показали, что готовы спуститься. На это командор отвечал под-

---

[1] Замкнули, прикрыли правый (северный) фланг.

---

* Брандерами назначены командовать: капитан-лейтенант Дугдаль, лейтенанты Мекензи и Ильин и мичман князь Гагарин, которые вызвались охотниками на это отважное дело.

[1] Соответствующих размера и формы военно-морской флаг.

[2] В данном случае схема расположения кораблей.

нятием трех фонарей на гафеле, что означало приказ привести это в исполнение.

Корабль «Европа», бывший более всех под ветром и опасавшийся песчаной банки[1], которая находилась под ветром его, прежде чем сигнал был сделан, спустился и пошел в бухту один и около полуночи бросил якорь в южной стороне залива, близ неприятеля. Здесь он принужден был выдержать с неприятельских судов, а равно и с береговых батарей, весьма сильный огонь, на который, однако, бросив якорь и поворотясь на шпринге, он отвечал сильно и метко. Это продолжалось около четверти часа, пока не подошли другие корабли. Видя его затруднительное положение, командор со своим кораблем «Ростислав» и с кораблем «Не тронь меня» под всеми парусами спешил к нему на выручку. Миновав «Европу» на полкабельтова, командор бросил якорь против середины входа в бухту, около полтора кабельтова от неприятеля, в первой четверти часа ночи. «Не тронь меня» в то же время бросил якорь около полукабельтова далее и к северной стороне входа. Фрегаты стали против назначенных им батарей.

Час с четвертью продолжался ужасный огонь с обеих сторон. В это время каркас, брошенный с бомбардирского корабля, упал в рубашку грот-марселя[2] одного из турецких кораблей. Так как грот-марсель был совершенно сух и сделан из бумажной парусины, то он мгновенно загорелся и распространил пожар по мачте и такелажу. Грот-стеньга[3] скоро перегорела и упала на палубу, отчего весь корабль тотчас же был объят пламенем.

Командор, увидя замешательство, произведенное этим случаем в турецком флоте, сделал условленный сигнал брандерам, которые немедленно спустились на неприятеля. Капитан-лейтенант Дугдаль, на передовом брандере, поставил все паруса, чтобы подойти и сцепиться с наветренными неприятельскими кораблями; но, пройдя мимо командорского корабля и подходя к неприятелю, он встретил две гребные галеры, которые немедленно абордировали его брандер. Это принудило его зажечь свое судно прежде назначенного времени и для спасения собственной жизни броситься за борт и вплавь достигнуть своей шлюпки, которая, отдав бакштов в то время, как галеры подошли к брандеру, отстала от него

---

[1] Возвышающаяся часть морского дна, покрытая водой отмель.
[2] Парус на второй от носа (средней) мачте.
[3] Продолжение верхнего конца мачты, в данном случае грот-мачты.

на большое расстояние. Галеры остановили брандер и пустили его ко дну на том самом месте, где на него напали.

Лейтенант Мекензи следовал близко за первым брандером и, приблизясь к неприятелю, зажег свое судно. Но в то время как брандеры спускались на неприятеля, пожар первого турецкого корабля распространился уже на два или три ближайшие к нему; горящие обломки от его взрыва упали еще на несколько других судов, и таким образом половина турецкого флота уже пылала. Брандер Мекензи навалил на один из горевших судов.

Лейтенант Ильин, командир третьего брандера, следовал в некотором расстоянии, и когда проходил мимо командора, тот закричал ему, чтобы ни под каким видом не зажигал брандер прежде, чем сцепиться с одним из наветренных турецких кораблей. Вследствие того он подошел борт о борт к одному из них и зажег его.

Мичман князь Гагарин вскоре подошел на четвертом брандере; но так как большая часть неприятельских судов уже горела, то он также попал на горящий корабль.

Как скоро первый брандер прошел мимо командорского корабля, приказано было прекратить пальбу, чтобы не вредить своим брандерам, которые находились между ним и неприятелем. Но так как пожар еще не сообщился нескольким из наветренных турецких кораблей, которые продолжали стрелять, то командор был принужден снова открыть огонь.

Пожар турецкого флота сделался общим к трем часам утра. Легче вообразить, чем описать ужас, остолбенение и замешательство, овладевшие неприятелем. Турки прекратили всякое сопротивление, даже на тех судах, которые еще не загорелись; большая часть гребных судов или затонули или опрокинулись от множества людей, бросавшихся в них. Целые команды в страхе и отчаянии кидались в воду; поверхность бухты была покрыта бесчисленным множеством несчастных, спасавшихся и топивших один другого. Немногие достигли берега, цели отчаянных усилий. Командор снова приказал прекратить пальбу с намерением дать возможность спастись по крайней мере тем из них, у кого было довольно силы, чтобы доплыть до берега. Страх турок был до того велик, что они не только оставляли суда, еще не загоревшиеся, и прибрежные батареи, но даже бежали из замка и города Чесмы, оставленных уже гарнизоном и жителями.

Корабли «Европа» и «Не тронь меня» получили приказание отойти несколько подалее, чтобы быть вне опасности

от взрыва судов. Командор, с одним своим кораблем «Ростислав», остался до совершенного окончания дела. Он приказал перекрепить все паруса как можно туже и брандспойтами обливать паруса и такелаж, чтобы совершенно смочить их, а также беспрестанно окачивать борта и палубы ведрами, чтобы обезопасить корабли от падавших горящих обломков.

Граф Алексей Григорьевич к 4 часам утра прислал со всего флота гребные суда, чтобы в случае несчастия подать помощь «Ростиславу»; командор же, видя, что два неприятельских наветренных корабля не загорелись еще, отрядил лейтенанта Карташева, командовавшего упомянутыми гребными судами, с пятью или шестью катерами, обрубить канаты у наиболее наветренного корабля и постараться спасти его и выбуксировать. Вскоре после того с несколькими катерами был послан лейтенант Мекензи спасти еще другой корабль и вывести его. Оба офицера исполнили это приказание с неустрашимостью, несмотря на опасность от близ горевших неприятельских кораблей, которые один за другим взрывались. Оба корабля были уже на буксире, когда, к несчастию, одно из горевших судов взлетело на воздух в то самое время, как лейтенант Мекензи с последним из буксируемых кораблей проходил вблизи его. Горящие обломки взорванного корабля, падая, зажгли и этот корабль. Командор Грейг опасался, чтоб подобное несчастье не случилось и с другим спасаемым кораблем, и когда сделался небольшой ветерок с берега (во время сражения совершенно заштилило), то с корабля «Ростислав» послал на этот корабль капитан-лейтенанта Булгакова с тем, чтобы он принял команду, отдал и поставил с возможною поспешностью паруса и, выведя корабль из бухты, шел на соединение с графом Орловым у входа. Все это было исполнено с большим искусством и быстротою. Этот корабль именовался «Родос».

Начинало рассветать; все гребные суда посланы были овладеть галерами и барказами, избегнувшими пожара. Они были приведены к эскадре.

Командор, видя, что победа совершена и что в бухте не осталось не только ни одного судна, но даже ни одной шлюпки, которые не были бы или сожжены или выведены к эскадре, снялся с якоря с кораблем «Ростислав» и остальными судами отряда и вышел на соединение с графом Орловым. По соединению он отсалютовал ему двадцатью одним выстрелом, на что с корабля «Трех иерархов» было ответствовано равным числом. Как скоро «Ростислав» бросил якорь, командор Грейг спустил свой брейд-вымпел и прибыл на

корабль «Трех иерархов» для отдания главнокомандующему подробного донесения. Граф принял его с изъявлениями полной радости и удовольствия.

Так кончилось ночное дело с 25-го на 26-е число июня, в котором турецкий флот был совершенно истреблен. Это одна из самых решительных побед, какую только можно найти в морских летописях всех наций, древних и новейших.

Потеря со стороны русских была весьма незначительна. На корабле «Европа» было 8 человек убитых, и двое или трое на корабле «Не тронь меня». «Ростислав», хотя и бывший ближе всех к неприятелю, не потерял ни одного человека, без сомнения по той же причине, как и в первом деле, т. е. что неприятельские ядра были слишком высоко направлены. Потеря неприятеля оказалась весьма велика, и хотя не было возможности узнать ее даже приблизительно, но, по словам турок, она должна простираться до 10 000 человек, даже более, потому что на флоте их находилось с лишком 15 000 человек, а на следующий день не могли насчитать 4000, которые вместе с гарнизоном крепости и всеми жителями Чесмы в величайшем страхе убежали в Смирну, лежавшую сухим путем около 30 миль оттуда. Они прибыли в этот город на другой день после битвы, произвели там величайшие беспорядки и яростное мщение свое обратили на греков и других христианских жителей: они перебили многих из них и разграбили их жилища. Турецкий паша, начальствовавший в Смирне, употреблял все меры для усмирения этой ярости и наконец выгнал их из города. Граф Орлов, получив известие о варварском поведении их в Смирне, отправил туда находившегося в плену турецкого пашу, который обещал приложить всевозможное старание к прекращению этих ужасных беспорядков.

Замечательно, что все турецкие корабли (за исключением первого) горели вообще часа по два и более, прежде нежели огонь достигал до крюйт-камер их; некоторые же сгорали по самую ватерлинию и тогда только взлетали на воздух. Загоревшиеся последними взлетели не ранее 9 часов утра.

Выбуксировав из бухты корабль «Родос» и гребные галеры, русские матросы и греки со следовавших за флотом судов вышли на берег и заняли крепость и город Чесму, совершенно оставленные турками и греками. Они нашли тут богатую добычу, состоявшую преимущественно из шелковых и бумажных тканей, оставшихся в лавках и на фабриках.

Граф Орлов послал отряд солдат под начальством подполковника Обухова овладеть батареею на северном мысу и увезти из нее пушки. Для прикрытия же этого отряда и

принятия пушек с батареи он приказал капитану Безенцову на корабле «Не тронь меня» войти в залив. Вследствие сего все пушки этой батареи, числом 22, перевезены на «Не тронь меня». Они были медные и по большей части 24- и 30-фунтового калибра. С крепости Чесменской также перевезено несколько орудий на корабль «Не тронь меня», остальные же испорчены.

В то же самое утро граф Орлов приказал сигналом потребовать всех флагманов и капитанов на корабль главнокомандующего... После полудня он на своем катере, на котором находились брат его граф Федор Григорьевич, князь Долгоруков и командор Грейг, отправился для осмотра обгорелых остатков неприятельского флота, представлявших печальное зрелище по множеству мертвых тел, растерзанных и в разных положениях плававших между обломками. В числе их нашлось несколько, еще не совершенно лишенных жизни. Граф приказал перевезти их на корабль для перевязания ран и подания возможной помощи. Он приказал также подорвать бастионы замка, обращенные к морю. По возвращении его на корабль он послал капитан-лейтенанта фон Дезина с несколькими барказами поднять с затонувших кораблей столько медных орудий, сколько окажется возможным. В следующий день поднято их несколько, и они распределены на разные суда флота.

Чтобы не терять, однако, времени в поднятии этих орудий, граф Орлов приказал перевести с берега на свои корабли всех высаженных людей и кораблю «Не тронь меня», выйдя из залива, соединиться с флотом. Как скоро этот корабль оставил бухту, несколько турецких конных партий стали показываться на высотах позади города; найдя город оставленным русскими, турки снова вошли в него и заняли замок.

По получении известия о сей победе в С[анкт-]Петербурге ее величество государыня наградила всех отличившихся следующими милостями: граф Орлов пожалован кавалером вновь учрежденного ордена Святого Георгия 1-го класса и назван Чесменским; адмиралу Спиридову пожалован орден Святого Андрея; граф Федор Григорьевич Орлов и командор Грейг получили орден Святого Георгия 2-го класса; капитан Клокачев, командир корабля «Европа», и капитан Хметевской, командир корабля «Трех святителей», награждены орденом Святого Георгия 3-го класса; капитаны Лупандин, командир корабля «Ростислав», Безенцов — корабля «Не тронь меня», капитан-лейтенанты Перепехин, командир бомбардирского корабля «Гром», командир фрегата «Надежда»

Дугдаль, лейтенанты Мекензи и Ильин и мичман князь Гагарин — все получили Святого Георгия 4-го класса. Все четыре офицера, командовавшие брандерами, произведены в следующие чины со старшинством со дня победы. По возвращении же флота в Россию ее императорское величество всемилостивейше изволила наградить офицеров и нижних чинов, бывших в сем сражении, денежною выдачею по мере участия их в сем знаменитом бою, что подробнее будет описано в надлежащем месте.

28 июня утром капитан Борисов со своим кораблем «Святой Януарий» и бомбардирским кораблем получил приказание сняться с якоря, перейти к городу Хиосу и бомбардировать его... После полудня корабли спустили флаги, и всему флоту сделан сигнал сняться с якоря и перейти к Хиосу. Намерение главнокомандующего было овладеть сим богатым городом, но, подойдя к нему с флотом, он получил достоверное известие о появлении в городе чумы, что и принудило его оставить всякое покушение на Хиос, потому что все выгоды, какие можно было бы извлечь из этого богатого пункта, были уничтожены явною опасностью заразы. Бомбардирский корабль начал уже бросать в город бомбы; но граф Орлов приказал ему, а равно и кораблю «Святой Януарий», сделать сигнал возвратиться к флоту, что ими и исполнено.

Весь флот отправился к северу, с намерением перехватить прежде входа в Дарданеллы два корабля, которые, как было объяснено выше, отделились от турецкого флота и держали к Митилинскому проливу.

29 июня утром флот подошел к островам Спальмадорским; ветер зашел к норду, и флот старался лавировкой выйти из пролива Хиосского между островами Спальмадорскими и Антильским берегом... Вечером ветер скрепчал при сильном течении от севера. Поэтому флот был принужден стать на якорь под островами Спальмадорскими. Граф Орлов, узнав здесь, что две турецкие галеры, спасшиеся от неприятельского флота в день первого сражения, стояли в бухте Элихтер, отправил фрегат «Африка» и шлюп «Почтальон» для взятия или истребления их. Обе галеры найдены лежавшими в бухте между каменьями вплоть к берегу, и капитан Клеопин, найдя исполнение возложенного на него поручения неудобным, возвратился на следующий день, не истребив их, чем граф Орлов был весьма недоволен.

30 июня британский фрегат «Винчельси», под командою капитана Джервиса, пришел к флоту, присланный для отобрания с трех английских транспортов «Черныше»в, «Орлов» и «Панин» британских паспортов на случай, если б они

назначены были действовать неприязненно против турок. Но так как теперь в них не имелось более надобности, то граф Орлов отпустил их из службы при русском флоте и позволил отправиться с фрегатом «Винчельси».

В это время на флоте был большой недостаток в сухарях и провизии. Сухарей, при уменьшенной даче, только имелось на десять дней. К счастию, фрегат «Николай» взял два рагузских судна, нагруженных сухарями для турецкого флота, что оказалось весьма полезным призом для русского флота. Солонины и других провизий оставалось также весьма немного, и к тому же флот имел крайнюю необходимость для исправления повреждений и такелажа зайти на время в безопасный и удобный порт. Посему граф Орлов дал повеление адмиралу Эльфинстону с эскадрою, которая с самого начала состояла под его начальством, отправиться для поисков упомянутых двух турецких кораблей и блокады Дарданелл. Сам же он с остальною частью флота направился к острову Лемносу с намерением овладеть им: он считал этот остров выгоднейшим пунктом, в настоящем положении флота, как по удобству прекрасного порта Мудро, так и потому, что он был один из островов Архипелага, наиболее изобиловавших хлебом и скотом; а еще более потому, что он лежит близ входа в Дарданеллы, сквозь которые граф твердо решился прорваться по овладении островом Лемносом, что дало бы ему безопасное убежище для флота в случае неудачи в этом предприятии.

1 июля ветер и течение продолжались в такой же силе от севера. Найдя невозможным вылавировать из Хиосского пролива, адмирал Эльфинстон с кораблями «Святослав», «Саратов» и «Не тронь меня», фрегатами «Африка» и «Надежда», составлявшими эскадру его, снялся с якоря и спустился под ветер *.

. . . . . .

В Гидрографическом департаменте Морского министерства хранятся четыре старинных гравированных плана, или вида, Чесменского сражения и при них «для изъяснения сих планов приложено подлинное донесение ** о совершенном истреблении турецкого флота... полученное сентября 13 дня

* На этом останавливается рукопись, которой последний лист оторван. Неизвестно, затеряно ли остальное или автор не окончил своей работы? В каталоге библиотеки адмирала Грейга против этой рукописи сделана отметка: «без конца».

** Напечатанное на русском и французском языках.

1770 года ко двору ее императорского величества от генерала графа Алексея Григорьевича Орлова с курьером из Сталии».

Мы помещаем здесь... самое описание, полагая, что многим читателям нашим любопытно будет увидеть этот давнишний документ.

«Когда контр-адмирал Эльфинстон со своею эскадрою соединился при береге Морейском с эскадрою под командою адмирала Спиридова и получено было известие от упомянутого контр-адмирала, что он на пути своем с подкреплением нескольких кораблей от адмиральской эскадры гнал неприятеля, который, для соединения с оставшимися позади его кораблями, бежал к стороне Азии, то в то время генерал граф Орлов, прибыв из Мореи с двумя кораблями, по соединении всего флота взял главную команду над оным. Первое его попечение было запастись провиантом и водою. Что исполнив, опасались одного только того, дабы неприятеля не упустить за Дарданеллы, чего для с благополучным ветром и отправились искать оного. Подъезжая к острову Хио, уведомились, что турецкий флот находится в канале за оным островом. Отряжен был туда для получения точного известия корабль «Ростислав», на котором послан был от главнокомандующего контр-адмирал Грейг. Сей по возвращении объявил, что неприятельский флот усмотрел ходящий под парусами в девяти больших кораблях; но как уже было под вечер, то положено лавировать во всю ночь в устье оного канала, а на рассвете войти туда. Исполнив сие в назначенный час и увидев стоящего неприятеля в боевом порядке, убавили парусов, чтоб дождаться отставших судов. По приближении которых главные командиры, съехавшись вместе, сделали распоряжение к атаке следующим образом: кораблям команды адмирала Спиридова сочинять передовой строй боя, а кораблям графа Орлова средний, Эльфинстоновым же делать сторожевой край. Как разъехались начальники по своим местам, то дан был сигнал с корабля «Трех иерархов», дабы строиться к бою по вышеположенному расписанию и идти к атаке. Первым был корабль «Европа», вторым «Евстафий», третьим «Трех святителей», четвертым «Януарий», пятым «Трех иерархов», шестым «Ростислав», седьмым «Не тронь меня», восьмым «Святослав», девятым «Саратов», а два фрегата, которым должно было быть тут же, к тому времени не подоспели. В сем порядке 24-го дня июня в половине двенадцатого часа подошли к турецкому флоту. Оный стоял, одним крылом примкнувшись к мели и к небольшому каменному острову, другим протянулся к порту, называемо-

му Чесме, находясь в весьма выгодном положении. Вдруг началась с турецкого флота по нашему жесткая пальба. «Европа» вступила в бой, который в половине первого часа сделался общим. «Евстафий», на котором был наш заслуженный адмирал Спиридов, с несказанным терпением и мужеством выдерживал все неприятельские выстрелы, подходя к ним ближе; а пришед в меру, зачал производить свой огонь без умолка с такою жестокостью, что неприятель оттого великий вред почувствовал [1]. Однако ж ядра неприятельские с разных кораблей противу его устремляющихся не переставали осыпать его. Тут вступил в сражение и корабль «Трех святителей», также и «Януарий», выдвинувшись вперед из своих мест. По сем стал сражаться и корабль главнокомандующего, называемый «Трех иерархов», за которым последовал «Ростислав», на коем находился князь Юрий Долгоруков. Корабли же команды Эльфинстоновой по положению своему были в некотором отдалении. Удар за ударом выстрелов пушечных, сливаясь, беспрерывный гром производили. Воздух, наполнен будучи дымом, скрывал корабли от вида друг у друга так, что и лучи солнца померкли. Свист ядер летающих и разные опасности представляющиеся и самая смерть, смертных ужасающая, не были довольно сильны произвести робости в сердцах сражавшихся с врагом... В самом жесточайшем сражении были четыре корабля: «Евстафий», «Трех святителей», «Януарий» и «Трех иерархов». Напоследок корабль «Евстафий», сцепясь с кораблем, главнокомандующим над неприятельским флотом, производил и в самое то время пушечную и оружейную пальбу; от чего оный и загорелся. Корабль же «Трех иерархов», лежа на якоре и сражаясь с двумя неприятельскими, увидел в опасности адмирала и, тотчас отрубя якорь, изготовился к абордажу. Но, приметя, что неприятельский корабль горит, принужден был принятое намерение оставить, дав сигнал, чтобы все военные шлюпки поспешали к «Евстафию». Подгоревшая у турок мачта упала поперек на наш корабль, сцепившийся и почти уже завладевший оным, и тем в пламень привела и наш. В самом скором времени после того корабль наш взорвало, за которым следовал и неприятельский. Сие происшествие и то, что турки не могли уже более терпеть зря столь жестокую и неустрашимую с нашей стороны атаку, привели флот оттоманский в трепет, который, отрубя якоря и подняв

[1] В отличие от журнала Грейга, в сообщениях Орлова приподнимается роль адмирала Спиридова.

паруса, бежать начал в великом смятении в порт под защищение крепости Чесме. Граф Орлов, подняв все паруса на корабле «Трех иерархов», стремился в самый нутрь неприятельского флота, но не был в силах догнать оный за легкостию турецких судов. Скоро после того обрадован он был известием, полученным о спасшихся с корабля «Евстафий», между которыми адмирал [1], капитан и брат его граф Федор Орлов находились.

После сего сделано распоряжение запереть неприятельский флот со всех сторон в гавани, служившей ему убежищем, что вскоре и исполнено. Наряжен для бомбардирования неприятеля один бомбардирский корабль, который через целые сутки и причинял ему великий вред и беспокойство. Неприятель со своей стороны изготовил на берегу большую батарею и поставил там более двадцати пушек. Между тем наши приготовляли четыре брандера. На другой день по собрании совета положено было производить атаку ночью, к коей наряжены были четыре корабля: «Не тронь меня», «Ростислав», «Саратов» и «Европа» и два фрегата под командою контр-адмирала Грейга. Под сим прикрытием следующую ночь... брандеры и отправлены, на которых посланы были явившиеся к тому охотники: двое из россиян и нашей службы двое англичан, прочим же кораблям велено быть в готовности для подкрепления. Неприятель, приметя идущих, начал производить преужасный огонь со всех своих кораблей и с берега. Наши не упустили ничего, чтобы равномерно им ответствовать. Начали оттоманские корабли загораться, но скоропостижно пожары сии ими утушаемы были, пока, наконец, загорелся на одном их корабле марсель, что контр-адмирал Грейг приметя, сам перестал производить стрельбу и велел идти брандерам. Оные, не мало не мешкав, исполнили свою должность с великим терпением и неустрашимостью по данному им наступлению с желаемым успехом, в чем отменно отличился господин Ильин, который, подошед к турецкому кораблю, с полным экипажем находящемуся, в глазах их положил брандкугель в корабль и, зажегши брандер, возвратился без всякой торопливости с присутствием духа, как и прочие, назад. Тут уж увидели вдруг в разных местах загоревшийся флот неприятельский, узрели и победу свою совершенну... Вскоре по сем начало рвать неприятельские корабли один по другому. Сие чрезвычайное явление столь ужасно было, что и берега стонали, и по истечении малого времени весь неприятельский флот обращен

[1] Г. А. Спиридов.

в пепел, исключая один корабль о шестидесяти пушках и пять галер, которые нашим достались в добычу с несколькими малыми судами. По сему высадили наших людей на берег, кои взяли неприятельскую батарею...

В порту сочтено огнем истребленного турецкого флота: 15 линейных кораблей, из коих шесть от 80 до 90 пушек, прочие были от 70 до 60, шесть фрегатов, несколько шебек и бригантин, множество полугалер, фелук и других малых судов, а всех вообще около ста судов...»

...Приводится еще одно любопытное описание этого события, находящееся в записках князя Юрия Владимировича Долгорукова, того самого участника Чесменской кампании, о котором неоднократно упоминается в журнале адмирала Грейга *.

«...После сей экспедиции мы... вышли в море, где к нам пришел контр-адмирал Эльфинстон ** с тремя кораблями, а прежде нас было шесть линейных и несколько фрегатов. Пришло к нам известие, что шестнадцать турецких кораблей и множество разных судов находится в море и вблизи от нас. Тотчас на адмиральском корабле созван был военный совет, куда главнокомандующий пригласил адмирала Спиридова, генерал-майора графа Федора Орлова, контр-адмирала Эльфинстона, капитана нашего корабля, Грейга и меня. Видя, что начали колебаться, мы с Грейгом решительно сказали, что должно искать турецкий флот и атаковать его, и на сие мнение, хотя с трудностью, согласили главнокомандующего. Счастье, что мы имели капитана Грейга, мореходца самого искусного, какого только желать можно [1]. Он сделал диспозицию таким образом. В авангарде под начальством адмирала Спиридова корабли: «Европа», «Евстафий», на коем были адмирал с графом Федором Орловым, и «Януарий»; кор-де-баталь [2]: «Трех святителей», «Трех иерархов», где находились главнокомандующий и я, и «Ростислав». В арьергарде контр-адмирал Эльфинстон с кораб-

---

* Записки князя Ю. В. Долгорукова сначала напечатаны были в журнале «Отечественные записки», 1840 г., № 12, а потом в книге «Сказания о роде князей Долгоруковых».

** Английский уроженец, после Чесменского боя оставивший русскую службу.

[1] Здесь ощущается сильная личная симпатия Долгорукова к Грейгу, отчего преувеличивается его роль в организации сражения.

[2] Центр боевой линии кораблей.

лями: «Не тронь меня», восьмидесятипушечным «Всеволодом» и «Саратовом». В предписании сказано, чтобы корабли между собою расстояния имели не более полкабельтова, шедши один за другим, от неприятеля на пистолетный выстрел ложились в линию и всею дистанциею, проходя мимо неприятеля, производили пальбу. Накануне атаки Грейг ко мне подошел и просил, чтобы я взял команду над кораблем «Ростислав». Я сперва засмеялся, что он меня находит способным к морской части. Но он начал меня убеждать, и я переехал на «Ростислав». Генерал Пален, подполковник Порет и многие другие просились со мной и переехали. На другой день мы увидели турецкий флот в канале между островом Хиос и азиатским берегом, на якоре.

По сигналу вступили мы в атаку; корабль «Европа», первым придя в дистанцию, поворотил вдоль флота турецкого и производил пальбу; за оным кораблем «Евстафий» тоже, а потом «Януарий». «Европа», придя напротив корабля «Капудан-паша», увидела пред собою мель. Капитан, опасаясь потерять корабль, повернул назад. «Евстафий» думал то же сделать, но его паруса были повреждены; начал «Евстафий» дрейфовать на корабль «Капудан-паша», и думали, что будет ручной бой; адмирал [1] и граф Федор сели в лодку и погребли на фрегат, стоящий в отдалении от флота. Адмирал забыл на корабле своего сына, а граф Федор друга своего, князя Козловского *. «Евстафий», нанесенный на корабль «Капудан-паша», с ним сцепился. Капитан Крузе [2], видя турецкий корабль пустым, послал на последней при нем имеющейся шлюпке сына адмиральского к графу Алексею Григорьевичу с поздравлением о взятии турецкого корабля; но когда Крузе со своими взошел на корабль, увидели снизу дым и перебежали на свое судно. Вскоре турецкий корабль был весь в огне, и наши люди в изумлении ожидали своего жребия, как вдруг мачта турецкого корабля упала на наш корабль; искры посыпались в крюйт-камеру, которая была открыта по причине сражения. Мгновенно подняло «Евстафий» на воздух. Крузе, штурман и еще человека четыре попали на обломки; прочие все, и в числе их князь Козловский, погибли в волнах. Потом взлетел на воздух и турецкий корабль; третий корабль нашего авангарда, «Януарий», еще прежде поворотил из боя вон. Корабль

---

[1] Г. А. Спиридов.

* Федор Алексеевич Козловский, гвардии офицер, молодой человек с блистательными дарованиями.

[2] По другим источникам А. И. Круз.

«Трех святителей» прошел сквозь турецкую линию, а «Трех иерархов» и «Ростислав» со своей стороны повернулись против турецкого флота и в весьма близком расстоянии открыли пальбу, которая недолго продолжалась. Турки обрубили якоря и в большом беспорядке вошли в глухой бассейн при Чесме. Об арьергарде невелика повесть: он убавлял парусов и пришел, когда мы уже обложили Чесменский бассейн, но еще издалека стрелял из пушек на воздух.

В сие время, как корабль «Евстафий» взорвало, граф Алексей Григорьевич бросил имевшую в руках брильянтовую табакерку и только выговорил: «Ах, брат!..» Вскоре потом приехал адмиральский сын с известием, что отец его и граф Федор Орлов уехали с корабля прежде. Граф Алексей Григорьевич, Грейг и я поехали их отыскивать и нашли графа Федора со шпагою в одной руке, а в другой ложка с яичницей; адмирала с превеликим образом на груди, а в руке превеликая рюмка водки. Мы взяли их и перевезли к себе на корабль.

Тут опять Грейг со мною посоветовался, как турецкий флот истребить [1]. Велел Грейг сделать четыре брандера, и ночью, под прикрытием корабля «Европа», капитан Клокачев вошел с брандерами и стал на самой ближайшей дистанции от врагов. На турецком флоте еще с первого сражения не опомнились, и такая была суматоха, что иной корабль стоял к нам кормою. С нескольких выстрелов брандскугелями Клокачев предал огню весь турецкий флот. К этому вдобавок из четырех брандеров один, Ильина, прицепил себя к турецкому кораблю. Мы с Грейгом, на шлюпке разъезжая, на рассвете увидели, что один только корабль «Родос» не сгорел, взяли и привели его в наш флот. Хотели вытащить еще один корабль, но на него с другого горящего судна упала мачта; он сам весь загорелся, и мы принуждены были его оставить. Почти неможно себе вообразить сего ужасного зрелища, кое мы видели в Чесменском порту. Вода, смешанная с кровью и золою, получила прескверный вид. Трупы людей, обгорелые, плавали по волнам, и так ими порт наполнился, что с трудом можно было в шлюпке разъезжать...»

———————

[1] Здесь автор воспоминаний, вопреки сведениям из журналов Грейга и Спиридова, а также из донесения Орлова, превозносит роль Грейга и занимается самовосхвалением.

А. Ш. [1]

СЛАВА ГАНГУТА НЕ МЕРКНЕТ

Три кампании против шведов

1788 г.

С весною 1788 года открылась вдруг тщательно хранимая доселе тайна, которая внезапностью своею потревожила на несколько времени победоносную Россию, воевавшую тогда с Оттоманскою Портою. В начале сего лета флот наш вооружен и выведен был на Кронштадтский рейд. Он разделялся на две части, из которых одна под начальством адмирала Грейга долженствовала идти в Архипелаг, а другая под начальством адмирала Чичагова [2] крейсеровать в Балтийском море. Три стопушечных корабля из эскадры Грейга, порученные контр-адмиралу фон Дезину, посланы были наперед в Копенгаген. Сии корабли не имели полного числа пушек и людей для того, чтобы при переходе через мелководное в Копенгагенском проливе место надлежало им разгружаться, и потому предполагалось снабдить их всем нужным тогда, когда они уже перейдут через мелководье. Шведский флот в числе более двадцати линейных кораблей под главным начальством герцога Зюдерманландского выходит из Карлскрона в море, и тогда же сухопутные шведские войска под предводительством самого короля приближаются к пределам России. Неприязненный умысел нападения тогда только обнаруживается. Флот герцога Зюдерманландского встречается с нашими тремя кораблями и требует от них салюта.

———————

[1] А. Ш. — так обозначено авторство вышедшей в 1826 г. в Санкт-Петербурге книги «Военные действия Российского флота против шведского в 1788, 89 и 90 годах, почерпнутые из записок и донесений Главноначальствовавшего над оным адмирала Чичагова». Позже выяснилось, что эти инициалы принадлежат А. С. Шишкову, русскому адмиралу, государственному деятелю и писателю. Реакционные взгляды, вздорный характер и склонность к интригам способствовали тому, что А. С. Шишков сыграл неблаговидную роль в судьбе многих своих современников, в том числе и принадлежавших к флотской династии Чичаговых.

[2] В. Я. Чичагов, родившийся в год смерти Петра I (сведения взяты из архива П. В. Чичагова), в 1752 г. был произведен в штаб-офицеры, в 1770-м — в контр-адмиралы, в 1775-м — в вице-адмиралы, в 1782-м — в адмиралы. Участвовал во многих плаваниях и сражениях.

Контр-адмирал фон Дезин, видя явную придирку к брани и не смея по бессилию своему ни отказать в салюте, ни вступить с ними в сражение, ответствовал присланному с требованием офицеру: «Донесите его высочеству, что, уважая в особе его принца крови и родственника нашей императрицы, я буду ему салютовать». Посланный отправился обратно с сим ответом, а он, отсалютовав и наполня паруса, продолжал свой путь. Не известно, потому ли, что герцог не имел еще решительного поведения начать без всякого повода неприятельские действия, или по иной какой причине, но он не преследовал наших кораблей, упустил сию добычу, и они пришли благополучно в Копенгаген.

Между тем враждебное против России намерение шведского короля, но сие время в великом таинстве хранимое, открылось явно. Вследствие чего правительство наше приняло тотчас деятельные меры. Посылка эскадры в Архипелаг была отложена. Обе части флота, соединенные под одно начальство адмирала Грейга, долженствовали немедленно выступить в море. Старшему адмиралу Чичагову повелено было спустить свой флаг и остаться в Кронштадте. Грейг с порученным ему флотом снялся с якоря и отправился в путь. Едва миновал он лежащий на половине дороги между Кронштадтом и Ревелем остров Гогланд, как встретился с неприятельским флотом. Началось сражение. Битва была жестокая. Наши овладели кораблем, называемым «Принц Густав», на котором взят в плен вице-адмирал Вахтмейстер. Шведы, напротив того, овладели нашим кораблем «Владислав», бывшим под начальством капитана Берха и от перебития снастей отогнанным далеко за неприятельскую линию, так что невозможно было подать ему помощь. Впрочем, вред с обеих сторон был немалый; однако же наш флот остался на месте сражения, а неприятельский скрылся в порт свой Свеабург, отколь не выходил, покуда глубокая осень не позволила ему уйти в Карлскрон. Между тем для выручки трех стопушечных кораблей, находившихся в Копенгагене, отправлены были еще четыре корабля, да туда же от города Архангельска пришли три корабля. Эскадра сия по причине позднего времени должна была там остаться, и как по тесноте гавани не могла она войти в оную, то, зимуя на рейде, подвергалась великой опасности; ибо шведы, когда пролив замерз, покушались тайно ее сжечь, но, по счастию, умысел их был открыт, предупрежден и отвращен.

Адмирал Грейг, находясь в Ревеле, занемог и вскоре умер. Флот вошел в гавань. Адмиралу Чичагову повелено было принять главное над оным начальство.

По прибытии в Ревель (в 1789 году) нашел он зимовавший там флот в следующем состоянии. Корабли: «Ростислав» (100 пуш.), «Святая Елена», «Кир-Иоанн», «Святой Петр», «Мстислав» (74 пуш.), «Родислав», «Изяслав», «Болеслав», «Память Евстафия» (66 пуш.). Фрегаты: «Слава», «Прямислав», «Надежда благополучия», «Подражислав». Бомбардирские: «Победитель», «Страшный». Коттеры: «Нева», «Счастливый», «Летучий», «Нептун», «Поспешный». Госпитальное: «Колмагоры». Транспортное: «Хват». (Всего 22 судна.) На них морских и сухопутных всякого звания людей 9333 человека. Съестных припасов для оных заготовлено на 5 месяцев. К сему флоту по наступлении весны присоединилась еще прибывшая из Кронштадта эскадра, состоящая из следующих судов: корабли «Князь Владимир», «Двенадцать апостолов» (100 пуш.), «Всеслав», «Иезекииль», «Победослав», «Принц Густав» (74 пуш.), «Святослав», «Дерись», «Вышеслав», «Виктор» (66 пуш.); фрегаты «Брячислав», «Мстиславец»; брандеры «Касатка», «Лебедка»; госпитальное «Турухтан». (Всего 15 судов.) На них всякого звания людей 7295 человек. Сверх сих двух соединенных эскадр находилась, как выше упомянуто было, еще третья в Копенгагене. Оная состояла из следующих судов: корабли «Трех Иерархов», «Чесма», «Саратов» (100 пуш.); № 8, № 9, «Победоносец» (74 пуш.), № 75, «Мечеслав», «Северный орел», «Пантелеймон» (66 пуш.); фрегаты «Венус», № 41, «Архангел Гавриил», «Надежда»; коттеры «Меркурий», «Дельфин» *. На них всякого звания людей 6882 человека. Таким образом, в сем году морские силы, выключая гребной флот и некоторые суда, оставшиеся в Кронштадте, состояли из 30 линейных кораблей (в числе коих было 6 стопушечных), 10 фрегатов, 7 коттеров, 2 бомбардирских, 2 брандеров, 2 госпитальных и 1 транспортного (всего 54 судна), на коих находилось всякого звания людей 23 510 человек.

Адмирал Чичагов по прибытии в Ревель и по принятии главного над флотом начальства 20 апреля доносит императрице [1]: «С помощью вверенных мне... подчиненных занимался я распоряжением по кораблям вышних и нижних чинов, дополняя и уравнивая недостаток последних рекрутами, по-

---

* Пришедшим от города Архангельска не были еще даны имена, и потому означались они номерами.

[1] Екатерине II.

лучаемыми от Адмиралтейской Коллегии, заменяя одного корабля избытком старослужащих недостаток оных на другом и дополняя остальное число рекрутами, дабы всякий корабль мог быть равно другому способен к действию и готов на поражение неприятеля. Корабли и прочие суда освидетельствовал в их худостях; исправил, где надобно, повреждения оных в корпусе и снастях; снабдил артиллериею, снарядами и необходимым запасом снастей и такелажа; приготовил потребное число брандеров и гребных судов; запасся по регламенту всеми морскими провизиями и пресною водою».

По прочищении льда Ревельский флот, начиная с 1 по 4 мая, вышел из гавани на рейд. От сего ж числа адмирал доносит императрице, что в силу высочайшего повеления, присланного к нему от 31 марта, первое внимание свое обращает он на Гангут, как на такое место, которое нужно занять кораблями нашими, дабы не токмо пресечь между финскими и прочими шведскими местами береговое сообщение, но и воспрепятствовать проходу из Стокгольма неприятельской флотилии. Почему и посылает туда отряд, состоящий из одного фрегата и двух коттеров, под начальством занимавшего в прошедшую осень сей пост капитана Тревенина, дав ему следующие предписания: ... с надлежащею осторожностию осведомиться, нет ли там сделанных от неприятеля укреплений; ...буде на пути встретит соразмерные силам своим неприятельские суда, то стараться овладеть ими или отделить их от убежища и через одно из легких судов своих немедленно дать о том знать ему, адмиралу; ...крайне остерегаться, дабы в ночное или туманное время не сблизиться с превосходнейшим в силах неприятелем — для сего иметь перед собою одно из легких судов своих в надлежащем расстоянии... приказав начальнику оного крепко наблюдать, чтоб при всякой открывающейся впереди опасности отвращать ее скорым и заблаговременным о ней предуведомлением; ...по обозрении Гангутского поста возвратиться в Ревель для донесения о том главноначальствующему флотом...

15-го числа капитан Шешуков с одним кораблем, фрегатом и коттером отправлен в крейсерство для обозрения, не приближаются ли какие военные суда, и для воспрещения неприятельским транспортам приходить в Свеабург.

18-го числа присланы два коттера, один от капитана Тревенина, другой от Шешукова. Первый доносил, что крепкий ветер и туманное время долго не позволяли ему войти в Гангутский залив, но что, наконец войдя в оный, увидел он

построенные вновь на островах и берегу четыре батареи, с находящимся при одной из них домом. По приближении его к оным открылась с них пушечная по судам пальба с ядрами, которая, однако ж, за дальностью расстояния вредить им не могла. Капитан Тревенин, не ответствуя на сию пальбу, поворотил и вышел из залива. При донесении его приложен план, на каких именно местах и островах находятся помянутые батареи. Сам же он с отрядом своим идет обратно в Ревель. Капитан же Шешуков доносит, что подходил к шведским шхерам и, приближаясь к Свеабургу, видел стоящих за островами и плывущих к Паркалауту несколько двухмачтовых и мелких судов под военными флагами...

21-го числа отправлен в крейсерство к западу отряд, состоящий из одного корабля, фрегата и коттера, под начальством капитана Сиверса с приказанием, дабы, доколь Кронштадтская эскадра не соединится с Ревельскою, имел он неослабное попечение о заблаговременном уведомлении адмирала, в случае нечаянного приближения неприятельского флота, и чтоб, для собрания о том всевозможных сведений, останавливал и расспрашивал всякое идущее с моря судно.

26-го числа Кронштадтская эскадра, в числе десяти кораблей и пяти судов, под начальством контр-адмирала Спиридова, пришла в Ревель. Спиридов между прочим донес адмиралу, что на пути остановлен он был английским корабельщиком, просившим прислать к нему шлюпку для получения письма от вице-адмирала Казлянинова и принятия находящихся на его судне четырех русских матросов *. Казлянинов в письме своем от 5 мая уведомляет, что отправленный из его эскадры в море, для наблюдения выхода шведского флота, коттер под начальством капитан-поручика Кроуна [1] 29 апреля встретился с неприятельским о двенад-

---

* Матросы сии, а именно: Иван Меншой, Карп Ермолин, канонер Сильвестр Вахрушев и крестьянин Василий Оксов, служивший на купеческом российском судне, разными случаями в прошедшем году взяты были в плен и отвезены в Стокгольм, откуда ныне накануне Св. Николая, т. е. мая 8-го дня, ушли почти полунагие и, ходя несколько дней около морского берега, нашли лодку, на которой и пустились в море с намерением переправиться на остров Эзель, но попали на Готтесанд, и с оного отправились на той же лодке, встретились с помянутым английским судном, которого корабельщик, увидя их в столь опасном состоянии, взял к себе на судно. Предприятие и решительность сих матросов удивительны!

[1] Здесь неточность: Р. В. Кроун в то время уже командовал не коттером, а фрегатом «Венус». История его назначения на этот корабль такова. 6(17) июля 1788 г. близ острова Гогланд (Финский залив) разгорелось сражение между русским и шведским флотами. В составе последнего находился уже названный 44-пушечный фре-

цати трехфунтовых пушках коттером, с которым немедленно сразился и по довольном сопротивлении овладел оным, не потеряв со своей стороны ни одного человека. Впрочем, Кроун по слышанной им к стороне Карлскрона пальбе думает, что флот шведский вышел уже в море.

В тот же день получено от капитана Шешукова донесение, что он предприемлет меры к захвату, или по крайней мере притеснению, шатающихся в шхерах неприятельских судов...

3 июня получено от крейсирующего в западной стороне капитана Сиверса донесение, содержащее в себе разные показания шхиперов о шведском флоте, где и в каком числе оный видели...

6-го числа получено от капитана Шешукова донесение, что он, увидя 17 двух- и одномачтовых неприятельских судов, идущих шхерами из Тверминда к Свеабургу, тотчас, при тогдашнем тихом ветре, вошел с порученным ему отрядом в Паркалаут, даже до последнего к берегу большого острова, имея перед собою для промера глубины гребные суда и прикрывающий оныя коттер. Неприятель, желая воспрепятствовать дальнейшему приближению и занятию сего поста, покушался два дня кряду делать нападение двумя нечаянно из-за островов устремлявшимися с сильною пушечною пальбою полугалерами, которые, однако ж, всегда от коттера нашего были отражаемы и прогоняемы. Шедшие же из Тверминда вышеозначенные суда, увидя сие, принуждены были остановиться в Борзунде. При сем донесении присланы четыре человека шведских подданных, взятых на плывущей лодке...

15-го числа пришел во флот посланный от капитана Макарова фрегат с донесением, что он подходил к Гангуту и видел сделанные там укрепления, после чего расположил

гат. Ему противостоял 24-пушечный русский коттер «Меркурий» под командой Романа Васильевича Кроуна. На корабле находилась и его жена, которая перевязывала раненых. Пользуясь безветрием, экипаж «Меркурия», несмотря на беспрерывный пушечно-ружейный огонь с «Венуса», сумел подойти на веслах к фрегату и, предводимый отважным командиром, взял на абордаж вражеский корабль. Команда за отвагу и дерзость была отмечена наградами и высочайшими благодарностями, а командиру... грозило наказание. Дело в том, что на «Венусе» находился шведский принц, который в самый разгар боя сумел скрыться. Узнав об этом, начальство отдало Р. В. Кроуна под суд. Но когда решение суда легло на стол Екатерины II, то она, несколько помедлив, собственноручно написала: «Победителей не судят». И вместо наказания повысила отважного офицера в должности, назначив командиром захваченного им призового корабля.

крейсирование свое на предписанном ему пространстве вод, но по сие время никакой шведской эскадры не видел и ни от кого из проходящих судов о приближении ее не слыхал.

16-го числа посланы на смену отрядов Макарова и Хомутова таковые же отряды под начальством капитанов Бачманова и Карцова... Сего же числа прибыли из Кронштадта ко флоту два корабля «Януарий» и «Европа», два фрегата «Симеон» и «Патрикий» и пять транспортов с провиантом под начальством старшего в сем отряде капитана 1 ранга Глебова...

22-го числа капитан Шешуков с присланным от него коттером доносит следующее: вчерашнего числа при восточном ветре увидел он идущие от Свеабурга к мысу Паркалауту гребные военные силы, состоящие из одной большой шебеки, трех полугалер и четырех канонерских лодок. Тотчас по усмотрении оных приказал он легким своим судам, а именно гребному фрегату «Святой Марк» и коттерам «Нептун», «Летучий» и «Счастливый», с поспешностью на них устремиться (корабль же его и другие фрегаты за мелководьем, не подвергая себя опасности, не могли туда идти). Обе стороны сближались, устроенные в боевой порядок. Неприятель первый открыл огонь. Капитан Шешуков для лучшего распоряжения приехал сам на шлюпке и сел на коттер «Счастливый». Видя, что пальба около получаса продолжается без всякого вреда и успеха, приказал он судам своим на гребле и парусах подойти ближе к неприятелю. Тогда полился с них огонь с такою быстротою и меткостию, что неприятель тотчас начал отступать; но едва суда наши, гонясь за ним, подвинулись несколько вперед, как вдруг с берегу открылась новая пушечная по ним пальба, и отступавшие неприятельские суда стали останавливаться. Капитан Шешуков, увидя сие, приказал усилить наступление на них и в то же время действовать сильно против новооткрывшейся батареи, тем паче что приметил пальбу с оной калеными ядрами. Бой возобновился с великою с обеих сторон упорностью. Фрегат «Святой Марк» обратил все свои выстрелы на батарею, а коттеры не переставали поражать суда. Напоследок по упорном около двух с половиною часов продолжавшемся сражении неприятель, как на воде, так и на сухом пути, обратился с великим беспорядком в бегство. Суда укрылись в шхеры за каменья, куда гнаться за ними по неизвестности проходов было невозможно; люди же с батареи ушли в лес, оставя нам в добычу две чугунные четырнадцатифунтового калибра пушки, порох, ядра, картечи и другие разные припасы. Капитан Шешуков по выходе на берег нашел пушечные стан-

ки и платформы зажженными и уже до половины сгоревшими; при батарее устроен горн для каления ядер, коих 15 калились еще в огне. Батарея сия, судя по пространству платформ, заложена была для десяти пушек. Ныне оная, по приказанию его, разрыта и вместе с находящеюся при ней избою сожжена. При сем сражении с нашей стороны никого нет убитых, а только один подштурман тяжело и три человека рядовых легко ранены. Повреждения на судах в корпусах и такелаже, включая пробитой на «Святом Марке» бизань-мачты, маловажны. С неприятельской же стороны, судя по слабому их под конец сопротивлению, урон и повреждения должны быть не малые. Капитан Шешуков отменно похваляет храбрость и расторопность начальствующего на «Святом Марке» лейтенанта фон Дезина, а по нем начальствующих на коттерах лейтенантов же Огильви и Палицына, отдавая ту же справедливость и всем нижним чинам, исполнявшим их приказания.

25-го числа... Капитану Глебову при смене капитана Шешукова велено занять те ж самые места, яко надежнейшие к пресечению неприятельских покушений проходить через оные.

От сего ж числа адмирал доносит императрице, что, по слухам, достигшим до ней, о выходе из шхер неприятельского фрегата, захватившего четыре наших перевозных суда, шедшие из Лифляндии с провиантом в Фридрихсгам, он, адмирал, в силу повелений ее величества, отправил из флота отряд, состоящий из одного фрегата, под начальством капитана бригадирского ранга Денисова, для крейсирования в тех местах, откуда гребные шведские суда выбегают, дав ему повеление, как над ними делать поиск...

27-го числа адмирал со всем флотом снялся с якоря и отправился в путь, но за наступившим безветрием вскоре между островами Наргин и Вульф лег опять на якорь...

29-го числа адмирал за подписанием своим разослал во все порты и по всем кораблям и судам тайный опознавательный сигнал с означением всех вернейших и безопаснейших предостережений, дабы посланная куда эскадра, корабль или иное какое судно, возвращаясь в соединение с флотом, не могли, приняв неприятельский флот за свой, впасть в руки его.

Июля 2-го числа адмирал, при повеянии способного ветра, снялся с якоря и отправился в путь, причем получил он с пришедшим на купецком судне титулярным советником Бакуниным от вице-адмирала Казлянинова письма, в которых между прочим уведомлял он его, что он с эскадрою

своею стоит у Драго в ожидании приближения нашего флота; что для наблюдения неприятельских движений посланы в крейсерство два датских фрегата и один коттер; что соединенно с ним стоят одиннадцать датских кораблей, которые, равно как и он, находятся в готовности, буде бы шведский флот покусился напасть на них, вступить с ним в бой на якоре или под парусами, смотря по обстоятельствам.

Как скоро флот наш выступил за Наргин, то везде по шведскому берегу воскурились огни... вероятно, то были знаки, извещающие о выходе нашего флота в море.

В тот же день адмирал, продолжая плавание, приметил, что оба брандера, один коттер и яхта весьма отстают от флота: почему, дабы не уменьшить скорости движения своего поджиданием оных, принужден был приказать им идти обратно в Ревель...

С сими отправленными судами адмирал послал о числе кораблей и судов, составляющих флот его (за исключением сих отправленных), следующее донесение. Три корабля стопушечных, а именно: «Ростислав», «Князь Владимир», «Двенадцать апостолов», из которых на первом он, адмирал, на втором вице-адмирал Пушкин, на третьем контр-адмирал Спиридов имеют свои флаги. Девять 74-х пушечных: «Всеслав», «Мстислав», «Святая Елена», «Кир-Иоанн», «Святой Петр», «Ярослав», «Иезекииль», «Принц Густав», «Победослав». Восемь 66-ти пушечных: «Родислав», «Изяслав», «Память Евстафия», «Болеслав», «Святослав», «Дерись», «Виктор», «Вышеслав». Шесть фрегатов: «Прямислав», «Подражислав», «Брячислав», «Мстиславец», «Слава», «Надежда благополучия». Два бомбардирских корабля: «Страшный», «Победитель». Два коттера: «Нептун», «Нева». Два госпитальных судна: «Колмогоры», «Турухтан». Три транспорта: «Хват», «Маргарита», «Минерва». Всего 20 линейных кораблей и 15 прочих...

7-го числа на вопросы, деланные мимоидущим купецким судам, некоторые из них отвечали, что по южную сторону Готланда видели шведский флот, состоящий из 30 военных судов. Вследствие сих слухов адмирал отрядил три легких фрегата, приказав им в некотором отдалении держаться впереди флота, наблюдая крепко, чтоб неприятель не мог нечаянно приблизиться, и как скоро увидят его, то немедленно дали бы знать учрежденным на то знаком. Флоту же велено по ночам держаться всегда в близком расстоянии корабль от корабля...

9-го числа адмирал в силу высочайшего повеления располагал движения свои таким образом, чтоб, наблюдая

шведские берега, не допускать никаким неприятельским силам или подвозам проходить к финскому заливу. В сей день при тихом ветре созваны были на адмиральский корабль флагманы для совета и некоторых распоряжений; но вскоре по приезде их нашел от юго-востока шквал с дождем, молниею и громом столь сильный, что едва скорою уборкою парусов могли спастись от поломления мачт и стенег. Бурный ветер сей продолжался два часа, по утишении которого флагманы возвратились на свои корабли...

11-го числа при ясной погоде и южном маловетрии фрегатам для обозрения неприятеля велено было идти еще далее вперед...

13-го числа корабельщик мимоидущего голландского судна на вопрос о шведском флоте объявил, что видел его по восточную сторону острова Борнгольм...

14-го числа в 9-м часу поутру прибыл к флоту на датском военном коттере датского флота поручик Фабрициус Теллер, который (по отдании флагу нашему салюта одиннадцатью пушечными выстрелами, на что ответствовано ему девятью), явясь к адмиралу на корабль, донес ему, что он, узнав от купецких судов о приближении российского флота к оконечности Готланда, пришел нарочно, дабы дать знать как о местопребывании шведского флота, так и для получения каких-либо приказаний... Едва сей офицер отпущен был, как передовые фрегаты дали знать, что видят неприятельский флот.

В начале 2-го часа пополудни поднят был на адмиральском корабле сигнал: флоту из одних кораблей построиться на двух линиях... а фрегатам быть за линиею в приличных местах на случай заступления места поврежденных кораблей и охранения оных.

В 2 часа поднят сигнал: всему флоту приготовиться к бою, а транспортным и другим малым судам спуститься под ветер и стать позади линии. В сие время неприятельский флот, состоящий из тридцати шести разной величины кораблей и судов под флагами адмиральским, коптр-адмиральским и брейт-вымпелом (т. е. бригадирским), построенных на двух линиях... стремился на всех парусах с благополучным для него западным ветром прямо на флот наш.

В начале 4-го часа... адмирал наш поднял сигнал: составить боевой строй и каждому занять свое место.

В начале 4-го часа... по девятый флот наш неоднократно, при некоторых малых переменах ветра, исправлял боевой строй свой по новой линии... В неприятельском же движении видно было, что хотя, будучи на ветре, имел он всю

свободу подойти к нам, однако ж часто останавливался и спускался медленно. Адмирал Чичагов для показания, что ожидает его безбоязненно, приказал убавить парусов *.

В 9 часов флот наш лег в дрейф, неприятель сделал то же, и таким образом оба они... остались ночевать на месте...

15-го числа в 3 часа пополуночи при том же северо-западном ветре и в том же расстоянии и положении открылся неприятельский флот, который по данному с адмиральского корабля их знаку прибавил парусов и стал уравнивать свою несколько расстроенную ночью линию. С сего часу до двух часов пополудни неприятель спускался помалу, между тем как наш флот ожидал его, исправляя неоднократно строй свой, потому что ветер отходил понемногу от направления своего то в ту, то в другую сторону. Наконец в исходе второго часа неприятельская авангардия, пролежав несколько времени в дрейфе, стала спускаться на эскадру нашу под начальством контр-адмирала Спиридова, бывшую тогда передовою. Кордебаталия же неприятельская под предводительством королевского брата герцога Зюдерманландского в то же время спускалась на эскадру вице-адмирала Пушкина, составлявшую тогда заднее крыло. Между тем ариергардия шведского флота, примыкая более к кордебаталии своей, нежели спускаясь на нас, оставалась далеко на ветре. В сим положении неприятель, по данному с адмиральского корабля их знаку, открыл огонь. Почему и наш адмирал тож повеление дал своему флоту; но, примечая по дальности расстояния, в каком держался неприятель, и по ядрам, из коих редкое долетало, вторичным сигналом приказал прекратить пальбу, предоставя одному неприятельскому флоту продолжать оную. Вскоре, однако ж, некоторые корабли их, в том числе и генерал-адмиральский, склонились из линии своей ближе к кораблям эскадры вице-адмирала Пушкина, а именно к «Изяславу», «Виктору» и «Святому Петру», почему и произошла между ними перестрелка более, нежели между прочими сих двух сопротивных эскадр кораблями; но, приметя и от сей мало вреда, адмирал приказал пресечь оную. Тогда и неприятель через полчаса прекратил свою и, прибавя парусов, начал смыкаться с другими своими кораблями. В сие время авангардия его лежала против эскадры контр-адмирала Спиридова и производила сильную пальбу, а особливо с двух передовых кораблей, которые, невзирая на крепкое наносимое им поражение, продолжали бой

* Я слышал еще более, что он, как бы насмехаясь над его нерешимостью, приказал, выставя люки, на виду у него людям купаться.

с великим упорством даже до восьмого часу. Казалось, неприятель отборными силами своими устремлялся сломить сие наше крыло; но, встреченный храбро, принужден был два свои корабля и один фрегат с приметным вредом помощию буксира уклонить за линию. Из наших кораблей на «Мстиславе» сбита была фор-стеньга, однако ж он, не выходя из линии, продолжал бой. Другой корабль «Дерись» пострадал от разрыва трех своих пушек, причинивших с немалым убийством людей разорвание палуб и возгорание внутри корабля: почему и принужден он был уклониться за линию *. Место его заступил перешедший из кордебаталии корабль «Болеслав». Во время продолжения битвы между сим нашим и неприятельским крылом генерал-адмиральский корабль его, сопровождаемый своею кордебаталиею, поравнявшись против нашего адмирала, лег в дрейф, в расстоянии более одной версты [1], но ближе не подходил и пальбы не начинал. Однако ж напоследок один из ближайших к нему кораблей, как думать должно по приказанию герцога, начал изредка палить по кораблю нашего адмирала; но как ядра его падали не долетая, то адмирал не ответствовал ему ни одним выстрелом. В 8 часов пальба на обоих флотах прекратилась.

При сем сражении... на всем флоте убито 32, ранено тяжело и легко 185 человек.

Повреждений на кораблях в мачтах, парусах и такелаже оказалось не много, так что на другой день все оные могли быть исправлены, кроме корабля «Дерись», на котором от разрыва пушек палубы и внутренние части столь много разломаны, что он не только быть в сражении, но и на море держаться не способен. Нанесенный неприятелю вред должен быть не мал, судя по тому, что на некоторых кораблях

---

* По некоторым тогдашним известиям о сем корабле, бывшем под начальством капитана Престона, бедствие от разрыва пушек было тем ужаснее, что в сие время повалил из порохового погреба (крюйт-камеры) густой дым. Все в крайнем испуге ожидали ежеминутно подорвания корабля. Шлюпки, стоявшие у борта, тотчас отвалили прочь. Несколько человек бросились в воду, но, не доплыв до них, потонули. Отчаяние овладело всеми, как вдруг мичман Насакин твердым голосом закричал на окружавших его: «Что стоите, ребята? Страхом не избавитесь от смерти. За мною, кто хочет жить!» С сим словом бросился сквозь дым в крюйт-камеру. За ним несколько человек, ободренных им, кинулись и потушили огонь, прежде нежели он добрался до пороха. Удивительно, что сей мужественный подвиг остался безгласным и только по одной молве достиг до моего слуха!

[1] Верста — русская мера длины, равная 1,0668 км.

его видны были переломанные реи, а других спасал он уклоняя буксиром за линию.

16-го числа по происшествии ночи неприятельский флот открылся в отдалении четырех верст. Вскоре потом, когда от адмирала нашего сделан был сигнал: лечь в боевой строй, прибавил он парусов и, строясь также в линию, стал удаляться от нашего флота...

21-го числа поутру увидели в юго-восточной стороне идущую под парусами эскадру вице-адмирала Казлянинова; почему тотчас послан был к нему коттер, который по причине безветрия шел на гребле. Офицеру оного велено, приближаясь к эскадре, сделать тайный опознавательный сигнал, для удостоверения, что видимый ею флот не есть шведский под российскими флагами, но точно российский. Причем офицеру приказано было самому съездить на корабль к вице-адмиралу Казлянинову и лично его в том удостоверить...

23-го числа адмирал, соединясь с эскадрою вице-адмирала Казлянинова, поступившею под его начальство, решился остаться несколько дней плавающим перед Карлскроном, дабы, как он объясняется в донесениях своих императрице, «по крайней мере обнаружить пред целым светом, что флот шведский не дерзает выступить из порта своего и что победоносный флот Вашего Величества владычествует на Балтийском море»...

31-го числа адмирал, лавируя к Финскому заливу, взял такое положение, чтоб между нашим и шведским берегами всю обширность вод и плывущие от запада суда иметь во всегдашнем обозрении.

Августа 1-го числа флот находился в том же положении...

Ноября 1-го числа по данному от адмирала предписанию легкие суда стоящего при Наргине отряда выходили в море для лучшего обозрения плывущих по Финскому заливу судов и к ночи возвратились на свои места...

6-го числа получено именное повеление о вводе флота в гавань и разоружении оного...

1790 г.

...Мая 1-го числа рано поутру боевая линия... была устроена...

2-го числа адмирал доносит императрице: «В 5 часов пополуночи при маловетрии... открылся неприятельский флот под одним адмиральским, одним вице-адмиральским, двумя

контр-адмиральскими и двумя бригадирскими флагами. В седьмом часу усмотрен он уравнивающим свою линию. Почему приказал я флоту Вашего Императорского Величества лечь на шпринг и быть готову к бою. В начале осьмого часа авангардия шведского флота направляла путь свой к фарватеру между островов Наргин и Вульф. Вскоре после того один из кораблей ее стал на новую мель. В сие время созвал я к себе флагманов и капитанов: с первыми утвердил принятые мною меры к отражению наступающего неприятеля, а последним, напомня о долге их быть неустрашимыми и мужественными, дал наставление, чтоб порядочно, с осмотрительностью, без запальчивости и в должном расстоянии производили свою пальбу, дабы не растратить беспонезно заряды и чрез то не остаться без средств к обороне; а при том наиначе старались бы меткими выстрелами сбивать верхнее вооружение сопротивных кораблей; ибо сим образом могут лишить неприятеля способов управлять ими и привесть его в неустройство и замешательство... В десятом часу ветер начал крепчать. В сие время передовые неприятельские корабли, поворачивая один за другим, стали спускаться на нашу ариергардию, и когда подошли к ней на пушечный выстрел, направляя путь свой вдоль нашей линии, тогда между сим нашим и неприятельским крылом произошла сильная пальба, которая, по мере движения кораблей их вперед, распространилась потом и по всей линии. Главное стремление неприятеля обращено было на нашу кордебаталию. В исходе одиннадцатого часа лежавший в дрейфе против корабля моего шведский вице-адмиральский корабль, потеряв грот-марса и бизань-реи, принужден был удалиться от наносимых ему поражений. За ним шел бригадирский корабль, который, проходя нашу линию, претерпел также сильные удары и... уклонился от боя. За ним следовал генерал-адмиральский корабль; сей хотя и воздерживался подходить на весьма близкое к нам расстояние, однако ж вскоре с простреленными во многих местах парусами и поврежденным такелажем не умедлил, прекратя пальбу и оставя место сражения, последовать за предшественниками своими. За оным два корабля (из коих один под контр-адмиральским флагом), заступавшие 15-е и 16-е место в их линии, проходя кордебаталию нашу с великою неустрашимостью, приблизились к ней на картечный выстрел и производили жестокую пальбу; но встретили столь сильный отпор, что, невзирая на храбрость их и упорство, один из них, поравнявшись против корабля «Ростислав», потерял грот-стеньгу, а пройдя его, лишился и фор-стеньги, без коих, вле-

комый силою ветра к правому нашему крылу и подверженный крайнему от него поражению, принужден был для спасения себя от конечной гибели, спустя шведский, поднять российский флаг и остаться пленным. Другой корабль, под контр-адмиральским флагом, мог бы равным образом достаться оружию Вашего Императорского Величества, если бы сдавшийся уже корабль, увалясь близко к нашей линии, не заслонил его собою и чрез то, заграждая наши по нем выстрелы, не дал ему способа успеть, прибавя парусов, удалиться от оных. В сие время шведский генерал-адмирал (герцог Зюдерманландский), видя, что нападение его обращалось к собственному его вреду, и желая сохранить в целости остальную часть флота своего, сделал знак о повороте и отступлении, вследствие чего как находившиеся в сражении, так и не вступавшие еще в оное неприятельские корабли поспешали уйти от нас тем же северным фарватером, которым пришли. Первые из оных, будучи повреждены в стеньгах, реях, парусах и такелаже, шли в великом расстройстве и замешательстве, и, проходя мимо острова Вульф, один из них, имея разорванные паруса, не мог обойти простирающегося от него к западу рифа и остался на оном. Продолжавшийся во время боя крепкий ветер, в сие время еще более усилившийся, не позволял неприятелю помышлять о подании помощи как сему кораблю, так и ставшему прежде битвы на новую мель, и принуждал его для безопасности прочих кораблей своих выйти скорее из узкостей на пространное море, направляя плавание свое к северу и оставя флот Вашего Величества, после сражения, продолжавшегося два с половиною часа, торжествующим о полученной им победе. Между тем послал я со своего корабля капитана 2 ранга Чичагова [1] на сдавшийся шведский корабль с надлежащими на первый случай приказаниями о принятии оного и привезении ко мне начальника его и офицеров. В час пополудни корабль сей поставлен за нашею линиею на якорь. Вскоре после того начальник оного майор и кавалер Сальстед привезен ко мне и, отдавая шпагу свою (которую в награду храбрости, оказанной им во время боя, оставил я при нем), объявил, что корабль... именуется «Принц Карл», имеет 64 пушки. При вступлении в море было на нем 520 человек, снабденных съестными припасами на 4 месяца; в том числе для высадки на берега 100 кирасир и 12 человек пехоты; а всех сухопутных войск на флоте их 6000 человек.

[1] П. В. Чичагов — сын командующего флотом адмирала В. Я. Чичагова.

По сделанному же от меня свидетельству корабль сей нашелся весьма поврежденным... а потому и поручил я капитан-лейтенанту Гревенсу, офицеру исправному и знающему, все оное на нем в самой скорости исправить. Служителей по осмотре оказалось на оном, сверх помянутого майора, семь офицеров и четыре кадета, здоровых рядовых 432, раненых 11, следовательно, убитыми почитать должно 65 человек, коих они сами бросили в воду. Флот наш во время этого сражения потерпел малые весьма повреждения, которые в одни сутки могут быть исправлены. Убитых на нем нижних чинов служителей 8, раненных тяжело 8, легко 20, в том числе капитан-лейтенант Бартенев. Выстрелов сделано с него 13 065. Ревность и усердие к службе Вашего Величества, оказанные в сем деле вице-адмиралом Ханыковым, а равно и всеми капитанами кораблей и бывшими под их начальством штаб- и обер-офицерами... почему и осмеливаюсь приложить при сем именной список отличившимся мужеством и неустрашимостью сподвижникам сей знаменитой победы, одержанной... осмотрительным распоряжением флагманов, рвением капитанов и охотным повиновением подчиненных им офицеров и нижних служителей против троекратно превосходнейшего в силах противника» [1].

...21-го числа адмирал доносит императрице: «В сей день имел я счастие получить Высочайший Вашего Императорского Величества указ, которым по свидетельству моему за сражение, бывшее во 2-й день сего мая, всемилостивейше пожалованы: капитан корабля «Ростислав» Чичагов орденом Святого Георгия четвертой степени, капитаны прочих кораблей: Денисов, Тимашев, Скорбеев, Телепнев, Брейер, Шешуков, Кроун, Сиверс и Барт, також в должности цейхмейстера главной артиллерии майор Ламедорф золотыми шпагами с надписью «За храбрость», которым раздал я оные, а всем прочим в деле сем участвовавшим объявил монаршее Вашего Величества благоволение».

...25-го числа рано поутру усмотрен был шведский флот, сначала в 32, а потом в 40 судов. Адмирал, увидя оный, приказал эскадре помощию буксира (ибо иначе по маловетрию не можно было вскорости сего исполнить) построиться

[1] Завистливый характер автора воспоминаний А. С. Шишкова и его неуважительность к Чичаговым явно просматривается в примечании к донесению адмирала. Ему хочется во что бы то ни стало принизить успех. «Знаменитая поистине победа сия, одержанная десятью кораблями над флотом троекратно их сильнейшим, — пишет А. С. Шишков, — есть, конечно, паче особое Божеское благоволение, нежели следствие предусмотрительности, или искусства, или храбрости человеческой».

на линии... Около полудня неприятель казался приближающимся. Тогда адмирал созвал к себе флагманов и капитанов кораблей, с коими положил держаться к ветру, дабы затруднить неприятельское нападение и притом избрать такое место, в котором неприятель не мог бы окружить их превосходными своими силами: для сего положено приблизиться с эскадрою к островам Пени и Сескар, где и оставаться под парусами, покуда не получится сведение о Кронштадтской эскадре. Вскоре потом усмотрено вдали позади шведского флота несколько похожих на военные судов, но наши ли они или нет, за дальностью рассмотреть было не можно. Адмирал, чтоб подать им некоторый о себе знак, приказал с корабля своего сделать несколько выстрелов с ядрами и смотреть, не отзовутся ли они тем же образом, однако сего не примечено. В шесть часов пополудни за наставшим густым туманом как шведский флот, так и помянутые за ним суда стали не видны.

26-го числа по прочищению тумана открылись вдалеке идущие в линии под всеми парусами 24 судна. Адмирал, почитая их неприятельскими, привел эскадру свою в вышесказанное положение между островов Пени и Сескар и, построясь в боевой порядок, стал на якорь, дав потом приказание лечь на шпринг и приготовиться к отражению. Двум же коттерам, «Меркурию» и «Нептуну», велено идти к приближающемуся флоту для обозрения оного, из коих «Меркурий», возвратясь, уведомил, что идущие корабли имеют российские флаги, а «Нептун», продолжая путь свой далее, по возвращении своем донес, что он с передовым тех кораблей фрегатом имел переговор опознавательными сигналами и нашел его принадлежность российскому флоту. Таким образом адмирал, удостоверясь о приближении Кронштадтской эскадры, приказал на корабле своем поднять адмиральский, равно и на кораблях прочих флагманов соответствующие чинам их флаги. В 7 часов утра эскадра вступила под паруса и через час соединилась с Кронштадтскою эскадрою. Вскоре потом крейсирующие фрегаты дали знать о стороне, в которой виден неприятель; почему адмирал, приняв начальство над обеими эскадрами и составя из них три дивизии, направил туда свой путь. После полудня открылся неприятельский флот, стоящий на якоре в Выборгском заливе за банками Ильманту и Пухкова, примыкая одним крылом к мысу Крюсерорт, а другим к северной оконечности острова Пенсар... Он пробрался в сие тесное и едва для глубоководных судов приступное место узким фарватером, которым с помощью лоцманов проходят в Выборг купецкие суда.

27-го числа адмирал, усмотря сие положение шведского флота и трудность приближения к нему по причине рассеянных повсюду на сем пространстве вод подводных камней и мелей, из которых многие не означены на карте, решился, примечая все его движения, осторожным плаванием подойти к нему так близко, чтоб стеснить и окружить его со всех сторон, дабы никакое судно с моря пройти к нему не могло. Для лучшего исполнения сего намерения адмирал сделал чертежи, в каких местах, подвигаясь понемногу, флоту останавливаться на якорь... По раздаче сих чертежей и приказаний на корабли флот, подходя медленно к неприятелю, в два часа пополудни лег на якорь между мелями Коугола и Сапора. Между тем адмирал, приметя, что неприятельская гребная флотилия укрывается за Березовыми островами (Биорко-Зунд), отрядил три фрегата, как для наблюдения движений ее, так и для обеспечения транспортных наших судов, проходящих мимо сего пролива...

28-го числа посланы на гребных судах несколько штурманов для отыскивания неизвестных мелей и подводных камней с приказанием ставить на них знаки. Сначала от шведского флота, по-видимому для воспрепятствования им, выступили два коттера и потом еще два фрегата; но когда от нас навстречу к ним пошли коттер «Нептун» и фрегат «Венус», тогда они возвратились назад...

29-го числа по сделании сколько можно было промеров глубин шлюпками и фрегатами и по отыскании многих мелей адмирал велел флоту вступить под паруса и, построясь на линии, параллельной неприятельскому флоту, приближаться к оному, имея пред каждым кораблем шлюпки, которые бы беспрестанно бросали лот и показывали глубину... С сими повелениями флот понемногу приближался к неприятелю; но, невзирая на все вышеупомянутые предосторожности, стопушечный корабль «Двенадцать апостолов» и 74-пушечный «Константин» приткнулись, первый к мели, а другой к подводному камню, и хотя помощию всех посланных к ним шлюпок и гребных судов сняты без повреждения, однако ж адмирал, как по сему случаю, так и по причине окрепчавшего ветра, за благо рассудил остановить свое движение и стать на якорь между банками Репье и Пенц, подвинувшись от прежнего места на две мили к неприятелю.

30-го числа в час пополудни при тихом юго-западном ветре море покрылось таким густым туманом, что не только шведский флот, но и ближайшие наши корабли стали невидны... Через два часа туман несколько прочистился, и шведский флот оказался в прежнем положении... От сего ж числа адмирал доносит императрице: «Присланному ко мне при высочайшем Вашего Императорского Величества указе капитану 2 ранга Марчалу поручен от меня гребной фрегат «Св. Николай» *...

1 июня адмирал, для пресечения сообщения между неприятельским флотом и могущими приходить к нему от запада мелкими судами, отрядил пять фрегатов под начальством контр-адмирала Ханыкова, приказав оным идти и расположиться между островами Фискар и Орискар...

2-го числа адмирал, увидя из донесения контр-адмирала Ханыкова, что на месте, где он стоит, грунт не благонадежен, приказал ему перейти на другое, столь же удобное для заграждения неприятелю путей, а именно расположиться от юго-восточной оконечности Сатаматалахты к банке Пассалода...

9-го числа, пользуясь тихим ветром, адмирал вступил под паруса, дав приказание всему флоту следовать с собою, и, приближаясь к неприятельскому флоту на два пушечных выстрела, лег на якорь, расположась с остальными, за исключением двух... отрядов, осьмнадцатью кораблями между островком Рондо и банкою Репье...

20-го числа... В сей день отправлен был на шлюпке под белым флагом капитан-лейтенант Трубецкой к герцогу Зюдерманландскому с ответным письмом, писанным к нему от

---

* Упомянув прежде, что фрегат сей находился под моим начальством, должен я объяснить здесь, по какому случаю перешел я с него на адмиральский корабль «Ростислав»... С наступлением весны (1790 года) приближение шведского флота к Кронштадту понудило усилить сими фрегатами эскадру вице-адмирала Круза; но по соединении его с адмиралом Чичаговым велено было отослать их обратно к принцу Нассау. Получа единожды невыгодное о сем начальстве мнение, я желал лучше остаться в корабельном флоте, о чем и просил адмирала; но он отвечал мне, что не может сего сделать, потому что оставить у себя фрегат мой вопреки имянному повелению невозможно, а перемениться со мною фрегатами, вероятно, никто из находящихся во флоте начальников не захочет. Почувствовав справедливость сего отказа, я поехал от него весьма печален и, повинуясь судьбе своей, приготовлялся уже к отплытию в Кронштадт, как нечаянно привозят ко мне от адмирала записку, по которой он призывает меня к себе. Я приезжаю на корабль к нему. Он говорит мне: сей час прислан сюда новопринятой в службу нашу капитан второго ранга Марчал, которому высочайше повелено дать под начальство какое-нибудь судно. Если ты желаешь остаться при флоте, то отдай ему фрегат свой, а сам перейди на мой корабль, где ты в звании особенной при мне должности оставаться будешь до тех пор, пока не откроется порожнее место начальника на каком-либо корабле...

имени адмирала флаг-капитаном... Помянутый капитан-лейтенант безостановочно допущен был к кораблю его и представлен герцогу... Между разговорами, по замечанию князя Трубецкого, офицеры жаловались на худую погоду и ветры, из чего можно было заключать, что они с нетерпеливостью ожидают благополучного ветра, который позволил бы им вырваться из сей заперти...

21-го числа, после стоявших долгое время западных ветров, ясная погода и переменное маловетрие. Капитан Кроун прислал донесение, что вчерашнего утра вышли из-за островов Люлли, Питкопас и Эсар пятьдесят гребных неприятельских судов и, построясь против отряда его в линию, стали производить по нем пушечную пальбу, продолжавшуюся около трех часов, в которое время три раза были прогоняемы и три раза опять возвращались, но напоследок ушли безвозвратно, и хотя посланы были коттеры для пресечения пути их, однако ж они скрылись за островами, куда следовать за ними по неизвестности проходов опасно; а как скоро пришли наши канонерские лодки, то он, Кроун, пересев на них, погнался за неприятелем, но за дальностью догнать его не мог; а только настиг две лайбы, из которых одну с двумя нашими пленными взял, а другая разбилась о камень и потонула. Шесть из сражавшихся с отрядом нашим лодок были так повреждены, что неприятель, по снятии с них людей, принужден был сжечь оные. Судя по сему, урон его в людях должен быть не мал. С нашей стороны на фрегате «Венус» убитых 2, большею частию тяжело раненных 10 человек. Причиненные фрегату повреждения удобно могут быть исправлены. Вслед за сим прислал он вторичное донесение, в коем прописывает о числе взятых им в плен людей и о получении в добычу двух 24-фунтовых пушек... Около полудня вышло из-за острова Пеисар шесть неприятельских лодок, которые, придерживаясь берега, шли на гребле к отряду капитана Лежнева, но когда приблизились на такое расстояние, что боковые корабли наши могли меткою пальбою им вредить, то при первых выстрелах возвратились они на прежнее свое место. Капитан Лежнев приехал потом на корабль к адмиралу с уведомлением, что множество гребных неприятельских судов собираются у оконечности острова Торсар... В 9 часов пополудни стали выходить из Зунда гребные неприятельские суда, из коих иные шли к своему флоту, а другие из-за северной оконечности Пеисара тянулись близ берега к отряду капитана Лежнева. В 11 часов услышана жестокая в Зунде пальба, и в то же время число тянувших-

ся к отряду капитана Лежнева канонерских лодок умножилось до пятидесяти и вступило с ним в перестрелку. Адмирал заключал из сего... что флот неприятельский, при наставшем для него благополучном ветре, желая пальбою с гребных судов своих заблаговременно утомить помянутый отряд, намерен выходить сим проходом. Вследствие сего велено ближайшим к сему отряду кораблям «Иезекиилю» и «Владимиру» тянуться к оному и действовать совокупно с ним.

22-го числа ветер от востока сначала тихий, потом умеренный и напоследок крепкий. В 4 часа пополуночи, при беспрестанном продолжении начавшейся со вчерашнего вечера пальбы, вышло из Зунда 25 неприятельских галер и 110 канонерских лодок, из коих до осьмидесяти подошли к отряду капитана Лежнева и производили по нему пальбу, но мужественным отпором прогнаны. В 6 часов из-за острова Пеисара показался шведский фрегат под адмиральским флагом, означавшим, как думать должно, королевское присутствие. За ним во множестве судов следовала вся гребная их флотилия, которая и построилась в линию позади корабельного своего флота. В то ж время флот неприятельский стал сниматься с якоря. Адмирал, не зная, которым проходом решится он идти, приказал поднять сигнал, повелевающий всему флоту лечь на шпринг и, приготовясь к бою, иметь при каждом корабле вооруженные шлюпки со всеми нужными орудиями для отбуксирования брандеров, буде бы неприятель покусился пустить их. В то ж время отряду капитана Кроуна и отдельной части флотилии под начальством вице-адмирала Казлянинова дан знак: приблизиться ко флоту. В исходе седьмого часа неприятельские передовые корабли, снявшись с якоря, направляли путь свой к Крюсерортскому берегу, куда следовала за ними и вся их гребная флотилия; остальные же две дивизии их флота, хотя... туда ж простирали ход свой, но шли весьма медленно, как бы предоставляя себе свободу обратиться в случае надобности на другой путь. Один из кораблей их, не сумев обойти банку Сальвор, стал близ оной на мель. В осьмом часу заграждавшие фарватер четыре шведские корабли, которые с другими примкнувшими к ним составляли передовое неприятельское крыло, стали один за другим спускаться на отряд контр-адмирала Повалишина, встретивший их сильною пальбою. Адмирал в сие время сначала приказал двум из арьергардии ближайшим к сему отряду кораблям идти для усиления действий его, а потом, увидя, что уже некоторые неприятельские корабли прошли

сквозь оный, дал повеление всей арьергардии сняться с якоря и следовать туда же для нападения на прорывающегося неприятеля. Вскоре потом дано такое ж повеление и стоявшей в отдаленности авангардии. В девятом часу адмирал, усмотря, что весь шведский флот решительно пустился проходить Крюсерортским фарватером и что без затруднения не может уже обратиться на тот проход, где стоит отряд капитана Лежнева, дал сему отряду приказание: идти немедленно к месту сражения. В то же время посланным во вчерашний день в крейсерство некоторым фрегатам, не успевшим еще отойти далеко, дан знак: не удаляться от флота. Между тем, когда неприятельская кордебаталия проходила помянутый наш отряд, два корабля ее, узкостью места и сильным поражением стесняемые, стали на мель, один на восточной оконечности банки Реппие, а другой на северной оконечности банки Пассолоды. Адмирал, по соразмерению близости расстояний, приказал первым из них овладеть кораблю «Константину», а вторым кораблю «Болеславу». В десятом часу неприятель пустил на отряд контр-адмирала Повалишина зажженный брандер, который, не дойдя до него, стал на мель. Шедшие за ним неприятельские корабль и фрегат, не сумев по тесноте прохода обойти оного, от него загорелись и вскоре воспалившимся в крюйт-камере порохом взорваны на воздух *. Пламень сообщился и еще нескольким транспортам их и канонерским лодкам. Тут же сгорел и взятый ими прежде сего наш брандер «Касатка». Адмирал, видя, что некоторые из сих горящих судов ветром несет к нашему отряду, дал знак, чтоб он отступил, и тогда же, находя пребывание кордебаталии своей на месте более не нужным, приказал ей, отрубя якоря, вступить под паруса и поспешать за двумя прочими впереди идущими дивизиями, повелевая им гнать и нападать на бегущего неприятеля **. В одиннадцатом часу

---

* Ужас пожара на море превосходит всякое бедствие... Многие смоленные на корабле снасти и другие вещи, мгновенно возгораясь, распространяют повсюду пламень, который, проникнув до порохового погреба, страшным образом разрушает корабль, бросая верхние его части на воздух, а нижнюю опуская на дно моря... Мы смотрели на сие пагубное зрелище в трубы...

** Прорыв шведского флота подвергал его великим потерям; он мог лишиться главной части или по крайней мере половины всех своих судов, и если сия знаменитая над ним победа не сделалась еще больше знаменитою, то надлежит оное приписать, во-первых, смелому и быстрому движению неприятеля, который, несмотря на тесноту прохода между мелями, нес все свои паруса; и, во-вторых, некоторому промедлению состоявшей под начальством

дан знак кораблю «Победоносцу» идти к стоящему на банке Сальвор неприятельскому кораблю и овладеть оным. В сие время стала из Биорко-Зунда показываться предводимая вице-адмиралом принцем Нассау гребная наша флотилия. В то ж время фрегатам «Патрикию» и «Мстиславцу» приказано идти на подкрепление отряда контр-адмирала Ханыкова и для поражения проходящей мимо его неприятельской флотилии; а между тем примечено, что один шведский корабль и два фрегата, стесняемые пальбою с сего отряда и узкостию прохода, стали на мель на банке Пассалода, почему и дан капитану Лежневу знак овладеть оными. В половине двенадцатого часа флот наш в числе 17 кораблей (за исключением трех отрядов, а именно: контр-адмиралов Повалишина, Ханыкова и капитана Лежнева, оставшихся на месте) продолжал погоню свою за неприятельским флотом. В первом часу пополудни адмирал, подходя к Питкопасу, приказал находящемуся там отряду капитана Кроуна с одной, а кораблю «Ярославу», фрегатам «Слава», «Надежда благополучия» и коттеру «Вестник» с другой стороны сделать нападение на неприятельскую идущую между нашим флотом и берегом гребную флотилию.

Положение наше в сие время было такое... Флот наш гнался за неприятельским флотом, которого самый задний корабль был уже впереди нашего переднего. Хотя в сие время адмирал и полагал, что выступившая уже из пролива Березовых островов гребная наша флотилия не упустит напасть на сию неприятельскую флотилию, однако ж, дабы заранее нанесть ей некоторый вред, дал знак находившемуся в Питкопасе капитану Кроуну и некоторым другим бывшим по другую сторону вблизи крейсерам, чтоб они напали на оную. Капитан Кроун приблизился немедленно к передовой неприятельской галере и стал по ней палить. Она, не ответствуя ни одним выстрелом, тотчас спустя шведский, подняла российский флаг. Кроун, оставя ее и поворотя фрегат свой навстречу прочим галерам и другим судам, продолжал по ним производить пальбу. Они тоже без всякого сопротивления, одна за другою, спускали флаги

вице-адмирала Пушкина ариергардии нашей, которой надлежало тотчас по данному ей сигналу отрубить якоря и нести равные с неприятелем паруса, чтоб, не упуская ни малейшего времени, не дать ему опередить себя; но она стала поднимать якоря, и не прежде отрубила их, как по вторичному сигналу, и притом, опасаясь мелей, обходила их под малыми парусами. Между тем неприятельские корабли, даже и самые задние, при ветре довольно свежем, употребя все способы к скорейшему ходу, успели миновать ее и сделаться вне опасности от погони за ними наших кораблей.

свои и поднятием нашего объявляли себя пленными. Между тем подошли другие наши крейсера и, также нападая на них, с иных брали к себе людей, а других по два и по три судна прицепляли к корме своей и влекли за собой. Наконец каждый крейсер по набрании столько людей и судов, сколько мог, поспешал выйти из залива, предполагая, что идущая сзади гребная наша флотилия не упустит овладеть всеми оставшимися на месте. Но принц Нассау, мечтая быть соучастником в победе над корабельным флотом, не обратил внимания своего на сию до половины уже пленную неприятельскую флотилию и, пройдя мимо ее, направлял путь свой в море за адмиралом Чичаговым. В сих обстоятельствах шведская флотилия, не видя никого, препятствующего ей, стала поднимать шведские флаги и, снимаясь судно за судном с якоря, ушла вся в шхеры.

Король шведский (по тогдашним слухам) во время сего прорыва ездил на шлюпке, и когда пушечным выстрелом убит у него был гребец, то он пристал к одной из передних своих галер, к той самой, на которую Кроун направил первое свое стремление. Когда Кроун удалился от вышеозначенной галеры, то король переехал на парусное судно и сим образом избег от плена.

...В начале четвертого часа адмирал, полагая, что гребная наша флотилия, выступившая уже из Биорко-Зунда, не оставит овладеть уцелевшими еще гребной неприятельской флотилии судами, приказал кораблю «Ярослав» и фрегату «Венус» возвратиться ко флоту, и в то ж время с отправленным нарочно легким коттером послано повеление к капитану Лежневу, чтоб и он также с отрядом своим поспешил соединиться с флотом. В осьмом часу прошли мы остров Гогланд, гонясь при свежем ветре за неприятелем, бегущим под всеми парусами. В девять часов корабль «Мстислав» под начальством капитан-лейтенанта Биллоу стал приближаться к заднему шведскому под контр-адмиральским флагом кораблю, с которым вскоре вступил в сражение и принудил его сдаться*. В одиннадцатом часу ко-

* Битва сия, происходившая на виду обоих флотов, представляла прекрасное зрелище, если можно так назвать битву. Корабль наш, имея в ходу некоторое превосходство перед шведским, поврежденным несколько в верхних парусах, стал помалу приближаться к оному, и когда подошел к нему на пушечный выстрел, тогда швед начал палить по нему из двух кормовых пушек. Он же, ответствуя на то, продолжал свой путь, и чем более с ним выравнивался, тем больший претерпевал огонь от боковых ближайших к корме пушек его, доколь совершенно с ним не поравнялся. Тогда открыл свою батарею, и сражение между ими сделалось самое жар-

рабль «Кир-Иоанн» и фрегат «Венус» догнали неприятельский фрегат, который по краткой перестрелке спустил флаг свой и поднял российский. Ветер в сие время скрепчал, и наступила пасмурность. Фрегат «Венус» пошел вперед и производил пальбу по задним неприятельским кораблям, но, приметя, что за дальностию не может наносить им желаемого вреда, прекратил оную.

В двенадцатом часу ветер еще более скрепчал и мрачность увеличилась. Взятый кораблем и фрегатом нашим неприятельский фрегат, пользуясь темнотою и крепостью ветра, скрылся из вида и ушел. В сие время многие наши корабли отстали, так что в виду и даже в довольно близком от неприятельского флота расстоянии остались только адмиральский корабль «Ростислав» и при нем корабль «Елена» и фрегат «Венус». Адмирал, усмотря сие, приказал для поджидания прочих флота своего кораблей лечь в дрейф.

23-го числа в 4 часа пополуночи адмирал, по приближении к нему отставших кораблей, дал знак: сняться с дрейфа и прибавить парусов. В сие время неприятель, приведя к ветру, направлял путь свой к Свеаборгу. Адмирал, устроя флот свой на том же румбе, дал повеление гнать за ним. В восемь часов адмирал, приметя, что передовые корабли наши могут отрезать один или два задних неприятельских корабля, приказал кораблю «Изяслав» и фрегату «Венус» поворотить на противный им галс, и когда они исполнили сие, тогда самый задний неприятельский корабль, видя, что они путь его пресекают, принужден был, спустясь от ветра, уклониться от линии своей и бежать в

кое. Вскоре у обоих паруса изорванные затрепетали и скорость хода уменьшилась. Ядро с нашего корабля сбило висевший... шведский флаг, который, вея и кувыркаясь, летел... в море. Мы, зрители на сие отдаленное от нас единоборство, ожидали, что швед после сего отдастся в плен; однако ж увидели, что он, желая продолжать еще битву, снова поднимает флаг на бизань-мачту; но прежде, нежели флаг сей дошел до вершины ее, другое ядро, ударившее в сию мачту, свергает ее, и она падает от кормы к носу, покрывая парусами своими всю палубу. Сим образом кончилось сражение. Корабль сей назывался «София-Магдалена». Контр-адмирал Лилиенфельд, начальствовавший им, по отдании шпаги своей, спросил капитана Биллоу: «Видели ль вы державшееся близ меня небольшое парусное судно, по приближении вашем ко мне пустившееся в шхеры?» И когда Биллоу отвечал: «Видели», тогда примолвил он: «Если бы вы знали, кто на нем, то, конечно, оставя меня, погнались бы за ним». Сими словами дал он знать, что на нем был сам король, вторично по незнанию о нем избегший от плена. К сему шведскому кораблю для провода оного в Ревель приставлен был корабль «Храбрый».

шхеры. Они погнались за ним и скрылись из виду; по вскоре появились, возвращаясь ко флоту и ведя за собою сей, по некотором сражении сдавшийся им, корабль, называемый «Ретвизан». Адмирал поручил фрегату «Помощный» отвесть оный в Ревель. После полудня флот неприятельский, чая себя в безопасности, лег в шхерах на якорь по западную сторону острова Миолеланд; но когда флот наш при легком ветерке стал на всех парусах лавировать к нему, тогда он, опасаясь приближения его, ушел в самые неприступнейшие узкости.

24-го числа адмирал, видя, что флот шведский достиг своего порта и не мог более подвержен быть его поискам, приказал флоту своему для безопасности плавания удалиться из сих узкостей в пространнейшее море, где лег в дрейф и созвал к себе всех капитанов кораблей и прочих судов для отобрания от них сведений о всех частных с ними приключениях. Из сих собранных известий оказалось, что во время нападения фрегатов наших и других судов на шведскую флотилию почти каждое из них столько набрало пленных, сколько могло взять. Многие суда, как уже выше упомянуто было, желая больше набрать оных и опасаясь, чтоб не стеснить людей, прицепляли помощию бакштова (толстой веревки) к корме иное галеру или полугалеру, иное две или три канонерских лодки, со всеми на оных служителями, когда вышли с ними в открытое море, то по причине скрепчавшего ветра, не имея более возможности держать их при себе, принуждены были отрубать сии бакштовы, предоставляя неприятелю спасаться как и куда хочет. Адмирал, по отобрании разных сведений от начальников судов, отправил сына своего капитана 2 ранга Василья[1] Чичагова чрез Ревель со следующим к императрице донесением: «21 июня в одиннадцать часов пополудни слышна была во флоте пушечная пальба в Березовом Зунде, означавшая, что вице-адмирал принц Нассау-Зинген, со вверенною предводительству его гребною флотилиею вошед в Зунд, вступил в бой с неприятелем. В то ж самое время показались из-за мыса Пейсара до пятидесяти и более гребных неприятельских судов, которые, подходя к отряду генерал-майора Лежнева, выстрелами своими почти всю ночь

[1] У адмирала В. Я. Чичагова было четыре сына, два из которых умерли от оспы в детском возрасте. В живых остались Павел и Петр. Речь идет о первом из них, будущем военно-морском министре, Павле Васильевиче. Упоминание другого имени — или типографская погрешность, или недоброжелательная выходка автора воспоминаний.

не переставали его обеспокоивать; но напоследок были им прогнаны. Тогда же примечено, что великое число неприятельских гребных судов выходит из Зунда, а на другой день, то есть 22-го числа, в шесть часов пополуночи, увидели всю его флотилию, стоящую за большим корабельным флотом, и все корабли и фрегаты, при умеренном восточном ветре снимающиеся с якоря...

Сверх потерянных неприятелем кораблей, фрегатов и разных меньших парусных и гребных судов, как выше сказано[1], взяты еще в преследовании командующим фрегатом «Св. Марк» лейтенантом фон Дезином один большой двухмачтовый барказ и две канонерские лодки; командующим фрегатом «Премислав» капитан-лейтенантом Станищевым одна каноперская лодка и два транспортных судна, из которых на одном находились четыре медные полевые пушки, а другое было с быками; командующим кораблем «Прохор» капитаном Скорбеевым, проходя остров Соммерс, канонерский бот о двух двадцатичетырехфунтовых пушках; командующим коттером «Летучий» капитан-лейтенантом Бартеневым две канонерские лодки и два транспортных судна; командующим фрегатом «Надежда благополучия» капитан-лейтенантом Бодиско четыре большие лодки, вооруженные каждая осьмью фальконетами и двадцатичетырехфунтовою на корме пушкою, и два транспортных судна, одно с лошадьми, а другое с балластом; командующим фрегатом «Слава» капитан-лейтенантом Свитиным две полугалеры, да потоплены в виду его полугалера одна, канонерских лодок две.

Число пленных, взятых на кораблях, фрегатах и других мелких судах, простирается более пяти тысяч человек, в том числе контр-адмирал один и до двухсот штаб- и обер-офицеров. Сверх того, урон неприятельский, считая оный сгоревшими, побитыми во время сражения и на поврежденных судах потонувшими людьми, должно по крайней мере полагать до трех тысяч человек.

С нашей стороны кораблей и других судов не потеряно. Людей же убито 117; ранено 164, в том числе флота капи-

[1] Это донесение приводится для того, чтобы восполнить в некоторой мере довольно скудные сведения автора воспоминаний об участниках сражения. Впрочем, если внимательно прочитать всю книгу А. С. Шишкова, то в ней, нарочито или нет, выражается больше восхищения действиями шведских экипажей, чем русских. Донесение адмирала В. Я. Чичагова дается не полностью, чтобы не повторять приводимый текст воспоминаний.

тан 1 ранга Тревенин, который и умер; капитан 2 ранга Экен; лейтенанты Марченко и Кушелев [1], мичман Мордвинов; морской артиллерии капитан Вильфинг. Солдатских морских баталионов порутчик Трофимов, да губернского стата прапорщики Иванов и Андреев...

Капитан 2 ранга Шешуков и капитан-лейтенант князь Трубецкой посланы были, первый с кораблем своим, а второй с фрегатом, для занятия островка Рондо; что они со всякою точностию и искусством исполнили, отогнав державшегося на оном неприятеля; капитан-лейтенанты Гревенс и Бабаев, из коих один командовал кораблем, а другой бомбардирским на самом фланге в отряде генерал-майора Лежнева, поступили искусно и храбро при отражении неприятельских лодок, нанося им немалый вред. Капитан-лейтенанты Чернавин и Скот, командовавшие коттерами, по легкости судов их употребляемы были в разные нужные посылки и всегда приказы главнокомандующего в точности с рачением и расторопностью исполняли. Бывшие при адмирале капитаны: второго ранга Шишков [2], флага капитан Саблин и лейтенант Малеев; тако ж и находившиеся на корабле его капитан-порутчики: Лупандин, Боиль и морской артиллерии капитан 3 ранга Невельской, примечены в отправлении должностей своих отлично рачительными и усердными...»

Июля 1-го числа адмирал доносит императрице: «После полудня флот... пришед к острову Наргину, стал между оным и островом Вульфом на якорь с тем, чтоб корабли, имеющие нужду в исправлении, посылать небольшими отрядами на Ревельский рейд. В сем положении могу я иметь лучшую удобность к недопущению неприятеля уйти в Карлскрон; ибо отселе, даже и при северном ветре, каковым он более других воспользоваться может, могу я удобнее сняться с якоря и вступить под паруса, нежели с Ревельского рейда, откуда иногда и совсем невозможно будет сего исполнить. По прибытии сюда тотчас велел я труднобольных свозить в городскую госпиталь. Сего ж числа с обстоятельным Вашему Величеству о поражении неприятеля в 22-й

[1] По утверждению составителей архива П. В. Чичагова — это один из самых ярых недоброжелателей адмиральской семьи. Добившись большого влияния при Павле I, он строил всевозможные козни против своего бывшего командира, состарившегося и больного, а также против его сыновей. Часто его услугами пользовался А. С. Шишков.

[2] Автор воспоминаний.

день июня донесением отправлен от меня капитан второго ранга Шишков» [1].

В 3-й день... августа... заключен вечный мир и надлежащий договор с утверждением границ...

ГОГЛАНДСКАЯ МОРСКАЯ БИТВА

1788 года [2]

Наша битва со шведами при Гогланде, одна из кровопролитнейших морских битв, имела такое решительное влияние на всю кампанию 1788 года, что при описании ее изложение предшествовавших и последующих ей обстоятельств будет совершенно необходимо, тем необходимее, что как битва эта, так и вся кампания 1788 года у нас совсем неизвестны даже в общих чертах. В начале 1788 года, имея войну с турками, мы готовили в Кронштадте эскадру для посылки в Архипелаг. Между тем возникли опасения разрыва и со Швециею. Для наблюдения за движениями шведов были командированы три фрегата: один к Свеаборгу, другой к Гангеудду, третий к Карлскроне, и как война еще не была объявлена, то в начале июня отправились к Копенгагену наши 3 стопушечных корабля и 4 транспорта — часть назначавшейся в Средиземное море эскадры, посланная вперед для того, чтобы заблаговременно исправиться там и не задержать остальных судов (не требовавших для прохода к Копенгагену перегрузки). Этою частью командовал вице-адмирал фон Дезин. 10 июня, у Готланда, он встретил шведскую эскадру, состоявшую из 12 кораблей, 3 фрегатов и 2 бомбардирских судов, командуемую братом короля Густава III генерал-адмиралом герцогом Зюдерманландским. Герцог потребовал салюта; наш адмирал отвечал ему, что салютация между нашим и шведским флотами не определена трактатом (1745 года), но что он готов сделать учтивость — отсалютовать собственно особе герцога. Гер-

[1] Ранее автор воспоминаний сообщал, что с донесением был отправлен сын адмирала В. Я. Чичагова. Возможно, то было первое донесение о победе, а это — более обстоятельное. Но скорее всего, что командующий изменил свое решение в отношении курьера из-за козней А. С. Шишкова.

[2] Эта публикация, помещенная во 2-м томе журнала «Морской сборник» за 1849 г., содержит в своей основе выдержки из писем, донесений и воспоминаний участников сражения, а также шканечных журналов и судовых протоколов следственных дел обвиняемых С. К. Грейгом трех командиров. Интересна она некоторыми подробностями о самом Грейге.

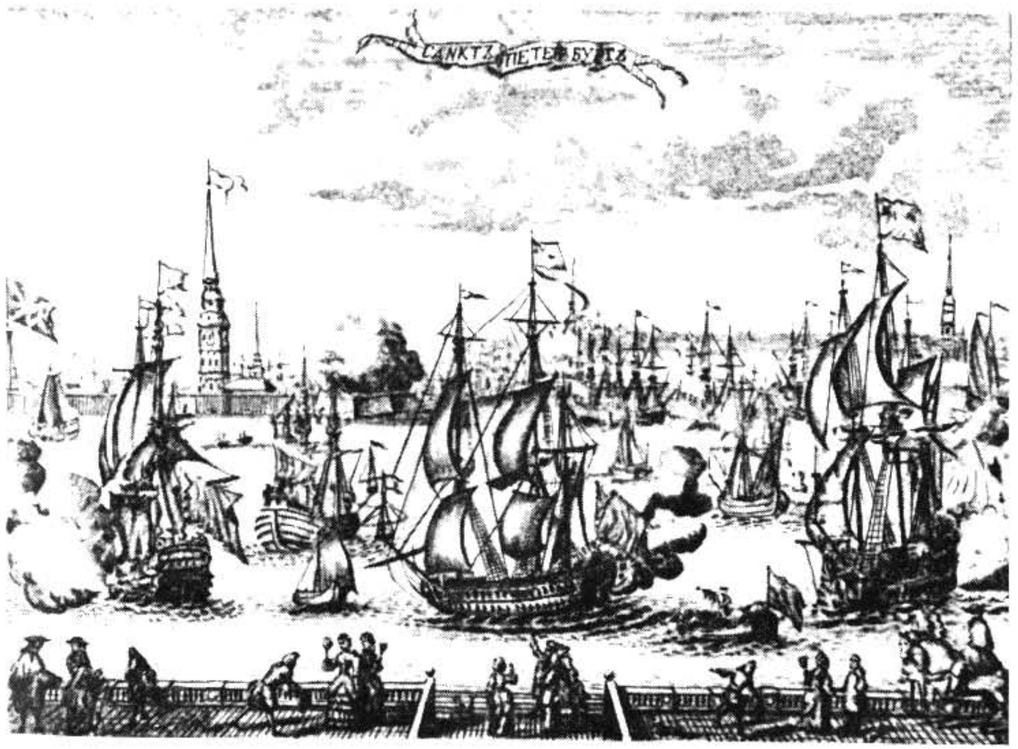
цог настаивал, чтобы салютовали не ему, а шведскому флагу; адмирал не соглашался и сделал 13 выстрелов «для особы его светлости». Герцог отвечал 8 выстрелами — и флоты разошлись.

Говорили, будто герцог этим требованием салюта искал предлога к открытию неприятельских действий. Но, во-первых, подобный предлог был бы столько же законным, сколько законно нападение и без всякого предлога; а во-вторых, требования герцога не были настойчивы и он мог не удовольствоваться «учтивостью» нашего адмирала. Превосходство же в силе шведов было так велико в настоящем случае, что в успехе не могло быть никакого сомнения, хотя наш адмирал и был готов отразить нападение. Поведение герцога остается загадочным; наш адмирал, в настоящих обстоятельствах, поступил — по его собственному выражению — очень нежно.

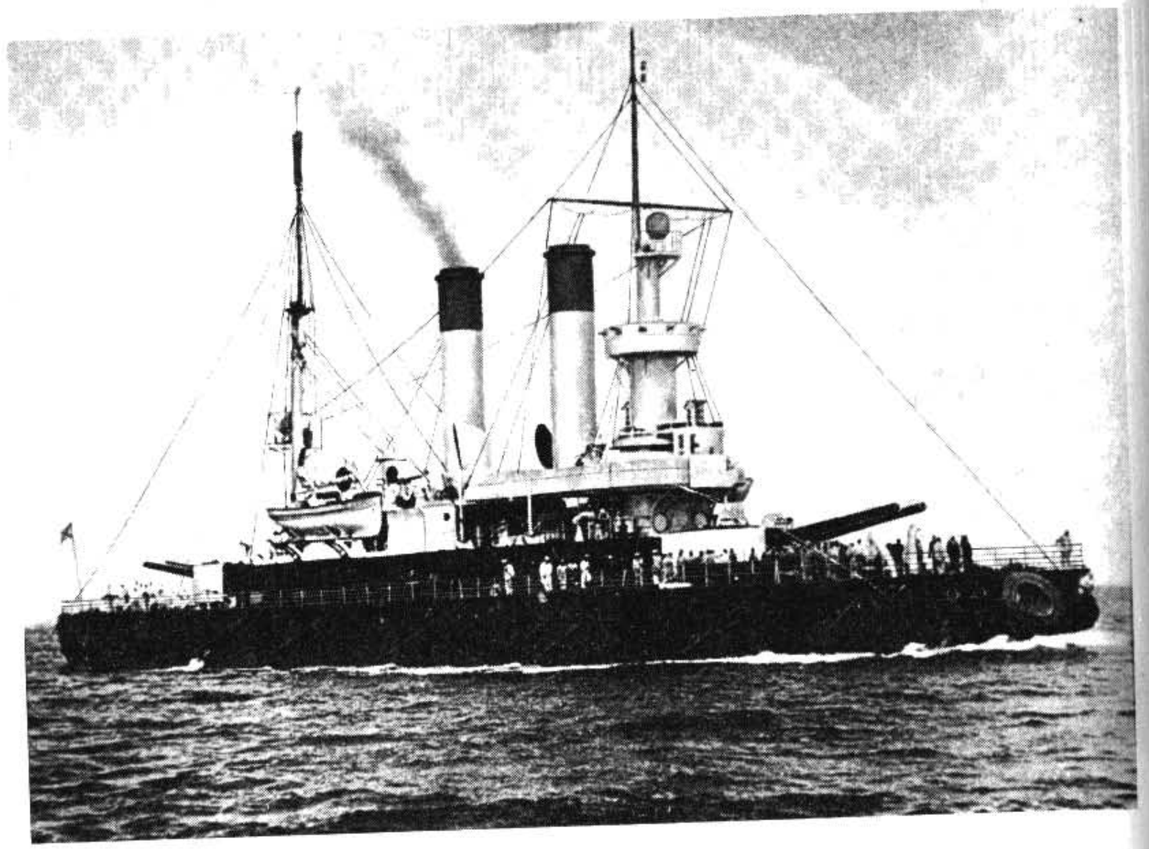
Через четыре дня после встречи с фон Дезиным шведский флот встретился, на высоте Дагерорта, с двумя нашими фрегатами, которые наблюдали за его движениями, и обменялись с ними салютами (с фрегатов салютовали по 11 выстрелов, а им ответствовано по 8). Спустя еще две недели, именно в ночь на 27 июня, наши фрегаты — «Ярославец» и «Гектор» — увидели неприятельский флот уже у Сурона (по западную сторону Ревеля) и согласились идти с этим известием — одному в Кронштадт, другому в Ревель. Ветер для них был противный и очень тихий, почему лавировка была безвыигрышна, и вскоре шведский флот окружил их. В 8-м часу утра командир «Ярославца» капитан 2 ранга Бордаков, вероятно догадываясь о готовившейся ему участи и желая поскорее выйти из неопределенного положения, отсалютовал 11 выстрелами; вместо ответа с неприятельского корабля пустили ему под корму три ядра. Бордаков послал офицера, чтобы прознать о причине такого поступка с ним; но посланного офицера арестовали и, переменив на шлюпке гребцов, прислали на ней своего офицера — с требованием немедленной сдачи: уже восемь дней как была объявлена война! Посоветовавшись с обер- и унтер-офицерами, Бордаков решился сдаться и в исходе 9-го часа спустил флаг, гюйс и вымпел. Другой фрегат, «Гектор», командуемый капитан-лейтенантом Колокольцовым, в это время лежал в дрейфе и по первому требованию тоже сдался *.

---

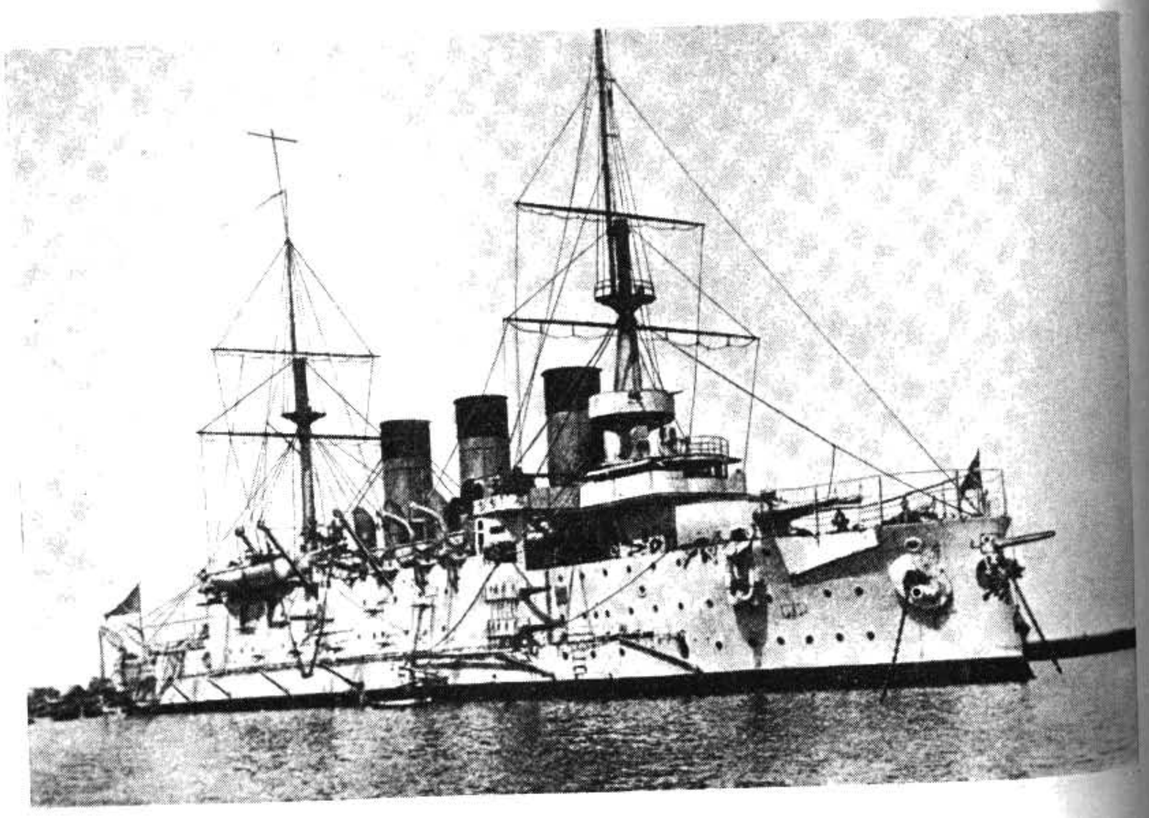
* Судимые, впоследствии эти офицеры были оправданы.



Военные суда на Неве



Броненосец береговой обороны "Адмирал Ушаков"



Эскадренный броненосец 1 ранга "Ослябя"

Так несчастливо для нас началась эта война, кончавшаяся так славно!.. Манифест о войне объявлен 29 июня.

Наши действительные морские силы тогда состояли из следующего числа судов.

У Кронштадта — 12 кораблей и 6 фрегатов, назначенных в Средиземное море; 5 кораблей и 1 фрегат, назначенные в здешнее (Балтийское) море; 4 корабля и 2 фрегата — запасные; всего — 21 корабль и 9 фрегатов.

У Копенгагена — 3 корабля, назначенные в Средиземное море.

У Архангельска — 5 кораблей и 2 фрегата.

Общая численность — 29 кораблей и 11 фрегатов, не считая кораблей и фрегатов, строившихся, переделывавшихся или совсем негодных. Не упоминаем также о мелких — транспортных, бомбардирских и посылочных судах; равно и о гребной флотилии, в этом году не принимавшей значительного участия в войне.

Очевидно, что шведам было бы выгоднее начать войну с нами тогда, когда ушли бы назначенные в Средиземное море лучшие суда — 15 кораблей и 6 фрегатов; но, с другой стороны, очень вероятно предположение, что одним из главнейших условий союза Швеции с Турциею было — не пропускать наш флот за Балтийское море.

Начальство над нашим флотом было поручено адмиралу Самуилу Карловичу Грейгу, приготовлявшемуся перед тем идти в Средиземное море.

Шотландец родом, сын вольного моряка, Грейг вступил в нашу службу в 1764 году с чином капитана; в 1769 году, при отправлении в Средиземное море, произведен в капитан-командоры, в 1770-м — в контр-адмиралы и за Чесменскую битву получил орден Святого Георгия 2-го класса; по возвращении из Средиземного моря, в 1775 году, произведен в вице-адмиралы и назначен главным командиром в Кронштадт; в 1782 году произведен в адмиралы. Грейг был моряк весьма сведущий, осторожный, но решительный; в летах еще — ему было пятьдесят три года. Императрица имела к нему большую доверенность, и когда получила весть о его кончине, отозвалась: «Это великая потеря — государственная потеря!» *

* Записки Храповицкого. Вот еще анекдот о Грейге, показывающий, какого мнения была о нем Екатерина: однажды, при спуске корабля в Петербурге, Грейг, заметив, что подпора должна упасть близко кресел, на которых сидела императрица, в испуге бросился к ней и поспешно отодвинул вместе с нею кресло. «Благодарю вас, адмирал, — сказала императрица, — что вы в первый раз в жизни оробели».

В самый день объявления манифеста, 29 июня, Грейг снялся с Кронштадтского рейда с 17 линейными кораблями (1—100-пушечный, 8 — 84-пушечных и 8 — 66-пушечных) и пошел навстречу неприятельскому флоту, который — было известно — приближался к нашим портам. Около полудня 6 июля, на юго-западе Гогланда, враждебные флоты встретились.

Ветер был тихий, нам попутный... у нас держали все возможные паруса и в 4-м часу пополудни стали сближаться со шведским флотом, лежавшим в линии, на правом галсе, в числе 23 судов (15 кораблей 70- и 60-пушечных и 8 линейных фрегатов). В 4 часа, когда наш флот тоже выстроился в линию и начал спускаться, шведы вдруг поворотили на левый галс; мы тоже поворотили и снова стали спускаться, корабль на корабль, линия на линию, не покушаясь на хитростные движения: силе и мужеству противопоставляя силу и мужество.

Вот порядок нашей линии перед начатием битвы:

«Дерись» (66-пушечный), «Память Евстафия» (66), «Кир-Иоанн» (74; контр-адмирал фон Дезин), «Ярослав» (74), «Виктор» (66), «Владислав» (74), «Изяслав» (66), «Ростислав» (100; адмирал Грейг), «Мстислав» (74), «Святой Петр» (74), «Святая Елена» (74 ; контр-адмирал Спиридов), «Родислав» (66), «Мечеслав» (66), «Вышеслав» (66), «Всеслав» (74; контр-адмирал Козлянинов), «Иоанн Богослов» (74), «Болеслав» (66).

(Линии эти, впрочем, на деле не соблюдали равных между кораблей дистанций, а теснились и растягивались, кому как случилось, и потому выдававшиеся здесь с края шведские суда не следует считать не бывшими в бою с самого начала.)

Битва началась в 5 часов пополудни, но не вдруг, — первые выстрелы последовали с передовых кораблей авангардии, вышедшей вперед, и прежде нежели поднят был сигнал «вступить в бой». Спускавшиеся корабли приводили к ветру, кому в каком расстоянии вздумалось, и начинали палить, не дожидаясь других. Ветер был очень тих, изменялся и штилел. Позже других вступила в бой арьергардия.

Рассмотрим подробности этой битвы, продолжавшейся сряду четыре часа и кончившейся страшным с обеих сторон истреблением.

Передовой корабль, «Болеслав», вскоре после вступления в битву, поворотил по ветру (от повреждений вероятно), прошел между обеих линий и на прежний галс привел уже в арьергардии. Второй спереди корабль, «Иоанн Богослов»,

через полчаса по вступлении в дело, получил подводную пробоину, от которой вода возвысилась до 45 дюймов; имея притом перебитыми многие снасти, корабль этот кинулся к ветру, — высланный катер, чтобы забуксировать нос, вскоре был разбит ядрами, прочие гребные суда тоже были повреждены, — сам собою поворотился против ветра и упал ниже других; миновав ближайший корабль «Всеслав», он, однако ж, поднялся к ветру, выше своей линии, и около часу лежал на этом галсе, будучи вне выстрелов, потому, — отзывался командир, — что поворотить против ветра не мог, а для поворота по ветру было тесно; наконец, он встретился как-то со шведским кораблем и... стал биться с ним, будучи на противных галсах. Было весьма тихо *. Третий корабль, «Всеслав», по уходе передних двух, бился с тремя неприятельскими кораблями, перед концом битвы принудил их спуститься и сам, имея большие повреждения, выбуксировался за линию, к арьергарду. Адмирал, бывший на корабле «Ростислав», в кордебаталии, сначала дрался с генерал-адмиральским кораблем, но через полчаса, будучи осаживаем «Мстиславом», который все пятился назад, наполнил гротмарсель, взял луф (вышел на ветер) и, обойдя два передних его корабля, вступил в линию между кораблями «Петр» и «Елена». Переходим к арьергарду. Самый задний корабль, «Дерись», еще не дойдя на выстрел, из опасения быть поставленным в два огня, поворотил на другой галс и вовсе не участвовал в битве **. Второй с зада, «Память Евстафия», два часа дрался против трех кораблей, но, имея много подводных пробоин, отчего вода возвысилась до 60 дюймов, и значительные повреждения в вооружении, тоже вышел за линию ***. Корабль «Владислав», более всех других потерпевший от повреждений, совсем упал под ветер, был обстреливаем с носу, с кормы и с бортов; и только в 10-м часу

---

* Командир, капитан Валронт, был обвинен в том, что, выйдя на ветер своей линии, не прибавлял парусов... почему и не мог выйти на простор, где можно поворотить; показание же его о битве на разных галсах, будто бы продолжавшейся до самого окончания дела, не принято за вероятное. Суд приговорил Валронта к смертной казни, а по конфирмации он написан в наши матросы.

** Командир этого корабля, капитан Коковцов, за это и за то, что не подал помощи кораблю «Владислав», был разжалован в матросы навечно.

*** Командир, капитан Баранов, обвиненный в том, что не испытывал средств заделать пробоины на месте битвы — впрочем не считая это упущение важным, ибо нашлись три пробоины, которых не было бы никакой возможности заделать на месте, — по суду приговорен к разжалованию в рядовые на месяц, а по конфирмации исключен из службы с тем, чтобы впредь никуда не принимать.

вечера, имея убитыми и ранеными 257 человек, капитан Берх, по совету с офицерами, решился сдаться. Бывший в крюйт-камере, у раздачи картузов, мичман Смирнов имел в готовности бочку пороху и зажженный фитиль, чтобы взорваться, если прикажут; но капитан пожалел бесплодно губить людей...

Прочие корабли дрались кому как способнее, нередко один с двумя и тремя неприятельскими кораблями; иногда, может быть, и на обороте — два и три с одним; вероятно, попадали и друг в друга. Но дрались отчаянно.

В половине 7-го часа авангардия и середина неприятельской линии стали было спускаться, но вскоре опять выстроились. Было уже маловетрие от юга. В 9-м часу вся шведская линия спустилась, а за нею и наша; но вскоре за тем шведы и мы снова привели к ветру уже в полном расстройстве линий. Тогда наш адмиральский корабль дрался с вице-адмиральским шведским и принудил его спустить флаг. В 10-м часу шведы стали окончательно отступать — наступала ночь — и наш адмирал поднял сигнал: «Прекратить сражение!»

Через полчаса к адмиралу был привезен его пленник: вице-адмирал граф Вахмейстер представил свою шпагу и флаг; шпагу ему возвратили. Пленный корабль был 70-пушечный, назывался «Принц Густав», на нем убитых и раненых 200 человек. Радуясь победе, тогда Грейг еще не знал об участи своего корабля «Владислав». Извещенный о пленении его уже в 12-м часу, сгоряча Грейг поднял было сигнал «Гнаться за неприятелем», но сигнала (сделанного флагами) по темноте не могли рассмотреть; потом он послал с этим приказанием шлюпку на ближайшие корабли, но эти корабли имели слишком большие повреждения, чтобы идти в погоню; арьергардия, меньше других потерпевшая, была далека.

Так кончилась эта битва, продолжительная и кровопролитная, с обеих сторон упорная, но безыскуственная. Неприятель был сильнее нас числом судов и, вероятно, количеством орудий; ветер, затихнувший с начала битвы и потом изменившийся, не усиливал преимущества одних над другими; оба флота были равно близки к своим портам (Свеаборг и Ревель, Карлскрона и Кронштадт) и дрались в открытом море. Шведы еще имели над нами огромное — мало замечаемое тактиками — преимущество: флот их уже более месяца ходил в море, команды его, следовательно, свыклись и приучились к маневрам; а наш только что вышел из порта, имея притом множество рекрутов. И при всем

при этом — мы победили. Победа была решительная, правда, и потери с обеих сторон, может быть, равные; но мы принудили шведов оставить море битвы и укрыться в портах. Последствия этого, как мы сейчас увидим, были весьма важные. Понесенные нашими судами главнейшие потери представляются в следующем списке.

Корабль — «Болеслав» (командир Андрей Денисов): численность команды — 608, убитых — 55, раненых — 155, пробоин — неизвестно; «Иоанн Богослов» (Степан Валронт): 720, 15, 27, 55; «Всеслав» (Михайло Макаров): 720, 35, 103, 40; «Вышеслав» (Самуэль Эльфинстон): 608, 52, 82, неизвестно; «Мечеслав» (Михайло Борисов): 608, 34, 84, 67; «Родислав» (Джемс Тревенин): 608, 24, 27, неизвестно; «Святая Елена» (Карл Брейер): 744, 6, 10, 35; «Святой Петр» (Денисон): 720, 22, 66, 76; «Мстислав» (Григорий Муловский): 816, 28, 60, 116; «Ростислав» (Астафий Одинцов): 1000, 17, 43, 121; «Изяслав» (Петр Карцов): 615, 10, 41, 108; «Владислав» (Амандус Берх): 754, убитых и раненых — 257, 34; «Виктор» (Козма Обольянинов): 599, 10, 20, 25; «Ярослав» (Иван Бикс): 666, 7, 29, 20; «Кир-Иоанн» (Джорж Тет): 740, 7, 22, 67; «Память Евстафия» (Андрей Баранов): 607, 4, 13, неизвестно; «Дерись» (Савва Коковцов): 585, (не участвовал в битве).

Итого, на 17 кораблях... убитых и раненых 1365. Офицеров (включенных в этот список) убито 8 и один гардемарин; ранено 14. Убиты следующие: на «Викторе» унтер-лейтенант Калашников, на «Владиславе» мичман Дурнов, на «Мстиславе» гардемарин Валгрин, на «Елене» мичман Певцов, на «Родиславе» гвардии поручик князь Долгоруков, на «Вышеславе» адъютант И. Круз, шкипер Чебушкин, ротмистр Гринвальд, секунд-майор (фамилия не установлена).

Повреждения в рангоуте, такелаже и парусах были весьма великие; некоторые суда загорались. О потерях неприятеля нам неизвестно, но, конечно, они были не меньше наших. Замечательно, что шведский герцог, вскоре после этой битвы, жаловался в письме к нашему адмиралу, что мы употребляли брандскугели, снаряды, неупотребительные в образованных нациях. Грейг отвечал, что хотя на наших судах и действительно были брандскугели, приготовленные для войны с турками, но что их не употребляли в настоящем случае и что, напротив, наши корабли загорались от подобных снарядов, пускаемых неприятелем. Герцог отрекся; на будущее время положили не действовать этими снарядами. Заметим еще, что наш адмирал и некоторые капитаны чрезвычайно хвалили удобство пушечных замков, и ад-

мирал просил прислать ему еще до тысячи их; вероятно, они были даны ему тогда на пробу.

Шведский флот, после этой битвы, ушел в Свеаборг, тогда принадлежавший им; наш укрылся за Сескаром, и более поврежденные корабли («Болеслав», «Вышеслав», «Мечеслав» — потом «Всеслав» — и пленный «Принц Густав») отосланы в Кронштадт; прочие исправлялись на месте.

В Петербурге, пока не получили известия о настоящей битве, очень опасались, чтобы шведы не сделали нападения на Ревельскую или Кронштадтскую гавани; приводили их в оборонительное положение и за Кронштадтский рейд вывели — сколько могли набрать оставшихся судов — 2 корабля, 1 фрегат, 2 бомбардирских судна и несколько плавучих батарей, поручив эту эскадру контр-адмиралу Крузу. Между тем исправляли и достраивали суда, готовили припасы на флот, набирали матросов и офицеров — последних из гвардейских полков и из греческого училища, сделав также усиленный выпуск из Морского корпуса, отовсюду сгоняли мастеровых на верфи — дворянство Костромской губернии прислало от себя плотников — и спешили привести флот в число большого военного положения, то есть 48 кораблей *. Для всех этих потребностей, сверх штатной суммы (около 2 с половиной миллионов) и кроме сверхштатных же издержек по приготовлению эскадры в Средиземное море, отпущено одновременно около полутора миллионов **.

Победа Грейга чрезвычайно обрадовала императрицу: она благодарила его собственноручным письмом и пожаловала орденом Святого Андрея Первозванного. «После бога,— писала она, — я должна этою победою вашим великим дарованиям, вашей твердости, вашей непоколебимой решимости к славе Российской Империи и Моей собственной... Заслуги ваши пребудут в Нашей памяти, и отечественной летописи передадут потомству имена — ваше и ваших храбрых сподвижников, увенчанные почтением и любовью...» Адмиралтейств-коллегия прислала ему «Похвальный лист», написанный «в засвидетельствование за его ревность, неутомимость и с неустрашимым мужеством соединенное благо-

---

* Положение 1782 года: кораблей 100-пушечных 8, 74 — 16, 66 — 24; фрегатов 32 — 6; брандвахт 2; шебек 8; посылочных судов 16; прамов 6; бомбардирских 4.

** Именно: на приумножение малых судов 323 250 р. 60 коп.; на прибавочные (к 40) 8 кораблей 1 148 644 р. 64 1/2 коп.; всего 1 471 895 р. 24 1/2 коп. К этому потом прибавлено 200 000 руб. на исправление судов после Гогландской битвы.

разумие». Протестованные офицеры, три командира кораблей, немедленно были преданы суду.

Оставшись, по уходе шведского флота в Свеаборг, господствующими на Балтийском море, нам предстояло теперь удерживать за собою это господство и тесною блокадою Свеаборга принудить шведский флот если не к сдаче, то к бездействию. Рассмотрим, как это было выполнено.

Эскадра Грейга, исправившись и заменив очень поврежденные корабли новыми (из назначавшихся в запас: 74-пушечный «Константин», 66-пушечные «Пантелеймон», «Победоносец» и «Святослав»; впоследствии присоединились и исправлявшиеся), снялась от Сескара 18 июля, но на другой день, по причине шторма, была принуждена возвратиться и вторично вышла 25-го. Подойдя к Свеаборгу, увидели вышедшими оттуда 4 корабля, которые тотчас же побежали в порт; но один из них, 64-пушечный «Принц Густав Адольф» стал на камень и сдался нам. Сняв команду, его сожгли. Потом наша эскадра отошла к Ревелю и оттуда, посредством крейсеров, имела самый бдительный надзор за Свеаборгом. Множество больных на флоте — необходимое условие тогдашних плаваний — и затруднительное снабжение водою в Ревеле (наливались в Бригитовке) были самыми побудительными и основательными причинами не держаться постоянно в море. Будучи, однако ж, всегда в готовности выйти, адмирал выходил при всяком известии о замечаемых движениях в Свеаборге, и под конец кампании выходил довольно часто. В начале и нужды большой не было... В половине августа был учрежден постоянный пост у Гангэудда, состоявший из 3 кораблей и 2 фрегатов под командою старшего из командиров судов капитана Тревенина. Этим было совершенно прекращено морское сообщение Финляндии со Швециею, ибо Гангэуддский мыс, далеко выдаваясь в море, непреоборимо разделяет шхерный фарватер. С другой стороны, крейсера перед Свеаборгом не допускали подвозов открытым морем. Поэтому шведский флот в Свеаборге терпел крайнюю нужду и много раз покушался выйти оттуда.

Между тем образовался другой страж его, с другой стороны. В начале мы говорили о посылке в Копенгаген трех 100-пушечных кораблей и четырех транспортов. Суда эти, назначавшиеся в Средиземное море, были оставлены в Копенгагене. Там присоединились к ним два, построенные для нас в Англии, коттера и два транспорта, отправленные из Кронштадта в Архангельск с артиллериею и припасами для тамошних кораблей. В первое время действия контр-адмира-

ла фон Дезина ограничивались тем только, что он посылал в Каттегат для перехватывания шведских купеческих судов оба коттера, которые и захватили их несколько; сам сделал небольшую высадку около Эльзинера — выжгли местечко и взяли двух человек в плен; да проводил за Дернеус назначенные в Архангельск транспорты, из которых один на другой же день был взят шведами («Кильдюин», командир капитан 2 ранга Лавров), а другой («Соломбал», капитан князь Вяземский) воротился, едва избежав плена. Множество больных на эскадре стесняли дальнейшую деятельность фон Дезина. Но потом, в половине августа, именно когда окончились наши переговоры с Данией и Дания обязалась быть деятельною союзницею, фон Дезин получил приказание: соединиться с датскою эскадрою и идти для крейерства в Балтийское море. Датчане дали 3 корабля (2 — 70-пушечных и 1 — 60-пушечный) и 1 фрегат; между тем подошли и наши архангельские суда — 4 корабля и 2 фрегата (1 корабль повредился и зазимовал в Христианзанде). Вся эта соединенная эскадра — всего 10 кораблей, 3 фрегата и мелкие суда — по преодолении различных затруднений 22 сентября заняла станцию между Эландом и Карлскроной. Таким образом, если бы теперь шведская эскадра и вышла из Свеаборга, то преследуемая с одной стороны нашею от Ревеля, с другой была бы встречена перед Карлскроною. Больше ей идти было некуда.

Крейерство фон Дезина продолжалось здесь около месяца. Повреждения на судах, недостаток воды и — главное — усилившиеся болезни принудили возвратиться в Копенгаген, куда и прибыли 29 октября; некоторые корабли воротились еще прежде.

Возвратимся к Ревельской эскадре. Грейг, в конце сентября, захворал и сдал команду старшему по нем, контр-адмиралу Козлянинову. Приближалась зима, и в начале октября было повелено кончить кампанию, «которая, — сказано в указе на имя Грейга, — делала нашим не мало пользы, а вам большую честь приносит». 6 кораблей были отправлены в Кронштадт, 3 к Копенгагену, а остальные 10 — это было уже в половине октября — втянулись в гавань, находясь, однако ж, в готовности выйти по востребованию. 16 октября скончался и Грейг.

Условия наших портов, из которых один, Кронштадт, рано покрывается льдом, а другой, Ревель, тесен и неудобен, принудили нас окончить кампанию ранее, нежели следовало. Тогда вспомнили и Балтийский порт, так зорко выбранный Петром; но Балтийский порт был уже давно оставлен. Надеялись, впрочем, что шведы не рискнут выйти из Свеаборга в такую позднюю пору. Но шведы только и выжидали этой поры: 9 ноября вышли из Свеаборга, никем не стерегомого, и благополучно достигли Карлскроны. Война продлилась еще на два года.

Рапорт командира корабля «Владислав»

(капитана бригадирского ранга Амандуса Берха, поданный им по возвращении из плена в 1790 г.)

«Июля 6-го, 1788 года, вследствие данного сигнала по сделании линии дебаталии в ту же саму минуту, как и адмиральский корабль, лег я в дрейф и начал сражение с первою его пушкою в начале 5-го часа пополудни. Корабль мой, находясь в кордебаталии, третьим от адмиральского, имел битву с противным себе третьим же от герцога Зюдерманландского. Беспрепятственный дым препятствовал о других наших кораблях примечание иметь. С самого начала сражения убит на юте мичман Дурнов и два матроса, флаг сбит — его вскоре подняли... Через час, как кажется (ибо не можно было точно означить времени...), компасы соскочили со шпилек от пушечной стрельбы. В 6-й час: перестрелено много снастей и парусов... с носу третью пушку разорвало, и при этом убита вся прислуга, кроме комендора; на грот-марсе убито 10 человек. В 7-й час: сбило фор-марсель... и за повреждением рея не было возможности его поднять... Старался парусами и подмогою катера сделать корабль рулю послушным, но не имел в этом успеха. В сие время отбило у пяти пушек станки и два порта вышибло; людей убито: на шканцах 15, на баке 10, по палубам в разных местах 7, а у одной пушки всех людей. Командовавший авангардиею, обращенною тогда в ариергардию, проходил мимо меня, выпавшего уже тогда из линии, и примкнул своим кораблем линию. В 8-й час: видя, что урон сей причиняем был от стояния корабля носом к неприятельским лагам, который, будучи несен вдоль по линии, всегда от двух кораблей был встречаем и провожаем, горячность и мщение платить за смерть смертью возгорелось во мне. Видя у себя на ветре еще четыре корабля, которые, думал, спустятся ко мне в линию, совершенно надеялся разбить оставшиеся против меня 7 шведских кораблей. Долго показалось мне ставить свой корабль на шпринг, и для того поворотил на правый галс, чтобы, тем самым несколько удалясь, поправиться парусами и прочим, также дать

время поостынуть разгоряченным орудиям или, отшед, если не удастся поправиться парусами, то думал лечь на другой якорь, сделав шпринг... Как скоро корабль начал приходить на канат, то я, отрубив оный, поворотил на другой галс и начал производить пальбу с ядрами и картечами; неприятель ответствовал мне тем же. Я поднял знак, что требую помощи. Грот, поставленный после упада марселя, по невозможности поднять последнего, загорелся было с подветренной стороны, но его погасили и взяли на гитовы, ибо много мешал орудию. У якоря... перебило канат и кран-балку, и он упал в воду. Всю правую сторону бака разбило, и корабль сильно понесло к неприятельской авангардии. Тогда же увидел, что в ближнем расстоянии идет корабль «Виктор», а корабль «Дерись» поворачивал на правый галс (в другой раз?). В 9-й час: корабль «Виктор» проходил мимо нас на ветре; я просил командующего, чтобы примкнул к линии и дал бы мне помощь шлюпками, потому что мои суда во время сражения все расстреляны, да и спустить было нечем за перестрелом почти всех снастей; с корабля «Виктор» прислан катер. Корабли «Дерись» и «Виктор» были видны в кабельтове на ветре, а корабль «Богослов» до пяти кабельтовых, идущие под всеми парусами... Во время лежания на седьмом галсе убито у меня до 30 человек. Катерами — своим и «викторским» — поворотил на левый галс, но с оного корабль поворачивался опять на правый с такою силою, что ничем не можно было удержать; почему и старался, видя, что он лучше держится на правом галсе, поворотить на оный, дабы хотя вдоль по кораблю не били. Сие сделав, стали по-прежнему с левой стороны палить ядрами и книпелями, ожидая помощи. В 10-й час: не получив оной, увидел я, что другие наши корабли держатся на ветре и к нам не спускаются — иные под всеми парусами... примыкая ко флоту, и хотя палят в защиту мою, но ядра их ложатся не далее форштевня моего. По требованию командующего кораблем «Виктор» отослал я его катер, который уже и мало пособия сделал, ибо оба катера не могли удерживать батареи к неприятелю. Я имел перед глазами неминуемую опасность потерять свой корабль; за отдаленностью мели некуда мне было его поставить; потопить также не можно было за неимением гребных судов для спасения команды. А хотя бы я и решился, пробившись сквозь неприятельскую линию идти к неприятельскому берегу, чтобы лучше на оном поставить свой корабль, нежели отдать неприятелю в руки, но сего не мог я сделать, как за маловетрием, так и за совершенным пов-

реждением парусов и всего такелажа. Мало спустя отослал и свой катер, отправив на оном трех младших мичманов и трех гардемарин. С четверть часа после того... корабль поворотился носом к неприятелю, и только одна баковая пушка с левой стороны могла действовать. Посему собрал на шканцы офицеров и предложил, что, поелику мы которой батареи открыть не можем, много станков сбитых, корабль как в мачтах, особливо в стеньгах и в такелаже, так и в корпусе весьма поврежден и получил в короткое время больше... воды, хотя и отливали оную; что на мель некуда поставить; потопить также нельзя, потому что нет средства людей спасти; три неприятельских корабля с носу, а другие два уже с боку и на ветре по другую сторону вошли; кордебаталия и авангардия шведские видны хотя назади, но ко мне идущие; флот наш в сумерках казался очень отдалившимся и только что некоторые корабли ближние видны, то я во всем сем и требовал у них совета. Все офицеры согласились на то, чтобы в силу Морского устава, капитанской должности... для вышеупомянутых причин сдаться. Да и команда на то изъявила свое согласие единогласным криком: «Отец наш! делай, что хочешь, мы отдаемся тебе в полную власть!» Капитан-поручик Кузьмищев при сем мне донес, что мичман Смирнов, определенный от меня в крюйт-камере для раздачи и насыпки картузов, изготовил бочку с порохом и хранил зажженный фитиль, как скоро я повелю оный в нее бросить. Таковые отчаянные мысли моих подчиненных и неизбежно угрожавшая погибель подвигли меня на жалость и довели смущенные мысли мои до чувствия согласиться с их голосом и отдаться для общего спасения в плен. Я велел бить отбой. В исходе 10-го часа, связав секретные ордера и сигналы, также книги и шнурованные журналы на книпеле бросил в воду, а черный журнал спрятал за пазуху (который, сохранив до сего времени, при сем представляю). После сего закричал на ближний неприятельский корабль, что больше не дерусь, и сдались. Убитых у себя считал при конце сражения до 200 человек; но как после я слышал от королевского адъютанта, при отправлении пленных в Стокгольм было здоровых 412 человек, а в госпитале осталось 65; то по сему счету явилось убитых и тяжелораненых 227, да 30 раненых осталось в Свеаборге, из которых 15 тяжелых. По сей день сражения было на корабле всей команды, с денщиками и слугами, 754 человека, из которых на катере отправлено 18, то и было недействующих при конце баталии 257(259?). На третий день моего плена герцог Зюдерман-

ландский говорил мне, что он осматривал мой корабль и нашел на правой стороне, на глубине одного фута под водою, 27 прострелов да на левой 7; сие самое подтвердил мне и тиммерман наш, бывший при том осмотре. Во все время сражения сделано с корабля 2035 выстрелов, что приписываю скорой пальбе привязанных к пушкам замков, которые чрезвычайно хорошее действие имели.

Объяснив все сие, должен сие присовокупить, что как нигде в морских уставах не узаконено, именно сколько должно иметь каждому кораблю при сражении на воде шлюпок, то я еще за 5 дней спрашивал на это повеление у главнокомандующего. Он сказал мне, чтобы в таком случае смотреть на его корабль и иметь столько же. При начале сражения я не приметил у флагманского корабля больше одного гребного судна, а потому и имел на воде только катер. К тому же еще и не знал, в каком расстоянии от неприятеля будет иметь сражение, в ближнем ли, как в самом деле случилось, или в дальнем. Но, видя, что адмиральский корабль идет в линии только с кораблем «Мстислав» и еще с другим, поспешил я поставить все паруса... дабы поспеть вместе; и едва только успел убрать оные и оставить обыкновенные в сражении, как и начал бой; а тогда уже скоро обстреляны были такелаж и шлюпки, из которых одна уже заложена была к спуску; после же сего ни одного гребного судна не мог спустить, за разбитием оных и имея все снасти поврежденные».

Под флагом Ушакова

Р. Скаловский[1]

В ПОХОДАХ И СРАЖЕНИЯХ

...Главное начальство над Черноморским корабельным флотом в 1790 году поручено Ушакову, произведенному в этом году в контр-адмиралы, сорока пяти лет от роду...

В течение зимы Севастопольский флот усилен был несколькими новыми судами и снабжен лучшими запасами. Он готовился к выходу в море по миновании равноденственных мартовских бурь, и Ушаков, возвратившись в апреле из Ясс, куда он ездил для совещаний с князем Потемкиным,

[1] О выпускнике Морского корпуса генерал-майоре Ростиславе Карповиче Скаловском (1811—1873) его современники уважительно говорили, что он изустные предания о славных подвигах флота заменил красноречивыми историческими повествованиями. И действительно, представитель известной флотской фамилии стал больше известен как автор увлекательных описаний боевой деятельности русского флота, а в особенности как биограф Ф. Ф. Ушакова. Его книга «Жизнь адмирала Федора Федоровича Ушакова», вышедшая в Санкт-Петербурге в 1856 г., пользовалась огромной популярностью не только у историков, писателей, военных моряков, но и у широкого круга читателей.

приготовлялся открыть кампанию нападениями на берега Анатолии. Для этого составлена была эскадра из трех малых 50-пушечных кораблей («Св. Александр Невский», «Св. Андрей» и «Св. Георгий Победоносец»), четырех 44-пушечных фрегатов («Иероним», «Амвросий Медиоланский», «Иоанн Воинственник» и «Нестор Преподобный»), одного репетичного[1] и одиннадцати крейсерских судов. 16 мая Ушаков вышел из Севастополя, имея флаг на корабле «Св. Александр» (капитан 2 ранга Языков), и первое плавание его было к Синопу. 21-го числа эскадра подошла на вид Синопских берегов; тогда крейсерские суда, разделенные на три отряда, посланы были вперед для поисков и к вечеру того же дня успели захватить под берегом два судна; крепость и батареи, защищавшие вход в бухту, открыли по ним жестокий огонь, но не нанесли никакого вреда. Между тем адмирал спешил войти на рейд, желая застать в беспорядке находившиеся там военные суда, из числа коих явственно можно было распознать два фрегата; однако, застигнутый ночной темнотою, он принужден был с кораблями и фрегатами своими расположиться пред входом в бухту, чтобы воспрепятствовать всякому покушению неприятеля к бегству, и провел всю почь под парусами, лавируя или лежа в дрейфе, а для обеспокаивания... и наведения... страха жег на всех судах своих огни и делал многие сигналы пушечными выстрелами, фонарями, фальшфейерами и ракетами. Действия эти произвели заметную тревогу в городе, по берегам и на судах, которая доказывалась беспорядочною пушечною и ружейною пальбою неприятеля, продолжавшеюся до рассвета. 22 мая, рано утром, эскадра вошла в средину Синопской бухты и нашла стоящие на якоре под крепостию два фрегата, одну шхуну, один кирланчиг, одну полугалеру, три лансона и одну чектырму да на элинге строящиеся один корабль и две таитии. «Я намерен был, — доносит адмирал, — в то же самое время их атаковать, но тихость восточного ветра воспрепятствовала, и при том сказалось, что должно, проходя батареи бухтою к судам, идти не малое расстояние прямо носом против всех их бортов и крепостных пушек; посему в предосторожность, дабы не случилось повреждение мачт, почел оную атаку бесполезною, ибо намерен искать впредь дел важнейших. Вместо ж того, разными движениями эскадры

[1] Для повторения и передачи сигналов с адмиральского корабля выделялись фрегаты или другие суда, которые назывались репетичными.

и перепалкою с кораблей, всем синопским жителям и судам там находящимся наносил беспрестанно великий страх. Суда в такой были робости, что против крепости придвинулись вплоть к самой мелкости и беспрестанно места свои переменяли. Я, с эскадрой проходя близ оных (в одиннадцатом часу утра), сделал по ним и по береговым батареям довольный огонь и потому лег на якорь, а корабль «Св. Георгий» (капитан 2 ранга Поскочин) послал ближе еще вперед пройти и нанести им более страху». Эскадра производила сильную канонаду по городу и предместьям; ядра разрушали стены крепости, и бранскугели неоднократно причиняли пожар. Буксируясь гребными судами с эскадры, «Св. Георгий» успел пройти далее в бухту и открыл удачную пальбу по крепости и фрегатам; сам же он не понес никакого повреждения и имел только двух матросов, раненных щепою от марсового поручня, разбитого ядром. Во весь тот день, в продолжение всей ночи и до полдня следующего дня берега усеяны были многочисленными толпами народа и производилась беспорядочная пушечная и ружейная пальба из города, батарей и судов. В течение этого времени крейсерские суда под прикрытием двух фрегатов («Иоанн Воинственник» и «Нестор Преподобный») и репетичного судна «Полоцк» делали успешные поиски у соседних берегов; они взяли в плен восемь судов и загнали на берег и потопили четыре, шедших от Анатольских берегов в Константинополь. Турки старались на баркасах спастись на берег, но многие из них были перестреляны или потоплены; взято же в плен 80 турок, 14 турчанок, 51 грек, 3 армянина, 14 невольников черкес, везенных в Константинополь для продажи, 27 взрослых черкесских девушек и 12 наших солдат разных полков, бывших в плену и везенных для продажи; всего 201 человек. Взятые суда нагружены были пшеницей, и так как два из них оказались неблагонадежны к плаванию, то адмирал приказал пшеницу сгрузить на эскадру, а суда подвести к городу и сжечь...

24-го числа эскадра оставила Синопскую бухту и следовала вдоль берега к Самсуну, истребив на этом пути два небольшие турецкие судна. 25-го числа крейсерские суда получили приказание войти в самую средину Самсунской бухты и произвели там жестокую пальбу; эскадра последовала за ними, но адмирал, не нашед ни одного военного судна и довольствуясь распространением страха в городе и его окрестности, оставался на рейде не более, сколько надобно было для подробного осмотра местности и снятия

плана крепости, после чего, пользуясь крепким восточным ветром, направил путь свой к Анапе, где находились линейный неприятельский корабль и фрегат, о чем узнал он от пленных. Однако, задерживаемый вскоре наступившими маловетриями и туманами, Ушаков только 29 мая мог подойти на вид Анапских берегов.

...Увидя русскую эскадру, турки ожидали нового нападения и увеличили средства своей защиты. На рейде стояли: линейный корабль, фрегат, две вооруженные таитии и пять купеческих судов, но все они подтянулись на мелководие, под самые стены крепости, причем корабль и фрегат для облегчения себя свезли на берег груз и часть орудий, из которых устроены были сильные береговые батареи, защищавшие с обеих сторон вход на рейд; самые же суда на шпрингах обратились бортами ко входу.

...Не видя, однако, возможности нанести неприятельским судам решительного поражения, потому что «к истреблению оных недоставало одного или двух бомбардирских судов, брандеров и надобились также два или три гребные судна с большими пушками», адмирал принужден был оставить Анапский рейд, 1 июня, и согласно с данным ему повелением 5-го числа благополучно возвратился в Севастополь для соединения с остальной частью флота, находившеюся в готовности. Итак, в продолжение этого трехнедельного плавания эскадра «обошла всю восточную сторону Анатолии и берега Абхазские, от Синопа до Анапы, господствуя сильною рукою при оных»...

Известие об этом нападении заставило турецкий флот поспешить выходом в море. Потемкин приказал Ушакову немедленно идти навстречу неприятелю... Ушаков, на корабле «Рождество Христово», вышел из Севастополя 2 июля с флотом из 10 кораблей (5 больших и 5 малых), 6 фрегатов, 1 бомбардирского корабля, 1 репетичного, 13 крейсерских и 2 брандеров; всего 33 судна. Имея все причины ожидать появления турецкого флота со стороны Анапы, он пошел к Еникальскому проливу и расположился на якоре у мыса Таклы, чтобы заградить Азовское море и сопредельные берега Крыма. Предположение это сбылось, и 8 июля, в половине девятого часа поутру, при мрачной погоде... показался неприятель, идуший под всеми парусами от Анапского берега прямо к русскому флоту. Он имел 10 линейных кораблей (в том числе четыре флагманских и 4 «отменной величины»), 8 фрегатов и 36 разных судов, как-то: бомбардирских кораблей, шебек, бригантин, шайтанов, лансонов и кирлангичей, под начальством капудана-паши Гуссейна *. Флот наш немедленно снялся с якоря...

Капудан-паша, выслав вперед бомбардирские суда, спешил под прикрытием их устроить линию баталии, параллельно русской; фрегаты его составили наветренный дивизион, а мелкие суда держались на ветре у последних... К полудню оба флота достаточно сблизились, и турки показывали нетерпеливое желание сразиться. Первый выстрел был сделан ими и послужил знаком к сражению, которое немедленно началось с обеих сторон. Неприятель направил главную атаку на авангард наш, в намерении окружить его и поставить в два огня. Однако бригадир флота капитан Голенкин, командовавший передовой эскадрой, храбро выдержал и отразил это нападение и привел неприятеля в такое расстройство и замешательство, что последний значительно уменьшил пальбу свою. В донесении адмирала сказано:

«Капудан-паша беспрестанно усиливал атаку, подкрепляя оную прибавлением кораблей и многими разными судами с большими орудиями. К отвращению сего, по учиненным от меня сигналам, фрегаты отделились из линии для корпуса резерва... а корабли плотно сомкнули свою дистанцию; и я с кордебаталией, прибавя парусов, спешил подойти против усиливавшегося неприятеля. Последовавшая в сие время (в исходе 3-го часа пополудни) в пользу нашу перемена ветра на четыре румба подала случай приблизиться к оному на такую дистанцию, что картечь из малых пушек могла быть действительна. Неприятель, приметя перемену сего положения, пришел в замешательство и начал прямо против моего корабля и передового перед мною корабля «Преображение» поворачивать всею густою колонною... а другие, поворачивая ж по ветру, спустились к нам еще ближе... Следующий пред мной корабль «Преображение» и находящийся под флагом моим корабль «Рождество Христово» произвели по всем им столь жестокий огонь, что причинили великий вред на многих кораблях, в том числе и на корабле самого капудана-паши. Из оных весьма пов-

* Число и величину неприятельских судов заимствуем из подлинного донесения Ушакова, из журнала флагманского корабля его и из частных писем его к разным лицам. Но в «Собрании реляций с 1787 по 1791», часть I, стр. 110, сказано, что неприятельский флот был «в числе 18 кораблей, и между ими 4 флагманских да еще четыре ж отменной величины; фрегатов, бомбардов, шебек, бригантин и кирлангичей всего 36, а сверх того несколько меньших вооруженных».

режденные два корабля в стеньгах и реях и один из них в руле, со сбитою бизань-мачтою, упали на нашу линию и шли столь близко, что опасался я сцепления с некоторыми из наших задних кораблей. Вице-адмиральский корабль также весьма поврежден, поэтому ж он, упав под ветер, прошел всю нашу линию весьма близко, и чрез то сей корабль и помянутые два остались совсем уже разбитыми до крайности. С некоторых кораблей флаги сбиты долой, из которых посланными с корабля «Георгия» шлюпками один вице-адмиральский взят и привезен на корабль *. Капудан-паша, защищая поврежденные и упавшие свои корабли, со всеми ими и многими разными судами спустился под ветер и проходил контргалсом параллельно линию нашу весьма близко, чрез что потерпел со всеми ими также немалый вред. Великое повреждение его кораблей и множество побитого экипажа было весьма заметно; при оном же сражении кирлангич одна с людьми потоплена **. Я, с передовыми будучи уже на ветре и желая воспользоваться сим случаем, чтобы возобновить нападение с наветра, сделал сигнал: авангардии всей вдруг поворотить... кораблю «Рождество Христово» быть передовым; и сигналом же велел всем кораблям, не наблюдая своих мест, каждому по способности случая с крайней поспешностью войти в кильватер моего корабля, чрез что линия... устроилась весьма скоро на ветре у неприятеля, который, приходя от того в замешательство, принужден был устраивать линию свою под ветром и, прибавив парусов, растянул оную против нашей линии, закрываясь многими судами, которые всеми возможностями старались вспомоществовать своим поврежденным кораблям. Сколько я ни старался, чтобы, с наветру подавшись вперед против неприятельской линии, со всеми силами ударить на нее, но легкость хода их кораблей спасала их от сего предприятия и от совершенной гибели. Я, по учинении сигнала о погоне, имея на флоте все паруса, гнался за бегущим неприятелем и спускался к нему ближе, но в скорости догнать их на порядочную дистанцию не мог, а последовавшая ночная темнота весь флот неприятельский закрыла от нас из виду. И чрез сие лишились мы видимой, бывшей уже почти в руках наших, знатной добычи. Хотя ж всю ночь, находясь в линии, следовал за неприятелем, спускаясь от ветра, но при весьма темной ночи не мог видеть, куда он сделал свой оборот: к Синопу или к Румельским берегам, неизвестно. Поутру, 9-го числа, оного уже нигде не видел и потому, имея на флоте некоторые повреждения в мачтах, реях и стеньгах, для поправления потребностей пошел и остановился на якорях против Феодосийской бухты. Жестокий и беспрерывный бой с неприятельским флотом продолжался от 12 часов пополуночи до 5 часов пополудни».

В журнале флагманского корабля «Рождество Христово» сказано: «Неприятель многократно покушался бежать под ветер, и как скоро замечал, что я со флотом, делая сигнал о погоне, также спускался с поспешностию на него, он приводил корабли свои паки в бейдевинд, а чрез то оставался флот их большею частию впереди, и заметно, что, провождая он время, ожидал темноты ночной. В исходе 8-го часа наступившая ночная темнота начала закрывать флот неприятельский, и в 9-м часу оный совершенно скрылся... Хотя и не видно уже было неприятеля, который шел не зажигая нигде огней на кораблях своих, однако я, желая продолжать погоню и полагая, что он ночью пойдет тем же курсом, не убавляя парусов, также со всем флотом, шел тем же курсом, спускаясь несколько под ветер, дабы от него не отделиться и уповая при рассвете дня или даже еще ночью, ежели пройдет бывшая тогда мрачность и луна покажет свет свой, паки его увидеть. Дабы флот мне вверенный держался соединенно и следовал за мною по сигналам, на всех судах зажжены были огни и они шли под всеми парусами. В 6-м часу пополуночи, 9-го числа... подходя на вид Феодосии, не в дальнем расстоянии от оной лег на якорь. По принесении за одержанную победу благодарственного молебствия, при пушечной пальбе со всего флота суда приступили к починке повреждений и 10-го числа пополудни вступили под паруса, для следования в Севастополь, куда благополучно прибыли к вечеру 12-го числа».

Сражение 8 июля было упорное и продолжалось пять часов. На русской эскадре убитых два обер-офицера (мичман Антунич и морской артиллерии лейтенант Галкин) и нижних чинов 27; раненых: четыре обер-офицера (флота лейтенанты: Федор Карамзин, Михайло Леонтьев, Константин Патанноти и шхипер Степан Рябиков) и нижних чинов 64

* Корабль «Св. Георгий» настиг один из турецких кораблей, более прочих упавший за русскую линию, и имел возможность завладеть им, но большая часть неприятельского флота начала спускаться к нему на помощь.

** Один большой кирлангич потоплен подле капудан-пашинского корабля со всеми людьми, для спасения коих хотя и посланы были от наших ближних кораблей шлюпки, но неприятель картечами в том воспрепятствовал.

Турки же были «совершенно разбиты»; на судах их находилось большое количество десантного войска, и артиллерия наша производила между ими величайшее опустошение. Когда, в 3 часа пополудни, передовой корабль турецкого флота под вице-адмиральским флагом... и следовавшие за ним другие два корабля, принужденные поворотить через фордевинд, проходили контр-галсом русскую линию, в расстоянии пистолетного выстрела, экипажи их, осыпаемые картечью и ядрами, сбежали с верхних палуб и закрыли все пушечные порты со стороны, обращенной к русской эскадре. Корабль патрон-бея (контр-адмирала) два раза загорался от брандскугелей, но пожар успевали гасить. Наконец турецкие суда принуждены были в беспорядке обратиться в бегство, и из них наиболее пострадавшие, не в состоянии будучи держаться с флотом, устремились в Синоп, к Румельским берегам и к устьям Дуная для исправления повреждений; несколько же мелких судов потонуло на пути.

(О сражении этом Ушаков писал де Рибасу [1]:

«Корабль «Рождество Христово». 1790 года июля 10 дня. Близ Феодосии.

Милостивый государь,

Иосиф Михайлович!

Имею честь уведомить вас, Милостивый Государь, что 8-го числа сего месяца имел я против Еникальского пролива и реки Кубани жестокое сражение с турецким неприятельским флотом, состоявшим в 10 отборных из лучших кораблей, 8 фрегатов и 36 разных судов: бомбардирских, шебек, бригантин, шантий, лансанов и кирлангичей. По продолжении пяти часов жестокого боя неприятель весьма разбит; три корабля и многие другие защитою всего их флота едва спасены от наших рук, и никак бы увести их не могли, да и прочие подверглись бы неминуемому разбитию от нашего флота, если бы не укрыла их из нашего виду темнота ночная, при которой все они спаслись бегством, но не знаю, куды путь свой взяли: в Синоп или к Румельским берегам. Наш урон не велик: убитых разных чинов 29 и раненых 68 человек, а на неприятельском флоте урону должно быть чрезвычайному».)

---

[1] Хосе де Рибас — Дерибáс Осип (Иосиф) Михайлович, адмирал. По национальности испанец. С двадцатитрехлетнего возраста (с 1772 г.) на службе в русском флоте. Участник русско-турецкой войны 1768—1774 и 1787—1791 гг. При штурме Измаила командовал гребной флотилией и десантом. Позже руководил строительством Одессы.

Темнота ночи и ходкость турецких кораблей не позволили настичь бегущего неприятеля и, по всей вероятности, завладеть несколькими разбитыми судами его, в том числе кораблем самого капудана-паши, поврежденным более прочих...

Таким образом уничтожено было намерение неприятеля на Тавриду. Лейтенант Лошкарев, посланный к князю Потемкину из Феодосии с донесением о сражении, представил ему кормовой флаг, сбитый у одного турецкого корабля, и засвидетельствование адмирала в том, что подчиненные его исполняли долг свой с совершенным рвением и храбростию. В особенности указывал он на действия начальника авангардной эскадры бригадира Голенкина, флота капитанов: 1 ранга Шапилова, Вильсона, Кумани; 2 ранга Обольянинова, Саблина, Заостровского, Языкова, Елчанинова, Поскочина, флаг-капитана Данилова и начальника полевой команды полковника Чиркова. Ушаков награжден был (июля 29) орденом Св. Владимира 2 степени, и Потемкин, в донесении своем императрице, называет его достойным, храбрым и искусным начальником.

Возвратившись на Севастопольский рейд, Ушаков исправил все повреждения судов, переменил избитые мачты, стеньги и реи и 25 августа вышел опять в море с 10 кораблями, 6 фрегатами, 1 репетичным судном, 1 бомбардирским, 17 крейсерскими и 2 брандерами; всего 37... судов...

Желая первоначально соединиться с Лиманской эскадрой, флот, тремя колоннами, поплыл к Очакову, чтобы отправиться потом для отыскания неприятеля, находившегося, — сколько известно было по слухам, — близ устьев Дуная, в готовности следовать к южному берегу Крыма. Капудан-паша, тот же Гуссейн, начальствовал турецким флотом, но получил в советники престарелого капитана-бея, или полного адмирала, Сайт-Бея, у него было 14 больших линейных кораблей, 8 больших фрегатов и 23 мелких и «разной хорошей постройки» судов. 28 августа, в 6 часов утра, ...с адмиральского корабля увидели под ветром неприятельские суда на якоре между Тендрой и Гаджибейским берегом, в 40 верстах от берега. Главнокомандующий, немедленно известив о том флот, приказал нести все паруса и направился прямо на неприятеля, чтобы воспользоваться его замешательством. Турки, едва увидели подходящий русский флот, готовый к нападению, были до того испуганы, что, невзирая на превосходство свое в силах, отрубили канаты и в 9 ча-

сов утра в беспорядке вступили под паруса; они легли бейдевинд... и побежали по направлению к Дунаю. Ушаков, видя, что в нравственном отношении половина победы была уже на его стороне, коль скоро неприятельские суда начали таким образом уклоняться от сражения, велел кораблям своим прибавить парусов и усилить погоню, оставаясь в прежнем ордере трех колонн; крейсерские же суда получили приказание быть на ветре у флота. В это время увидели гребную флотилию, между Гаджибеем и островом Ада, и главнокомандующий отрядил одно из крейсерских судов передать намерения свои начальнику флотилии генерал-майору де Рибасу. К 10 часам утра, заметя, что капудан-паша и несколько кораблей, бежавших за ним, сделались уже довольно далеко впереди, адмирал начал придерживаться к ветру и направлял курс свой так, чтобы отрезать задние корабли турецкой линии... Капудан-паша, видя опасность, угрожавшую арьергарду, принужден был для соединения с ним поворотить на правый галс и, спускаясь под ветер, устраивал линию правого галса, причем флагманские корабли старались занять места, ближайшие к кораблю своего главнокомандующего. Русский адмирал тогда приказал флоту своему спускаться к неприятелю и в то же время из трех колонн составить линию баталии на левый галс... коль скоро линия была построена, сделал сигнал поворотить чрез контрмарш и построить линию баталии на правый галс, параллельно неприятельской; для скорейшего же исполнения этого движения поворотившие передовые корабли по сигналу приспустились, покуда надобность указывала. Чрез это линия наша устроилась весьма скоро; оба флота находились тогда в линии баталии правого галса... и русский остался на ветре... Вслед за тем три фрегата «Иоанн Воинственник», «Иероним» и «Покров Богородицы» получили приказание выйти из линии и составить резерв против передовой части флота, на случай если бы передовые неприятельские корабли, выиграв ветер, решились с двух сторон атаковать линию нашу. Приняв эту предосторожность, главнокомандующий поднял сигнал спуститься к неприятелю на расстояние картечного выстрела, и в 3 часа пополудни началось сражение... Чрез короткое время турецкие суда, разрушаемые выстрелами русской линии, начали уклоняться под ветер и приходить в расстройство, между тем как наши продолжали спускаться на них и умножали огонь свой. Сигнал о погоне и усилении нападения почти не убирался с мачты адмиральского корабля, беспрестанно напоминая флоту петерпеливое желание главнокомандующего нанести решительное

поражение, и корабль «Рождество Христово» * более прочих громил неприятеля. В 5 часов турки, разбитые и в беспорядке, приспустились еще более; тогда по данному сигналу из кордебаталии корабли «Рождество Христово», «Преображение Господне» и «Александр» первыми, и за ними все авангардные, начали постепенно приспускаться, ведя самое смелое нападение на передовые отборные неприятельские корабли, в числе коих находились флагманские. Корабль Ушакова в одно время сражался с тремя турецкими и заставил их выйти из линии. Перед вечером вся турецкая линия была уже окончательно разбита и в беспорядке обратилась в совершенное бегство. Теснимые судами нашими передовые корабли их первыми принуждены были поворотить чрез фордевинд, приводя на левый галс... Немедленно примеру их последовали все задние корабли, которые также поворотили чрез фордевинд и сделались таким образом передовою частью своего флота, имея, как и прочие, ветер с левой стороны. Коль скоро неприятель предпринял это движение, Ушаков повторил сигнал: гнаться за ними под всеми возможными парусами и вступить в бой на самом близком расстоянии; во время же самого поворота их чрез фордевинд сделано было по ним несколько губительных залпов в корму. В особенности пострадали при этом корабли капудана-паши и реал-бея (контр-адмирала), находившиеся против бортов «Рождество Христово» и переднего его мателота «Преображение Господне»; на турецком адмиральском корабле, сверх других повреждений, были тогда подбиты гротмарсель... избиты реи и стеньги и разрушена кормовая часть. Все суда русской линии храбро следовали примеру своего начальника, довершая по мере настижения поражение нескольких отставших турецких кораблей, пробитых в корпусе, рангоуте и парусах. Замешательство турок возрастало более и более, и, пользуясь им, Ушаков продолжал погоню... Сам он в особенности преследовал корабль реал-бея, чрез это сделался в средине неприятельского флота и отрезал три корабля их, бывшие впереди, в том числе капудана-пашу, к которому успел снова приблизиться и сделать несколько залпов в корму. Бой продолжался при ночной темноте; неприятель под всеми парусами бежал к стороне Дуная, и русский флот до 8 часов вечера преследовал бегущих. Невзирая на значительные повреждения рангоута, легкость хода турецких судов позволяла им уходить от грозной

* Корабль этот был лучший во флоте по своей постройке, артиллерии и легкости хода.

погони, и наконец в темноте ночной они совершенно скрылись из виду. Тогда, не предвидя более успеха, русский адмирал в 9-м часу сделал сигнал поворотить... на другой галс всем вдруг, желая остаться еще на ветре у неприятеля, и чтоб в продолжение ночи держаться соединенно под парусами, приказал всем судам открыть огни в фонарях; напротив того же капудан-паша, для лучшего прикрытия отступления, не показывал огней на флоте своем. В 9 часов ветер начал крепчать, и все предвещало скорое наступление бури; поэтому русский флот по сигналу стал на якорь соединенно, а многие крейсерские суда, для укрытия себя от крепкого ветра, пошли под Очаковский берег.

С рассветом... когда совсем рассвело, оказалось, что турецкие суда находятся невдалеке на ветре и что некоторые из наших в самом близком от них расстоянии; передовые были не далее ружейного выстрела, а один из фрегатов, «Амвросий Медиоланский», окружен был четырьмя или пятью неприятельскими кораблями *.

Как скоро, около 6 часов утра, флот русский поднял флаг и начал поспешно сниматься с якоря по сигналу главнокомандующего, турки увидели близкое соседство свое к неприятелю и также немедленно вступили под паруса, отрубая канаты; они начали лавировать к ветру и рассеялись в разные стороны, так что некоторые суда их сделались под ветром у нашего флота. Ушаков приказал строить линию на левый галс и вместе с тем преследовать. Однако капудан-паша с несколькими кораблями скоро удалился на ветре на значительное расстояние, оставив под ветром у нашей линии два корабля, бывшие не в состоянии следовать за флотом своим от сильных повреждений, полученных в сражении накануне. Один из них был 74-пушечный «Капитанне», под флагом адмирала Сайт-Бея, и другой большой 66-пушечный «Мелеки Бахри» («Владыка морей»). В десять часов утра оба корабля эти были совершенно отрезаны, и 66-пушечный с 600 человек экипажа сдался, потеряв капитана

* Беспечность турок простиралась до того, что кирлангичи их лавировали между русскими кораблями, принимая их за свои. Фрегат «Амвросий Медиоланский» находился совершенно посреди неприятельского флота, но так как флаги не были еще подняты, то турки считали его своим кораблем. Ушаков сильно беспокоился об участи этого фрегата, однако находчивость капитана Нелединского спасла его от плена. Он снялся с якоря вместе с прочими турецкими судами и, чтобы не быть узнану, не поднимал флаг; несколько времени следовал за их флотом, отставая понемногу, и потом, когда опасность миновала, поднял флаг и под всеми парусами достиг места своего в ордере флота.

Кара-Али, убитого ядром, и до 90 нижних чинов убитыми или вскоре умершими от ран; корабль же «Капитанне» направился к мелководью, отделяющему фарватер между Кинбурном и Гаджибеем. В погоню за ним послан был командующий авангардом бригадир Голенкин с двумя кораблями и двумя фрегатами. Корабль «Св. Андрей» первым настиг бегущего, открыл по нему беглый огонь, избил ему формарсель и тем замедлил ход его; в это время подоспел корабль «Св. Георгий», вслед за ним «Преображение Господне» и еще некоторые, подходившие из-под ветра и сменявшие один другого. К полудню Сайт-Бей был почти окружен русскими кораблями, однако не сдавался, защищаясь весьма храбро в ожидании, что капудан-паша, бывший у него на ветре, спустится к нему на помощь *. Желая по возможности сберечь этот новый и красивый корабль, лучший из всего неприятельского флота **, победители медлили решением его участи; но главнокомандующий, видя бесполезное упорство неприятеля, в два часа пополудни сам пошел к нему, приказав между тем подветренным судам войти в кильватер его кораблям, чтобы не мешали один другому выстрелами, а остальной части флота продолжать погоню за капудан-пашею. Подойдя против неприятельского борта с наветренной стороны на расстоянии 30 сажен, «Рождество Христово» в короткое время сбил у него все три мачты, и, уступивши место свое следовавшему за ним «Св. Георгию», он прошел несколько вперед, поворотил через фордевинд и снова стал бортом против носа турецкого корабля, готовясь сделать ему залп... от которого последний, вероятно, должен бы был потонуть, — но в это время (около 3 часов пополудни) неприятель сдался.

«Люди неприятельского корабля, — доносит адмирал, — выбежав все наверх, на бак и на борта, и поднимая руки кверху, кричали на мой корабль и просили пощады и своего спасения. Заметя оное, данным сигналом приказал я бой прекратить и послать вооруженные шлюпки для спасения командира и служителей, ибо во время бою храбрость и отчаянность турецкого адмирала трехбунчужного паши Сайт-Бея были столь беспримерны, что он не сдавал своего ко-

* Сайт-Бей до того рассчитывал на помощь своего флота, что, прибывши на корабль русского адмирала, в первых же словах выразил негодование на робость и малодушие капудана-паши Гуссейна.

** Совершенно новый корабль этот в первый только раз вышел тогда в море; он имел всю артиллерию медную и в нижнем деке у него были 38-фунтовые, а в верхнем 18-фунтовые орудия.

рабля до тех пор, пока не был весь разбит до крайности, заливался водою*, все три мачты сбиты долой вплоть по палубу, и густой дым, от влепившегося в корму его брандкугеля, начал показываться так, что до распространения пожара передовые шлюпки едва успели взять только упомянутого адмирала Сайт-Бея**, капитана корабля «Капитание» Мегмет-Тарие-Заим-Мустафу-Агу и 18 человек чиновников; другие же шлюпки, за объятием корабля огнем, пристать не могли и при скрепчавшем ветре и напедшем шквале с поспешностию удалились на другие суда, после чего оный корабль в непродолжительном времени взорвало на воздух».

Пожар и взрыв огромного адмиральского корабля, при крепком ветре и в виду всего неприятельского флота, находившего, впрочем далеко уже на ветре, без сомнения должен был произвести сильное впечатление и докончить нравственную победу над турками. На «Капитание» всего было восемьсот человек команды, и кроме лиц, названных выше, спасено еще 81 человек «разного рода служителей», на обломках мачт и корабельных членов, «а прочие все сгорели или потонули. На оном же корабле находился каспадар с весьма значительною казною всего флота», которая также потонула.

Порывистый ветер беспрестанно усиливался, и часть русского флота, отделенная в погоню за неприятелем, видимо, не в состоянии была настигнуть его; почему адмирал, имея на корабле своем сильно подбитую фок-мачту, также повреждения в рангоуте и снастях на других судах, предпочел отозвать суда, бывшие в погоне, и соединиться с Лиманской эскадрой и гребной флотилией. К четырем с половиной часам вечера все они присоединились, и тогда же линейные суда стали на якорь, а крейсерские посланы были в разные места для отыскивания поврежденных неприятельских судов; им приказано было немедленно требовать помощи при настижении таких, которые сами они не в состоянии будут взять в плен. Однако к ночи ветер усилился до того, что мелкие суда рассеялись и должны были искать себе убежищ под берегами.

---

* От множества подводных пробоин.

** Храбрый Сайт-Бей за избавление свое от неминуемой гибели обязан был пленным русским матросам, находившимся на его корабле, и которые, увидев турецкого адмирала в опасности, успели, сквозь дым и пламень, вынести его на верхнюю палубу и закричали уже отваливпим шлюпкам нашим, чтобы они возвратились для принятия почетного пленника.

Весь турецкий флот бежал прямо в Константинополь; но на пути этом потонули в море, со всем экипажем, 74-пушечный корабль «Арнаут-Асан-Капитана» и несколько мелких судов, избитых и не могших противостоять буре. Крейсерскими судами нашими «Панагией Апотоменгана», под командою мичмана Зворопо, и кирлангичем, под командою шкипера Ладыко, взят в плен 29 августа пятипушечный лансон с 30 человеками турок, греков и армян. 30 августа мичман Бардаки на бригантине «Феникс» завладел десятипушечной бригантиной, но без людей, которые во время погони успели съехать на турецкий кирлангич и уйти; кроме того, другими крейсерами тогда же загнана на мель, между островом Тендрой и Кинбурнским берегом, плавучая батарея с 6 большими орудиями и с 43 человеками турецкого экипажа. Батарея эта была потом снята с мели и исправлена. Итак, двухдневное сражение это лишило турок трех больших линейных кораблей, нескольких мелких судов и распространило страх по всем Румельским и Абхазским берегам. Всего вообще взято в плен, включая экипаж сдавшегося корабля, 733 человека; вся же потеря с нашей стороны состояла из 21 убитого и 25 раненых; в самих судах и рангоуте было не много пробоин, и только паруса и снасти значительно потерпели...

...31 августа флот бросил якорь перед Гаджибеем, и на другой день посетил его Потемкин, прибывший из Ясс. Все повреждения на судах были уже по возможности исправлены, и князь увидел победителей... В избытке своего удовольствия он благодарил всех, от старшего до младшего... Ушаков награжден был (16 сентября) орденом Св. Георгия 2-й степени. Кроме всех командиров кораблей и фрегатов адмирал упоминает об отличной храбрости еще следующих лиц: капитанов 2 ранга Юхарина, Данилова, Львова; капитан-лейтенантов Ишина, Иларионова, Сорокина, Языкова, Быркина, Лаврова, Войновича, Тимофеева; лейтенантов Патаньоти, Копытова (морской артиллерии), Макшеева, Стромилова, Поскочина, Вишневского, Роде, Селиванова, Сукошева и Долгово-Сабурова.

До 6 сентября флот оставался пред Гаджибеем; крейсерские суда посылались для осмотра соседних вод, и фрегаты заняты были отыскиванием и поднятием якорей, оставленных турецким флотом. Пленный 66-пушечный корабль «Мелеки-Бахри» отправлен в Херсон для исправлений; его наименовали «Иоанн Предтеча», вооружили 74 пушками, из коих 19 медных, и в следующем году он участвовал в поражении турецкого флота.

Возвратившись на Севастопольский рейд 8 сентября, Ушаков до поздней осени оставался в готовности выйти в море для прикрытия гребной флотилии де Рибаса, назначенной следовать в Дунай и облегчать действия сухопутных войск. Начальником арьергардного дивизиона во флоте и командиром корабля «Владимир» поступил тогда, по повелению Потемкина, бригадир флота капитан П. В. Пустошкин, прибывший в сентябре из Таганрога в Севастополь с двумя построенными в Рогожских Хуторах 46-пушечными кораблями «Царь Константин» и «Федор Стратилат», одной бригантиной и восемью другими мелкими судами... Ушаков выступил 15 октября со всем флотом и имел тогда 14 кораблей, 4 фрегата и 20 крейсерских судов; флаг его был на корабле «Рождество Христово», и авангардией начальствовал генерал-майор Голенкин, а арьергардией бригадир Пустошкин *. Для охранения же Севастополя оставлены были на рейде 5 фрегатов, 1 бомбардирское судно и 2 брандера; заведование портом поручено капитану Доможирову.

Флот плыл тремя колоннами, и главнокомандующий часто повторял сигнал держаться соединенно... Ушаков... поспешил с флотом к Дунаю и подошел, 22-го числа, к устьям Сулина и Килии в то самое время, как последние суда де Рибаса и 42 лодки запорожцев вступили в реку и атаковали батареи, защищавшие вход [1]. Флот бросил якорь на глубине 11 сажен в виду обоих устьев, получив тогда повеление Потемкина продолжать прикрытие флотилии; крейсерские суда оставались под парусами и производили поиск...

Коль скоро лодки черноморских казаков, под начальством войскового судьи полковника Головатого, с присоединенными к ним двенадцатью легкими лансонами и лодками, вошли в Килийское устье 19 октября и расположились перед крепостию Килией, — которая накануне взята уже была генералом Гудовичем, не дожидавшим помощи флотилии, — генерал-майор де Рибас с другим отделением судов своих, находившимся в Сулинском устье, сделал нападение на береговые батареи, для чего высадил 20 октября 600 солдат Днепровского приморского гренадерского корпуса под начальством брата своего подполковника де Рибаса. Крепкий ветер не позволял шлюпкам с десантом подойти к берегу;

* Голенкин и Пустошкин были товарищи Ушакова по воспитанию в Морском корпусе и вместе с ним произведены в мичманы.

[1] Во многих старых источниках говорится, что казаки на своих примитивных судах творили чудеса, зарекомендовав себя мастерами абордажного боя. Это их уменье сыграло большую роль при взятии Азова войсками Петра I в 1695 г.

но смельчаки бросились вплавь и, достигши берега, пошли прямо на приступ, невзирая на перекрестный огонь с турецких лансонов и батарей. На утро следующего дня обе батареи, имевшие тринадцать пушек, были уже заняты войсками нашими; одно большее судно взорвано, и взято семь транспортных. 6 ноября капитан 1 ранга Ахматов, которому поручено было с особым отрядом очистить проход мимо Тульчи, встречен был семнадцатью неприятельскими судами и после жестокого огня заставил их обратиться в бегство. Несколько турецких лодок было взорвано, и взяты четыре каponерские; турки в страхе и отчаянии, преследуемые на реке отрядом нашим и по берегу небольшим отделением десантных войск, начали подрывать суда свои, причем погибло много самих их... 7 ноября войско с флотилии, предводимое подполковником Рибасом, заняло замок и город Тульчу, и тут в добычу нам досталось сверх отбитых накануне одно военное судно и разной величины транспортных 38... Весь берег под Тульчею покрыт был обломками взорванных неприятельских судов...

18 ноября флотилия подошла к Измаилу... Русская армия, осаждавшая эту крепость, встретила упорное сопротивление. С приближением флотилии нашей турки подвинули большую часть лансонов своих под стены крепости; 19-го числа пущено было на неприятельские суда шесть брандеров, под прикрытием шести вооруженных лодок и баркасов, и хотя сильное течение воспрепятствовало удачному их действию, но устрашенные ими турки бросили суда свои, не сделав ни одного выстрела, и не прежде возвратились, как по совершенном удалении брандеров. Вслед за тем открыт был огонь со всей флотилии и с новопостроенных ею береговых батарей; капитан 1 ранга Ахматов, подошедши с отрядом своим на самое близкое расстояние к крепостному каменному бастиону, потопил семь лансонов и взорвал на воздух одну большую трехмачтовую шаитию. Капитан-лейтенанты Поскочин и Кузнецов и служивший волонтером принц де Линь в особенности отличились при этом смелом нападении. Едва прекратилась первая атака, как полковник Головатый со всей флотилией черноморских казаков и 12 лансонами, пройдя мимо города под бесчисленными картечными и ружейными выстрелами, приблизился к неприятельским судам, стал на шпринг и открыл по ним и городу жестокую пальбу из пушек и мортир. При этом еще сожжено у неприятеля четыре лансона и семнадцать транспортов. Турки в тот день понесли значительную потерю убитыми и ранеными; урон же с нашей стороны состоял из 3 лансонов,

разбитых и затонувших, с коих люди были, однако, спасены; убитых обер-офицеров 6, нижних чинов 81 и раненых обер-офицеров 8, нижних чинов 231. В продолжение остальных дней осады... флотилия принимала деятельное участие в работах; помогала сухопутным батареям разрушать крепость и производила неоднократные в ней пожары...

...11 декабря крепость взята была штурмом... Флотилия принимала деятельное участие во время штурма: бомбардировала город на самом близком расстоянии, перевезла одиннадцать батальонов сухопутного войска на указанные места и завладела 8 лансонами (на коих было 17 пушек), 20 паромами и 22 прочими мелкими судами. Понесенная ею потеря состояла из 95 убитых нижних чинов и раненых 224; в числе последних находились капитан-лейтенант Литке, который вскоре умер, лейтенант Ендогуров и мичман Тулубеев. Неприятельская бомба упала в крюйт-камеру бригантины «Константин» и взорвала это судно, причем погибли флота капитан-лейтенанты Пелидов и Скоробогатов, констапель Богданов и нижних чинов шестьдесят человек...

В начале 1791 г. Россия не могла со всеми силами своими возобновить наступательную войну против Порты... Начальство над армией принял генерал князь Репнин, которому должны были помогать Черноморский флот под командой генерал-майора де Рибаса и флот корабельный...

Корабельному флоту повелено было появиться на море и удерживать турецкий флот и флотилию от покушений на наши берега, чтобы тем доставить возможность князю Репнину свободно располагать войсками... Вся зима проведена была в приготовлении кораблей и килевании всех судов без исключения; крейсеры же посылаемы были к Анатольским берегам и истребили или взяли в плен несколько судов. ...20 мая флот вышел на Севастопольский рейд, состоя из шести линейных и десяти малых кораблей, двух фрегатов, двух бомбардирских судов, одного брандера и 17 крейсеров.

Турция, для усиления своего флота, призвала всех подвластных ей варварийских владений, как-то: туписцев, алжирцев, триполийцев и дульцинотов, так что всего собралось тогда у нее для действий на Черном море 18 линейных кораблей, 17 фрегатов и более 40 разных мелких судов. Флотом начальствовал тот же капудан-паша Гуссейн и восемь других адмиралов, в числе коих находился храбрый алжирский паша Сейит-Али, нарочно вызванный турецким правительством для вернейшего успеха против флота русского. Одна часть судов их по выходе из Босфора направилась к Варне, а другая должна была следовать на помощь к Ана-

пе, обложенной русскими войсками... 10 июня Ушаков со всем флотом вступил под паруса. В самый тот день с ближайших высот усмотрены были турецкие суда, шедшие по направлению к южному берегу Крыма; 11 июня флоту нашему удалось настигнуть неприятеля близ мыса Айя... Турки находились на ветре, и сначала несколько передовых судов их, вышедши из линии, по повелению своего адмирала, показывали намерение свалиться на абордаж, для которого имели все абордажные принадлежности и большое число войска; вскоре, однако, намерение это было остановлено, и затем, невзирая на все старания русского адмирала заставить неприятеля принять сражение, он уклонялся и спешил удаляться к югу. Четыре дня продолжалась за ним погоня при постоянно свежем ветре, увлекшая русский флот на 80 миль от берегов своих; но, видя безуспешность этого преследования, задерживаемого некоторыми судами, дурно ходившими, и не желая более удаляться в море, Ушаков возвратился на Севастопольский рейд 18 июня с несколькими повреждениями в мачтах и снастях от усиленных парусов при крепком ветре...

...Ушаков выступил из Севастополя 28 июля со следующими судами: корабли... 16, фрегаты... 2, бомбардирские суда... 2, репетичное судно... 1, брандер 1, крейсерских судов 17. Авангардом командовал генерал-майор флота капитан Голенкин; арьергардом бригадир флота капитан Пустошкин; сам главнокомандующий находился в средине флота.

Направившись к Румельским берегам, флот наш к полудню 31 июля... увидел неприятеля, стоящего на якоре близ мыса Калиакрия под прикрытием построенной на берегу батареи и имевшего 18 кораблей, 10 больших линейных фрегатов, 7 малых и 43 мелких судна под начальством капудана-паши. Девять кораблей были флагманские, и суда всех варварийских владений с пашею Сейит-Али... составляли отдельную линию. Немедленно сделано было на них самое смелое и решительное нападение, и в донесении своем Ушаков говорит:

«...Со флотом мне вверенным вышел я на море в числе 16 кораблей, двух бомбардирских, двух фрегатов, одного репетичного, одного брандера и 17 крейсерских судов для поисков флота неприятельского и, продолжая плавание к Румельским берегам, 31-го числа усмотрел оный, стоящий на якорях в линии при Калиакрии против мыса Калерах-Бурну под прикрытием сделанной на оном береговой батареи. Я со флотом (в три четверти третьего часа пополудни) под выстрелами оной прошел близ самого берега и, отре-

зав его от берега, будучи на ветре, спешил атаковать. Неприятель, устрашенный нечаянным приходом нашего флота, проиграв ветер, отрубил якоря, лег под паруса, и, будучи в замешательстве*, некоторые корабли при довольно крепком ветре сошлись между собою, и на двух в тот же час оказались повреждения: с одного упала бизань-мачта, а на другом переломился бушприт. Поврежденный без бушприта ушел к стороне Варны, а второй остался при флоте. Флот неприятельский состоял из 18 больших кораблей... 10 больших линейных фрегатов, 7 малых и множества разного сорта мелких судов. В начале четвертого часа пополудни... капудан-паша бежал со флотом под ветер и начинал строить линию баталии, переменяя несколько раз на правый и на левый галс. Пользуясь сим замешательством, я нагонял его с флотом мне вверенным, будучи в ордере марша трех колонн.

Капудан-паша некоторую часть кораблей своих устроил уже в линию правого галса; но известный алжирский паша Сейит-Али, подошед передовым с отдельной частью флота, состоявшею под красными флагами, обратил весь флот за собою, устраивая линию на левый галс, чему последовал и капудан-паша. Я продолжал гнаться за ними и (в половине четвертого часа) сигналом приказал как можно скорее строить линию баталии... на левый галс, параллельно флоту неприятельскому, и спускался на него со всей возможной поспешностью. Притом же я заметил еще, что Сейит-Али с вице-адмиральским кораблем красного флага и другим большим и с несколькими фрегатами, будучи сам передовым, спешил отделиться вперед, выигрывая ветер. Посему, для предупреждения его намерений, я погнался за ним (в 4 часа 15 мин. пополудни) с кораблем «Рождество Христово», следуя вперед нашей линии, и сигналом подтвердил флоту исполнить мое повеление и сомкнуть дистанцию. Когда же линия нашего флота была построена в самом близком расстоянии против неприятельской и я догнал передовой корабль паши Сейит-Али, то сигналом приказал всему флоту... спуститься к неприятелю на ближайшую дистанцию, а корабль под флагом моим, «Рождество Христово», приближаясь к передовому пашинскому кораблю на дистанцию полукабельтова, атаковал его, обойдя несколько с носу; тогда же, по учиненному (в 5 часов) сигналу, всею линиею началось жестокое сражение, которое продолжалось от пяти до половины девятого часа пополудни.

В сие время... прежде всех сбит передовой и лучший корабль неприятельского флота, паши Сейит-Али, который от беспрерывного жестокого огня, на него обращенного, тотчас лишился фор-стеньги, грот-марселя, имел растрепанные паруса и в прочих местах разбит был до крайности, почему (в 5 час. 45 минут пополудни...) поворотился, для закрытия, в средину своего флота; место же его заступил вице-адмирал красного флага с помощию еще одного корабля и двух фрегатов, но и они были сбиты и с немалым повреждением также удалились для соединения с флотом своим, защищал, однако, от следовавших за мною кораблей пашу Сейит-Али. Бывшие за мною передовые наши корабли «Александр», «Проитеча» и «Федор Стратилат», исполняя мое повеление, спустились от ветра, окружили передовые бегущие неприятельские корабли и с величайшей живостию производили по ним и вдоль всего флота беспрерывный огонь*; а между тем корабль «Рождество Христово», спустясь за корму корабля «Федор Стратилат», спешил приблизиться к бегущему в средину флота своего кораблю паши Сейит-Али, дабы не упустить его, и производил сильный огонь по нем и вдоль всего неприятельского флота, который от последующих кораблей всей нашей линии был весьма разбит, замешан и стеснен до того, что корабли их сами друг друга били своими выстрелами**. Наконец флот наш всею линиею совсем

---

* Тогда был праздник рамазан-байрам, и почти все турецкие матросы беспечно веселились на берегу. Капудан-паша приведен был в такое замешательство быстрым движением русского флота и выгодою выигранной им наветренной позиции, что, не успев даже собрать с берега всех матросов своих, приказал судам отрубить канаты и вступить под паруса.

* Когда суда эти подошли на помощь кораблю «Рождество Христово», последний имел против левого своего борта два неприятельские фрегата; вице-адмиральский корабль, выдвинувшись вперед, стрелял по нем из кормовых пушек, а другой корабль находился по другую его сторону, так что положение русского адмирала было некоторое время весьма опасное.

** В другом донесении Ушаков пишет: «Во время бывшего сражения прежде всего полетели в воду с корабля Сейит-Али приуготовленные им абордажные лестницы, а с ними вместе стеньги и реи, также и часть разъюченной кормы его корабля. Да и прочим его сподвижникам досталось почти то же. Если он благополучно дойдет до Константинополя, надеюсь, впредь предприятиями своими не похвалится».

Сейит-Али, решившись драться отчаянно и до последней крайности, велел гвоздями прибить флаг к флагштоку, чтобы лишить команду возможности спустить его. Рассказывают также (и я слышал от некоторых лиц в Черноморском флоте), что он дал обещание султану непременно привести Ушакова пленником в Константинополь. Молва эта дошла до Ушакова и до того рассердила его, что он в особенности старался погонить или захватить корабль

окружил неприятеля и производил с такою отличной живостию жестокий огонь, что, повредя многих в мачтах, стеньгах, реях и парусах, не считая великого множества пробоин в корпусах, принудил многие корабли укрыться один за другого. При начале же ночной темноты (в 8 часов вечера) флот неприятельский был уже совершенно разбит до крайности и бежал стесненною кучею под ветер... обратясь к нам кормами; и потому суда наши, сомкнув дистанцию, гнались за ним и беспрерывным огнем били его из носовых пушек, а которым было способно, и всеми лагами. Особенно разбиты и повреждены были все нашинские корабли. При такой... совершенной победе несомненно надеялись мы несколько кораблей взять в плен, но от сего спасла их перемена ветра и темнота ночи, увеличившаяся от густого дыма».

В половине девятого часа флот неприятельский был совершенно закрыт дымом, и невозможно было наблюдать за его движениями. Между тем ветер, постепенно стихая, наконец совершенно заштилял и течение уклоняло в разные стороны корабли наши. Когда же, часа через два, задул ветер... флот лег... в бейдевинд левого галса и в полночь поворотил на другой галс, желая сделаться на ветре у неприятеля. Всю ночь под возможными парусами плыл он по тому направлению, по которому ожидал настигнуть турок; но на рассвете 1 августа неприятель был виден... весьма далеко под ветром, спешивший к Константинопольскому проливу. Адмирал, однако, продолжал еще погоню некоторое время, но... ветер, усиливаясь беспрестанно, развел наконец большое волнение и заставил отказаться от дальнейшего преследования, тем более что на флоте нашем были также повреждения в рангоуте и парусах, а на корабле «Александр» оказалась опасная течь от больших подводных пробоин. Поэтому флот подошел под берег мыса Эмине, не в дальнем расстоянии от Фароса, стал на якорь... и немедленно приступил к исправлению повреждений... В сражении этом убитых нижних чинов было 17; раненых: флота капитан-лейтенант Гапзер, лейтенант Головачев и подштурман прапорщичьего чина Жмухин; нижних чинов 25...

Потемкин был весьма обрадован этим смелым и решительным поражением турецкого флота. «С удовольствием получил я рапорт Вашего превосходительства, — писал он

Сейит-Али, и когда близко подошел к нему под корму, то, не могши удержаться от гнева, закричал ему с юта по-русски: «Сейит-бездельник! Я отучу тебя давать такие обещания!»

Ушакову, — об одержанной Вами над флотом неприятельским победе, которая, возвышая честь флага российского, служит и к особливой славе Вашей...»

ОФИЦИАЛЬНАЯ КОРРЕСПОНДЕНЦИЯ АДМИРАЛА УШАКОВА

Донесение императору Павлу I.
Севастополь, 15 апреля 1798 г.

Ваше Императорское Величество,

Всемилостивейший Государь!

Приуготовляющиеся к выходу в море семь кораблей и пять больших линейных фрегатов, какого калибра пушками и прочими орудиями вооружены, ведомость всеподданнейше при сем представляю и доношу, что, по Высочайшим вновь изданным штатам Вашего Императорского Величества, здешний флот служителями комплектован против обыкновенного вооружения кораблей и фрегатов, т. е. гораздо на меньшую артиллерию; а особо на 50-пушечных фрегатах положено иметь на каждом флотских разных чинов 258, артиллерийских 27 и солдатской команды, по рангу 44-х пуш. фрегатов, 67 человек, но при таковой сильной и тяжелой артиллерии, какою они вооружены, нижних чинов, полагая по уставу Вашего Императорского Величества, и к одним пушкам недостанет. Посему и осмеливаюсь всеподданнейше донести: не повелено ли будет, в рассуждении сильной, большой и тяжелой артиллерии на приуготовляющихся кораблях и фрегатах на непредвидимый случай, если бы пришлось действовать против неприятеля, умножить команды достаточным количеством нижних служителей. Особенно солдатской команды, по мнению моему, на таковой случай вознадобится весьма превосходное число. Оное тем более потребно, что во время прошедшей войны сделаны мною на сие основательные замечания. Неприятельский флот, не почитая себя способным устоять против нашей артиллерии, намеревался и уже совершенно расположен был действовать абордажами отборных своих больших кораблей. Для сего и приуготовлена была передовая его эскадра, снабженная, в превосходном количестве людей, алжирцами и турками. Такое действие и намерение их при первом случае предупредил я маневрами и, находясь под ветром, уклонился от сражения. После же, когда я воспользовался переменой ветра, турки отделились от наших берегов к Варне, где, чрез малое время нашед их, я атаковал, будучи уже на ветре, и тем уничто-

жил их намерение. Но тогда флот, мне вверенный, людьми комплектован был весьма в достаточном числе и солдаты были на нем Севастопольского пехотного полка отборные, отлично практикованные и во все время прошедшей войны служившие на флоте. По сему я и надеялся, что если бы и абордажи случились (хотя бы то и на фрегаты), действие ими произвесть верное.

Секретное предписание вице-президента
Адмиралтейств-Коллегии вице-адмирала графа Кушелева,
по Высочайшему повелению,
1798 г., июля 25.

Так как Высочайше повелено В-му Пре-ву со всею вашею эскадрою идти для крейсерства против Дарданелл, т. е. у входа в пролив, соединяющий Черное море с Мраморным, и хотя сие делается единственно на тот случай, буде бы Порта потребовала от нас помощи, но при всем том вы должны быть весьма осторожны с своей стороны и входить в канал не прежде, как получите от министра нашего в Константинополе обстоятельное уведомление и с Портою сделанное соглашение, поелику весьма опасно, что когда вы пройдете сквозь канал, отделяющий Черное море от Мраморного, то бы не переменила Порта мнений и не воспрепятствовала обратному вашему выходу в Черное море; сего от вашей осмотрительности и ревности ожидается. Буде же министр уведомит о договоре с Портою и что вы безопасно можете не только войти в пролив к Константинополю, но и в Архипелаг, сквозь пролив между Мраморного моря и Архипелага, и что вам после не возбранен будет обратный путь, и ваша помощь нужна будет хотя бы то у входа от Тенедоса к первым крепостям того канала, тогда вы можете действовать против общих врагов всякого устройства, французов. Доколе посланная авиза не возвратится из Константинополя, вы не должны входить в канал, разве жестокие ветры то принудят сделать, и то с обсылкою и остановиться в том месте, где от Порты дозволено, по последнему положению, останавливаться военным российским судам.

Рескрипт императора Павла I.

Августа 7, 1798 г., в Павловске.

Господин вице-адмирал Ушаков! По отношению к Нам пребывающего в Константинополе министра Нашего тайного советника Томары, о желании Блистательной Порты вступить с нами в теснейший союз и требовать от Нас помощи против вловредных намерений французов, яко буйного народа, истребившего не только в пределах своих веру и богом установленное правительство и законы, водимого единым хищением и граблением чужого, разрушившего все правила честности и все правила общежития, но и у соседних народов, которые по несчастию были ими побеждены или обмануты вероломническими их внушениями, чему показали очевидный пример, сделав ныне внадение во владения Блистательной Порты, в Египет, на порт Александрию.

Вследствие сего и повелели Мы приступить к таковому союзу министру Нашему; но доколе все нужные статьи утверждены будут, повелеваем вам с вверенною в команду вашу частию флота, согласно повелению данному от Нас от 25 июля, следовать немедленно к Константинопольскому проливу и, остановясь у входа оного, тотчас послать легкое судно или берегом нарочного с уведомлением о приходе вашем Нашего министра, а буде Порта требовать будет, то вы тотчас следовать должны будете туда, где ваша помощь нужна будет, о чем и получите извещение от Нашего министра.

Вошед в Константинопольский канал, должны вы иметь всевозможную осторожность от заразительных болезней, по случаю чего Наш министр не оставит вас известить о нужных мерах сей предосторожности и где должны вы сего опасаться.

Буде нужда потребует, можете действовать соединенно с турецким флотом как у Дарданелльских крепостей, в Мраморном море, так и в самом Архипелаге; равномерно имея Мы союз и с Великобританией и одну цель с нею: благосостояние соседственных держав, дозволяем вам, когда обстоятельства потребуют, действовать соединенно с английскою эскадрою, находящеюся в Средиземном море и делающею поиски над хищным французским флотом.

Пределы, до которых плавание ваше быть должно в Средиземном море, имеют распространиться не далее Египта, Кандии, Морей и Венецианского залива, смотря по нужде и обстоятельствам; проходить же каналы не прежде, пока по-

лучите на беспрепятственное возвращение назад в Черное море от стороны Порты чрез министра Нашего удостоверение.

Донесения ваши к Нам о плавании и действиях эскадры, коль скоро войдет она в канал или уже и пройдет оный, имеете доставлять чрез министра Нашего, с купеческими судами, пакетботами или парочною авизою, смотря по важности дела. Впрочем, надеемся Мы на вашу благосмотрительность, осторожность, храбрость и усердие к службе Нашей. Пребываем к вам благосклонный.

Лорду Нельсону.

31 августа 1798 г. Кор. «Св. Павел», в Буюкдере.

Милостивый государь мой!

Российская вспомогательная эскадра, под начальством моим состоящая из 6 кораблей, 6 линейных и одного репетичного фрегатов и 3 авизов, прибыла в Константинопольский пролив и находится ныне в Буюкдере. От Государя моего Императора повелено мне с оной действовать вместе с турецким флотом противу общих неприятелей французов, а в случае и с эскадрою, под начальством вашего превосходительства состоящею. По прибытии в Константинополь узнал я о славной и знаменательной победе вашей, одержанной при реке Ниле. С признательнейшим удовольствием, от истинного моего к особе вашей почтения, с таковою совершеннейшею победою поздравить вас честь имею, и в той надежде, что скоро буду иметь удовольствие находиться в близости с вами, а может быть и вместе в действиях против неприятеля, заочно рекомендую себя в ваше благоприятство и дружбу, которую я приобресть постараюсь.

Блистательная Порта, полагая, что ваше превосходительство Александрию содержите в блокаде, также и тулонскую эскадру отделяете от здешнего края, вашим обозрением весь тот край совершенно обеспеченным почитает, и действие российской эскадры под начальством моим и соединяющихся со мною под командою турецкого вице-адмирала 6 кораблей, 10 фрегатов и 30 мелких судов располагает: 1) употребить в Морее и в Венецианском заливе для охранения берегов своих от десантов, из Анконы быть могущих, и изгнания, если возможно, при содействии с сухопутной стороны, из островов прежде бывших Венецианских и материка берега, французов. 2) Крейсированием от Морей до острова Родоса прикрывать Архипелаг и обеспечивать тревожность жителей, не теряя из виду и острова Кандии; а за тем из оных соединенных эскадр, при выходе из Дарданелл, отделить два российские и два турецкие фрегата для препровождения 10 канонирских лодок до остр. Родоса, а оттоль, ежели окажется в них надобность, и до отряда судов эскадры вашей, блокирующих Александрию. Важность сего плана для Порты ясно доказывается положением тех островов и вернейшими известиями о намерении французов, сильно в них укрепясь, напасть на империю Оттоманскую со стороны Албании и Морей. Но и за сим, ежели потребно наше подкрепление, в случае важнее сей надобности, то к вспомоществованию мы готовы. В соответствие сего, прошу ваше превосходительство сообщить мне известия, какие вы имеете о действиях и намерениях неприятеля, так и о расположениях ваших против оного, и в состоянии ли вы после славной победы вашей, продолжая осаду Александрии, закрывать сторону Средиземного моря между Сицилии и Африки? Дабы, сходно с предположением и необходимостию Блистательной Порты, могли мы успешно и немедленно выполнить вышеозначенный план в точном его расположении. Имею честь быть и проч.

Лорду Нельсону.

31 августа 1798 г., Буюкдере. Кор. «Св. Павел».

Милостивый государь мой!

На случай встречи судов российской эскадры, какие для опознания оных учреждены мною сигналы, с оных точную копию при сем препровождаю и прошу соответственно сообщить мне ваши сигналы для взаимного опознания друг друга. С истинным моим почтением и совершенною преданностью имею честь быть и проч.

Лорду Нельсону.

12 сентября 1798 г., у Дарданелл. Кор. «Св. Павел».

Милостивый государь мой!

О плане, какие действия соединенными российскою и турецкою эскадрами положено произвесть, и об том, что по-

сланы будут десять канонирских лодок под препровождением двух российских и двух турецких фрегатов в остров Родос, а оттоль оные канонирские лодки, по осведомлении ежели окажется в них надобность, препровождены будут к отряду вашему, находящемуся поблизости Александрии, от 31-го минувшего августа письмом моим вашему превосходительству сообщить честь имел и просил в соответствие сего извещения вашего, какие действия производимы будут с вашей стороны, как вы их располагаете и надобны ли канонирские лодки к тому вашему отделению. Ныне же, по приходе с эскадрами в Дарданеллы, при случившейся оказии вторично покорно прошу ваше превосходительство на то письмо мое благосклоннейшего ответа; а между тем имею честь уведомить, что означенные десять канонирских лодок под препровожденном четырех фрегатов напперве в остров Родос на сих днях отправляются. Ежели они отряду вашему надобны, прошу послать от себя в оное место уведомить командира фрегата «Михаил» капитана 2 ранга Сорокина, чтобы немедленно оттуда с ним шел, и меня об оном не оставить вашим извещением; ежели же оные лодки тому отряду вашему не надобны, в таком случае прошу приказать ему, г. капитану Сорокину, вместе с фрегатами и лодками возвратиться к соединенным эскадрам к Морее, к островам Занте, Цефалонии, Корфу или далее в Венецианский залив, где мы находиться будем; сходно сему и повеление ему от меня дано. Буде же лодки понадобятся и препровождены будут к отряду, тогда также предписано ему возвратиться с фрегатами к эскадре. Еще прошу ваше превосходительство уведомить меня, какие известия имеете о намерениях и действиях неприятельских, дабы мы и наши действия по оным располагать стали. В ожидании сего извещения, с истинным моим почтением имею честь быть и проч.

Рескрипт императора Павла I.

Сентября 25, 1798 г., в Гатчине.

Господин вице-адмирал Ушаков! Для сведения вашего препровождаю у сего копию указа Моего к тайному советнику Томаре отправленного. Данное ему мною дозволение о принятии греков, и предпочтительно островских жителей, в

Мою службу я распространяю и на вас, быв уверен, что вы таких только людей службе доставите, от которых можно ожидать пользы. Впрочем, поручаю вам стараться избегать и не требовать лишнего от Порты и не терять из виду, что, помогая ей, не должны мы становиться в крайнюю тягость. Я полагаюсь относительно сего на ваше благоразумие, быв уверен, что вы будете пещись о выгодах наших подчиненных, а притом и о сохранении наилучшего о Нас впечатления как в самом султане и министерстве его, так и в простом народе. Пребываем к вам благосклонный.

Али Паше Янинскому.

25 октября 1798 г. Кор. «Св. Павел».

Высокородный и Превосходительный Паша и Губернатор провинции Янины, командующий турецкими войсками.

Милостивый государь мой!

Почтеннейшее письмо ваше чрез нарочно присланного с наиприятнейшим удовольствием я имел честь получить. За благоприятство и дружбу мне оказанные и за уведомление о знаменитой победе вашей покорнейше благодарю и вас с тем дружелюбно и с почтением моим поздравляю; притом имею честь уверить о совершеннейшей дружбе и тесном союзе наших Государей Императоров, которых повеления мы с глубочайшим благоговением и дружелюбно выполняем. Рекомендую себя в дружбу и благоприятство Вашего Превосходительства и уверяю честным словом, что всегда стараться буду вспомоществовать вам во всех действиях, к общей пользе против наших неприятелей французов. Об острове же Св. Мавры уведомляю, что я во все острова прежде бывшие Венецианские весьма благовременно общие приветствия наши и приглашения с командующим турецкою эскадрою Кадыр-Беем послал. Острова Цериго, Занте и Цефалонию от французов мы освободили и, взяв их пленными, отослали на матерый берег полуострова Морей, а некоторых отпустили на договоры. Из острова Св. Мавры двоекратно ко мне присланы прошения островских жителей; весь народ оного острова с покорностию отдается в общее наше покровительство и просят, чтобы мы приняли их на тех же правах, на каких установляем обще с Кадыр-Беем все прочие острова, оставляя их свободными до Вы-

сочайшей конфирмации обеих дружественных держав наших. А за сим два дни прежде вашего письма получил я также от жителей острова Св. Мавры уведомление, что они, отдавшись совсем в нашу волю и покровительство, и флаг на оном подняли российский.

Я вас, милостивый государь, поздравляю с тем, что мы на крепостях всегда поднимаем обще два флага: российский и турецкий. Послал я от себя два корабля к острову Св. Мавры, также и от турецкой эскадры два же корабля посланы, и приказал я командующему отдельной от меня эскадрою, флота капитану 1 ранга и кавалеру Сенявину, сей остров, крепость и обывателей принять в общее наше покровительство и учреждение; флаги поднять на крепости оба вместе, российский и турецкий, которые означают совершенную между нациями нашими дружбу. Надеюсь, что Ваше Превосходительство с таковыми благоприятными нашими расположениями также согласны. Военные наши действия и распоряжения производим мы по настоящим обстоятельствам политическими правилами сходно с обнародованными от Блистательной Порты Оттоманской извещениями; со всеми островскими и береговыми жителями обращаемся весьма дружелюбно, привлекая их ласковостию и добрыми нашими с ними поступками, покоряем даже сердца и чувствования их в нашу волю и распоряжение. Обнадеживаем моими во все острова прежде бывшие Венецианские успел я дотоль приятной цели достигнуть, что и из Корфы неоднократно уже получаю уведомления, что жители оного острова нетерпеливо ожидают нашего прибытия и с сердечным признанием своей покорности, с распростертыми руками нас примут и общими силами стараться будут с нами вместе истреблять французов. Город, крепость и весь народ отдаются в наше покровительство и распоряжение на тех же правах, какие мы утверждаем.

При таковых благоприятных обстоятельствах, надеюсь, и Вашему Превосходительству можем мы делать помоществование и всех береговых жителей, против которых войска ваши находятся, покорить без кровопролития, об чем из многих уже мест ко мне писали и просят; а особливо из Парги, чтобы мы приняли их в нашу волю и распоряжение, и что они ожидают только наших повелений и во всем покорны. Я и Кадыр-Бей дали им письма, и я в письме моем советовал им, чтобы они явились к Вашему Превосходительству, объявили бы оное и на таковых условиях вам отдались с покорностию. Чрез таковые благоприятные наши с ними поступки весь этот край даже сам себя защищать

может против общих наших неприятелей, а жители островские и береговые будут нам вернейшие и искренние друзья и надежнейшие исполнители воли нашей во всех наших предприятиях. Вся важность будет состоять во взятии крепостей острова Корфы; но и тут я надеюсь, что таковыми поступками нашими и благоприятством к жителям можем мы взять крепости в непродолжительном времени. Если благоугодно Вашему Превосходительству береговых жителей принять в такое же покровительство ваше и оказать им ваше благоприятство, то они будут ободрены и во всех случаях станут делать нам всякие вспоможения. В случае же надобности, в рассуждении острова Корфу, если востребуется ваше нам вспомоществование, буду писать и просить о том Ваше Превосходительство и надеюсь, что вы к тому готовы. В такой надежде и с истинным моим наивсегдашним почтением имею честь быть и проч.

Лорду Нельсону.

3 ноября 1798. Корабль «Св. Павел», у ос. Св. Мавры.

Ваше пр-во, милостивый государь мой!

Чрез отправленные нарочно суда, прошлого августа 31-го из Буюкдера и 12 сентября из Дарданелл, писал я к вашему превосходительству о соединенных российской и Блистательной Порты турецкой эскадрах и о предприятиях, какие мы исполнить положили. Ныне также долгом поставляю известить, что мы острова прежде бывшие Венецианские: Цериго, Занте, Кефалонию и Св. Мавры, тожо и все прочие малые острова действиями нашими от французов освободили и учредили на них правления до воспоследования Высочайшей конфирмации, оставив их под нашей защитой; равно и берег, где было Венецианское владение, от французов освобожден же. Остров Корфу достаточным от нас отрядом содержится в тесной блокаде, и мы с остальными судами эскадр наших, на сих днях взяв боем от французов крепость Св. Мавры и установив на оном острове, равно как и в прочих, все потребное, поспешаем идти к о. Корфу и, соединясь там с нашим отрядом, будем стараться о взятии оного, а также и о защите от десанта берегов Венецианского залива, если в том случится надобность. Прошу покорнейше ваше превосходительство извес-

тить меня благосклоннейшим вашим уведомлением о местопребывании вашем с английскою эскадрою и какие вами в той стороне чинятся предприятия и деятельности; равно и о том, получены ли мои прежде отправленные к вам письма. Рекомендую себя в благоприятство и дружбу вашего превосходительства и проч.

Али Паше Янинскому.

6 ноября 1798 г. Корабль «Св. Павел».

Высокородный и Превосходительный Паша и проч.

Милостивый государь мой!

Командующий отдельною от меня эскадрою флота капитан 1 ранга и кавалер Сенявин донес мне, что в бытность Вашего Превосходительства с несколькими малыми судами в острове Св. Мавры, при действиях против крепости, хотя и не доходило до надобности, но от ваших войск несколько отдельно было к вспоможению на турецкую батарею, построенную на матером берегу, и что отряженные от вас люди были исправны и рачительны, за что сим и приношу мою признательность Вашему Превосходительству. Пленных французов отправляем мы в полуостров Морею, и как по условиям нашим уверили мы их, что они содержаны будут военнопленными во всяком добром порядке, с благоприятством, без всякого утеснения, потому и прошу покорно приказать, кому надлежит их принять и содержать там, и в дороге, куда они отправлены будут, по нашему условию, т. е. чтобы обид и притеснений им не чинили.

Графу Василию Валентиновичу Мусину-Пушкину-Брюсу.

29 ноября 1798. Корабль «Св. Павел», при Корфу.

Ваше сиятельство, милостивый государь!

Я за счастие почитаю случай писать к вам. С искренним удовольствием, усердием и ревностию желал бы в самой

скорости с соединенными эскадрами следовать в Анкону, и обстоятельства, удерживающие меня с эскадрами при Корфу, подробно изъяснил я вашему сиятельству в особом письме. Притом еще не могу скрыть от вашего сиятельства, что от начала весны, с самого раннего времени, с эскадрою мне вверенною находился я беспрерывно в крейсерстве в Черном море и после четырехмесячной кампании, будучи на море, экстренно получил Высочайший именной Его Императорского Величества указ следовать в Константинопольский пролив. Во время крейсирования эскадры на Черном море и плавания к Константинополю она потерпела неоднократно бурливую погоду и шторм, от которых несколько кораблей и фрегатов оказали в себе большую течь, и исправить теперь оной, не будучи нигде к гавани, никак невозможно, а к тому и многие другие еще поправки на кораблях следуют. Гавань и порт острова Корфу в наших руках; но крепости с сильным гарнизоном, при нескольких кораблях французских, также и ожидаемый десант из Анконы препятствуют в настоящее время приступить к исправлению кораблей в здешнем месте. Могу я быть еще при означенных худостях, не показывая никому в замечаниях оных; но в Венецианский залив, к Анконе, при начинающейся уже глубокой осени и зимнем времени, с таковыми худостями кораблей без исправления никак отправиться невозможно, и настоит величайшая опасность от чрезвычайно бурливых погод, какие там в это время бывают.

Я буду стараться всеми возможностями отнять у французов крепости или взять их на капитуляцию, дабы по освобождении Корфы можно было в гавани оной поправить требующие починки корабли и фрегаты. Как скоро только сие удачно сделано будет, тот час с эскадрами отправимся мы к Анконе и таковое же усердное старание употреблять будем ко взятию оной всеми возможностями.

Русскому посланнику в Константинополе, тайному советнику Томаре.

18 декабря 1798. Корабль «Св. Павел», при Корфу.

Милос. государь Василий Степанович!

Какие действия нашими соединенными эскадрами производятся при острове Корфу и при осаде крепостей; в каком недостатке войск находимся мы к высаживанию де-

санта; также, какие требования оных, согласно предписания Блистательной Порты, сделаны мною и командующим турецкою эскадрою Кадыр-Беем, от паней на Румельском берегу находящихся, и по каким обстоятельствам в присылке их происходят замедлительности, донесено мною всеподданнейшими рапортами Его Императорскому Величеству, которые в копиях при сем вашему превосходительству препровождаю и из них все подробности ясно усмотреть соизволите.

Я весьма не желал бы писать ничего о видимых препятствиях, чрез Али Пашу происходящих; но, милостивый государь, если не ошибаюсь, предвижу, что непременно сим пашою произведено будет что-либо неприятное. Если возможно сказать истинную правду, мне кажется по всему, что опытный господин Али Паша весьма сомнителен в верности Порте Оттоманской. Повторяю, если не ошибаюсь, что даже из собственных его слов и из всех поступков заметно, что старается он быть самовластным и, кажется, сие близко. Он укрепляется сильно в своих местах, содержит войска свои и наводит страх другим пашам и местам и, как я предвижу, опасается только бытности моей здесь с российскою эскадрою и наших соединенных сил. Он под ласковым видом старается меня обманывать и льстить мне, но сие, думаю, для того только, что хочется ему быть главным участником взятия Корфы и потом каким бы то ни было образом и обманом отделить нас; даже, может быть, тут скрываются весьма худые его намерения. Все известия вообще отовсюду беспрерывно подтверждают сие; то же подтверждают обманчивые его дела, и, как заметно, он готовится к важным и неприятным предприятиям. Доказательства к оному вернейшие весьма трудны, и я отнюдь в то не вхожу; но из ревности моей и усердия к службе их Императорских Величеств предупредительно к сведению вашему и к предосторожностям уведомляю. Может быть, что-либо возможно будет предупредить; притом по осторожному моему с ним обхождению, учтивостям и ласке и по заметному его ко мне уважению или, так сказать, по его таковым же осторожностям и по предвидению сил наших и могущества в здешнем краю покуда страх его от оного придерживает, но, по известной вашему превосходительству тонкости и хитрости сего предприимчивого паши, он, как я увидел, старается всеми возможностями дела, до здешнего края касающимися, описывать и объяснять совсем в другом виде, нежели они есть настояще; намерение его, как слышу, совсем эскадры наши отсюда удалить далее

вперед, или, как он думает, к Анконе. Но таковые мысли его, ежели это справедливо, ни с делом, ни с пользою, ни с добрым намерением нимало не сходны. Французы имеют при Корфу довольно сильную эскадру, для блокирования которой, по удобному ее месту, большая эскадра кораблей и фрегатов надобна, в особенности если при том блокировать еще и остров со всех сторон. Турецкой эскадры, без нашей, для блокирования одной французской эскадры будет недостаточно, и уверительно сказать могу, что при выгодных обстоятельствах последняя даже и верх одержать может. Тем более ежели бы мы удалились от блокирования Корфы, то французы с своей эскадрой не только безопасны будут в крепостях, но по-прежнему господствовать могут во всем этом краю, и турки им не воспрепятствуют. Таковые обстоятельства на здравое рассуждение представляю. Есть ли тут хотя малейшие основательные мысли, чтобы Али Паша со своими войсками, сколько бы их ни было, мог блокировать и взять Корфу. Остров отделен от матерого берега, и неприятельская эскадра пролив сей и весь остров защищать может; а притом ни провианта заготовленного для большого войска здесь нет и ничего другого; жители острова Корфу, если отойдет только отсюда российская эскадра, не взяв крепостей и не освободя их от французов, без всякого сомнения соединятся с французами и против турок действовать будут всеми своими силами до последней крайности.

Необходимость одна понудила нас, вопреки упорному желанию здешних островских обывателей, взять малое количество войск от Али Паши; но и сие привело жителей в такое расстройство, что бесподобно я стараюсь всеми возможностями успокоивать и уверить их, что все таковые войска находятся под собственным моим начальством, что я стараться буду не допускать их ни до чего, могущего жителей обеспокоивать, и что единственно с ними, общими силами, стану блокировать и брать крепости, после чего обыватели островские получат такие же права, как и прочие острова. Хотя такое старание мое и оказываемые им всегдашние благоприятства успокаивают их несколько; но за всем тем многие колеблются, от нас уже отстают, и хотя незаметно никакого предприятия их противу нас, но от вспоможения нам большей частию удаляются, под предлогом сбережения своих домов от албанцев. Французы же, воспользовавшись таким замешательством и значительно укрепясь в крепостях и на острове, бесподобно употребляют теперь все пронырливости, чтобы обратить островских

жителей к себе, уверяют их, что они в заблуждении и что мы их совсем обманули. Они всеми возможностями стараются уверять их в сем и об том выдают и рассылают по всему острову в великом количестве печатные листы или публикации. Два таковых листа одинакового содержания и одну записку неподписанную, но известно, что написанную Факпиеем, здешним жителем, наиусерднейшим к французам и находящимся в их службе, при сем вашему превосходительству прилагаю из ревности и усердия моего к общей пользе. Уведомив обо всех таковых подробностях и столь важных обстоятельствах, буду ожидать вашего, согласно с Блистательною Портою, ко мне наставления и совета. Что окажется и найдете полезным и что мне предписано будет, согласно тому я дела наши располагать и исполнять буду, и весьма необходимо, чтобы решительное об оном предписание и уведомление ко мне с крайней поспешностию доставлены были.

———

Лорду Нельсону.

27 февраля 1799 г., у о. Корфу, на корабле «Св. Павел».

Ваше превосходительство,

милостивый государь мой!

За почтеннейшие письма вашего превосходительства всепокорнейше благодарю и известить честь имею: крепости Корфы оружием соединенных эскадр, сильными и решительными действиями взяты нами на договоре и приняты со всеми укреплениями. Французы, взятые из оных в плен и те, которые сдались на договор, отпущены нами на честный пароль в Тулон, с обязательством, что они 18 месяцев, считая от подписания условий, против российской и турецкой империй, Англии и Неапольского Величества и прочих союзных держав воевать не будут; а те, которые взяты в плен в продолжение войны, вовсе воевать не должны. От сего времени отделил я половину эскадры мне вверенной, с такою же половиною эскадры Блистательной Порты, в разные откомандировки и коль скоро получим ожидаемую нами провизию для служителей, отправимся к Бриндичи и Транту для вспоможения и ободрения жителей оных мест...

———

Адмиралу графу Кушелеву.

1 марта 1799 г., у о. Корфу, на корабле «Св. Павел».

Ваше сиятельство,

м-вый г-дарь Григорий Григорьевич!

Почтеннейшее письмо вашего высокопревосходительства от 28 ноября 1798 года я имел честь получить. За поздравление меня с получением Высокомонаршей милости, знаков ордена Св. Александра Невского с бриллиантами, приношу покорнейшую мою благодарность. Предписания и повеления ваши наиусерднейше желаю выполнять с прилежностию, но обстоятельства, в каких я теперь нахожусь, совсем меня письмоводством задавили и отнимают время от деятельностей важнейших; а письмоводцев, которые бы сами могли по одному объяснению моих слов сочинять рапорты и донесения, здесь нет. Я измучен до такой крайности, что сделался больным. Повторяю просьбу мою, исходатайствовать мне милость и благоволение прислать ко мне достаточного числа способных письмоводцев, историографа и мастеров рисовальных, без которых ничего успеть не можно. О прочем во всякой подробности объяснился вашему высокопревосходительству в другом моем письме. Планы, какие успел я сделать и доставить здесь в Корфу, Вашему Высокопревосходительству препровождаю; впрочем, буду иметь старание делать все то, что будет в моей возможности, а чего успевать не могу, прошу великодушно простить. Я стараюсь больше о том, чтобы не упустить никаких дел и исполнений, и сколько можно успеваю; а описывать все то, что необходимо бы надобно и должно, никак успевать не могу. Французский корабль «Женере», как я в письме моем Вашему Высокопревосходительству объяснился, после долговременного содержания его в крайней блокаде и после многих его опытов к побегу напоследок в претемную ночь, вычерня все свои паруса, чтобы было незаметно, прорвался и ушел в Анкону; но взятии же нами Корфы корабль «Леандр» достался мне, а на часть турецкой эскадры фрегат «Брюн». Мы поймали еще пришедшую сюда из Анконы авизу, полакру «Экспедицион», — судно прекрасное, легкое, похожее на прежний мой кирлангич «Ахилл», но несколько получше; а прочие мелкие суда, какие здесь есть, еще не рассмотрены.

Английский контр-адмирал Нельсон блокирует Мальту и Александрию, и сам с кораблем своим в Палерме; а в Венецианском заливе кораблей и судов его нет. Из эскад-

ры, мне вверенной, половина кораблей и большее число фрегатов имеют великую течь; с некоторых кораблей, особенно же с «Богоявления», «Троицы» и с некоторых фрегатов, верхняя обшивка спадывает; обшивные доски иногда выплывают из-под них наверх, и сие от того, что обшиты они были дурно и обшивка креплена тонкими гвоздями. Гвозди так соржавели и истлели, что мусуль только один в них остался, и когда раскалывают доску, чтоб ее вынуть, то все гвозди, какие в ней есть, рассыпаются. Я, будучи еще в Севастополе при кренговании оных кораблей, собрал множество таковых худых гвоздей и мусуля и хотел отправить в Государственную Адмиралтейств-Коллегию и в Контору Главного Командира, но не успел. Пазы и стыки из-под верхней обшивки открыты, и оттого корабли и фрегаты имеют великую течь; корабли «Богоявление», «Троица», «Магдалина», «Св. Петр» требуют непременного исправления килеванием; также фрегаты «Навархия», «Казанская», «Сошествие Св. Духа» и «Николай» необходимо надобно килевать, а здесь к килеванию ни смолы, ни гарпиусу, ни серы горючей, ни гвоздей, ни железа, ни пеньки, ни леса на бимсы, словом сказать ничего нет. Стараюсь и я по возможности, что только удобно исправлять, но по совершенному во всем безмуществу ничего существенного сделать не можно. Всю зиму были мы в движениях, блокируя крепости и остерегая Венецианский залив от высадки десанта... При всем нашем теперешнем состоянии паруса на многих судах ветхи; такелаж во многом числе в худости и требует перемены, и ничего здесь нет; равно и мелочных всякого рода необходимо надобных припасов: ни свеч, ни бумаги, словом сказать во всем крайний недостаток, но и с ним по сие время я еще по возможности успеваю. Теперь как с этими кораблями и фрегатами отсюда выйти, ежели обстоятельства сего потребуют? Не знаю. Кроме одной опасности, ничего не предвижу. Ведомости, которые успели сделать в Государственную Адмиралтейств-Коллегию и в Контору Главного Командира, препровождаю; а с некоторых судов за бытностию их в отсутствии еще не получены, но и без всяких ведомостей все, что необходимо надобно, из сего описания явственно. Всепокорнейше прошу как наивозможно скорее присылкою всех потребностей нас не оставить. Я полагаю, что по теперешним обстоятельствам надобно будет отсюда выйти с половиною эскадры нашей и с половиною же эскадры турецкой к Италианским берегам, и туда, где надобность требует, о чем изъясню особым письмом; а с другой половиною эскадры останется тут в Корфу господин контр-адмирал Пустошкин, и употреблено будет всевозможное старание о поправке кораблей и фрегатов. Пленных, взятых нами, и судов умножается, а людей от военных действий время от времени становится меньше, и весьма они надобны.

Пленный 54-пушечный корабль «Леандр» корпусом весь хорош и крепок, обшит медью, и сказывают, что прежде ходил очень хорошо; а теперь по неимению здесь лесов и припасов французы вооружили рангоутом с фрегата, потому и ходу его хорошего быть не может, и необходимо надобно все на него доставить новое. На фрегате «Навархия» кроме других потребных исправлений семнадцать бимсов гнилых и следуют в перемену, потому почитаю лучше бы его отправить в летнее время обратно в Ахтиар, ибо сюда ко мне мастеровых людей прислано очень мало и всех означенных работ исправлять некому; за всем тем будем иметь наиусерднейшее старание делать все то, что только возможно. Вот, милостивый государь, сколь тесны мои обстоятельства и сколь велика обо всем забота, при которой погрешаю я тем, что не могу исправляться письменными делами, как бы должно. Притом еще мучат меня всегда требованиями провианта; служителям многократно случалось по 3 и по 4 дни быть без сухарей; ели один только булгур, и ничего другого не было.

Суда, отправленные из Константинополя с провиантом, как Министр наш уведомляет, некоторые от штормов в зимнее время разбились; другие с великими повреждениями возвратились; провианту у нас во множестве недостаточно, также соленых мяс, вместо которых ничего нет. Меня же с эскадрою требуют во все места. Иной желает, чтобы шел я в Александрию; господин Сидней Смидт пишет, чтобы отрядил я эскадру крейсировать по близости Кандии; должно будет послать в Венецианский залив, для забрания оттуда батальонов, назначенных для Мальты, а как оная еще не взята и содержится в тесной блокаде, потому оные батальоны весьма были бы полезны мне в Италии. Его величество неаполитанский король из Палермы прислал ко мне с письмом своего господина министра кавалера Минеру и просит нанубедительнейшим образом, чтобы я показался с эскадрою около италианских берегов у Бриндичи, Отранта и около Калабарийских берегов и пришел бы в Мессину, дабы ее занять и иметь лучше в наших руках, нежели допустить, чтобы отняли ее французы, уверяя нанесвященнейшим именем, что по особому согласию угодно будет это Его Императорскому Величеству нашему Госуда-

рю Императору. Таковые важные обстоятельства должен я выполнить непременно. Одно только теперь меня затмевает: не знаю, где наши войска и пришли ли в Заро, как им предписано? Но я думаю, узнаю чрез фрегат наш «Михаил», который от 14-го числа января по требованию его неаполитанского величества министра иностранных дел господина маркиза де Галло послан к нему с одним турецким корветом в Бриндичи, для отвозу его, господина де Галло, в Триест или поблизости тамошнего места; и известно, что он давно туда дошел и находится близ Заро, откуда вскорости я его ожидаю. Уповаю, что командующий оным фрегатом флота капитан Сорокин доставит мне полное сведение обо всем. Также получил я письма из Бриндичи от графа Шюстелюза, который наиубедительнейше просил меня прислать в Бриндичи фрегат или два и оттуда перевести принцесс и теток бывшего короля французского с их свитою в австрийские владения, и ежели туда обстоятельства не позволят, то сначала перевести их в Корфу. Посему и посланы от меня, февраля 14-го числа, за ними в Бриндичи фрегат «Счастливый» и с ним способное для грузу одно турецкое судно, которых вскорости сюда ожидаю; и если неимущество провизии меня не остановит, то около половины марта надеюсь я с полуэскадрою, как выше означено, отправиться отсюда к испоможению Италии, дабы хотя ободрить тамошние места и утвердить жителей Пулии в верности его неаполитанскому величеству, которые по сие время еще от того удерживаются. Чрез присланного ко мне из Отранта, требующего моей помощи, послал я к ним объявление, коего печатный лист при сем представляю. Я ободряю их и обещаю вскорости придти к ним на защиту и помощь со всею эскадрою.

Весьма для нас важно, чтобы французы в сих местах не утвердились, откуда могут посылать десанты свои во все другие места; но так как их теперь тут нет, да и во всей Италии очень мало, то надобно все сие предупредить нашими деятельностями. Только я теперь совсем без войск; войска же наши со флота содержат в безопасности крепости Корфы.

Для отвозу гарнизона французского отсель в Тулон здесь нанимаем мы суда купеческие и с ними несколько наших малых судов посылаем. Не оставьте, милостивый государь, прислать в прибавку нам служителей для флота и особливо солдат полевых, которые крайне необходимы, и чтобы содержать крепости Корфы надобен по крайней мере целый полк; меньшим же числом никак нельзя, потому что

крепости сии весьма сильны и укреплены артиллериею и фортификациею беспримерно; медных прекраснейших орудий одних до четырех сот и более двух сот чугунных. Теперь в крепости делается всему опись, которую при первой оказии я к вам доставлю. Когда я отсюда выйду, то оставленная здесь эскадра от содержания и надзирания оных мест отделиться, кажется, не может, разве некоторая только часть оной; впрочем, какие обстоятельства последуют, обо всем буду иметь старание относиться к вам с наивозможной подробностию...

Адмиралу графу Кушелеву.

20 марта 1799 г. Корабль «Св. Павел», при Корфу.

Ваше сиятельство, м-вый г-дарь!

Племянник мой, брата моего родного сын, Иван Ушаков, был содержан всегда при мне, коштом моим обучен и окончил все навигацкие науки, к мореплаванию принадлежащие; пять кампаний сряду был со мною в море при эскадре, на моем корабле, волонтером; обучался практике и ныне находится в должности адъютанта при командующем кораблем флота капитане 1 ранга Сарандинаки, от кого рекомендован и представлен с прочими рекомендованными. Прошу покорнейше ваше превосходительство не оставить вашим покровительством и милостию, так как он не определен еще в службу. Намерение мое было, обуча, записать его в Морской Кадетский корпус в гардемарины, дабы с прочими после мог быть экзаменован; теперь же представляю на вашу волю и благорассмотрение и буду доволен, только бы он был определен в службу как угодно, а я буду стараться об окончании им других наук. Благосклонность вашу почту собственной ко мне вашею милостию и проч.

Верховному визирю Юссуф-Зыю Паше.

27 марта 1799 г. Корабль «Св. Павел», при Корфу.

Ваша светлость, милостивый государь!

По совершенной моей преданности и высокопочитанию, долгом поставляю всепокорнейше донести вашей светлости

на господина Али Пашу Янинского, что он несправедливо донес Блистательной Порте Оттоманской, будто бы войсками его взяты остров Видо, суда французские, при сем острове бывшие, и крепость Сальвадор. Войска его, в весьма малом количестве здесь находившиеся, не только брать остров Видо, но и помогать нам отказались и с нами не пошли. Остров сей взят большею частию российскими кораблями и штурмом войск российских с помощию войск с эскадры Блистательной Порты Оттоманской, по сделанному от меня плану и распоряжению. Сальвадор штурмован российскими же войсками с помощию турецких, от Кадыр-Бея определенных, и только до двух сот албанцев тут с нашими войсками были, да и те пред вечером, во время жестокого сражения оставя в действии и в опасности одни российские войска, сами ушли. О взятии нами штурмом острова Видо, Сальвадора, а после и крепостей Корфы, я имел уже счастие донести вашей светлости февраля от 21-го и сего марта от 13-го чисел, причем и план атаки мною представлен, из которого явственно усмотреть сопзволите, что французские суда, при острове Видо бывшие, атакованы и взяты российскими кораблями, а не Али Пашею, и честь взятия Корфы ему не принадлежит. За всем тем, в рассуждении албанских войск я соблюл всякую учтивость и их рекомендовал в реляции и во всех моих письмах, о чем сим уведомляю вашу светлость по совершенной моей к вам преданности и глубочайшему высокопочитанию, с каковыми имею честь быть и проч.

———

Русскому посланнику в Константинополе,
тайному советнику Томаре.

30 марта 1799 г. Корабль «Св. Павел», при о. Корфу.

Ваше пр-во, милостивый государь!

Командующий фрегатом «Счастливый», флота капитан-лейтенант и кавалер Белле, будучи в Бриндичи 2-го числа сего месяца, взял в плен республиканское французское 8-пушечное судно, требакул, и в рапорте своем объясняет, что на оном судне экипажа 27 человек и командир флота лейтенант Гиго, который показывает, что он отправлен был из Анконы 30-го числа января, по повелению начальства с подполковником Лефилом, везшим депеши в Александрию

к генералу Бонапарте, и что командиру обещан чин и 1000 люидоров, ежели депеши доставит благополучно; что он доходил почти на вид Александрии, но февраля 24-го числа сделался противный крепкий ветер и шторм, от которого возвратился на фордевинд, и с поврежденным рулем едва мог дойти к Бриндичи; четыре пушки при оном шторме с судна сброшены в воду, также и депеши подполковник Лефил бросил с тяжестию в море, сходно с предписанием, данным ему от начальства на таковой случай. На оном судне, кроме настоящих его припасов, ничего не оказалось; впрочем, оно само по себе годное и находится теперь при эскадре, а пленных всех с подполковником Лефилом и командиром судна на сих днях, чрез командующего эскадрою Блистательной Порты Кадыр-Бея, отправлен в Константинополь, о чем сим и извещаю. Имею честь быть и проч.

———

Русскому посланнику в Константинополе,
тайному советнику Томаре.

31 марта 1799. Корабль «Св. Павел», при Корфу.

Милос. государь, Василий Степанович!

От Его Величества Неаполитанского Короля из Палермы вчерашний день прибыл в Корфу, к соединенным эскадрам, полномочный министр кавалер Мишеру на неаполитанском фрегате. Господин министр будет находиться при наших эскадрах, и какового содержания всепокорнейший рапорт отправлен от меня Его Императорскому Величеству, с оного копию и копии с приложенных при том писем о известиях и обстоятельствах Неаполитанского владения при сем прилагаю. Неимение на эскадре провианта, а который и есть, совершенная его негодность; теж неимение припасов, коими бы можно было хорошо исправлять корабли, удерживают меня на одном месте, и как никуда идти нельзя, то сколько я ни забегаю, чтобы об этом не писать Государю, но не могу и должен хотя несколько донести к Его сведению, какие обстоятельства меня удерживают. Также и денег теперь совсем нет у меня. Все таковые политические обстоятельства, требующие действий наших; многие беспокойства, причиняемые просьбами офицеров и всех служителей, не получающих разных довольствий; худость и по неимению припасов, невозможность приступить

к исправлению кораблей и прочие разные обстоятельства повергают меня в великое уныние и даже в совершенную болезнь. Из всей древней истории не знаю и не нахожу я примеров, чтобы когда какой флот мог находиться в отдаленности без всяких снабжений и в такой крайности, в какой мы теперь находимся. Мы не желаем никакого награждения, лишь бы только по крайней мере довольствовали нас провиантом, порционами и жалованьем как следует, и служители наши, столь верно и ревностно служащие, не были бы больны и не умирали с голоду, и чтобы при том корабли наши было чем исправить и мы не могли бы иметь уныния от напрасной стоянки и невозможности действовать. Вот, милостивый государь, до каких объяснений приводит меня крайность. Я ожидаю во всем скорейшей от вас помощи и снабжения; за деньгами на жалованье на сих днях посылаю судно в Патрас, к нашему консулу. Прежде сего времени стояли все зюйдовые противные и весьма крепкие ветры, худая погода и штормы, при которых судов посылать туда было не можно; теперь же время начинает быть лучше, и потому посылаю. Имею честь быть и проч.

Деньги все издержал я на разные покупки. Всякую вещь, необходимо надобную, должен был покупать, и чрез то денег, положенных мне к получению из Константинополя, весьма мало и большое количество еще к тому потребно. Деньги надобно бы получать не все турецкие, ибо они в других местах к употреблению служить не будут.

———

Вторая архипелагская экспедиция

П. И. Панафидин[1]

ПИСЬМА МОРСКОГО ОФИЦЕРА
(1806—1809)

1

Кронштадт. 1806, марта 20-го. Ты оставил нас, любезный товарищ, и переселился в степь... Мы же по-прежнему собираемся толковать о несбыточных мечтах: открываем новые страны, поражаем все европейские флоты и потом наслаждаемся удовольствиями в каких-нибудь портах Средиземного моря... И что же? — вестовой напоминает, что я назначен в караул в Купеческую гавань, — и мечты исчезают, идучи по грязным улицам... По справедливости одна дама недавно мне сказала, что Кронштадт есть политиче-

[1] Автор этих писем, Павел Иванович Панафидин (в более поздних источниках — Понофидин), происходил из старинного рода, который дал русскому флоту 13 офицеров. Воспоминания о флоте и боях нашли отражение в его дневниковых походных записях, которые, в виде писем к бывшему сослуживцу, увидели свет уже после смерти их автора. *(Публикуется с сокращениями.)*

ская тюрьма. Если она не совершенно справедливо описала Кронштадт, то очень приблизительно. Отними круг нашего товарищества, — что бы было с нами? Мы бы утонули в грязном острове. Говорят, что с весною очистят и вымостят улицы; это не безделица для бедной братии нашей — офицеров, которые всегда на своей паре катаются. Вот тебе от скуки первая весть о том месте, где ты прожил более 5 лет и о котором ты, верно, вспоминаешь...

2

Кронштадт. 1806, мая 15-го. Вот и весна, — так прелестно везде, кроме нашего Кронштадта! И мы более чувствовали потерю в тебе, гуляя по военной гавани — единственному сухому месту, если бы не получили повеление вооружить наши корабли. Кажется, все ожило, и Кронштадт стал суше, и солнце яснее. Жаль, что ты не с нами... Мы назначены усилить наш флот в Средиземном море. Ты знаешь, что наш корабль* — новый, боевой, капитан** — богатырь силою и славный моряк; офицеры — все образованные люди, и нет ни одного с какими-нибудь дурными наклонностями. Я приставлен к вооружению корабля — и только не силю на своем «Рафаиле»...

3

Кронштадтский рейд. 1806, июля 30-го. Исполняю охотно, любезный товарищ, твое желание: буду писать тебе о всем, что случится в моем походе...

Вчерашний день мы вышли на рейд, и я не мог спать от какого-то восторга... Прелестное утро осветило стройно стоящий флот под белым с андреевским крестом флагом. Наш корабль... выкрашен в одну полосу и так чист, что, право, можно сравнить его с прекрасною женщиною, со вкусом одетою... Нами командует капитан-командор И. А. Игнатьев, человек умный, с большими сведениями***. Флот наш состоит из 5 кораблей, фрегата, шлюпа, корвета и катера...

---

* «Рафаил». (Прим. издателя Б. Л. Модзалевского.)

** Дмитрий Александрович Лукин, знаменитый силач, «Русский Геркулес», погибший во время Афонского сражения 19 июня 1807 г. О нем см. ниже, в письме 31-м.

*** Иван Александрович Игнатьев, питомец Морского корпуса с 1779 г., мичман с 1784 г., участник Красногорского и Выборгского сражений 1790 г. С 1805 г. командовал кораблем «Сильный» в эскадре Д. Н. Сенявина и 10 мая 1807 г. убит в Дарданелльском сражении (см. в письме 28-м).

5

Ревель. 1806, августа 30-го. ...19 августа прощальный салют известил наших приятелей, что флот оставил Кронштадт. Дойдя до Красной Горки, в 30 верстах от Кронштадта, флот остановился за штилем. Мы стояли на том самом месте, где славный адмирал Круз отразил шведский флот, вдвое себя сильнейший. Адмирал Круз, чудесно спасшийся с взлетевшего на воздух корабля «Евстафий», будучи еще капитаном, в сражении с турками в Архипелаге*, был необыкновенно толст и казался всегда спящим. Императрица Екатерина II, получая уведомление о сей победе, сказала: «Круз проснулся»... На другой день прошли Березовые острова; это вход в Выборгскую губу, в которой в ту же войну был заперт шведский флот...

10

Портсмут. 1806, октября 15-го. Ничего не могу передать тебе о Портсмуте: я должен оставаться на корабле и не жалел, — был приглашен обедать к своему капитану Д. А. Лукину. У него обедали несколько английских капитанов, — почти все те капитаны, которые возвратились из Вест-Индии с фальшивым вооружением. Еще были тут офицеры с корабля «Сентавра», близкого нам соседа; этот корабль был очень поврежден в рангоуте; он отделался от 4 французских фрегатов, отыскивавших его, и если бы не сильное повреждение его рангоута, отчего он не мог преследовать их, — то, как рассказывают офицеры этого корабля, прибавился бы счет французских фрегатов в английском флоте. Но рассказ об урагане, постигнувшем флот, шедший в Англию из Вест-Индии, был чрезвычайно любопытен. Этот ужасный ураган шел от поверхности воды на несколько фут, и когда корабли лежали на боку и мачты все были сломлены, тогда шлюпка одного из кораблей, бывшая на бакштове, была в покойном положении, и люди, бывшие в ней, только видели, как ломались мачты, и слышали над головами ужасный рев ветра. Такие феномены в Вест-Индии не редки, и несколько часов достаточно, чтобы истребить не только плантации, но и самые города. Не правда ли, что выдержать подобную бурю стоит сражения, и после того станешь ли удивляться искусству английских офицеров? Вот что их сделало искусными на море, и не ложно ли было заключе-

---

* При Чесме, 24 июня 1770 г.

ние графа Чернышева*, вызвавшего множество англичан в наш флот без строгого разбора, полагая, что всякий англичанин есть уже искусный моряк? Они наполнили нашу службу — и какую пользу принесли без сведений, без воспитания, — отняли только дорогу лучшим нашим офицерам. После и увидели ошибку, но поправить ее было невозможно; им не давали хороших кораблей, но они с терпением все-таки оставались на флоте. Доказательством сему служит, что в нашем отряде и в эскадре в.-а. Сенявина находится только 2 капитана англичанина. Всех же судов в Средиземном море около 25, несмотря на то что они почти все дослужились до полных капитанов, и их, к прискорбию, очень не мало. Нельзя же, однако, не удивляться, смотря на английских морских офицеров, видеть молодого человека капитаном корабля, когда же у него лейтенант — розсчик его отцу. У них линия идет только с чина, равняющегося нашему подполковнику или капитану 2 ранга, а до сего чина одно отличие есть образованию и протекция. Никакие заслуги не дают права обойти одному другого. Нельсон за Сен-Винцентское сражение произведен был в контр-адмиралы, — и для него с лишком 30 капитанов пожаловали, бывших по списку его выше. Никто не может менее 6 лет быть мичманом (чин нашего гардемарина), и принц Кларенский, сын короля, пробыл столько же времени и со всею строгостью исполнял свое звание...

13

Портсмут. 1806, октября 23-го. Пробывши в Портсмуте около месяца, ты спросишь: «Для чего вы так долго были в Англии? Неужели вам так понравилась она, что вы отдыхаете после непродолжительного плавания, и для чего не спешите соединиться с флотом, может быть имеющим надобность в вашем пособии?» — Мы не были праздны: по новому изобретению в Англии приделывали замки к пушкам, на что надобно время, — и вот мой ответ. Замок к пушкам есть выдумка превосходная, особенно для начальной пальбы: стоит только дернуть веревочку, — курок спустится на полку и — выстрел. Для неопытных, никогда не бывавших в сражении, не излишно можно напомнить, что фитилем попадет прямо в затравку, а тут и не совсем храбрый человек может дернуть шнурком. Недостаток может быть один: испортится замок и во время дела некогда его починивать; тогда обратимся опять к фитилю, который всегда есть при пушке во время сражения, из чего выходит заключение, что выдумка хороша...

* Иван Григорьевич Чернышев (род. 1726, ум. 1797), Президент Адмиралтейств-Коллегии.

14

Атлантический океан. 1806, ноября 1-го. Окончивши замки к пушкам, мы вышли 25 октября, при благополучном ветре, в Британский канал. Командир чрезвычайно счастливо вел эскадру: кажется, ветер был в полном его повиновении... Вот уже сдали своих лоцманов, вот уже и Лизард — последняя оконечность Англии — скрывается вдали, и мы плывем по 10 верст в час так покойно, так тихо, что и петербургская дама пожелала бы быть в это время моряком. Дни стоят прелестные, хотя уже и ноябрь; а кажется, приметна перемена в температуре: чувствительно теплее. Оставивши Англию, чувствительна перемена и в кошельке... Все офицеры завели отличные шкатулки с секретными ящиками, в которых не знаю, кто привезет назад в Россию свои заслуженные червонцы... Кают-компания приняла вид если не роскошной гостиной, то щеголеватой военной комнаты: стол сервируется хорошим стеклом, превосходною посудою и вдобавок — чистое, несмешанное вино; на стенах — бронзовые гвозди, ковры на рундуке... Забавная выдумка не класть шляп на стол, а вешать на гвозди, также неосторожность с трубкою и многие другие вещи, за неисполнение которых положен штраф, — и на штрафные-то деньги, с прибавкою с каждого, приняла наша каюта тот вид, что заметили офицеры, приезжающие с других кораблей. Любезный наш капитан участвовал в сей шутке и нарочно нарушал постановленные правила, чтобы только заплатить более штрафу. Между офицерами было сохраняемо вежливое и дружеское обращение...

15

Атлантический океан. 1806, ноября 5-го. Мы плывем так же благополучно и так же весело. Третьего дня у мыса Финистере встретились с английскою эскадрою, блокирующей северные берега Испании. Этою эскадрою командует контр-адмирал Гарви, тот самый, который в Трафальгарском сражении был капитаном на корабле «Виктори» у Нельсона...

9-го числа ночью прошли мимо эскадры, блокирующей

Кадикс под главным начальством всего Средиземного моря вице-адмирала лорда Колингвуда. Нельзя не отдать справедливости морякам Англии: в каком они находились порядке, стройно лежали в 2 колонны, интервалы сохранены были с величайшей точностью. Лунная прекрасная ночь придавала какой-то величественный вид сему флоту, год тому назад истребившему последние морские силы Франции и Испании при мысе Трафальгар...

Утром открылся Гибралтарский пролив, — и мы увидели вдруг берега Европы и Африки, с течением, обыкновенно имеющим направление в Средиземное море, и с благополучным свежим ветром мы быстро пронеслись между Геркулесовыми столбами...

20

Корфа. 1806, декабря 26-го. Командор так же счастливо привел нас в Корфу 21 декабря...

Корфа представляет почти русский город: большая часть жителей понимает русский язык, а молодые порядочно уже говорят по-русски. Крепость содержится в отличном порядке; адмиралтейство, находящееся в заливе Гуви, в близком расстоянии от города, может делать пособие поврежденным кораблям... Театр в сравнении с прочими итальянскими театрами далеко хуже, но вы все здесь найдете: оперы, балеты, и часто представления забавным образом прерываются горстью денег, кинутых на сцену за удачное представление, или горстью орехов за противное, и бедные актеры посреди арии бывают остановлены проказами русских и английских офицеров; последние являются здесь на своих судах из крейсирования в Адриатическом море для укрытия от бури. Я видел, как летали скамьи на сцену; я был свидетелем, как английский офицер плясал жигу; первое было страшно, как буря, а последнее — очень забавно — видеть в серьезной опере, посреди актеров, стоящих в изумлении и ожидании, пляшущего в силем мундире офицера. Музыка тотчас заиграла жигу, и он, уставши до поту, преспокойно сошел со сцены, — и опера по-прежнему продолжалась. Это, говорят, остаток республиканских прав...

21

Боко-ди-Катаро. 1807, января 1-го. С новым годом мы явились в команду к вице-адмиралу Дмитрию Николаевичу Сенявину и с 9 поздравительными пушечными выстрелами. Командование командора Игнатьева кончилось над нашею

эскадрою, так счастливо приведенною в 4 месяца, считая с выхода из Ревеля, обогнувши всю Европу без всяких несчастных приключений. Мы вступали под начальство адмирала искусного в своем управлении, любимого и уважаемого всеми. Здесь нашли флот в 4 кораблях и 2 фрегатах под флагом вице-адмирала Сенявина — «Селафаил» и контр-адмирала Сорокина* — «Прасковея»; прочие корабли были в разных крейсерствах.

Едва только стали на якорь, брат Николай** явился к нам. Ты знаешь, что он только что вышел из корпуса и, не видавшись с нашими родителями несколько лет, пошел на корабле «Св. Петр», под командою комаядора Баратынского[1], в Корфу. Можешь судить нашу радость обнять его и найти его здоровым! Он был в сражениях при отражении генерала Мармонта от Катаро и так был счастлив, что легко только был ранен в ногу...

Рейд здешний закрыт отовсюду высочайшими горами, и корабли едва приметны по огромности окружающих гор. Вход открывается уже почти подошедши к самому месту. Можно сказать, едва ли можно выбрать лучшее и безопаснейшее место стоянки для флота. Якорное место находится в 30 верстах от Боко-ди-Катаро и против крепостей Кастель-Ново и Испаньело.

22

Боко-ди-Катаро. 1807, января 5-го. ...По краткости нашего здесь пребывания я передаю также наблюдения брата и других офицеров, которые могли, по долгому их пребыванию, лучше узнать... Черногорцы, народ, живущий в совершенной простоте, управляются более властью духовной. Митрополит, воспитанный во время императрицы Екатерины в С.-Петербурге, преданный России, есть только глава республики, решающий дела по голосам. Он — главный служитель божий и главный начальник республики и войска. Войско состоит из всего народонаселения, состоящего в

---

* Александр Андреевич Сорокин (ум. 1827), впоследствии член Адмиралтейств-Коллегии.

** Николай Иванович Панафидин, мичман с 6 апреля 1805 г. Он крейсировал в Адриатическом море до 1809 г.; в 1818 г. вышел в отставку капитан-лейтенантом.

[1] П. В. Чичагов считал И. А. Баратынского непорядочным человеком. В 1815 г., уходя из-за интриг в отставку, адмирал писал: «...С наслаждением я снял мой мундир, предоставляя Шишковым и Баратынским искать их счастия на равнине интриг, грабительств, раболепства; уступая им право получать награды».

40 тысячах. Отслужа с великолепием и благоговением литургию, он препоясывается мечом и ведет народ к победам. Положение горы неприступное, несколько только тропинок ведут на нее; эти тропинки всегда защищены неутомимыми черногорцами. Они, лежа за каменьями в ущельях, могут истребить множество неосторожного неприятеля прежде, нежели тот увидит, откуда стреляют... Каждый житель есть воин; едва только достигнет возраста, что в силах держать ружье, он уже не расстается с ним до конца своей жизни. Ружья их превосходные, длинные, с тонким стволом, стреляют далеко и всегда верно. Ружье, богато украшенное серебряною насечкою, и два пистолета за поясом, таким же образом обделанные, сабля или ятаган составляют их всегдашнее вооружение. В открытом поле они плохие воины и пушек ужасаются. Сенявин умел образовать из них несколько рот и приучил к подчиненности — даже успел убедить щадить сдавшихся пленных и не отрубать им головы...

Адмирал Сенявин умел приобрести до такой степени любовь сего полудикого народа, что они обязались, если понадобится, поставить 10 000 в поле своего войска...

23

Боко-ди-Катаро. 1807, января 7-го. В день крещения, 6 января, назначен был военный праздник всем войскам, которые своею храбростью изумили отважных французов и заслуживали быть угощаемы их начальником*. Поутру на всех кораблях люди стояли на реях. Шлюпка под вице-адмиральским флагом отвалила от корабля «Селафаил», корабль и крепость отдали честь вице-адмиралу 9 выстрелами, и со всех кораблей отвалили шлюпки и составили свиту вице-адмирала. При море была устроена Иордань; при погружении креста в воду все корабли открыли пальбу, и войска, расположенные амфитеатром по горе, производили ружейную стрельбу. Картина была превосходная, вся Гора была в огне; жители были в восторге — они в первый раз видели торжество греческой веры и с таким великолепием. По окончании церковной службы все офицеры и солдаты приглашены были на обед к адмиралу. Для офицеров устроены

* Речь идет о подвиге брига «Александр» под начальством капитана Ивана Семеновича Скаловского, который у острова Бранце отразил нападение 4 французских канонерских лодок, причем одну из них потопил на месте сражения, другия же загнуда при входе в Спалатро. Награжденный за это выдающееся дело орденом Св. Георгия 4-й степени, Скаловский впоследствии был контр-адмиралом; он умер 20 августа 1836 г.

были столы в доме, а для солдат на площади. Пили здоровье сначала адмирала, как виновника всех успехов, потом отличившихся офицеров и солдат, — и как лестно было видеть, когда все офицеры лично подходили поздравить храброго офицера и воина*. Я тронут был, когда почтенный адмирал поднял бокал и сказал: «Здоровье храброго лейтенанта Скаловского, командира брика «Александр»!» Все офицеры закричали: «Ура, Скаловский!» — и несколько выстрелов полевой артиллерии своим громом подтвердили достойные заслуги сего храброго офицера. Он только что возвратился после отличной победы над французскими требаками во время штиля при острове Бранцо. Мармонт послал эти 4 требаки, вооруженные каждая 24-фунтовой пушкой и наполненные для абордажа солдатами, привести слабый брик, осмеливающийся всегда быть в глазах главной квартиры. Он так был уверен в успехе, что во время данного бала просил дам не бояться пальбы, в награду хотел им представить на бал русских офицеров. Окончание не так вышло: брик «Александр», вооруженный малою артиллерией, но действующий смело и искусно, всегда держал брик в таком положении, что огонь с него наносил ужасный вред множеству людей на открытых требаках и тем уничтожил их намерение взять брик абордажем. Одна из сих требак была потоплена, другая была сильно повреждена и, боясь участи первой, пустилась бежать, и ей последовали остальные две.

Брик с оторванными парусами и сломанным рангоутом от ядер слабо мог преследовать, и тишина спасла их от совершенного поражения. Впоследствии император наградил Скаловского Георгием 4-й степени. Вот тебе описание военного праздника, в котором видна цель, чем адмирал Сенявин приобретал любовь своих подчиненных, желавших с такой ревностью отличия, что кроме монаршей награды они принимают, как дань справедливую, заслугу своих товарищей и их достойного начальника.

Завтра оставляем Боко-ди-Катаро и идем в Корфу. Здесь остается начальником командор Баратынский с 4 кораблями и несколькими фрегатными и мелкими судами.

24

Корфа. 1807. февраля 5-го. Два раза выходили из Катаро и за крепким ветром возвращались. Я был доволен видеть еще брата и видеть еще ужасную грозу, какую я ни-

* И. С. Скаловского.

когда не видывал. Вообрази темнейшую ночь и самую мертвую тишину; весь гористый берег был в огне от молнии; стрелы беспрерывно удалялись в скалы, как будто досадуя, что утесы хладнокровно принимали их удары. Это точное изображение войны Титанов.

В Корфе пробыли недолго. Сегодня объявили войну с турками — и мы идем в Архипелаг, страну классическую и так для нас занимательную еще в детстве. Я, как старший мичман, получил вахту лейтенанта Бутакова*, который сделан командиром шкуны «Экспедицион», взятой при занятии Боко-ди-Катаро лейтенантом Сытиным**. Мне было чрезвычайно лестно, но я не могу не сознаться в страхе: мне досталось сниматься с якоря Корфы, рейда тесного, — но, благодаря бога, скоро я привык.

Прибавлю тебе еще о Корфе. В 7 верстах от города течет речка Беница, где покойнее и поспешнее можно наливаться водою поблизости стоянки; наш корабль брал оттуда воду, и для того мы туда переходили. Здесь грунт не так хорош, как на рейде; у нас переломился якорь, и мы должны были его оставить.

Наш флот состоит из 8 кораблей, 1 фрегата под начальством вице-адмирала Сенявина, имеющего флаг на корабле «Твердом», и контр-адмирала Грейга на корабле «Ретвизан». Прощай, теперь не обещаю так верно уведомлять тебя. Быть может, роковое ядро или пуля прекратят мою переписку, но... лучше лечь за отечество, нежели умереть от болезни.

25

У Дарданелльского пролива. 1807. Март. Письмо сие получишь в виде журнала. До овладения крепостью на острове Тенедос 10 февраля вышли из Корфского канала и плыли вдоль берегов Греции. Прошли незначительный остров Итаку... 11 февраля миновали большой остров Сан-Мавро... 12 февраля пролетели также мимо цветущего острова Занта — сада Ионических островов. Вот и каменистый остров Черигo, в древности Цитера, похожий более на скалу. Не знаю, что внутри хорошего на сем острове, а наружность не пленительна. Какой причудливый вкус был у Венеры выбрать такое ужасное место для трона любви! Видно, во все времена любовь имела свои прихоти и своенравие! Эти-то странности обворожили мечтами пленительного воображения влюбленных, и они на каменной Цитере находили свое блаженство! Надо сознаться, что греки дополняли сильным воображением свои картины, — участь Истории... Подумаешь, что вся Греция есть верх красоты природы; но, увидевши страну, узнаешь, что это есть не более как идеал воображаемый.

* Александр Николаевич Бутаков, впоследствии генерал-майор, член Черноморского интендантства.

** Алексей Степанович Сытин, с 1809 г. капитан-лейтенант, умер 23 августа 1812 г.

У мыса Матапана, оконечности Европы, штилевали несколько часов. Наконец подул попутный ветер; 13 февраля прошли мимо острова Кандии...

15 февраля адмирал привел нас к острову Идра, в древности Гидра. Тут я стоял на якоре для ожидания обещанных корсаров от жителей сего острова. Остров — совершенно голый камень, но жители коммерциею чрезвычайно богаты: они имеют отлично устроенные суда, красивые, легкие на ходу и хорошо вооружены. Это — архипелагские англичане. На противолежащем берегу наливались водою. Можно ли без какого-то чувства грусти видеть берега Греции, занятые турками... И эта-то страна досталась в удел сим жестоким притеснителям, угнетающим до того, что греки потеряли свой хотя непостоянный, но живой и пылкий характер...

Слух пронесся... что англичане прорвались в Дарданеллы, и адмирал ночью 21 февраля полетел к Дарданеллам. Наш флот увеличился двумя корсарами из Идры. Ветер беспрестанно крепчал; мы не убавляли парусов и едва успевали считать острова, мелькающие мимо нас. Лоцман «Рафаила», для нашего корабля взятый с острова Идры, старик лет 60-ти, но свежий, с седыми усами, с бритой головой, в полуфалме, только что успевал нам сказывать: «Вот огонь на острове Зео, вот вправе Андрос, влеве большой остров Негропонт». Днем 22 февраля острова виднелись в разных направлениях, и к вечеру пришли к острову Митилена — лучший остров Архипелага, — от которого недалеко до Дарданелл. Всю ночь шли под малыми парусами. 23 февраля увидели остров и крепость Тенедос. К нам присоединился английский корабль, и мы в линии баталии прошли мимо крепости Тенедоса, не сделав ни одного выстрела. Турки, как из благодарности, не стреляли даже и по последнему кораблю. У самого Дарданелльского пролива стали на якорь подле английской эскадры, стоящей тут в числе 8 кораблей под командою вице-адмирала Дукворта. Англичане уже прорвались обратно сквозь Дарданеллы со значительною потерею, не сделав никакого существенного вреда (если можно назвать только вредом сожжение одного

неготового корабля и брига) против той выгоды, какую бы могли иметь два соединенных флота, составляющие 16 линейных кораблей, против самой столицы Турции. Турки, не сделав ни одного выстрела при прорыве англичан в Мраморном море, не потеряли даром времени. Дукворт плавал в Мраморном море, а они укрепили Дарданелльские крепости так ужасно, что англичане, проходя обратно в Архипелаг, потерпели большую потерю в людях. Корабли их были пробиты ужасной величины мраморными ядрами. Мачты на двух кораблях едва удержались от падения, — так гибельны были выстрелы огромных пушек, лежащих на платформах, а не на станках, и стреляющих почти по горизонту воды. Точно как будто они показали туркам, чего им надо бояться. Адмирал наш убеждал возобновить снова прорыв, но никакие убеждения не заставили согласиться Дукворта, хотя известный контр-адмирал Сидней-Смит был нашего мнения. Дукворт утверждал, что это было невозможно исполнить, тем более что он имел препоручение в Египет. Мы сердились на англичан, что они не дождались нас в прорыве через Дарданеллы и потом отказались действовать соединенно. Во всю продолжающуюся войну с французами они явно действовали для себя: но или главы их дурно были обдуманы, или слабо исполняемы, только почти ни одно их предприятие не имело успеха. Как будто в наказание им сгорел их 74-пушечный корабль «Аякс» за три дня до нашего прихода. Пожар на море ужасен, он случился в довольно крепкий ветер, и людей много погибло. Весь английский флот оставил Дарданеллы марта 1-го, и мы остались одни властелинами Архипелага.

26

Тенедос. 1807, марта 12-го. Поздравь нас со взятием крепости Тенедос с 90 пушками, находящимися на ней, лежащей в 15 верстах от Дарданелльских крепостей! С приобретением сей крепости мы овладели надежным и покойным пунктом в военном отношении, с прекрасною пресною водою, как самой важной надобностью для флота. Марта 2-го контр-адмирал Грейг[1] со своим кораблем и нашим фрегатом «Венус» отправлен был окружить остров. Мы стали на дальний пушечный выстрел и потребовали сдачи. Комендант решительно отказал. Во время переговоров дул такой жестокий ветер, что мы, стоя на трех якорях, едва не были выкинуты на голый остров, усыпанный кругом каменьями, и, что всего ужаснее, на половину пушечного выстрела от крепости и в таком невыгодном положении, что ни одна из наших пушек не могла действовать против крепости, тогда как вся батарея крепостная могла действовать в корпус корабля. Кают-компания освещалась с выхода из Корфы гораздо лучше: мы имели гостей на кораблях — 2 батальона Козловского полка; у нас было 2 роты; офицеры занимались, по обыкновению, в кают-компании, и никто не представлял о нашем положении. Кому же было известно критическое положение корабля, тот молчал, зная, что пособить рассказом невозможно, а только посеять в команде один страх... Мы отделались благополучно. Ветер всю ночь дул с ужасною силою, корабль стоял, как в гавани, без малейшей качки. К утру ветер стих, и мы уже были вне опасности. Весь флот присоединился к нам. 8 марта высажен был десант в двух колоннах...

Всем десантом командовал контр-адмирал Грейг...

Корабль наш первый открыл огонь по крепости, и в короткое время маленькая крепость замолчала. Мичман Салморан поднял на ней русский флаг; колонны уже заняли шанцы, расположенные перед городом... Свезены были с кораблей медные картаулы, а крепость сильно была атакована с моря и с берега... Комендант убедился в слабости своей обороны, к вечеру спустил турецкий флаг... Из всего флота один только наш корабль участвовал в сражении; мы потеряли два убитых и пять раненых. Вообще потеря и в десанте не простиралась выше 80 человек. Я был свободным зрителем, командуя шканечною батареею: по малому калибру выстрелы бы наши были незначительны.

Это первое дело, где я услышал свист ядер и за то так был оглушен, что на другой день только стал слышать, а шум в голове остался навсегда. Мы имели более 20 пробоин и 2 подводные.

12 марта... адмирал* посетил наш корабль и изъявил нам свою благодарность за содействие во взятии крепости.

Мы ему отвечали 9 пушечными выстрелами и криком «ура»... Турецкий гарнизон много потерпел от выстрелов нашего корабля. Турки называли нас «ужасным черным

[1] Алексей Самуилович Грейг, сын С. К. Грейга. В русско-турецкую войну 1806—1812 гг. командовал отрядом кораблей в Афонском и Дарданелльском сражениях. В 1816—1833 гг. главный командир Черноморского флота и военный губернатор Николаева и Севастополя.

* Д. Н. Сенявин.

кораблем»: ты помнишь, что мы выкрашены были в одну узкую полосу...

27

Тенедос. 1807, апреля 6-го. Остров Тенедос в окружности не более 30 верст, весь ровный; одна только гора — к северу, на которой устроен телеграф; оттуда-то прелестный вид острова; Дарданелльский пролив весь виден, и всякое движение там уже на телеграфе замечено...

Весь остров команды кораблей разделили на дачи; тут находится скот корабельный, и очень забавно слышать от караульных, что это — дача корабля «Твердого», это — корабля «Рафаила» и других...

28

Тенедос. 1807, мая 14-го. После военных трудов отдыхали почти целый месяц. А весь гордый караул из 2 кораблей, сменяемый через 2 недели, стоял у самых Дарданелл, около необитаемого острова Мавры, предохраняя остальной флот. К нам прибыли 2 корабля: «Уриил» и «Елена», и мы составляем 10 кораблей. Турецкий флот также стоит под самыми крепостями, и всякий почти день прибавлялись их корабли, так что их составилось 10 кораблей и 6 фрегатов. Но, чтобы их вызвать из-за крепостей, сделали фальшивые отряды нескольких кораблей и отправляли в крейсерство к острову Митилена. Потом произвели высадку на острове Лемнос... Десантом командовал наш капитан Д. А. Лукин; брат[1] был у него адъютантом. Турок загнали в крепость; кораблю «Елена», окружив крепость с моря, удалось завладеть купеческим кораблем, стоявшим под крепостью... Крепость надо было взять временем; вице-адмирал прислал фрегат «Кильдюйм» с повелением, что если крепость не сдастся, то воротиться в Тенедос. Сильными маневрами заставили турок выползть из своих нор, и мы, взявши без потери десант на корабли и с главным запасом, возвратились ко флоту.

10 мая, получа попутный ветер, быстро атаковали турецкий флот, вышедший из-за крепостей*. Жаль, что атака

[1] Второй брат автора «Писем» — Захарий Иванович Панафидин. Они вместе заканчивали учебу в Морском корпусе, в одно время получали офицерские звания.

* Это было известное Дарданелльское сражение, в котором с нашей стороны было 10 кораблей, а флот турецкого капудан-паши состоял из 8 кораблей, 6 фрегатов, 4 шлюпов, 1 брига, 1 лансона и 50 канонерских лодок. Сражение окончилось нашим успехом, и неприятельский флот понес сильное поражение.

произошла незадолго до захождения солнца. Вначале турки построились в линию, и течением, идущим из пролива, отдаляло их от крепостей; они скоро заметили свою ошибку и при нападении нашем спустились... и, как ветер был слаб, кинули якоря. Стремительная атака наша была ужасна; потеря людей в турецком флоте простиралась до 2000 человек, но рангоуты их были целы, оттого что наши люди, желая более сделать вреда, стреляют в корпус корабля, но эта стрельба не выгодна: неприятель, желающий уйти и имея целый рангоут, всегда сможет успеть в том. Турки и успели. Ветер стал крепче; они отрубили канаты и шли под защитой своих крепостей. Жаль, что атака произведена была не решительно. Все корабли стремились вперед, а задние оставались свободными. Корабль «Уриил» так близко шел к своему противнику, что сломал утлегар, и когда велели с моря стрелять, то отвечали, что не по ком. Турки убрались в залубу. Не знаю, почему этот корабль не был абордирован, — мысль была совершенно ложная, что турки зажгут свои корабли; от чего бы то ни было, но «Уриил» шел далее, и этот корабль, который уже ужасался защищаться, успел уйти под крепости. Нашему кораблю и контр-адмиральскому «Ретвизану» досталось атаковать отделившийся корабль. У «Ретвизана» разорвало пушку; он прекратил сражение, мы дрались тогда борт о борт; но наш корабль и со сломанными парусами шел лучше неприятельского и прошел перед носом его. В это время явился корабль «Сильный» с правой стороны у нас. Мы должны были уступить место ему, как кораблю, лежащему правым галсом, — и так нас течением отдалило от неприятельского корабля. Между тем стемнело — и турецкие крепости открыли по нам огонь. Все это заставило прекратить сражение. Наш корабль так отдалило, что к утру мы не могли участвовать опять в сражении против неприятельских кораблей, еще не ушедших за крепость. Турки были наказаны за свою смелость и должны были выйти из-за крепостей... Но они сохранили все корабли. Но и нам должно бы в сем сражении уничтожить флот: если бы мы стреляли по мачтам, тогда сбитые турецкие корабли не могли бы уйти, и поутру довершили бы их поражение. По сему случаю адмирал отдал приказ, чтобы пальба была произведена на авось. Гребной турецкий флот, прокравшись вдоль берега, пробовал сделать десант на Тенедос, но был отбит. Так кончилось первое отражение турок от Тенедоса, которым, кажется, располагали французские офицеры. За несколько дней можно было видеть в трубу на Апатольском берегу

большую кавалькаду и между ними и в европейских мундирах, долго рассматривавших положение флота.

Потеря наша была чувствительна в сем сражении в командире Игнатьеве: он убит ядром в голову. 12 мая со всеми военными почестями он предан был земле в греческом монастыре Тенедоса. При всем уме и познаниях своих он не приобрел особенной к себе привязанности ни офицеров, ни даже нижних чинов. Его обращение было вежливое, но никогда искреннее. Со всем тем флот потерял в нем ученого морского офицера*. Потеря наша в сем сражении убитых и раненых до 90 человек.

29

Тенедос. 1807, июня 5-го. Весь остальной май и начало июня мы были покойны. Турки не выходили из крепостей. В Константинополе от недостатка хлеба произошел бунт. Селим был свергнут с престола, и Мустафа заступил его место. В турецком флоте по сему случаю слышна была пальба. У нас становился недостаток в провизии, но фруктов и вина было много. Виноград на острове поспел в таком изобилии, что и матросы были уже прихотливы. Днище сгоревшего английского корабля прибило к самому острову; мы воспользовались сим случаем: доставали из обгоревшего трюма бочки с провизиею, и так были счастливы, что достали прекрасно сохраненную в бочке солонину, как видно, заготовленную для офицеров сего несчастного корабля.

* Вот что пишет про смерть А. И. Игнатьева в своих «Воспоминаниях» П. П. Свиньин: «В 6 часов (11 мая) показался сигнал на «Сильном», извещавший о потере своего капитана. Я долго не хотел верить, — так страшился правды, но почувствовал всю горесть по приезде капитан-лейтенанта Шишмарева... Шишмарев сказывал, что никогда покойник не бывал столь покоен и хладнокровен, как во время сражения. Поражая неприятельский корабль, который совершенно замолчал от ударов «Сильного», он намеревался взять его абордажем и, подошед к шкафуту, делал свои приказания, как вдруг роковое ядро поразило его в голову: несчастный упал на месте и испустил дух, имея едва время правою рукою сделать приметное движение к сердцу. Капитан-лейтенант заступил его место». Далее Свиньин рассказывает о похоронах Игнатьева 12 мая на о. Тенедосе... Г. М. Мельников рассказывает в своем «Дневнике», что «когда, в следующем месяце, высажен был на острове Тенедос турецкий десант... то турки, воспользуясь случаем и известясь через одного грека о месте погребения покойного нашего командира, отрыли его тело, с которого отобрали себе в добычу все платье и украшение гроба... сожгли сей труп вместе с умерщвленным ими попом означенной греческой церкви и тем греком, который показал им место погребения покойного командира...».

Пушки также были вынуты, но для употребления они не годились. Адмирал предназначил перелить их в ядра.

С нами едва не случилось подобного несчастия. Капитан* у нас ужинал; это продлило долее обыкновенного ужин. и оттого мы и спаслись: почувствовали запах из констапельской, бросились... туда, нашли там, в каюте артиллерийского офицера, черное белье, разные письменные бумаги и недокуренную трубку, которой огонь зажег белье и бумагу; все уже тлелось. Если бы ужин был ранее, офицеры разошлись бы спать; тогда огонь взял бы силу, а потушить его почти невозможно. Этот случай доказывает, что Устав, написанный Великим Петром, не совсем исполняется: ты знаешь, что курить трубку назначено место в кают-компании, а часовой у фитиля есть канонер, который не смел отказать своему лейтенанту. Как строго должно смотреть за огнем на корабле: нет бедствия ужаснее на море, как пожар. Разумеется, лейтенант был наказан, — этот офицер марал свой мундир; он даже был исключен из кампании.

Уцелевшая от пожара при взятии крепости турецкая баня, по страсти русских к баням, была очень приятна. Ловкий грек привел ее в порядок, и я с удовольствием бывал в ней. Бани состоит из нескольких комнат, в которых разная температура воздуха; печи согревают стены, и за стенами их не видать, и от стен, как от каменки, шел пар, когда брызнешь на нее воду... Так прошло время от Дарданелльского сражения до сражения при острове Лемносе.

30

После сражения у Афонской горы. 1807, июня 20-го. С 10 июня замечена деятельность в турецком флоте; прибывали... починенные после сражения корабли к Дарданеллам. Гребной их флот очень увеличился, и видно было по всему, что турки хотят что-нибудь предпринять. Наша блокада Дарданелл так стеснила торговлю и привоз из Египта хлеба, что уже в Константинополе произошел, как известно, бунт, и Селим был свергнут как султан, при котором началась неудачная война. Мы были довольны тем, что, как казалось, турки располагались отнять у нас Тенедос, и ожидали их в грозной готовности. Но маневры турецкого флота были так нерешительны, что при малейшем нашем движении они подходили под пушки своих ужасных дарда-

* Д. А. Лукин.

нельских крепостей. Течение всегда было из Дарданелльского пролива в Архипелаг, и следовательно, нам противное. Ветры дувшие — для нас попутные — всегда были слабые; одни северные были постоянно сильные. Итак, надо было зайти от севера, отрезать их от крепостей и заставить дать сражение в море. Адмирал исполнил сей план 12 июня; по Южной стороне обошли Тенедос, влево оставили Лемнос и подошли к западной оконечности Имбро — острова, лежащего к северу и выше Дарданелл. Ветер дул постоянный в северной четверти; мы должны были лавировать в северной стороне острова и радовались успеху, что подошли уже к своей цели. Турки, сверх нашего ожидания, были деятельны. Пользуясь нашим отсутствием, они с корабельным флотом подошли к крепости, громили ее своими пушками и, под защитою флота, высадили до 7000 войска. Крепость, имеющая гарнизона 2 неполных батальона, 200 албанцев, защищалась с храбростью. Утро 17 июня все переменило: наш флот, не найдши турецкого у Дарданелл, спустился к Тенедосу; едва завидел он нас, как корабельный их флот успел за остров; требной рассыпался по Анатольскому берегу, оставив много лодок с пушками, которыми мы и завладели. Маленькая крепость и шанцы кругом города были во власти турок; они успели уже кинуть несколько бомб в крепость с немалым вредом для гарнизона. Зная водопровод в крепость, его попортили и тем лишили гарнизон самой важной потребности. Вот в каком положении была крепость, и комендант просил пособия во всех снарядах. Ему доставили по возможности все, что он требовал. К счастью, старый зарытый колодец откопали, и гарнизон мог утолить жажду, обеспечив таким образом крепость, наполненную всеми жителями острова Тенедос. Поутру 18-го числа, с одними 10 кораблями, оставя все фрегаты для блокады острова, пустились преследовать турецкий корабельный флот. Целый день или и не могли открыть флота; общая горесть распространилась на наш флот, что турецкий флот ускользнул от нас; у всех пошли свои предположения: один говорил, что он ушел в Египет, другой — в Салонику, третий — в Смирну, тогда как флоты разделял только остров Лемнос. Они в это время стали на ночь на якорь у крепости Лемносской. Прошедши по восточной стороне острова, с зарею 19 июня увидели турецкий флот; общая радость была на всем флоте. Никогда не забуду, как Д. А. Лукин поздравлял меня, когда я вышел на шканцы, что флот турецкий открылся; думал ли он, что через несколько часов он не будет уже

существовать для его детей, почтенной супруги и для всех, кто его знал и любил. Как мы прошли по восточной стороне острова, то очутились у турок навстречу и уже тем много имели преимущества. Один из их кораблей слишком отдалился от флота; его, маневрами, заставили еще более отдалиться, и он уже поспел к концу сражения. Турки в 10 кораблях, 8 фрегатах и 2 бригах лежали в линии на правый галс. Корабли составляли одну линию, вторую, в интервалах кораблей, были фрегаты и бриги; капудан-паша на 100-пушечном, а адмирал и вице-адмирал были его мателоты. План в.-а. Сенявина был истребить флагманов, и потому назначены по 2 наших корабля на один флагманский турецкий, а остальные 4 корабля — не допускать авангард помогать своим адмиралам. Наш корабль * и «Сильный» назначены на капудан-пашинский. Перед сражением я был послан к капитану корабля «Сильный», Малыгину, — просить его, чтобы держался как можно ближе к нашему кораблю. Он мне обещал исполнить и не сдержал своего слова, что увидишь впоследствии. В 8 часов взвился сигнал на «Твердом» — начать сражение. Наш корабль первый спустился на турецкий флот. Все неприятельские выстрелы устремлены были на нас. Не успели еще подойти на дистанцию, как у нас уже перебиты все марса-реи ядрами огромной артиллерии 100-пушечного корабля и убито много марсовых матросов. Выдержав с величайшим хладнокровием, не выстрелив ни из одной пушки, пока не подошли на пистолетный выстрел, — первый залп на такую близкую дистанцию, — и заряженные пушки в два ядра заставили замолчать капудан-пашинский корабль, и потом беспрерывный огонь принудил его уклониться из линии. Корабль наш, обитый парусами, все марсели лежали... брасы перебиты, и он, не останавливаемый ничем, прорезал неприятельскую линию под кормою у турецкого адмирала. Если бы «Сильный» так же решительно поддержал нас, то не позволил бы капудан-пашинскому кораблю войти в прежнюю линию и положить свой бушприт на наш ют. Мы были совершенно окружены: вправе адмиральский турецкий корабль, почти обезоруженный, все реи у него сбиты, но он продолжал драться; за кормой — 100-пушечный турецкий корабль, приготовлявшийся нас абордировать; весь бак наполнен был людьми, они махали ятаганами и, кажется, хотели броситься на наш корабль; влеве—два фрегата и даже

* «Рафаил».

бриг взяли дерзость стрелять против нас. Капитан прокомандовал: «Абордажных!» Лейтенант Ефимьев * и я собрались со своими людьми, чтобы абордировать капудан-пашинский корабль; но корпада с юта и 2 пушки, перевезенные в констапельскую, и ружейный огонь морских солдат привели по-прежнему в должное почтение, — и корабль турецкого главнокомандующего снова уклонился из линии. Фрегаты и бриги после нескольких удачных выстрелов с другого борта побежали. Один адмиральский корабль в неполном был положении, без парусов, оставался как мишень, в которую палил наш корабль с живостью. Наше положение сделалось гораздо лучше: в исходе 10-го часа капитан позвал меня и велел, чтобы поднять кормовой флаг, который казался сбитым; он стоял на лестнице для всхода на шканты и наполовину открытый; брат Захар **, его адъютант, был также послан. Исполнив приказание, я шел отдать ему отчет, но он уже лежал распростертым на левой стороне шкавец: в мое отсутствие ядро разорвало его пополам, и кровью обляло брата и барабанщика... (Брат не был ранен.) Кортик, перешибленный пополам, лежал подле его; я взял оружие, принадлежавшее храбрейшему офицеру, и сохраню как залог моего к нему уважения. Тело его перенесли в собственную его каюту. Капитан-лейтенант Быченский ***, вызванный братом из нижней палубы, не знал положения корабля. Мы с братом и лейтенант Макаров ****, бывший все время наверху, объяснили ему, что мы отрезаны турецким флотом. Он решил поворотить... к снова, в другом месте, прорезать неприятельскую линию. Корабль без парусов и при страшном от стрельбы ветре не исполнил намерений капитана, и мы должны были поневоле остаться в прежнем положении. В половине 12-го часа увидели вице-адмиральский флаг. «Твердый» и «Скорый» так сильно атаковали авангард турецкий, что он побежал и тем самым освободил нас от сомнительного положения; 3 с половиной часа мы не видели своего флота и почти все время дрались на оба борта и даже с кормы. Следствием этого сражения был взят кораблем «Селафаил» адмиральский турецкий корабль «Сетель-Бахр» о 74 пушках; отрезаны: корабль и 2 фрегата, которые побежали в залив Афонской горы и сами себя взорвали на воздух. Сами турки сожгли у острова Тассо один фрегат и свой разбитый кораблем «Мощный» адмиральский корабль *. В Лемносском сражении турки потеряли 3 корабля и 3 фрегата. На нашем корабле убитых было, кроме капитана, 16 человек и 50 раненых, и большая часть из оных — смертельно.

* Максим Иванович Ефимьев, впоследствии (с 1817 г.) капитан 1 ранга и (с 1820 г.) советник Кронштадтского казначейства.

** З. И. Папафидин.

*** Алексей Тимофеевич Быченский 4-й, впоследствии контр-адмирал; умер 29 января 1830 г. За Афонское сражение награжден был орденом Св. Анны 2-й степени. После смерти Д. А. Лукина он вступил в командование «Рафаилом».

**** Иван Николаевич Макаров, мичман с 1797 г., лейтенант с 1805 г., плавал на «Рафаиле» и за участие в Афонском сражении получил орден Св. Анны 3-й степени; в 1811 г. вышел в отставку капитан-лейтенантом.

31

В виду Афонской горы. 1807, июня 21-го. На другой день наш корабль был зрителем. Контр-адмирал Грейг с 4 кораблями преследовали отрезанный корабль и 2 фрегата в заливе Афонской горы. Сии суда, как известно, взорвали себя; мы находились в 30 верстах, и наш корабль потрясся, как бы от землетрясения. Афонская гора была близко подле нас, и как приятно было смотреть вечером на огни из монастырей. От самой подошвы горы до вершины в различных местах блистает огонь. Словом, величайшей сей горе, которой тень при захождении солнца достигает острова Лемноса, вся посвящена набожность. Из сей-то горы предлагали воздвигнуть монумент Александру Великому. По обстоятельствам войны я не мог быть на Афонской горе и не мог ничего более сказать.

Наконец настала горестная минута расстаться нам с почтенным нашим капитаном: ужасный жар мог его обезобразить прежде, нежели бы мы могли дойти до какого острова. Тенедос же был занят, и окончание военных дел не скоро предвиделось. Со всеми почестями, должными начальнику корабля, опустили его в воду; под голову его положили большую пуховую подушку, тягости в ногах было мало — и тело его стало вертикально, так что место его головы, впрочем закрытой, осталось на поверхности воды. Вся команда в голос закричала, что «батюшка Дмитрий Александрович и мертвый не хочет нас оставить». Просто сей случай так нас поразил, что мы все плакали, пока намокшая подушка перестала его держать на поверхности воды. Он от нас скрылся навсегда. Мир тебе, почтенный, храбрый начальник! Я всем моим знанием обязан тебе и с самого

* Сгоревший корабль назывался «Башарет».

выхода из корпуса 5 лет служил вместе! Я знал твое доброе благородное сердце и во все время службы моей не был обижен несправедливостью. Тебе много приписывали неправды, твой откровенный характер был для тебя вреден, и твоя богатырская сила ужасала тех, которые тебя не знали. Я, брат, лейтенант Макаров служили все время, и ни один из нас никогда не был оскорблен, — даже и в те минуты, когда, в дружеской беседе, он предавался воле своего характера от излишества вина. Он всегда с нами был вежлив, оттого что мы помнили, что он старше нас летами, чином и не могли быть товарищами.

Дмитрий Александрович был тульский помещик; остался сиротою с 600 душ и 20 000 денег. Его дядя и опекун мало пекся о его воспитании, отдал его в корпус и, когда он уже был офицером, приучил его к излишним издержкам и всегда твердил ему, что он богат. Лукин слишком рано получил свободу располагать собою, и, имея живой, откровенный характер, не удерживаемый властью родительской, предался всем страстям жизни и в одну зиму, в Копенгагене, где он зимовал на корабле во время шведской войны, так задолжал, что ему стоило расплатиться половиною имения, которое перешло к его дядюшке. К счастью, он женился на достаточной девушке Фан дер Флит. Она-то сохранила остаток имения для детей, которых он уже имел трех. Он был известен как искусный и смелый морской офицер; за отличие в шведскую войну получил чин. Владея необыкновенною силою, он в Англии заставил народ уважать русских. Город Шернес помнит его богатырскую силу, и он не менее был известен в Англии, как и в России. Кто не знал его проделок силы: он сгибал кочерги в память своего посещения, ломал серебряные рубли на руке, и много других происшествий, которые обыкновенно увеличивались от рассказов, сделали его подобно в древности Илье Муромцу. Он умер завидною смертью, без малейшего страдания и — за отечество. Его память сохранится как отважного и смелого моряка, благородного человека, и если бы он получил лучшее воспитание, то он был бы известен как литератор: я читал его стихи — они написаны от души [1].

32

Тенедос. 1807, июля 30-го. Одними сутками прежде турок пришли мы к Тенедосу, а они в проливе: мы с пленным адмиралом, а они — с остатками своего флота. Верно, причина поступка адмирала, не преследовавшего разбитый турецкий флот, была важна, ибо храбрость Сенявина безукоризненна, что показали оба сражения, и мы особенно ему были обязаны своим спасением; следовательно, желание спасти храбрый гарнизон, выдержавший с горстью людей ужасное нападение, было причиной, что мы не преследовали турецкий флот. Турки в отсутствие флота даже так ободрились, видя слабость гарнизона, что хотели штурмовать крепость. Если эти причины были в соображении, то поступок Сенявина возвышает его еще более. Он решился лучше потерять один лавр из своего венка, чем привести в отчаянное положение гарнизон. Сенявин, по опытности своей, лучше всех знал, что турецкие корабли поодиночке были бы догоняемы и взяты; сему уже способствовало взятие в плен второго начальника, ранга капудан-паши, и потом страх, посеянный в турецком флоте потерею трети флота. По последствиям гораздо легче судить. Мы пришли почти в одно время с турками к своим местам; расстояние только было в 15 верстах, что уже совершенно незначительно. Преследуя флот, мы бы его истребили, и немного бы ушло в Дарданеллы, чтобы известить о своем поражении, отрядя часть флота, более поврежденного, для усиления блокады острова и для подания помощи гарнизону и его ободрения, а с остальными пуститься преследовать. Многие корабли так мало были повреждены, что могли снова вступить в сражение. Наш корабль, потерявший более всего в снастях, через несколько часов уже мог опять вступить в дело. Тогда бы сражение было решительное. Между тем гарнизон все еще бы держался, что доказывается тем, что, когда мы пришли к Тенедосу, он оборонялся с храбростью и мог продлить несколько дней свою оборону. Положим даже, что от преследования и взятия кораблей неприятельских нас удержали бы долее и крепость бы сдалась. Турецкие войска сами были бы отрезаны от своих пособий, они бы должны сдаться непременно. Их войска на острове не имели провианта, как на несколько дней, и такое число не могло поместиться в открытой крепости и без артиллерийских снарядов, которых недостаточно было и для нашей обороны. Храбрый капитан-лейтенант Додт *, командир брига «Богоявление»,

[1] Подробнее о Лукине см. ниже, в приложении в конце «Писем» П. И. Панафидина.

* Петр Андреевич де-Додт, в феврале 1805 г. принятый из датской службы в наш Черноморский флот с чином лейтенанта; за отличие при атаке крепости Тенедоса был награжден орденом Св. Георгия 4-й степени и произведен в капитан-лейтенанты; впоследствии был капитан-командором (с 1824) и умер 7 сентября 1826 г.

поддержал защиту крепости, отдавши все свои снаряды и перевезя с брига в крепость свои пушки. Следовательно, турки были бы в ужасном положении, хотя бы и взяли крепость, и не могли бы ожидать выгодной для себя капитуляции. Имея в руках наш гарнизон и семейства жителей острова, перебравшихся в крепость, могли в отчаянном положении перерезать наш гарнизон, а более жителей, как своих подданных. Но кто мешал командиру крепости вступить в переговоры о сдаче крепости? Турки, вероятно, бы согласились, не могши с таким числом взять крепость; они довольствовались бы приобретением крепости и с такою славою. Но неужели 3 фрегата и пришедшие из флота два корабля не могли бы удерживать турок от штурма, ибо фрегаты расположились на том месте, где стоял наш корабль, и могли стрелять вдоль всей площади, через которую надобно идти на штурм крепости? Объясняя все причины, можно утвердительно сказать, что крепость бы не сдалась, и если бы могло случиться, что турки взяли бы ее на капитуляцию, то через несколько дней они бы умерли с голоду и просили бы, как милости, взять их в плен. Но главное из всех важнейших причин есть одно то, что сражение должно бы кончиться решительно на месте. Многие корабли, как я уже об оном сказал, «Ретвизан» и «Елена» дрались на осторожную дистанцию: на последнем было 4 легкораненых. Вице-адмиральский корабль «Скорый» проломил авангард неприятеля. «Мощный» так разбил турецкого вице-адмирала, против которого он дрался, что этот корабль сами турки сожгли у острова Тассо. «Ярослав» получил сильное повреждение в грот-мачте. Наш корабль потерпел повреждения в мачтах... Турецкие войска в вечеру того дня, в который мы пришли, 24 июня, открыли с шанцев такой ужасный огонь, продолжавшийся около получаса, что он представлял огненную полудугу; стрельба не заглушала их крик «Алла!». Мы воображали, что настал час приступа, и с каким-то ожиданием смотрели на эту огненную полосу, когда она двинется и чем она кончится, но она кончилась одним ужасным криком и стрельбою, не произведшей особенного вреда гарнизону. Поутру 28 июня войска турецкие сдались; их обратно перевезли на Анатольский берег, и Тенедос по-прежнему стал покоен. Гарнизон много потерял убитых и раненых. К сожалению, убит храбрый капитан Кутумов.

33

Тенедос. 1807, июля 20-го. Весь июль месяц провели в бездействии; поправляли свои повреждения после сражения, занимали караул по-прежнему у острова Мавры, поочередно исправляли проведенные краны для воды, испорченные турецкими войсками, и для того многие корабли наливались водою у острова Имбры. Между сею бездейственностию я хочу дать тебе понятие о турецком флоте, о турках и греках, которых мы видели на островах, но не ожидай верного описания — оно схвачено поверхностно. Что можно было заметить в военное время и не бывши на лучших островах Архипелага, а там, где только позволяли военные обстоятельства? Турецкий флот наружностью очень красив; корабли все — постройки известного Леброюна *; хорошо ходят, вооружение порядочное, а управление кораблей, к удивлению, довольно хорошо. Они управляются греками, а капитан только знает приказывать и требует исполнения, но как его исполнить — это уже обязанность не его. Не имея понятия о карте, счислении и маневрах корабля, несчастный грек отвечает жизнью за неудачное движение корабля. Турки дерутся если не искусно, то упрямо, корабль, нами взятый, имел убитыми и ранеными до 500 человек, весь расснащенный и чрезвычайно тёк, но не сдался с бою, а уже во время погони. Бекер-бей, адмирал этого корабля, не более знал своих капитанов, но от природы не глупый человек и очень много оставил острых ответов. Он приписывал эпитет своему главнокомандующему капудану-паше Сейит-Али — «Львиное сердце» и «Ослиная голова». Турки — народ видный, гораздо красивее своих подвластных греков. Матросы одеваются очень просто: на босу ногу башмаки, короткие шаровары по колено, куртка, подпоясанная кушаком, и небольшая чалма. Они набожны и даже в плену, на корабле, всякий день молятся, подложа под колена свою куртку, сняв туфли и обратясь к стране Мекки; он уже ничего не видит и не слышит; его не отвлекает корабельная работа, ни шум ее. Всякий день два раза омываются; у каждого для этого медный кувшинчик, охотно пьют вино, но не явно. Бывает с ними похожее на опьянение, где они приходят в сумасшествие: это от опиума, что случилось на другой день у нас на корабле, ночью, на моей вахте, как только привезли пленных с взятого корабля. Замечено часовыми, что у одного турка в кармане кремень и огниво, что им строго запрещено было иметь. Через переводчика потребовали отдачи непозволительных вещей, но никакие убеждения не могли заставить добровольно от-

* Т. е. Я. Н. Брюна-де-Сент-Катерин.

дать эти вещи: надобно было употребить силу. Его взяли под караул на баке, где он, как собака, стал кусать всех окружающих; его связали, и он, связанный, укусил некоторых, поблизости его стоящих. Можешь себе представить, как озлобились люди, бывшие на баке! Совет, данный одним австрийцем, служившим солдатом в морском полку, бросить его за борт, был принят, а мичман Подушкин не мог остановить сего зла; шлюпка, посланная для его спасения, не могла спасти сего несчастного, напившегося опиума. Совесть меня долго мучила, для чего я слишком доверял своему товарищу, а не явился сам на бак: одно меня успокаивало, что действие парусов меня удерживало на шканцах и мог ли я не доверять равному мне по чину, а также воспитаннику одного корпуса.

...Турки не жестоки с завоеванным городом, но правление, не имеющее почти законов для начальников или пашей, дает ему какое-то право самовольно располагать участью вверенного ему края. И как любимое занятие у чиновников есть бездейственность, что они называют кайфом, то его секретари или другие мелкие чиновники, не всегда из турок, теснят несчастных греков. Есть острова, где почти вот турок, — как на острове Идро, и греки там пользуются более свободою. Одежда простого грека очень близка к турецкой; чалма их гораздо менее. Женщины скрываются так же, как и турчанки, но они, сколько мне случалось видеть в Тенедосе открытых женщин, гораздо лучше своих властелинок, и женский пол гречанок лучше мужчин... В пище греки неприхотливы...

34

Корфа. 1807, сентября 15-го. В начале августа появились в Архипелаге англичане: сначала контр-адмирал Мартин, потом и сам лорд Колингвуд; вежливость с их стороны была необыкновенная, но все что-то показывало перемену в политических делах. Слухи, доходившие до нас о войне в Пруссии, были не совсем приятные. Наконец курьер, привезший повеление на фрегате «Херсон» об окончании с французами войны и о возвращении нашем в Россию, решил нашу участь. Оставя владычество англичан в Архипелаге, взорвали крепость Тенедос; одни оставшиеся ворота представляли симметрию разоренной Трои. Флот, пробывший в Архипелаге 5 месяцев, возвратился в Корфу 4 сентября, заходил в Идру для окончательных расчетов, и без всяких приключений собрались все корабли в то место, где уже развевался французский флаг. Наш отряд командора

Игнатьева особенно был несчастлив: командир убит в Дарданелльском сражении, наш капитан — в Лемносском; сверх того, прелестный корвет «Флора», под командою капитан-лейтенанта Кологривова *, разбился у албанских берегов, когда мы шли из Катарро в Корфу. Спасшаяся команда отведена пленными в Константинополь, и 7 человек из этой несчастной команды были взяты обратно при взятии адмиральского турецкого корабля, на котором они невольно составляли команду и стояли в цепях у пушек. Рассказывают, что милый и любезный мичман Сафонов ** веселой нравственностью своею заслужил любовь турок; он им пел албанские песни, рисовал картинки, — разумеется, утешающие мусульманина, — плясал, и известен там под именем «капитана Василия». Он сими шутками улучшил содержание своей команды; получая деньги, раздавал бедным матросам. Кораблекрушение их было ужасно: они от жестокого шквала потеряли мачты, и поэтому корвет был в опасности опрокинуться. Потом опять жестоким ветром их прижало к берегу, вышибло руль, якоря не задержали, — и их выбросило на берег.

Пришедши в Корфу, было грустно видеть этот город, отданный по миру тем войскам, которых мы привыкли видеть пленными, а теперь властелинами; жители в унынии, генерал Цезарь Бертье *** успел уже взять значительную контрибуцию с них. Сегодняшний день — день коронации императора; все суда выстрелили по 31 выстрелу; французские требаки (одномачтовые суда с латынскими парусами) и крепость палили также из пушек.

35

Лиссабон. 1807, ноября 6-го. Мог ли ты представить, откуда получишь мое письмо? Мы в столице Португалии, а не в России, куда все наше желание стремилось... Буря заставила сюда укрыться, и мы здесь простоим довольно долго. Ты знал, что мы еще были в Корфе, занятой уже французами, с которыми жили не по-приятельски: почти 3 года у нас была

---

* Всеволод Семенович Кологривов, питомец Морского корпуса с 1775 г., в 1807 г. вернулся в Петербург, с 1815 г. командовал 33-м экипажем в Ревеле; умер 12 октября 1818 г.

** Василий Алексеевич Сафонов; в мичманы произведен был в 1800 г., с 1806 г. плавал на корвете «Флора», с 1809 г. лейтенант; вышел в отставку 16 октября 1818 г.

*** Французский главнокомандующий в Корфу; на остров он вступил со своим отрядом 7 августа 1807 г., после заключения имп. Александром Тильзитского мира с Наполеоном.

война с ними, — трудно скоро себя переломить. Несчастная кампания в Пруссии возвысила французов, но храбрость наших войск заставила их нас уважать. Несносное хвастовство французских офицеров, не бывших в Пруссии и оставшихся в Италии, которые составляют теперь здешний гарнизон, до того довело, что были беспрерывные дуэли, и съехать на берег почти всегда влекло к какой-нибудь неприятной истории. То желание было общее—оставить Корфу. Шесть пехотных полков, находившихся в Далмации и на Ионических островах, на купеческих судах перевезены в Венецию. Наш архипелагский отряд отправился, и всем кораблям Балтийского флота также велено идти в Россию. 19 сентября оставили навсегда Корфу... Не доходя до Сицилии, выдержали ужасный ветер, от которого корабль «Уриил» не мог продолжать с нами плавания: он возвратился обратно в Корфу. Мы плыли Мальтийским каналом; живописная Сицилия была в виду вправе и беспрерывно меняла нам прелестные картины. Около острова Маритимо, места, куда ссылаются сицилийские преступники, треснула гротстеньга, поврежденная в сражении; мы ее переменили скоро и не отстали от флота. Все Средиземное море прошли благополучно при прелестной погоде и, наконец, 6 октября вошли в бурный Атлантический океан. Ветер, нам благоприятствовавший, изменился: 10 суток мы качались по ужасным волнам океана, и без всякой пользы; громом у нас разбило бизань-мачту. Корабль, разбитый в сражении, поврежденный во всех мачтах, не представляет ничего утешительного. В день именин почтенного нашего адмирала, то есть 26 октября, мы получили поперечный ветер, и до такой степени сильный, что флот плыл с лишком по 20 верст в час... В 8 часов пополудни мы были в опасности сойтись с адмиральским кораблем...

В 10 часов ветер точно с такою же силою переменился. В 11 часов уже не было ни одного паруса: все рвало... Корабль от спорного волнения бросало с ужасною силою во все стороны. Не было места на корабле, куда бы не лилась вода, так что в моей каюте... я не нашел, где бы повесить свою койку. Едва только успел найти место не слишком мокрое, как в это время вижу с фонарем бегущего шкипера.

— Куда ты, Ефремыч?

— В констапельскую!

— Что там сделалось?

— Оторвало порты и несколько обшивных досок, и корабль при качке черпает воду...

...Я лег на койку, чтобы собрать силы для вахты в 4 часа; сон не смыкал глаз. Это было в 2 часа 27 октября. Три обшивочные доски прорвали болты, которыми были прижаты к кораблю; вода лилась рекою... Все помпы были в действии и едва могли отливать воду... С рассветом ветер несколько стал тише, — мы могли поставить штормовые стаксели; валы были так ужасны, что корабли едва могли друг друга видеть, и то на короткое время. К счастью, флот был весь цел, и погибшего ни одного не было корабля, но чрезвычайно рассеян. Подле нас ближайший корабль был «Елена». После консилиума всех офицеров, не находя возможности держаться еще в море, мы известили адмирала о своем бедствии и просили позволения идти для спасения в ближайший порт.

Кораблю «Елена» сделали сигнал, чтобы он нас не оставлял. Адмирал за ужасным волнением не видал нашего сигнала, и беспрерывные пушечные выстрелы не доходили до него, адмирала. К счастью, корабль «Елена» слышал наши выстрелы и последовал за нами в Лиссабон, как ближайшее место, находившееся тогда в 300 верстах. Первым нашим делом было спустить несколько кормовых пушек в трюм и тем облегчить кормовую часть корабля. Попутный ветер, и очень стихший, позволял нам сделать сию работу довольно скоро... Через двое суток мы увидели... Лиссабон. Лоцмана не скоро к нам явились — сочли нас за англичан, с которыми Португалия в войне. 29 октября, пройдя под самыми пушками крепостей Сан-Жюльена и Бужи, кинули якорь против Белема, где нам надобно выдержать карантин. Не вершись себе, что мы покойны после 25-дневного беспрерывного качания и после ужасной бури, от которой наша жизнь была, как говорится, на волоске. Через три дня возвратился весь флот; он выдержал еще крепкий ветер, от которого бы наш корабль, вероятно, утонул. Вот участь морской службы — быть там, где не предполагаешь. Если бы курьер, отправленный из армии, скорее нам доставил известие о мире, тогда бы мы имели много времени впереди: в это время были близки к своим портам, не имели бы от позднего времени таких ужасных бурь; весь Атлантический океан прошли бы еще в сентябре. На море несколько часов производят впоследствии величайшую разницу. Например, шлюп «Шпицбергень», бывший в эскадре у острова Маритимо, отстав от флота, должен был идти в Виго — порт в Северной Испании; он опоздал прийти к Лиссабону, и англичане, блокировавшие уже Лиссабон, не позволили ему туда войти.

36

Лиссабон. 1807, ноября 18-го. Карантин наш, по настоянию адмирала, был не более 3-х суток, и мы перешли ближе к Лиссабону. Не знаю прелестнее реки Таго; она обширна, везде глубока, и выход в море почти во всякое время. Прилив и отлив много сему способствуют. Оттого вода в Таго одинакова, как и в море, и для употребления не годится. С самого входа в реку оба берега имеют прекрасный вид, а правый сплошь застроен дачами и оканчивается прекрасным городом Лиссабоном с великолепными зданиями. С самого Белема, готического монастыря, где погребаются короли, начинается город, и в сем-то месте учрежден карантин для судов, приходящих из Турции и даже Средиземного моря. Адмирал представлялся к наследному принцу Дон-Жуану *... Наследный принц сделал все пособия для флота, и присланный корабельный мастер Оливьер нашел наш корабль и «Ярослав» невозможными исправлениями. Итак, «Рафаил»... не увидит уже более своего отечества...

...Англичане наложили блокаду на Лиссабон, и сильный их флот явился у устья Таго, отчего шлюп «Шпицберген» и не пущен был для соединения с нами. Сегодняшний день генерал Жюно ** занял Лиссабон и всю Португалию, — и вот мы опять с французами; как-то будем жить...

44

Лиссабон. 1808, мая 11-го. В первых числах мая курьер привез монаршие награды на флот за победы над турками. Адмирал получил Александровский орден; капитаны — 2-й степени Анны, а мы все вообще, представленные за отличие, — Анны 3-й степени, и в том числе мы оба с братом ***. Утешительно возвратиться на родину и показаться родным, что не даром были за границею, но когда это будет? Горизонт в Отечество для нас не очищается. Находясь на самой дальней оконечности Европы и в противоположности от Петербурга, совершенно не имеешь никакого сообщения. Все против нас как будто восстает. На днях при небольшом громе (вице-адмиральский корабль не имел громовых отводов, — они поправлялись) туча остановилась перед флотом и молнией зажгла мачту. Адмирал, видя невозможность потушить огонь, ибо мачта горела внутри и довольно низко, решился срубить мачту без вреда кораблю и без потери людей. На время постановления мачты на корабле «Твердом» флаг был перемещен на корабль «Ярослав».

Испания восстала против французов; корпус Дюпона, ближайший к португальским границам, был весь взят испанцами. Генерал Жюно обезоружил находившиеся с ним испанские полки, но сам находится в отрезанном положении от своих пособий и в самом затруднительном положении сохранить тишину в Португалии по малочисленности своего корпуса. Англичане беспрерывно усиливаются и уже имеют 12 линейных кораблей, кроме множества фрегатов. Португальцы в некоторых местах государства подымают возмущение; их хотя и приводят в повиновение, но это утомительно для войск и тем еще более корпус от разделений уменьшается...

46

Лиссабон. 1808, августа 27-го. В такой тишине, предвещающей обыкновенно бурю, мы провели весь июнь и июль месяцы. Август был решительный месяц для французов, а потом и для нас. Англичане около Мафры высадили десант, у местечка Вимиера произошло сражение; одного авангарда, под командою генерала Велгеля, достаточно было, чтобы победить французов. Далремиль, главнокомандующий английский, заключил с генералом Жюно капитуляцию на оставление Португалии во власть англичан, в которой и мы были помещены; но английский адмирал Коттон не признал заключенной французами капитуляции насчет нашего флота и требовал безусловной сдачи нашего флота. Вице-адмирал Сенявин не устрашился сего предложения; он представил Коттону, что русский флот — под стенами Лиссабона, без пользы для англичан и к разорению того города, которого государь состоит в миролюбивом положении с российским императором, — взорвет свои корабли и не сдаст ни одного корабля. Сенявин доказывал, что мы вошли при законном правительстве, что мы считаем себя в Португалии и должны быть признаны нейтральными. Англичане по сему требованию подняли на всех крепостях свои флаги и тем показали, что Португалия есть завоеванная страна. Власть же папа простиралась только на часть реки; получение одной воды уже для нас было затруднительно, но занятии города и обоих берегов реки английскими войсками. Оставалось прорваться сквозь флот английский и мимо крепостей. Английский флот, в числе 15 кораблей и 10 фрегатов, оста-

---

* Дон Жуан-Мария-Иосиф-Людовик, принц бразильский, регент португальский.

** Главнокомандующий французскими войсками.

*** З. И. Панафидин.

вался за крепостями в той готовности, чтобы сразиться и преследовать нас. Мы же могли выйти в числе 7 кораблей, и фрегаты «Рафаил» и «Ярослав» верно бы потопули, едва только показавшись в море. Один счет судов уже превосходил нас втрое: там было 3 стопушечных, а остальные все 70-пушечные и все крепкие. Но если бы мы были так счастливы, что, пройдя крепости, разбили бы англичан, так что они должны дать нам волю в нашем плавании, — куда мы должны были бы направить путь с поврежденными от прорыва кораблями? Идти к северу, как к ближайшему средству скрыться во французские порты Рошефорт или Брест? Надобно не встретиться с блокирующею эскадрою. Испанские берега? Положим, что мы бы ушли от бдительности их; но без сражения не могли бы войти во французские порты, которые блокируются гораздо сильнейшим против нашего флота. Положим и так, что, поправясь на море, решились бы идти кругом Англии; нельзя так было разбить лиссабонский флот, чтобы он нас не преследовал. Следовательно, в Англии было бы известно, и нас встретит флот в Немецком море, потом при входе в Балтийское море — в Зунде или Белте. Надобно иметь такое счастие, чтобы преодолеть все препятствия. Это уже было бы одно несбыточное предположение! В Средиземное же море и мыслить было невозможно. Миновать Гибралтарский пролив нельзя без того, чтобы не встретиться опять с огромным флотом; у французских берегов — тоже, в Архипелаге — тоже. Словом, где вода — там англичане. Наше положение было критическое, — нам предстояла славная и бесполезная для Отечества смерть. Сенявин своим решительным отзывом, что он погибнет под стенами Лиссабона, убедил баронета Коттона заключить конвенцию такого содержания: все войска на кораблях должны возвратиться в Россию, без всякого условия насчет нашей службы, сохраняя все почести и с флагами; корабли возвратятся в том точно виде, как они теперь находятся; по заключении же с Россией мира — через 6 месяцев и во все время на английском содержании. Итак, мы оставляем Лиссабон, идем вместе с английскими кораблями в Англию под своими флагами, точно как в мирное время. Не хвала ли Сенявину, умевшему вывести нас с такою славою из бедственного нашего положения!

47

Портсмут. 1808, октября 1-го. Пробывши в прелестной стране Европы 10 месяцев, мы оставили Лиссабон в исходе

августа, ровно через 2 года с выхода нашего из Ревеля, вместе с 7 кораблями и фрегатом английскими, равным числом нашей эскадре. Мы с братом перемещены на адмиральский корабль *. Наше плавание продолжалось около месяца; почти всегда дули ветры северные и крепкие; мы отдалились от ближайшего места Ошана, оконечности Нормандии во Франции, на 700 верст и тут получили способный ветер в Англию.

Английский народ в Портсмуте сдва не взбунтовался, увидевши незначительный русский флот, входящий на рейд главного порта Англии вместе с англичанами, каждый под своим флагом. Монтегю, известный адмирал и начальник порта, просил вице-адмирала не поднимать кормовых флагов, и все английские суда, бывшие тогда в Портсмуте, поутру не подняли своих флагов. Вице-адмиральский флаг на брам-стеньге и вымпела корабельные развевались на своих местах. На другой день нашего пребывания в Портсмуте английский морской министр известил, что для короля английского (хотя и сумасшедшего, для которого все равно, где бы и чей бы флаг ни развевал) неприятно видеть неприятельский флот в его порту под своими флагами, и чтобы не нарушать конвенцию, предлагали адмиралам и капитанам взять свои флаги, съехать на берег до отправления в Россию и оставить корабли на сбережение англичан. На это вице-адмирал объявил в своем приказе, что он не находит надобности оставлять корабли прежде возвращения в Россию и что не может противиться силе, превышающей его, — не исполнить требования министра, — поэтому спускает свой флаг и приказывает капитанам спустить свои вымпела и решился дождаться на кораблях своих обещанных судов для отправления в Россию. Таким поступком адмирал сохранил весь военный порядок на эскадре. Правительство английское поступило с нами не честно: какая ничтожная увертка заставить жить адмирала и капитанов со своими флагами на берегу!.. Не успевши в оном, оно продлило наше пребывание в Англии под пустыми предлогами... Надобно уважать честного неприятеля, которого слово исполнено священно. Мы не употребили во зло их доверенности. Контр-адмирал Тайлер, сопровождавший нас, не имел ни малейшего сомнения в каком-нибудь намерении уйти от него. Не знаю, удалось ли бы, но поодиночке могли прокрасться во

* Вследствие повреждений и ветхостей «Рафаил» был оставлен в Лиссабоне, а экипаж с него и с другого поврежденного судна — «Ярослава» — был размещен по другим кораблям эскадры Сенявина.

французские порты. Хотя бы и не удалось, по какую бы наделали тревогу в английском флоте! Тайлер чувствовал благородное наше поведение и отдал свое почтение со всеми подчиненными ему капитанами по приходе в Портсмут нашему адмиралу, как старшему... Однако национальная гордость англичан страдала, что русские корабли не составили их трофеев.

48

Портсмут. 1808, ноября 25-го. Какими ничтожными вещами английское правительство оскорбляло нас своею недоверчивостью! Сначала требовало сдачи пороха, потом, из предосторожности крепкого ветра, требовало спустить стеньги и реи. Наконец 15 октября отвели особенное место на Модер-банке, между городом Гаспорт, где госпиталь, и маленьким городком Ройт, на острове Вайт. Мы стали в две линии... разоружились совершенно и свезли даже артиллерию в магазины. Один остров Вайт, называемый садом Англии, был для нас свободен. В Портсмуте, кому необходимо надобно было ехать по службе, должен быть в полном мундире и известен начальнику города, что для нас было неприятно, и мы все предпочли остров Вайт. К нам приезжали несчастные наши товарищи, вместе с нами вышедшие из корпуса, И. и Б. Они взяты в плен на фрегате «Спешный», везшем в наш флот для всех офицеров и команды жалованье, которое мы не получали во все время за границей. Ты удивишься, как же команда не роптала? Содержание людей было всегда хорошо, и, как ты знаешь, по положению Петра Великого, порция положена даже с излишеством, — то команда, сохраняя экономию, продавала свой заслуженный провиант опять в казну, — и тем были так довольны, что о жалованье и не заботились. Сверх того, призовые деньги, которых мы сделали более, нежели на миллионы, шли также на содержание 6 пехотных полков и всех надобностей для поддержания флота и крепостей; то сею бережливостью мы сохранили миллионы в государстве и надеялись по возвращении в Отечество получить наше жалованье и призы. Фрегат «Спешный» вез нам, как я говорил, жалованье и серебряный сервиз, подаренный государем адмиралу Сенявину, и попал в плен в Портсмуте. Не умею объяснить странного поступка сего фрегата. Он был обманут несправедливыми слухами, что Сенявин возвращается в Россию и зайдет в Портсмут, и, поверив сему начисто, решился дождаться флота и дождался плена. Никогда не было примера, чтобы на Портсмутском рейде когда-нибудь взят был приз

такой богатой цены. Англичане, из уважения к Сенявину, возвратили ему сервиз, как его собственность. Капитан сего фрегата сошел с ума, и англичане, как больного, нам его отдали без размена. Несчастные товарищи содержались внутри государства; с ними обращались хорошо, но содержание, по дороговизне в Англии, было недостаточно. Все офицеры эскадры подпискою пособили своим сослуживцам...

50

Портсмут. 1809, января 24-го. Третий раз встречаем Новый год за границей и никогда не проводили время скучнее 1809 года в Англии. Однообразие, бездеятельная жизнь может ли нравиться для тех, кто привык к трудам? Зимовать на корабле в таком климате, как Англия, было очень неприятно: по ночам недостаточно было пищи, а теплого платья ни у кого не было. Очень часто выпадал снег на непродолжительное время и нам напоминал об отечестве, в котором бы многие из нас наслаждались счастьем быть в отпуске в кругу милых родных, а здесь видишь совершенное равнодушие, и то еще отравлено словом «неприятель».

Капитан нашего корабля Данило Иванович Малеев на днях кончил жизнь в городе Райте *. Он с самого прихода в Англию был нездоров, и никакое искусство не могло ему пособить. Флот потерял в нем хорошего морского офицера; во все время он был флаг-капитаном, а ты знаешь, что это одно показывает умного и знающего офицера. Странно, что из нашего отряда это уже четвертый капитан, которого мы теряем: командор Игнатьев и капитан Лукин убиты; Кровве **, капитан корабля «Мощный», возвращаясь в Россию, в Кёнигсберге занемог и кончил жизнь; Малеев — здесь, в Англии. Ему отдали последний долг, как прилично начальнику корабля; одних войск с ружьями не было при погребении, что противно английским законам. Адмирал, все капитаны и офицеры провожали до его могилы, где его прах навсегда остался.

Мне напомнило о твоем желании всегда знать сравнительное положение флотов наших и английских и главное управление кораблей и качество их. Возвращаясь из Лиссабона до Портсмута, почти месяц мы шли с англичанами;

---

* Капитан 1 ранга Д. И. Малеев — воспитанник Морского корпуса, в который поступил в 1779 г.; в мичманы произведен был в 1787 г., с 1806 г. командовал кораблем «Твердый».

** Вилльям Кровве, в 1783 г. принятый в русскую службу из английской мичманом, с 1804 г. был капитаном 1 ранга.

я прибавлю к замечаниям еще одно, которое тебе, как моряку, будет любопытно. Корабль «Твердый», на котором я окончил служение, построен в Петербурге из дуба, имеет прекрасную наружность 74-пушечного корабля; в попутные ветры не очень легко ходит, но зато в бейдевинд — отлично. Мы с англичанами лежали правым галсом 7 суток, и ветры доходили до противных и крепчайших; все корабли, не исключая ни одного английского, упадали под ветер, — так, чтобы войти в прежние линии, надобно было форсировать парусами. Один «Твердый» был под одними парусами и не упал под ветер. Этот корабль может отлавироваться от опасного места, и следовательно, качества военного корабля превосходные. Корабль «Сильный» отлично ходил в попутные ветры, но в бейдевинд должен был уступать «Твердому»; построен в Архангельске, из лиственницы. Надобно сознаться, что, когда оба флота лавировали на Портсмутский рейд, английские корабли, ходившие почти все хуже в бейдевинд «Твердого», вылавировали у наших кораблей и даже «Твердого». Это показывает, что управление парусов у англичан искуснее нашего.

51

Портсмут. 1809, февраля 26-го. Близ полгода, как мы в неприятельской земле, и кроме желания быть скорее в своем Отечестве и служить ему с пользою, мы здесь не похожи на врагов, а более на друзей. Содержание нам доставляется исправно. Наше хорошее вообще положение заслужило у англичан уважение. Недавно адмирал Кари, главный начальник Портсмута, сменивший Монтегю, приезжал благодарить адмирала за пособие в бурю одному английскому фрегату и за поведение офицеров и нижних чинов. Эта благодарность не собственная адмирала Кари, но предписанная ему правительством. Итак, этот удивительный начальник* сумел снискать уважение и неприятелей... Во время зимы, скучного времени, офицеры не оставляли свой корабль; служба же наша была якорная, бездейственная, так что можно было отвыкнуть от морской службы. Надобно было изобресть какое-нибудь занятие. Молодые офицеры и гардемарины составили театр. Он был так занимателен, что несколько дней были проведены с удовольствием, а не все дни убиты. Открылись главнейшие актеры, как Лазаревы-Станищев* и Абатуров** недостаток был в женских ролях. У нас на фрегате были англичанки, жены некоторых офицеров, но почти не умели говорить по-русски. Гардемарин барон Левендаль***, по молодости своих лет и по хорошенькому лицу, представлял женские роли — и так удачно, что многие, не знавшие, спрашивали: «Кто эта дама?» У нас на корабле часто были квартеты. Дельфино, известный тебе виолончелист, решился ехать в Россию. Ронко, хороший скрипач, полюбивший русских, желал видеть Россию и с нами пуститься из Лиссабона. Капитан Рожнов**** на браче и лейтенант Платер***** на скрипке часто заставляли забывать скучное единообразие. Так проводим мы зимнее время и с наступлением весны надеемся увидеть благословенное Отечество.

* Адмирал Д. Н. Сенявин.

52

Портсмут. 1809, марта 20-го. С наступлением хорошего времени стали чаще посещать остров Вайт. Видели, как в январе месяце пахали плугом пашни, видели, как садили деревья по дорогам, которыми делали прекрасный проспект и которые служат вместе и изгородью. Ходили пить молоко к богатым фермерам, любовались необыкновенною чистотою всех вещей хозяйственных... На сем острове, к удивлению, находится войска в 10 000, но жители не чувствуют тягости войск: они живут в огромных казармах и на здоровом местоположении.

53

Портсмут. Апреля 25-го. Лето для нас сделалось тем приятнее, что главное — теплее и ночью; на вахте уже не

* Павел Акимович Лазарев-Станищев, мичман с 1804 г., участник Дарданелльского и Афонского сражений, в 1809 г. вернувшийся с эскадрою в Россию и в 1812 г. вышедший в отставку капитан-лейтенантом.

** Павел Петрович Абатуров, мичман с 1804 г., спутник Лазарева-Станищева, но на другом корабле; вышел в отставку капитан-лейтенантом в феврале 1816 года.

*** Барон Карл Николаевич Левендаль, кадет Морского корпуса с 1800 г., гардемарин с апреля 1806 г., плавал в 1806—1808 гг. на «Твердом» и в апреле 1809 г. произведен в мичмана; впоследствии капитан 1 ранга при отставке 26 января 1838 г.

**** Командир корабля «Селафаил» Петр Михайлович Рожнов, впоследствии директор Морского корпуса.

***** Григорий Иванович фов Платер... впоследствии главный командир Кронштадтского порта, адмирал и сенатор.

надобно было надевать сюртука и шинели. Байт ожил от приезжающих пользоваться морским купаньем. Желающий купаться садится в крытую будку на двух колесах с дверцею сзади будки; дверцы, из которых висит лестница, закрываются парусинным зонтиком; на лошади вводят в глубину, чтобы можно было плавать, будку подпирают под оглобли двумя палками, и таким образом остается будка в море до тех пор, пока поднимется зонтик — знак, что купанье кончилось: на лошади ее вывозят на берег. Во время купанья по всему берегу палатки точно представляют изображение лагеря. Между множеством приезжавших купаться был и лорд Спенсер — один из богатейших лордов Англии; его доходы, получаемые в Англии и переведенные на наш курс, равнялись нашему графу Шереметеву. Но какая разница в пышности! Всегда видели четвероместную карету, запряженную в две лошади; при всем семействе было 3 женщины и 3 человека мужчин. Какое различие с нашими богачами! У нас бы был полк людей, эскадрон лошадей, и какие бы явились прихоти для проведения скучного времени в купаньях... В трактир Ньюпорта приезжает очень много особ; лакей один и не заставит дожидаться. Это невероятная проворность — он не ходит, а летает: из кухни по лестнице он делает прыжки. Нас обедало человек 15 офицеров, довольно роскошно, и потом было много приезжих в разных нумерах: он сервировал стол с таким вниманием, что ни одного из нас не заставил ему повторить наше требование другой раз... Поверит ли наш ленивый лакей, привыкший за стулом спать, что один может служить нескольким вдруг?..

54

Портсмут. 1809, мая 20-го. Какая была радость! В первых числах мая назначили нам суда, и мы уже стали перебираться! Нашей роте достался хорошенький бриг, — но вдруг все переменилось: суда у нас отобрали для десанта на остров Валхерен. Ничего глупее не делали англичане, как сию экспедицию. Собрано было 20 линейных кораблей; на них и на сотни купецких судов посадили 40 000 войска, чтоб овладеть болотным городом Флиссингеном и тем сделать диверсию в пользу австрийцев... Они, вероятно, издержали мильон, переморили без всякой пользы войска и... произвели диверсию без всякого облегчения Австрии. Англичане очень странно поступали со всеми своими союзниками: везде видна была цель собственной выгоды, — но, к счастью, нигде им не удалось. Во время войны нашей в

Пруссии они могли бы сделать десант в Восточную Пруссию, еще прежде — в Ганновер, и, может быть, не допустили бы Аустерлицкого сражения; но они пустились в Южную Америку, потом, когда им надобно действовать вместе с нами у Дарданелл, они пустились в Египет, где их, подобно как в Флиссингене, отпотчевали преисправно... Англичане говорили нам, что мы друзья, что они двятся там и там, но вышло, что они являлись туда, где их были выгоды, но происшествия доказали, что все дела оканчивались дурно, где только был эгоизм. Несчастная экспедиция отомстила им за предосудительный поступок с нами. Неужели они не могли собрать судов для отряда, не простиравшегося до 5000? Нет, они легко могли это сделать, но им надобно было продержать лето, чтобы мы были в бездействии на море.

55

Рига. 1809, сентября 15-го. Наконец для нас настал час настоящего отправления в Россию; в августе месяце перебрались на транспорты. Суда все были трехмачтовые; наш транспорт назывался «Сара»; каюту уступили дамам. Пассажирами у нас были полковник Ваксель с женой и свояченицей, госпожа Смирнова, не знающая ни одного слова по-русски, Девисон, возвращающаяся к мужу в Россию... и два инженерных офицера и два дворянина, воспитывавшихся в Англии. Все офицеры заняли середину корабля, и постели наши были вповалку на нарах, но так нам надоело пребывание в Англии, что мы еще хужо бы имели для себя покой, то и тогда были бы довольны... Наш шкипер (капитан «Сары») есть величайший поклонник Бахуса и на боксуме потерял правый глаз; он мало занимался кораблем. Его первый штурман, или старший лейтенант, спился до белой горячки; ему представлялась его мать, его жена с детьми, упрекающая, что он, своим поведением, потерял капитанское свое место на одном из кораблей, — и в эту беспутную минуту приехали наши дамы; их испуг был ужасен... Мы их удостоверили, что будем сами заниматься службою и что этот пьяница не явится другой раз наверх. Штаб-лекарь Шкларевич налепил ему мушек, обрил голову и привел в хорошее, как должно, положение. Другой раз сей несчастный проломил себе голову; Шкларевич его вылечил; наконец, незадолго до прихода в Ригу, переломил себе ногу; доктор справил ему ногу, связал в лубки — и так благополучно, что он вышел провожать нашу команду на присланные из Риги суда и первый закричал «ура!».

РУССКИЙ ГЕРКУЛЕС

Капитан 1 ранга Лукин — знаменитый российский Геркулес **. Кажется, с необычайною силою природа наделяет и добрым сердцем. Мудрено поверить, до какой степени Лукин терпелив; но горе тому, кто его рассердит. Лукин посредственного росту, широк в плечах, и грудь его твердостью похожа на каменную, равномерно и все тело необыкновенно плотно и упруго. Имя его известно и прославляемо во всех английских приморских городах. Английские моряки весьма любят гимнастические экзерциции, а потому сила мускулов в большом у них уважении. После обеда англичане великие забияки, а как они очень завидовали силе Лукина, то и хотели однажды, когда приехал он в Чернес с корабля своего на шестивесельной шлюпке, напасть на него во множестве и попотчевать английскими боксами (толчками). Но не тут-то было: англичане ошиблись в расчете. Лукин был более 300 шагов от своей шлюпки, как на него вдруг неожиданно напала куча буянов и начала щипать.

---

* П. П. Свиньин — сделал кампанию 1806—1808 гг. на «Рафаиле» вместе с Панафидиным. «Воспоминания на флоте» Свиньина, так же как и «Письма» Панафидина, писаны в форме дневника и в некоторых рассказах совпадают, но для моряков, конечно, интереснее «Письма» Панафидина, так как они писаны специалистом морского дела; Свиньин же, как гражданский дипломатический чиновник, обращал внимание больше на предметы и события общего интереса или значения. (Прим. издателя «Писем» П. И. Панафидина Б. Л. Модзолевского.)

** Д. А. Лукин родился в 1770 г., был сыном капитана и в 1776 г., с братом своим Алексеем, был принят кадетом в Морской корпус. В 1785 г. произведен в гардемарины и до 1788 г. ежегодно находился в плавании в Балтийском море. В том же году произведен в мичманы, через два года — в лейтенанты. В 1790 г., находясь на фрегате «Брячислав», участвовал в Красногорском и Выборгском сражениях, за которые произведен был в капитан-лейтенанты... В 1799 г., за расторопность в десантной высадке на голландский берег, награжден орденом Св. Анны 3-й степени. Произведенный в 1801 г. в капитаны 2 ранга, Д. А. Лукин в 1801—1803 гг. командовал кораблем «Рафаил»; в 1802 г., за 18 морских кампаний, получил орден Георгия 4-го класса, а в 1803 г. произведен был в капитаны 1 ранга... и в этом же году за спасение корабля «Ретизан», ставшего на мель при голландских берегах, награжден был орденом Св. Владимира 4-й степени. В 1804 г. он командовал кораблем «Св. Иануарий» в Балтийском море, а в 1805 г. снова переведен был командиром на «Рафаил»; с ним он и сделал кампанию 1806—1807 гг. и на его палубе погиб в Афонском сражении 19 июня 1807 г.

Адмирал был на фрегате «Чемпион»; наш транспорт, по милости капитана-циклопа, отстал от конвоира, — мы его долго дожидались. В Дувре догнали наш конвой, стоящий на якоре; на другой день пришли в Ярмут и оттуда пустились в Балтийское море. Погода была прекрасная... Большой Бельт проходили, можно так сказать, ощупью: на ночь становились на якорь, и очень осторожно вел нас конвоир, остерегаясь капонерских датских лодок. В Бельте мы имели честь угощать у себя адмирала и английского капитана: они у нас обедали. Адмирал перешел, при выходе из Бельта, на английский же фрегат «Тартар», а «Чемпион» возвратился в Англию.

В Бельте англичане содержат значительный флот, и ни одно купеческое судно, идущее в Балтийское море, не отправляется без прикрытия. Когда соберется их много, то провожаются целым флотом. Здесь командует Бельтом контр-адмирал Диксон: так датчане заставили англичан быть осторожными. Оставя влеве остров Зеландию, вправе — острова Фионию и Фемерен, 4 сентября мы вошли в свое Балтийское море. Остров Борнгольм... едва не был окончанием нашего плавания. Конвоир так близко подошел к острову, вероятно от ошибки в счислении, что всем надобно было вдруг обратить корабли прочь от острова. Ночь была темная; суда в сих движениях столкнулись одно с другим. Первое наше движение было явиться наверх пособить в управлении парусов, что было легко сделать, ибо люди были разделены на три вахты. Приведя корабль в порядок, пошли успокаивать дам...

7 сентября увидели Курляндский берег, — хотя это не та часть земли, привязывающая так сильно к родине, но все же часть нашего государства... 11 сентября остановились в Рижском заливе, при устье Двины, в недальнем расстоянии от Дюнамюндской крепости. На другой день перевезли нас в Ригу, — и тут кончилось заграничное путешествие, продолжавшееся с лишком три года, так приятно начавшееся и кончившееся так нехорошо...

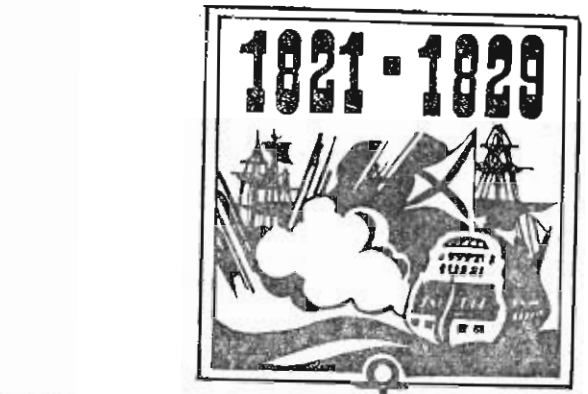
...Обязанность заставляет сказать, что англичане — разумеется жители — во все пребывание наше не сделали нам ни малейшей неприятности. Они обращались со всею вежливостью и никогда не показывали, что мы находимся у них на условии.

Он, видя несоразмерность сил своих, постарался поймать двух главных зачинщиков и, взяв их за галстук, отправился с ними к берегу, дабы соединиться со своими матросами. Способ сей весьма посчастливился ему, и уже он дошел почти невредимо до своей шлюпки, ибо, при каждом нападении, так исправно пожимал своих товарищей, что они просили у него пощады, а земляков своих молили не трогать Лукина, — как вдруг получил по обеим рукам два столь сильных удара, что оба пленника у него вырвались и тысячи сильных кулаков посыпались на него со всех сторон. Дорого Лукин покупал каждый шаг к берегу, и уже видел он — в истощении сил своих — торжество своих неприятелей, — как верные сподвижники его, пять матросов, прилетели на выручку. При виде их Лукин почувствовал возрождение новых сил, разогнал буйную толпу и благополучно возвратился на корабль свой. На другой день подано было на него несколько десятков просьб об увечье, и подвиг сей приумножил к нему почтение английских моряков.

Вот другой об нем анекдот. В Чатаме один пленный француз добывал деньги фокусами-покусами, из коих главным было то, что он подставлял за несколько копеек щеку свою с тем, что не попятнется ни от какой пощечины, в противном же случае должен был даром представлять собачьи комедии целые три часа. Ни один английский кулак не мог пошевелить его; наконец уговорили Лукина попотчевать его русским. С первого удара бедный фокусник стремглав полетел с тропу своего, ибо он стоял на возвышенном месте, и целый день должен был забавлять весь народ, который с громким «ура!» подхватил Лукина и понес в торжестве до первого трактира, где он постарался укрыться.

Я сам неоднократно видел опыты чудесной силы его. Он при моих глазах два раза вдавливал яму посреди серебряного рубля большим пальцем своим и им же несколько гвоздей с шляпками вплоть вбивал в дубовую доску.

В древние времена, конечно, Лукину были бы посвящены храмы, воздвигнуты статуи, но нет — он столь же бренен, ничтожен, как и самый слабый из смертных! Лукин весьма веселого нраву и гостеприимен до расточительности.



Наваринское морское сражение

Е. В. Богданович[1]

НАВАРИН

До похода в Средиземное море

Весною 1826 года в Петербурге произошло событие, вскоре обратившее на себя внимание всей Европы: герцог Веллингтон, официально присланный английским правительством для поздравления императора Николая Павловича с восшествием его на престол, удостоился наконец давно ожидаемого разговора с его величеством о греческом вопросе.

[1] Полковник Е. В. Богданович начинал службу на Балтийском флоте на корабле «Память Азова». Затем был переведен на Черное море. Плавал на шхуне «Ласточка», фрегате «Мессемврия». Был знаком и близок со многими участниками Наваринского сражения, из первых уст слышал подробности об этом сражении, в том числе от бывшего начальника русской эскадры Л. П. Гейдена. Более того, сын Л. П. Гейдена Л. Л. Гейден, тоже участник Наваринского сражения, после смерти отца доверил Е. В. Богдановичу ценные, нигде ранее не публиковавшиеся документы, освещающие знаменательное событие. Это послужило толчком для написания книги, которая вышла в год 50-летия Наварина (в 1877 г.).

— Вы знаете, милорд, — сказал государь герцогу, которому английское правительство поручило склонить петербургский кабинет к представлению Англии прекращения распри между Портою и греками, — что я решился идти по стопам моего любезного брата. А император Александр перед смертью принял твердое решение: с оружием в руках заставить Порту уважать права России, признанные трактатами. Пока Россия еще не ведет войны с Портою, но дружественные отношения между ними прекратились...

Вообще говоря, предложение Веллингтона о предоставлении Англии участия в разрешении «греческого вопроса» встретило довольно холодный прием со стороны государя. Николай Павлович объявил и ему, и эрц-герцогу Фердинанду Эсте, присланному в Петербург австрийским правительством, что теперь он намерен заботиться устранением своих собственных несогласий с Портою... Герцогу было, однако же, выражено расположение императора решить дело греков по соглашению с его союзниками...

Веллингтон как нельзя лучше понял и сущность своей задачи при тогдашней обстановке, и твердость решительного характера русского царя, а потому 4 апреля 1826 года подписал, вместе с канцлером Нессельроде и князем Ливеном, «протокол» о греческих делах, позволивший России и Англии вмешаться в борьбу Греции и послуживший впоследствии основанием знаменитому Лондонскому «договору» 6 июня 1827 года. На основании протокола Англия и Россия соглашались сообща заявить Турции, что долг человечества повелевает им принять немедленно меры к прекращению истребительной, страшной и бесполезной войны, приглашая Францию и другие державы присоединиться к этой декларации...

Русская эскадра под начальством адмирала Сенявина, согласно сделанному распоряжению, вытянулась на Кронштадтский рейд к 21 мая 1827 года. Адмирал поднял свой флаг на корабле «Азов»; флагманами были: вице-адмирал Лутохин на корабле «Князь Владимир» и контр-адмирал граф Гейден на корабле «Святой Андрей». Вся эскадра состояла из 9 кораблей, 7 фрегатов и 1 корвета.

Несколько дней спустя, именно 30 мая, удостоилось высочайшего утверждения «наставление адмиралу Сенявину». В наставлении указывалось, что по прибытии эскадры из Кронштадта в Портсмут, по предварительному сношению с нашим послом в Лондоне, адмирал Сенявин должен отделить

от эскадры, по собственному выбору, 4 линейных корабля, 4 фрегата и 2 брига для составления особой эскадры под командою контр-адмирала графа Логина Петровича Гейдена. Будущей эскадре графа Гейдена предписывалось: получить от князя Ливена предписание о времени выхода из Портсмута, отправиться в Средиземное море для оказания защиты и покровительства русской торговле в Архипелаге, наблюдая строгий нейтралитет в войне между турками и греками. К счастью, эта первоначальная весьма ограниченная цель назначения эскадры была вскоре значительно расширена вследствие изменившихся политических обстоятельств: ввиду Лондонского договора 6 июня русской флотилии пришлось войти в состав соединенного флота для защиты греков от нападений египетско-турецких морских и сухопутных сил...

Перед Наварином

...Для установления действий между тремя флотилиями главнокомандующим над ними был назначен, как старший в чине, командир английской эскадры вице-адмирал Эдуард Кодрингтон, личность вполне замечательная и выходившая из ряда обыкновенных хороших служак не только своими обширными познаниями и опытностью, но также и благородством своих чувств... Совершенно на одном уровне с ним оказывался во всех отношениях командир русской эскадры контр-адмирал граф Логин Петрович Гейден [1]. Бессмертная деятельность его в Архипелаге обеспечила ему непререкаемое право на признательность России... Выдержки из книги, изданной по смерти Кодрингтона его дочерьми, а также печатаемые нами неизданные доселе и неизвестные до сих пор публике письма трех союзных адмиралов... доказывают то глубокое почтение, а иногда даже ту востор-

[1] Л. П. Гейден — голландец. Родился 25 августа 1772 г. в Гааге. С одиннадцатилетнего возраста служил на кораблях, ходил в океанские походы. В 1795 г. после политического преследования и трехмесячного тюремного заключения, переодевшись в крестьянское платье, молодой морской офицер тайком переходит голландскую границу. В Петербурге добивается разрешения у Екатерины II продолжить службу в России и становится капитан-лейтенантом Черноморского гребного флота. Известие о входе Голландии в состав Французской империи заставляет Л. П. Гейдена обратиться к царю (Александр I) с новой просьбой; в 1810 г. он принимает русское подданство. Последние шестнадцать лет (1834—1850) провел в Ревеле в должности военного губернатора и главного командира Ревельского порта. Здесь-то Е. В. Богданович и слышал от него многочисленные рассказы о Наваринском сражении.

женную преданность, которые командир русской эскадры успел вселить всем разноплеменным и разнохарактерным личностям, с какими ему случалось иметь дело... Впрочем, с начальником французской эскадры вице-адмиралом де Риньи[1] отношения графа Гейдена не всегда могли быть приятными, вследствие высказывающейся в... письмах французского адмирала причудливости его нрава, а иногда и завзятой враждебности к грекам. Нет сомнения, что де Риньи, как и бо́льшая часть офицеров его эскадры, должен был соображаться с известною ему политической программой французского правительства... Так, в лад воззрению своего кабинета, адмирал де Риньи, под предлогом увеличения «независимости» возрождающейся Греции, не раз настаивал в своих письмах на уменьшении испрашиваемой греками территории, так как с ее увеличением умножатся-де вассальные отношения Греции к Порте. В другом письме де Риньи просто отрицал самое существование Греции, восклицая: «Боюсь, что нам самим придется создавать эту Грецию, ибо где она — не вижу...»

Понятно, что при первой встрече Гейдена и де Риньи и тон и образ мыслей последнего должны были удалить от него командира русской эскадры... Взаимное нерасположение этих двух начальников доходило до того, что Кодрингтон серьезно задавал себе вопрос: до какой степени, в случае битвы, он может полагаться на совокупное действие обоих своих союзников, и не воспользуются ли они огнем, чтобы сцепиться друг с другом...

С первым пушечным выстрелом исчезли все сомнения Кодрингтона. От адмиралов до последнего матроса, оба союзника его соперничали между собой только своим самопожертвованием, своей неустрашимостью. Суда русской и французской эскадр не раз выручали друг друга, как самые лучшие друзья. После Наваринского сражения между начальниками русской и французской эскадр, вопреки противоположности политических взглядов, состоялось без всяких формальных примирений совершенно естественное чистосердечное сближение, принявшее со временем характер искренней дружбы. При всем том причудливые выходки словоохотливого француза, вопреки господствующему в его письмах к Гейдену тону шутливой фамильярности и вопреки всей кротости характера графа, вызывали со стороны последнего, даже и долго после Наварина, некоторое неудовольствие... Прямодушный и энергический адмирал не

[1] Де Риньи в то время был контр-адмиралом.

имел и не хотел иметь понятия о дипломатическом двуличии и даже двурушничестве. Что говорил он за глаза, то говорил и в глаза...

...Небезынтересно взглянуть на состояние того из трех грозных факторов Наваринского побоища, который один близок нашему сердцу: на вверенную контр-адмиралу графу Гейдену русскую эскадру. Знаток дела Кодрингтон писал о ней следующее: «13(1) октября утром сошлись мы с русскою эскадрой, а затем с французскою. Вечером французская эскадра пошла к Занте, а мы, вместе с русскими, продолжали свой путь к Наварину... Русские суда все такие чистенькие и, думаю, в весьма хорошем порядке. Многие из русских офицеров хорошо говорят по-английски... Все русские суда кажутся совершенно новы, и так как медная обшивка их с иголочки, то и имеет прелестный темно-розовый цвет, что много содействует красивой внешности судов». Жене своей Кодрингтон в письме от 15 (3) октября передавал и следующих выражениях заключения, выводимые им из более обстоятельного осмотра эскадры Гейдена: «Русский флот, по-видимому, находится в хорошем боевом состоянии, хорошо управляем и расположен охотно идти с нами рука в руку...»

Всего замечательнее впечатление, которое, по словам Гарри Кодрингтона, сына знаменитого адмирала, производила русская эскадра на турок за три дня до Наваринской битвы. «Любопытно было наблюдать, — писал 15 (3) октября своей матери Гарри, — как турки удалялись от русских судов и держались нашей подветренной стороны. Когда русские суда приближались к ним, они тотчас же сторонились и бежали на нашу сторону...»

...Как и следовало ожидать, чересчур натянутые дипломатией струны рано или поздно должны были лопнуть, и лопнуть со взрывом. И вот, ровно через неделю по соединении союзных флотов, 8 (20) октября 1827 года, словно тысячами громовых ударов на целые четыре часа Наваринская бухта превратилась в ад...

Наваринский разгром

Начальник русской эскадры граф Л. П. Гейден в донесении своем о Наваринском бое описывает знаменитое сражение 8(20) октября 1827 года следующим образом: «При первом свидании с вице-адмиралом Кодрингтоном я с удивлением узнал, каким вероломным образом Ибрагим-паша, за несколько дней перед тем, нарушил данное им обяза-

тельство наблюдать перемирие до получения от своего правительства предписаний, — обязательство, в уважение которого союзные адмиралы не только сняли блокаду Наварина, но и обещали препятствовать покушению греческого флота сделать замышляемую высадку на берегах Албании.

Таковой поступок египетского генерала и меры, кои с самого обнародования Лондонского договора принимал он для обращения Морен в настоящую пустыню, принудили нас соединить пред Наварином наши силы и послать к Ибрагиму новое и сильное отношение.

Чиновники паши объявили нашему парламентеру, что Ибраким в отсутствии, что им неизвестно, где он находится и когда возвратится, и что они не могут принять на себя доставления к нему письма союзных адмиралов.

Такой странный и дерзкий ответ доказал еще более, что средства убеждений и даже угрозы будут отныне бесполезны и что без сильной и скорой меры Лондонский договор не только не исполнит желаний человечества и благих намерений держав, оный заключивших, но сделает еще лютее и губительнее борьбу, которую хотели остановить.

По здравом рассуждении и вследствие протокола, состоявшегося 7 октября, мы решились войти со всеми нашими кораблями в самую гавань Наваринскую, стать на якоре подле турецкого флота и, присутствием и положением наших эскадр, принудить Ибрагима сосредоточить свои силы на сем пункте и отказаться от всякого нового предприятия против берегов Морен и островов Греции.

Военные распоряжения, план вступления и главное начальство в случае действия представлены были г. вице-адмиралу Кодрингтону, как старшему в чине. Дарования, поступки, отличное служение сего адмирала внушили общую к нему доверенность, которую происшествие 8 октября столь разительно оправдало пред его сподвижниками и пред всею Европою.

Соединенный флот явился у входа в гавань Наваринскую в час пополудни, в двух колоннах; одна состояла из кораблей английских и французских, а другая из российской эскадры. Адмиралы Кодрингтон и Риньи, которые, по предварительным распоряжениям, находились на ветре, миновали уже крепостные батареи и только что легли на якорь, как российская колонна, имея впереди адмиральский корабль «Азов», приблизилась ко входу в гавань; в сие самое время с одного из турецких брандеров произошла весьма сильная ружейная пальба, от которой убит был англий-

ский лейтенант Фиц-Рой, посланный, в качестве парламентера, для склонения командира сего брандера к удалению от близости с союзными кораблями; вскоре с египетского корвета последовал первый пушечный выстрел против французского фрегата.

«Азов» находился в сие время между батареями Наваринской крепости и батареями острова Сфактерия, с которых тотчас направлен был перекрестный огонь против адмиральского корабля и, мало-помалу, против прочих кораблей, по мере приближения их ко входу. Невзирая на сей сильный огонь и на огонь с тройной линии судов, составлявших правый фланг турецкого флота, «Азов» продолжал свой путь, не сделав ни одного пушечного выстрела, и стал на якорь на месте, для него назначенном; «Гангут», «Иезекииль», «Александр Невский» и четыре шедшие за ними фрегата совершили таковое же движение и, осыпаемые ядрами, стали в предписываемую им позицию.

Мы еще надеялись, и вместе с нами английский и французский адмиралы, что турецкие начальники пресекут огонь, как скоро усмотрят спокойное положение союзников, и что они не желают дать сигнала к сражению; но, ободряемые сим самым спокойствием, турки усугубили свою дерзость, и второй парламентер, посланный сэром Кодрингтоном к египетскому адмиралу Мухаррем-Бею, имел ту же участь, как и лейтенант Фиц-Рой. Тогда не осталось нам иного средства, как отражать силу силою; эскадры открыли огонь, и действие оного, направленное с удивительною неустрашимостью против флота числом впятеро сильнее союзных эскадр, в четыре часа истребило до шестидесяти разной величины судов; в том числе и корабли турецких предводителей, Тагир-паши, Капитана-Бея и Мухаррем-Бея, были потоплены или сбиты к берегу на мель; двадцать же других сожжены турками после сражения.

В продолжение сей достопамятной битвы три союзные флота соревновали один другому в храбрости. Никогда не видно было столь искреннего единодушия между различными нациями. Взаимные пособия доставались с неописанною деятельностью; при Наварине слава английского флота явилась в новом блеске, а на французской эскадре, начиная от адмирала Риньи, все офицеры и служители явили редкие примеры мужества и неустрашимости.

Капитаны и прочие офицеры российской эскадры исполняли долг свой с примерным рвением, мужеством и презрением всех опасностей; нижние чины отличались храбростию и повиновением, которые достойны подражания.

Неустрашимый капитан 1 ранга Лазарев[1]... управлял движениями «Азова» с хладнокровием, искусством и мужеством примерным; капитаны Авинов, Хрущев, Богданович и Свинкин равно отличились[2]. Сей последний хотя при начале дела был тяжело ранен картечью, но продолжал командовать во все сражение, держась около четырех часов за канат и на коленях на палубе своего корабля. Капитан «Гангута» Авинов явил также пример редкого присутствия духа; турецкий фрегат, обращенный в брандер, пробрался ночью между сим кораблем и адмиральским бугшпритом, уже сцепился с «Гангутом», капитан Авинов велел брать сей фрегат на абордаж, и человек, готовившийся оный зажечь, убит с фителем в руках.

Один из турецких фрегатов, сражавшихся против корабля «Александр Невский», сдался и спустил флаг, который взят; турки на другой день отправлены на берег, а фрегат потоплен.

Корабля «Азова» лейтенанту Буреневу раздробило ядром руку; несмотря на чрезмерную боль, он оставался при своем месте, у батарен, бывшей в его распоряжении, и надлежало ему приказать отойти от его пушек. У него отняли руку по плечо, но в ту ж самую минуту услыша, что турецкий адмиральский корабль, сражавшийся с «Азовом»,

---

[1] Капитан 1 ранга Михаил Петрович Лазарев (1788—1851), впоследствии известный адмирал и флотоводец, в Наваринском сражении успешно совмещал две должности: командира флагманского корабля «Азов» и начальника штаба русской эскадры. Удостоился звания контр-адмирала, французского военного ордена Святого Людовика и английского ордена Бани. С 1833 по 1851 г. — гл. командир Черноморского флота.

[2] Капитан 2 ранга Александр Авинов — командир корабля «Гангут». Награжден орденами Святого Владимира 3-й степени, Святого Людовика и Бани. Капитан 2 ранга Степан Хрущев — командир фрегата «Константин»; ордена — Святой Анны 2-й степени, Святого Людовика и Бани. Капитан 2 ранга Лука Богданович — командир корабля «Александр Невский»; ордена — те же, что у С. Хрущева. Капитан 2 ранга (после сражения — капитан 1 ранга) Иосиф Свинкин — командир корабля «Иезекииль»; ордена — Святого Владимира 3-й степени, Святого Людовика и Бани. Следует назвать еще три фамилии отличившихся: лейтенант Павел Нахимов (после сражения — капитан-лейтенант), награжденный орденом Святого Георгия 4-й степени; мичман Владимир Корнилов — Святой Анны 4-й степени; гардемарин Владимир Истомин (после сражения — мичман) — серебряным крестом Святого Георгия. В последующем все трое — адмиралы, герои и руководители легендарной обороны Севастополя в 1854—1855 гг. Все трое погибли при защите Севастополя и похоронены в одном склепе, в том же, где покоился прах их командира и учителя адмирала М. П. Лазарева, участника Наваринского сражения.

истреблен, наш раненый, желая участвовать в общей радости, почти вырвался из рук у бывших при нем.

На другой день после сражения послано было к египетским и турецким начальникам от союзных адмиралов объявление, чтобы предупредить их о последствиях, какие навлечет всякое новое с их стороны неприятельское действие. Вслед за сим объявлением Тагир-паша, который уже поутру приезжал для переговоров на корабль адмирала Кодрингтона, поспешил опять явиться к нему с объяснением, что ни он, ни товарищи его не будут более предпринимать никаких непризненных покушений.

Соединенные эскадры оставались в Наваринской гавани до 14(26) октября, не были нимало тревожимы и занимались исправлением повреждений. На другой день сражения все пленные, взятые во время дела, отпущены.

«Азов», «Гангут» и «Иезекииль» много потерпели, и российская эскадра, вместе с английскою, отправилась и прибыла в Мальту для починок. Наша эскадра в скором времени вступит опять в море для совокупного действования с морскими силами союзных держав».

Во втором своем донесении о бое контр-адмирал граф Гейден писал:

«Единодушие, с которым действовали корабли соединенных эскадр, превосходит вероятие: казалось, что мысли всех обращены были к одной и той же нации; например, капитан ла Братоньер, командир французского корабля «Бреславля», приняв невыгодную при начале сражения позицию и усмотрев, что корабль «Азов» весьма много терпит от неприятеля, сражаясь в одно время против пяти военных судов, и почти не наносит им никакого вреда, немедленно отрубил свой канат и занял место между «Азовом» и английским кораблем «Альбионом», через что некоторым образом облегчил наше положение. Корабль «Азов», с своей стороны, тогда как сам окружен был турками, много помог английскому адмиралу, который сражался с 80-пушечным кораблем под флагом Мухаррем-Бея, и когда сей последний по причине перебитого у него шпринга повернулся к «Азову» кормою, то 14 орудий на левой стороне немедленно отделены для действий противу сего корабля, и действовали с таким успехом, что через полчаса разбили ему всю корму, и когда в констапельской каюте сделался пожар и употребляли все усилия, чтобы погасить возгорание,

сильный картечный огонь с «Азова» сему воспрепятствовал, турецкий корабль вскоре объялся пламенем и наконец взорван на воздух. Между тем один из английских бригов, который много в сражении потерпел и потерял все якоря, взят на буксиров капитаном Хрущевым, командиром фрегата «Константина», и чрез то в продолжение целой ночи сохранен ото всякого вреда.

В сем сражении три адмиральских корабля более всех потерпели, как в убитых и раненых, так в повреждении корпуса, рангоута и такелажа. Английский и французский адмиралы кроме других многих повреждений потеряли бизань-мачты; у «Азова» все мачты столько пробиты, что при фальшивом вооружении с трудом можно нести на оных паруса; кроме сего, в одном корпусе корабля насчитано 153 пробоины, в том числе 7 подводных.

При сем случае не могу я не вспомнить тех достопамятных слов, которые Его Императорскому Величеству угодно было сказать при последнем оставлении корабля «Азова»: «Надеюсь, что в случае каких-либо военных действий поступлено будет с неприятелем по-русски». Слова сии исполнены совершенно. Чистосердечное признание англичан, чрезвычайно ласковый и отличный прием, сделанный эскадре нашей в Мальте, служит тому приятным подтверждением.

К чести капитана Лазарева должно присовокупить, что строгая дисциплина, ежедневное учение по пушкам и порядок, в коем служители всегда содержались, были причиной, что корабль «Азов» действовал с таким успехом в поражении и истреблении неприятеля. Он сильным своим огнем потопил два огромные фрегата и корвет, сбил 80-пушечный корабль, который брошен на мель и напоследок был взорван, истребил двухдечный фрегат, на коем главнокомандующий турецкого флота Тагир-паша имел свой флаг; фрегат сгорел, по признанию самого паши; в сражении из 600 человек было до 500 убитых и раненых. По достовернейшим сведениям оказалось, что из 60 военных судов, турецко-египетский флот составлявших, остался только один фрегат и до 15 мелких судов, но и те в таком положении, что едва ли могут быть в море. Сии оставшиеся суда легко бы также истребить не более как в два часа времени, но оставлены неприятелю в доказательство, что действие с нашей стороны было не наступательное, а оборонительное. В продолжение кровопролитного сего сражения взорвало между судами соединенных эскадр 13 турецких больших судов и на другой день еще 18 разной величины; вообще, потеря

на турецко-египетском флоте должна быть чрезвычайная, и можно полагать, что погибли от 6 до 7 тысяч человек. Корвет «Гремящий» в самом сражении не участвовал, он был отряжен для крейсирования при входе Наварина и наблюдения со стороны моря».

...Остается вопрос: в какой мере справедливы упреки, будто турки были вовлечены в Наваринскую битву совершенно для них неожиданно? Некоторые турколюбцы позволяли себе даже утверждать, будто сражение 8(20) октября 1827 года было изменническим нападением на турок со стороны союзников...

Собранные нами материалы дают превосходный ключ к разрешению этих мнимых недоумений. Материалы эти несомненно доказывают, что, не обращая никакого внимания на присутствие английского и французского флотов в Архипелаге, Порта как будто с нетерпением ожидала известия о начало военных действий, даже и не думая отвратить или отсрочить столкновение, для чего ей стоило лишь предписать главнокомандующему турецко-египетскими военными силами в Морее, сыну знаменитого Мегмет-Али египетского, Ибрагим-паше, избегать встречи с союзниками. Порта, видимо, ожидала и даже желала противного. Ибрагим искал встречи с союзными эскадрами. Из записки сэра Кодрингтона, представленной им совету министров, видно, что Ибрагим-паша заранее изготовился к сопротивлению союзным аскадрам силою и потому с искусною помощью французского морского офицера г. Летелльe сделал все приготовления к враждебной встрече союзных флотов, полагая, что ов в силах будет совершенно уничтожить их. В течение трех дней, 8—10 октября нового стиля, египетско-турецкий флот был расставляем в заливе в боевой порядок в виде подковы. Окончательно его боевая линия была устроена 14 и 15 октября. Это обстоятельство подтверждает журнал Бонпара, отставного лейтенанта французской службы, командовавшего египетским фрегатом...

Вот что писал еще об этом предмете герцогу Кларенскому сэр Э. Кодрингтон из Мальты 6 марта 1828 года: «В моих руках имеются документы, доказывающие, что Порта давно ожидала боя и была вполне к нему приготовлена. Эти-то приготовления, отчасти и надежда застать нас врасплох, внушали ей уверенность в успехе. Вот как выразился об этом Кпайя-бей, один из старейших и наиболее ува-

жаемых членов дивана, в разговоре с одним своим приятелем: «Будет война, вы уверены в этом, и я тоже. В настоящую минуту она, может быть, и началась уже». Этот разговор происходил 20(8) октября, в самый день Наваринского боя. Конец его особенно интересен, как доказательство принятого турками решения».

Очевидно, Порта полагалась на значительное — даже в случае боя со всеми тремя союзными эскадрами — численное превосходство своих морских сил *...

В предостережениях, в виде ультиматумов посланных Ибрагиму пред самой битвой, как мы видели, тоже не было недостатка. И вдруг, после всего этого, не только сами турки, но и туркофилы англичане имели дерзость утверждать, и в печати, и в английском парламенте, будто союзные эскадры «изменнически напали на турок врасплох» и только этому обязаны Наваринской победой!!.

Нет!.. Наваринская битва действительно началась «изменническим нападением» — со стороны самих турок. Их и постигло за то жестокое наказание...

ПИСЬМА ГРАФУ ГЕЙДЕНУ

(Перевод с французских подлинных рукописей)

ПРЕЗИДЕНТ ГРЕЦИИ

В Навплии, 17 июля 1828 года.

Русский флот уже оставил сии берега, и ваше превосходительство должны последовать за ним; Греция, привыкши смотреть на присутствие флота и вашего превосходительства как на великое благо, обязана через свое правительство выразить вам, господин адмирал, чувства своей благодарности за то, что вы со всеми, состоящими под начальством вашим, офицерами сделали для ея восстановления.

Усталая от кровавой борьбы и безначалия, она взоры свои обращала к флотам союзных держав, когда три почти

* **Силы обоих флотов в Наваринском сражении.** Союзный флот: русская эскадра — судов 8, орудий 490; английская эскадра — 12 и 456; французская эскадра — 7 и 352; итого — судов 27, орудий 1298, человек (приблизительно) 17 500. Турецко-египетский флот: линейных кораблей 5, орудий 564; фрегатов 15, орудий 735; корветов 26, орудий 598; бригов 11, орудий 209; брандеров 5; итого — судов 62, орудий 2106, человек 21 960.

года тому назад они, соединившись, явились перед Мессинскими берегами.

В достопамятный день 20 октября победители увенчались неувядаемыми лаврами победы, а ваш адмиральский корабль, поврежденный и устланный трупами, свидетельствовал, что во время битвы опасность равнялась храбрости.

Нация поспешила через своих уполномоченных выразить желание — увековечить память стольких подвигов и объявить свою благодарность. Национальное собрание в Аргосе решило воздвигнуть памятник и учредить орден Спасителя, дав мне право поднести вам знаки первой его степени. Вам небезызвестны, господин адмирал, причины, по которым и до сего времени не мог исполнить перед вашим превосходительством и перед офицерами, о которых вы не замедлите уведомить греческое правительство, этот долг национальной благодарности. Итак, я должен теперь с сожалением ограничиться тем, что я буду перед вашим превосходительством истолкователем пожеланий и благословений, с которыми сопровождают вас жители всех областей государства, и в особенности тех, в которых вы имели долее свое пребывание.

Порос был еще недавно бедненьким местечком, не имеющим ни дорог, удобных для езды, ни другого какого-либо народного учреждения. Ваше превосходительство избрало его порт местом для собрания флота, и вскорости этот остров оживился: громадные строения, предпринятые по повелению вашего августейшего монарха, дали средства к честному существованию многим рабочим людям и многим бедным и неимущим. Через несколько месяцев, благодаря всеобщему успокоению жителей, город Порос принял благоприятный вид проложением дорог, украсился площадями и вымощенными набережными, и обширное училище было в нем учреждено и устроено.

Но ваше превосходительство не только в Поросе, но и в Эгине и в Навплии пожелали оставить также неизгладимые следы благодеяния, которое свойственно вашему характеру. Сиротскому дому, больнице и другим учреждениям для народной пользы вы сделали щедрые приношения; одним словом, бедные и несчастные, лишь только прибегли к вашей милости, тотчас находили утешение.

В вознаграждение за то, что вы сделали для этой страны, ваше имя останется в ней навсегда любимым и уважаемым...

Кодрингтон.

18 ноября 1828 года.

Можете быть вполне уверены, мой добрый друг, что мне было весьма приятно найти в доме брата, где я теперь расположился вместе с леди Кодрингтон, моими тремя дочерьми и Гарри, ваше письмо и весьма любезное письмо князя Ливена. И не менее приятно было, что письмо из Наварина и пришло к самой годовщине Наваринского дня, когда я от всего сердца пил за ваше здоровье с собравшимися отпраздновать годовщину друзьями. Здравствуйте многие лета, мой дорогой адмирал, и наслаждайтесь плодами того дня, который завел нашу дружбу; желаю, чтобы такая же слава и удача сопутствовали всем нашим начинаниям!

Я желал бы поселить в вас более благоприятное мнение о другом вашем товарище *, мелочные странности которого так много вредят ему. Я находил его столь прямодушным по многим важным пунктам, что искренно сетую на какие-то необъяснимые факты, бросающие сомнение на его образ действий. Не забывайте, что Россия пугало, которое тревожит значительную часть французов и англичан, что боятся, как бы ваш добрый император не поглотил всю Турцию живьем с костями и мясом. Подозреваю, что здесь именно ключ к разгадке, почему наше правительство согласилось на занятие Морси такою значительною французскою армией...

А. П. Рыкачев [1]

ЗАПИСКИ, ВЕДЕННЫЕ НА ЭСКАДРЕ Л. П. ГЕЙДЕНА

Часть I. 1827 год

21 мая поздно вечером мы перебрались на корабль, а 22-го с рассветом вышли на рейд...

2 июня. Государь делал смотр эскадре. Она была построена на Большом рейде в следующем порядке от Толбухина маяка к Кронштадту: 84-пушечный корабль «Гангут», капитан Авинов, 74-пушечный корабль «Князь Владимир», капитан Грен, 74-пушечный «Иезекииль», капитан Свинкин, 74-пушечный «Азов», под флагом главнокомандующего адмирала Д. Н. Сенявина, капитан М. П. Лазарев, 74-пушечный «Александр Невский», капитан Богданович, 74-пушечный «Андрей», под флагом контр-адмирала графа Л. П. Гейдена, капитан Рентель, 68-пушечный фрегат «Эмануил», капитан Куличкин, и фрегаты 48-пушечный «Крейсер», капитан 2 ранга Давыдов, 44-пушечный «Диана», капитан-лейтенант Кашерининов, 44-пушечный «Вестовой», капитан-лейтенант Домогацкий, 36-пушечный «Кастор», капитан-лейтенант Сытин, и 24-пушечный корвет «Громящий», капитан-лейтенант Чоглоков.

Находившиеся в Средиземном море под командою контр-адмирала Ф. Ф. Беллинсгаузена [1] 74-пушечный корабль «Царь Константин», капитан Бутаков, и 36-пушечный фрегат «Елена», капитан-лейтенант Епанчин 1-й, должны были присоединиться к нашей эскадре тотчас же по возвращении, переменив только бывшие на них команды гвардейского экипажа.

В 2 часа пополудни государь [2] с многочисленною свитою прибыл на корабль «Азов». При нем находились английский и французский посланники. Затем государь посетил корабли «Гангут», «Иезекииль» и «Александр Невский» и некоторые фрегаты объехал кругом флота и остался всем совершенно доволен. При отъезде он объявил монаршее благословение всем офицерам, а рядовым пожаловал по рублю. При посещении корабля «Азов», осматривая

---

* De Rigny.

[1] Автор записок, Александр Петрович Рыкачев, в 1816 г., в тринадцатилетнем возрасте, имея отличную подготовку, поступил в Морской кадетский корпус и сразу же был зачислен в гардемарины. Через год в числе двенадцати лучших воспитанников совершил учебное плавание на бриге «Феникс». Это плавание было примечательно тем, что в нем участвовали два будущих знаменитых адмирала — П. С. Нахимов и П. М. Новосильский, а также, тоже будущий, писатель, лексикограф, этнограф, создатель знаменитого «Толкового словаря» В. И. Даль. Уже тогда А. П. Рыкачев вел походные записи. В 1818 г. он произведен в унтер-офицеры, год спустя — в мичманы. В 1827 г. в звании лейтенанта (на корабле «Гангут») участвовал в Наваринском сражении. За проявленный героизм был награжден орденом Св. Владимира 4-й степени с бантом. В 1877 г. в Кронштадте вышло посмертное издание записок А. П. Рыкачева, отрывки из которого и даются здесь.

[1] Фаддей Фаддеевич Беллинсгаузен (1778—1852) — известный русский адмирал и мореплаватель. Окончил Морской кадетский корпус. Участвовал в первом русском кругосветном плавании (1803—1806). Возглавлял кругосветную экспедицию (1819—1821), открывшую Антарктиду и ряд островов в Атлантическом и Тихом океанах. Принимал участие в русско-турецкой войне 1828—1829 гг. С 1839 г. — военный губернатор Кронштадта и главный командир Кронштадтского порта.

[2] Николай I.

арсенал, его величество обратил особенное внимание на искусно выложенные из ружейных замков имена драгоценных для русских моряков морских побед при Гангуте, Ревеле и Чесме. После последнего имени так же искусно была сделана буква «И». Заметив это, государь спросил капитана Лазарева, что значит эта буква, на что Михаил Петрович отвечал, что она означает продолжение выше выставленных имен.

— А что же будет дальше? — спросил государь.

— Имя первой победы флота... — отвечал Лазарев *.

...8 июля после посещения государя мы начали серьезно готовиться к дальнему походу. Нашему кораблю вместе с прочими новыми, т. е. крепкими, приказано было принять по третьему комплекту парусов и по седьмому канату **, кузницу и прочие принадлежности, необходимые для дальнего заграничного плавания, но куда — это пока еще остается загадкой. Все рады идти дальше и за делом. Так как каждому из нас хочется помогать грекам, то понятно, что мы более всего мечтаем о Средиземном море. Это было бы верх счастья, и вся наша молодежь, со времени экспедиции адмирала Сенявина, постоянно мечтает об этой прекрасной кампании. Кронштадтская молва снаряжает нас в Америку помогать испанцам восстановить там упавшее свое могущество. Без малейшего пояснения цели нашего похода нам велено быть готовыми сняться с якоря... 10 июля...

30 июля. В 6 часов утра адмирал потребовал к себе капитанов кораблей: «Гангут», «Иезекииль» и «Александр Невский» и фрегатов: «Константин», «Елена», «Проворный» и «Кастор». Мы догадывались, что это значит, и с величайшим нетерпением ожидали возвращения нашего командира. В 9 часов он возвратился, и, несмотря на сильный дождь, мы все встретили его на шканцах. Он тут же объявил приказ адмирала Сенявина о назначении нашего корабля в отдельную эскадру под командою контр-адмирала графа Л. П. Гейдена, назначенную в Средиземное море для соединения с английскою и французскою для общего действия в силу трактата, заключенного между этими тремя державами в Лондоне 1 июля...

---

* Через четыре месяца к вышеназванным именам прибавлено было имя «Наварин», а буква «И» перенесена дальше.

** В то время канаты на кораблях были пеньковые и каждый из них имел 100 сажен длины. Принять по седьмому канату значило иметь по 300 саж. каната на каждый становой якорь и, кроме того, один канат в 100 саж. для запаса.

Сегодня, 31 июля, приказом нового начальника отряда, графа Гейдена, капитан корабля «Азов» М. П. Лазарев назначен начальником штаба отдельной эскадры...

До 5 сентября тихие и противные ветры и штили держали эскадру почти все на одном месте на высоте острова Сардинии. 5-го в полдень получили легкий попутный ветер, но 6-го опять штилевали, а 7-го перед рассветом задул попутный ровный ветер и к вечеру сильно засвежело, так что всю ночь мы бежали по 11 узлов. 8 сентября ветер превратился в шторм, и мы без парусов, под одними стакселями и грот-марселем в 4 рифа, делали по 12 узлов и 9-го с рассветом увидели берег Сицилии. Подойдя к берегу, мы привели в бейдевинд и легли в дрейф.

В 10 часов с корабля «Азов» был сделан сигнал, что человек упал за борт. Мы были у него под ветром; несмотря на ужасную качку, тотчас же спустили шлюпку, которая, однако же, нисколько не могла выгрести на ветер и поймала только прибитый к ней стул с корабля «Азов», вероятно брошенный для подания помощи несчастному. На шлюпке, спущенной с «Азова», мы узнали трех офицеров в числе гребцов и только на другой день узнали все подробности великодушного поступка молодого и прекрасного офицера Домашенко. Он увидал из кают-компании упавшего в воду матроса и тотчас же кинулся в воду из кормового порта, в платье, надеясь спасти его и рассчитывая на свое искусство плавать. Ему удалось схватить матроса, и он продержался с ним несколько минут на воде. Наконец, изнемогая под тяжестью, он силился достать буек, брошенный для них, а пока подал матросу попавшийся ему стул, приказав держаться с ним, пока он подойдет опять с буйком. Но матрос, даже с этим пособием, не мог держаться на воде, и, заметив это, Домашенко, не захватив буйка, поспешил возвратиться к нему. Едва успел он подать ему руку, как оба они пошли ко дну *.

...С рассветом, 22 сентября, при тихом противном ветре свялись с дрейфа и стали лавировать, близко подходя к берегу и переходя из струи в струю...

24-го. До полдня был на вахте, а потом с С. М. Бровцыным и нашими офицерами поехал в город...

Сегодня фрегат «Константин» пошел в Мальту осведомиться об английской эскадре. Рандеву ему назначен остров Занте.

---

* В память подвига Домашенко его сослуживцы поставили ему памятник, который и доселе находится в Кронштадте, в Летнем саду.

25 сентября. Сегодня целый день опрашивали купеческие суда, но показания всех столь различны между собою, что ни на одно из них нельзя положиться. Одни утверждали, что турки отняли у англичан фрегат, другие говорили, что все английские суда, по своей малочисленности в сражении с турецким флотом, ушли в Мальту, наконец, третьи утверждали, что в Морее чума и т. д. и т. д. Все же вообще более всего жаловались, что в Архипелаге много пиратов, и показывали согласно только одно, что турецкий флот успел соединиться с египетским и теперь находится у Морейских берегов. Сегодня адмирал приказал зарядить пушки ядрами и соблюдать всевозможные предосторожности от брандеров...

1 октября. С утра получили ровный ветер в 8 румбов. Эскадра, построившись в две колонны, пошла ниже Занта, и вскоре после всхода солнца мы увидели шедшего к нам в полветра английского вице-адмирала Кодрингтона и спустились прямо к нему. Я вышел на вахту в 8 часов утра, когда мы были уже довольно близко к английским судам. Флаг вице-адмирала был поднят на 88-пушечном корабле «Азия», с ним были: 2 фрегата, один шлюп, 2 брига и на горизонте еще два. В это же время открылись два египетских корвета, шедшие на фордевинд к адмиралу Кодрингтону. На фор-брам-стеньге одного из этих корветов был поднят белый переговорный флаг. В 10 часов английский адмиральский корабль привел на левый галс и лег в дрейф. Египетские суда подошли к нему очень близко и сделали то же у него на ветре. Английский адмирал и египетские корветы имели между собой переговоры. Именно в это время мы подошли близко к английским судам, привели на правый галс и легли в дрейф. К кораблю «Азов» тотчас же пришла шлюпка с корабля «Азия». Потом на «Азове» спустили катер, на котором сам адмирал ездил на английский корабль. Около полдня спустились к нам по ветру французская эскадра, состоящая из двух кораблей, 60-пушечного фрегата и одной шхуны. Флаг контр-адмирала Риньи был поднят на фрегате «Сирена». Он подошел к флагманским кораблям и также лег в дрейф, между тем как его эскадра под малыми парусами продолжала идти по направлению к Занту. Фрегат «Сирена» также имел сообщения с кораблями: «Азия» и «Азов». Ровно в 12 часов подошел к нам наш фрегат «Константин», и в это же время появился греческий военный бриг и салютовал нашему адмиралу пятью выстрелами, на что ему отвечено было тремя. В 1 час французский адмиральский фрегат снялся

с дрейфа, прошел у нас под кормою и направился вслед за своей эскадрой. За ним последовали английский корвет и фрегат, а один из бригов взял курс несколько выше к острову Корфу. Мы же, снявшись с дрейфа, легли вдоль берега Морен, по одному направлению с английской эскадрой, которая состояла из одного корабля, из одного фрегата и одного брига. Турецкие суда привели в бейдевинд и начали лавировать. Мне было очень обидно, что я служу не на адмиральском корабле. Сколько новостей теперь там! А мы, ничего не зная, должны теряться в догадках. Часа в 4 к кораблю «Азия» подходил сардинский военный бриг.

Курс наш ведет к Наварину, где, как мы слышали еще в Палермо, был соединен весь флот Ибрагим-паши *. Английские суда составляют одну колонну, а наши другую. Бриги английского адмирала далеко на горизонте, впереди нас, опрашивают все купеческие суда и беспрестанно сигналами доносят своему адмиралу о результатах этих допросов. Все эти действия доставляли мне удовольствие. Вот наконец-то мы на действительной службе. Целый день пробыл я наверху, а к вечеру мы, разумеется, толковали в кают-компании о сражениях, переговорах и пр. и пр.

...2 октября. Около полуночи привели на правый галс и легли в дрейф, а с рассветом снялись и, поставив все паруса, пошли прежним курсом и в прежнем порядке. В ночи к английской эскадре присоединился еще один фрегат. В 9-м часу утра, придя на вид Наваринской крепости, легли в дрейф у самого входа в бухту. Там, из-за острова, виден был лес мачт турецких судов. В трубу можно было хорошо видеть адмиральские флаги на линейных кораблях и батареи на берегу. У входа в бухту мы нашли еще два английских фрегата, английский же бриг, один французский фрегат и французскую же шхуну. Наш корабль «Азов» держался очень близко к кораблю «Азия», и кажется, что граф был у Кодрингтона. В 10 часов английские фрегат и бриг спустились в самый вход залива, сделали там несколько галсов и возвратились к флоту в 2 часа...

Адмирал извещал приказом о вступлении в соединение с английским и французским флотами и предписывал каждую минуту быть готовым к военным действиям. Турецко-египетский флот, находящийся в Наварине под главным начальством Ибрагим-паши, состоит из: трех линейных кораблей, пяти двухдечных фрегатов, 18 фрегатов большого

---

* Сын известного Магмет-Али-паши, первого вице-короля египетского, отложившегося от Порты в 1806 г.

ранга, 22 малых, или корветов, 20 бригов, 14 транспортов и 6 брандеров...

3 октября. В 8 часов утра по сигналу английского адмирала мы отдали все паруса, построились в две колонны и стали лавировать ко входу в Наваринскую бухту. В 9 часов пришел французский 80-пушечный корабль «Бреславль». Капитан его был сперва на корабле «Азия», а потом на «Азове». В полдень, выйдя на ветре к Наваринской крепости и следуя за движением корабля «Азия», мы взяли все паруса на гитовы и держались под одними стакселями, кроме мелких судов, которые были в разных направлениях и наблюдали за купеческими судами на горизонте. Наш адмирал, М. П. Лазарев и капитан французского корабля обедали у Кодрингтона. У нас на корабле совершенно все готово к бою. Людей учат у пушек два раза в день...

4 октября. В 8 часов утра, следуя кораблю «Азия», отдали все паруса, но имели их на гитовых. В 10 часов показались на ветре австрийский фрегат и корвет. Они хотели войти в Наварин, но тотчас же было приказано английскому фрегату не допустить их. Он в минуту поставил все лисели и успел отрезать австрийцев от входа в порт...

Сегодня наш капитан обедал у адмирала и привез нам много приятных новостей: первое, что Кодрингтон, в случае упорства турок, хочет атаковать их в самой губе, где они очень хорошо укрепились, но чем труднее, тем славнее будет дело; второе, что до перемирия греческий адмирал Миаулис взял у турок фрегат в Патрасе, где блокирует теперь крепость и залив. Лорд Кокрен более не начальствует греческим флотом. В 6 часов вечера наш фрегат «Константин» с английским «Кембриен» пошел в Каламотский залив, дабы возбудить мужество находящихся там греков и заставить удалиться турок, хотевших занять эту часть полуострова. Ночью показались огни французского адмирала Рипьи. Он пришел к нам с двумя 74-пушечными кораблями, одним 60-пушечным фрегатом и 24-пушечной шхуной.

5 октября. Утром английская эскадра была у входа в Наварин. Она состояла из одного 88-пушечного корабля, 3 фрегатов и 5 мелких судов, наблюдавших в разных направлениях. Французская эскадра была на ветре к морю и состояла из 3 кораблей, 2 фрегатов и 2 шхун. Наша, состоявшая из 4 кораблей, 3 фрегатов и корвета *, держалась

* Корабли: «Азов», «Гангут», «Иезекииль» и «Александр Невский»; фрегаты: «Проворный», «Елена», «Кастор» и корвет «Гремящий».

соединенно у Модона. В 8 часов отдали все паруса, а в 10 флагманские корабли соединились, и все три флагмана были довольно долго на «Азии», после чего на корабле «Азия» подняли белый флаг и он спустился к самому входу. Фрегат и бриг, шедшие за ним, также подняли белые флаги и вошли в саму бухту. Как только они вошли, адмирал Кодрингтон спустил белый флаг и оставался у входа. В это же время подошли к флоту два английских 74-пушечных корабля и один бриг, а с воротившегося к нам адмиральского корабля «Азов» потребовали сначала мичманов за приказами, а потом капитанов. Капитанам было объявлено, что сегодня на конференции адмиралы положили между собою, что если не будет удовлетворительного ответа на письмо, посланное ими к Ибрагиму-паше с полковником английской службы Кродоксом, то идти при первой возможности в самую Наваринскую бухту и принудить там пашу к исполнению требуемого, т. е. к очищению Морей...

Сегодня к вечеру дул довольно свежий ветер, две австрийские шхуны, задержанные третьего дня, сего числа отпущены, но два турецких транспорта, хотевшие войти в Наварин, были прогнаны, а потому вошли в Модон.

Довольно поздно возвратился английский фрегат из Наваринского залива, не получив никакого ответа от Ибрагима-паши. Как кажется, у турок при флоте много брандеров, а потому об осторожности от них было словесно приказано от вице-адмирала Кодрингтона.

6 октября. С рассветом, при свежем восточном ветре, все три эскадры отдали марсели, поставили броммарсели и, построившись в одну линию, двумя галсами вышли на ветер Наварина, поворачивая последовательно у самого входа в залив. Турецкие корабли переменяли места и, казалось, строились в полукруг. Подойдя под самый берег, выше Наваринской крепости, мы взяли три рифа у марселей и легли в дрейф. Наш адмирал был у Кодрингтона. Когда он поехал с корабля «Азия», ему салютовали 11 выстрелами.

Сегодня пришел к эскадре наш фрегат «Елена». Он донес адмиралу, что в море ничего не видел и что у него все благополучно. К полдню ветер стал стихать, а к ночи совсем затишило, и ночью мы сильно страдали от зыби.

В 7 часов вечера все три эскадры вместе крепили паруса. Наш фрегат «Кастор» успел прежде других сделать маневр в одно время с английским фрегатом «Тальбот». Затем по порядку следовали наш корабль и фрегат «Елена» вместе с английским кораблем «Азия» и т. д. Вообще наши ко-

манды очень мало уступают в проворстве англичанам, а от французов далеко ушли вперед. Теперь на всем соединенном флоте щеголяют маневрами, и в этом нельзя отдать полную справедливость англичанам. У них на эскадре работы производятся отменно хорошо. Я люблю видеть, когда какому-нибудь английскому фрегату делают сигнал, чтобы опросить проходящее судно. Вместе с ответом на сигнал фрегат отдает паруса и в минуту уж под лисселями летит исполнять полученное приказание. Правда, наши с успехом пользуются уроками, и в самое короткое время некоторые из наших судов почти ни в чем не уступают англичанам. Но только жаль, что наш такелаж и рангоут заметно хуже английского, ибо на наших судах беспрестанно что-нибудь рвется. Так... сегодня на корабле «Александр Невский» разорвало два марселя, у фрегата «Проворный» повредилась грот-стеньга, у адмирала лопнул марс-шкот, у нас треснула шкала у фок-мачты. В то же время английские суда рисковали парусами не меньше нашего, и между тем сегодня они совершенно ничего не потеряли.

7 октября. С рассветом, отдав паруса, соединенный флот держался на ветре у самого входа в бухту, так близко, что все суда египетского паши можно было легко пересчитать. Они стоят в тесном полукружии, в 3 линии. Корабли и большие фрегаты занимают первую линию, прочие суда, по рангам, стоят во второй и третьей линии и занимают их интервалы. Полукруг одним флангом упирается в Наваринские крепости, а другим на батареи острова Сфактории. Транспорты стоят далее под берегом. Турки, имея таким образом весь огонь сосредоточенным в полукружии, представляют позицию почти неприступную.

Ветер дует в губу; беспрестанные переезды с одного адмиральского корабля на другой, мелкие суда, маневрировавшие под самым берегом, — все это вместе предвещало, что дело клонится к действительной и трудной атаке. Но в 12 часов мы были поражены видом турецкого брига, вошедшего в самую середину нашего флота. Бриг этот пришел из Александрии и, после опроса, к общему нашему удивлению, был пропущен в блокируемый порт. Это обстоятельство несколько умерило наше воинственное настроение и заставило делать мирные заключения. В то же время, однако же, потребовали капитанов на адмиральский корабль. Они разъехались оттуда очень скоро. Адмирал приказал им, чтобы корабли и фрегаты были готовы следовать за ним в Наваринскую бухту, куда, может быть, сегодня же пойдет весь соединенный флот. Турецкий бриг был пропущен нарочно, дабы уведомить заранее Ибрагима-пашу, что адмиралы, не получив никакого ответа на свою коллективную ноту от 5 октября, хотят присутствием своим в его порте принудить его к удовлетворению справедливых своих требований.

Наш капитан*, собрав лейтенантов, показал нам диспозицию, которую должен занять соединенный флот в Наваринской бухте. Место нашего корабля было против 96-пушечного турецкого, рядом с кораблем «Азов»... Вслед за капитаном возвратились и офицеры, посланные за приказаниями на флагманский корабль. Они привезли приказ вице-адмирала сэра Э. Кодрингтона и краткое воззвание графа Л. П. Гейдена.

Приведя все в окончательный порядок в батареях, в 2 часа у нас ударили тревогу. Обе наши батареи совершенно чисты. Люди заняли места. В это самое время с корабля «Азов» стали салютовать французскому адмиралу, который приезжал видеться с графом. Мы обрадовались, полагая, что уже началось дело.

Нельзя желать лучшего расположения духа, как у нас теперь между офицерами и рядовыми. Все будто оживились какою-то необыкновенной силой. Там, где в обыкновенное время ворочали пушку 8 человек, теперь с легкостью управляются 4. Наши матросы живы, веселы и только смотрят в глаза своим офицерам, ожидая их приказаний. Роздали патроны, разнесли по пушкам ящики с картузами, осмотрели все принадлежности, перекликали людей и, приказав им хорошенько отдохнуть, распустили. Стали служить молебен, во время которого была необыкновенная тишина... Добрый наш отец Артамон окропил нас святой водой и давал нам целовать крест, уговаривая людей не бояться смерти за веру православную. После молебна все офицеры пили чай вместе между пушками. Как-то все были необыкновенно веселы, что-то новое родилось между нами, все были между собою как истинные родные, забыв от души, если у кого между собою и были маленькие неудовольствия.

В 6 часов вечера у капитана за рюмкой доброго вина мы пожелали друг другу видеть завтра всех целыми. Оставшись после наедине с капитаном, он говорил мне о своих семейных делах, и я вышел на вахту, моля бога в душе сохранить его для семейства. Между тем флот поворотил на другой галс, лег от берега, стараясь быть на ветре у Нава-

* Капитан 1 ранга А. П. Авинов.

рина. Сменившись уживать в 9-м часу, я спустился в кают-компанию. Там танцевали, пели песни, давали завещания, пили вино и пр. Но в 10 часов все на корабле умолкло, и я снова вышел наверх. Люди отдыхали, кругом была совершенная тишина, только изредка слышались свистки на ближних кораблях. На море был штиль, а в крепости и в лежащем при ней лагере мелькали огни, перекликались часовые и лаяли собаки. Но пока и там все было спокойно, а завтра огласятся эти утесы и скольких из нас не станет... Я долго ходил по палубе и молил бога даровать мне присутствие духа. В полночь, при смене с вахты, по приказанию капитана, я прочел еще раз людям славный приказ адмирала Кодрингтона и кончил желанием, чтобы русские показали союзникам свое мужество...

8 октября. Утром дул тихий противный ветер. Все суда соединенного флота жались у входа в губу. Ночью французская эскадра упала много под ветер, а наша была также несколько ниже входа. В 9 часов задул легкий ветерок, и мы стали лавировать, чтобы выбраться выше устья Наваринской губы. В 11 часов ветер стал приметно отходить, так что в 12 он дул уже от зюйд-зюйд-веста. Тогда сигналом с корабля «Азия» приказано было французской эскадре поворотить на другой галс и построиться в линию баталии, в кильватер английским кораблям.

Наша эскадра, долженствовавшая составить подветренную колонну, сомкнув линию, положила грот-марсель на стеньгу, для того чтобы пропустить французов занять свое место. В это время на горизонте показались наш фрегат «Константин» и английский «Глазго». Они под лиселями спешили на соединение с флотом. Сигналом им велено было занять свои места в линии.

В половине первого часа сигналом с корабля «Азов» нашей эскадре приказано было приготовиться атаковать неприятеля. У нас ударили тревогу, и в одну секунду все было готово. Люди и офицеры стояли по местам, фитили были зажжены, и ожидали только приказания. Велели зарядить ружья. Офицеры уговаривали матросов драться хорошенько и внимательно слушать команду. Радостно в один голос отвечали матросы: «Рады стараться!..» Капитан прошел по всем палубам и говорил им то же, и громогласное «ура» раздавалось по всему кораблю на ласковое слово командира...

В час союзные адмиралы, следуя адмиралу Кодрингтону, подняли национальные флаги, и так как ветер дул уже в полный бакштаг и весь флот был построенным в две колонны, то корабль «Азия», а за ним и вся английская эскадра спустились прямо в залив. Фрегат «Дартмут» с мелкими судами шел впереди. Наш адмирал с эскадрой, составлял вторую колонну, шел рядом с французским фрегатом «Сирена», который следовал в кильватер с кораблем «Альбион», последним кораблем английской эскадры. Французский фрегат «Армида» и английский «Тальбот» были у нас* на ветре несколько впереди.

В половине 2-го часа английская эскадра была уже в устье губы. Когда она проходила Наваринские укрепления, с крепости был сделан выстрел холостым зарядом. Выстрел этот был оставлен без внимания. Как мы после узнали, в это время к адмиралу Кодрингтону был прислан офицер от египетского адмирала Мукаррам-бея. Офицер этот передал адмиралу, что Ибрагим-паша уехал из Наварина в Модон и не оставил никаких приказаний, относящихся ко входу союзных эскадр в бухту, и что начальник турецко-египетского флота предлагает союзным эскадрам не ходить далее. На это английский адмирал отвечал, что он идет в порт не получать приказания, а отдавать оные.

В 2 часа, когда корабль «Азия» и следующий за ним «Генуя» стали... против двух неприятельских линейных кораблей, а прочие суда, следуя за ними, входили в залив, фрегат «Дартмут» послал вооруженную шлюпку арестовать брандер, бывший весьма близким к французским кораблям. С брандера открыли ружейный огонь по шлюпке и первым выстрелом убили лейтенанта Фиц-Рой, командовавшего шлюпкой. С английской шлюпки отвечали на это также ружейным огнем. Фрегат «Дартмут» принял участие в этой перестрелке и заставил сильным ружейным огнем всех людей, бывших на брандере, побросаться в воду. Они успели, однако ж, зажечь и брандер, и впоследствии он сцепился с кораблем «Гридан» и произвел пожар, но вскоре был отбуксирован шлюпками, подоспевшими с фрегата «Дартмут» и корвета «Роза». Пожар на корабле был также вскоре потушен. В это же время с египетского фрегата было сделано два выстрела по фрегату «Сирена», на что этот фрегат ответил, и вслед за сим со всех турецких судов и крепостей был открыт сильный огонь по союзникам, которые и с своей стороны начали отвечать тем же. С корабля «Азия», дравшегося с кораблем Патрони-бея, был послан штурман на египетский адмиральский корабль, еще не открывший огня, дабы сказать ему, чтобы они не начи-

* У нас, т. е. у корабля «Гангут».

нали сражения, что с союзных кораблей будут действовать только по тем судам, которые уже открыли огонь, оставляя прочих в покое. Но так как посланный офицер был убит у самого борта корабля Мукаррем-бея и корабль этот в то же время открыл огонь, то корабль «Азия» начал действовать на оба борта и очень скоро истребил своею артиллерией двухдечный корабль.

Мы в это время следовали за кораблем «Азов» в совершенном дыму, в самом разгаре начавшейся битвы. Направо у нас была Наваринская крепость, налево сильные батареи острова Сфактория. По обе стороны у входа горели брандеры, угрожая нам пожаром. Весь неприятельский флот, построенный в три линии полукружьем, был перед нами, действуя уже всеми своими орудиями. Если прибавить к этому еще то обстоятельство, что густой дым закрывал не только тесный и мало известный нам проход, но даже и всю губу, то не трудно составить себе хотя приблизительное понятие о том затруднительном положении, в котором мы находились.

Крепости и батареи встретили нас сильным картечным огнем, причинившим большой вред нашему рангоуту и парусам и переранившим и убившим многих на юте *. С первого же нашего залпа и залпа с французского корабля «Бреславль», находившегося у нас вправе, батареи и крепости совсем замолчали. Покончив с батареями, в густом дыму, под выстрелами всей нашей правой стороны турецкого флота, шли мы вперед за кораблем «Азов», действуя на оба борта. Достигнув до якорного места, назначенного нам по диспозиции вице-адмирала Кодрингтона, сделанной 7 октября, перед носом корабля «Азов», в расстоянии от него в полукабельтове, бросили мы даглист с шпрингом на 28 саженях глубины. Едва успел корабль наш прийти на канат, как у нас под самым бушпритом пронесло горящий турецкий корвет, сцепления с которым мы избежали, только потравив 10 сажен канату. Его пронесло в неприятельскую линию, где не более как через пять минут он взлетел на воздух.

Став на якорь, мы действовали батареями одной правой стороны против трех турецких фрегатов, из которых один был двухдечный. Корабль наш сильно терпел от огня продолжения неприятельской линии до тех пор, пока ставший

* Тут был ранен брат мой (Д. П. Рыкачев), находившийся при сигналах. Его сбросило с юта осколком разбитой сетки в то время, когда он старался рассмотреть в трубу положение адмиральского корабля «Азов».

у нас перед носом корабль «Иезекииль» не занял суда впереди нашего траверза. Тогда мы действовали только по двум фрегатам и корветам второй линии. Густой дым с обеих сторон мешал хорошенько видеть действия остальных судов соединенного флота. Французский адмиральский фрегат «Сирена» был сильно побит, зато дравшийся с ним египетский корабль уже горел. Английские корабли «Альбион» и «Генуа» ужасно громили свалившиеся два линейные турецкие корабли и двухдечный фрегат. Адмиральский корабль «Азия» помогал им своим правым бортом, а левым действовал против египетского двухдечного фрегата. Наш «Азов» частью своей левой батареи действовал по вышесказанным кораблям и бил еще продольными выстрелами 80-пушечный турецкий корабль, дравшийся с «Альбионом» и упавший из линии, потеряв свои якоря. В то же время «Азов» не прекращал огонь по фрегату Таира-паши и сам много терпел до нашего прихода на место под выстрелами всего полукружия турецкого флота. Прочие корабли французской линии уже истребили своих противников. Корабль «Бреславль», бросивший прежде в дыму якорь посредине губы, отрубил канат, пришел под корму нашего адмиральского корабля и жестоко бил корветы второй и третьей линии, а своими носовыми пушками действовал также по турецкому кораблю.

Около 4-х часов увидели мы шедший прямо на нас горящий брандер. Нам удалось уклониться от него действием шпринга и несколькими меткими выстрелами пустить его ко дну. Через полчаса после этого дравшийся с нами фрегат, закрыв борта, но не спуская флага, погрузился в воду. Вскоре и другой 64-пушечный взлетел на воздух. Громогласное «ура» по всей линии было знаком того, что победа начала явно клониться в нашу сторону. Признаюсь, этот взрыв турецкого фрегата вряд ли кто из нас забудет во всю жизнь. От сотрясения воздуха корабль наш содрогнулся во всех своих членах. Нас засыпало снарядами и головнями, отчего в двух местах на нашем корабле загорелся пожар, но распоряжением частных командиров и проворством пожарных партий огонь был скоро погашен без малейшего замешательства. После взрыва нашего ближайшего противника мы продолжали действовать плутонгами по корветам, бывшим во второй линии сзади фрегатов. Суда эти, отрубив канаты, буксировались к берегу, но, не достигнув оного, тонули, а люди спасались вплавь. Около же этого времени взлетел на воздух 80-пушечный турецкий корабль, дравшийся с кораблем «Азия». Тогда сражение

уже было совершенно выиграно. Кругом все горело. Беспрестанные взрывы отоманских судов освещали торжествующий флот союзников, и к 6-ти часам вечера пальба по всей линии умолкла. Сдались соединенному флоту: два 90-пушечных корабля и три больших фрегата. Взлетели на воздух 1 корабль и 11 фрегатов. Прочие суда прекрасного флота египетского паши были частью потоплены или брошены на берег; одним словом, флот Ибрагима был уничтожен.

Ровно в 6 часов у нас пробили отбой, и, возблагодарив в душе всевышнего за дарованную славную победу и сохранение от разрушительного пламени, спустился я в кубрик посмотреть на раненого брата. Благодаря бога, рана его не опасна. Там священник читал отходную по умершим, доктор резал ногу раненому, пьяный... кричал «ура», а секретарь суетился около больных. Обрадовав раненых и бывших в крюйт-камере весточкой о совершенной победе, побежал я на ют. Было уже темно. Прекрасный вечер, совершенный штиль, и ничто не омрачало ясного неба в то время, как такие ужасы совершались вокруг нас. Офицеры, собравшись, целовались как братья, и радость увидать всех целыми была безмерная. Всякий наскоро рассказывал, что случилось у него в отряде во время боя; что же касается до меня, то вообще в этот день я был очень счастлив и не могу описать того чувства, которое владело мною. Меня особенно осчастливили наши бравые матросы, дравшиеся с мужеством, превышающим всякое выражение, и поражавшие тою доверенностью, которую они показывали к своим офицерам.

В половине 7-го часа офицер от графа Гейдена приехал на корабль поздравить капитана и офицеров с победою и поблагодарить от имени адмирала за скорое занятие места и славное действие орудиями. Корабль «Азов» очень много потерял людей и потерпел в своем корпусе. У нас также довольно убитых и раненых.

После молебна людям дали по чарке рома, приказали стать по пушкам, где они, поев сухарей, легли спать, оставив у каждого орудия по два часовых. Офицеры же, собравшись у капитана, были очень рады, найдя там спасенное жаркое, и провели очень приятно с час времени за веселым ужином. Капитан разделил нас на две смены, поручив начальство каждой из них штаб-офицеру, который и должен был заботиться о приведении корабля в порядок и о содержании караула. Я вступил в первую смену до полуночи, другие пошли отдохнуть у своих пушек. Мы же, осмотрев часовых, собрались на юте любоваться необыкновенным и величественным зрелищем. На всех кораблях соединенного флота осветили батареи, беспрестанные объезды бороздили бухту и вызывали самые разнообразные оклики часовых. «Кто гребет?» — кричали у нас... кричали французы... на английских кораблях. Все это мешалось с ружейными выстрелами и по временам заглушалось залпами пылающих турецких судов или громовыми раскатами внезапного взрыва. Все эти звуки, не умолкая, переливались в горах, освещенных ярким пламенем догорающих неприятельских кораблей, разбросанных по отмелям у берегов и отраженных в тихих водах залива, наполненных убитыми и утопающими, искавшими неверного спасения на плавающих обломках разбитых кораблей. В продолжение моей вахты, с 7-ми часов вечера до 12-ти, последовали один после другого 7 взрывов. Турки в отчаянии сами зажигали свои суда. В этих случаях каждый раз пожар примерно распространялся по всему судну, от чрезмерной жары раскалившиеся пушки стреляли сами собою, и вскоре затем следовал взрыв. Все, что было выше крюйт-камеры, поднималось на воздух, остальное оставалось догорать на воде.

В полночь, сменившись с вахты, я выбрал место у пушки, разостлал свою шинель и лег, но едва успел я забыться, как снова ударили тревогу и тотчас же закричали в люки: «Абордажных наверх». Командуя второю партиею, я моментально выскочил на шканцы. Неприятельский двухдечный фрегат шел прямо на нас под кливером и бизанью. Наша объездная шлюпка, считая его за союзный, переменяющий место, опрашивала его, но не получила никакого ответа. Корабль «Азов» тотчас же отрубил канаты и буксировался в сторону, встретив его ружейными выстрелами. Увидев все это, у нас на «Гангуте», не без основания, заключили, что мы имеем дело с брандером, а потому мы также отрубили капат и дали по неприятелю залп целым плутонгом левого борта. Нам, однако ж, не удалось отойти в сторону, и неприятельский фрегат бушпритом сильно ударил в нашу грот-мачту и увяз в наших грот-вантах. Рассчитывая на абордаж, нам приказано было с первой и второй абордажными партиями предупредить неприятеля, и наши бравые матросики в одну секунду, по бушприту и такелажу, выбежали на палубу неприятельского фрегата. Как партионный начальник, в числе других офицеров, я хотел быть первым на неприятельском судне, но некоторые из наших матросов опередили нас и, нашед на палубе трех голых турок, которые старались раздуть огонь, разведенный

в кострах, в исступлении изрубили их. Пробравшись на фрегат, я приказал заливать огонь наверху, спустился на палубу, направился к входу в крюйт-камеру, где, к счастью, не нашел ничего подозрительного, и успел вовремя сделать распоряжение—скорее заливать порох. Весь нижний дек мы нашли наполненным тяжелоранеными, умолявшими нас о прекращении их страданий. Но, к сожалению, мы не в состоянии были облегчить их участь, и с стесненным сердцем я вышел наверх. Огонь был везде потушен. Наши абордажные рубили такелаж, чтобы освободить реи нашего корабля. В это время капитан А. П. Авинов, заметив, что у неприятельского фрегата брошен якорь, приказал мне отрубить канат и буксировать к берегу, где пустить его ко дну.

Поручив старшему после меня офицеру смотреть, дабы не открылось где-нибудь вновь огня, и прорубать борта неприятельского фрегата, я спустился в шлюпку и вскоре успел, с подошедшими ко мне на помощь гребными судами нашей эскадры и с французского корабля «Бреславль», отвести его в сторону. Здесь, прорубив в нескольких местах борт навалившего на нас фрегата, мы пустили его ко дну и, сняв наших людей, возвратились на корабль... После этого случая, во всю остальную часть ночи, мы посылали сильные объезды по самый берег наблюдать за неприятельскими судами. Я ездил два раза между турецкими корветами, стоявшими в беспорядке очень близко от берега. Они были совершенно пусты, только турки на шлюпках грабили и зажигали их, но, боясь нашей встречи, они быстро удалялись.

Эта ужасная ночь, верно, надолго останется в памяти у каждого из нас. Находясь в неизвестной нам хорошенько бухте, посреди берегов, занятых многочисленным неприятелем, мы были окружены хотя и разбитым, но не совершенно истребленным флотом. Турки в отчаянии предавали все огню. Гул от взрывов, следовавших один за другим, беспрестанно, начинал наводить тоску, а постоянная опасность от брандеров и пожара заставляла нас с нетерпением ожидать рассвета. Наконец в 6 часов взошло солнце и ярко осветило малые остатки неприятельского флота и еще догоравшие суда его. Наши корабли также много потерпели. Весь такелаж на линейных кораблях был избит, а рангоут много поврежден. Английские корабли «Азия» и «Генуя» потеряли бизань-мачты и все реи. Французский фрегат «Сирена» также. У нас на всех кораблях мачты разбиты так сильно, что принуждены были... поднять фальшивое

вооружение. Наши фрегаты потерпели менее. Но из турецко-египетского флота, вчера еще в это время занимавшего с гордостью эту неприступную позицию, уцелели только два фрегата и до 20 корветов и бригов, стоявших вместе с 70 купеческими и каботажными судами и транспортами, еще наполнявшими бухту.

9 октября. После ужасной ночи, следовавшей за сражением, с рассветом все ожило на союзном флоте и на всех судах начались работы и осмотр поврежденного рангоута...

В 10 часов фрегат «Дартмут» снова поставил паруса и, подойдя к самому берегу, бросил якорь у борта турецкого корвета, имевшего красный флаг на грот-брам-стеньге. Подойдя к корвету, на «Дартмуте» подняли белый переговорный флаг, и почти тотчас же от него отделилась шлюпка с офицером, посланным с письмом от союзных адмиралов к турецкому. Несмотря, однако же, на переговорный флаг фрегата «Дартмут», турки, полагая, что он занял позицию для того, чтобы завладеть оставленными судами, вдруг зажгли многие из них и частью повторили ужасные пожары предыдущей ночи. Пламя снова появилось во всех концах бухты, и для предохранения нашим и английским фрегатам приказано было сняться с якоря и составить цепь кругом нашего флота, дабы обезопасить корабли от распространившегося огня. Фрегаты прекрасно и весьма скоро исполнили отданное им приказание.

В полдень переговоры «Дартмута» с турецким адмиралом были окончены. Фрегат сялся с якоря и направился к кораблю «Азия», имея на бакштове турецкую шлюпку, а на борту самого Таира-пашу. На «Азии» в это время были собравшись все союзные адмиралы. При этом личном свидании наши адмиралы объявили Таиру-паше, что союзный флот считает себя вполне удовлетворенным за дерзость первых выстрелов, сделанных с отоманского флота, и что затем союзная эскадра будет поступать с судами отоманского флота как с судами дружественной страны, если только суда эти не подадут нового повода к неприятельским действиям. Если же после этого свидания по судну или шлюпке союзных держав будет сделан откуда бы то ни было хотя один выстрел, то союзные адмиралы будут сие считать за настоящее объявление войны.

Таир-паша отвечал, что он дает слово за состоящие под его командою суда, но за крепости, как не находящиеся под его ведением, он отвечать не может. Совещание окончилось обещанием Таира сообщить о требованиях союзных адмиралов сухопутным начальникам, после чего паша простил-

ся с адмиралами и отправился обратно тем же порядком.

У себя на корабле мы сегодня до полдня спустили стеньги и положили шкоты на грот- и фок-мачты. Потом дали отдохнуть команде два часа и снова работали по исправлению рангоута. Команда корабля «Александр Невский» рубила мачты на турецком фрегате, сдавшемся вчера. Экипаж этого фрегата еще вчера был размещен по нашим кораблям. Сегодня утром я был на сдавшемся фрегате. Он страшно избит, и вдоль борта нет, что называется, живого места. Вся его артиллерия, 56 пушек, отлита из меди. Эти пушки велено заколотить и пустить ко дну вместе с фрегатом.

...По захождении солнца людям велено было стать по пушкам, где, по-вчерашнему, они должны были сменять часовых, отделив в то же время абордажную партию на всякий случай наверх. Адмирал приказом объявил свою душевную признательность офицерам и командам 4 кораблей и фрегата «Константин» за отличные действия во время сражения и приказал давать рядовым три дня по две чарки рому. Убитых у нас на корабле оказалось: 1 штурманский кадет, 2 унтер-офицера и 11 рядовых, всего 14 человек... У неприятеля, по собственному его показанию, число раненых и убитых простирается до 8000 человек. Сравнивая незначительные потери в людях на союзной эскадре с потерею турок, я теперь только вполне понял, каким образом число убитых и раненых с одной стороны может столь превосходить численную потерю с другой стороны, что прежде мне часто казалось весьма сомнительным...

Сегодня пущен ко дну турецкий фрегат, взятый кораблем «Александр Невский». Тогда же отпущены и взятые на нем турки. Отпуская их, мы дали им на три дня сухарей и бочку масла. Как кажется, они живо чувствуют наше доброе с ними обхождение, и многие изъявили даже желание остаться у нас.

По-видимому, турки сегодня несколько образумились, ибо, вместо того чтобы жечь свои же суда, они начали собирать их и ставить в порядок, под прикрытием крепостей, но у них осталось только один двухдечный фрегат и 14 малых судов...

11 октября. Прошлая ночь была очень беспокойной и даже опасной. Сильный ветер дул прямо с берега, и наши объезды от волнения не могли держаться на веслах. Нам раза три мерещились брандеры... Офицеры и матросы очень утомились, так что, несмотря на необходимость в работе,

мы принуждены были дать утром 4 часа полного отдыха команде...

Турки бродят по утесам с ружьями и грабят свои суда, стоящие у берега. Они безопасно проезжают с одной стороны бухты на другую и вообще мало стесняются нашим присутствием. Пушечной пальбы уже вовсе не слыхать; только изредка слышатся ружейные выстрелы на берегу и с судов по мимо проходящим шлюпкам, дабы заставить их подойти только для опроса. Английский фрегат «Тальбот» и бриг пошли на Мальту. Батареи молчат...

12 октября. Сегодня дует легкий попутный ветер, и у нас все думали, что будем сниматься, но оказывается, что наш «Азов» и английские «Азия» и «Генуа» еще не могут ни под каким видом выйти в море. День прекрасный, в бухте почти штиль, и множество трупов всплыло на поверхность воды. Турки до такой степени привыкли к ним, что свободно разъезжают около борта наших судов, осматривая своих убитых соотечественников, сделавшихся жертвою надменности и упрямства одного человека.

Я был сегодня на корабле «Александр Невский» и видел там 3 турецких чиновников, взятых в плен и не пожелавших возвратиться в Морею. Они покойно курили табак в кают-компании, посреди наших офицеров, и очень приветливо раскланялись с нами, когда мы вошли. В особенности поразил меня один из них, старик весьма почтенного вида, рассказавший впоследствии, с помощью переводчика, некоторые подробности, предшествовавшие Наваринскому сражению. По его словам, Таир-паша и Мукаррем-бей советовали Ибрагиму, покорившись необходимости, принять условия, предложенные адмиралом Кодрингтоном, но он никак не хотел слушать, утверждая, что позиция, занятая турецко-египетским флотом в Наваринской бухте, неприступна и что союзные адмиралы никогда не посмеют войти в нее и непременно перессорятся между собою в продолжение зимы. Когда же союзный флот показался у входа, то он сказал окружавшим его: «Вот наши призы», приказав всем своим капитанам стать на якорь к союзному флоту, когда он войдет, и затем в первую же ночь неожиданно, всем вдруг, свалиться на абордаж со всеми нашими судами. Приказание это, к нашему счастью, исполнено не было, иначе наш флот, вероятно, не отделался бы так дешево.

Как мы после узнали, почью после сражения Ибрагим-паша видел с горы разрушение своего великого флота и на упрек Таир-паши отвечал ему: «Кто же мог знать, что у них корабли железные, а люди настоящие черти».

Черноморский флот в войне с Турцией

В. И. Мелихов[1]

ОПИСАНИЕ ДЕЙСТВИЙ ЧЕРНОМОРСКОГО ФЛОТА

Известие о сражении при Наварине, происходившем 8 октября 1827 года, дошло до Николаева в исходе того же месяца. Главный командир Черноморского флота и портов вице-адмирал Грейг, понимая всю важность последствий, какие могло повлечь за собою это событие, и опасаясь, чтобы турки, в отмщение за истребленный флот, не предприняли какого-либо покушения на берега наши и на суда

[1] Завершая свои воспоминания, публиковавшиеся в нескольких книжках журнала «Морской сборник» в 1850 г., В. И. Мелихов, к тому времени вице-адмирал, а в час описываемых событий капитан-лейтенант, начальник штаба Черноморского флота, сделал вывод: «Мы считаем себя счастливым, что, быв очевидцами подвигов наших любезных сослуживцев и участвуя в распоряжениях, направлявших их усилия к предположенной цели, имеем ныне возможность, нашим простым, но верным рассказом, заплатить приятный долг признательности тем, чьи подвиги имели столь сильное влияние на успехи славной кампании 1828 и 1829 годов!»

нашего флота, находившиеся в море, предписал начальникам портов о принятии надлежащих мер осторожности; командиры судов, отправляемых к берегам Абхазии, были предваряемы о возможности внезапного на них нападения; им было предписано, чтобы при встрече с турецкими судами они немедленно изготовлялись к бою и, в случае нападения, отражали силу силою, не дозволяя, впрочем, себе не только начинать неприязненные действия, но даже показывать вид о перемене политических отношений между обеими державами. Исправляющему должность военного губернатора в Севастополе вице-адмиралу Быченскому поручено было озаботиться приведением укреплений тамошнего порта в такое состояние, чтобы можно было отразить всякое нечаянное покушение неприятеля.

Командир Дунайской гребной флотилии капитан 1 ранга Завадовский, которому было вменено в обязанность тщательно собирать сведения о происшествиях в Турции, постоянно доносил об усилении турок в крепостях придунайских и о деятельных мерах, принимаемых Портою к исправлению укреплений и сбору войск. Наконец в ноябре месяце Завадовский уведомил главного командира о полученном от пребывающего в Галацах агента нашего известии, что в Браилове объявлен фирман султана о войне с Россиею...

...Главный командир, имея известие, что послы союзных держав прервали все сношения с Портою и готовы были отправиться из Константинополя с первым попутным ветром, и опасаясь, не приняты ли со стороны турецкого правительства меры к преграждению всем судам выхода в Черное море и не удерживает ли оно отданные в распоряжение посла нашего транспорты, испрашивал высочайшее соизволение отправить к Босфору два брика для собрания от прибрежных судов сведений о том, что происходит в Константинополе.

Высочайшее разрешение по этому предмету последовало в исходе января 1828 года, и хотя между тем получены были достоверные известия об отплытии тайного советника Рибопьера[1] в Архипелаг на предоставленных в его распоряжение транспортах, тем не менее главный командир счел полезным отправить к Босфору брики «Ганимед» и «Пегас». В повелениях, данных командирам этих судов, вмени-

[1] Русский посол в Константинополе, сообщивший А. С. Грейгу подробности об истреблении турецко-египетского флота в Наваринской бухте.

лось им в обязанность, по достижении Босфора, одному крейсировать вдоль берегов румелийских до залива Фаросского, а другому вдоль берегов анатольских до Пендараклии, опрашивать все суда, следующие из Константинополя и других мест, и стараться узнавать от них: о положении дел в Константинополе, о намерениях Порты, о слухах в народе и, в особенности, собирать сведения о турецком флоте. Сроком крейсерства назначено было шесть недель. Обе брика возвратились в Севастополь уже в то время, когда положено было приступить к военным действиям; известия, ими доставленные, не заключали в себе ничего особенно важного; шкипера всех опрошенных судов показывали единогласно о деятельном приготовлении султана к войне, о мерах, принятых для обучения войск, и проч., но о флоте турецком, предмете для нас самом важном, не узнано ничего положительного. Таким образом, начиная войну, мы ничего не знали ни о числе и силе судов турецкого флота, ни о состоянии их, ни об адмиралах, начальствовавших флотом, одним словом — ничего решительно...

Флот Черноморский в исходе 1827 года состоял из следующих судов: корабли — «Париж» (110-пушечный, командир капитан 1 ранга Бальзам), «Император Франц» (110, капитан 1 ранга Уманец), «Императрица Мария» (84, капитан 2 ранга Папахристо), «Пантелеймон» (80, капитан 2 ранга Эсмант), «Пимен» (74, капитан 1 ранга Кумани), «Иоанн Златоуст» (74, капитан 1 ранга Папаегоров), «Норд Адлер» (74, капитан 1 ранга Стожевский), «Скорый» (74, капитан 2 ранга Михайли), «Пармен» (74, капитан 1 ранга Скаловский); фрегаты — «Флора» (44, капитан 2 ранга Метакса), «Евстафий» (44, капитан 2 ранга Польской), «Штандарт» (44, капитан-лейтенант Конотопцев), «Поспешный» (44, капитан 2 ранга Черников), «Спешный» (32) [1]; шлюп — «Диана» (23, капитан-лейтенант Ратч); корвет — «Язон» (24, капитан-лейтенант Немтинов); брики — «Пегас» (20, капитан-лейтенант Баскаков), «Ганимед» (18, капитан-лейтенант Ушаков), «Меркурий» (18, капитан-лейтенант Стройников), «Орфей» (18, капитан-лейтенант Колтовский), «Мингрелия» (18, лейтенант Рогуля 3-й); бригантина — «Елисавета» (14, капитан-лейтенант Мессер 3-й); шкуны — «Севастополь» (14, лейтенант Арказ 3-й), «Гонец» (14, капитан-лейтенант Брилиант); люгера — «Стрела» (10, лейтенант Власьев 2-й), «Глубокий»

[1] Командир «Спешного» не указан, как и командиры пароходов «Молния» и «Везувий».

(10, лейтенант Билим-Колосовский), «Широкий» (10, лейтенант Кузьмин); катера — «Ласточка» (12, лейтенант Власьев 1-й), «Жаворонок» (12, лейтенант Харечков), «Соловей» (12, лейтенант Алексеев 2-й), «Сокол» (12, лейтенант Вукотич); яхты — «Твердая» (лейтенант Никопов 2-й), «Утеха» (капитан-лейтенант Румянцев), «Голубка» (лейтенант Мапганари 1-й); пароходы — «Метеор» (Скрябин), «Молния», «Везувий».

Транспортов состояло при флоте 17; из них четыре поднимали от 600 до 800 тонн груза, три от 300 до 400 тонн, пять от 160 до 200 тонн, остальные пять от 60 до 100 тонн каждый. Из числа поименованных выше судов корабль «Императрица Мария», только что спущенный на воду, находился в Николаеве, а фрегат «Спешный», занимавший пост военной брандвахты в Севастополе, по ветхости, был вовсе неспособен для плавания.

Сверх того, строились в Николаеве 84-пушечный корабль «Чесма» и 60-пушечный «Генедос», в Севастополе 36-пушечный фрегат «Рафаил». Последний спущен на воду в начале 1828 года и, под командою 35-го флотского экипажа капитана 2 ранга Юрьева, соединился с флотом в том же году; прочие же вошли в состав действующих судов не ранее следующего года. Хотя кроме этих судов было разрешено строить в Николаеве, по подряду, четыре 84-пушечных корабля и четыре 60-пушечных фрегата эллинги [1]. По этой причине из числа их только один фрегат «Эривань» мог быть изготовлен к концу кампании 1829 года...

В отношении приготовления Черноморского флота для военных действий, до исхода 1827 года, не было предпринято никаких решительных мер. В ноябре того года главный командир в отзыве своем начальнику Главного штаба его императорского величества, требовавшему, по высочайшему повелению, сведения о положении флота, объяснял, между прочим, что флот Черноморский может быть выслан в море не более как на две недели; что более продолжительное плавание для него невозможно по неимению при портах ни провизии, ни других запасов, необходимых для содержания судов в море; и наконец, что если есть в виду употребление флота для войны, то необходимо принять теперь же меры относительно заготовления провизии и всех прочих запасов, и притом теми средствами, какие, по местному соображению, признаются более удобными... Вместе с сим вице-адмирал Грейг испрашивал высочайшее разреше-

[1] Эллинг — крытое сооружение для постройки и ремонта судов.

ние на разоружение эскадры, чтобы можно было приступить немедленно к исправлению повреждений, какие, после семимесячного нахождения судов в полном вооружении, открыться могут.

Вслед затем главный командир представил о необходимости умножения судов Дунайской гребной флотилии, так как, по собранным сведениям, оказалось, что турецкий гребной флот на Дунае состоит из 109 судов с 545 орудиями, тогда как паша же флотилия имеет только 42 судна с 92 орудиями. Умножение флотилии признавалось необходимым также и по чрезвычайной сложности и разнородности предстоявших ей в случае войны действий; в обязанность ее входили: защита всех гирл Дуная, пресечение сообщений между неприятельскими крепостями, содействие войскам при блокадах и осадах, прикрытие мостов и пунктов, назначенных к защите, сопровождение транспортных судов, уничтожение плавания неприятельских судов по Дунаю, занятие озера Разельм и, наконец, истребление неприятельской флотилии. Сверх того, главный командир ходатайствовал, чтобы в помощь 44-му флотскому экипажу, комплектовавшему суда Дунайской флотилии, были назначены, по примеру прежних войн, сухопутные войска.

Наконец, признавая необходимым иметь в составе корабельного флота бомбардирские суда, главный командир испрашивал высочайшее дозволение обратить на это два транспорта...

Главный командир, имея в виду, что в случае военных действий обстоятельства могут потребовать отсутствия его из Николаева на неопределенное время, представлял на высочайшее усмотрение предположения свои относительно управления в это время делами Черноморского департамента... Избирая в командование флотом, под своим главным начальством, вице-адмирала Мессера, а по нем контр-адмирала Сальти, главный командир всеподданнейше представлял о сем на разрешение государя императора и, получив высочайшее на это соизволение, возложил на вице-адмирала Мессера главную заботу об изготовлении флота к предстоявшей кампании.

С утверждением вице-адмирала Мессера вторым, а контр-адмирала Сальти третьим флагманом назначено: состоящему при главном командире в должности управляющего распорядительною частью его канцелярии 41-го флотского экипажа капитан-лейтенанту Мелихову[1] быть начальником штаба флота, капитан-лейтенанту того же экипажа Рогуле 1-му и лейтенанту 44-го флотского экипажа Кузнецову — флаг-офицерами, а мичманам 42-го экипажа Васильеву и Дегалету помощниками флаг-офицеров. Впоследствии в состав штаба Черноморского флота вошли: морской артиллерии капитан 1 ранга Примо — со званием начальника артиллерии; корпуса флотских штурманов капитан Шмелев — со званием начальника штурманов; портового ведомства капитан-лейтенант Юрьев — со званием начальника хозяйственной части и штаб-лекарь Павловский — со званием начальника медицинской части флота. По части дипломатической командированы были в ведение главного командира, от Министерства иностранных дел, действительный статский советник Нигри и титулярный советник Батьянов...

30 марта последовал на имя главного командира высочайший именной указ об отплытии 20 апреля флота к Анапе и о начатии военных против Турции действий...

Апреля 11-го числа все суда, находившиеся в Севастополе, за исключением корабля «Скорый», несовершенно еще изготовленного, выведены на рейд; в тот же день на кораблях «Император Франц» и «Норд Адлер» подняты флаги: на первом — вице-адмирала Мессера, а на втором — контр-адмирала Сальти.

12-го числа прибыли четыре судна из числа нанятых в Одессе и отделенных в распоряжение главного командира. На одном из этих судов доставлено, назначенное для десантной экспедиции, полуотделение осадного инженерного парка.

14-го числа прибыли в Севастополь из Николаева, на пароходе «Метеор», главный командир Черноморского флота и портов вице-адмирал Грейг и исправляющий должность начальника морского штаба его императорского величества генерал-адъютант князь Меншиков[1].

15-го числа прибыли из Одессы остальные четыре зафрахтованных судна...

17-го числа главный командир и исправляющий должность начальника морского штаба делали смотр судам, расположенным на рейде, и в тот же день на корабле «Париж» поднят флаг главного командира...

19-го числа объявлены по флоту: порядок линии баталии и ордеров похода, рандеву на случай разлучения судов,

[1] Автор воспоминаний.

[1] Александр Сергеевич Меншиков — русский адмирал. С 1827 г. фактический глава Морского ведомства. В Крымскую войну (1853—1856) являлся главнокомандующим в Крыму до 1855 г.

секретные опознавательные сигналы и проч.; в тот же день, по сигналу с адмиральского корабля, поднято по одному якорю, и все суда приведены в совершенную готовность к походу...

Сильный противный ветер не дозволил флоту выйти в море 20 апреля, как то было высочайше назначено. 21-го числа утром, пользуясь легким береговым ветром, флот, состоявший из кораблей — «Париж», «Император Франц», «Пантелеймон», «Норд Адлер», «Пармен», «Пимен» и «Иоанн Златоуст»; фрегатов — «Флора», «Евстафий», «Штандарт» и «Поспешный»; шлюпа «Диана»; корвета «Язон»; бриков — «Меркурий», «Ганимед» и «Пегас»; бригантины «Елизавета»; шкупы «Севастополь»; люгеров — «Широкий», «Глубокий» и «Стрела»; катера «Жаворонок»; бомбардирских судов — «Подобный» и «Опыт»; парохода «Метеор»; транспорта «Змея»; восьми зафрахтованных судов, — вступил под паруса...

27-го числа от опрошенного австрийского купеческого судна, шедшего из Константинополя в Таганрог, получено сведение, что флот турецкий, состоящий из 5 кораблей и 4 фрегатов, находится в готовности к выходу в море...

2 мая, с рассветом, открылся мыс Анапский...

В 8 часов пополуночи все состоявшие при флоте малые военные суда посланы на рейд Анапский под командою капитана 1 ранга Критского, которому поручено было избрание места более удобного для высадки десанта; в обязанность Критского поставлено было: суда, в его распоряжение предоставленные, расположить таким образом, чтобы они выстрелами своими могли прикрывать высадку как со стороны крепости, так и со стороны противоположной.

В 2 1/2 часа пополудни корабли, фрегаты и зафрахтованные суда положили якоря на рейде Анапском, расположась на нем по диспозиции, предварительно объявленной. Все обращенные к рейду укрепления были покрыты в это время турками, а на полях виднелись многочисленные толпы черкесов; возле самых стен крепости находилось десять купеческих судов.

Час спустя после положения якоря состоявший в должности флаг-офицера капитан-лейтенант Рогуля и чиновник министерства иностранных дел Батьянов посланы в крепость с письмом к коменданту, в котором, объявляя об открытии военных действий между Россиею и Турциею, главный командир требовал сдачи крепости без кровопролития. Через полтора часа посланные возвратились со словесным ответом коменданта двухбунчужного паши Шатыр осман-

оглу, что крепость, ему вверенную, он будет защищать до последней капли крови.

Позднее время дня и начавшийся вскоре дождь, а главное — неприбытие Таманского отряда, могущего обеспечить высадку войск и дать способ произвести ее без малейшего замешательства, были причиною, что высадка отложена до следующего утра...

Май, 3-е число. Поднявшаяся ночью зыбь... возбудила сомнение в возможности высадки десанта, что было подтверждено потом и посланными, с рассветом, для обозрения берега офицерами, которые донесли, что по причине сильного буруна приставать к берегу гребным судам нет возможности.

В 9 часов 40 минут пополуночи люгер «Глубокий» возвратился... с донесением, что Таманский отряд... переправился через Бугаский пролив и следует к крепости... Фрегату «Поспешный», как ближайшему к тому месту судну, приказано было сигналом попробовать, не могут ли ядра его доставать до берега, но после первых выстрелов оказалось, что расстояние было слишком велико; приблизить же фрегат к берегу было невозможно по причине большого волнения и засвежевшего с моря ветра. Около того же времени с одного из бастионов крепости сделано было несколько выстрелов по кораблю «Пантелеймон» и фрегату «Поспешный», но ядра, не долетев, упали в море. Таким образом, первые выстрелы, с той и другой стороны, оказались безвредными.

4-е число. Ветер... усиливаясь в продолжение ночи более и более, к утру сего дня превратился в совершенную бурю, что заставило главного командира приказать положить по другому якорю...

В 4 1/2 часа пополуночи шкуна «Севастополь», находившаяся ближе других судов к берегу, была сдрейфована к мели, и командир ее нашелся вынужденным, для спасения судна, срубить мачты и бушприт.

Положение флота становилось час от часу опаснее; ветер, дувший прямо в бухту, отнимал всякую возможность вступить под паруса, а ненадежность грунта подвергала суда опасности быть сдрейфованными к берегу. С другой стороны, положение сухопутного нашего отряда возбуждало немалое опасение; горсть людей, состоявшая с небольшим из тысячи человек, лишенная всякого возможного пособия, была расположена на совершенно открытом месте, имея с одной стороны неприятельскую крепость, а с другой горы,

откуда всякую минуту могли появиться союзники турок — черкесы...

5-е число. Вскоре после полуночи ветер начал смягчаться...

В 7 1/2 часов генерал-адъютант князь Меншиков в сопровождении начальника штаба Черноморского флота отправился на пароходе «Метеор», для обозрения крепости и положения сухопутного отряда, с которым, однако, до полудня нельзя было войти в сношение; в это же время адъютант князя капитан-лейтенант Куприянов успел с большою опасностью достигнуть берега; но о высадке десанта нельзя было и думать.

В 10 часов 40 минут пополудни бриг «Меркурий», яхта «Утеха» и катер «Сокол» отправлены на усиление крейсерства вдоль берегов абхазских.

6-е число. С рассветом, согласно приказаниям, накануне объявленным, приступлено было к свозу десанта... Еще первое отделение десанта не успело выйти на берег, как турки из крепости и черкесы с гор устремились на отряд наш, который, несмотря на значительное превосходство сил неприятельских, простиравшихся в совокупности, как после сделалось известно, до 8 тысяч человек, твердо встретил нападение и, получая в подкрепление беспрерывно высаживаемые войска, отбил все покушения турок и черкесов. Ближайшие к берегу суда шкуна «Севастополь», катер «Жаворонок» и пароход «Метеор» были употреблены для прикрытия левого фланга отряда; особенно удачно действовал последний, который, сидя неглубоко в воде и будучи в состоянии переходить скоро с одного места на другое, выбивал черкесов, засевших в скрытых местах по берегу рейда. Фрегату «Евстафий» приказано было... стрелять по туркам, нападавшим со стороны крепости, что и было им немедленно исполнено...

В течение минувшей ночи с судов, стоявших под крепостью, бежали на корвет «Язон» 6 греков, которые показали, что на судах тех доставлены из Синопа и Трапезунда войска, снаряды, порох, оружие и провиант; что гарнизон крепости состоит из 6 тысяч человек и что паша надеется получить еще в подкрепление войска из Трапезунда. Все эти сведения оказались впоследствии совершенно верными...

7-е число. В 8 часов пополуночи назначенные для атаки суда при тихом... ветре снялись с якоря. Фрегат «Флора» и бомбардирские суда спустились прямо на назначенные им по диспозиции пункты; корабли «Норд Адлер» и «Пантелеймон», будучи не в состоянии взять прямо на определенные им места, легли сначала на правый галс, чему последовали и прочие суда, чтобы согласно данным наставлениям вступить всем вдруг в сражение и тем не дозволить неприятелю направить значительное число выстрелов на одно которое-нибудь судно.

В 10 часов крепость открыла огонь по фрегату «Флора», но удачные выстрелы последнего скоро заставили замолчать батарею, против него действовавшую.

К 11 часам все корабли и фрегаты находились на своих местах в полном действии. Главный командир, распоряжавшийся лично атакою, объезжал линию на пароходе «Метеор». Заметя значительный интервал между фрегатами «Евстафий» и «Поспешный», он приказал стать в этом месте кораблю «Иоанн Златоуст»; удачное же действие фрегата «Флора» дало повод поставить вблизи его фрегат «Штандарт». Таким образом, из всего флота, за исключением малых судов, не участвовали в сражении только 110-пушечные корабли «Париж» и «Император Франц».

Взаимная между крепостью и флотом канонада продолжалась беспрерывно до половины второго часа пополудни, когда перешедший к норду ветер засвежел до такой степени, что суда, вдоль северной стороны расположенные, могли быть снесены на мель под стены крепости; это побудило главного командира приказать тем судам прекратить сражение и отойти от крепости; а чтобы озаботить неприятеля и не дозволить ему усилить действия противу отходивших кораблей и фрегатов, то расположенным против западной стороны судам приказано усилить огонь; наконец, в исходе 3-го часа и они, по сигналу адмирала, прекратили свои действия и отошли от крепости.

В продолжение сражения сделано со флота около 8 тысяч выстрелов; урон наш состоял из 6 убитых и 7 раненых; в числе последних находился 1 обер-офицер. Пробоин в корпусах судов оказалось 72, повреждений в рангоуте и оснастке до 180. Более прочих потерпели корабль «Пантелеймон» и фрегаты «Евстафий» и «Поспешный». Урон неприятеля был нам неизвестен, но вид множества разрушенных зданий свидетельствовал о чрезвычайном опустошении, произведенном внутри крепости снарядами; что же касается до крепостных стен, то повреждения их, к сожалению, оказались неважными, и бастион, разрушение которого было одною из главных целей и против которого направлялись почти все выстрелы корабля «Норд Адлер», остался невредим. Мелководие, простирающееся на значительное пространство от берега, было причиною, не дозволившею

кораблям подойти к крепости на расстояние не только прямого, но даже отлогого выстрела; навесные же выстрелы не могли причинить никакого вреда крепостным стенам. Из числа неприятельских судов, стоявших под крепостью, три были разбиты ядрами корабля «Пантелеймон» и фрегата «Евстафий»...

Май, 8-е число. Катер «Сокол» возвратился из крейсерства со следующим донесением: 1) что бриг «Ганимед» взял в Суджук-Кале неприятельское судно с войском, следовавшее из Трапезунда в Анапу; 2) что так как экипаж судна показал, между прочим, что вместе с ним были отправлены из Трапезунда в Анапу еще три судна с войском, из которых одно, по всей вероятности, успело уже высадить людей в залив, лежащий к юго-востоку от Суджук-Кале, другие же два должны находиться в море, то, по этим причинам, бриг «Меркурий» остался на высоте Суджук-Кале для встречи ожидаемых судов; ему же, командиру катера «Сокол», поручено было отыскать судно, высадившее войско, и овладеть им, если то окажется возможным; в противном же случае истребить; 3) что поручение это он исполнил; неприятельское судно, найденное в одной из бухт около Суджук-Кале, разбито ядрами катера, потому что овладение им, по значительному числу окружавших судно турок и черкесов, не могло быть произведено без значительной потери. По выслушании этого донесения главный командир приказал командиру катера и командиру фрегата «Штандарт» отправиться немедленно к Суджук-Кале и стараться перехватить находящиеся в море неприятельские суда.

9-е число. В 6 часов пополуночи показался в виду флота катер «Сокол», буксировавший большое двухмачтовое судно, почему в помощь ему посланы были люгера «Глубокий» и «Стрела». В полдень все они положили якоря на рейде Анапском, и командир катера, лейтенант Вукотич, донес главному командиру, что, отправившись накануне для отыскания неприятельских судов и рассчитывая, что они должны остановиться в том самом заливе, в котором находилось судно, прежде им разбитое, он решился идти туда, где вечером и стал на якорь. Вскоре он убедился в основательности своего предположения; с рассветом показалось у входа в залив турецкое судно; вступив немедленно под паруса, катер пошел ему навстречу и, несмотря на то что палуба неприятельского судна была покрыта войском, подошел к нему на расстояние пистолетного выстрела и дал залп со всего борта; турки, устрашенные такою решитель-

ностью, опустили паруса; тогда лейтенант Вукотич на четырехвесельном яле с шестью вооруженными матросами, пристав к турецкому судну, взошел на него и, обезоружив находившиеся на нем войска, состоявшие из 1 бимбаши[1], 2 аг и 298 нижних чинов, взял судно на буксир и привел к флоту.

Таким образом, катер, на котором было не более 25 человек команды и 10 малого калибра орудий, решительностью своего командира овладел судном, имевшим 300 человек хорошо вооруженного войска, и благополучно доставил его ко флоту. По доведении о сем блистательном подвиге храбрости до сведения государя императора, лейтенант Вукотич всемилостивейше награжден орденом Святого Георгия 4-й степени...

В 9 часов прибыли брики «Ганимед» и «Меркурий» с двумя, взятыми ими неприятельскими судами, на которых находилось: бимбашей 2, билимбашей 4, байрактаров 7, чаушей 3 и нижних чинов 623 человека. Все эти пленные, следовавшие в подкрепление гарнизона Анапского, взяты с оружием и 6 знаменами...

11-е число. В 7 часов пополуночи шлюп «Диана», бриг «Ганимед» и люгер «Стрела» отправлены для крейсерства между Анапою и Геленджиком.

В 6 часов пополудни яхта «Утеха» прибыла с призовым судном; донесение командира яхты капитан-лейтенанта Румянцова о подробностях взятия этого судна заключалось в следующем: заметя около Суджук-Кале стоявшее возле самого берега судно и предположив овладеть им, Румянцов отправился к тому судну с катером и барказом яхты и катером брига «Пегас»; по приближении к берегу засевшим в разных местах неприятелем хотя и был открыт сильный ружейный перекрестный огонь, несмотря, однако, на то, Румянцов пристал к неприятельскому судну и овладел им, причем выстрелами из карронад, которыми были вооружены наши гребные суда, нанесен значительный урон людям, защищавшим судно. В этом деле ранены 1 обер-офицер и 1 рядовой. По значительному числу турок, замеченных на берегу вместе с черкесами, капитан-лейтенант Румянцов полагал, что на взятом судне также были доставлены войска для Анапы.

Этот подвиг равномерно удостоился особенного внимания государя императора, и капитан-лейтенант Румянцов пожалован кавалером ордена Святого Георгия 4-й степени...

[1] Бимбаша, ага — офицерские чины в турецкой армии.

13-е число... В 7 часов все состоявшие при флоте пленные отосланы в Керчь на призовых и зафрахтованных судах под конвоем брига «Меркурий» и бригантины «Елизавета»...

17-е число... Около 3 часов пополудни на возвратившемся из крейсерства люгере «Стрела» доставлен рапорт командира брига «Пегас» капитан-лейтенанта Баскакова, который доносил, что, усмотрев в Геленджикской бухте двухмачтовое неприятельское судно, он отправил для овладения им два вооруженных гребных судна, разогнав предварительно выстрелами с брига толпы турок и черкесов, засевших в кустах и за заборами селения. Невзирая на перекрестный огонь, которым были встречены наши гребные суда, они пристали к неприятельскому судну, но так как оно найдено стоящим на мели и все усилия снять его оказались тщетными, то Баскаков, возвратив гребные суда свои к бригу, выстрелами с последнего разрушил неприятельское судно. В этом деле с нашей стороны ранено 6 человек нижних чинов, из которых один вскоре умер...

27-е число... Пальба с судов, пред крепостью расположенных, производилась беспрерывно...

Июнь, 1-е число. По случаю полученного известия о изготовлении будто бы в Трапезунде подкреплений для Анапы шлюп «Диана» отправлен для содержания крейсерства по северную сторону Трапезунда; вместе с тем подтверждено всем прочим крейсерам об усугублении их бдительности.

Во весь день фрегат «Флора» и бомбардирские суда действовали беспрерывно...

Июнь, 10-е число... По соглашению главного командира с командовавшим сухопутными войсками положено было сделать предложение коменданту о сдаче крепости...

12-е число. Утром сегодня дано знать о согласии коменданта сдать крепость на предложенных ему условиях...

28-е число... В 5 часов 20 минут пополудни прибыл на пароходе «Метеор» адъютант главного командира капитан-лейтенант Румянцов с депешами из главной императорской квартиры.

За покорение Анапы всемилостивейше произведены: главный командир Черноморского флота и портов вице-адмирал Грейг в адмиралы; командующий сухопутными войсками генерал-адъютант князь Меншиков в вице-адмиралы с утверждением в звании Начальника морского штаба его императорского величества...

Июль, 1-е число. С рассветом приступлено к принятию

на суда десантных войск согласно расписанию, предварительно объявленному...

...По представлению главного командира и командовавшего сухопутным отрядом... произведены: начальник штаба Черноморского флота 41-го флотского экипажа капитан-лейтенант Мелихов в капитаны 2 ранга; лейтенанты... флаг-офицер того же штаба Кузнецов 1-й и командир бомбардирского судна «Соперник» Казарский [1] в капитан-лейтенанты...

Июль, 22-е число... Около 2 часов пополудни флот пришел на вид Варны и вместе с присоединившимися к нему, в это время, кораблем «Иоанн Златоуст» и бригантиною «Елисавета», при блокаде крепости находившимися, стал на якорь против залива Саханлик — места, назначенного для прибытия на флот государя императора и где было немедленно приступлено к устроению пристани. Тогда же открыто сообщение с войсками князя Меншикова.

Спустя два часа после положения якорп начальник штаба Черноморского флота капитан 2 ранга Мелихов [2] послан на бригантину «Елисавета» для осмотра крепости; через три часа он возвратился с видами Варны, снятыми при этом обозрении...

Июль, 26-е число. Честь открытия военных действий против Варны со стороны моря досталась фрегату «Евстафий». Главный командир, заметив около полудня, что сильный отряд неприятельский, скрываясь в кустах, имел, по-видимому, намерение обойти левый фланг войск наших, подходивших в это время к крепости, приказал фрегату «Евстафий» стать против этого места и выстрелами своими стараться разогнать турок. Едва фрегат успел занять назначенную ему позицию, как по нему был открыт огонь с крепости, на что и он не замедлил ответствовать, действуя в то же время и по неприятельским войскам. Вслед за тем бомбардирское судно «Опыт», заняв указанное ему место, приступило к бомбардированию Варны...

Государю императору перед отбытием с флота угодно было обратить особенное внимание на необходимость безотлагательного овладения неприятельскою флотилиею, расположенною в числе 14 судов под стенами крепости; потому, что неприятель через обращение этих судов в брандеры мог подвергнуть наш флот величайшей опасности. Какие бы ни были приняты против этого меры, они не всегда могли пре-

[1] Впоследствии командир брига «Меркурий», особо отличившегося в морском бою.

[2] Автор воспоминаний чаще всего говорит о себе в третьем лице.

дохранить суда наши, число которых вместе с зафрахтованными простиралось иногда до 40 и более. При таком огромном числе судов четырнадцать брандеров в руках неприятеля представляли средство ужасное, во всей силе слова.

Исполнение этой высочайшей воли главный командир возложил на начальника своего штаба капитана 2 ранга Мелихова, предоставив в его распоряжение по два вооруженных гребных судна от каждого корабля и фрегата. Отряд этот около 10 часов вечера собрался у бригантины «Елисавета», нарочно поставленной для того между крепостью и флотом; здесь находившиеся на гребных судах офицеры, в дополнение к прежде объявленным им распоряжениям, получили последние приказания начальника отряда, и в 11 часов ночи отвалили от бригантины. Держась близ южного берега рейда, чтобы за высокостию его можно было долее скрываться от неприятеля, отряд в совершенном порядке и тишине приблизился к неприятельским судам и был открыт ими в то уже время, когда находился от них не далее полуружейного выстрела. Хотя с некоторых судов флотилии и был открыт огонь, но это было поздно; отряд с криком «ура» прямо устремился на неприятеля и после получасового, большего или меньшего, на всех судах сопротивления овладел флотилиею; взятые суда были приняты немедленно на буксир и направлены к флоту. Крепость во все время атаки соблюдала молчание; но лишь только неприятель убедился в потере своей флотилии, как был открыт жесточайший огонь со всех батарей, обращенных к рейду; выстрелы преследовали удаляющийся отряд наш до тех пор, пока он совершенно не вышел из них. Все... суда и два вооруженных барказа благополучно приведены к флоту.

Первое с моря судно взято катером фрегата «Евстафий», бывшим под командою мичмана Салькова; второе (по порядку расположения) судно взято барказом корабля «Пармен» под командою мичмана Ситникова; третье барказом корабля «Пимен» под командою лейтенанта Конкевича и катером корабля «Норд Адлер» под командою лейтенанта Аркулова; четвертое катерами корабля «Иоанн Златоуст» под командою лейтенанта Вишневецкого и поручика 10-го ластового экипажа Тыртова; пятое катерами корабля «Император Франц», бывшими под командою капитан-лейтенанта Потемкина и лейтенанта Зигури; из них последний абордировал судно, а первый атаковал вооруженный барказ, находившийся при этом судне, который, однако, пользуясь темнотою, успел уйти под защиту крепости. Шестое судно взято катерами корабля «Пимен» под командою лейтенанта Иванова

и мичмана Джотти; седьмое катером корабля «Пантелеймон» под командою лейтенанта Чигиря; восьмое катерами кораблей «Пармен» и «Скорый» и фрегата «Рафаил», бывшими под командою лейтенантов Юрковского, Ольшевского и Манганари и мичманов Кутузова и Ветрова. Судно это занимало брандвахтенный пост, и на нем находился чиновник капудан-паши, заведовавший всею флотилиею; оно имело при себе два больших барказа, на каждом из которых было по 25 вооруженных турок и по одному 12-фунтовому единорогу. Первые катера наши по приближении к судну были встречены сильным огнем из ружей и единорогов, что и было поводом направления к этому судну прочих катеров. Превосходство сил неприятеля и отчаянность обороны представили сильное сопротивление, которое могло быть преодолено только решительностью командовавших гребными судами офицеров и храбростью нижних чинов. Вместе с судном взяты и оборонявшие его барказы. Девятое судно взято катером корабля «Париж» под командою старшего адъютанта ластовых экипажей капитана Свирского; десятое катером корабля «Париж» под командою лейтенанта Скаржинского; на этом судне взяты два малого калибра орудия; одиннадцатое катером корабля «Норд Адлер» под командою лейтенанта Мазганы; двенадцатое катером транспорта «Мария» под командою мичмана Тударева; тринадцатое барказом корабля «Пантелеймон» под командою лейтенанта Микрюкова; на этом судне взят один фалконет; четырнадцатое, стоявшее у самой крепости, вырезано барказом корабля «Париж», бывшим под командою лейтенанта Зайцевского.

Невзирая на нечаянность нападения, неприятель защищался с большим упорством; многие турки после отчаянной обороны, видя сопротивление напрасным, бросались в море, чтобы вплавь достигнуть берега. Порядок и тишина, с которыми был подведен отряд к неприятельской флотилии, вместе с храбростью и решительностью всех участвовавших в атаке, были причиною полного и совершенного успеха. Урон наш был довольно значителен, он состоял из 4 убитых и 37 раненых; в числе последних находились лейтенанты Зигури и Манганари, мичман Кутузов и гардемарин Потулов; из них Кутузов и один рядовой вскоре умерли от ран. Потеря неприятеля неизвестна, потому что все убитые его были выброшены в море, но она должна быть значительна, судя по сильному сопротивлению, встреченному нами, особенно при атаке судна № 8. Число неприятелей, захваченных в плен, простиралось до 46 человек, считая в том числе и начальника флотилии с его свитою.

Государь император, получив донесение об этом деле, соизволил наградить капитана 2 ранга Мелихова следующим чином...

27-е число. В 9 часов пополуночи фрегат «Рафаил» по данному ему приказанию, расположившись против юго-восточной стороны крепости, открыл огонь; в то же время и фрегат «Евстафий» возобновил свои действия; последний, несмотря на подводную пробоину, им полученную и открывшую значительную течь, продолжал канонаду до наступления ночи и тогда, согласно с полученным приказанием, отошел от крепости. Бомбардирское судно «Опыт» действовало в продолжение всего дня...

28-е число. В 9 часов пополуночи бомбардирское судно «Соперник» поставлено против крепости для содействия фрегату «Рафаил» и бомбардирскому судну «Опыт»...

29-е число. В 8 часов пополуночи бомбардирские суда «Опыт» и «Соперник» отошли от крепости; место последнего было занято... бомбардирским судном «Подобный».

В 2 1/2 часа пополудни назначенный на смену фрегата «Рафаил» корабль «Скорый», по занятии указанного ему места, открыл огонь. В продолжение двухдневного действия «Рафаил» получил одну сквозную пробоину и до 25 других более или менее значительных повреждений...

Август... 5-е число... В 6 часов пополудни прибыл из крейсерства фрегат «Поспешный» с двумя взятыми им в плен судами. Командир фрегата капитан 2 ранга Черников донес, что 28 июля по осмотре Константинопольского пролива, взяв курс к Инаде и держась в самом близком от берега расстоянии, он, при проходе укрепленного города Мидии, заметил под стенами его два турецких судна. Предположив овладеть ими, Черников, по наступлении ночи, отправил для абордирования их лейтенанта Делаграматика с двумя вооруженными катерами; офицер этот, несмотря на ружейный огонь с судов и на пушечные выстрелы с укреплений, приблизился к неприятельским судам и, по некотором сопротивлении экипажей, овладел ими, но мог вывести только одно судно; другое же, закрепленное канатом за подводную часть руля, нашелся принужденным затопить. По приведении плененного судна в возможность следовать за фрегатом, Черников продолжал путь к Инаде и по достижении этого места усмотрел два судна, стоявшие на рейде, одно под военным, а другое под купеческим флагами; суда эти, обрубив канаты, расположились под самыми батареями, которых по берегу рейда насчитано до шести. Решившись овладеть судном под военным флагом, капитан 2 ранга Черников назначил

на этот предмет отряд гребных судов, состоявший из баркаса и катера, которые, под командою лейтенантов Бардаки 3-го и Делаграматика, с наступлением темноты направлены к тому судну; подходя к нему, отряд был встречен перекрестным огнем с батарей и выстрелами из двух имевшихся на судне орудий; но так как это не в состоянии было остановить наши гребные суда, то испуганные наступлением их турки поспешили удалиться на берег, оставя судно свое на произвол отряда, которым оно и было приведено к фрегату. В обоих случаях не было с нашей стороны ни убитых, ни раненых...

6-е число... В 10 часов корабли и транспорт «Редут-Кале» вступили под паруса... устраивая линию по способности. Около полудня по совершенном устроении линии флот, по сигналу адмирала, поворотил... и, держась вдоль северного берега рейда, пошел к крепости в следующем порядке: транспорт «Редут-Кале», корабли «Пимен», «Император Франц», «Пармен», «Париж», «Иоанн Златоуст», «Пантелеймон», «Норд Адлер» и «Скорый».

В 1 час 48 минут пополудни транспорт «Редут-Кале» приблизился к Варне и был встречен огнем всех батарей, на который он не замедлил ответствовать, коль скоро лег бортом к крепости; следовавшие за транспортом корабли, каждый в свою очередь, подходили к крепости и, действуя по ней, вступали потом в линию за транспортом для повторения маневра; что и продолжалось до 5 часов, когда велено было прекратить бой и стать на якорь. Таким образом, в продолжение трех часов крепость находилась под непрерывными выстрелами флота; те ядра, которые не попадали в батареи, ложились в город, и густая пыль, над ним поднявшаяся, доказывала важность причиненных разрушений, что впоследствии подтверждено и пленными. Несмотря на то что неприятель производил огонь со всех батарей, обращенных к рейду, на флоте не было ни одного убитого, ранен на корабле «Император Франц» капитан корпуса флотских штурманов Шишкин; повреждений значительных также не было...

Сентябрь... 29-е число. Вскоре после полуночи депутаты со стороны жителей дали знать о готовности их и войска сдать крепость...

При начале кампании 1829 года состав Черноморского флота был следующий: корабли — «Париж» (110-пушечный, командир контр-адмирал Беллинсгаузен), «Император Франц» (110, капитан 1 ранга Уманец), «Чесма» (84, капитан 1 ранга Панаиоти 2-й), «Императрица Мария» (84,

капитан 1 ранга Папахристо), «Пантелеймон» (80, капитан 1 ранга Эсмант), «Пимен» (74, капитан 1 ранга Черников), «Иоанн Златоуст» (74, капитан 2 ранга Мельников), «Норд Адлер» (74, капитан 2 ранга Юрьев), «Пармен» (74, капитан 1 ранга Скаловский); фрегаты — «Тенедос» (60, капитан 2 ранга Антипа), «Флора» (44, капитан-лейтенант Баскаков), «Штандарт» (44, капитан-лейтенант Сахновский), «Поспешный» (44, капитан-лейтенант Немтинов), «Евстафий» (44, капитан-лейтенант Шестенко), «Рафаил» (36, капитан 2 ранга Стройников); шлюп «Диана» (28, капитан-лейтенант Богданович); корвет «Язон» (24, капитан-лейтенант Сунди 1-й); бриги — «Пегас» (20, капитан-лейтенант Мессер 2-й), «Ганимед» (18, капитан-лейтенант Ушаков), «Меркурий» (18, капитан-лейтенант Казарский), «Орфей» (18, капитан-лейтенант Колтовский), «Мингрелия» (18, лейтенант Рогуля 3-й); бригантина «Елисавета» (14, лейтенант Арказ 2-й); шкуны — «Севастополь» (14, лейтенант Петров), «Гонец» (14, лейтенант Барладьян); люгера — «Стрела» (10, лейтенант Граматиков), «Глубокий» (10, лейтенант Билим-Колосовский), «Широкий» (10, лейтенант Кузьмин); катера — «Ласточка» (12, лейтенант Полянский), «Соловей» (12, лейтенант Делаграматик), «Жаворонок» (12, лейтенант Харечков), «Сокол» (12, лейтенант Маюк); бомбардирские суда[1] — «Опыт» (лейтенант Власьев 1-й), «Соперник» (лейтенант Туркул 1-й), «Подобный» (лейтенант Барковский), «Успех» (лейтенант Пулакас); яхты — «Твердая» (лейтенант Баль 1-й), «Утеха» (лейтенант Никонов), «Голубка» (лейтенант Манганари 1-й); пароход «Метеор» (лейтенант Скрябин); госпитальный корабль «Скорый» (32, капитан 2 ранга Польской). Находились в Николаеве на стапелях[2]: корабль «Анапа» (84, капитан 1 ранга Михайлов); фрегаты — «Архипелаг» (60, капитан 2 ранга Конотопцев), «Эриванъ» (60, капитан 2 ранга Суворов); бриги — «Кастор» (20, капитан 2 ранга Рогуля 2-й), «Полукс» (20, капитан-лейтенант Вукотич 1-й); шкуны — «Курьер» (14, лейтенант Алексеев 3-й), «Вестник» (14, лейтенант Вульф); пароход «Громоносец».

Из числа действовавших судов фрегат «Тенедос» находился в Николаеве и соединился с флотом не ранее июля; из строившихся судов корабль «Анапа», фрегаты «Архипелаг» и «Эриванъ» спущены были на воду в 1829 году, но из

[1] Автор воспоминаний не указывает вооружение бомбардирских кораблей, имевших до 20 пушек или 2—4 мортиры.

[2] Наклонная к воде площадка, на которой располагается, удерживаемое опорами, строящееся судно.

них только последний успел соединиться с флотом в продолжение кампании, и то по заключении уже мира...

В последних числах марта получено высочайшее повеление о сколь возможно скорейшем выступлении флота в море. Главный командир, сделав распоряжение о выводе на рейд всех судов, в Севастополе находящихся, для личного наблюдения за окончательным изготовлением их, отправился из Николаева, на пароходе «Метеор», в Севастополь, куда и прибыл 2 апреля...

По случаю полученного на катере «Сокол» 2-го числа, из Сизополя прибывшего, донесения контр-адмирала Кумани о поспешном изготовлении турецкого флота предписано командирам кораблей «Чесма» и «Норд Адлер», фрегатов «Флора», «Поспешный» и «Штандарт», катеров «Жаворонок» и «Соловей», получившим полное снабжение всеми запасами, — отправиться в Сизополь на усиление тамошней эскадры; в то же время бригу «Меркурий» приказано идти к Босфору для осмотра положения турецкого флота.

5 апреля адмирал Грейг поднял флаг свой на корабле «Париж», а 12-го числа в 3 часа пополуночи выступил из Севастополя с кораблями «Париж», «Император Франц» и «Иоанн Златоуст», бриком «Мингрелия», пароходом «Метеор» и бомбардирскими судами...

Апрель, 13-е число. В продолжение дня встретились с флотом: транспорт «Буг», отвозивший запасы для эскадры контр-адмирала Кумани; бриг «Пегас», отправленный в Севастополь для исправления повреждений... и шкуна «Гонец», возвращавшаяся в Севастополь по сдаче брандвахтенного поста при Варне. На последнем судне получен рапорт контр-адмирала Кумани, который доносил, что при осмотре фрегатом «Флора» 11-го числа Босфора турецкий флот найден в полном вооружении, расположенный в проливе на якоре, и что на фрегате слышны были выстрелы, производимые с передовых неприятельских кораблей...

18-е число. В 6 часов пополуночи открылся мыс Калиакра... В 3 1/2 часа пополудни «Париж» положил якорь на Варненском рейде...

19-е число. В 5 часов пополуночи корабль «Париж» снялся с якоря и через 14 часов прибыл в Сизополь...

Контр-адмирал Кумани довел до сведения главного командира, что экипаж взятого фрегатом «Флора» у Пендараклии купеческого брика показал при допросе, что в одно время с их судном вышли из пролива два турецких корабля и бриг, и что когда 11-го числа фрегат «Флора» подходил к устью Босфора, то султан, находившийся в это время на

флоте, наблюдал наш фрегат с передового своего корабля, и что выстрелы, слышанные фрегатом, были производимы в честь султана.

Донесение, представленное командиром брика «Меркурий» капитан-лейтенантом Казарским, заключалось в следующем: 12-го числа при юго-западном ветре, сопровождаемом дождем и туманом, брик приблизился к Босфору и, когда туман немного рассеялся, увидел три линейных корабля, выше Буюкдера, стоящие, и фрегат, идущий под всеми парусами в Черное море; зная же из сведений, сообщенных ему фрегатом «Флора», накануне с ним встретившимся, что турецкий флот состоит из 8 кораблей и фрегатов, и полагая, что остальные четыре судна или расположены далее, или закрыты мрачностью, продолжал идти левым галсом, в намерении, поворотив на правый галс, подойти ближе к устью пролива, но при очистившейся в это время пасмурности усмотрены к весту под парусами корабль, фрегат и бриг; хотя нашедшая полоса тумана и скрыла «Меркурий» из виду этих судов, но так как неприятель, заметив курс брика, мог окружить его, то это обстоятельство побудило Казарского спуститься на северо-восток; через час после того он видел, что фрегат стал на якорь у первой батареи Европейского берега, корабль же и бриг продолжали оставаться под парусами. Для донесения о следствиях этого обозрения «Меркурий» отправился в Севастополь, но, не застав там адмирала, поспешил в Сизополь, куда и прибыл утром 19-го числа.

Главный командир, предположив истребить неприятельский отряд в случае, если он находится до сих пор вне пролива, назначил для этой экспедиции корабли «Пармен» и «Иоанн Златоуст», брики «Меркурий» и «Мингрелия» и крейсирующие около Босфора фрегаты и бриг. Поручая начальство над ними капитану 1 ранга Скаловскому, адмирал предписал ему отправиться немедленно к Босфору для исполнения сего поручения...

23-е число. В 8 часов пополуночи бриг «Ганимед» по сдаче поста своего у острова Святой Анастасий прибыл на рейд Сизопольский. Командир брика капитан-лейтенант Ушаков донес, что 21-го числа неприятельский баркас, провиантом нагруженный и из Бургаса в Чингане-Искалеси шедший, будучи отрезан от этого места гребными судами брика и катера «Жаворонок», бросился на берег близ мыса Фароса, где, несмотря на защиту двух орудий и ружейный огонь от собравшихся около того места турок в числе до 400 человек, был разбит ядрами катера «Жаворонок», полу-

чившего при этом случае несколько пробоин в корпусе и повреждений в оснастке...

26-е число... В 11 часов бриг «Орфей» прибыл с донесением, что 23-го числа в 5 1/2 часов пополудни, услышав около Босфора выстрелы, для узнания причины их подошел к проливу и увидел 8 судов, выходящих из него под малыми парусами; по сигналу фрегата «Штандарт», подошедшего в это время к бригу, оба судна легли в дрейф для лучшего наблюдения за неприятелем; когда же он вышел из пролива, тогда командир фрегата приказал бригу спешить в Сизополь для донесения о наступлении в море турецкого флота.

Вследствие этого известия главный командир с кораблями «Париж», «Император Франц», «Императрица Мария», «Чесма» и «Норд Адлер», фрегатом «Флора» и бриком «Ганимед» в 3 часа пополудни отправился к Босфору, оставив для защиты Сизополя, под начальством контр-адмирала Кумани, корабль «Пантелеймон», бомбардирские суда и отряд гребной флотилии...

29-е число. Флот в продолжение дня держался на высоте Инады.

30-е число. В 3 1/2 часа пополудни фрегат «Флора», по соединении с флотом, донес, что весь турецкий флот лежит на якоре в проливе... В 9 часов бриг «Орфей» отправлен к берегам анатольским для крейсерства и уведомления капитана 1 ранга Скаловского об отплытии флота в Сизополь...

Май... 3-е число... В 8 1/2 часов корабли «Париж», «Император Франц», «Императрица Мария» и «Чесма», фрегат «Рафаил», яхта «Утеха» и люгер «Глубокий» положили якоря на Сизопольском рейде...

7-е число. В 2 часа 40 минут пополудни бриг «Меркурий» прибыл от отряда капитана 1 ранга Скаловского с бумагами и двумя призовыми судами. Командир отряда доносил, что 25 апреля, усмотрев вблизи берега около 15 турецких судов, он отделил для взятия и истребления их фрегат «Штандарт» и бриг «Мингрелия». Суда неприятельские, заметя погоню за ними, бросились одни на ближайший берег, а другие, в числе девяти, укрылись в бухте местечка Шили. Фрегат и бриг, войдя в бухту, стали на якорь и посредством гребных судов овладели двумя судами; прочие же, плотно на мели стоявшие, были истреблены. Покушение это, совершенное под сильным и непрерывным огнем неприятельской батареи и стрелков, стоило нам 1 убитого и 2 раненых нижних чинов.

В 4 часа бриг «Орфей» прибыл с тремя призовыми судами, взятыми с бою 4 мая. Донесение капитан-лейтенанта

Колтовского заключалось в следующем: 3-го числа, обозрев пролив Константинопольский, где усмотрен на якорях весь флот турецкий, бриг лег вдоль азиатского берега, чтобы иметь возможность отрезывать суда, идущие к Босфору. На другой день, подойдя к местечку Кирпени, увидели три судна, расположенные на швартовых у самого берега; став на якорь в 300 саженях от них, Колтовский спустил гребные суда, привел бриг в боевое положение и, предоставив команду над ним старшему по себе лейтенанту Васепке, сам с барказом и катером, порученными мичманам Рындину и Сорнфонари, отправился к неприятельским судам. Между тем как это происходило, турки во множестве стекались для защиты судов своих, и, по приближении к ним, гребные суда наши встречены были сильным ружейным огнем; несмотря, однако, на это, отряд наш быстро абордировал неприятельские суда, завладел двумя из них и благополучно доставил к бригу. Не давая опомниться неприятелю, Колтовский вновь отправил гребные суда свои, под командою лейтенанта Васепки, для вырезки третьего судна, что было исполнено также с совершенным успехом. Урон наш в этом деле состоял из 6 раненых нижних чинов...

8-е число. В 11 часов пополуночи фрегат «Штандарт» прибыл с призовым судном и с известием о сожжении отрядом капитана 1 ранга Скаловского под стенами крепости Пендараклия линейного турецкого корабля и об истреблении военного корвета в Акчесаре...

11-е число... В 7 1/2 часов отряд капитана 1 ранга Скаловского прибыл в Сизополь; донесение начальника отряда о его действиях заключалось в следующем: узнав от греков, на одном из взятых купеческих судов находившихся, что в Пендараклии вооружается линейный корабль, а в местечке Акчесар приготовляется к спуску 26-пушечный корвет, Скаловский отправил для истребления последнего фрегат «Поспешный», а сам, с прочими судами, направился к Пендараклии, в намерении овладеть неприятельским кораблем или, если то окажется невозможным, истребить его. 3 мая после полудня отряд подошел к мысу Баба, ограничивающему Пендараклийский рейд с северной стороны, для уничтожения устроенной на оконечности мыса батареи, прикрывавшей ошвартованный у адмиралтейства корабль; так как ветер не дозволил расположиться перед батареею на якоре, а потому, введя все суда в кильватер корабля «Пармен», Скаловский открыл по ней огонь, возобновляемый по очереди каждым судном; в продолжение этого маневра усмотрено, что корабль защищается еще несколькими укреплениями,

устроенными по берегу рейда, в адмиралтействе и на лесистых высотах, огибающих рейд, и что все эти места наполнены вооруженными толпами. 4-го числа, пользуясь благоприятною погодою, начальник отряда приказал фрегату «Поспешный», прибывшему утром из Акчесара, стать вблизи неприятельского корабля и быть сборным пунктом для отделенных к абордированию его гребных судов; кораблям «Иоанн Златоуст» и «Норд Адлер» занять места против главных батарей; фрегату «Штандарт» расположиться перед городом и не допускать жителей вспомоществовать войскам; на бриг «Мингрелия» возложено было истребление судов, к югу от Пендараклии стоящих; наконец, корабль «Пармен» назначено поставить в центр расположения прочих судов, чтобы иметь возможность подкреплять с него то из них, которые будут требовать пособия. К вечеру все суда заняли места, им определенные, исключая фрегат «Поспешный», который не мог исполнить этого по причине отдаленности и противного течения, что побудило начальника отряда заменить его кораблем «Норд Адлер». Последний, с наступлением ночи, подошел, посредством завозов[1], к неприятельскому кораблю на расстояние 200 сажен и на глубине 30 футов положил якорь. Тогда Скаловский отправился на «Норд Адлер» для окончательного обозрения местности и преподания наставлений офицерам, избранным для абордирования неприятельского корабля. Около полуночи гребные суда наши в двух отделениях под командою капитан-лейтенантов Броневского и Скрыдлова отвалили от корабля «Норд Адлер» в совершенном порядке и тишине, но ясная ночь изменила им, и они подверглись огню со всего неприятельского берега, до того ужасному, что начальник отряда, опасаясь весьма значительной потери людей, решился призвать оба отделения обратно на «Норд Адлер» и приступить к истреблению корабля; к этому побудили его, сверх того, два следующих обстоятельства: во-первых, как скоро мы обнаружили наше намерение, то, по всей вероятности, значительное число войск будет послано на корабль для защиты его, последствием чего должна быть самая жестокая борьба, в которой все выгоды будут на стороне неприятеля; и во-вторых, глубина, на которой стоял «Норд Адлер», давала основательный повод к предположению, что турецкий корабль находится на мели и что, следовательно, снятие его, под перекрестным огнем батарей и стрелков, будет стоить нам очень дорого. С наступлением утра была открыта с ко-

[1] Буксировкой.

рабля «Норд Адлер» жесточайшая по неприятельскому кораблю канонада, но так как и первый подвергался огню девяти батарей, а потому, для развлечения внимания неприятеля, были приближены к месту действия корабль «Иоанн Златоуст» и фрегат «Поспешный». Турецкий корабль, находясь на мели, не тонул, произвести на нем пожара брандскугелями не удавалось; поэтому, для истребления его, оставалось только одно средство — зажечь с гребного судна. Несмотря на всю опасность такого подвига, по первому вызову явилось множество охотников, из которых и были назначены: 37-го флотского экипажа мичман Трески, корпуса флотских штурманов кондуктор Черкасов, 6-й морской артиллерийской бригады унтер-офицер Дементьев и 37-го флотского экипажа 4 унтер-офицера и 4 рядовых; пристав к турецкому кораблю, они прибили в портах и по бокам его пеньковые кранцы, облили их смолою и зажгли. В 10 часов корабль обнялся пламенем, почему, прикрываясь огнем корабля «Иоанн Златоуст», «Норд Адлер» и «Поспешный» оставили свои места, а за ними удалился и «Иоанн Златоуст». Кроме корабля истреблен находившийся вблизи его военный транспорт и около 15 других судов. Потеря наша состояла из 7 убитых и 12 раненых нижних чинов, сверх того, на корабле «Норд Адлер» ранен осколком гранаты 37-го флотского экипажа капитан-лейтенант Чупрасов. Повреждения судов были следующие: «Норд Адлер» имел 32 пробоины и 88 других повреждений, «Иоанн Златоуст» — 16 пробоин и 18 других повреждений, «Пармен» — 4 пробоины, «Поспешный» — 19 пробоин и 52 других повреждения. Урон турок долженствовал быть весьма значителен, судя по тому самоотвержению, какое оказывал неприятель для спасения своего корабля; огонь с берега не прерывался во все время действия; везде, где только можно было, неприятель устраивал батареи, и если артиллерия наша заставляла его оставлять одну, он немедленно открывал огонь с другой позиции и действовал вдруг более нежели из 20 орудий; стрелки его, несмотря на то что берег был осыпаем картечью, всегда во множестве были видимы, и некоторые из них отваживались даже на потушение огня на корабле. Относительно действий в Акчесаре донесение капитана 1 ранга Скаловского состояло в следующем: фрегат «Поспешный», прибыв 3-го числа в час пополудни в Акчесар, подошел к находившемуся на стапеле корвету и действием артиллерии нанес ему множество повреждений, но зажечь посредством брандскугелей не мог, исполнить же этого высадкою десанта не решился по множеству турок, которыми был усеян

берег. После сожжения корабля в Пендараклии начальник отряда вновь отправил в Акчесар фрегат «Поспешный» и бриг «Мингрелия», которые по прибытии на место, положив якоря в самом близком от берега расстоянии, совокупным действием артиллерии разрушили корвет до основания. Оставив Пендараклию 6 мая в 2 часа пополудни, Скаловский пошел вдоль берега к Босфору, поджидая из Акчесара фрегат «Поспешный» и бриг «Мингрелия», и по соединении этих судов с отрядом, 8-го числа в 6 часов пополудни, взял направление к Сизополю...

15-е число. С рассветом показался в виду Сизополя фрегат «Штандарт»; в 9 часов он уведомил сигналом, что неприятель находится в море, и вслед за сим, по случаю утишения ветра, был отправлен с фрегата на гребном судне офицер, доставивший следующее известие: фрегат «Штандарт», бриги «Меркурий» и «Орфей», следуя к Константинопольскому проливу и находясь от него, вчера утром, в 13 милях, встретили турецкий флот в числе 18 судов, шедший от берегов Анатолии. Неприятель, завидя крейсера, устремился за ними в погоню, и два корабля его стали приметно сближаться с нашими судами, взявшими направление на Сизополь; видя это, командир фрегата сделал сигнал, чтобы каждое судно взяло тот курс, при котором имеет лучший ход; несмотря, однако, на эту меру, бриг «Меркурий», находившийся позади прочих, был настигнут и окружен двумя неприятельскими кораблями, с которых, равно и с брига, был открыт огонь. Командир фрегата, не имея средств подать помощь бригу, поспешил к Сизополю; впрочем, около 5 часов вечера казалось, что пальба по бригу прекратилась и он освободился от своих противников.

По выслушании этого донесения главный командир с кораблями «Париж», «Император Франц», «Императрица Мария», «Чесма», «Пармен» и «Иоанн Златоуст», фрегатами «Флора» и «Евстафий», бригами «Ганимед» и «Мингрелия», бомбардирскими судами «Успех» и «Подобный», люгерами «Широкий» и «Глубокий» и катером «Соловей» в 2 1/2 часа пополудни выступил в море и взял направление к Босфору. Корабль «Норд Адлер», не окончивший исправления повреждений, полученных при Пендараклии, оставлен в Сизополе...

В 5 часов показался бриг «Меркурий», вскоре соединившийся с флотом. Наружный вид брига вполне свидетельствовал об ужасном бое, им выдержанном: корпус, рангоут, такелаж и паруса — все было избито и исстреляно. Коман-

дир брика, капитан-лейтенант Казарский [1], по прибытии на корабль «Париж», донес следующее: когда замечено было приближение к брику турецкого флота, пустившегося в погоню за нашими крейсерами, и командиром фрегата «Штандарт» приказано было, чтобы каждое судно взяло тот курс, при котором имеет наилучший ход, тогда «Меркурий»... лег... на [курс], имея неприятеля на зюйде; но вскоре оказалось, что перемена курса не принесла никакой пользы; лучшие ходоки неприятельского флота, два корабля, один 110-пушечный, под флагом Капудана-паши, другой 74-пушечный, под адмиральским флагом, приметно настигали бриг и в исходе второго часа пополудни находились от него в расстоянии полутора пушечных выстрела. В это время ветер стих и ход преследующих кораблей уменьшился; пользуясь этим обстоятельством, Казарский прибегнул к единственному средству, которое было в его распоряжении, — к веслам; посредством их он надеялся увеличить расстояние, отделявшее его от неприятеля; но не прошло и получаса, как ветер посвежел снова, корабли стали приближаться к брику и открыли по нему огонь из погонных пушек. Видя совершенную невозможность уклониться от неравного боя, командир брика собрал военный совет из находившихся под командою его офицеров; поручик корпуса флотских штурманов Прокофьев, от которого, как младшего, первого потребовано было мнение, предложил взорвать бриг, когда он будет доведен до крайности; вследствие этого мнения, принятого всеми единогласно, положено было защищаться до последней возможности, и, наконец, если будет сбит рангоут или откроется в судне сильная течь, тогда свалиться с ближайшим неприятельским кораблем, и тот из офицеров, который останется в живых, должен зажечь крюйт-камеру, для чего был положен на шпиль заряженный пистолет. После этого командир брика счел долгом обратиться к нижним чинам и объяснить им, чего ожидает от них государь и что требует честь императорского флага, и, к удовольствию, нашел в

[1] Александр Иванович Казарский (1797—1833) поступил на службу в Черноморский флот волонтером в 1811 г. Два года спустя был произведен в гардемарины, еще через год — в мичманы, а в 1819 г. — в лейтенанты. С 1815 по 1820 г. служил на Дунайской флотилии, а затем, через шесть лет, стал командиром бомбардирского судна «Сопряжка», о чем упоминает В. И. Мелихов. Командуя им, отличился в войне с Турцией при взятии Анапы и осаде Варны (1828 г.), за что был произведен в капитан-лейтенанты и получил саблю за храбрость. В 1829 г. получил назначение на бриг «Меркурий», бой которого против двух турецких линейных кораблей описан ниже.

людях те же чувства, как и в офицерах; все единогласно объявили, что будут до конца верными своему долгу и присяге. Успокоенный таким общим одушевлением экипажа, Казарский приказал прекратить действие веслами, поставить людей по пушкам, сбросить в море ял, за кормою висевший, и открыть огонь из ретирадных портов. Вскоре 110-пушечный корабль начал спускаться с тем, чтобы занять место с правой стороны брика и дать продольный залп, но «Меркурий» избежал последнего, присоединившись вовремя; таким образом, еще около получаса он подвергался выстрелам одних погонных пушек, но потом был поставлен между обоими кораблями. Каждый из неприятелей сделал два залпа по брику, после чего с корабля Капудана-паши закричали по-русски: «Сдавайся и убирай паруса»; ответом на это был залп всей артиллерии и дружный ружейный огонь при громком «ура». Тогда оба корабля, сдавшись к корме брика, открыли по нему непрерывную канонаду ядрами, книпелями и брандскугелями, которыми произведен был пожар, вскоре, однако, потушенный. Во все время «Меркурий» не прерывал огня, стараясь между тем уклоняться, по возможности, от продольных выстрелов; наконец ему удалось перебить ватер-штаги [1] и повредить гротовый рангоут [2] 110-пушечного корабля, что побудило его... лечь в дрейф; но прежде совершенного прекращения действия он послал в бриг прощальный залп со всего борта. Другой корабль продолжал сражение, переменяя галсы под кормою брика, и бил его ужасно продольными выстрелами, которых никакими движениями избежать было невозможно; за всем тем «Меркурий» продолжал отпаливаться до тех пор, пока счастливым выстрелом удалось перебить у неприятеля нок фор-марса-рея [3], падение коего увлекло за собою лисели [4]; тогда и этот корабль, в 5 1/2 часов, привел в бейдевинд. В заключение капитан-лейтенант Казарский доносил, что он не находит слов для описания храбрости, самоотвержения и точности в исполнении своих обязанностей, какие были оказаны всеми вообще офицерами и нижними чинами в продолжение этого трехчасового сражения, не представлявшего никакой совершенно надежды на спасение, и что только такому достойному удивления духу экипажа... должно приписать спасение флага и судна... Урон брика состоял из 4 убитых и 6 раненых нижних чинов; пробоин в корпусе было 22, повреждений в рангоуте 16, в парусах 133, в такелаже

[1, 2, 3, 4] Части парусного вооружения.

148, сверх того, разбиты гребные суда и повреждена каронада...

16-е число... Флот, при умеренных южных ветрах, лавировал к проливу...

17-е число... В продолжение суток флот продолжал лавировать к Босфору.

18-е число. В ожидании выхода неприятеля в море флот держался на меридиане пролива...

20-е число. В 9 1/2 часов пополудни командир брика «Ганимед», прибывшего от пролива, доставил главному командиру депешу датского министра при Порте Оттоманской барона Гибша, полученную с австрийского купеческого судна, следовавшего из Константинополя в Одессу с разменянными нашими пленными. Барон Гибш уведомлял адмирала о взятии турецким флотом, у Пендараклии, фрегата «Рафаил». Это неприятное известие подтверждено и командиром брика, слышавшим о том от офицеров наших, возвращавшихся из плена...

23-е число... Флот в продолжение суток при тихих переменных юго-западных ветрах имел направление к Агатополю.

24-е число. В 4 1/2 часа пополуночи усмотрен берег агатопольский; но так как сильная от норд-оста зыбь препятствовала приступить к предположенному на этот пункт нападению и, сверх того, флот имел недостаток в воде и много больных, то по всем этим причинам главный командир решился идти в Сизополь... В продолжение дня флот, при переменных... ветрах, имел направление к Сизополю.

25-е число... В 8 часов соединился с флотом фрегат «Штандарт», а вслед за ним и фрегат «Поспешный»; на первом получен рапорт командира брика «Орфей», в отсутствие флота в Сизополь приходившего. Капитан-лейтенант Колтовский доносил, что после отбытия, 14-го числа, фрегата «Штандарт» в Сизополь с известием о выходе неприятеля в море он, Колтовский, с бриком своим постоянно держался в виду турецкого флота, который 16-го числа, около 5 часов пополудни, вошел в пролив. На другой день, встретив фрегат «Флора» и брик «Ганимед» и объявив им о положении неприятеля, «Орфей» отправился вдоль апатольского берега. 18-го числа усмотрено было 12 судов, идущих близ берега, которые, завиден крейсера, устремились: одни к Пендараклии, а два задних к местечку Шили. Предположив овладеть последними, Колтовский, для абордирования их, назначил лейтенанта Васенко с двумя гребными судами, которые скоро пристали к неприятельским судам,

но так как последние были на мели, снятие же их, при сильном огне, открытом с берега неприятелем, могло стоить очень дорого, а потому Васенко нашелся вынужденным предать их пламени. Урон наш в этом деле состоял из 5 раненых, в числе которых находился сам начальник отряда гребных судов лейтенант Васенко. Командир фрегата «Поспешный» донес, что на пути из Пендараклии было взято им турецкое купеческое судно, но по его ветхости и тихости хода, по снятии с него экипажа, было сожжено...

24-е число... В 3 1/2 часа прибыл на яхте «Утеха» фельдъегерь, доставивший главному командиру высочайшие повеления о наградах, всемилостивейше пожалованных экипажу брика «Меркурий» и командовавшему отрядом судов при Пендараклии, и высочайший именной указ, от 4 июня, касательно пленения фрегата «Рафаил»...

Начальствовавший отрядом судов при истреблении неприятельского линейного корабля в Пендараклии и военного корвета в Акчесаре командир корабля «Пармен» капитан 1 ранга Скаловский всемилостивейше пожалован в контр-адмиралы.

Содержание высочайшего указа касательно пленения фрегата «Рафаил» было следующее:

«Вместе с донесением вашим о блистательном подвиге брика Меркурий, мужественно вступившего в бой с двумя неприятельскими линейными кораблями, предпочитая очевидную погибель бесчестию плена, получил Я прилагаемый при сем рапорт командира фрегата Рафаил капитана 2 ранга Стройникова.

Вы увидите из сей бумаги, какими обстоятельствами офицер этот оправдывает позорное пленение судна, ему вверенного; выставляя экипаж оного воспротивившимся всякой обороне, он считает это достаточным для прикрытия собственного малодушия, коим обесславлен, в сем случае, флаг Российский.

Разделяя справедливое негодование, внушенное без сомнения всему Черноморскому флоту поступками, столь недостойными оного, повелеваю вам учредить немедленно комиссию, под личным председательством вашим, для разбора изложенных Стройниковым обстоятельств, побудивших его к сдаче фрегата. Заключение, которое комиссиею сделано будет, вы имеете представить на Мое усмотрение.

Уповая на помощь Всевышнего, пребываю в надежде, что неустрашимый флот Черноморский, горя желанием смыть бесславие фрегата Рафаил, не оставит его в руках неприятеля. Но когда он будет возвращен в власть нашу,

то, почитая фрегат сей впредь недостойным носить флаг Русский и служить наряду с прочими судами нашего флота, повелеваю вам предать оный огню».

Всеподданнейший рапорт капитана 2 ранга Стройникова заключался в следующем:

«Следуя предписанию г. Главного Командира Черноморского флота адмирала Грейга, попутным ветром отправился, мая 10-го сего 1829 г., с вверенным мне фрегатом в крейсерство между Трапезонтом и Батумом, и 11-го числа вечером, находясь на траверзе Пендараклии, в расстоянии 40 миль, ветер сделался крепкий противный, заставивший поворотить в море; в продолжение ночи ветер, усиливаясь время от времени, произвел большое волнение, а на рассвете 12-го числа, находясь от ближайшего Анатольского берега в 30 милях, увидел неприятельский флот, состоявший из 1 трехдечного и 5 двухдечных кораблей, 2 фрегатов, 5 корветов и 2 бриков, в расстоянии шести миль на ветре; судя по направлению ветра и местному положению, решился продолжать тот же курс, дабы удалиться от оного; в последствии времени ветер стих, от коего фрегат имел ходу одну итальянскую милю в час; неприятель, пользуясь попутною зыбью и имея направление полнее, сближался с фрегатом; я, дабы отвлечь оных и продлить время до ночи, темнота коей могла способствовать спасению фрегата, следовал его движениям, но он, имея преимущественный ход, не допустил до сего, приближался, и пополудни в два часа пресек все направления; видя себя в столь неизбежном положении, созвал всех, штаб- и обер-офицеров, для отобрания мнения каждого, которые, общим согласием, положили: обороняться до последней капли крови и в случае нужды свалиться с неприятелем и взорвать фрегат; но нижние чины, узнав намерение наше, объявили, что фрегата не допустят сжечь, а сделавшийся в сие время штиль лишил меня и последних способов к защищению и нанесению неприятелю вреда, и в 4 часа пополудни фрегат взят неприятельским флотом».

Главный командир, объявив в приказе по флоту волю государя императора, изображенную в указе 4 июня, поставил в непременную обязанность командиров кораблей, и в особенности фрегатов, в случае встречи с неприятельским флотом обращать преимущественно внимание на овладение бывшим фрегатом «Рафаил». В комиссию для исследования поступков капитана 2 ранга Стройникова назначены членами все флагманы, командиры кораблей и начальник штаба Черноморского флота...

Июль... 3-е число. В час пополудни соединился с флотом фрегат «Поспешный»; на нем получены рапорты командиров фрегата «Штандарт» и брика «Орфей», заключавшиеся в следующем: по осмотре Синопа, где замечены линейный корабль и два корвета на стапелях и семь судов, расположенные на якорях под стенами крепости, фрегат и бриг крейсировали отдельно один от другого; во все время плавания не было встречено ими ни одного судна, исключая лодок, у самого берега плавающих, которые всякий раз, когда дозволяла возможность, были истребляемы, хотя это было сопряжено с величайшею опасностью, потому что берег, при каждом приближении к нему крейсера, немедленно покрывался множеством вооруженных жителей. 16-го числа бриг «Орфей», подойдя к деревне Массет, усмотрел два строившихся судна и одно стоявшее вблизи берега; положив якорь в двух кабельтовых от деревни, капитан-лейтенант Колтовский открыл огонь как по строившимся судам, так и по селению, и, по удалению из него турок, отправил лейтенанта Храповицкого и мичманов Реунова и Гаврино 5-го, на катере и барказе, для овладения неприятельским судном; лишь только отряд наш успел пристать к последнему, как засевшими за каменьями и в ущельях турками был открыт жесточайший огонь; уже шварговы судна были обрублены и оно взято на буксир, но последний был перебит, и в то же время на гребных судах наших убито 4, ранено 7 человек нижних чинов и мичман Гаврино. Это обстоятельство вынудило начальствовавшего отрядом вывести его из огня неприятеля, после чего абордированное судно выстрелами из каронады и фалконета было потоплено...

Август... 27-е число... В 5 1/2 часов на прибывшем из Константинополя австрийском купеческом судне доставлены: бывший командир фрегата «Рафаил» капитан 2 ранга Стройников, 3 обер-офицера и 28 человек нижних чинов... В 10 1/2 часов прибыло из Константинополя французское купеческое судно с остальною частью экипажа фрегата «Рафаил»...

Сентябрь... 5-е число... В 11 1/2 часов донесено из Бургаса об отбытии люгера «Широкий» в Одессу с флигель-адъютантом полковником Чевкиным *, отправленным к государю императору с донесением о мире...

* Ныне генерал-лейтенант, сенатор.

Последнее крупное сражение парусного флота

Е. В. Богданович

«БИТВА СЛАВНАЯ... УРА, НАХИМОВ!»

Прелюдия к Синопу

4 ноября пароход «Бессарабия» взял без выстрела турецкий транспортный пароход «Медари-Тиджиарет», команда которого показала, что в Синопе стоят 2 фрегата и 2 корвета.

Между тем 5 ноября Корнилов[1], следуя на пароходе «Владимир» на соединение с Нахимовым[2], увидел вдали шесть больших судов и принял их за эскадру Нахимова; но тут же, на более близком расстоянии, показался большой неприятельский пароход. Корнилов немедленно пустился за

[1] Вице-адмирал Владимир Алексеевич Корнилов, в описываемое время являясь начальником штаба Черноморского флота, фактически руководил его действиями.

[2] Вице-адмирал Павел Степанович Нахимов в Крымскую войну 1853—1856 гг. командовал эскадрой Черноморского флота.

ним в погоню. После четырехчасового преследования «Владимир» нагнал неприятельский пароход, оказавшийся турецко-египетским и называвшийся «Перваз-Бахри» («Морской вьюн»). Он был в 220 сил и вооружен 10 орудиями большого калибра. С начала боя, метким взглядом хладнокровного и опытного моряка, командир Бутаков[1] заметил у «Вьюна» отсутствие кормовой обороны. Быстрым маневром воспользовался он немедленно этим недостатком и — после двухчасового боя, в котором египетский экипаж оказал большую храбрость и нанес русскому пароходу некоторую потерю в людях, причем был убит возле самого Корнилова адъютант его, лейтенант Железнов, — «Владимир» не только перебил у неприятеля половину команды, но привел его в беззащитное состояние, убил капитана и принудил спустить флаг.

Это была... победа блистательная, доставшаяся более хладнокровному, более искусному из обоих соперников. «Встреча «Владимира» с «Перваз-Бахри», — замечает г. Шестаков[2], — была первым, может быть единственным сражением между двумя колесными пароходами: ухватившись за дивную силу пара, не замедлили обеспечить ее по возможности от случайностей боя... Итак, честь первого, повторяю, может быть единственного опыта борьбы колесных пароходов выпала на долю русских моряков». Между тем виденные вдали шесть судов исчезли. Они оказались не эскадрою Нахимова, а турецкою эскадрой, и направлялись в Синоп. У Корнилова же недоставало угля; ему надо было сдать и взятый им, сильно поврежденный приз. По необходимости ему пришлось вернуться в Севастополь. «Опасения мои насчет приза были справедливы, — доносил Корнилов князю Меншикову[3], — нам пришлось возиться с ним всю ночь и другой день».

Что же касается турецкой эскадры, то она разошлась

[1] Григорий Иванович Бутаков (1820—1882) — русский известный адмирал и флотоведец, основоположник тактики парового броненосного флота. Во время Крымской войны командовал пароходофрегатом, а в период обороны Севастополя — отрядом пароходофрегатов.

[2] Иван Алексеевич Шестаков (1820—1888) — известный русский адмирал. В 1847—1850 гг., командуя тендером, совместно с Г. И. Бутаковым проводил гидрографическую опись Черного моря и составил первую лоцию. С 1882 г. управляющий Морским министерством. При нем в широких масштабах осуществлялось строительство броненосного флота.

[3] Александр Сергеевич Меншиков в 1853—1856 гг. являлся главнокомандующим сухопутными и морскими силами в Крыму.

в море и с эскадрою Новосильского[1], и с эскадрою Нахимова. С нею встретился пароход «Одесса» (командир Ф. С. Керн). Постоянные бури, мрачная погода с частым дождем и туманом скрывали турок от крейсировавших русских эскадр. Но 8 ноября, среди разразившейся бури, когда Нахимов был перед Синопом, а Новосильский — у Севастополя, фрегат «Кагул» встретил, против мыса Керемпе, 4 турецкие фрегаты, которые гнались за ним два дня сряду.

За границею не верили победе «Владимира»; напротив, журналисты «привели» его в Константинополь и указывали на русскую реляцию об этом деле как на образец официальной лжи. Что касается стоявшей в Босфоре англо-французской эскадры, то вот в каком виде дошло до нее известие об этой первой русской морской победе: «Крейсирующею по Анатолийскому берегу русскою морскою дивизией даже взято уже одно турецкое купеческое судно», — писал по поводу этого дела находившийся на французском адмиральском корабле официальный французский историограф предстоящей войны г. Базанкур...

Между тем три турецкие парохода, о коих Корнилов получил сведение от купцов, благодаря силе пара, успели пройти мимо Нахимова, не имевшего пароходов, добраться до Кавказского берега и выгрузить там боевые припасы. В 12 милях от берега встретили они, 9 ноября, почти при штиле, на высоте укрепления Пицунда, 44-пушечный фрегат «Флора» под командою Скоробогатова, плывшего из Севастополя в Сухум. На сделанный с фрегата опознавательный сигнал неприятель не дал ответа, но, выстроясь в линию и скрыв огни, взял курс к фрегату, немедленно приготовившемуся к бою. Пароходы направились к носовой части фрегата и открыли пальбу, но он успел уклониться под ветер и не допустить неприятеля поражать его продольным огнем. Вместе с тем с левого борта, повороченного этим маневром к неприятелю, фрегат открыл батальный огонь, продолжавшийся 20 минут. Огонь был так меток, что неприятель прекратил пальбу и отступил из-под выстрелов. Пароходы съехались для совещания, продолжавшегося 10 минут, коими Скоробогатов воспользовался, чтобы заделать пробоину и стать в свое первоначальное положение. Пароходы возобновили атаку по тому же направлению, как в первый раз, и вновь открыли огонь. Фрегат ответил на вторую атаку повторением первого маневра и батального огня с того же левого борта. Огонь продолжался 30 минут. По прошествии их пароходы опять отступили. Таким образом повторяли они свои нападения от 2 до 6 часов пополудни, после чего оставались вне выстрелов до рассвета. Фрегат поворотил к берегу.

[1] Контр-адмирал Ф. М. Новосильский в Синопском сражении — второй флагман.

С рассветом, 10 ноября, пароходы подняли турецкие флаги. На фор-брам-стеньге одного из них показался вице-адмиральский флаг. Все пароходы были трехмачтовые, у двух замечено на борту по 16 пушечных портов. В это время, в 4 милях от берега, показалась русская шхуна «Дротик», с выкинутыми веслами. Два вражьих парохода понеслись к ней на всех парах; один адмиральский продолжал следовать за «Флорою». Увидя угрожавшую шхуне опасность, Скоробогатов немедленно сообразил, что у него только одно средство спасти товарища: повернуться бортом к адмиральскому пароходу и открыть по нему усиленный огонь, в надежде принудить остальные два парохода поспешить к нему на помощь. Маневр этот увенчался полным успехом. Погнавшиеся за «Дротиком» пароходы поспешно вернулись к адмиральскому и, стараясь отстоять его, все время держались вместе, что представило Скоробогатову возможность нанести им значительный вред. К 9 часам утра все три парохода отступили, и когда они находились уже вне выстрелов, адмиральский пароход, конечно не иначе как вследствие значительных повреждений, был взят на буксир. У «Флоры» оказалось всего две пробоины. Раненых и убитых не было. Турки вообще стреляли плохо, слишком торопливо, да и метили большею частью в такелаж, имея в виду не только помешать маневрам фрегата, но и вовсе лишить его движения, чтобы легче овладеть им...

Три турецкие парохода постыдно бежали от одного русского парусного фрегата, который за безветрием (у него было всего два узла ходу!) был лишен возможности двигаться с быстротою, необходимою для боя...

Конечно, этим неимоверным успехом «Флора» была обязана хладнокровной распорядительности и мужеству Скоробогатова, храбрости и знанию дела его команды, а также робости и невежеству неприятеля, не умевшего воспользоваться: ни преимуществом пара для одновременной атаки фрегата с разных сторон — чтобы не дать ему одним маневром отделаться от продольных выстрелов всех трех пароходов, — ни огромными бомбическими пушками, коими он мог поражать «Флору», не имевшую орудий более 24-фунтового калибра, оставаясь сам вне ее выстрелов. Понятно, что победа «Флоры» была чрезвычайно приятна са-

молюбию Черноморского флота, состоявшего из одних парусных судов, при самом незначительном числе пароходов, и то все колесных!.. [1]

Но перед Европою, благодаря турецкой лжи, это блистательное для русского флота дело было выставлено в таком виде, что турецкие пароходы, победоносно выгрузив на кавказском берегу оружие и боевые припасы для горцев, встретили всю эскадру Нахимова и со славою отбились от нее!

Между тем нахимовская эскадра, получив известие о появлении неприятельских судов по направлению к Синопу, сама последовала туда же. Погода стояла бурная с последних чисел октября. 8 ноября буря превратилась в шторм. Однако эскадра не потеряла своего курса, благодаря, преимущественно, техническим познаниям заслужившего доверие Нахимова флагманского штурмана И. М. Некрасова. Адмирал нашелся вынужденным отправить в Севастополь, для исправлений, два корабля — «Храбрый» и «Святослав». 11 ноября Нахимов, всего с тремя 84-пушечными кораблями («Императрица Мария», «Чесма» и «Ростислав»), подошел на две мили к Синопской бухте.

В ней стояла на якоре турецкая эскадра в составе семи фрегатов, трех корветов и двух пароходов под прикрытием береговых батарей. Это была именно та эскадра, которой удалось ускользнуть в море от Корнилова, от Новосильского и от самого Нахимова, но из коей 4 фрегата два дня сряду гнались за русским фрегатом «Кагул»...

Для атаки этой эскадры, стоявшей под защитой береговых батарей, Нахимов решился дождаться возвращения двух кораблей, отправленных им в Севастополь. Броситься на неприятельскую эскадру с тремя кораблями было бы, конечно, безрассудством. В ожидании возвращения своих судов Нахимов вознамерился блокировать турецкую эскадру. Для ускорения же их возвращения был отправлен в Севастополь бриг «Эней». На случай выхода турецкой эскадры из бухты адмирал, невзирая на огромное материальное превосходство неприятеля, твердо решился — силою преградить ему дорогу.

Турки не двигались. По свидетельству г. Базанкура, уже

[1] Всего на Черном море было у нас в 1853 г. 30 различных пароходов, а именно: собственно военных (колесных) — четыре; транспортных — десять; пакетботных (почтовых) — десять Новороссийского и шесть Кавказского ведомств. Черноморский же флот непосредственно имел в своем составе только шесть пароходов и десять паровых транспортов.

15 (27) ноября они ясно разглядели эскадру Нахимова. «Несмотря на то, — пишет французский историограф, — турецкая эскадра и не подумала воспользоваться темными и длинными ноябрьскими ночами, чтобы выйти и оставить эту опасную гавань». Неужели в самом деле она об этом и не подумала? И какая ей надобность была украдкой уходить из Синопа, когда, при несомненном превосходстве материальных сил, ей открывалась возможность не только пробить себе путь, но и нанести русским значительный удар, если не совершенное поражение?..

Отвечать на эти вопросы трудно. Погода стояла постоянно бурная, дождливая; турки известны своим отвращением пускаться в море по такой погоде. Между тем до самого Батума, к востоку, и до Босфора, на запад, турецкой эскадре не представлялось лучшего убежища, как Синопская бухта. Ее образует дугою загнутый прямо к югу и простирающийся от юго-запада к северо-востоку полуостров Бостепе-Буруи. Благодаря такому положению мыса Синопская бухта прямо обращена к югу и совершенно защищена от порывистых северных ветров в Черном море... К тому же турецкий адмирал имел полное основание полагаться на свою позицию, на защиту шести береговых батарей; под прикрытием их открытый бой с наступающими русскими парусными судами не без основания мог казаться ему самою выгодною для него альтернативою. В самом деле: в морском бою — в то время, когда еще не было броненосцев и когда корабли были все деревянные, — береговые батареи, в руках искусного адмирала, могли иметь на бой решающее влияние, даже при сравнительно незначительном числе орудий: действуя за земляными защитами каленными ядрами, они могли заменять брандеры, не подвергаясь большой опасности. В 1848 году шлезвиг-голштинская береговая батарея, всего из 4 орудий, взорвала датский линейный корабль и принудила датский фрегат спустить флаг. Сам бессмертный Нельсон, в конце прошлого столетия, бесплодно целый день на линейном корабле обменивавшийся выстрелами с двумя орудиями, оборонявшими на берегу Корсики полуразрушенную средневековую башню, принужден был отступить со значительными потерями.

Итак, положение турецкого адмирала было бы далеко не отчаянно, если бы он сумел извлечь из своего месторасположения и из прикрывавших его батарей ту выгоду, какую они могли и должны были бы доставить в бою с наступающим флотом, особенно с парусным. Карта показывает, что турецкая эскадра могла бы оказать наибольшее соп-

ротивление, если бы ее расположили не вдоль города, а южнее, по мелководью. Были и другие средства, которыми турецкий адмирал мог бы обеспечить себе успех. «При средствах арсенала и обыкновенной деятельности, — говорит г. Шестаков, — турецкий адмирал мог снять с недействующих своих бортов орудия и уставить ими городской берег. Тогда корабли наши, откуда бы ни подошли, подвергались бы страшным продольным выстрелам и сила турецкого огня удвоилась бы. От востока их встретил бы в нос огонь целой эскадры, от юга — залп береговых батарей; а по занятии мест для действий против турецких судов наши суда, во все время боя, находились бы между двух огней. Не дозволяя себе презирать противника, Нахимов, без сомнения, полагал, что турецкий адмирал поступит так, как он поступил бы на его месте...»

Ничего особенно «опасного», следовательно, не было бы для турок в Синопской гавани, если бы они, решившись остаться в ней, своевременно приняли меры, предписываемые и здравым смыслом, и военною наукою. Опасно было одно их невежество, их незнание дела. А при этих условиях море «опасно» всегда, даже и без неприятеля. Турецкий адмирал, как кажется, совершенно потерял присутствие духа при виде блокировавшей его эскадры, хотя у нее было всего 252 орудия, а у него, на одних судах, было их 460...

Выдерживая постоянные бури с дождем и снегом, Нахимов продолжал блокаду, с нетерпением ожидая возвращения своих двух кораблей. Наконец 16 ноября на горизонте показались суда, — но, вместо ожидаемых двух кораблей, на помощь поспевала целая эскадра Новосильского в составе трех 120-пушечных кораблей: «Париж», «Великий князь Константин» и «Три Святителя» и двух фрегатов «Кагул» и «Кулевчи».

С прибытием Новосильского изменилась столь благоприятная туркам пропорция между силами обеих эскадр. В ужасе Осман-паша телеграфировал в Константинополь, что пред Синопом беспрестанно крейсируют «6 линейных кораблей, один бриг и два парохода (?)»; сверх того, между Синопом и Босфором, по его словам, тоже крейсировали от шести до восьми русских фрегатов и два парохода — что было положительно ложно. Пропустив время, удобное для выхода в море, Осман-паша только и думал о вытребовании помощи и не заметил, что сам располагал еще огромными средствами для успешного отражения неприятеля...

Известие о давно ожидаемом открытии турецкой эскадры, назначенной для действий по кавказскому берегу, было

привезено в Севастополь 12 ноября двумя кораблями Нахимова, отправленными для исправления. В тот же день эскадра Новосильского снялась с якоря и отправилась в Синоп. Словно иронией рока Корнилов — так неустанно гонявшийся среди бушующих штормов за турецкими судами по всему Черному морю и первый открывший их появление — именно в то время был в Николаеве. Он вернулся только 17 ноября и в тот же день, на пароходе «Одесса», в сопровождении пароходов «Крым» и «Херсон», полетел на всех парах к Синопу...

Синоп

«Битва славная, выше Чесмы и Наварина! Ура, Нахимов!»

(Из письма Корнилова от 22 ноября 1853 года)

От командиров до последнего матроса эскадра Нахимова с восторгом приветствовала прибытие товарищей под флагом Новосильского, как верное знамение давно ожидаемого боя. И она не ошиблась. Адмирал едва сдерживал желание атаковать скорее врага, очевидно, доверявшего более силе своей позиции, чем своему численному превосходству...

Русский адмирал не сомневался в блистательном успехе... К тому же он судил о своем флоте по себе: он знал, как безгранично предана ему вся эскадра; он имел твердую уверенность, что она разделяет его геройскую отвагу, его преданность отечеству и долгу; что же касается ее технического знания своего дела, то в завершавшемся тогда опасном крейсерстве эскадры, при неистовых осенних бурях вдоль сурового Кавказского берега, адмирал находил в этом отношении достаточно несомненных залогов. По справедливому замечанию контр-адмирала Асланбегова, высказанному в составленной им биографии Нахимова, «он вполне сознавал свое сильное влияние и слепую преданность к нему его сослуживцев, от адмирала до матроса, и, особенно искусно и прозорливо пользуясь ими, вел их к благотворной цели». Он называл матросов своими «детками». Он не только любил их как отец, но и уважал их как человек, вполне оценивший их достоинства. «С юных лет был я постоянно свидетелем ваших трудов и готовности умереть по первому приказанию; мы сдружились давно; я горжусь вами с детства», — говорил он им в приказе по случаю производства его в адмиралы. Никто лучше Нахимова не умел говорить с матросами: его простая, но обдуманная и исходившая от

сердца речь не только всегда была им понятна, но и неизменно производила подобающее действие. Никто лучше Нахимова не изучил трудной науки обращения с подчиненными, умения согласовать справедливую строгость с заботливостью и кротостью. «Нельзя принять поголовно, — говорил он, — одинаковую манеру со всеми. Подобное однообразие в действиях начальника показывает, что у него нет ничего общего с подчиненными и что он совершенно не понимает своих соотечественников. А это очень важно... Вся беда наша в том, что многие молодые люди получают вредное направление от образования, понимаемого в ложном смысле. Это для нашей службы чистая гибель! Конечно, прекрасно говорить на иностранных языках, я против этого нисколько не возражаю и сам охотно занимался ими в свое время, да зачем же прельщаться до такой степени всем чужим, чтобы своим пренебрегать?! Некоторые так увлекаются ложным образованием, что никогда не читают русских журналов, и хвастают этим, я это наверное знаю. Понятно, что господа эти до такой степени отвыкают от всего русского, что глубоко презирают сближение со своими соотечественниками-простолюдинами. А вы думаете, что матрос не замечает этого? Замечает лучше, чем наш брат. Мы говорить умеем лучше, чем замечать, а последнее уж их дело; а каково пойдет служба, когда все подчиненные будут наверное знать, что начальники их не любят? Вот настоящая причина, что на многих судах ничего не выходит и что некоторые молодые начальники одним только страхом хотят действовать. Страх подчас хорошее дело; да согласитесь, что не натуральная вещь несколько лет работать напропалую, ради одного страха. Необходимо поощрение сочувствием; нужна любовь к своему делу, тогда с нашим лихим народом можно такие дела делать, что просто чудо. Удивляют меня многие молодые офицеры: от русских отстали, к французам не пристали, на англичан также не похожи...»

После 34 шестимесячных кампаний, бывший вахтенный лейтенант на «Азове», Наваринский георгиевский кавалер, Павел Степанович знал, что как прочность здания зависит от фундамента, так и сила флота зиждется на матросе: всякая духовная розпь между матросом и офицером тяжело отзывается на стройном многосложном целом. «Пора нам перестать считать себя помещиками, — замечал он по этому поводу, — а матросов крепостными людьми. Матрос есть главный двигатель на военном корабле, а мы только пружины, которые на него действуют. Матрос управляет парусами, он же наводит орудия на неприятеля; матрос

бросится на абордаж, если понадобится; все сделает матрос, ежели мы, начальники, не будем эгоистами, ежели мы не будем смотреть на службу как на средство удовлетворения своего честолюбия, а на подчиненных как на ступени собственного возвышения. Вот кого нам нужно возвышать, учить, возбуждать в них смелость, геройство, ежели мы не себялюбцы, а действительные слуги отечества. Вы помните Трафальгарское сражение? Какой там был маневр? Вздор! Весь маневр Нельсона состоял в том, что он знал слабость неприятеля и свою собственную силу и не терял времени, вступая в бой. Слава Нельсона заключается в том, что он постиг дух народной гордости своих подчиненных и одним простым сигналом возбудил запальчивый энтузиазм в простолюдинах, которые были воспитаны им и его предшественниками».

И действительно, многолетняя служебная деятельность Нахимова и его славных предшественников была направлена к тому, чтобы воспитать к той же цели — но, конечно, согласно не с английским, а русским народным духом — вверенных ему «простолюдинов». У Нахимова все это мудрое воззрение на службу было унаследовано от его предшественников, бессмертного героя Наварина, Лазарева, и незабвенного устроителя Черноморского флота, Грейга. Понятно, что под непрерывным влиянием такого воспитания заранее обеспечивалось осуществление высокой цели. Нахимов был в этом уверен. И события блестящим образом оправдали уверенность адмирала-философа.

До какой степени, даже в мирное время, Павел Степанович не терял из вида, хотя бы с опасностью для жизни, необходимость подготовлять моряков к боям — это доказывается приведенным ниже, в биографии Нахимова, доселе неизвестным обществу характерным фактом *.

«Чтобы оценить должным образом заслуги наших моряков и судить безошибочно о их действиях, — говорит

* В 1836 году Павел Степанович получил командование над построенным под его же надзором кораблем «Силистрия», на котором, крейсируя по Черному морю, он успел уже заслужить во всем русском флоте блестящую славу образцового моряка и «отца» своих матросов... Однажды корабль «Силистрия», под командою Павла Степановича, находился в эскадре, в крейсерстве для практического его плавания, как вдруг, при производстве эволюций, шедший контр-рагалсом и весьма близко от «Силистрии» корабль «Адрианополь» сделал такой неудачный маневр, что столкновение было неминуемо. Павел Степанович был наверху, видел это, но избежать катастрофы было невозможно. Он только скомандовал: «С крюселя долой» — и людей, стремглав спустившихся вниз, а также всех бывших поблизости, отослал на шкафут за грот-мачту. Павел Степанович ос-

г. Шестаков, — нужно вспомнить, что в первый период войны все делалось, так сказать, под дулами союзников Порты... и что сама Порта действовала с целью разжалобить всю Европу ролью угнетенной слабости. Человек военный, в особенности моряк, придает этим исключительным обстоятельствам должную важность. Все, делающееся на море, требует быстроты и решительности. Составив заблаговременно план, не должно колебаться в исполнении его. Одна только неодолимая сила, то враждебной, то союзной, уже побуждает моряка ко всегдашней умственной деятельности. Дивное целое, составленное из мелочей — корабль грозен только тогда, когда все мелочи эти в совершенстве. Исправность каждой из них ведет к более решительному и быстрому успеху; напротив, неисправное их состояние приводит к позору и гибели *. Значит, в немногие свободные минуты, когда план действия уже решен, нужно не только обдумать меры на случай прихотей атмосферы, но и обеспечить успех совершенством средств разнообразных, бесчисленных; должно принять все в расчет, взять во внимание самые мелкие подробности, пройти корабль в уме от киля до клотика. Спокойствие нравственное, даже при совершенном знании дела, здесь необходимо».

До какой степени Нахимов проникся необходимостью соблюдения этих аксиом боевого морского дела, по какой степени он руководился ими — об этом можно иметь ясное понятие из сделанных им, на другой же день по прибытии эскадры Новосильского, приготовленных к бою распо-

---

тался на юте один. Старший офицер упрашивал его сойти, но он не обратил на это внимания. Трудно представить себе момент более страшный, как тот, когда корабль полным ходом, всею своею массою готовится раздавить другой корабль. С замиранием сердца, притаив дыхание, ожидала команда «Силистрии» этого момента, глядя на своего командира, бесстрашно стоявшего на юте... И вот «Адрианополь» врезался... осыпав осколками Павла Степановича, но, по счастливой случайности, ничем его не ушибло... Когда за вечерним чаем старший офицер спросил Павла Степановича, для чего он не хотел сойти с юта и безо всякой надобности подвергался явной опасности, тот ответил: «Такие случаи представляются редко, и командир должен ими пользоваться; надо, чтобы команда видела присутствие духа в своем начальнике. Быть может, мне придется с нею идти в сражение, и тогда это отзовется и принесет несомненную пользу». Именно в этом таятся нравственные задатки успеха Синопского сражения... В момент этого столкновения автор был гардемарином на вахте фрегата «Мессемврия».

* Против этого замечания почтенного автора можно возразить, что североамериканцы на неисправных, почти негодных судах, переделанных из купеческих, достигали блестящих успехов, благодаря отваге моряков.

ряжений. Для словесного объяснения предначертаний адмирала 17 ноября были приглашены на флагманский корабль Новосильский и все командиры судов. Вскоре затем появился знаменитый нахимовский приказ *:

«Располагая при первом удобном случае атаковать неприятеля, стоящего в Синопе в числе 7 фрегатов, 2 корветов, одного шлюпа, двух пароходов и двух транспортов, я составил диспозицию для атаки их и прошу командиров стать по оной на якорь и иметь в виду следующее [1]:

1. При входе на рейд бросать лоты, ибо может случиться, что неприятель перейдет на мелководие, и тогда стать на возможно близком от него расстоянии, но на глубине не менее 10 сажень.

2. Иметь шпринг на оба якоря; если при нападении на неприятеля будет ветер N самый благоприятный, тогда вытравить цепи 60 сажень, иметь столько же и шпрингу, предварительно заложенного на битенге; идя на фордевинде при ветре О или ONO, во избежание бросания якоря с кормы, становиться также на шпринг, имея его до 30 сажень, и когда цепь, вытравленная до 60 сажень, дернет, то вытравить еще 10 сажень; в этом случае цепь ослабнет, а корабли будут стоять кормою на ветер, на кабельтове; вообще со шпрингами быть крайне осмотрительными, ибо они часто остаются недействительными от малейшего невнимания и промедления времени **.

3. Перед входом в Синопский залив, если позволит погода, для сбережения гребных судов на рострах, я сделаю

---

* Мы передаем этот приказ с объяснением технических морских подробностей, чтобы сделать его общепонятным. Да не посетуют на нас специалисты, которым эти объяснения покажутся излишними.

[1] Приказ П. С. Нахимова, разработанный им накануне Синопского сражения, уже публиковался в некоторых изданиях. Но составитель книги посчитал его уместность и в данном тексте, поскольку он служит ценным дополнением, объясняющим успех русских моряков в этом сражении. Кроме того, комментарий автора воспоминаний позволит читателю избежать определенных трудностей при встрече со специфическими морскими терминами.

** На обоих якорях иметь приспособление (шпринг), состоящее из канатов (кабельтов), прикрепленных одним концом к якорю, а другим — к толстому брусу (битенгу), внутри кормовой части корабля, с целью, словно вожжами, поворачивать корабль бортом по тому направлению, перпендикулярно которому ему придется открыть огонь; если при нападении на неприятеля будет северный ветер, самый благоприятный, тогда выпустить якорной цепи 60 сажень, иметь столько же каната для поворота и задержания корабля (шпринга), предварительно заложенного на битенге; идя напротив совершенно попутным ветром, т. е. восточным или восточно-северо-

сигнал спустить их у борта на противолежащей стороне неприятеля, имея на одном из них, на всякий случай, кабельтов и верп *.

4. При атаке иметь осторожность, не палить даром по тем из судов, кои спустят флаги; посылать же для овладения ими не иначе как по сигналу адмирала, стараясь лучше употребить время для поражения противящихся судов или батарей, которые, без сомнения, не перестанут палить, если бы с неприятельскими судами дело и было кончено.

5. Ныне же осмотреть заклепки у цепей; на случай надобности расклепать их **.

восточным, должно, во избежание бросания якоря с кормы, становиться также на то же приспособление к повороту, но так как тогда, бросив якорь с носа, корабль пройдет через него и якорь окажется уже позади его, то шпринга, или, точнее, каната, служащего для установления шпринга (кабельтова), пускаемого с кормы, будет довольно выпустить сначала до 30 сажень, а когда якорная цепь дернет — знак, что корабль, продолжая идти вперед, уже вытянул ее, — тогда выпустить еще 10 сажень цепи, в этом случае цепь ослабнет, а корабли будут стоять кормою на ветре, имея нос, удержанный якорною цепью, а корму, удержанную кабельтовым шпринга, причем ветер будет уже по сзади, а сбоку. Это-то положение и называется стоять на шпринге, а канат, прикрепляющий корму к якорю, называется кабельтов. Чтобы составить себе понятие о морском сражении, необходимо иметь в виду, что вся эта операция установления шпринга, требующего так много внимания и мелочного практического знания дела, есть переход из походного строя в боевой и должна совершаться всегда под сильнейшим огнем неприятеля, — огнем в то время большею частью продольным, так как наступление весьма часто совершается по линии перпендикулярной неприятельской линии огня. Между тем при малейшей непредусмотрительности или проволочке, как напоминает о том приказ, установление шпринга может быть неудачно.

* Перед входом в Синопский залив, если позволит погода, для сбережения гребных судов, подверженных неприятельскому огню, пока они находятся над палубою между большою и переднею мачтами (т. е. на рострах), я сделаю сигнал, чтобы спустить их на противоположную неприятеля сторону корабля, имея на одном из них, на всякий случай (а в особенности на случай, если канат шпринга будет перебит неприятельским выстрелом, вследствие чего, держась на одном якоре, корабль откинет корму по направлению ветра), запасный перевозный якорь (верп) и другой такой же канат, как для шпринга (кабельтов), дабы закинуть этот якорь в сторону и, натягивая с кормы прикрепленный к нему канат, опять притянуть корму на то же место, где она стояла на шпринге.

** Так как на каждой из 15 сажень якорной цепи есть одно звено не сплошное, а раздвижное, лишь с заклепанным винтом, то осмотреть эти заклепки; на случай надобности — т. е. если придется кораблю переменить место, то, чтобы иметь возможность скорее освободиться от якоря, не теряя времени на поднятие его, — расклепать эти заклепки.

6. Открыть огонь по неприятелю по второму адмиральскому выстрелу, если перед тем со стороны неприятеля не будет никакого сопротивления нашему на него наступлению; в противном случае, палить как кому возможно, соображаясь с расстоянием до неприятельских судов.

7. Став на якорь и уладив шпринг (т. е. повернув им корабль бортом к неприятелю), первые выстрелы должны быть прицельные; при этом хорошо заметить положение пушечного клина на подушке мелом, для того, что после, в дыму, не будет видно неприятеля, а нужно поддерживать быстрый батальный огонь. Само собой разумеется, что он должен быть направлен по тому же положению орудия, как и при первых выстрелах.

8. Атакуя неприятеля на якоре, хорошо иметь, как и под парусами, одного офицера на грот-марсе или салинге, для наблюдения, при батальном огне, за направлением своих выстрелов, а буде они не достигают своей цели, офицер сообщает о том на шканцы, для направления шпринга *.

9. Фрегатам «Кагул» и «Кулевчи» во время действия оставаться под парусами для наблюдения за неприятельскими пароходами, которые, без сомнения, вступят под пары и будут вредить нашим судам по выбору своему.

10. Завязав дело с неприятельскими судами, стараться, по возможности, не вредить консульским домам, на которых будут подняты консульские их флаги.

В заключение выскажу свою мысль, что все предварительные наставления при переменившихся обстоятельствах могут затруднить командира, знающего свое дело, и потому я предоставляю каждому совершенно независимо действовать по усмотрению своему, но непременно исполнить свой долг. Государь Император и Россия ожидают славных подвигов от Черноморского флота. От нас зависит оправдать ожидания».

Итак, в этом приказе действительно все было предвидено и были взяты по внимание самые мелкие подробности с тем глубоким знанием боевого морского дела, в котором сказывалась многолетняя опытность Павла Степановича.

---

* Атакуя неприятеля на якоре или под парусами, хорошо иметь на первой площадке самой большой мачты (грот-марсе) или на второй (салинге) одного офицера, которому, сверху, несмотря на дым батального огня, возможно будет следить за направлением наших выстрелов, а буде они не достигают своей цели — офицер сообщает о том на палубу, для исправления укорочением или удлинением шпринга общего направления линии огня, т. е. направления самого корабельного борта.

Но едва ли не всего характернее опытность эта выражается в мудром заключении образцового приказа. Многочисленность предварительных наставлений может лишь затруднить в бою командира, знающего свое дело, — гласит это распоряжение. Успех морских битв приготовляется заблаговременно и зависит от начальника только до первого выстрела; с открытием же боя обстановка меняется. Не только дым иногда не допускает возможности видеть сигналы, но действием неприятельского огня, как было при Синопе, адмиральский корабль бывает лишен возможности делать сигналы; с другой стороны, перемена ветра, внезапные шторм или штиль могут вдруг изменить все первоначальные соображения. Понятно, с какою признательностью, с каким глубоким почтением к мудрости своего адмирала эскадра встретила распоряжение, представлявшее каждому командиру — «действовать совершенно независимо по своему усмотрению», полагаясь единственно на его преданность долгу и на знание дела.

Все эти общие распоряжения были сделаны 17 (29) ноября. Не только час, но и самый день атаки не были назначены приказом. Но если Нахимов судил по себе о своей эскадре, то и эскадра судила о своем адмирале по-своему: она верповала, что только шторм может побудить Нахимова отложить давно желанную битву. Немедленно по получении приказа каждый радостно... стал готовиться к сражению.

Что же происходило в это время в турецкой эскадре и в бывшей столице понтийских царей, в злополучном Синопе? 17 (29) ноября была получена в Константинополе телеграмма Осман-паши. Он с ужасом извещал о замеченном им соединении в виду Синопа двух русских эскадр, молил о помощи и, в то же время, со свойственною его единоверцам беспечностью, ожидал, сложа руки, совершения кисмета (предопределения). Удивительно, что находившийся при нем англичанин След* (Муштавер-паша, командир 22-пушечного в 450 сил парохода «Таиф») не открыл Осману вовремя глаза насчет принятия мер для отпора неминуемой атаки...

* След уже давно служил в турецком флоте, в который он поступил сначала простым волонтером. Он участвовал в войне с Россией в 1828—1829 годах, был при сдаче «Рафаила» и при геройском деле Казарского на бриге «Меркурий». Как наставник и организатор, он оказал турецкому флоту большие услуги и пользовался полным доверием официальной Турции.

Ночь была мрачная, бурная, дождливая. Уныло и медленно пробивалась 18 ноября бледная утренняя заря сквозь сплошные свинцовые тучи, покрывавшие все небо. Над эскадрою ревел порывистый ветер с частым холодным дождем... Для атаки русским судам надлежало направиться прямо к северо-западу; ветер был почти попутный, но для приложения шпринга он представлял неудобства, предвиденные Нахимовым; наконец, в случае победы, он оказывался, для завладения неприятельскими судами, самым неблагоприятным ветром, ибо разбитые суда могли быть им выброшены на берег, где командам представилась бы возможность бежать от плена, предав огню покинутые суда.

В 9 часов утра стало наконец совсем светло, и немедленно, согласно приказу адмирала, эскадра спустила гребные суда. В половине десятого на флагманском корабле (адмирала) был поднят сигнал: «Приготовиться к бою и идти на Синопский рейд». Отслужив молебен, эскадра, с развевающимися на брам-стеньгах национальными флагами, на всех парусах быстро понеслась прямо на неприятеля... На ходу, по сигналу, эскадра построилась в две колонны. Оба флагманских (адмиральских) корабля — вице-адмирала Нахимова 84-пушечный «Императрица Мария» (командир Барановский) и контр-адмирала Новосильского 120-пушечный корабль «Париж» (командир Истомин) — шли рядом, каждый во главе своей колонны. Позади флагманского корабля, в правой колонне, шел 120-пушечный корабль «Великий князь Константин» (командир Ергомышев), а за ним 80-пушечный корабль «Чесма» (командир Микрюков); в левой колонне — 120-пушечный корабль «Три святителя» (командир Кутров), а за ним 80-пушечный корабль «Ростислав» (командир Кузнецов). Большая часть этих знаменитых синопцев, особенно Новосильский, Истомин, Перелешин, Ергомышев и другие, прославили свои имена и в геройской защите Севастополя...

Зная, что неприятельская эскадра стоит глубоко вогнутою дугою пред городом Синопом, адмирал предписал построение в две колонны с тем, чтобы правая, дойдя до неприятеля, стреляла правым бортом, а левая — левым. Но мудрое распоряжение главного начальника только указало на общие меры, предоставив вместе с тем каждому командиру действовать по своему усмотрению. Это распоряжение вполне оправдалось в течение боя...

Был двенадцатый час. Обе колонны, при порывистом попутном ветре, на всех парусах, неслись ко входу в Синопскую бухту. Вот поравнялись они с крайнею турецкою ба-

тареей № 1; на салингах стояли офицеры для наблюдения за действиями артиллерийского огня; впереди ясно обозначалась расположенная полумесяцем боевая линия турецкого флота; даже простым глазом насчитывалось в нем семь фрегатов и три корвета; левый фланг этой боевой линии опирался на батарею № 4, а правый — на батарею № 6; в центре боевой линии было оставлено значительное пустое пространство между стоящими с левого фланга ее шестым судном — 22-пушечным корветом «Гюлли-Сефид» и седьмым — 56-пушечным фрегатом «Дамиад»; этим интервалом открывалась линия огня восьмиорудийной (большого калибра) батареи № 5, расположенной пред городом, на берегу, позади боевой линии эскадры. На стоящем у самого центра, пятом с левого фланга, 44-пушечном фрегате «Авни-Аллах» развевался вице-адмиральский флаг начальника эскадры Осман-паши; на девятом судне с левого фланга (втором с правого фланга) 64-пушечном фрегате «Низамие» поднят был контр-адмиральский флаг Гуссейн-паши; во второй линии, правее батареи № 5, стояли два военных парохода, а левее этой батареи — два транспорта; в глубине залива виднелись два купеческих брига.

Благодаря этой непостижимо нелепой диспозиции турецкого флота из шести батарей, прикрывавших Синопскую бухту, только четыре, всего с 32 орудиями, могли оказать эскадре действительную поддержку; батареи №№ 1 и 2 должны были бездействовать.

Невзирая на пасмурную погоду и частый дождь, неприятель, с самого начала, заметил наступление русской эскадры. Он, видимо, готовился к бою; суда его устанавливали шпринги, а пароходы разводили пары...

На русских судах прислуга стояла у орудий; все взоры были устремлены на флагманский корабль в ожидании сигнала начать бой. И вот поднят сигнал: верный морскому обычаю в мирное время, адмирал преспокойно показывал... полдень!

Еще полчаса грозного молчания, еще полчаса стремительного наступления русской эскадры! Пробила половина первого...

На турецком адмиральском корабле сверкнула молния пушечного выстрела, Синопская бухта задрожала, застонала под неумолкающим перекатом грома орудий эскадры и батарей... Смело направляясь, сначала без выстрела, на центр турецкой боевой линии, русские суда не могли миновать убийственного перекрестного неприятельского огня; особенно опустошительны были продольные выстрелы ба-

тареи № 5 и турецких судов, расположенных в самом центре. Русские флагманские корабли, особенно же «Императрица Мария» под флагом Нахимова, были буквально осыпаны градом ядер, книпелей и картечи. По счастию нашему, вместо того, чтобы сосредоточивать продольный огонь на палубы, а боковой — на подводную часть русских судов, турецкая артиллерия — в надежде замедлить наступательное движение русских и в ожидании, что наши команды пойдут по мачтам убирать или закреплять паруса, — била преимущественно вверх, по мачтам и по всему такелажу. Но у наваринского героя П. С. Нахимова были свежи в памяти поучения прошедшего: ему был известен свойственный турецким морякам расчет, и потому судам был дан приказ взять на гитовы, то есть уменьшить давление ветра на паруса.

Русская эскадра бойко неслась вперед, на ходу осыпая своими огромными сплошными и разрывными снарядами мелькавшие мимо ее бортов неприятельские суда, пока «Императрица Мария» не бросила якоря против неприятельского флагманского фрегата и, поворотившись на шпринге, не стала громить своего противника батальным огнем 42 орудий своего правого борта, коего нижняя батарея была вооружена 68-фунтовыми бомбическими пушками. Как отчетливо исполняли свое дело наши моряки-артиллеристы — доказывается тем, что турецкий флагман, «Авни-Аллах», несмотря на поддержку батареи № 5 и стоявшего возле него, доставшегося в 1829 г. от нас туркам 44-пушечного фрегата «Рафаил»*, названного турками «Фазли-Аллах» («Богом данный»), не выдержав и получасового огня своего врага, отклепал якорную цепь, дабы бегством укрыться от выстрелов. Течением и ветром понесло его между боевыми линиями; проходя мимо второго русского флагмана, «Парижа», бежавший фрегат должен был выдержать его разрушительные продольные залпы, после чего, исстрелянный и усеянный трупами, он был выброшен к берегу, на мель, под самою батареей № 6...

Разбив и прогнав одного врага, «Императрица Мария» все еще оставалась под перекрестным огнем батареи № 5 и фрегата «Фазли-Аллаха». Между тем против фрегата «Дамиад» и корвета «Гюлли-Сефид» — боролся наш «Париж».

---

* В 1853 году «Рафаил» был уже 24 года на службе у турок; он уже был не нов, даже когда достался им. Но турки, беспрестанными подновлениями, хотели увековечить этот доставшийся им без боя, по непостижимой оплошности командира, их единственный морской трофей во всех войнах с русскими.

Едва успел он проводить продольным залпом бежавший от «Императрицы Марии» турецкий адмиральский фрегат, как метким выстрелом, в час пять минут пополудни, он взорвал на воздух корвет «Гюлли-Сефид». Пока между «Парижем» и «Дамиадом», поддержанным вторым турецким флагманским фрегатом, 64-пушечным «Низамие», кипел отчаянный бой, «Императрица Мария» сосредоточила весь свой огонь на фрегат «Фазли-Аллах»; вскоре на последнем вспыхнул пожар и, следуя примеру своего флагмана, он также отклепал якорную цепь и бросился к берегу у самого города...

В разгаре боя Павел Степанович, с неразлучною с ним подзорною трубою в руке, следил за действиями эскадры тем же знатоком, с тем же хладнокровием опытного наставника, как на простом ученье. Восхищенный быстротою соображений, отчетливостью и правильностью маневров корабля «Париж»*, успевшего в то время огнем своим отбросить к берегу фрегат «Дамиад» и стать бортом к «Низамие», — адмирал, словно на практическом плавании, зная, как высоко ценится его одобрение, приказал благодарить «Париж» сигналом. Сделать сигнал, однако, оказалось невозможным: неприятельские снаряды уже перервали сигнальные веревки...

Выброшенный к берегу, фрегат «Фазли-Аллах» вскоре был объят пламенем. Таким образом, исполнился приговор... произнесенный над этим фрегатом двадцать пять лет тому назад — «предать фрегат «Рафаил» огню, как недостойный носить русский флаг, когда возвращен будет в наши руки...».

Покончив с «Фазли-Аллахом», адмирал хотел спешить на помощь «Парижу», но тот и один успел справиться с третьим врагом: с перебитыми мачтами, турецкий фрегат «Низамие» тоже отклепал свою якорную цепь и выбросился к городу, где скоро и загорелся, но всей вероятности подожженный остатками команды, спасшейся на берег. Уничтожив все стоявшие против них суда, т. е. четыре фрегата и один корвет, с 230 орудиями, русские флагманские корабли, поворотившись параллельно батарее № 5, сосредоточили против нее все свои силы.

Вслед за головными судами обоих флагманов все корабли становились на якорь, продолжая пальбу и удерживаясь на шпринге. В правой колонне, против корабля «Великий

* Старшим офицером на «Париже» был П. А. Перелешин, один из героев Севастополя (ныне генерал-адъютант и вице-адмирал).

князь Константин», стояли два 60-пушечных турецких фрегата, «Навек-Бахри» и «Незими-Зефер», и 24-пушечный корвет «Неджми-Фешан», а также батарея № 4. На корабле «Великий князь Константин», так же как и на флагмане «Императрица Мария», нижняя батарея была вооружена 68-фунтовыми бомбическими пушками. Видя «Константина» окруженным врагами, следовавший за ним корабль «Чесма», пренебрегая направленным против него учащенным огнем батареи № 3, также сосредоточил огонь свой против фрегата «Навек-Бахри». Спустя 20 минут по открытии огня метким выстрелом бомбической батареи корабля «Великий князь Константин» фрегат «Навек-Бахри» был взорван на воздух; грудами обломков и тел, выкинутыми этим взрывом на берег, была до такой степени завалена батарея № 4, что она временно была вынуждена прекратить свой огонь и даже впоследствии не была в состоянии возобновить его с прежнею силою.

Рассчитывая на высказывавшееся тогда во Франции и особенно в Англии завзятое туркофильство, турки, в надежде возбудить восторг к своему геройству и патриотизму, рассказали по поводу взрыва «Навек-Бахри» нелепую басню, которая многими была принята за истину. По словам г. Базанкура «Навек-Бахри» был взорван не русскою бомбою, а самим командиром его Али-беем и командою... Чем взрываться на воздух в начале боя и без всякого вреда неприятелю, не лучше ли было бы Али-бею доказать свое геройство, продолжая борьбу?

Между тем, покончив с одним врагом, «Великий князь Константин», повернувшись на шпринге, начал расстреливать оставшиеся пред ним фрегат и корвет. В час пополудни перебили ядром якорную цепь вражьего фрегата, и ветром его понесло на остатки мола против греческого предместья Синопа; вскоре затем и корвет выброшен был на берег к батарее № 5.

В то же время «Чесма», после взорвания «Навек-Бахри», поворотилась на шпринге к батареям №№ 4 и 3 и учащенным, метким огнем срыла их до основания.

С начала сражения, когда «Париж» разом завязал дело с корветом «Гюлли-Сефид» и фрегатами «Дамиад» и «Низамие», против последнего из этих судов направили было свои выстрелы и следовавшие за «Парижем» корабли: «Три святителя», отстреливавшийся в то же время и от 54-пушечного фрегата «Каиди-Зефер», и «Ростислав», выдержавший весь огонь 24-пушечного корвета «Феази-Меабуд» и батареи № 6. Одним из первых неприятельских выстрелов

был перебит у корабля «Три святителя» шпринг; оставшись на одном якоре, без шпринга, корабль, вращаясь кругом своего якоря, был отнесен ветром к северо-западу, кормою прямо к батарее № 6, поспешившей воспользоваться нашим положением, чтобы поражать корабль продольными выстрелами, сильно повредившими его такелажу и мачтам... Положение корабля «Три святителя» становилось чрезвычайно трудным; заметив это, «Ростислав», не обращая внимания на огонь турецких судов, сосредоточил действие всей своей артиллерии против батареи № 6, между тем как мичман Варницкий с барказом и полубарказом был отправлен с корабля «Три святителя», чтобы завести якорь (верп). Но едва Варницкий стал отваливать на полубарказе, как это судно было пробито ядром; отлетевшею при этом щепою мичман был ранен в руку; полубарказ же пошел ко дну. Варницкий, несмотря на рану, вместе со всею командою, успел перескочить в барказ, на котором он благополучно исполнил поручение, несмотря на сильнейший огонь неприятеля. Повернув снова кормой, корабль «Три святителя» скоро принудил фрегат «Каиди-Зефер» выброситься на берег; той же участи подвергся и корвет «Феизи-Меабуд», под действием огня неустрашимого «Ростислава», к четвертому часу дня также срывшего до основания и батарею № 6.

В продолжение боя с корветом и батареей на «Ростиславе» случилось несчастие, стоившее этому кораблю немало людей, но подавшее случай одному из его офицеров и части его команды отличиться замечательным хладнокровием. Неприятельская граната, ударив в одно из средних орудий «Ростислава», разорвала его, разбила палубу и зажгла кокор (пороховой ящик), причем было ранено и обожжено до 40 человек. Несмотря на это, пожар был немедленно потушен, но горящие части упали у входа в крют-камеру (пороховой погреб). «Ростиславу» грозила страшная опасность. От попавшей в крют-камеру одной искры мог взлететь на воздух наш корабль. Мичман Колокольцев *, закрыв двери и все отверстия, с таким хладнокровием принялся тушить огонь, что скоро устранилась всякая опасность.

Во время бон оба турецких парохода, «Таиф» при 22 орудиях и 450 силах и «Эрекли» при 4 орудиях и 140 силах, не оказывали атакованной эскадре никакой помощи,

* Н. А. Колокольцев в настоящее время занимает пост помощника капитана над Петербургским портом.

тогда как, владея могучею силою пара, они легко могли: быстрым маневром стать за кормою или перед носом атакующих кораблей и поражать их продольными выстрелами; становясь между нашими кораблями и действуя одновременно обоими бортами, они могли разом поражать продольным огнем два наши корабля. Особенными преимуществами пользовался «Таиф», вооруженный, между прочим, десятидюймовыми бомбическими орудиями. В самый критический момент, когда оба флагманских корабля русской эскадры боролись с несравненно сильнейшею неприятельскою артиллериею, пароход «Таиф» мог бы принести огромную пользу турецкой эскадре. Но об этом не подумали ни командир «Таифа», англичанин Слейд, ни командир «Эрекли». Вместо того чтобы руководиться аксиомою, что взаимная помощь друг другу есть лучшая тактика в морском бою, оба парохода остались все время в бездействии за боевою линиею. В исходе первого часа, когда уже взлетел на воздух «Навек-Бахри», когда адмиральский фрегат «Авни-Аллах» едва держался против бомбических пушек «Императрицы Марии» и по всей боевой линии обнаруживалось несомненное материальное и техническое превосходство русского флота над турецким, — командир «Таифа», Слейд — тогдашний Муштавер-паша,—ценя по достоинству пресловутое «геройство» турок, убедился, что для их эскадры пропала всякая надежда на спасение, и, не теряя времени, решился спастись из этого ада, пользуясь отличным ходом и образцовым вооружением парохода... За ним погнались было наши парусные фрегаты «Кагул» и «Кулевчи». Пароход беспрестанно менял свое направление, — ему достаточно было поворота рулем, для парусных же фрегатов всякий поворот требовал значительной работы парусами. «Таиф» то останавливал машину, то шел задним ходом, то опять передним и затем, вдруг, обменявшись с фрегатами несколькими залпами, пустился полным ходом вперед и быстро исчез из-под выстрелов. В половине второго часа из-за мыса показался пароходофрегат «Одесса» под флагом вице-адмирала Корнилова, за которым следовали пароходы «Крым» и «Херсонес». В полдень, находясь против Синопского рейда, по северную сторону города, Корнилов, стоя на площадке парохода «Одесса», увидел через Синопский перешеек русский флаг на мачте «Императрицы Марии». Адмирал... приказал дать сигнал: «Держаться соединенно!» Вскоре услышали пальбу и увидели, как русские ядра, перелетевшие через перешеек, севернее его вспенивали море. Пароходы понеслись полным ходом, а тут показался и бе-

жавший «Таиф». На «Одессе» немедленно был поднят сигнал следовавшим за ней пароходам «атаковать неприятеля, поставив его в два огня». «Таиф», ввиду грозившей опасности, снова переменил направление; «Одесса» поспешила перерезать ему путь и сблизилась с ним. К сожалению, наши пароходы были уже давно построены, и не для военной службы, а для почтового сообщения между Одессою и Константинополем. Ввиду наступления войны их наскоро приспособили к бою и вооружили тяжелыми орудиями, что, конечно, изменило их качества, в особенности же повредило их ходкости. Само собою разумеется, что им нельзя было в этом виде соперничать быстротою с противником, построенным специально для боевой службы. Только пароход «Одесса», вооруженный двумя бомбическими и четырьмя 24-фунтовыми пушками, далеко оставив за собою своих спутников, под полными парами и парусами успел подойти на пушечный выстрел к «Таифу». На турецком пароходе были 2 бомбические 10-дюймовые пушки, четыре 36-фунтовых и шестнадцать 24-фунтовых пушек. Такое неравенство в силе и преимущество хода «Таифа» могли бы дорого стоить нашему пароходу: была даже минута, когда, вследствие повреждения, «Одесса» могла действовать только одним бомбическим орудием и почти не отвечала на огонь неприятеля. Единственное стрелявшее на «Одессе» орудие молодецки наводил храбрый лейтенант князь В. И. Барятинский. Ядро «Таифа» разбило на «Одессе» штурвал и убило рулевого... Все отскочили, но капитан-лейтенант Г. И. Бутаков, с обычным спокойствием, поставил штурманского кондуктора к рулю со словами: «Ваше место здесь; исправлять — ваше дело». Несмотря на превосходство неприятельского огня, бесстрашный Корнилов старался подойти к неприятелю с целью взять его на абордаж, но «Таиф» стал удаляться и, при всех своих огромных преимуществах, не нанес пароходу «Одесса» другой потери, кроме одного убитого и одного раненого.

После безуспешной погони за пароходом «Таиф» фрегаты «Кулевчи» и «Кагул» возвратились к эскадре и действовали везде, где еще было оказываемо сопротивление. До четвертого часа вечера батареи №№ 5 и 6 продолжали беспокоить нашу эскадру каленными ядрами, не наносившими, впрочем, особенного вреда. «Париж» и «Ростислав» разрушили эти батареи. В это же время, убедившись в бесполезности преследования «Таифа», пароходы отряда Корнилова также присоединились к эскадре и приветствовали ее восторженными «ура». «Одесса» остановилась против флаг-

манского корабля. Корнилов беспокойно спрашивал у всех: «Здоров ли адмирал?» Выехавший на катере навстречу Корнилову командир «Константина» Л. А. Ергомышев первый порадовал ответом: «Слава богу, Павел Степанович жив!»... Корнилов, увидев наконец Нахимова, бросился обнимать его со словами: «Поздравляю вас, Павел Степанович, с победою, которою вы оказали большую услугу России и прославили свое имя в Европе!»

Всю ночь пароходы были заняты отводом на буксире пылавших турецких судов из опасения, чтобы, с переменою ветра, их не нанесло на нашу эскадру.

(Приводим со слов очевидца один из эпизодов, относящихся к этому моменту боя. Корнилов, отправляясь навстречу Нахимову, командировал старшего офицера «Одессы» лейтенанта (ныне контр-адмирала) Н. Н. Кузьмина-Кораваева на турецкий фрегат и приказал приготовить судно к отбуксированию из опасения, чтобы оно не загорелось от летевших на него головешек с соседнего фрегата и, в свою очередь, не подожгло вблизи стоящего корабля «Три святителя». Взойдя на фрегат всего с десятью матросами, Кораваев нашел на судне около 200 турок, человек 20 раненых и столько же убитых. Труп капитана лежал у дверей каюты. Беспорядок и паника невольно приковывали к себе внимание: турки сидели при своем багаже, разбросанном по батарейной палубе, порох был рассыпан по палубе, крют-камера была отворена, а турки между тем курили... Приказав прекратить курение, лейтенант немедленно распорядился, чтобы крют-камеру заперли и всю палубу смочили водою. Быстрое расклепывание якорной цепи оказалось невозможным, — до такой степени болты были заржавлены: очевидно, что их давно не выколачивали и не смазывали маслом. Пришлось разрубить одно из звеньев. Пока возились с цепью, пленные, по приказанию Кораваева, перевозились небольшими эшелонами на нашем катере; раненых же турок, представлявших большое обременение нашим матросам, лейтенант решился отправить в Синоп. Приняв это дело на свою личную ответственность, Кораваев приказал катеру прибуксировать турецкую баржу, стоявшую между фрегатом и берегом, а затем на баржу были положены все раненые и 20 здоровых пленных; туда же поместили запас сухарей... и весь багаж, принадлежавший этим людям. Вместе с пленными был посажен и турецкий доктор из армян. Отправляя людей, Кораваев, через переводчика, объявил им, что здоровые, под начальством доктора, должны озаботиться помещением своих раненых това-

рищей в городской госпиталь. Восторгу турок не было предела...

С рассветом цепь разрубили, и когда фрегат был отбуксирован к берегу, лейтенант получил приказание зажечь судно... Исполнив распоряжение начальства, лейтенант возвратился на пароход. Ночью на фрегат приезжал от имени Корнилова Г. И. Бутаков за справками — почему задерживается дело. Затем приехал А. П. Жандр и, спустив флаг, отвез его Нахимову. Этот флаг турецкого фрегата в настоящее время находится в Морском корпусе.

В описываемое время в штабе Корнилова были: И. Г. Сколков, Г. И. Бутаков, В. И. Барятинский и А. П. Жандр).

...Брошенные на берег неприятельские суда были в самом бедственном состоянии, и потому было приказано прекратить огонь. Из показаний пленных выяснилось, что только панический страх воздержал их спустить флаги, т. е. сдаться. На фрегате «Незими-Зефер» флаг был немедленно спущен, без сопротивления, по требованию проезжавшего мимо парламентера, посланного для объявления городскому начальству, что эскадра пришла для истребления военных судов, но не желает вредить городу. Транспорты и купеческие суда затонули от попавших в них снарядов; фрегаты «Фазли-Аллах», «Низамие» и «Канди-Зефер», корвет «Неджи-Фешан» и пароход «Эрекли» — все были объяты пламенем; по-видимому, большая их часть была зажжена оставлявшими их командами. По мере того как огонь доходил до крюйт-камеры, суда взлетали на воздух. Взрыв фрегата «Фазли-Аллах» покрыл горящими обломками турецкую часть города. Это произвело сильный пожар, значительно увеличившийся от взрыва корвета «Неджи-Фешан». Пожар продолжался во все время пребывания нашей эскадры в Синопе. В городе некому было тушить его: все жители разбежались. По словам г. Базанкура, парламентер, не найдя никого, вручил встретившемуся ему австрийскому консулу прокламацию командира русской эскадры.

Насколько прав г. Базанкур в передаче этого факта — нам неизвестно: многие из участников боя ничего не знают о существовании прокламации. По словам очевидцев, достоверно лишь известие о посылке на берег мичмана Манто, умевшего объясниться по-гречески. По окончании сражения Манто послали парламентером с приказанием передать властям, что, если из города будет пущено хотя бы одно ядро, Синоп будет уничтожен бомбардированием. Навстречу разумному парламентеру попалось только несколько греков. Участники в бое нам передавали также, что приезжала греческая депутация просить адмирала — взять греков в Россию. Просьба мотивировалась тем соображением, что турки по уходе русской эскадры возвратятся из гор и перережут их, так как турецкий квартал сгорел, а греческий — уцелел от пожара. Адмирал счел себя вынужденным отклонить это ходатайство.

По свозе раненых и пленных фрегаты «Авни-Аллах» и «Незими-Зефер», а также корвет «Фензи-Меабуд», как оказавшиеся совершенно избитыми и негодными, были отбуксированы к берегу и сожжены.

Спасшиеся от нашего артиллерийского огня турецкие матросы бежали на берег, предоставив гибели своих офицеров и раненых товарищей. На утопавшем фрегате «Авни-Аллах» найден командир турецкой эскадры вице-адмирал Осман-паша... Когда фрегат, на котором он сражался, стал тонуть, команда (как паша сам признавался) вышла из повиновения, самовольно бежала на берег, а несчастного Османа ограбила, отняв у него деньги, часы и платье. С перебитою ногою, по пояс в воде и держась руками за пушечный брюк (канат, прикрепляющий орудие к борту) паша погиб бы, если не был бы снят с погрузившегося фрегата нашею шлюпкою... Несчастному было 60 лет, из них 42 провел он на море, и уже более 10 лет в адмиральском чине. В числе других пленных находились еще два офицера, также оставленные своими командами: тяжело раненный командир фрегата «Фазли-Аллах» и капитан одного из затонувших корветов.

По сведениям неприятеля, турок погибло в этот день до 4000 человек. Прибывшие несколько дней спустя в Синоп англо-французские пароходы нашли в городе и его окрестностях 200 тяжело раненных турок.

С нашей стороны убиты: корпуса штурманов прапорщик Высота, нижних чинов 37, ранены: командир корабля «Императрица Мария» кап. 2 ранга Барановский, мичманы Зубов, Костырев и Варницкий; корпуса штурманов штабс-капитан Родионов, прапорщик Плонский, морской артиллерии поручик Антипенко и 233 нижних чина.

Эта сравнительно незначительная потеря победителя есть характеристическая черта всех решительных морских побед.

В сражении при Синопе турецкие начальники вполне выказали свою непредусмотрительность. Они заняли самую невыгодную для себя позицию и через это лишились поддержки двух из шести батарей, обороняющих Синопскую бухту; они обрекли бездейственно и половину своих орудий;

береговые батареи только под конец боя стали стрелять столь грозными для деревянных судов калеными ядрами; пароходы оставались в бездействии, когда и они могли оказать флоту значительные услуги; наконец, в продолжение всего боя ни одним из судов их не было выказано не только геройской решимости, но даже и той отчаянной стойкости, которая побуждает человека, ввиду безвыходной опасности, предпочесть постыдному бегству славную и дорогостоящую неприятелю смерть. Таким образом объясняется беспримерное истребление турецкой эскадры. Положение Осман-паши, не говоря уже о представлявшейся ему возможности либо пробиться, либо тайно прокрасться из Синопа, было далеко не отчаянное. Для того чтобы воспользоваться выгодами своего положения и приготовиться к славному отпору, ему необходимо было положиться на духовные и нравственные силы своих команд, — насколько он был вправе оказать им такое доверие — это лучше всего доказывается позорным обращением с ним его подчиненных...

Разбирая критически действия русской эскадры, даже и самый строгий судья должен будет отозваться о них с безусловным одобрением. В самом деле: в них выказываются на каждом шагу, во всех чинах эскадры — от героев-адмиралов до последнего матроса — неизменное хладнокровие, неторопливое, вместе с тем быстрое, отчетливое исполнение своих обязанностей и совершенство малейших подробностей самых многосложных маневров, которыми характеризуется идеальный тип моряка. Вице-адмирал Нахимов положился на второго флагмана своего достойного товарища контр-адмирала Новосильского, на командиров судов и предоставил им в бою полную свободу действия — мера, оказавшаяся тем более полезною, что во время боя сам адмирал, как это часто бывает, вдруг оказался лишенным возможности подавать сигналы. И все подчиненные вполне оправдали его доверие: не стесняясь никакими предварительными инструкциями, каждый из них избирал тот образ действия, который, по обстоятельствам, казался более полезным, и никто из них ни разу не ошибся в этом выборе, потому что все очевидно руководились аксиомою, что неотъемлемым условием успеха всякого морского боя служат: взаимная помощь и постоянное, внимательное наблюдение за действиями сражающихся товарищей. Соображение всех действий с этою аксиомою и составляет самую характерную черту русской эскадры во время Синопского боя...

Здесь будет уместно привести, со слов очевидца, рассказ о покойном Родионове (старший штурманский офицер на «Париже»), как один из многочисленных эпизодов, характеризующих поведение наших офицеров во время сражения. Мичман (ныне флигель-адъютант, капитан 1 ранга) Н. Г. Ребиндер, командуя верхнею батареею на «Париже», получил с юта приказание адмирала — сосредоточить орудия на бывшую под мечетью береговую неприятельскую батарею, сильно бившую корабль в корму. В это время трапы на ют были сняты. Не имея возможности видеть со шкапец направления батарей за дымом от орудий нижних деков, Ребиндер просил Родионова, стоявшего на левой стороне юта, указать направление. В эту минуту неприятельское ядро попало в катер, висевший на боканцах, осыпало щепками Родионова. Обтирая одною рукою лицо от крови и щепок, Родионов протянул другую руку по линии к батарее, чтобы означить направление, — но в тот же момент ядро оторвало руку и бросило ее... Родионов зашатался и упал. После сражения Ребиндер, считая себя невольным виновником несчастия с героем-товарищем, поспешил навестить раненого и нашел его по обыкновению веселым и любезным, невзирая на только что перенесенные две мучительные операции. Родионов все еще чувствовал оторванную руку: ему казалось, что он шевелит пальцами...

В числе несчастных жертв разрыва орудия на «Ростиславе» находился матрос Антон Майстренко, коему при разрыве были выжжены оба глаза. Во время продолжительного пребывания его в Севастопольском госпитале единственным его утешением были воспоминания подробностей той блестящей победы, за которую он поплатился своим зрением. Воодушевленный рассказ его живописно рисует картины Синопского пожара. «А Нахимов! Вот смелый, — с восторгом восклицал Майстренко, — ходит себе по юту, да как свистнет ядро, только рукой, значит, поворотит: туда тебе и дорога... И ходит он по верху и приказание такое дал: покуда не будет повеления, чтобы паруса не убирали, а на гитовы, значит, подняли. Такая у него думка была, как пошлет на марс — там человек восемьдесят на одну мачту идет, от того три реи и букшварок, на которых паруса убирать нужно, — да по вантам, так тут-то только и бить наров. Того, видно, и турок смотрел, оттого все картечью паруса дырявил; одначе плохо. Мы как шпрюйты (шпринги) завезли с кормы, а там кабельтов с носу и оттвартовались так, чтобы корабль никакого движения не имел, а стоял как бы батарея, а тут еще бог дал как баркасы, то

ширпйты завезили, так ни одного не положили бы наших. А он сыплет... Боже мой!.. Сыплет, да и шабаш. Ну, одначе, смотрим — и у нас красный флаг на бом-брам-стеньге, значит, открыть огонь Черноморскому флоту. Тут уж как зачали жарить наши, такой калечи понаделали, что и не дай господи! Два фрегата наши, «Кагул» и «Кулевчи», все на часах ходили от косы до косы; а мы действовали: какому кораблю ихнему мачты посбивали, какой на бок положили, а другой и совсем взорвали — и шабаш. Выходит так, что один на одно спотыкается; часом запалишь фрегат или бриг, а тут еще ядрами начнем насаживать: смотрим — упадет на другой и тот запалит. Такой пожар сделался: беда! Огонь, дым, — чисто всю бухту как жаром хватило, а ветер все в город подносит, все в город подносит, и звук такой пошел, что некоторых матросов у пушки позаглушил...»

С истреблением неприятеля еще не была кончена задача русской эскадры. Нахимов основательно предвидел, что известие о Синопском погроме вызовет со стороны союзников Порты какое-нибудь решительное действие: наступление их флотов в Черное море, а может быть, и объявление войны. На этот случай необходимо было озаботиться немедленным возвращением эскадры в Севастополь, чтобы сосредоточить все средства для ведения оборонительной войны против двух могущественных морских держав. В Черном море в то время продолжал неистово свирепствовать порывистый восточный ветер; под могучим дуновением его ходил огромный, разрушительный вал, а состояние эскадры было такое, что, без значительных исправлений, многие суда не могли выдерживать волнения, а другие были лишены такелажа. На корабле «Императрица Мария», например, было 60 пробоин, из коих многие в подводной части; на корабле «Три святителя» было 48 пробоин и повреждены все мачты; на корабле «Ростислав» было убито и ранено 104 человека...

Исполнить вовремя последнюю задачу — привести победоносную русскую эскадру в Севастополь до прибытия в Синоп союзного флота — едва ли было не труднее, чем истребить турецкую эскадру; возможно же было это исполнение только при самой напряженной деятельности всех чинов. Еще не умолкли последние выстрелы страшной кровавой драмы, как — при необъятном зареве пожара в городе и на затопающих неприятельских судах, при потрясающих, оглушительных взрывах — все без исключения чины русской эскадры принялись за исправление повреждений.

Несмотря на физическую и духовную усталость, работы неустанно продолжались всю ночь. Утром 19 ноября на короткое время приостановлена эта лихорадочная деятельность: отслужили благодарственный молебен, заупокойную обедню, похоронили убитых — и немедленно затем снова принялись за работу.

Ровно 36 часов по окончании боя, утром 20 ноября, эскадра... уже была готова опять пуститься в бурное море. Корабли начали сниматься с якоря: более всех пострадавший корабль «Императрица Мария» предоставлено было буксировать пароходу «Крым» под флагом контр-адмирала Панфилова, при конвое фрегатов «Кулевчи» и «Кагул», прямо в Севастополь. «Великий князь Константин», на который Нахимов перенес свой флаг после сражения, вышел на буксире парохода «Одесса». Корабль «Три святителя», в не менее бедственном виде, шел на буксире парохода «Херсонес», а «Ростислав» — парохода «Громоносец», только 19 ноября прибывшего из Севастополя. Корабли «Париж» и «Чесма», менее поврежденные, следовали без помощи пароходов. За Синопским мысом эскадра встретила сильную зыбь, так что пароходы принуждены были отказаться от буксира. Ночью ветер усилился, и суда отправились под парусами к Севастополю.

22-го утром ветер стих; пароходам велено было опять взять корабли на буксир. После полудня три корабля благополучно вошли в Севастополь, а к ночи прибыли и остальные...

ИЗ ЗАПИСОК ОФИЦЕРА, СЛУЖИВШЕГО НА ФРЕГАТЕ «АВРОРА» [1]

Возвратясь из практического плавания в Средиземном море на корабле «Ретвизан», я просматривал ряд статей... за прошлый, 1858 год... Но ничто так не привлекло моего любопытства, не удивило и не порадовало меня, как статья под заглавием «Петропавловская экспедиция» — сочинение Эдуарда Гайли. Прочтя со вниманием статью эту, я был

[1] Автор этих воспоминаний (во время описываемых событий мичман, а к моменту опубликования — лейтенант) Н. Фесун освещает один из немногих успешных для русского флота и русской армии эпизодов Крымской войны — Петропавловский бой. Победу в этом бою историки впоследствии справедливо сравнивали с победами в других знаменательных морских битвах, например в Гангутской.

поражен совершенною откровенностью ее изложения и ясно увидел, что читатели... за границей знают гораздо более о действиях союзных эскадр у берегов Сибири и Амура, чем знают о них у нас в России, где, кроме официальных донесений и писем, набросанных на скорую руку, до сих пор нет никаких источников. Взвесив все эти обстоятельства и располагая журналом, веденным под непосредственным влиянием происшествий, я решился, разобрав с возможною подробностию и беспристрастием статью господина Гайли[1], не ограничиться одним этим разбором, а еще попытаться рассказать, как сумею, тот длинный ряд счастливых событий, который привлек к отдаленным и прежде столь мало известным берегам Восточного океана внимание всего образованного мира. Начну с разбора статьи господина Гайли, и именно прямо с того, что уход «Авроры» из Калао, с которого автор приступает к рассказу, описан им не только чрезвычайно интересно, но еще с самой толковой и беспристрастной оценкой положения фрегата. «Аврора», как говорит он и как действительно было, оставила берега Перу 14 апреля 1854 года, т. е. по прошествии уже более месяца времени со дня объявления войны в Европе; английский пароход «Вираго», нарочно отряженный в Панаму, с нетерпением ждал там официальных депеш о разрыве; получив их, он пришел в Калао 25 апреля (7 мая), т. е. 11 дней спустя после нашей съемки с якоря, а следовательно, становится очевидно, что успели уйти мы только что вовремя; опоздай фрегат несколько дней, и нет сомнения, что по получении депеш союзные адмиралы[2] постарались бы удержать его, несмотря на нейтралитет Перуанского порта...

Положение «Авроры» в порту Калао было самое критическое, и, конечно, если бы капитан предполагал застать там всю эскадру союзников на Тихом океане, он никогда не зашел бы туда. Обычное пребывание английских и французских крейсеров в этих водах есть Вальпарайзо; минуя его, мы, против обыкновения судов, огибающих мыс Горн, рассчитывали в Калао освежить команду, спокойно запастись провизией и потом уже идти далее; вышло напротив. Привлеченные беспорядочностью перуанского правительства и близостью к Панаме для получения новостей, неприятельские эскадры очутились с нами борт о борт у берегов

[1] Разбор статьи, за исключением отдельных мест, опускается.

[2] Английский и французский контр-адмиралы Давид Прайс и Феврие-Депуант.

Перу. Пришлось торопиться, запасаться провизией на скорую руку и, не имея возможности дать команде оправиться, после самых трудных и продолжительных переходов*, идти немедленно далее, к месту, отстоявшему от нашей последней якорной стоянки на расстоянии не менее 9 тысяч морских миль! Этого было уж слишком много для самой здоровой команды; и последствия, как и должно было ждать, не замедлили обнаружиться перед нашим приходом на Камчатку. Вряд ли какому-нибудь другому судну удастся когда-нибудь быть в том положении, в котором была «Аврора» на Калаоском рейде: рядом — сильные неприятельские эскадры, неизвестность настоящего и самая тяжелая будущность! При всем этом визитам и учтивостям конца не было, в особенности со стороны французов. Мы должны были отплачивать тою же монетой и при посещении их судов не могли не заметить совершенно боевого и исправного вида обеих эскадр; учения артиллерийские, своз десантов, примерные высадки производились каждый день, по нескольку раз; было очевидно, что все это подготовляется на наши головы, а между тем все встречи на берегу были до крайности любезны и даже радушны. Лима, столица Перу, от Калао отстоит всего на 10 верст и соединена с ним железной дорогой; французы и англичане, бывшие уже прежде несколько раз, хорошо знали этот город и охотно сообщали нам о нем все подробности, в отлучках мы с ними были постоянно вместе, на гуляньях тоже, и, право, смотря на толпу молодежи в мундирах наших, французских и английских, смотря на эти оживленные, улыбающиеся и уж вовсе не враждебные лица, трудно было верить, что тут есть враги, что вскоре кровь прольется между ними и что многим из них предстоит никогда не добраться до своего родного крова!..

Удивление, возбужденное уходом «Авроры», очень естественно, так как союзники не сомневались, что фрегат останется в Калао еще, по крайней мере, около двух недель; узнав от американского консула в Лиме о неизбежности разрыва, капитан наш решился ускорить прием провизии и по окончании его, не теряя ни минуты, сняться с якоря; на берегу между тем всем, кто нас спрашивал, мы отвечали, что остаемся еще в Перу не одну неделю, что станем поджидать здесь депешей и что, наконец, имеем такие

* Из Портсмута в Бразилию (Рио-Жанейро) и оттуда, после весьма непродолжительной якорной стоянки, — вокруг Горна в Калао, никуда не заходя и во время равноденствия, т. е. в самое трудное, бурное время года.

повреждения, без фундаментального исправления которых нет возможности выйти в море. Куда идем, нас, конечно, не спрашивали. Надеясь на продолжительную стоянку фрегата в Калао, союзники не сомневались, что еще до нашего ухода «Вираго» успеет привезти положительные известия. И вдруг 26-го по новому стилю... фрегат начал сниматься с якоря и через несколько часов вместе с исчезнувшим туманом исчез и фрегат!..

Полагаю не лишним сказать теперь несколько слов о том, что было у нас на «Авроре»... После двух огромных переходов из Портсмута в Рио-Жанейро и оттуда в Калао все мы рассчитывали, что хотя немного поотдохнем в последнем порту и дадим в нем время нашей команде оправиться и запастись новыми силами для предстоящего плавания на севере; к несчастью, вышло совершенно иначе; об отдыхе не было и помину; вместо того приходилось торопиться, забирать что понужнее из провизии и потом, не щадя рангоута, гнать восвояси; правда, не много хорошего обещали и своя-си эти, в их тогдашнем положении, но вопрос, главное, заключался не в том, а как бы скорее вырваться из западни, которою мог сделаться для нас Калаоский порт, приди официальное известие о войне прежде ухода фрегата... Успели отделаться благополучно, и сначала все шло как нельзя лучше. Потеряв из виду берег, мы получили скоро юго-восточный пассат, с которым, идя средним числом не менее 180 миль в сутки, фрегат в 16 дней добежал до экватора; тут пассат начал слабеть, и вскоре... в ночь с 4 на 5 мая мы его потеряли окончательно; потом после 4 дней штилей и переменных ветров явился пассат северо-восточный; явился и дал себя знать! Дул он чрезвычайно свежо, два рифа у марселей почти постоянно, а иногда приходилось брать и третий и даже четвертый, погода сквернейшая и очень холодная, небо всегда облачное, беспрерывные дожди, а в промежутках мокрый, пронизывающий до костей туман — в утешение; тяжело приходилось, но в это время, по крайней мере, мы быстро подвигались вперед и не сомневались в скором достижении цели... 23 мая... начались противные западные ветры, дувшие с силою, часто доходившею до степени шторма... дожди не переставали, и положение экипажа сделалось чрезвычайно тягостным; при огромном океанском волнении фрегат часто черпал бортами, вода попадала в батарейную палубу, пазами проходила в жилую, так что команде не оставалось места, где бы укрыться от сырости; в палубах порта по свежести ветра были постоянно закрыты, и духота становилась невыносимою. В продолжение нескольких недель не проходило дня без дождя, и хотя команда в заграничном плавании и успела обзавестись бельем, но продолжительный переход и постоянные сырые погоды истощили весь запас его; просушить было негде... Явилась болезнь, давно подготавливаемая стечением обстоятельств; люди заболевали десятками, а тут, как назло, доктор, уже более месяца страдавший ревматизмами, до того был доведен ими, что не мог пошевелиться в постели, вследствие чего положение экипажа сделалось, если можно, еще хуже. Ветер не изменялся ни в силе, ни в направлении, погода не выяснивалась; провизия, взятая в Калао в изобилии *, начала истощаться продолжительным пребыванием в в море; запас воды оставался самый ограниченный; а так как, по мере увеличения числа заболевших людей, уменьшилось число выходивших на вахту, то и очевидно, что для оставшихся здоровых служба сначала удвоилась, а потом, возрастая в пропорции увеличивания больных, наконец дошла до того, что немедленный приход в порт становился уж более нежели необходимостью...

Направив курс к Петропавловску, «Аврора» достигла его не так скоро, как заставляло желать состояние здоровья экипажа. Сильные западные ветры, густая мрачность по горизонту, частые и жесточайшие порывы с дождем усердно сопутствовали и провожали фрегат почти вплоть до берегов Камчатки; 18 июня увидели мы наконец эти берега, столь нетерпеливо ожидаемые, а 19-го бросили якорь в обширной Авачинской губе, проведя таким образом в море, без захода в порт, 66 дней и переплыв в это время расстояние в 9 тысяч морских миль.

С приходом фрегата в Петропавловск в городке этом все закипело новою жизнью, а больные наши, очутившись в теплом и сухом месте, пользуясь всем, что было лучшего в средствах края, начали поправляться столь быстро, что не прошло и трех недель, как уже работы по увеличению и улучшению укреплений порта были в полном разгаре, и немного спустя с помощью 300 человек линейных солдат, прибывших на транспорте «Двина», петропавловская оборона была доведена до такого состояния, что приход англо-французской эскадры застал нас далеко не врасплох...

...Говоря откровенно, никто и никогда из служивших на «Авроре» не ждал, чтобы дрянной камчатский городок мог

---

* На фрегат взяты были даже живые быки, возможное число зелени, множество лимонов, и вообще, можно смело сказать, не было ничего забыто или упущено из виду.

быть атакован столь значительными силами... Оборона Петропавловска вовсе не была так богата средствами, как писали о ней французы и англичане, в особенности приняв во внимание чувствительный недостаток в порохе и те жалкие 37 картузов на орудие, которыми впоследствии пришлось так дорожить и так экономничать.

Описание сражения 20 августа у господина Гайли исполнено живого интереса, и несмотря на то что, имея главною целью оправдать союзников в неуспехе, он иногда не совсем беспристрастен в подробностях,—весь ход дела вообще излагается им не только последовательно, но и вполне толково... Действия «Вираго», о которых он отзывается с таким восхищением, действительно были замечательно хороши, и грешно бы было им не отдать должной справедливости. Пароход, единственный при эскадре во все время пребывания последней в Петропавловске, нес адскую службу и с утра и до ночи почти не прекращал паров; все его маневры были удивительны, в особенности ловкость и скорость, высказанные утром 20 августа, в то время, когда он брал на буксир два фрегата с боков и один сзади и потом вел их на боевую позицию, все это так очевидно превосходило виденное прежде нами в том же роде, что, несмотря на ожидание решительного сражения, мы невольно любовались и восхищались пароходом. Что же лично до меня касается, то картина, представляемая «Вираго», почти подавленного буксируемыми им судами, еще и до сих пор совершенно живо сохранилась в моей памяти. День был прекрасный, солнечный; снеговые вершины огромных огнедышащих гор, окружающих Авачинскую губу, терялись в яркой синеве неба, легкий ветерок едва раздувал крепостной флаг на Сигнальной батарее; весь гарнизон по своим местам, орудия наводятся, все взоры, с лихорадочным нетерпением, устремлены на огромную темную массу, медленно движущуюся вперед по направлению к укреплениям. Широкая полоса черного дыма, оставаясь далеко позади, показывает, что пароход идет полным ходом; противное течение, легкий береговой ветерок и — главное — непомерная тяжесть буксира парализуют все его усилия и дают нам время осмотреться. Но вот наконец фрегаты на позиции и «Форте» открывает огонь!.. Фрегаты расположились таким образом, что огонь их сперва сосредоточивался на 5 орудиях Сигнальной батареи и 3 орудиях батареи Красного Яра; понятно, что, будучи совершенно открытыми, батареи, при всей стойкости их команд, не могли долго держаться, так как прислуга у орудий, в особенности на Сиг-

нальном мысе, была, в буквальном смысле слова, засыпана не только неприятельскими снарядами, но еще щебнем и осколками с горы... Каждое ядро с фрегатов, несмотря на расстояние не менее 8 кабельтовых, шло в дело, и если нельзя сказать того же о действиях бомбами, то единственную причину неудачного разрыва последних нужно, как кажется, отнести к давнишнему и устарелому способу приготовления их трубок... Нисколько не обвиняя союзников в весьма понятной осторожности, я стараюсь только выставить в настоящем свете всю невыгоду тогдашнего положения Петропавловского гарнизона; неприятельские суда были на позиции против батарей; отделить с последних прислугу, чтобы при ее помощи отразить десант, — невозможно; приходилось ограничиться 1 и 2 портовыми стрелковыми партиями, имевшимися под рукой, и отрядом в 30 человек, присланным с «Авроры»; идти в обход было бы слишком далеко, и подкрепление, в последнем случае, наверное, не поспело бы вовремя; оставалось идти прямо по берегу, как и было сделано, а следовательно, отрядам нашим пришлось во все время находиться под страшным огнем 60 орудий неприятельских фрегатов. Затруднения и неудобства очевидные...

Около полудня неприятель дал отдых своим командам и канонада затихла по всей линии...

...Все выгоды начала сражения 20 августа клонились на сторону англо-французов. Две наши батареи были вынуждены замолчать, мы имели раненых и убитых, и для сопротивления прямому входу в Петропавловскую губу или атакам с фронта оставалось всего 20 орудий «Авроры», 6 транспорта «Двина» и 11 батареи № 2, или, как ее звали, Кошечной. Фрегаты же в утреннем сражении по вооружению и по корпусу потерпели немного, потери людьми у них были незначительные, и, конечно, если бы после полдня 20-го числа, вместо бомбардировки с дальнего расстояния, они пошли бы прямо на пролом, исход боя для нас был бы далеко не столь благоприятен и весьма вероятно, что в последнем случае союзникам не пришлось бы терять более 400 человек раненых и убитых в кровавой резне 24 августа. К счастью петропавловских защитников, обстоятельства сложились иначе, и не только после полдня 20-го, но даже и в 4 часа вечера этого дня, в то время, когда прекрасно направленный огонь фрегатов «Форте», «Пику» и «Президенту» оставил на Кошечной батарее всего три орудия годных для продолжения боя, в то время, следовательно, когда до заката солнца оставалось еще три часа и «Аврора» с

«Двиной» представляли для входа в губу единственное препятствие, неприятель не только не пользуется критическим моментом, но еще, к величайшему удивлению нашему, снимается с боевой позиции и под кливерами отходит в глубину залива, вне выстрела батарей, приведенных в невозможность беспокоить его...

Как только неприятельские суда отошли от укреплений, в Петропавловске немедленно принялись за исправление их. В одну ночь все орудия на Кошке приведены в порядок, заряды и прислуга по возможности пополнены, к утру батарея могла уже снова открыть огонь. На Красном Яре из трех орудий два были исправлены и готовы к делу, на Сигнальном из 5 — два бомбических 2-пудовых и одно 36-фунтовое длинное; одним словом, в ночь на 20-е успели сделать столько, что, если бы утром 21-го числа неприятель пожелал возобновить сражение, он встретил бы всего тремя орудиями менее вчерашнего и с тою для себя невыгодою, что команды на укреплениях, побывавшие в огне, сражались бы еще с большею противу прежнего стойкостью и самоотвержением. Велико было общее удивление в Петропавловске, когда не только 21-е число прошло спокойно, но и еще 22-е и 23-е. Неприятель не предпринимал ничего решительного и как будто бы отдыхал на лаврах. В это время гарнизон успел совершенно оправиться, собраться с силами, исправить окончательно все повреждения, одним словом, сделать все возможное для изготовления порта к решительному отпору 24 августа...

Первая мысль о высадке, как оказывается из разбираемого мною рассказа, пришла в голову капитану Никольсону. Возможность успеха капитан основывал на указаниях двух американцев, пойманных в Тарьинской губе... До этого решения на союзной эскадре... было уже почти решено отправиться в Сан-Франциско. Американцы дали такие подробные сведения о местности и представили нападение на город с севера столь легким и удобным, что командующий английской эскадрой немедленно предложил адмиралу Депуанту предпринять это нападение при помощи сильного десанта...

Сделавши важную ошибку и раз решившись на десант, союзники, относительно последнего, распорядились так хорошо, как нельзя было лучше... При десанте ничего не забыто; все до мелочей взято было на шлюпки: гвозди для заклепки орудий, различные инструменты для разрушения батарей, завтрак на весь десантный отряд, и сверх того отдельный запас провизии, предназначенный, вероятно, для

временно остающихся гарнизонов в городе; потом, кроме патронов в суме у каждого матроса и солдата — ящики с патронами запасными, несколько тюфяков, одеял; были взяты превосходно снабженные походные аптеки и, наконец, кандалы для заковывания некоторых пленных. На одном из убитых французских офицеров, после дела, найдена была подробная инструкция, на которой впису и другой рукой было приписано: «Не забудьте захватить несколько пар кандалов и помните, что эта вещь часто совершенно необходима!» Потом там же приписано несколько дополнительных сигналов, из которых у меня в памяти остался в особенности один, предназначенный для уведомления эскадры о неудаче; сигнал заключался в следующем: «Один из людей становится на видном месте и поднимает обе руки к небу!» Мысль довольно оригинальная, но, конечно, далеко не практическая; что же касается до кандалов, то, вероятно, союзные начальники считали, что между гарнизоном есть несколько камчадалов, по их мнению, совершенных дикарей, способных на крайности. Как бы то ни было, план высадки составлен с большим искусством; и раз отважившись очертя голову сунуться на берег, нет сомнения, лучшее, что оставалось сделать, — это попытаться завладеть Никольской горой. Была минута, что неприятелю оставалось очень не многое для исполнения его смелого намерения. Здесь помещу несколько слов о том, как это случилось и каким образом разыгрался последний акт драмы: лишь только пароход с десантом направился к батарее № 5, губернатор [1] немедленно послал за 1-м портовым стрелковым отрядом, расположенным у Красного Яра, вследствие движения туда фрегата *... Сверх того, потребовано им подкрепление с «Авроры» и 2-й портовый стрелковый отряд, в числе 60 человек, направлен на вершину Никольской горы, для занятия подъемов на нее с озера. Не думая, что-

---

[1] Генерал-майор Василий Степанович Завойко, в недавнем прошлом капитан 2 ранга, в будущем — адмирал. В 1824 году, пятнадцатилетним мичманом, участвовал в Наваринском сражении. Затем под командованием П. С. Нахимова служил на корвете «Наварин». Участник двух кругосветных плаваний и автор книги «Впечатления моряка». Во время описываемых событий руководил обороной Петропавловска.

* 1-й портовый стрелковый отряд в день сражения, 24 августа, состоял из 60 человек; портовым я называю его для отличия от стрелковых партий с «Авроры», которых для береговых действий было образовано четыре, каждая в 30 человек, под командой офицера.

бы неприятель, совершенно незнакомый с местностью, решился бы устремиться прямо на гору, и рассчитывая, что батарея № 6, защищавшая вход в город с севера и к которой вела хорошая дорога, будет первым предметом нападения, губернатор сосредоточил все свои силы у порохового погреба, откуда кроме близости вышеупомянутой батареи еще было удобнее, чем с другого пункта, броситься к наиболее угрожаемому месту.

Исполнив первую часть своего плана, т. е. после самого упорного и блистательного сопротивления заставив замолчать батареи № 3 и № 5, неприятель высадился у последней из них, заклепал ее орудия, повредил станки и, разделившись на три отряда, повел атаку так, как было им решено заранее, т. е. две части стали подниматься в гору, а третья направилась на батарею № 6.

Встреченная картечным огнем батареи и одного небольшого полевого орудия, эта часть десанта смешалась и, видя, что пушками завладеть нелегко, сочла за лучшее последовать примеру двух первых частей и тоже повернуть на гору. Командир 2-й портовой стрелковой партии имел приказание стянуть свой отряд туда, где увидит неприятеля в большем числе; вследствие чего, заметив, что главные силы союзников, тотчас после высадки, устремились по дороге к батарее № 6, он спускается с горы по тому же направлению и завязывает с ними беглую перестрелку.

Вся Никольская вершина остается таким образом никем не занятою. Неприятель пользуется этим и без сопротивления взбегает на нее. Момент был действительно критический! Красные мундиры английских морских солдат появляются над перешеечной батареей, и штуцерные пули уже сыплются на «Аврору» градом. Потеряй мы секунду времени, успей союзники опомниться, собраться с силами — и все было бы кончено; но мы не потеряли этой секунды! Три партии с «Авроры» и партия из остатков прислуги Максутовской батареи, одна за другой, бросаются бегом на неприятелей со стороны перешейка; губернатор, еще ранее этого, посылает туда же, со стороны погреба, 1-й и 3-й портовые стрелковые отряды, 2-ю стрелковую партию с фрегата, волонтеров (18 человек) и 22 человека с батареи № 2. Таким образом, для отражения неприятельского десанта в 700 человек и полученного им впоследствии подкрепления на Никольской горе, на основании самых точных и положительных данных, собирается, всего на все, не более 300 человек. Сверх того, надо еще прибавить, что не все отряды могли вступить в дело вдруг и что, в чем нет сомнения,

мы не только не защищали гору и ее всходы... а напротив того, вынуждены были брать ее штурмом. Тут естественно и сам собою является вопрос: каким же образом 300 человек могли сбить с крепкой позиции 700 человек? Ответ не трудный, а именно: хотя наши небольшие отряды действовали отдельно и почти независимо один от другого, но у всех была одна общая и хорошо известная цель: во что бы ни стало сбить с горы неприятеля; числа его тогда хорошенько не знали, и каждый последний матрос вполне понимал одно, что французам с англичанами оставаться там, где они были, — не приходится! Никольская гора покрыта густым кустарником, партии исходили на нее с разных сторон, врассыпную, и после непродолжительной перестрелки рукопашная схватка закипела по всей линии. Видя наших повсюду, не зная, что в городе нет никакого резерва, и, по стремительности нападения, считая, что имеют дело с неприятелем превосходным в числе, союзники смешались, смешались тем более, что общего командования у них не было и, раз заняв гору, они не знали, куда им идти и что делать...

Представьте себе прекрасный летний день, яркое небо и спокойное море. Огромная Никольская гора покрыта народом, сквозь зелень кустов мелькают красные мундиры англичан, синие и красные рубахи матросов французских и наших; частая дробь ружейного огня слышится со всех сторон, и повсюду, изредка, раздаются пушечные выстрелы; шум, беготня и смятение удивительные, барабаны бьют наступление, рожки на разные голоса им вторят, крики «ура» смеяются проклятием... с примесью различных ругательств! Нет тут порядку, наступлений и отступлений; нет ни колонн, ни взводов; для этого не было ни места, ни времени, ни возможности...

...Одушевленные успехом, отряды наши мало берегли себя, и когда, засев на утесах, они провожали жесточайшим ружейным огнем... союзников... нам сильно досталось от залпов картечью с ядрами с брига «Облигадо». Бриг и «Вираго» были лучшими, по управлению, судами в эскадре, и действия последнего, 24-го, и первого — 20 августа — достойны удивления и подражания. Имея всего третью часть команды (две партии были в десанте), «Облигадо», пользуясь легким ветерком, маневрировал восхитительно; оговь его уменьшил намного потерю союзников при отступлении, и в действительности искусства его командоров представляет лучшее доказательство грот-мачта «Авроры». Мачта эта пробита ядром навылет при весьма неблагопри-

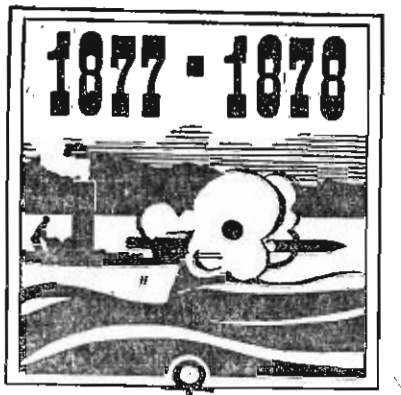
ятных обстоятельствах, а именно, при стрельбе бриг а через перешеек...

В половине двенадцатого перестрелка замолкла, неприятельские суда отошли к Тарьинской губе, в городе ударили отбой, и мы все, спустясь с горы, собрались у порохового погреба. Составилось огромное каре, в средину его вошел священник, и началось благодарственное молебствие, потом посыпались рассказы и расспросы. Все радовались победе, приветствовали друг друга, везде говорили об отдельных подвигах; порой слышался даже и смех, но выражение большей части лиц было грустное.

В нашей небольшой семье мы не досчитывались многих!..

Лейтепант Фесун.

Кронштадт. 6 декабря 1859 года.



Минная война

В. Чубинский [1]

МИННАЯ ВОЙНА

От автора

Всем нам памятны славные подвиги моряков в последнюю турецкую войну; памятны и имена моряков, прославивших свое имя на Дунае и на Черном море. Но доходившие до нас в то время из действующей армии и с жадностью читавшиеся известия о действиях моряков все же были только отрывочные сведения, касавшиеся одних особенно выдающихся событий; о всей же совокупности действий моряков они не дают понятия; еще менее можно составить по ним определенное понятие о размерах того участия, какое принимало в войне морское ведомство.

Время писать историю пропилой войны и участия в ней моряков, может быть, еще не наступило; но, без сомнения,

[1] Судя по предисловию, автор «летописи», как он сам называет свое описание событий, имел доступ к самой свежей информации о боевых действиях, по «горячим следам» записывал впечатления очевидцев и участников войны. Других сведений о нем нет. Здесь даются выдержки из его книги, вышедшей в С.-Петербурге в 1889 г., — «Об участии моряков в войне с Турцией. 1877—1878 гг.».

было бы и своевременно и желательно теперь же подготовлять материалы для будущей истории при содействии непосредственных участников в войне.

В таком именно виде, в виде летописи или рассказа, предположили мы собрать и изложить все те факты, в которых выражалось участие моряков в военных действиях последней турецкой войны. При этом имелось в виду занести на страницы этого рассказа даже и такие факты, из которых оные, по всей вероятности, не найдут места в будущей истории флота, но которые желательно было бы сохранить в памяти моряков, да и будущему историку не бесполезно было бы иметь в виду.

За всем тем относительно некоторых предметов, особенно же относительно деятельности моряков на Дунае, в указанных источниках оказывалась некоторая неполнота и неясность. Для устранения по возможности этих недостатков настоящий рассказ сообщен был для прочтения некоторым морским офицерам, участвовавшим в войне и более других знакомым с ходом дел на театре войны, и благодаря их указаниям дополнены и исправлены...

На Черном море

В Черноморском флоте, при наступлении войны, кроме двух поповок [1], не было почти вовсе боевых судов. Такое состояние Черноморского флота вынуждало нас по необходимости ограничиться на Черном море преимущественно береговою защитою и только отчасти активною обороною в открытом море.

По распоряжению генерал-адъютанта Аркаса первым вышел из Севастополя в открытое море пароход «Великий князь Константин» (160 сил) под командою лейтенанта Макарова [2]; команда его состояла из 4 офицеров (лейтенанты Давыдов, Зацаренный 2-й, Писаревский и мичман Подъяпольский) и 66 человек нижних чинов, не считая 4 минеров, 4 машинистов и 4 кочегаров для имевшихся на пароходе 4 паровых катеров. Машинная же команда оставалась та же, какая была на пароходе во время службы в Русском об-

[1] Артиллерийский корабль береговой обороны, имевший круглый корпус. Было построено только 2 таких корабля (в 1873—1875 гг.), поскольку из-за низких мореходных качеств они не получили распространения. Названы так по фамилии их конструктора вице-адмирала А. А. Попова.

[2] С. О. Макаров — будущий известный ученый, мореплаватель, адмирал.

ществе пароходства и торговли; вооружение составляли: 2 орудия 4-фунтовые, 2—9-фунтовые, 2—3-фунтовые и одна 6-дюймовая мортира. 18 апреля пароход направился к Кавказскому берегу на поиски неприятельских военных судов. Причем ему дозволено истреблять на воде и всякие коммерческие неприятельские суда, снимая только команды и сохраняя корабельные бумаги. Но этот первый поиск остался без результатов.

28 апреля пароход «Великий князь Константин» вновь отправился из Севастополя с той же целью к Батуму. Чтобы судить о всей рискованности этого предприятия и тех опасениях, какие возбуждало оно в Севастополе, позволяем себе привести здесь выписку из корреспонденции из Севастополя, появившейся в газетах вслед за окончанием предприятия, как весьма хорошо характеризующей тогдашнее настроение севастопольского общества.

Когда в городе разнесся слух, что пароходу «В. К. Константин», по усиленному и настойчивому ходатайству лейтенанта Макарова, разрешено пуститься в море, то многие находили план, задуманный лейтенантом Макаровым и его ближайшими товарищами, совершенно безумным, невозможною химерою и предрекли пароходу неминуемую гибель. И действительно, план казался неосуществимым. От Севастополя до Батума, куда направился «В. К. Константин», двое суток хода. Прежде чем добраться до цели своего путешествия, он на каждом шагу рисковал верною гибелью. На другой день после его выхода в море в Севастополе было получено известие, что навстречу ему и по одному с ним румбу двигаются шесть турецких броненосцев. Это обстоятельство, хотя и совершенно случайное (в Батуме о выходе «В. К. Константина» в море ничего не было известно), удесятерило шансы грозившей ему опасности. Пускаясь в путь, он рассчитывал на удачный переход лишь при следующих благоприятных условиях: во-первых, он должен был во что бы то ни стало избежать встречи с неприятельскою эскадрою днем. При подобной встрече ему оставалась одна надежда рассчитывать, что благодаря густому дыму, который дает английский уголь, употребляемый в турецком флоте, ему удастся открыть приближение неприятельской эскадры раньше, чем он сам будет замечен. Во-вторых, при встрече ночью, и это был случай самый благоприятный, он мог наверно рассчитывать остаться незамеченным. Турецкие броненосцы, двигаясь эскадрою, во избежание столкновения, принуждены нести огни, между тем как «В. К. Константин»... мог огней вовсе не зажигать.

...Турецкая эскадра, пройдя Поти, изменила румб и направилась к Сухуму, очистив таким образом путь «В. К. Константину», который утром, 30 апреля, добрался благополучно до Поти, где и продержался в виду берега до наступления сумерек. В 7 часов вечера он оставил потийский берег и двинулся по направлению к Батуму, куда прибыл в 10 часов. Здесь «В. К. Константин», держась под парами, остановился в семи милях от Батумского рейда и, решившись атаковать находившиеся на рейде турецкие суда и взорвать их минами, спустил все свои 4 миноносные катера. Сам командир сел на катер «Минер»; на катере «Чесма» был лейтенант Зацаренный; на катере «Синоп» лейтенант Писаревский; на катере «Наварин» мичман Подъяпольский. Катера встретили на рейде неприятельский брандвахтенный пароходофрегат, шедший малым ходом по направлению к тому месту, где стоял пароход «В. К. Константин», и решились атаковать его. Катер «Чесма», как самый быстрый из катеров, по приказанию лейтенанта Макарова, смело бросился в атаку и, незамеченный неприятелем, удачно подвел мину под корму пароходофрегата, но мина по неизвестной причине не взорвалась [1], а между тем на пароходе успели заметить катер, подняли тревогу и открыли по нему ружейный, с береговой батареи картечный огонь. Вследствие этого все катера, попав под выстрелы, бросились в разные стороны, и, выйдя из-под выстрелов, два из них присоединились к пароходу, а другие два, «Чесма» и «Синоп», не имея возможности присоединиться к пароходу, по сделаянному заранее условию ушли в Поти, где пароход уже потом подобрал их. 3 мая пароход возвратился в Севастополь. Убитых и раненых на нем не было. Причину неудачи лейтенант Макаров объясняет тем, что люди, никогда еще не слыхавшие свиста пуль, на первый раз немного смешались и замедлили с пуском мины [2]. Как ни безуспешно оказалось предприятие парохода «В. К. Константин», возвратившиеся храбрецы были встречены в Севастополе как настоящие герои. И действительно, трудно не изумиться той отважности и неустрашимости, какую проявили на этот раз наши моряки.

Первая неудачная попытка не отбила у них охоты снова перевидаться с врагом. Чтобы исправить батумскую неудачу, пароход «В. К. Константин» 6 мая вышел из Севастополя и решился напасть на неприятельскую эскадру, которая 1 мая бомбардировала Очемчиры, а со 2 мая, в числе 6 судов, находилась против Сухума; но ни 8-го, ни 9-го числа не мог привести своего намерения в исполнение по причине тумана и раннего рассвета. Чтоб отвлечь внимание турок, он направился к мысу Керемпе, с целью сжечь несколько купеческих судов у Синопа, но и здесь сильный зюйд-вест помешал ему и заставил возвратиться в Севастополь.

Пароход «Аргонавт» (160 сил), вооруженный двумя 4-фунт. орудиями, одною 6-дюйм. мортирою и одною скорострельною пушкою Гатлинга, под командою капитан-лейтенанта Снетова и под брейд-вымпелом начальника Очаковского отряда капитана 1 ранга Дефабра, 2 мая вышел из Очакова и, обогнув Кинбургскую косу, взял курс на Тендру. Подойдя в 8 часов утра к Тендровскому маяку и сдав на маяке почту, в 9 часов утра тронулся далее в море, взяв курс на остров Феодониси, идя до 12 узлов. Обойдя остров с восточной и южной стороны, в 6 ч. 45 м. вечера подошел к Сулину на расстояние 5 миль от берега и усмотрел на рейде много коммерческих судов, а правее, вне дамб, 4 однотрубные двухмачтовые турецкие броненосцы, стоявшие под парами. По приближении «Аргонавта» к Сулину, спустя не более четверти часа, по сигналу флагмана, броненосцы начали по очереди сниматься с якоря. Капитан 1 ранга Дефабр, пробежав вдоль берега мили три, повернул пароход назад и, обойдя еще раз всю линию неприятельских судов в милях четырех расстояния, взял курс на Одессу. В это время три турецких броненосца были уже на ходу, из которых один под вице-адмиральским флагом, и все направились в погоню за «Аргонавтом»; четвертый же остался на якоре. «Аргонавт» увеличил ход до 13 узлов; неприятельские суда, несмотря на все их усилия, начали заметно отставать. В 10 часов вечора «Аргонавт» уже потерял их из виду; а 3 мая на рассвете возвратился в Очаков.

Конец мая ознаменовался новым замечательным подвигом парохода «В. К. Константин» и приданных ему быстроходных миноносных катеров № 1 и 2 под командою лейте-

[1] Автор «летописи», видимо, или не был знаком с донесением С. О. Макарова об этом эпизоде, или ознакомился с документом не совсем внимательно. В донесении определенно сказано, что «взрыва не произошло из-за неисправности проводников».

[2] Здесь В. Чубинский несколько неточен. Вопреки его утверждению со ссылкой на лейтенанта Макарова, что «люди... немного смешались и замедлили с пуском мины», этого не могло быть, поскольку «пуска», как такового, не было. В то время применялись довольно примитивные мины, так называемые «летучки». В отличие от «самодвижущихся мин» (торпед) они не имели собственного двигателя и буксировались паровым катером.

нантов Пущина и Рождественского[1] при нападении на турецкую эскадру, расположенную на Сулинском рейде.

Получив обстоятельную инструкцию от... контр-адмирала Чихачева[2], пароход «В. К. Константин» 28 мая в час пополудни снялся с Одесского рейда и направился к Сулину, имея оба миноносные катера на боковых буксирах. В 8 часов вечера лейтенант Макаров, сказав краткую воодушевляющую речь, на которую команда парохода и обоих, шедших на буксире, катеров отвечала троекратным «ура», спустил на воду бывшие на пароходе четыре паровые катера: «Чесма» (лейтенант Зацаренный), «Синоп» (лейтенант Писаревский), «Наварин» (лейтенант Вишневский) и «Минер» (мичман Гирст). Катера пошли на буксире парохода двумя колоннами по три с каждой стороны.

Пройдя Змеиный остров в 5 милях и двигаясь тем же румбом еще мили 4, пароход лег на Сулин. Маяки Феодониси и Сулинский были зажжены.

На всех катерах пары были готовы, и на пароходе зорко смотрели, чтобы в случае появления неприятеля немедленно пустить на него катера.

Не найдя неприятеля ни у Феодониси, ни на пути к Сулину, лейтенант Макаров решил, что броненосцы должны быть на Сулинском рейде, и потому, подойдя к половине первого часа на расстояние 5 миль от рейда, остановил машину, объявил командирам катеров пункт нахождения парохода, подтвердил им вкратце отданные ранее приказания и пустил катера вперед. Катера пошли вместе... двумя колоннами: в правой катер № 2, «Минер» и «Чесма», а в левой катер № 1, «Синоп» и «Наварин», держа курс согласно приказанию лейтенанта Макарова на один румб правее Сулинского маяка; но весьма сильным здесь течением их относило от надлежащего курса. Весьма незадолго до встречи с неприятелем они... пошли фронтом, весьма близко и в виду друг друга. Катера быстро ходящие хотя и умеряли ход, но все-таки оказались впереди. Первым увидел неприятеля и выскочил вперед катер «Чесма». Лейтенант Зацаренный указал завиденное им судно катеру № 2 и затем пошел вперед и вправо. К сожалению, этому бравому офи-

[1] Зиновий Петрович Рожественский (у автора ошибочно — Рождественский), будущий вице-адмирал.

[2] Николай Матвеевич Чихачев, будущий начальник Главного морского штаба, управляющий Морским министерством. Известен участием (в 1851—1853 гг.) в Амурской экспедиции Г. И. Невельского. Его именем назван залив на Дальнем Востоке. В описываемый период являлся начальником морской обороны Одессы.

церу снова пришлось потерпеть неудачу. Как только он бросил мину за борт, проводник запутался в винт и машина остановилась. Затем дело развилось таким образом, что остальные три минные катера, отставшие от первых трех, не могли принять в нем участия. Им пришлось только заботиться о благополучном возвращении; причем винты их путались в рыбацкие сети, а большое волнение... настолько их заливало, что они, а ровно и «Чесма», должны были возвратиться к пароходу.

Действительную атаку удалось произвести только катеру № 2 и катеру № 1.

Завидя неприятеля, командир катера № 2, лейтенант Рожественский пошел прямо на него самым тихим ходом, причем машинная рубка была прикрыта брезентами и машина работала чуть слышно. Перед ним ясно обрисовались очертания большого двухмачтового броненосца с тараном; потом он увидел другое судно, выходившее в море, и с левой руки еще два броненосца, из чего он заключил, что забрался в глубину Сулинского рейда *. Огней не было ни на одном судне, слышалось только перекликание часовых. Катер подавался крайне тихо. Быв уже близко от цели, он увидел у себя справа катер № 1 лейтенанта Пущина и обменялся с ним немногими словами, после чего Пущин отклонился еще более вправо, в глубину рейда, а лейтенант Рожественский приступил к опусканию шеста, продолжая тихо подаваться вперед. Около 2 часов, саженях в десяти от борта броненосца, часовой окликнул катер, и тотчас же по нем был открыт штуцерный огонь и поднялась тревога на всем рейде. В самый момент первого пушечного выстрела катер прибавил ход, и взрыв произошел автоматически, почти в упор, все-таки, по расчету Рожественского, несколько рано. Столб воды залил боевую рубку, и когда, дав ход назад, Рожественский бросился к штурвалу, который оставил, чтобы произвести взрыв, оказалось, что штуртрос и ось штурвала лопнули. Рожественский выскочил наверх и вместе с механиком Канцеровым отвязал кормовой штурвал и отрезанными кончами троса перевязал штуртрос, который скользил и не действовал. Потом механик Канцеров и матрос минер Сокольников (оцарапанный по лбу осколком

* По объяснению служившего у турок экс-лейтенанта английского флота Слимена, турецкая эскадра состояла из 3 броненосцев: «Фехти-Буленд», «Мукадем-Хаир» и «Иджалие», стоявших в шахматном порядке в одной миле от входа в Сулинскую гавань, а впереди их в полумиле стоял брандвахтою буксирный пароход. Атакован был «Иджалие».

иллюминатора боевой рубки) бросились рубить проводники и сбрасывать остатки шеста в море, что и было исполнено геройски, под градом штуцерных и картечных пуль со всех судов. Тогда дали передний ход и вскоре вышли из-под усиленного огня. Во все это критическое время каждый из остальных лиц, находившихся на катере, выполнял свой долг с полнейшим самоотвержением. Вскоре после первого взрыва был услышан некоторыми из бывших на пароходе и прочих катерах второй взрыв, вероятно произведенный катером № 1. Выйдя из-под выстрелов, лейтенант Рожественский, хотя пальба все продолжалась, остановил катер и стал поджидать прочие шлюпки. Но за ним в погоню пошел турецкий пароход, открывший по нем огонь и подававшийся вперед столь быстро, что катер успел уйти от него лишь с большими усилиями. Когда погоня кончилась, Рожественский снова поджидал прочие шлюпки и затем, не дождавшись, пошел на соединение с пароходом «В. К. Константин».

Место сбора было назначено в 4 милях... от Сулина. Направляясь туда со скоростью 5 узлов, «В. К. Константин» так сильно был прижимаем течением к берегу, что, считая себя еще в 3 милях от мели, уже стал на мель. Тотчас же приступили к выбрасыванию за борт угля и завозу верпа, дали полный задний ход и благополучно сошли с мели, продолжая затем держаться у самой отмели, чтобы катера, отступая вдоль берега... не миновали парохода. В 2 часа 45 минут был усмотрен рангоут судна, шедшего от Сулина к морю и стрелявшего по пароходу, который тогда дал полный ход... и к 5 часам утра подошел к Очаковскому гирлу, где и присоединился к нему в то же время катер № 2, а другие 4 катера в 7 часов утра.

В 5 часов пополудни 29 мая пароход «В. К. Константин» возвратился в Одессу со всеми катерами, кроме катера № 1.

По осмотре катера № 2 оказались следующие повреждения: глубокая выбоина от картечной пули в боевой рубке: иллюминаторы рубки выбиты или разбиты, пробоины в трубе и в одной из досок палубы. По стальным же рубкам штуцерные пули скользили безвредно. В носовой подводной части выскочило 16 заклепок и хвостовая часть киля, служащая защитой винту, спереди отломлена, а сзади загнута влево. Вся эта часть сильно помята. С середины катера в подводной части следы того, что он сильно обо что-то терся.

Только после осмотра подводной части катера вполне обнаружилось, в каком критическом положении он находился. Очевидно, броненосец был огражден бонами на значительном расстоянии от борта, и нужно предполагать, что мина опустилась в воду, когда часть шеста уже миновала бон. Затем, может быть, автоматический взрыв упор последовал от сильного сотрясения при ударе кормовой части, которая потом поднялась от углубления носа массой упавшей на него воды, и вследствие этого, когда дали задний ход, катер получил возможность перескочить обратно через бон.

Что же касается до другого быстроходного миноносного катера № 1, то вскоре сделалось известным, что он после нападения на броненосца погиб и команда его взята в плен турками. Но более подробные обстоятельства этого события сделались известны уже в 1878 г., когда появилось в «Кронштадтском вестнике» (№ 7) письмо лейтенанта Пущина. Из него между прочим видно, что лейтенант Пущин, после взрыва, произведенного катером № 2, устремился к броненосцу; не доходя до борта его, почувствовал какое-то непонятное для него сотрясение в катере, и ход его тотчас начал уменьшаться, а когда он еще подвинулся, у него перебили штуртрос, а затем последовал взрыв. Взрыв был автоматический и последовал ближе к броненосцу, чем первый взрыв (чуть ли даже не у самого борта, по выражению Пущина). Пущин приказал тотчас дать ход; но катер не трогался с места. Машинный люк был перебит; в машине отбило водомерную трубку, и вероятно вместе с краном; машина вся наполнилась паром, но все-таки была поставлена на передний ход. Пущин бросился к винту и там наткнулся на какой-то конец, толщиною в 3 с половиною—4 дюйма, неизвестно откуда взявшийся. Как только он был перерублен, катер, находившийся все время у самого борта броненосца, дал ход. Тогда атакованный броненосец открыл по нем сильный ружейный огонь. Катер успел, однако же, от него удалиться. Но другой броненосец не замедлил его догнать и принялся угощать его выстрелами, имея полную возможность одним удачным выстрелом потопить его. Лейтенант Пущин не терял еще надежды спастись и направил катер прямо... к берегу. Но вдруг машина остановилась, огонь разом залило. В таком критическом положении лейтенант Пущин, считая свой катер во всяком случае пропавшим, так как спасения или помощи ждать было не от кого, распорядился катер затопить, а сам с командою (один минер, вольнонаемный машинист, два кочегара и матрос), при

помощи имевшихся у них спасательных средств, пустились вплавь к берегу. Сначала, пока у людей сохранились еще силы, они успешно подвигались к берегу; но затем не имели сил справиться с течением, были принесены к турецкой эскадре и все попали в плен.

После этого события от генерала Веревкина было получено донесение, что монитор от нападения миноносцев сильно поврежден и должен быть вычеркнут из списка судов турецкого флота, но военный агент наш в Константинополе полковник Филиппов от 23 февраля 1880 г. донес, что атакованный броненосец, собственно корвет «Иджалие», был только сильно поврежден и в 1880 г. исправлялся.

Морское министерство, озабочиваясь участью пленных, поручило их покровительству германского посланника в Константинополе, которым и предложено было лейтенанту Пущину по 300 марок, если будет в том нуждаться. Прочие пленные при опросе выразили довольство тем содержанием, какое получили от турецкого правительства; пожелали иметь только небольшую сумму на табак, почему лейтенант Пущин просил отпускать им просимое на счет предложенных ему 300 марок.

За отличные подвиги самоотвержения лейтенант Рожественский удостоен ордена Св. Георгия 4-й ст. Того же ордена удостоен и лейтенант Пущин по возвращении из плена.

После поиска к Сулину неутомимый командир парохода «В. К. Константин» не долго оставался в покое. 6 июня он уже отправился из Одессы к Анатолийскому берегу и 8-го, открыв у селения Китрос парусный купеческий бриг «Османие», послал катер «Синоп» под командой лейтенанта Писаревского, который и поджег его, а как он худо загорался, то подвел под него килевую мину и утопил, команду же отпустил на берег на шлюпке брига. Затем, увидя еще три купеческие брига, лейтенант Макаров послал к ним катер «Чесма» под начальством лейтенанта Запаренного, которым они и были потоплены, а команды на их же шлюпках отправлены на берег. Затем, хотя по показаниям турок можно было бы еще потопить несколько турецких купеческих судов, но имея в виду, что цель уничтожения купеческих судов есть прекращение неприятелями торговли вдоль Черноморских берегов и что исполненное уже уничтожение четырех судов неизбежно наведет панику на людей торговых и прекратит плавание вдоль турецких берегов, лейтенант Макаров нашел излишним подвергать дальнейшему истреблению частную собственность и 9-го числа возвратился в Севастополь. Такой, по-видимому, гуманный

взгляд, совсем неуместный в военное время, не встретил одобрения высшего морского начальства, и потому лейтенанту Макарову дано знать, что он не должен был пренебрегать своею прямою обязанностью истребить еще несколько неприятельских судов, когда представлялся к тому удобный случай.

Одновременно с пароходом «Великий князь Константин» вышел из Одессы пароход «Владимир», вооруженный 4 4-фунтовыми орудиями, под командою капитана 1 ранга Юрьева, и отправился в крейсерство у Румелийского берега между Варной и Константинополем. В 35 милях от Варны он настиг и взял в плен отлично оснащенный турецкий коммерческий бриг «Аслан-Бухри», который шел из Кюстенджи в Константинополь с балластом. Сняв с него команду из 16 человек и взяв его на буксир, «Владимир» возвратился в Одессу 9 июня. Затем 18-го и 26-го по распоряжению контр-адмирала Чихачева вновь выходил в море на рекогносцировку, которая не имела особых последствий.

Императорская яхта «Ливадия» и пароход «Аргонавт» также в июне выходили в море на рекогносцировку. На яхте «Ливадия» в мае поставлена была артиллерия (2 орудия 6,03 дюйм. нарезн., 2 4-фунтов. нарезн., 2 9-фунт. нарезн., 1 6-дюйм. мортира, 1 скорострельное Пальм-Кранца и 1 скорострельное Гатлинга); к ней приданы два паровых катера, сделаны минные приспособления и произведены необходимые переделки для обращения ее в судно активной обороны; после чего она начала кампанию 17 мая. В июне же, вследствие известия о том, что турецкий пароход стал на мель в 15 верстах от Жебриян, яхта под командой капитана 1 ранга Кроупа вышла из Николаева, зашла в Одессу и потом в море на поиски; но, узнав, что пароход уже снялся с мели, возвратилась в Одессу, откуда потом перешла в Очаков и, наконец, в Севастополь.

«Аргонавт» же, под командою капитан-лейтенанта Спетова, вышел из Одессы на рекогносцировку 11 июня и подходил к Сулину. Бывшие на Сулинском рейде 4 броненосца и корвет, завидев его, бросились за ним в погоню, но скоро отстали, а пароход возвратился в Севастополь.

19 июня турецкая эскадра из 10 броненосцев показалась в виду Одессы, где были сделаны все необходимые распоряжения для встречи неприятеля; но вслед затем, не сделав ни одного выстрела, удалились. А 26 июня три броненосца и один винтовой фрегат появились у Севастополя и также ушли, не сделав ни одного выстрела.

В июле 7-го числа пароход «Аргонавт» вновь вышел из Севастополя с целью осмотреть суда, стоявшие на Сулинском рейде. Подойдя к Сулину на пушечный выстрел, он застал там три броненосца, два корвета, два парохода и до 10 коммерческих судов. Броненосец под адмиральским флагом сделал по нем выстрел; «Аргонавт» ответил ему тем же. После чего броненосцы снялись с якоря и погнались за пароходом, открыв по нем огонь. «Аргонавт», уходя от них и отвечая из мортиры, старался удержать от гнавшихся такое расстояние, чтобы его снаряды могли долетать до неприятеля. Два броненосца, имея лучший ход, начали прижимать пароход к берегу, но после более двухчасовой погони вдруг прекратили пальбу и повернули назад. «Аргонавт» 9 июля прибыл в Николаев и затем перешел в Одессу.

В июле появляется на сцене пароход «Веста», один из четырех пароходов, первоначально уступленных на военное время Русским обществом пароходства и торговли.

Для командования им по особому распоряжению командирован из Петербурга капитан-лейтенант Баранов.

Пароход «Веста» считался наиболее удовлетворяющим условиям активной обороны в открытом море.

В июне произведены на нем необходимые переделки и приспособления для обращения в активное судно; затем он вооружен был 5- и 6-дюймовыми мортирами, 2 9-фунтовыми орудиями; 1 4-фунтовым на элевационном станке, двумя скорострельными орудиями Энгстрема, двумя скорострельными Гатлинга и минами; сверх того, на нем установлен доставленный от князя Воронцова-Дашкова аппарат Давыдова для автоматической сосредоточенной стрельбы.

В состав команды его поступили: старший офицер лейтенант Владимир Перелешин 4-й, лейтенанты Михаил Перелешин, Жеребко-Ротмистренко, Кротков, Зиновий Рожественский, князь Голицын-Головкин, мичманы Петров, Рогуля, штурман штабс-капитан Корольков, инженер-механик поручик Плигинский, морской артиллерии прапорщик Яковлев, лекарь Франковский, 2 гардемарина и нижних чинов 55 человек охотников черноморских экипажей вдобавок к прибывшим с Балтики 53 человекам; для управления аппаратом Давыдова особо назначен член артиллерийского отделения Морского технического комитета подполковник Чернов, а механики и машинная прислуга составлены из вольнонаемных Русского общества пароходства и торговли. Сверх того, с Балтики доставлены для парохода «Веста» два паровых катера с 1 механиком, 2 машинистами и 2 кочегарами.

Главный командир Черноморского флота и портов (адмирал Аркас), получив сведения о складе угля в бухте Пендеракли, предположил послать туда несколько активных пароходов для нападения на стоявшие там суда и транспорты и нанесения неприятелю возможного ущерба. Для этого он ожидал только окончательного изготовления яхты «Ливадия» и парохода «Веста», которым желал дать это поручение. Нескольким пароходам вместе находил он нужным поручить исполнение задуманного предприятия, потому что рассчитывал на возможность встречи там нескольких судов. По окончательном изготовлении «Весты» пароход этот вместе с яхтою «Ливадия» перешли в Севастополь, где находился и пароход «В. К. Константин»; 2 июля сюда же прибыл пароход «Владимир». Все эти пароходы получили приказание, пользуясь темными ночами, отправиться в крейсерство к Анатолийским и Румелийским берегам, но наперед сделать попытку к Пендеракли. В инструкции и словесном приказании, данных командиру яхты флигель-адъютанту Кроуну, на которого, как старшего из командиров, генерал-адъютант Аркас возложил исполнение поручения, было указано, чтобы он, совместно с другими командирами, составил предварительно план атаки и чтобы затем каждый из командиров действовал по своему усмотрению, исполняя общий план и данные каждому инструкции.

Согласно составленному плану пароход «Владимир» снялся из Севастопольской бухты в 1-м часу дня 3 июля и должен был следовать к Пендеракли для его рекогносцировки, а в 6 часов того же числа снялся пароход «В. К. Константин», вслед затем яхта «Ливадия», а в 8 часов пароход «Веста».

В 10-м часу вечера, держась у Херсонского маяка, командиры двух последних пароходов съехались на яхту для окончательного совещания, а затем около 10 часов яхта и пароходы, построившись в строй клина, имея яхту впереди, направились на Пендеракли. Не встретив на пути ни одного судна, на другой день в 5 с половиною часов пополудни заметили пароход «Владимир», который по условленному сигналу и присоединился к нам в 6 часов вечера в 25 милях от Пендеракли.

Командир парохода «Владимир» сообщил, что, проходя вдоль берега у Пендеракли в 11 часов утра в 4 милях, усмотрел 5 стоявших на якоре каботажек и на берегу сараи, но угольных складов не заметил; идя далее, у мыса Халеш-

ли, во 2-м часу дня, усмотрел двухтрубный большой пароход, стоявший на якоре, по под турецким ли флагом — не уверен, вблизи его 3-мачтовое парусное судно и три каботажки, в то же время малый буксирный пароход вел к нему три кочермы, по-видимому с углем, вслед за тем большой пароход сильно задымил. Посоветовавшись между собой, командиры решили атаковать транспортный пароход минными шлюпками. Около 8 часов вечера, имея на шлюпках готовый пар, все суда последовали к Халепли, по около 10 с половиною часов вечера, находясь по счислению в 7 милях от мачка и не видя его огня, по которому следовало бы определить место стоявшего парохода, и заметив на берегу большие костры, флигель-адъютант Кроун не решился рисковать шлюпками, на коих было до 40 человек, у неприятельского незнакомого берега, тем более что шлюпкам пришлось бы весьма долго отыскивать виденный «Владимиром» пароход, стоявший в 15 милях от города, и следовательно, на возвращение их можно было рассчитывать никак не ранее 6 часов утра. Не было сомнения, что «Владимир» был узнан неприятелем, а потому могло случиться, что суда наши были бы отрезаны могшими по расчету времени подойти броненосцами. Вследствие всего этого флигель-адъютант Кроун решил отменить атаку и не имел повода раскаяться в этом, так как, выйдя в море, встретили сильный туман, который продолжался с 3 с половиною до 10 с половиною утра. Вместо этой неудавшейся попытки флигель-адъютант Кроун предположил произвести атаку на Сулин; по и это предположение, за усилившимся к вечеру волнением, не могло состояться. Таким образом, яхта 6 июля возвратилась в Очаков, а пароходы в Одессу.

Из донесения генерал-адъютанта Аркаса об этой экспедиции не видно, по какой причине командир парохода «Владимир» капитан 1 ранга Юрьев, заметив у мыса Халепли всего один транспортный двухтрубный пароход и другой малый буксирный, не решился атаковать их; была ли то нераспорядительность командира, как полагал генерал-адъютант Аркас, или другие уважительные причины, не позволившие капитану 1 ранга Юрьеву атаковать оба парохода; но неизбежным последствием этого было то, что капитан 1 ранга Юрьев, быв обязан в 4 часа идти к эскадре, вновь мог подойти к Халепли не ранее 9 часов вечера; следственно, неприятельские пароходы имели время отойти от Пендераклп и, по всей вероятности, успели уже дать знать и в Константинополь. Таким образом, атака не могла уже быть неожиданная и потеряла главный шанс успеха,

при котором могли бы быть уничтожены или взяты в плен два парохода и несколько парусных судов.

После неудачной попытки на Пендераклп пароход «Веста», запасшись углем, 10 июля отправился в крейсерство к Румелийскому берегу.

При отправлении парохода «Веста» в море капитан-лейтенант Баранов снабжен был от главного командира инструкцией, в которой между прочим объяснено, что ему вменяется в обязанность погоня за турецкими военными и коммерческими судами, уничтожение их, осмотр подозрительных судов, взятие и потопление транспортов с военным грузом и вообще нанесение возможно большего вреда неприятелю; причем он должен испытать на деле аппараты Давыдова; но не должен, однако, решаться на открытую встречу с неприятельскими броненосцами и вообще с судами, хорошо вооруженными артиллерией, и помнить, что доверенная ему часть флота и необходимость сохранять по возможности судно и жизнь вверенных ему людей обязывают его быть как можно осторожнее и атаковывать неприятельские суда только в том случае, когда они под силу его судну или когда представляется вероятие на успех атаки.

Что затем произошло с пароходом «Веста» во время крейсерства, лучше всего изобразить подлинными словами капитан-лейтенанта Баранова, который в своем рапорте главному командиру Черноморского флота говорит:

«11-го сего июля, находясь в 35 милях от Кюстенджи, имея курс вест-зюйд-вест, в 7 с половиною часов утра... был усмотрен черный дым.

В машине приказано было пар поднять до возможно большего давления, и курс был взят... дабы можно было рассмотреть шедшее судно и, буде это был бы турецкий коммерческий или слабо вооруженный военный пароход, отрезать его от берега. Около 8 часов можно было рассмотреть, несмотря на некоторую бывшую пасмурность, что встреченное судно — большой сильный турецкий броненосец, который, подняв флаг, выстрелил по пароходу «Веста» из орудия большого калибра; тогда на «Весте» был поднят русский военный флаг и дан залп из баковых орудий. Затем, дав машине полный ход, я поворотил и лег на курс... дабы держать его в невозможности бить «Весту» поперек борта и дабы иметь одновременно возможность бить турецкий броненосец из трех 6-дюймовых мортир и одного 9-фунтового нарезного орудия, могущих действовать почти на корму.

Принимая это положение, я сильно рассчитывал на возможность командовать ходом над противником, предполагая, что он не может иметь скорость более 10 или 11 узлов, и потому я рассчитывал, пользуясь аппаратами автоматической стрельбы Давыдова, или уничтожить его навесным огнем, или заставить сдаться.

Я вскоре заметил, что, к удивлению моему, не мы обладаем скоростью хода, несмотря на то что последняя была развита до 12 узлов, а турецкий броненосец; с каждым моментом он выигрывал в расстоянии и через несколько времени сблизился до того, что 9-фунтовое орудие, поставленное на элевацию 12-кабельтового расстояния, стало брать далее, чем следовало.

Подполковник морской артиллерии Чернов, с неподражаемым мужеством делавший наблюдение за стрельбой и распоряжавшийся огнем кормовых орудий, пришел ко мне на мостик, где я стоял у штурвала, и шепотом доложил мне, что его роль, как управляющего индикаторами аппарата Давыдова, кончается, что неприятель так близко приближается к нам, что аппараты эти хотя и действуют прекрасно, но более помочь нам не могут, так как, даже в промежуток полета нашего снаряда, расстояние делается менее и менее. Видя, что неприятель приближается, снаряды его осыпают шрапнелевой картечью* снасти, рангоут, машинный люк и мостик, я согласился на просьбу подполковника Чернова и поручил ему вместе с лейтенантом Рожественским попробовать сделать еще сосредоточенный залп. Два залпа сошлись. Снаряды турецкого броненосца, как кажется по осколкам 11- и 7-дюймового калибра, ударили нас в корму; был разрушен капитанский вельбот, затем пробита верхняя палуба и одна бомба лопнула частью в жилой, а частью на верхней палубе. Внизу бомба произвела пожар над самой крюйт-камерой, а на верхней палубе разрыв ее был ужасен; он залил палубу кровью, уничтожил одну из мортир и, перебивши все проводники Давыдова аппарата, положил на месте двух артиллерийских офицеров, управлявших действием орудий; прапорщику Яковлеву вырвало часть горла и правое плечо. Подполковник же Чернов, смертельно раненный, прежде чем упасть, сказал: «Прощайте... бейте из правой кормовой... она наведена» — и упал мертвый. Пред самым этим залпом, видя безнадежность продолжать долго маневрирование, заключавшееся в том, чтобы, скрывая борт, подставлять неприятелю корму и отвечать ему выстрел за выстрел, и заметив желание противника меня таранить, я решил приготовить кормовой шест с минами, положить лево на борт в момент его залпа и пойти прямо на него, дабы абордировать его или, если бы он от того увернулся, взорвать кормовыми минами. Для выполнения этого я попросил к себе на мостик минного офицера лейтенанта Михаила Перелешина и поручил ему осмотреть, не перебиты ли проводники шестовых мин, и изготовить шест. На это Перелешин заявил мне, что он и лейтенант Жеребко-Ротмистренко просят разрешить им броситься на 2 минных катерах в море и атаковать среди белого дня. Несмотря на весь риск, связанный с использованием этой просьбы, я бы ее исполнил, но зыбь была так велика, что паровые катера, вероятно, не выгребли бы, а потому я отказал. Едва Перелешин спустился с мостика, как лопнувшая вдоль палубы бомба одним из осколков своих почти оторвала ему ногу у самого паха, и в этом виде несомый раненый желал мне сообщить еще несколько данных об употреблении минных катеров.

Страшная рана Перелешина, разбитая мортира, два убитых офицера, 4 раненых, пожар на жилой палубе не могли устрашить лихой экипаж вверенного мне судна; офицеры, начиная со старшего и кончая молодым мальчиком, юнкером Яковлевым, братом убитого, явили себя героями; на место убитых артиллерийских офицеров встал лейтенант Кротков, и хотя в тот момент, как наводил орудие, граната, лопнувшая сзади, пробила его платье по крайней мере в сорока местах и опалила все волосы на голове, он, опаленный и с 17 осколками в теле, продолжал наводить мортиру, которая не могла действовать аппаратами Давыдова, ибо проводники у нее не существовали. Лейтенант же Рожественский, занявши место подполковника Чернова, распоряжался действием другой мортиры, стоя на возвышении банкета индикатора Давыдова, и благодаря ему, брошенная бомба ударила неприятеля в крышку башни и лопнула внутри амбразуры большого орудия. На палубе турок произошло сильное замешательство, которым, к несчастью, мы вполне не могли воспользоваться, ибо осколком бомбы согнуло штуртрос и руль, к ужасу моему, перестал действовать; пароход бросило лагом и дало возможность туркам осыпать нас гранатами, начиненными всякою гадостью. Одна из гранат перерезала паровыпускную трубу и обдала осколками весь мостик, убив наповал двух стрелков, взятых мною

---

* Кроме шрапнелевой и обыкновенной картечи турки стреляли еще какими-то снарядами, начиненными английским № 11 дроби. До 30 дробин бекасинника вынуто из раны лейтенанта Кроткова.

к себе и действовавших из малокалиберных скорострельных ружей по амбразурам неприятельских погонных орудий. В это же время артиллерийский офицер Кротков был ранен осколками в лицо, я легко контужен в голову и левую руку, ординарец мой юнкер Яковлев тоже контужен в голову, вся машина осыпана осколками, но... блиндировка койками с боков, цилиндров, а матрацами сверху машинного люка спасли машину от порчи. Это был последний серьезный залп неприятеля. Из своей большой погонной пушки он действовать более не мог, он все старался лечь к нам лагом, чего, конечно, я ему не давал исполнить, и он замотопо стал отставать, так что вскоре, вместо ружейных пуль, перестали долетать до неприятеля и наши 9-фунт. снаряды. Затем у него из палубы повалил густой пар или дым, а после еще двух-трех наших выстрелов неприятель... стал быстро уходить.

Видя два орудия у себя подбитыми, имея в корпусе две пробоины, 2 офицеров убитыми и 4 ранеными и палубу, заваленную осколками и разорванным человеческим мясом, а что главное — видя, что машинисты и кочегары едва держатся на ногах после 5-часового боя, я не решился энергично преследовать убегавшего быстроходного врага, тем более что он поднял какой-то сигнал и на горизонте стали показываться еще рангоуты судов.

Доносить о подвигах особенно отличившихся гг. офицеров я, по совести, не могу. Как честный человек, могу сказать одно, что кроме меня, исполнявшего свой долг, остальные заслуживают удивления геройству их и тому достоинству, с которым они показывали пример мужества и необычной храбрости.

Старший офицер, лейтенант Владимир Перелешин, был мною послан тушить пожар в жилой палубе; пробегая туда, он наткнулся на носилки со страдальцем, его братом; Владимир Перелешин, несмотря на то что делалось у него на душе, не останавливаясь пробежал к месту пожара и, с помощью мичмана Петрова и гардемарина Казнакова, погасил пожар над пороховыми и бомбовыми погребами. Только сегодня, при осмотре докторами в Севастополе раненых, оказалось, что лейтенант Перелешин контужен в голову. Убиты: подполковник Чернов, прапорщик Яковлев, 9 человек нижних чинов. Умер на другой день после ампутации лейтенант Перелешин.

Долг заставляет меня упомянуть о самоотвержении князя Голицына-Головкина. Заметя, что мостик в особенности осыпается снарядами и что некоторые из них сделали то,

что весь мостик, деблиндированный мною от коек ввиду прикрышки ими машины, был залит кровью, Голицын под всякими предлогами старался заслонить меня, желая мне служить щитом.

Штурманский офицер, штабс-капитан Корольков, стоял все время у штурвала все задом к неприятелю; не отрывая глаз от картушки компаса и от души сердясь на лопанье гранат, заставлявшие картушку прыгать, и во время одного из неприятельских залпов он, не обращая внимания на то, что сзади его делалось, приказал сигнальщику убрать исковерканный ружейный ствол, брошенный к самому компасу, ввиду того что железо ствола может вредить девиации компаса, и не замечая, что ружье это принадлежало одному из несчастных стрелков, разорванных бомбой на мостике.

Увидя бегство брояеносца, я велел подобрать трупы, я, предполагая, что прибыль воды от пробоин не позволит рассчитывать на сохранение порядочного хода, а следовательно, мог ожидать повторения атаки от новых турецких бронелосцев, я приготовил, насколько мог, судно к новому бою... после чего дружно прокричали троекратно «ура» вдогонку уходившему врагу, не отвечавшему более на наши выстрелы.

Из нижних чинов мне также очень трудно указать на наиболее отличившихся, отличны были все. Но сколько я мог заметить, более других выдавались: боцман Власов и 2 комендора, оставшиеся живыми при кормовых орудиях; рулевые, не обращая внимания на происходившее вокруг них, правили рулем как бы в обыкновенном плавании.

С каким броненосцем имел я дело — не знаю[1]; он всего более похож по конструкции на тип турецких корветов-таранов, но у него орудия были двояко установлены: самое большое — от 10 до 11 дюйм. калибра — впереди, в серой башне, вероятно, такое же орудие было и на корме, посредине же судна был блокгауз, из которого действовало 4 орудия, 4- и 9-фунтовых. Бой турецких ружей не уступал нашим. На расстоянии 600 и 800 сажень турки посылали нам залп за залпом, оставившие следы на пароходе.

Видя безвредность огня из ружей, я употреблял свои, только когда турок нагнал нас, так что между нами оставалось не более 350 или 400 сажень; в это время я ясно видел красные фески в амбразурах орудий, одну феску на

[1] Это был турецкий броненосец «Фехти-Буленд», значительно превосходивший «Весту» в водоизмещении и вооружении.

мостике, подле какого-то зеркального инструмента, наводившегося на нас и управлявшегося несколькими гг. в европейском костюме синего цвета. Мне сильно хотелось сбить упоминаемый инструмент и европейские фуражки, и я объявил 3 лучшим стрелкам и комендору Энгстрема орудия премию за исполнение моего желания. Залп ружей и орудия раздался, 2 синие куртки упали, феска исчезла, но инструмент остался. Лишь остается добавить, что старший механик подпоручик Плигинский, его помощник и судовой доктор титулярный советник Франковский во все время боя, а последний долгое время и потом, каждый действовали неподражаемо хорошо. Вели себя также примерно дворяне, Джевецкий и Мельников, два юнги, переводчик греческоподданный Спирапулло и вольный штурман Викторов, все шесть поступившие на «Весту» волонтерами».

Так изображается капитан-лейтенантом Барановым битва «Весты» с турецким броненосцем, наделавшая в свое время много шума. Все чины «Весты», начиная с командира и до последнего кочегара, вели себя героями и по достоинству награждены... Капитан-лейтенант Баранов произведен в капитаны 2 ранга, с назначением флигель-адъютантом; все прочие офицеры произведены в следующие чины, и, кроме того, капитан-лейтенант Баранов награжден орденом Св. Георгия 4-й ст., а все прочие офицеры орденом Св. Владимира 4-й ст. с бантом; сверх того, два из них, лейтенанты Владимир Перелешин и Зиновий Рожественский, орденом Св. Георгия 4-й ст. Наконец, всем чинам, как офицерам, так и нижним, назначены пенсии в удвоенном размере, равно и родителям убитых пенсия в том размере, какой причитался бы самим убитым...

Генерал-адъютант Аркас, получив 3 августа телеграмму от начальника черноморской береговой линии полковника (потом генерал-майора) Шелковникова, что он идет с отрядом в Абхазию, но что турецкий броненосец в Гаграх постоянно охраняет проход, предписал пароходу «Великий князь Константин» немедленно отправиться к Кавказскому берегу и оказать свое содействие войскам полковника Шелковникова. Пароход тотчас же развел пары и в 7 часов вышел в море и, несмотря на свежий противный ветер с большим волнением, к рассвету 6 августа подошел к Туапсе, затем к Сочи, а к заходу солнца к Адлеру; но во всех этих пунктах не мог получить никаких определенных сведений об отряде Шелковникова. Боясь пропустить напрасно время и желая воспользоваться наступившею темнотою, лейтенант Макаров решил осмотреть берег до Гагры минными

катерами, и если отыщется какой-нибудь броненосец, то утопить его. В 2 часа ночи катера были сброшены на воду и до 4 часов успели пробежать миль 5—6 вдоль берега. Далее к Пицунде мелькали огни. Обдумав свое положение, лейтенант Макаров решил, что это, вероятно, Шелковников двигается со своим отрядом и что мелькающие огни есть перестрелка с горцами. Поэтому, подняв катера, Макаров решился остаться на своем месте, рассчитывая, что если турецкие броненосцы находятся где-нибудь неподалеку, то он отвлечет их от отряда Шелковникова, заставив гнаться за собой в море; если же турецких судов нет, то подойдет к берегу, откроет по горцам огонь и войдет в переговоры с Шелковниковым. Когда наполовину рассвело, то по направлению к Гаграм открылся турецкий броненосец, который шел прямо на пароход. Лейтенант Макаров дал ход вперед, и хотя ему было бы легче убежать вдоль своего берега, но, желая замаскировать свои намерения, он лег в море... и сразу взял 11 узлов, затем 12...

Броненосец заметно отставал: он не шел более 11 с половиною узлов. Лейтенант Макаров приказал уменьшить ход, чтобы предоставить ему интерес погони. Через два часа налетел шквал с дождем, броненосец скрылся, а когда пасмурность разъяснилась, его уже не было на горизонте.

К вечеру этого дня лейтенант Макаров опять подошел к Сочи и затем к Адлеру и, не получив здесь никаких сведений, решил повторить ночную вылазку катерами и отвлечь броненосец утром. Большая зыбь, дождь с громом и сильной молнией на этот раз сильно затрудняли всякую работу.

Тем не менее катера осмотрели все место до Гагры и дальше. Турецких судов не было, и на берегу была полная тишина.

Ни разговоров, ни огней на берегу не было замечено. Заключив из всего этого, что Гагры оставлены турками, лейтенант Макаров пошел в Новороссийск, где и узнал, что ему посчастливилось отвлечь броненосца от Гагры в самую критическую для отряда Шелковникова минуту. По заявлению Шелковникова своему начальству, колонну князя Аргутинского рассвет застал в сфере убийственного огня, но она была спасена от страшных потерь пароходом «Константин», который отвлек броненосец в море на 4 часа и тем оказал бесценную услугу. В 8 часов утра отряд расположился на неуязвимой позиции. Без участия моряков эта колонна войск находилась бы на склоне гор три часа под

огнем неприятельского броненосца, стоявшего вплоть у берега.

В Новороссийске, посоветовавшись с командирами минных катеров, лейтенант Макаров решил воспользоваться лунным затмением, чтобы напасть на турецкие броненосцы, стоявшие на якоре в Сухум-Кале.

Выйдя из Новороссийска вечером 10 августа, лейтенант Макаров на другой день в 10 часов вечера подошел к Сухуму на расстояние 6 миль и тотчас спустил минные катера: «Синоп» (лейтенант Писаревский, мичман Подъяпольский), «Чесма» (лейтенант Зацаренный, волонтер вольный штурман Максимович), «Минер» (мичман Нельсон-Гирст, минером минный офицер лейтенант Королев) и «Наварин» (лейтенант Вишневецкий).

Катера отвалили, как всегда, в полном боевом порядке. Начальство над всеми катерами поручено было минному офицеру лейтенанту Зацаренному, на опытность и распорядительность которого командир всегда рассчитывал.

Предположено было сперва взорвать бон, потом напасть на двух броненосцев одновременно. Катера подошли к рейду и, как только началось затмение, вошли на рейд, освещавшийся пожаром госпиталя и большими кострами. На рейде нашли только одного броненосца, типа «Шевкет»[1]. Лейтенант Зацаренный послал все катера в атаку к правому борту броненосца. Катера смело пошли вперед в линии кильватера, ведя за собой крылатые мины. Каждый был вполне уверен, что в резерве лучший катер с бравым офицером, который всегда в случае нужды выручит из беды и окажет помощь.

Вслед за окликом неприятель открыл ружейный и пушечный огонь, а с берега посыпалась туча пуль и картечей.

Первым шел и взорвал мину катер «Синоп», вторым «Наварин», третьим «Минер». Лейтенант Зацаренный на катере «Чесма», кинувшись вслед за катерами, чтобы помочь, кому нужно, попал в кучу обломков и громадное волнение от раскачавшегося взрывами броненосца, но браво и благополучно выпутался.

Во время атаки катер «Синоп» сцепился с гребным катером, стоявшим у борта; произошла рукопашная схватка. Турки дрались веслами и пробили лейтенанту Писаревскому голову, а отпорным крючком почти стащили его в воду.

[1] По рапорту лейтенанта Зацаренного это был броненосец «Ассари-Шевкет», стоявший не на рейде, как утверждает автор «летописи», а под самым берегом на шпрингах. После взрыва он, из-за мелководья, не затонул, а сел на дно.

Но бравая команда спасла своего лейтенанта и меткими выстрелами отбилась от неприятеля.

Через пять минут после начала атаки все катера были уже далеко от броненосца и, согласно приказания командира парохода, не дожидаясь результатов действия своих мин, возвратились на пароход при громких криках «ура» на катерах и пароходе.

Все три взрыва были очень хороши. Из них взрыв катера «Синоп» поднял столб черной воды, вероятно, пришелся у угольной ямы. Взрыв катера «Наварин» был на глубине 30 фут. и потому сильно раскачал броненосца. Взрыв катера «Минер», где минером был минный офицер лейтенант Королев, был, по выражению Макарова, глубокий, хорошо прочувствованный взрыв. Каждый взрыв сопровождался громким «ура» на всех катерах. Веселый дух офицеров и команд, твердо верящих в силу своего оружия, не имел границ. После первого же взрыва на броненосце поднялся ужасный крик и вопль отчаяния, но слышна была и чья-то отчетливая команда. Вообще он сопротивлялся слабо, тогда как по всему берегу открыт был сильный огонь.

Узнав, что все здоровы, лейтенант Макаров приказал как можно скорее поднимать катера. В это время показался в тумане рангоут с правой стороны. Люди утроили свои силы. Катера взлетали кверху один за другим. Когда три катера были подняты, показался дым, рангоут и корпус с другой стороны броненосца типа «Османие», который находился не далее 3 миль. В это время четвертый катер отделился от воды и машина работала полным ходом. Весь подъем продолжался около 7 минут, и только благодаря этой быстрой работе катера были спасены.

Донося обо всем этом, командир парохода с особою похвалою отзывался о распорядительности старшего офицера лейтенанта Давыдова и лейтенанта Зацаренного, а также о замечательной опытности и знании дела механиков — старшего, дворянина Павловского, и младшего, подпоручика Майорова, вольного механика Красноштанова и всей машинной команды. Без таких лиц, по отзыву Макарова, он не решился бы ни на одну смелую выходку, и вообще, по его словам, потопление купеческих судов у входа Константинопольского пролива и вылазки, подобные тем, какие произведены им на Батумском и Сулинском рейдах, в Гаграх и Сухумо, можно делать безнаказанно только при той лихорадочной любви к делу и своему судну, с которой все до последнего матроса исполняют свой долг на вверенном ему пароходе.

За описанный подвиг командир парохода лейтенант Макаров награжден был чином капитан-лейтенанта и орденом Св. Георгия 4-й ст.; этого же ордена удостоены лейтенанты Зацаренный и Писаревский; а другим чинам даны ордена: одним — Св. Владимира 4-й ст., другим — Св. Анны или Станислава 3-й ст.

Впоследствии о результатах описанной атаки получены были разноречивые сведения.

Полковник Шелковников телеграммою от 23 августа сообщил главному командиру Черноморского флота: по собранным сведениям оказалось, что катера парохода «В. К. Константин» произвели взрыв под очень большим броненосцем и сильно его повредили. Три дня потом турки его подготовляли и отвели на буксире в Батум. А командир казачьего полка полковник Соколовский, с которым командир парохода «В. К. Константин» встретился в октябре на Кавказском берегу, сообщил, что «абхазцы при опросе их показывали, что броненосец был совершенно затоплен одною оконечностью, а другою торчал из воды как птица (выражение абхазцев), и что всех их (абхазцев) заставляли качать воду и говорили, будто ночью пароход ударил броненосец и пробил его; затем привели какие-то машины и тоже работали и наконец увели броненосца». Волонтер Кабулетского отряда Лысенко сообщал Макарову, что все перебежчики, которых он спрашивал, до 30 человек, показывали, что броненосец, которого взрывали в Сухуме, совершенно утонул на пути к Батуму.

Военный же агент наш в Константинополе, Генерального штаба полковник Филиппов, которому поручено было разъяснить это обстоятельство, от 13 февраля 1880 г. донес, что атакованный в Сухуми броненосец назывался «Ассари-Шевкет», что он от одного офицера, находившегося на этом броненосце во время атаки его, именно штабс-капитана Тахсима-Эффенди, слышал рассказ, почти тождественный с тем, который изображен в рапорте Макарова, что «Ассари-Шевкет» во время атаки действительно был поврежден; но в технические подробности повреждений он, полковник Филиппов, не входил, так как после починки этого судна сделанных ему повреждений заметить было невозможно...

В январе 1878 г. пароходы «Россня», «Владимир» и «Веста» еще два раза, 12-го и 14-го, выходили в море для крейсерства на пространстве Румелийских портов с Босфором, но по случаю сильного ветра, а потом мрачности и снежной метели поиски их остались без всякого результата; пароход же «Великий князь Константин», под командою флигель-

адъютанта капитана 2 ранга Макарова, 10-го числа ходил в крейсерство с целью произвести демонстрацию у восточного берега Черного моря, для отвлечения неприятеля от западного берега моря, где должны были оперировать пароходы «Россия», «Владимир» и «Веста». Получив в Поти сведение, что на Батумском рейде стоит эскадра Гобарта-паши, флигель-адъютант Макаров подошел к этому порту и в ночь с 13-го на 14-е число, не доходя 4—5 миль, спустил свои минные катера: «Чесма» (лейтенант Зацаренный) и «Синоп» (лейтенант Щешинский), поручив начальство над обоими лейтенанту Зацаренному; катера отвалили от борта в 11 час. 20 мин. и, несмотря на сильный туман, чрезвычайно затруднявший отыскание бухты, в половине второго часа, когда взошла луна, подошли к Батумскому рейду, на котором нашли семь судов, стоявших кормою к берегу; крайний был двухмачтовый броненосец, затем два трехмачтовых судна, дальше большой колесный пароход и, наконец, еще три судна с большим рангоутом. Свет луны и блеск снежных гор прекрасно освещали рейд. Правее маяка видно было сторожевое судно под парами, которое оказалось двухмачтовым винтовым пароходом. На шлюпбалках посредине судна было поднято 6 белых катеров. Лейтенант Зацаренный, убедившись, что пароход был военный и большого размера, решился атаковать его; а потому, приблизившись к нему не будучи замеченным на 30—40 сажень, оба катера одновременно пустили по одной мине Уайтхеда, которые, ударившись о пароход, взорвались почти одновременно. В тот же момент последовал взрыв и поднялась большая широкообразная масса воды, а вслед за тем послышался сильный треск от перелома взорванного парохода и глухие вопли и крики отчаяния утопающей многочисленной команды. Пароход лег на правую сторону и быстро пошел ко дну с большею частью своего экипажа; от взрыва мин до того момента, когда скрылись мачты парохода, прошло не более одной или двух минут. На поверхности оставалась часть команды, плававшей между обломками и вещами погибшего парохода. Лейтенант Зацаренный, несмотря на желание спасти людей, не решился подойти к ним, потому что масса плававших обломков беспрерывно попадалась под винты катеров. В это время с береговой батареи был открыт по катерам огонь и из глубины рейда показалось судно, высланное вероятно для спасения людей. Почему катера и возвратились к своему пароходу, который в 3 с четвертью часа, подняв их, немедленно снялся и направился для отвлечения внимания неприятеля к Самсуну, на вид которого прибыл 15-го числа,

не встретив на пути ни каботажных, ни паровых судов. Затем, придерживаясь берега, лег на Новороссийск и, отойдя достаточно от берега, переменил курс на Севастополь, куда и прибыл 16-го.

Взорванный пароход назывался, как после оказалось, «Интибах».

...На этом и прекратились все военные операции на Черном море за наступившим 19 января перемирием.

Порт-Артур

Вл. Семенов[1]

РАСПЛАТА

От автора

«Расплата», еще в то время, как она печаталась в виде ряда фельетонов в газете «Русь» (в настоящей своей редакции она значительно мною пополнена против первоначальной), вызвала в печати несколько статей и заметок, авторы которых обыкновенно называли ее «воспоминаниями».

Не могу воздержаться, чтобы не протестовать против такой характеристики моего труда. «Расплата» не есть «воспоминания», а переданный в литературной обработке «днев-

[1] Автор этого «дневника очевидца», как он сам называет свой труд, — настоящая «морская косточка». У него богатая флотская и боевая биография. Защита Порт-Артура и прорыв Тихоокеанской эскадры, переход 2-й Тихоокеанской эскадры с Балтики на Дальний Восток и Цусима — во всех этих событиях лейтенант, а затем капитан 2 ранга Владимир Иванович Семенов участвовал по патриотическому зову — добровольцем. Пребывание, после тяжелого ранения, в японском плену заставило его многое переосмыслить и критически взглянуть на причины сокрушительного поражения России, хотя и до этого он отличался острыми, принципиальными суждениями.

ник» очевидца, и в этом вся ее ценность как исторического материала. Я вел этот дневник с 17 января 1904 г. до 6 декабря 1906 г. (и даже дальше) изо дня в день, а в дни особо знаменательные — из часу в час. Все, о чем я рассказываю, основано на записях, сделанных тогда же: часы и минуты записаны в самый момент совершавшегося события; настроение, господствовавшее в данный момент, непосредственно вслед за тем и отмечено; даже разговоры, отдельные замечания — и те заносились в дневник под свежим впечатлением (конечно, в сжатой, отрывистой форме).

Мне приходится особенно настаивать на том, что в «Расплате» нет ничего, рассказанного «на память» (конечно, есть примечания, есть пояснения, но всегда с оговоркой, что те или иные сведения получены позже), особенно настаивать на ее характере «дневника» потому, что из личного опыта я мог убедиться (и неоднократно), как обманчивы «воспоминания». В бою — тем более. Не раз, перечитывая собственные свои заметки, я, если можно так выразиться, сам себя уличал, обнаруживал, что совершенно определенное представление о подробностях того или иного момента, очевидно создавшееся под влиянием (под внушением) рассказов, слышанных впоследствии, оказывалось в противоречии с записью... но стоило лишь прочесть эту короткую, в несколько слов, заметку, чтобы в памяти вновь ярко восстала действительная картина происшедшего.

Позволю себе привести здесь пример того, как основательно можно забыть подробность, не только не оставленную в свое время без внимания, но даже отмеченную, тогда же и собственноручно, в записной книжке.

Японцы в официальном описании боя при Цусиме (14 мая 1905 г.) упоминают, что в 4 ч. 40 м. пополудни (по нашим часам в 4 ч. 20 м., т. к. они считали время по меридиану Киото, а на эскадре — по меридиану полуденного места перед боем) отряд их дестройеров под командой кап. 2 ранга Судзуки атаковал вышедший из строя, объятый пожаром «Суворов», причем одна из выпущенных мин попала в кормовую часть броненосца с левой стороны, и он накренился градусов на 10. Никто из лиц, снятых с «Суворова» на «Буйный», не помнили о таком взрыве и прямо отрицали самую возможность его, утверждая, что подобный факт не мог бы пройти незамеченным ими, несмотря даже на тот адский расстрел, которому в то время подвергался «Суворов». Вместе с тем многочисленными свидетельскими показаниями офицеров и команды «Буйного» было установлено, что когда миноносец подходил к «Суворову», то последний

«имел крен на левую, приблизительно градусов 10, если не более». Снятые с «Суворова» офицеры и нижние чины подтверждали эти показания, так как все хорошо помнили, что бесчувственного адмирала [1] удалось сбросить на миноносец по спинам людей, цеплявшихся за обухи и кронштейны, расположенные по ватерлинии правого борта, которая в то время была высоко над водой. Когда же появился этот крен? Правы ли японцы, приписывая его происхождение взрыву мины, возможность которого отрицают люди, бывшие на самом броненосце, или он явился следствием течи по стыкам броневых плит и по швам обшивки левого борта, подставленного под град японских фугасных снарядов?.. Никто из очевидцев не мог «вспомнить», установить, хотя бы приблизительно, момент появления крена. Следует заметить, что нас опрашивали через несколько месяцев после боя. Я сам долго думал, пытался восстановить последовательность событий в своей памяти... и чистосердечно ответил — «не помню», — а вернувшись к себе и пересматривая листки моих лаконичных записей во время самого боя, прочел: *«3 ч. 25 м. пополудни. Сильный крен на левую; в верхней батарее большой пожар»*. Сразу же все вспомнилось. Не будь этой записи, удостоверявшей, что крен был уже в 3 ч. 25 м., т. е. за час до момента минной атаки, удаче которой японцы приписывают его появление, — я, может быть, присоединился бы к мнению тех, которые полагали, будто в горячке боя можно было не заметить минного взрыва.

Не буду хвастать моей памятью (хотя многие находят, что бог не обидел меня этим свойством), но и для любого человека казалось бы странным так основательно забыть факт, не только им замеченный, но и записанный тогда же.

Вот почему я подчеркиваю то обстоятельство, что «Расплата» — не воспоминания, а дневник.

Не скрою: не раз, под впечатлением сведений, полученных позже, у меня являлось искушение выпустить то или иное место, не приводить оценки того или иного события, которую давали ему *мы, там и тогда*, — но я воздерживался. Я говорил себе: «Это было. Мы так думали, так понимали. Пусть заблуждались, но это заблуждение ложилось в основу настроения масс и, несомненно, сказывалось в дальнейшем развитии их деятельности. Разве я взялся пи-

[1] З. П. Рожественский — начальник Главного морского штаба; командовал 2-й Тихоокеанской эскадрой во время ее перехода с Балтики на Дальний Восток и русскими корабельными силами в Цусимском сражении. Его объявили главным виновником поражения русского флота при Цусиме.

сать историю войны? Нет. Цель моего труда — дать читателям правдивое описание того, что пережил один из ее участников, заботливо, тогда же, на месте, заносивший в свой дневник все, доступное его наблюдению».

До сих пор ни один из соплавателей, ни один из боевых товарищей не обратился ко мне с пожеланием внести какие-либо поправки в мое изложение. Были возражения, но они исходили от лиц, пишущих историю по поручению начальства и на основании официальных реляций в тиши своих кабинетов. С ними я спорить не буду.

———

Часть первая[1]

Порт-Артур

I

— Ну вот. Добились своего. Теперь уж нечего разговаривать. Дай бог, в добрый час!.. — говорил адмирал, прощаясь со мною, и уже в дверях скороговоркой добавил:— Послушайте совета: не суйтесь зря. Судьба везде найдет. Если само начальство вызывает охотников, — значит, надо, а без этого — свое дело хорошенько делайте, и довольно. Выскакивать нечего. Погибнуть не трудно и не страшно, но погибать зря — глупо!

Проведя почти всю службу (за исключением двух лет в академии) в плаваниях на Дальнем Востоке, я осенью 1901 г. получил предложение занять место адъютанта штаба Кронштадтского порта, соединенное с должностью адъютанта главного командира, по его званию военного губернатора. Несмотря на нелюбовь к береговым штабам и канцеляриям, полюбовь, взращенную долгой службой исключительно в строю, т. е. на воде, я согласился, и даже охотно, так как в то время главным командиром в Кронштадте был вице-адмирал С. О. Макаров[2].

[1] Вл. Семенов — автор многих книг, посвященных флоту. Наибольшую известность ему (не только в России, но и за рубежом) принесли «Расплата», «Бой при Цусиме» и «Цена крови», составившие трилогию и выдержавшие с 1907 по 1915 г. несколько изданий. Здесь дается в сокращенном варианте только первая часть первой книги.

[2] Степан Осипович Макаров (1849—1904) — одна из наиболее ярких и одаренных личностей в русском флоте. Боевой талантливый флотоводец, опытный воспитатель-новатор, смелый мореплаватель, ученый, изобретатель, литератор, он обладал многими качествами, снискавшими ему славу и позволившими внести неоценимый вклад в развитие военно-морского искусства, военной педагогики и отечественной науки.

Не берусь здесь давать характеристики покойного адмирала, так трагически погибшего в тот именно момент, когда наконец после долгих лет борьбы с людьми, упорно тормозившими все его начинания, злорадно «совавшими палки в колеса», — он получил возможность без помехи, неся ответственность только перед Государем Императором, отдать на пользу родине свои способности, ум и неутомимую энергию. Его дела — достояние истории.

Я лично не обманулся в моих ожиданиях. Служить с адмиралом было нелегко; приходилось частенько не доедать и не досыпать, но в общем жилось хорошо. Отличительной чертой его характера (которой я восхищался) являлась вражда ко всякой рутине и, положительно, ненависть к излюбленному канцелярскому приему — «гнать зайца дальше» — т. е. во избежание ответственности за решение вопроса сделать на бумаге (хотя бы наисрочной) соответственную надпись и послать куда-нибудь в другое место «на заключение» или «для справки».

Единственные случаи, когда на моих глазах адмирал терял самообладание и лично, или по телефону, отдавал портовым чинам приказания в резкой форме, делал выговоры, грозил ответственностью за бездействие и проч. — это бывало именно тогда, когда обнаруживалось с чьей-нибудь стороны стремление «гнать зайца дальше» или утопить какое-нибудь требование в массе справок.

Нечего и говорить, что я, как «прирожденный строевой», глубоко сочувствовал такому настроению моего начальства и готов был служить ему по мере сил. Словом — как я уже говорил, — жилось хорошо.

Но вот, осенью 1903 года, в воздухе запахло войной, и, несмотря на весь интерес тогдашней моей службы, я заволновался и стал проситься туда, где родная мне эскадра готовилась к бою.

Адмирал с первого раза принял меня «в штыки», но я тоже ощетинился и настаивал на своем. Адмирал пробовал убеждать, говорил, что если война разразится, то это будет упорная и тяжелая война, и за время ее «все мы там будем», а потому торопиться нечего: здесь тоже дела будет по горло, и в такой момент адъютант уходить не имеет права. Я не сдавался и возражал, что если во время войны окажусь на береговом месте, то любой офицер с успехом заменит меня, так как я вместо дела буду только метаться по начальству и проситься на эскадру.

За такими спорами раза два-три чуть не дошло до серьезной размолвки. Наконец адмирал сдался, и 1 января

1904 г. последовал приказ о моем назначении старшим офицером на крейсер «Боярин». Еще две недели ушло на окончание срочных дел, сдачу должности, и прощанье, с которого я начал эту главу, происходило уже 14 января.

В Петербурге, являясь перед отъездом по начальству, я был конечно у адмирала Р.[1] и после обмена официальных фраз не удержался спросить: что он думает? будет ли война?

— Не всегда военные действия начинаются с пушечных выстрелов! — резко ответил адмирал, глядя куда-то в сторону. — По-моему, война уже началась. Только слепые этого не видят!..

Я не счел возможным спрашивать объяснения этой фразы, — меня поразил сумрачный, чтобы не сказать сердитый, вид адмирала, когда он ее выговорил. Видимо, мой вопрос затронул больное место, и в раздражении он сказал больше, чем хотел или чем считал себя вправе сказать...

— Ну, а все-таки, к первым выстрелам поспею?

Но адмирал уже овладел собой и, не отвечая на вопрос, дружески желал счастливого пути.

Пришлось откланяться.

На тот же вопрос добрые знакомые из министерства иностранных дел отвечали: «Не беспокойтесь — поспеете: до апреля затянем»...

Я выехал из Петербурга с курьерским поездом вечером 16 января...

До Урала, и даже дальше, экспресс был битком набит пассажирами, и общее настроение держалось самое заурядное; вернее, никакого особенного настроения в публике не обнаруживалось; но по мере движения на восток, по мере того, как местные обыватели, занятые исключительно своими делами, высаживались в промежуточных городах, определялась понемногу кучка людей, ехавших «туда». Их можно было подразделить на две категории: офицеры и вообще служащие самых разнообразных чинов, родов оружия и специальностей и (как говорят матросы) «вольные люди», самых неопределенных специальностей и народностей. Эти последние являлись наиболее характерными вестниками войны, как вороны, следующие за экспедиционным отрядом, как акулы, сопровождающие корабль, на котором скоро будет покойник...

Отчетливо, как сейчас, помню переезд через Байкал по льду. Не воспользовавшись правом пассажира экспресса за-

[1] Видимо, З. П. Рожественский.

нять место в неуклюжих железнодорожных пошевнях, взяв лихую тройку (идя на войну — чего ж считать деньги!), я, около полдня, отвалил от станции Байкал на станцию Танхой — 43 версты по льду озера-моря...

На той стороне Байкала, в Танхое, нас ожидал экспресс Восточно-Китайской дороги.

В вагоне первого класса оказалось только два-три инженера, ехавших по линии, полковник Л. и я. Завязалось знакомство. Говорили, разумеется, исключительно о положении дел в Маньчжурии и Корее. Мнения резко разделялись. Одни утверждали, что война неизбежна, что «не зря же японцы 10 лет создавали свою военную силу», выворачивая карманы населения, должны же они воспользоваться благоприятным моментом! Другие возражали, что «не зря же японцы 10 лет создавали свою военную силу», не для того же, чтобы все сразу поставить на карту и, в случае неудачи, снова и навсегда заглохнуть!..

Около полночи мы пришли на станцию Маньчжурия. Я крепко спал, когда Л. ворвался в мое купе и крикнул:

— Вы выиграли!

Сначала я не понял.

— Что? Что такое?

— Мобилизация всего наместничества и Забайкальского округа!..

— Мобилизация — еще не война!

Полковник только свистнул.

— Уж это — «ах, оставьте!» — у нас приказа о мобилизации боялись... вот как купчихи Островского боятся «жувела» и «металла». Боялись, чтобы этим словом не вызвать войны! Если объявлена мобилизация — значит, война началась! Значит, «они» открыли военные действия!..

Выскочив на платформу в Харбине (большая остановка, помнится, около получаса), я неожиданно столкнулся со старым знакомым по Дальнему Востоку, нашим (эскадренным) поставщиком М. А. Г.

— Откуда и куда?

— Из Артура, а куда — не знаю! Помогаю, как могу, провожаю жен, детей... Все бросили, бегут... совсем сумасшедшие...

Перед отходом экспресса я обратился к нему с вопросом:

— Куда вы теперь?

— С ними же, дальше...

Но тут мы на него напали и стали доказывать, что ехать на север ему нет расчета, что теперь-то и настало время, когда в Порт-Артуре дела делать, когда его присутствие

там необходимо. Особенно наседал полковник Л. Думаю, однако, все мы несколько лукавили и не столько заботились о выгодах Г., сколько хотели сохранить для себя очевидца событий, о которых... не успели расспросить его толком...

Экспресс покатил на юг, а мы сидели с ним за чаем в вагоне-столовой и жадно слушали новости. Узнать пришлось не бог весть как много. Без объявления войны японские миноносцы вечером 26 января атаковали нашу эскадру, стоявшую на внешнем рейде без сетей и со всеми огнями. Выходило так, что сравнительно дешево отделались. Могло бы быть много хуже.

— Но, понимаете, когда я утром увидел под маяком на мели «Ретвизан», «Цесаревич», «Паллада»... Русская эскадра! Наша эскадра! Господи!..

Он схватился за голову...

— Но каковы повреждения?

— Не знаю точно... «Ретвизан» — в носовой части, «Цесаревич» — корма, чуть ли не винты... И для них дока нет! Понимаете, дока нет!.. «Паллада» — пустяки — дыра большая, но в доке починят... Ай-ай-ай! Как можно? Как можно? Говорят: приказано — экономия... Ну, пусть экономия, но зачем отвечать — «так точно, все обстоит благополучно»... Теперь, наверно, будут строить! И денег не пожалеют!.. Поздно!.. Ах!.. Наша эскадра!..

— Но дальше? дальше?

— Что ж дальше? 27-го пришли, постреляли 40 минут и ушли. Как было дело, право, не знаю. Нарочно стреляли по городу или перелеты — не спрашивал... Просто — бежали все, кто мог... Говорили, если бы крепость была готова к бою, им бы здорово попало, но только у нас...

Рассказчик вдруг замолчал, боязливо оглянувшись, и ни за что не хотел доканчивать начатой фразы...

На станции Нангалин Г. нас покинул, надеясь каким-нибудь случайным поездом скорее добраться до Порт-Артура, мы же, пассажиры экспресса, связанные багажом, должны были проехаться в Дальний и уже оттуда проследовать к месту назначения. Это оказалось не так просто. Ввиду внезапно наступившей войны расписание было отменено. Удовлетворялись в первую очередь насущные потребности крепости и гарнизона...

К 12-му часу дня сквозь плач вьюги до нас долетели глухие удары редких пушечных выстрелов.

— Что такое? — поймал я проходившего мимо начальника поезда.

— Вы разве не знаете? — смущенно остановился он. — Хоронят погибших на «Енисее»...

— Ничего не знаем! — заволновались мы...

— «Енисей» погиб на минном заграждении, которое сам же ставил... «Боярин» — тоже...

Я так и вскинулся.

— Какой «Боярин»? Что с ним? Я сам еду на «Боярин» старшим офицером! Говорите толком!

— Говорито, черт вас возьми, — захрипел полковник, — ведь мы тут как в одиночном заключении!

— Господа! Ради бога! Я не могу, не приказано... — И начальник поезда убежал.

Еще больше часа томительного ожидания... Наконец раздались звонки, свистки, — поезд тронулся. Перед самым отходом в вагон вскочил наш спутник-путеец. Злобно швырнув в какое-то купе свою шубу, занесенную снегом, он вошел к нам, запер дверь и тяжело опустился на диван...

— Сдали!..

— Что сдали? Кого сдали?

— Не «что» и не «кого», а сами сдали!.. Понимаете? — сами сдали! — промолвил он, отчеканивая каждый слог. — Я это помню. Нам, в 900-м, тоже приходилось туго. Тоже — врасплох. Где не сдавали — выкручивались. Сдали — значит, сразу признали себя побежденными... И будут побиты! И поделом! — вдруг выкрикнул он. — Казнись! К расчету стройся! «Цесаревич», «Ретвизан», «Паллада» — подбиты мивяой атакой; «Аскольд», «Новик» — здорово потерпели в артиллерийском бою; «Варяг», «Кореец» — говорят, уничтожены в Чемульпо; транспорты с боевыми припасами захвачены в море; «Енисей», «Боярин» — погибли собственными средствами, а «Громобой», «Россия», «Рюрик», «Богатырь» — во Владивостоке, за 1000 миль!.. Крепость готовят к бою после начала войны! 27-го стреляли только три батареи: форты были по-зимнему; гарнизон жил в казармах, в городе; компрессоры орудий Электрического утеса наполняли жидкостью в 10 ч. утра, когда разведчики уже сигналили о приближении неприятельской эскадры!.. Не посмеют! — вот вам!..

Он отрывисто бросал свои недоговоренные фразы, полные желчи, пересыпанные крупной бранью (которую я не привожу здесь). Это был крик бессильного гнева... Мы, случайные представители генерального штаба и флота, слушали его, жадно ловя каждое слово, не обращая внимания на

брань. Мы сознавали, что она посылается куда-то и кому-то через наши головы, и, если бы не чувство дисциплины, взращенное долгой службой, мы всей душой присоединились бы к этому протесту сильного, энергичного человека, выкрикивавшего свои обвинения... Но странно: по мере того как со слов нашего собеседника ярче и ярче развертывалась перед нами картина нашей беспомощности (как оказалось впоследствии, его сведения, хотя и отрывочные, были верными) — какое-то удивительное спокойствие сменяло мучительную тревогу долгих часов неизвестности и томительного ожидания...

Я взглянул на полковника. Он сидел, весь вытянувшись, откинувшись на спинку дивана, засунув руки в карманы тужурки...

— Измена!.. Я верю, я не смею не верить, что бессознательная, но все же измена... — закончил путеец, тяжело переводя дух...

— Пусть так! Не переделаешь! — воскликнул полковник. — Но все это — только начало. За нами Россия! А пока мы ее авангард, мы, маленькие люди, — мы будем делать свое дело!..

И в голосе этого человека, всего час тому назад такого больного и слабого, мне послышалась та же звенящая нота, которой звучал голос молодого подпоручика, на вопрос «что же делать будем?» крикнувшего «умирать будем!»...

В Нангалине опять застряли на несколько часов. Вагон-столовую почему-то оставили в Дальнем. Пришлось питаться в станционном буфете. Небольшая комната, носившая громкое название «буфет и зало I и II класса», была битком набита публикой, обитателями Квантуна, стремившимися частью в Артур, частью в глубь Маньчжурии. Здесь не слышно было разговоров ни о наших неудачах, ни о шансах будущего... Глухие удары минных взрывов, обессиливавших флот, печальные звуки орудийного салюта, провожавшие в могилу безвременно и бесполезно погибших борцов, — не достигали сюда. Снаружи — плакала и злилась вьюга, наметывая сугробы над свежими могилами, а здесь — в душной комнате, в облаках пыли и табачного дыма — хлопали пробки, слышались речи о подрядах, поставках, об имуществах, приобретенных «за грош, по нынешним временам», швырялись бумажки и золото, чтобы «мне первому подали»...

Мы наскоро съели что-то и поспешили вернуться в поезд.

В Артур прибыли только около 11 ч. вечера...

К утру пурга улеглась; ветер стих, и солнце взошло при безоблачном небе. К 10 ч., когда я отправился являться по начальству, улицы превратились в непроходимую топь. Пользуясь случаем, немногочисленные извозчики... грабили совершенно открыто, среди бела дня, беря по 5 рублей за 5 минут езды...

Ныряя по выбоинам, пересекая лужи, похожие на пруды, жмурясь и прикрываясь, как можно, от брызг жидкой грязи, снопами вздымавшихся из-под ног лошадей и колес экипажей, — я жадно всматривался, пытался уловить и запечатлеть в своей памяти общую картину, общее настроение города... Поминутно попадались обозы, отмеченные красными флажками; тяжело громыхали зарядные ящики артиллерии; рысили легкие одноколки стрелков; тащились неуклюжие туземные телеги, запряженные лошадьми, мулами, ослами; высоко подобрав полы шинелей, шагали при них конвойные солдаты; ревели ослы, до надрыва кричали и ссорились между собою китайские и корейские погонщики; беззастенчиво пользовались всем богатством русского языка ездовые; с озабоченным видом, привстав на стременах, сновали казаки-ординарцы; с музыкой проходили какие-то войсковые части; в порту — грохотали лебедки спешно разгружавшихся пароходов; гудели свистки и сирены; пыхтели буксиры, перетаскивавшие баржи; четко рисуясь в небе, поворачивались, наклонялись и подымались, словно щупальцы каких-то чудовищ, стрелы гигантских кранов; слышался лязг железа, слова команды, шипенье пара; откуда-то долетали обрывки «Дубинушки» и размеренные выкрикивания китайцев, что-то тащущих или подымающих... А надо всем — ярко-голубое небо, ослепительное солнце и гомон разноязычной толпы.

«Какая смесь одежд и лиц, племен, наречий, состояний...» И тем не менее чувствовалось, что в этой суете, в этом лихорадочном оживлении не было ни растерянности, ни бестолочи. Чувствовалось, что каждый делает свое дело и уверен, что выполнит его, как должно. Огромная машина, которую называют военной организацией и которую в мирное время лишь по частям проверяют и «проворачивают вхолостую», — работала в настоящую, полным ходом.

Тяжелые впечатления вчерашнего дня — станция Дальнего, буфеты Нангалина и Порт-Артура, желчные речи путейца — все сгладилось, потонуло в чувстве солидарности с этой массой людей, еще так недавно почти чуждых друг другу, а теперь — живших одной жизнью, одной мыслью...

II

Первое место, куда я направился, был, конечно, морской штаб наместника [1]. Там я надеялся не только узнать что-нибудь достоверное о судьбе «Боярина», тесно связанной с моей собственной, но и вообще несколько ориентироваться, разобраться в слухах и сплетнях...

Начальник штаба к.-а. Витгефт, мой бывший командир, с которым я сделал трехлетнее плавание, встретил, как родного. Обнял, расцеловал, но сейчас же, словно предупреждая всякие вопросы, торопливо сообщил, что, «по слухам», еще есть надежда на спасение «Боярина», что мне надо, как можно скорее, явиться начальнику эскадры, что там мне все скажут, укажут и т. д., а сам в то же время схватился за какие-то бумаги, начал их перелистывать, перекладывать с места на место, как бы давая понять, что страшно занят и разговаривать ему некогда...

На «Петропавловске», где держал свой флаг начальник эскадры, настроение было еще более подавленное... Флаг-офицеры и другие чины штаба и судового состава радостно пожимали руки, нанерерыв расспрашивали о кронштадтских и петербургских знакомых, чрезмерно интересовались дорогой, но решительно уклонялись от всякого разговора о положении настоящего момента. Флаг-капитан был, по-видимому, занят еще больше, чем адмирал Витгефт. Он просто и без замедления провел меня к начальнику эскадры [2].

За три года, что я его не видел, адмирал мало изменился. Все та же фигура старого морского волка; даже седины не много прибавилось, но только добродушно-пронцательный взгляд серых глаз сделался каким-то сосредоточенно-усталым, словно обращенным куда-то внутрь. Казалось, что, произнося ласковые слова приветствия, отдавая приказания, он делает это чисто механически, по привычке, что мысли его заняты чем-то совсем другим, что, разговаривая со мною, он слушает не меня, а какой-то тайный голос, подымающийся со дна души, и с ним ведет свою беседу.

— ...Да, да... говорят — есть надежда. Командир, 70 человек команды отправились сегодня... искать... Может быть... Тогда, завтра — вы с остальными...

[1] Алексеев Евгений Иванович (1843—1918) — русский адмирал. С 1899 г. главный начальник и командующий войсками Квантунской области и морскими силами на Тихом океане. С 1903 г. — наместник царя на Дальнем Востоке. С начала русско-японской войны — главком сухопутных и морских сил на Дальневосточном театре. За неудачи в войне отстранен от должности.

[2] Вице-адмирал М. И. Старк.

Я попытался попросить разрешения отправиться теперь же на чем-нибудь... — на миноносце, на портовом барказе. Адмирал сначала как будто согласился.

— Да, да... конечно...

Потом, вдруг, словно что вспомнив, усталым голосом промолвил:

— Впрочем, нет... все равно... вряд ли... — и, круто повернувшись, даже не простясь, тяжелой походкой направился из приемной в свой кабинет...

Выйдя на набережную, я зашел в дом (или, как говорили, «дворец») наместника, расписался здесь в книге являющихся и направился домой, т. е. к приютившему меня товарищу...

Хозяин еще не вернулся со службы. Сбросив мундир, я сел у окна и стал глядеть... Прямо передо мной возвышался массив Золотой горы, увенчанной брустверами батарей, над которыми высоко в небе гордо вился по ветру русский флаг... «Где однажды поднят русский флаг, там он уже никогда не спускается», — пришла на память знаменитая резолюция Николая I на донесении о занятии Уссурийского края. Еще вчера, еще сегодня утром я верил в ее непреложность... Ну а теперь?.. Я не смел дать себе никакого ответа... Налево, в восточном углу бассейна, в доке, виден был «Новик», а из-за серых крыш мастерских и складов поднимался целый лес стройных, тонких мачт миноносцев, скученных здесь борт о борт; в легкой мгле, пронизанной лучами вечернего солнца, темнели громады «Петропавловска» и «Севастополя»; правее, в проходе на внешний рейд, через здания минного городка, видны были мачты и трубы стоящего на мели «Ретвизана»; еще правее, за батареями, постройками и эллингом Тигрового Хвоста, обрисовывались силуэты прочих судов эскадры, тесно набитых в небольшое пространство Западного бассейна, которое «успели» углубить...

Вечером пошел в морское собрание. Строевых офицеров, как наших, так и сухопутных, почти не было. Изредка забегали штабные или портовые. Преобладали чиновники и штатские обыватели. Сплетни и слухи, одни других невероятнее, так и висели в воздухе. Одно только признавалось всеми, и никто против этого не спорил: если бы японцы пустили в первую атаку не 4, а 40 миноносцев и в то же время высадили хотя бы дивизию, то и крепость и остатки эскадры были бы в их руках в ту же ночь...

Курьезно, что разговоры на эту, казалось бы, наиболее животрепещущую тему, носили какой-то «академический»

характер суждений о материях важных, но в будничной жизни несущественных.

Существенным, наиболее важным вопросом являлось: «Как-то наместник вывернется из этого положения?» Что он вывернется (и притом без урона), никто не сомневался. Но как? Просто талантливо отыграется или за чей-нибудь счет, т. е. кого-нибудь выставит «козлом отпущения»?

— Несдобровать Старку!.. Хороший человек, а несдобровать! Прямо скажу — жаль!.. А ничего не поделает! — хриплым басом заявлял грузный (и уже изрядно нагрузившийся) портовой чин.

— Напрасно так полагаете! — отозвался с соседнего стола некий «титулярный». — Не так-то просто скушать! Документик у него есть в кармане такого сорта, что «сам» на мировую пойдет! И не только на мировую — ублажать будет, к награде представит! Это все нам, в штабе, точно известно...

— А ты молчал бы лучше! — резко оборвал его сосед-собутыльник. — Документ-то у Старка, а не у тебя! Смотри, дойдет до... куда следует, — от тебя только мокро останется...

«Титулярный» вдруг присмирел.

На другой день, 2 февраля, еще до подъема флага, я был уже на «Петропавловске». Печальные вести: «Боярин» погиб. Приходилось искать места, куда бы пристроиться. По моему служебному возрасту это было не так-то просто. Помогли старые друзья по эскадре. Место нашлось чисто случайно. Опасно заболел и подал рапорт о списании командир миноносца «Решительный» лейтенант К. Для назначения меня на эту вакансию требовалась канцелярская процедура, которая обычным порядком заняла бы дня три, но тут ее обделали в несколько часов: по докладе начальнику эскадры его штаб должен был запросить штаб наместника, не встречается ли препятствий к моему назначению; штаб наместника, по докладе его высокопревосходительству, должен был ответить, и в случае благоприятного ответа, доложенного начальнику эскадры, этот последний мог отдать приказ о временном моем назначении, которое получало формальную санкцию после утверждения его приказом самого наместника.

Дело оборудовали блестяще. Я сам служил за рассыльного и носил бумаги из одного учреждения в другое.

— Ну, братец, теперь дело в шляпе, — говорил старый товарищ, у которого я поселился, — вечером выйдет приказ по эскадре, а о приказе наместника не заботься — он

в эти мелкие перемещения не входит. Это представлено Вильгельму Карловичу *, а он ответил — «препятствий нет». Поднесем «самому» корректуру подтвердительного приказа — пометка зеленым карандашом — и кончено!..

Я нашел К. в запасных комнатах морского собрания, лежащего в постели, в сильном жару **. Однако, что он твердо помнил, это отсутствие на его руках каких-либо денежных сумм.

— Только что начали кампанию, а потому денег никаких. Снабжение, припасы... там должно быть... в книгах... Вы найдете... — Он, видимо, усиливался вспомнить, привести в порядок мысли, лихорадочно теснившиеся в голове, но его жена, бывшая тут же, исполняя роль сестры милосердия, так красноречиво взглянула на меня, что я заторопился покончить деловые разговоры, пожелать доброго здоровья и уйти...

После полубессонных предыдущих ночей я спал как убитый, когда почувствовал, что кто-то толкает меня в плечо, и услышал настойчиво повторяемое:

— Ваше высокородие! А! Ваше высокородие!

— Что такое?..

— Так что вас требуют к телефону из штаба, и очень экстренно!

Серый рассвет ненастного дня глядел в окна. Видимо, было еще очень рано.

— Экстренно! Весьма экстренно! — повторял вестовой...

Я вынырнул из-под теплого одеяла и, ежась от холода, подбежал к телефону.

— Алло! Слушаю! Откуда говорят?..

— Вчера вечером вышел приказ о вашем назначении...

— Знаю! Знаю!..

— Можете ли вы сейчас вступить в командование? В 7 ч. миноносец должен выйти на рейд... Пары разводят...

(Я посмотрел на часы — 6 ч. 35 мин.!)

— Там поступите в распоряжение младшего флагмана. Флаг — на «Амуре». Получите инструкции. Как доложить начальнику штаба? Можете ли?..

«Незнакомый миноносец... Черт его знает какой... Сели — поехали... Какой вздор! Конечно, не могу...» — мелькало в голове... Но вдруг вспомнился вчерашний разговор —

---

* Контр-адмирал Витгефт — начальник морского штаба наместника.

** Лейтенант К. был эвакуирован, но доехал только до Харбина, где скончался.

«принимай скорей, проскочило — пользуйся» — и вместо энергичного отказа я крикнул в телефон:

— Конечно, могу! Доложите адмиралу — еду сию же минуту! Дайте к пристани дежурный катер!

При помощи хозяина дома, тоже сорвавшегося с постели на звонки телефона, наскоро побросали в первый попавшийся чемодан все, что находили крайне необходимым, и через несколько минут я уже был на адмиральской пристани в сопровождении вестового, тащившего вещи, а еще минут через пять высаживался на «Решительный».

Меня встретили: лейтенант (минер), два мичмана и механик. Было не до церемоний. Познакомились, и я, прямо, не спускаясь вниз, прошел на мостик.

Было 7 ч. утра.

Золотая гора на своей мачте уже держала сигнал: «Решительный», ход вперед!»

«Господи, благослови!» — подумал я и скомандовал:

— Отдать носовые швартовы!

Миноносец оказался на редкость послушным суденышком. Несмотря на полное с ним незнакомство, я благополучно развернулся в каше судов, заполнявших Восточный бассейн, вышел в проход, обогнул «Ретвизан», окруженный всякими «портовыми средствами», и, сопровождаемый миноносцем «Стерегущий», следовавшим за мной, оказался на внешнем рейде, где ждали нас «Амур», под контр-адмиральским флагом, «Гиляк» и «Гайдамак».

Единственная полученная мною инструкция с «Амура» был сигнал: «Следовать за мной. Держаться на правой раковине».

Пошли в направлении к Талиенвану.

Погода была подозрительная. Пасмурно. Тянул слабый восточный ветер. В воздухе кружились редкие снежинки... Я пригласил на мостик лейтенанта и спросил его: есть ли таблицы девпаций компасов? Он отозвался полным незнанием, так как назначен на миноносец только вчера... Спросил старшего из мичманов, который оказался старожилом — на миноносце уже две недели, — он сообщил, что в эту кампанию никто к компасам не прикасался и магниты стоят по-прошлогоднему.

— То-то я смотрю, что вместо курса, данного адмиралом, наш главный компас показывает не то цену дров, не то число жителей! — пошутил я; но в душе было не до шуток... Скройся за снегом берега, и я, не зная поправки своих компасов, оказался бы привязанным к «Амуру», как слепой к поводырю.

Часу в десятом подошли к о-вам Сан-шань-тау у входа в залив Талиенван.

«Амур» сделал сигнал: «Миноносцам осмотреть бухты Кэр и Дип» — и вместе с прочими судами отряда («Гиляк» и «Гайдамак») дал малый ход, мы же, наоборот, увеличили скорость. Я был старшим, и «Стерегущий» следовал за мной.

Как сейчас помню этот мой «первый выход»...

Бухты Кэр и Дип (к востоку от Талиенвана) были мне хорошо знакомы по прежним плаваниям. Не было нужды ни в компасе, ни в карте, — только бы видеть приметные мысы и камни. В этих бухтах мог быть неприятель. Приказано — осмотреть. Но если кого увидим?.. Запрещения нет! Значит, ясно — атаковать.

— Больше ход! Боевая тревога! — крикнул я, оборачиваясь назад с мостика.

Команда побежала по своим местам.

— Так в случае... Вы думаете атаковать? — услышал я рядом голос минера...

— Конечно!.. — И по огоньку, блеснувшему в его глазах, увидел ясно, что мой ответ пришелся ему по душе. — Да, приготовьте рулевые закладки: если миноносцы, свалка, — минами по поверхности...

— На какой борт?

— На какой выйдет! Поставьте один аппарат на правый, другой — на левый, а уж там — не зевайте!

— Есть!

К мостику подбежал механик.

— Будьте готовы на самый полный! — крикнул я, предупреждая его вопрос.

— Атака?

— А кто знает?

Мы шли узлов 16. Сзади, в кильватер «Решительному», мчался «Стерегущий», взбрасывая носом пенистый бурун.

Ближе и ближе бурая, чуть посыпанная снегом, громада утесистого мыса, скрывавшего от нас бухту... Если кто есть — ворвемся неожиданно!.. А вдруг с той стороны тоже караулят?.. Сердце билось так шибко, было так жутко и так хорошо...

Никого!

Оба миноносца, описав по бухте дугу, выскочили в море и, тем же порядком, осмотрели следующую.

Опять — никого!.. Весь наш задор пропал даром...

Как только сигналом я донес, что обе бухты свободны от неприятеля, «Амур», приказав «Гиляку» и «Гайдамаку»

ждать его на прежнем месте, сам пошел ставить мины. Мы, т. е. «Решительный» и «Стерегущий», получили приказание следовать за ним несколько в стороне и сзади, чтобы расстреливать (топить) неудачно поставленные и всплывшие мины, которые могли бы указать неприятелю место заграждения.

Это конвоирование минного транспорта, шедшего со скоростью 5—6 узлов, было только скучно...

5 февраля произошел инцидент сам по себе незначительный, но причинивший мне немалое огорчение.

Я стоял борт о борт с «Амуром» и принимал уголь. Погрузка еще не была закончена, когда меня потребовали к адмиралу.

— Можете ли вы немедленно дать ход?

— Так точно!

— Рабочие барказы почему-то возвращаются. Им было приказано возвращаться, если увидят что-нибудь подозрительное... Ступайте, узнайте, посмотрите. Если ничего нет,— прикажите им продолжать работу.

— Есть!

Через несколько секунд «Решительный» уже мчался из гавани навстречу медленно двигавшемуся рабочему отряду.

Поравнялись. Застопорили машины.

— В чем дело?

— В море как будто японский миноносец!

— Сколько?

— Один!

— Большой?

— Не разобрать! Далеко!

Всего вероятнее — какое-нибудь недоразумение: либо свой, либо померещилось. Погода ясная — ни тумана, ни снега. Что же делать тут, при подобных условиях, среди бела дня, одинокому миноносцу? А если забрел, то — ему же хуже! Я ни минуты не колебался.

— Возвращайтесь на работу! Я его прогоню!

Пока неуклюжие барказы с гребными шлюпками на буксире разворачивались своим черепашьим ходом, «Решительный», лихо рассекая невысокую, но крутую встречную волну, весь в пене и брызгах, мчался к проливу между островами Сан-шань-тау.

Опять — боевая тревога; опять — с возбужденными, радостными лицами разбежались по своим местам офицеры и команда...

Выскочили в море. Горизонт совершенно чист. Видимость миль на 10. Кругом — ничего, кроме одной китайской шампунки, четырехугольный парус которой, стоявший вкось, действительно можно было издали принять за трубу...

— Не везет нам, ваше высокоблагородие! Второй раз! — не удержался от фамильярного замечания старший рулевой.

— А может быть, и есть?.. За угол спрятался?.. — нерешительно, словно про себя, промолвил мичман, стоявший на ручках машинного телеграфа.

Сам я не верил в подобную возможность, но эти два замечания показались мне голосом народа, т. е. всего экипажа, и я подумал, что было бы крупной ошибкой не поддержать этого настроения бодрого, молодого задора, этого порыва переведаться с врагом...

— Ну что ж? Поищем. Может, и подвезет! От нас не спрячешься! Самый полный ход! Смотри в оба, молодцы!

Загремели звонки машинного телеграфа...

Пробежали к одному мысу, к другому, заглянули, — никого. Никакого признака неприятеля...

К вечеру, возвратившись на свое охранное место, я поехал на «Амур» с рапортом. Адмирал встретил меня весьма сурово и, выслушав доклад, заявил:

— Вам было приказано только узнать, посмотреть и донести, а не пускаться в авантюры!

— Но, ваше превосходительство, на основании того, что я узнал, я считал себя вправе действовать...

— Вы не имели права рисковать своим миноносцем! Вы обязаны беречь вверенное вам судно!..

Возвращаясь с «Амура», я был совсем... расстроен.

«Как, — думалось мне, — не рисковать?.. Но ведь вся война — это сплошной риск и людьми, и судами! Разве любая атака миноносца, даже в самых благоприятных условиях, не есть, с точки зрения благоразумной осторожности, самый отчаянный риск?.. Беречь свое судно!.. Но ведь если его берегут в мирное время, то единственно для боя! Если беречь суда от встречи с неприятелем, то лучше всего было бы спрятать их в неприступные гавани, но тогда на кой черт самый флот?!».

«Не рисковать» — вот формула, которой с одинаковым успехом держались: Алексеев — на море, а Куропаткин — на суше.

Сколько раз вспоминал я эту формулу в течение войны, вспоминал со злобой... с проклятием... Ведь рискнуть все-таки пришлось, но только уже после целого ряда неудач, бес-

плодно растратив немало сил, не использовав первого подъема духа... В результате — Мукден и Цусима...

Тогда, в то время, я, конечно, не знал и не мог знать, чем дело кончится, но, правдивый сам пред собою, в своем дневнике не мог не отметить, что в душе всецело присоединяюсь к тому глухому ропоту, который слышался кругом и который я, по долгу службы, старался утишить...

Полагаю, понятно, что, вернувшись домой, на миноносец, я ни словом не обмолвился о моей беседе с адмиралом. Я считал, что то настроение задора, предприимчивости, жажды сцепиться, подраться, которое каким-то неведомым путем создалось и овладело офицерами и командой, — необходимое, первое условие успеха деятельности такого судна, как миноносец. Я считал преступлением расхолаживать их, внушать, что мы не должны «рисковать» (чем? — встречей с неприятелем?) и обязаны «беречь вверенное нам судно» (от чего? — от неприятельских снарядов?).

———

7 февраля наша работа была закончена, и мы возвратились в Порт-Артур. За все время японцев так и не видели, зато от постоянно менявшейся погоды пришлось немало вытерпеть. Иные дни, даже при ветре, температура держалась 2—3° выше нуля, иногда же, при штиле, мороз доходил до 7°, и за несколько часов поверхность гавани покрывалась льдом, впрочем таким тонким, что миноносец резал его без затруднения и без опасности для корпуса.

За эти же дни обнаружилось весьма неприятное свойство наших мин заграждения. Испытывались они на тихих учебных рейдах, вроде Транзунда (в Балтийском море) и Тендровской косы (в Черном море), где были признаны вполне удовлетворяющими своему назначению. Но здесь, в бухтах, куда заходила зыбь с открытого (настоящего) моря, где действовали приливо-отливные течения, из-за ничтожной конструктивной ошибки они оказались опасными не только для врагов, но и для друзей. Минреп, т. е. веревка, свитая из стальной проволоки, которая соединяет мину с якорем и держит ее на месте, проходит через отверстие, вырезанное в особом щите, называемом парашютом. Отверстие в парашюте выдавливалось общепринятым для этой цели станком, и никому в голову не приходило обратить внимание на то, что края его острые. Между тем, на зыби и переменных течениях, минреп при малейшей «слабине», дававшей ему возможность движения, терся об эти острые

края, перетирался, и мина, вполне готовая при малейшем ударе к взрыву, пускалась в плавание по воле волн.

Был случай, когда такая мина подплыла к стоявшей у самого берега моря фанзе рыбака-китайца, ударилась о прибрежные камни, и — от фанзы со всеми в ней находившимися ничего не осталось... Другая при тихой погоде подплыла к пологому берегу и здесь обсохла во время отлива. Ее нашел обход какого-то стрелкового полка, решил предоставить начальству и поволок... Конечно — взрыв... Из 12 человек обхода чудом уцелел только один, который и мог рассказать, как было дело... Разумеется, никто, ни мы, ни японцы, не были обеспечены от возможности наткнуться на подобную мину, плавающую в открытом море.

Уходя из Талиенвана, мы видели две таких. Было дано приказание их уничтожить.

В Порт-Артуре меня ожидал тяжкий удар...

Только что успел я ошвартоваться у набережной, где находились угольные склады, и начать погрузку, как офицер, прибывший на дежурном катере, сообщил мне, что уже состоявшимся приказом наместника он назначен командовать «Решительным», а я перевожусь старшим офицером на «Ангару»...

— Миноносец пришел на отдых? — спрашивал «новый командир», не выходя с катера...

— Какой тут отдых! Приказано погрузиться углем, перейти к мастерским, за ночь выполнить необходимые работы (кое-что есть в машине) и к 8 ч. утра быть под парами в готовности идти на рейд!.. Вступайте в командование!..

«Новый» сразу переменил тон, поспешно выскочил на палубу, начал пожимать мне руки...

— Как же так! Совсем неожиданно! Я вовсе не готов!.. Уж вы не откажите в дружеской услуге: по окончании погрузки переведите миноносец к мастерским. Войдите в мое положение — первый раз на судне, в сумерках, а может быть и ночью, менять место в такой каше... — просительно заговорил он...

Было уже совсем темно, когда, установив «Решительный» у эллинга, в ряду других миноносцев, я собрался его покинуть. Сборы были недолгие — один чемоданчик, прочие вещи еще оставались на берегу, на квартире товарища, откуда я так внезапно был вытребован. За поздним временем решил ночь провести у него же, а к месту нового служения явиться завтра.

К кают-компании офицеры собрались проводить «по

обычаю». Чокнулись, выпили, но пожелания были какие-то смутные, сбивчивые, словно на поминках... Мне показалось, что за этот короткий срок — всего 5 дней — мы успели сжиться, и расставание вышло тяжелым. Надо было скорей кончать.

— Ну, господа! — обратился я к ним. — Как бывший командир, хотя и кратковременный, благодарю вас за службу. Все было отлично. С судьбой спорить не приходится. Всякому свое. Я буду гнить на транспорте, а вам желаю, чтоб на первом же шоколаде с картинками, который выпустят за время войны, — была фотография «Решительного»!

— Спасибо! Спасибо! За нами дело не станет! Вам дай бог! Что вы говорите! Вам ли сидеть на транспорте! — зашумели все вдруг.

Я поспешил выйти наверх. Там, особенно после яркого освещения кают-компании, была тьма кромешная (по военному положению — снаружи не должно быть видно никакого огня), только вестовой чуть приоткрытым, боевым фонарем указывал дорогу к трапу.

— А команда? — схватил меня за руку лейтенант в то время, как я собирался садиться в вельбот...

Оглянувшись, уже несколько освоившись с темнотой, я различил ряды человеческих фигур, черневших вдоль борта.

— Зачем же это? Какой тут парад! Не по уставу: ночь — спать должны!..

— Я не приказывал; сами вышли — хотят проститься...

Я ступил несколько шагов вперед, вдоль фронту.

— Спасибо за службу, молодцы! Дай бог вам и вашему миноносцу скорой встречи с неприятелем и славного боя! Прощайте!

— Рады стараться! Покорнейше благодарим! Счастливо оставаться!.. — загудело во тьме нестройно, но так сердечно, что... я был рад мраку ночи...

Традиционный поцелуй боцману, последнее рукопожатие офицерам, несколько взмахов весел и... все конечно, все осталось далеко позади...

— Что случилось? В чем дело? — набросился я на приютившего меня (штабного) товарища. — Что ж ты мне сказки рассказывал, что все налажено, все устроено...

— Но, пойми...

— Нет! Ты — пойми! Я бросил свое место ради войны!

Кронштадтские транспорты не хуже артурских, да ведь я не пошел бы на них! Всю службу провел на боевых судах, а пришла война — попал на транспорт? Что ж это такое? Не нашлось у вас, что ли, цензовиков для «Ангары»? Непочатый угол, я думаю!..

— Погоди, погоди! Отругался — и будет. Все было сделано так, как я говорил. И корректуру приказа поднесли на утверждение, как всегда, для проформы... Вдруг — собственноручно, зеленым карандашом, вычеркнул, говорит: есть старше. Вильгельм Карлович пробовал за тебя заступиться... Куда ж, говорит, его? Ведь был назначен старшим офицером... А он — на «Ангару»! — и сам пометку сделал... «Он» все помнит...

Я плохо спал эту ночь, вернее, вовсе не спал.

Старшинство было, очевидно, пустым предлогом. Из числа командиров миноносцев можно было насчитать нескольких много моложе меня... Но тогда — что же? Неужели теперь, в такое время, на таком посту, помнит, что несколько лет тому назад какой-то лейтенант не захотел быть придворным летописцем... Помнит, что этот маленький чин осмелился сказать «его» адъютанту, что никогда еще не продавал ни своего пера, ни своей шпаги!.. Но ведь если даже унижаться до таких мелких личных счетов, так и то это — счеты мирного времени!.. Перед грозой войны о них забыть нужно! Так честь, так долг, так совесть велит!..

«Не может быть! — думал я, ворочаясь на постели и тщетно пытаясь уснуть. — Ведь у нас война! Настоящая война, а не китайская бутафория... На войне охотников-добровольцев пускают в первую голову...»

С невольной горечью вспомнился рассказ про одного из наших известных адмиралов, как он, будучи еще старшим офицером, на замечание командира, отличавшегося самовластием (чтобы не сказать самодурством): «У меня так служить нельзя!» — ответил: «Я не у вас служу, а с вами служу... Меня нанять к себе на службу — у вас денег не хватит!»

Какой ужасной ересью было бы признано такое исповедание веры в Порт-Артуре времен наместничества!..

Чуть забрезжил свет, я уже был на ногах и, едва дождавшись положенного срока (начала присутствия), поспешил в штаб.

В. К. Витгефт принял меня немедленно, но еще более, чем в первое свидание, казался озабоченным и смущенным.

— Напрасно вы так огорчаетесь насчет «Ангары», — пробовал утешить он, — это вовсе не транспорт. Она уже

зачислена в крейсерский отряд. Ей, может быть, предстоят весьма важные операции... Пароход недавно принят от Добровольного флота; команда сборная... На вас рассчитывают, что вы там все устроите... Это дело старшего офицера... и очень ответственное и серьезное дело...

— Но если это назначение такое почетное, то несомненно на него найдутся кандидаты и старше, и достойнее меня. Я отнюдь его не домогаюсь. Я был назначен старшим офицером на «Боярин». «Боярин» — погиб. Смешно было бы проситься на другой корабль тоже старшим офицером, я и не думаю об этом, но я прошу какого-нибудь места на боевом корабле! Для этого я сюда ехал. Вы меня знаете — я штурман первого разряда, много плавал, и здешние места знакомы мне в совершенстве... Назначьте меня штурманом! Если нельзя — хоть вахтенным начальником! Я всем буду доволен!..

Адмирал, всегда бывший плохим дипломатом, не выдержал роли и, перегнувшись ко мне через стол, беспомощно развел руками.

— Ну что я могу? Неужели вы думаете, что я бы... Но, когда... понимаете, *собственноручно! Зеленым карандашом!..*

Не стоит говорить о том, что я думал и чувствовал, выходя из штаба...

На пороге меня задержал один из старых приятелей.

— Макаров назначен в Тихий океан с званием командующего флотом, — скороговоркой на ухо шепнул он.

— Что?.. А вы?..

— Уезжаем... Доволен? Теперь не засидишься на «Ангаре»! Только не болтай, пока — секрет...

Я от души пожал ему руку и с облегченным сердцем отправился к новому месту службы.

III

На «Ангаре» мне впервые пришлось встретиться с очевидцами катастрофы 26 января и непосредственными участниками 27 января, притом встретиться в кают-компании, в качестве сослуживца, а не чужого человека.

Позволю себе здесь маленькое отступление. Принимаясь за настоящую работу, я вовсе не собирался писать историю минувшей войны на море: такой труд будет возможно осуществить во всей своей полноте лишь тогда, когда «секретные», «весьма секретные» и «конфиденциальные» донесения, предписания и отношения сделаются общим достоянием. В настоящий момент мы волей-неволей вынуждены довольствоваться официальными реляциями (в которых многое опущено, многое подчеркнуто, — сообразно условиям военного времени) и частными источниками.

В числе последних, лично для меня, является, вполне естественно, самым достоверным мой дневник, который я вел беспрерывно с отъездом из Петербурга, 16 января 1904 г., и до возвращения туда же, 6 декабря 1905 г. В него занесены все факты, которых я был непосредственным свидетелем, равно как и рассказы очевидцев, переданные под первым, свежим, впечатлением только что совершившегося события. Не одни только факты, но и отношение к ним окружающих заботливо отмечалось мною. Теперь я хочу на основании этих моих заметок попытаться рассказать читателю не историю войны, но историю людей, принимавших в ней участие. Я хочу, насколько сумею, с фотографической точностью воссоздать те настроения, которые владели нами, рассказать без утайки о тех надеждах и сомнениях, которые нас волновали, о тех разочарованиях, которые довелось пережить...

Впечатление, вынесенное мною за первые дни моего пребывания в Порт-Артуре, было весьма странное... Казалось, только что совершившиеся грозные события не слишком занимали общественное мнение: чувствовалось, что все живут под гнетом страха, но не за судьбу эскадры или крепости, а за свою собственную, и притом не в смысле покушения на жизнь и достояние со стороны врага, а в смысле... благорасположения начальства.

Как-то еще обернется дело? Кто окажется виноватым? Не влететь бы в грязную историю? — эти вопросы, видимо, мучили всех и высоких и малых чинов.

Надо заметить, что население П.-Артура составляли почти исключительно либо служащие, либо люди, находившиеся в непосредственных сношениях с казной, благосостояние которых всецело зависело от настроения начальства. Вот почему на мои вопросы о подробностях, а главное о причинах разыгравшейся катастрофы, я ни от кого не мог добиться обстоятельного ответа. Все либо отмалчивались, либо отговаривались незнанием, либо внезапно вспоминали неотложное дело, не позволяющее продолжать беседу. Ведь, излагая факты, надо же было осветить их с той или иной точки зрения... а это было «крайне опасно»!.. Видимо, из опыта прежних лет всякий знал, что смелый отзыв, самостоятельное суждение немедленно, неисповедимыми путями достигнут туда, куда следует, и неосторожный (часто недоумевая — в чем дело) вдруг почувствует на себе карающую

руку... Это не было проявлением суровой дисциплины, как утверждали некоторые: ведь дисциплина — это есть сознательное подчинение закону всех, от самого старшего до самого младшего, «не токмо за страх, но и за совесть», а здесь был только страх, страх перед всесильным, безответственным начальством...

Зато как развязались языки, когда известие о назначении адмирала Макарова (сколько ни старались сохранить его в секрете) разнеслось по городу!.. И здесь ярче всего сказалась цена этой дисциплины «токмо за страх». Уж я-то никоим образом не мог бы быть причислен к поклонникам наместника, но и меня не раз коробило «ослиное копыто», проглядывавшее в смелых речах вчерашних «всепреданнейших»...

Эскадра Тихого океана, на которой я провел почти всю мою службу, не являлась для меня понятием отвлеченным или просто сборищем судов, — нет, это было живое, дорогое, близкое, проникнутое единым духом существо, с которым я сроднился, которое горячо полюбил. Отправляясь на Восток, мне всегда казалось, что я еду «домой». Я был участником жизни этой эскадры, когда, если можно так выразиться, она была еще в детском возрасте, а за последнее плавание, продолжавшееся пять лет, был свидетелем расцвета ее сил во времена командования Дубасова и Гильтебрандта... Мне не привелось наблюдать ее постепенного упадка, — я видел только ее гибель.

«Но неужели же за три года моего отсутствия, — спрашивал я себя, — могла совершиться такая перемена? Могла погибнуть, разложиться на составные элементы такая стройная, могучая организация?..»

Живя в Кронштадте, я, конечно, знал об учреждении в Тихом океане вооруженного резерва, о сокращении кредитов на плавание, вследствие чего корабли, даже избегнувшие резерва, плавали не больше 20 дней в году, а остальное время изображали собою плавучие казармы; знал также о постоянных переводах и перемещениях офицеров, но вера в «эскадру» оставалась во мне непоколебимой.

«Это все временное, — думалось мне. — Внешние причины создали некоторое расстройство, и стоит им исчезнуть, чтобы порядок восстановился. Подойдет война, и «гастролеры» отхлынут; офицеры поспешат вернуться на «свои» корабли, и эскадра заживет полной жизнью».

Я так хорошо помнил, так сроднился с этим культом «своего» корабля, господствовавшим на эскадре. Я знал лейтенанта, пробывшего уже три года в чине, но за отсутствием естественного, домашнего, движения все еще оставшегося вахтенным офицером... и упорно отказывавшегося от назначения вахтенным начальником потому, что такое повышение неизбежно обуславливало перевод с «нашего» «Нахимова» на «какой-то» «Корнилов»; знал другого лейтенанта, бывшего офицером уже 15 лет, который состоял старшим артиллеристом на броненосце внутреннего плавания и узнав, что «его «Донской», недавно вернувшийся из Тихого океана, внезапно опять отправляется туда, — бросился просить по начальству и был счастлив, добившись назначения на «свой» крейсер на должность вахтенного начальника (на содержание вдвое меньшее)... Я мог бы привести еще много подобных примеров, но думаю, что и этих достаточно. Я помнил запальчивую молодежь, всегда готовую, с оружием в руках, потребовать удовлетворения за непочтительный отзыв о «своем» корабле, и разыгрывавшиеся на той же почве драки подгулявших на берегу матросов, решавших вопросы чести «своего» корабля более простым и грубым способом...

Да не подумает читатель, что это было своего рода бретерство.

Совсем нет.

Такое настроение наиболее впечатлительных элементов вполне естественно вытекало из убеждения, что если каждый отдает всю свою заботу, всю энергию на службу «своему» кораблю, то он, этот корабль, не может не быть самым лучшим! Ведь за каждым маневром, за каждой работой, на каждом общем учении сотни ревнивых глаз следили за своими соседями, и сохрани бог, если дружный хор этих строгих и опытных критиков уличал кого-нибудь в том, что они «показывают Петрушку»... На почве этого соревнования кораблей вырос «культ эскадры», в которой каждый корабль стремился быть лучшим ее украшением. Боже мой, как ревниво следили (по приказам, отчетам и корреспонденциям) за тем, что делается в других морях! Как стремились к первенству в боевом отношении перед всякими другими эскадрами и отрядами!..

Помню, как, проплавав три года старшим штурманом на «Донском», я получил предложение адмирала Дубасова[1] вступить в его штаб старшим флаг-офицером. Вышло это совсем неожиданно и так меня поразило, что я попросил

[1] Дубасов Федор Васильевич (1845—1912). В 1897—1899 гг. командовал Тихоокеанской эскадрой. В 1905—1906 гг. — московский генерал-губернатор, организатор разгрома Декабрьского вооруженного восстания.

сутки на размышление и, вернувшись «домой», стал советоваться с командиром, старшим офицером и старожилами кают-компании: «Как быть? Можно ли бросить крейсер? Не будет ли это изменой?» Судили, рядили и пришли к заключению, что отказываться нельзя, что это не перевод на другой корабль, хотя бы и с повышением (что было бы некорректно по отношению к «своему» кораблю), но переход на службу всей «нашей» эскадре, в которой «Донской» хотя и самый лучший, но все же только один из многих...

Все это я помнил. И вот почему не колебалась моя вера в «эскадру». Я верил, что жив дух ее. Я не знал, что за три года, проведенные мною в Кронштадте, там, далеко, под Золотой горой Порт-Артура, делалось (может быть бессознательно) все возможное к тому, чтобы угасить этот дух... что там командир, который действительно берег и любил свой корабль, который не скрывал никакой, хотя бы самой ничтожной, неисправности, докладывал о ней, просил разрешения ее исправить, так как с течением времени эта мелочь могла перейти в крупное повреждение, — такой командир считался «неудобным» и «беспокойным»... Наместнику надо было только одно: чтобы за время его владычества не было других донесений, кроме — «все обстоит благополучно», — на основании которых сам он имел бы право всеподданнейше доносить, что «вверенный ему флот неизменно пребывает в полной боевой готовности и смело отразит всякое покушение со стороны дерзкого врага».

Кто не умел или (что еще хуже) не хотел проникнуться этим принципом, осмеливался думать, что служит не наместнику Его Величества, а самому Государю Императору, что наместнику он — только подчиненный и лишь Государю — верноподданный, что пред лицом Верховного Вождя и командующий флотом, и матрос 2-й статьи — одинаково слуги Престола и Отечества, ревность и преданность которых ценятся вне зависимости от их иерархического положения,— те не в чести были...

Надо отдать полную справедливость: адмирал Алексеев, облеченный почти самодержавной властью, сумел достигнуть своей цели — близ него были исключительно если не «всеподданнейшие», то, по крайней мере, — «всепреданнейшие»... О плебсе, конечно, и думать не стоило — ему нужны только ежовые рукавицы, — а что касается тех, которые были не близко и не далеко, т. е. в массе офицерства, — в среде их, путем постоянных переводов с корабля на корабль, систематически вытравливался всякий дух сплоченности, единения, внедрялась идея, что при благосклонности начальства, «числясь» на портовом пароходе, можно идти по службе много шибче, чем ревностно исполняя свои обязанности на боевом корабле.

Теперь — ни в порту, ни в клубе, ни даже на эскадре — нигде не приходилось слышать разговоров на старую, дорогую тему: «А вот у нас, на корабле...» или «У нас, на эскадре...».

Все интересы сосредоточивались на успешном прохождении службы. Говорили о том, «кому подвезло», соображали насчет открывающихся вакансий, где больше содержания, какое место больше «на виду» у начальства... Правда, иногда раздавалось: «У нас в Артуре...» Но как обидно было слышать такие слова в разговоре морских офицеров, для которых, по образному определению адмирала Макарова, должно было бы считаться основой служебной этики: «В море — значит дома...» Превращение кораблей в плавучие казармы, видимо, удалось выполнить с блестящим успехом...

Разумеется, больше всего меня интересовала достоверность ходивших по городу слухов о недавних событиях, тех слухов, которые еще в Харбине сообщали нам артурские беглецы и которые они несомненно развезли по всей России...

— Правда ли, — спрашивал я, — что эскадра проявила беспечность... прямо непонятную? Что она стояла на внешнем рейде со всеми огнями, без паров, без сетей, без охранных и сторожевых судов? Что в самый момент атаки не только многие офицеры и командиры, но даже сам адмирал находились на берегу, празднуя день ангела М. И. Старка?

— Прежде всего признайте, что личный состав «Ангары», — (беседа происходила на «Ангаре» с одним из новых сослуживцев), — по существу дела, самый беспристрастный свидетель всего происшедшего. В эскадре мы состоим без году неделя, не связаны с ней никакими традициями, никакой привычкой долгой совместной службы, даже наоборот — можем считать себя обиженными, так как попали вместо боевого судна на вооруженный пароход... Так вот, я вам отвечу категорически: первая часть вашего вопроса — горькая истина, но с оговоркой, что не эскадра виновата в проявленной беспечности, которую вы мягко назвали непонятной, а я прямо скажу — преступной! Что касается второй части — то это сплетня, пущенная с явной

целью взвалить всю ответственность за происшедшее на адмирала Старка...

— Значит — неправда?

Мой собеседник досадливо передернул плечами и резко, отчеканивая каждое слово, продолжал:

— С того момента как эскадра стала по диспозиции на внешнем рейде, приказано было, раз навсегда, чтобы к заходу солнца, к 5 часам дня, весь личный состав был на своих судах, и сообщение с берегом прекращалось вплоть до рассвета. Это было единственное распоряжение, в смысле мер предосторожности, которое начальник эскадры мог отдать своей властью, не спрашивая разрешения наместника. И это приказание в точности выполнялось. Особенно 26 января! Еще бы!.. Ведь все мы видели, как пришел пароход с японским консулом в Чифу, чтобы забрать и увезти из Артура японских подданных. Мы видели, как он стоял на якоре, чуть что не посреди эскадры, как он торопился уйти засветло. Кому же не было ясно, что это — война! Или вы думаете, что мы этого не понимали?!. Да разве, если бы вся эскадра не была начеку, подхватили бы так быстро, по всем судам, боевую тревогу? Разве бы могли так дешево отделаться?!.

Ко времени этого разговора из Чифу уже были получены (из частных, но достоверных источников) сведения, что на пароходе, приходившем в П.-Артур 26 января, кроме консула находился еще и неофициальный японский морской агент, проживавший в Чифу уже много лет. Говорили даже, что в П.-Артуре он съезжал на берег под видом консульского слуги. Пароход, имевший за время стоянки полную возможность совершенно точно нанести на карту диспозицию нашей эскадры, выйдя в море, встретил на условленном рандеву японскую эскадру и передал на нее мнимого лакея, конечно, со всеми, собранными им, последними известиями.

Большую услугу оказало японцам также «ученье отражения минной атаки», назначенное в ночь на 27 января, для чего в море были высланы четыре наших миноносца.

Хотя это несвоевременное ученье (неизвестно по чьей инициативе) было отменено и миноносцам было приказано идти на ночь в Дальний, но последнее распоряжение на эскадре известно не было, и когда в 11-м часу вечера показались с моря миноносцы, идущие со всеми огнями, их, весьма естественно, приняли за своих. Утверждают даже, хотя факт этот не удостоверен, что один из миноносцев совершенно правильно показывал позывные сигналы «Стерегущего» — одного из наших отсутствовавших... Только глухие удары минных взрывов и звуки боевой тревоги на поврежденных судах рассеяли сомнения...

— Но пары? сети? огни? сторожевые и охранные суда? — спрашивал я...

— Ах, что вы говорите! Точно не знаете!.. Разве это мог приказать начальник эскадры? Надо было разрешение наместника!..

— Отчего ж не просили? не настаивали?

— Не просили!.. Сколько раз просили! И не на словах только — адмирал рапорт подал!.. А на рапорте зеленым карандашом резолюция — «Преждевременно»... Теперь объясняют разно: одни говорят, будто боялись, что наши воинственные приготовления могут быть приняты за вызов и ускорить наступление разрыва, а другие — будто на 27-е предполагалось торжественное объявление состоявшегося отозвания посланников, молебствие, парад, призыв стать грудью и т. д.... Только вот японцы поторопились на один день...

— Ну а впечатление, которое произвела атака? Настроение эскадры?..

— Что ж... впечатление? Впечатление, конечно, тяжелое, но паники не было. Факт налицо — все остальные атаки удачно отбили... Потери, повреждения — не сразу выяснились. «Ретвизан» только сел носом, «Паллада» — кормой. Ночь, темно, — даже заметить трудно. Вот когда «Цесаревич», повалившись на бок, крен 18°, шел в гавань, — жутко было... Думали, вот-вот перевернется... А настроение?.. Да что! — внезапно воодушевлянсь, заговорил он. — Когда после первой, внезапной атаки японцы скрылись, пальба стихла, но угар еще не прошел, — наш добродушный толстяк З. повернулся к Золотой горе и со слезами, но и с такой злобой закричал, грозя кулаками: — Дождались?.. Непогрешимые, всепросветлейшие!.. и т. д. (приводить в печати неудобно). Вот это и было настроение... думаю — общее...

— Ну а 27-го?..

— Тоже какая-то дрянь вышла... Понятно, что сейчас же после атаки, даже не ожидая сигнала, все начали разводить пары. Подбитые суда немедленно пошли в гавань, да в потемках, плохо слушались рули из-за пробоин, никто не попал, куда хотел. Все трое, рядышком, выкатили на отмель Тигрового Хвоста под самым маяком... На другой

день «Цесаревич» и «Палладу» сняли, отвели в нутро, а «Ретвизан» так и сидит до сих пор: у него пробоина в носу, и через нее, по системе вентиляционных труб, одобренной техническим комитетом, вода медленно, но верно, сплющивая какие-то специально изобретенные шаровые клапаны, распространяется по всему броненосцу. Изолировать пробоину невозможно. Надо ее, хоть временно, заделать, а без этого — слава богу, что сидит на мели!..

Ну так вот: стоим под парами. Перед рассветом, когда закончились атаки миноносцев, послали крейсера на разведку. Первым возвращается «Боярин», держит сигнал: «Видел приближающегося неприятеля». Немного погодя, полным ходом, уже в перестрелке с наседающими крейсерами японцев, идет «Аскольд» и сигналит: «Неприятель наступает в больших силах». А мы — стоим на якоре в трех колоннах, и наша «Ангара» совсем на отлете, самым восточным кораблем южной линии... Наконец — без всяких сигналов, своими глазами видим — появляется на горизонте весь японский флот... А мы — все стоим... Видите ли: с утра начальник эскадры был вызван к наместнику для получения инструкций и еще не возвратился... Это мы уж после узнали, а тогда... понимаете — так и подмывает! так и дергает!..

— Как же: не доложили? не послали сказать?..

— Не доложили! не послали сказать! Ха-ха-ха!.. — желчно рассмеялся мой собеседник. — Да вы забыли, что ли? Ведь Золотая гора первой принимает все сигналы, и горизонт у нее много больше, чем у судов, стоящих на рейде! А с Золотой горы — телефон прямо во дворец к наместнику!.. Должно быть, все совещались — находили, что еще «преждевременно»!.. Впрочем — как знать, чего не знаешь?.. Словом, флаг-капитан, видя, что неприятель вот-вот откроет огонь, сделал сигнал: «Сняться с якоря, быть в строе кильватера» — сам, не дождавшись возвращения адмирала, который догнал «Петропавловск» на катере и высадился на него уже на ходу... Боя настоящего не было. Правильнее сказать — перестрелка. Хорошо стреляют. Первые их два снаряда так и легли оба у самого борта «Петропавловска»... Нарвались на Электрический утес. Его 10-дюймовую батарею успели изготовить. С возвышенного-то берега да с крепостным дальномером!.. Кажется, нам здорово влетело. 40 минут постреляли и заторопились домой! У нас — азарт, подъем духа! Сигнал: «Преследовать неприятеля!» «Аскольд», «Новик» — наши скороходы — уже бросились вперед, в первую голову... Вдруг на Золотой горе

поднимают «ферт»*... Вернулись... Потом все, в порядке постепенности, вошли в гавань... И вот — стоим...

Я слушал и хотел бы не верить...

«Ангара» тоже принимала участие в бою. Конечно, ввиду большой дистанции вряд ли она нанесла неприятелю какой-нибудь урон своими 120-мм пушками, хотя сама порядочно потерпела. Были убитые и раненые; был критический момент, когда оказался перебитым рулевой привод, и некоторое время пришлось управляться машинами; большая часть шлюпок левого борта превратилась в решето; трубы, вентиляторы пестрели мелкими пробоинами... но все от осколков снарядов, рвавшихся о воду, близ борта. Единственный (зато 12-дюймовый) снаряд, попавший в пароход, на счастье, не разорвался; пробив борт, палубу, несколько переборок, он залетел в каюту первого класса, разрушил койку и мирно опочил в ее пружинном матрасе... Похоже на анекдот — но правда.

———

Я, лично, не слишком верил в обещанную крейсерскую службу «Ангары». Ведь *настоящие* крейсера, на моих глазах, стояли без всякого дела...

«Боречь суда! Отнюдь не рисковать» — этот лозунг, с которым я недавно познакомился, вряд ли был дан «свыше»... Конечно, эти пессимистические размышления я хранил про себя и не только их не высказывал, но еще, всеми мерами, пытался подбодрить личный состав и привлечь его к дружной работе по подготовке «Ангары» к ее будущей деятельности. А работы было немало.

«Ангара» (бывшая «Москва») — один из лучших пароходов Добровольного флота[1] — была принята под военный флаг перед самой войной. На нее поставили артиллерию (шесть 120-мм и восемь 75-мм пушек), грузовые трюмы засыпали углем, назначили сборную команду с разных судов, переменили название, и — вспомогательный крейсер был готов.

Организация судовой жизни, все эти, непонятные непосвященным, «росписания», в которых на всякий случай и во всякой обстановке каждому человеку указаны его место

* «Ферт», т. е. флаг, соответствующий букве Ф., означает — «Предыдущий сигнал отменяется».

[1] Пароходство, созданное в 1878 г. на добровольные пожертвования населения. Суда совершали торговые рейсы и являлись резервом военного флота.

и обязанности сообразно его званию и специальности, находились в зачаточном состоянии. Сверх того, необходимо было озаботиться с теми средствами, какие были под руками, блиндировать (прикрыть хотя бы от осколков) наиболее жизненные и нежные части, как-то: приборы для управления рулем и машинами, пожарные трубы и т. п.

Главное же — надо было до крайних пределов уменьшить количество дерева и вообще горючих материалов. «Ангара», т. е. «Москва», с ее роскошной отделкой пассажирского парохода, представляла собою настоящий плавучий костер. Счастье было, что 27 января 12-дюймовый снаряд, угодивший в каюту 1-го класса, не разорвался, — тут было бы где разгуляться пожару!..

В моих хлопотах я встретил неожиданное, хотя чисто формальное, препятствие со стороны командира: надо было спросить разрешения наместника. Оказывается, за несколько дней до начала военных действий он посетил «Ангару» и наметил ее как яхту-крейсер, предназначенную для него и его штаба в случае необходимости проследовать куда-нибудь морем. Принимая во внимание, что в военное время штаб наместника достигал числа 93 человек (адмиралов, генералов, штаб- и обер-офицеров и чиновников), действительно, «Ангара» являлась для этой цели кораблем наиболее подходящим... Первоначально предполагалось даже совершенно закрыть все помещения 1-го класса и держать их в полной неприкосновенности для будущего высокого назначения, а командира и офицеров поселить в скромных каютах судового состава.

Впоследствии, когда выяснилось, что эти каюты необходимы для помещения в них кондукторов, устройства канцелярии и малых складов тех артиллерийских, минных и шкиперских материалов, которые нужно всегда иметь под руками, — последовало разрешение командиру и офицерам пользоваться некоторыми помещениями 1-го класса, но с наказом: ничего не испортить.

— Что ж это? — ворчали иные. — Или думают, что мы никогда не ездили на пароходах в 1-м классе? Боятся, что перебьем зеркала и мебель переломаем?..

Когда передо мною открыли запертые салоны... я прямо ахнул: они были битком набиты креслами, стульями, легкими диванами, столами, столиками... Тут же возвышались груды ковров, занавесок...

— Как можно? Ведь это — готовый костер.

— Приказано было, — пояснил сопровождающий меня

ревизор, — для сохранности, на случай поездки наместника и его штаба...

На меня вдруг пахнуло чем-то далеким, полузабытым... Почему-то вспомнилась гимназия, учебник истории Иловайского и захваченные на поле марафонской битвы цепи, которые Ксеркс, царь персидский, предусмотрительно заготовил для греков, имеющих быть плененными...

Что касается других работ, в которых требовалось содействие порта, то... каждый любитель старого заведенного порядка несомненно пришел бы в восторг от стойкости портовых учреждений Артура!.. Гроза войны как будто вовсе их не коснулась. Как и прежде, от момента подачи рапорта командиром судна, просившим о чем-нибудь неотложном, насущно необходимом, и до момента дачи соответственного «наряда» утерялось дней 8—10 на выполнение «портовых формальностей»... Господствовало такое настроение, словно не Россия воевала с Японией, а подрались между собой какие-то южноамериканские республики...

Не скрою, был один способ обойти канцелярскую волокиту, способ, практиковавшийся одинаково успешно и в мирное время и не имевший к войне никакого отношения, — просьба «по старому знакомству». Мне, как старожилу эскадры, участнику занятия Артура и лицу, прикосновенному к учреждению нарождавшегося порта, довелось в этом отношении оказать несколько мелких услуг «Ангаре»...

———

9 февраля закончено было исправление «Новика». Его вывели из дока и вместо него ввели «Палладу». По поводу результатов взрыва на этой последней доктора рассказывали весьма любопытные вещи. Люди, находившиеся в помещениях, куда проникли газы от взрыва мины, оказались отравленными. Отравление обнаружилось лишь на второй день, причем пострадавшие обратились к медицинской помощи, жалуясь якобы на простуду: «Грудь заложило! Насморк — не прочихнешь!..» На деле же гнойное воспаление носоглоточного пространства и бронхов. Как говорил для наглядности один из молодых докторов: «Что-то похожее на сап...» Из девяти человек четверо умерли, и очень тяжело. Ясно, что в мине был не пироксилин, а что-то новое — мелинит, лиддит, шимоза — кто их знает...

В ночь на 11 февраля, набегавшись за день, я спал сном праведника, когда в 2 ч. 40 мин. пополуночи был разбужен глухими ударами пушечных выстрелов. Выбежал на-

верх. От нас — с возвышенного мостика «Ангары» — через неизменную косу Тигрового Хвоста был хорошо виден «Ретвизан», стоявший на мели у северного склона Маячной горы. Он светил боевыми фонарями и стрелял, но только из орудий средних и крупных калибров. Пальба велась с перерывами, как-то неуверенно. Видно было, как крепостные прожекторы своими лучами словно что-то искали в море. На окрестных батареях, обращенных к нам тылом, двигались взад и вперед светящиеся точки — должно быть, бегали люди с фонарями, готовились к бою, но батареи молчали. С моря ответных выстрелов не было. Мы — офицерский состав «Ангары», собравшийся на ее мостике, — никак не могли понять, в чем дело: если приближалась японская эскадра, несомненно открыли бы огонь и батареи берегового фронта; если шла минная атака — не молчала бы мелкая скорострельная артиллерия «Ретвизана»...

Морозная ночь была поразительно тиха. В промежутках между выстрелами воцарилось какое-то жуткое безмолвие. Чувствовалось, что все, и в городе, и на эскадре, затаив дыхание, жадно ловят каждый звук, который мог бы дать ключ к разгадке завязавшейся трагедии.

— ...Немедленно! Башня!.. Немедленно! — доносился вдруг с «Ретвизана» резкий, каждое слово отчеканивающий голос...

— ...Спишь у третьего номера? Не своди с прицела! Фазан иркутский!.. и т. д. (в печати повторять неудобно), — прорезал внезапно наступившую тишину сочный бас с вершины первой горы Тигрового полуострова...

Нервы у всех были так натянуты, внимание так напряжено, что эти отрывочные фразы, долетавшие до нас в краткие моменты затишья, казались такими забавными... Нервный смех пробегал и по мостику, где собрались офицеры, и вдоль борта, усеянного незримой во тьме толпой команды...

Пальба то стихала, то разгоралась с новой силой...

Так прошло больше часу...

Вдруг с внешней стороны Золотой горы блеснула зеленовато-золотистая молния... Все сразу догадались — 10-дюймовка Электрического утеса!.. Заговорили 6-дюймовки Канэ на батарее «соседа», а затем подхватила и вся линия берегового фронта... «Ретвизан», опоясанный беспрерывно мелькающими огнями выстрелов, казался каким-то вулканом... А оттуда — никакого ответа...

Было начало пятого утра.

— Что такое?..

Среди гула канонады явственно послышался сухой треск ружейных залпов и рокот пулеметов.

— Высадка? Атака открытой силой?..

Кто мог ответить на эти вопросы?..

Вот из Восточного бассейна донеслись звуки горна, игравшего «боевую тревогу», немедленно подхваченную на всех судах эскадры...

Кому не приходилось самому, в боевой обстановке, слышать, как, одновременно на десятках кораблей, горнисты, под аккомпанемент глухого рокота барабанов, играют тревогу, тот вряд ли поймет меня, а передать разумной человеческой речью это впечатление — невозможно!.. Недаром горн сохранился у нас еще со времен Петра Великого...

Есть что-то особенно кровожадное, что-то зверское, затемняющее рассудок в этих пронзительных, ухо режущих звуках, и особенно тогда, когда эти звуки не согласованы между собой, на каждом корабле играют, не слушая соседей... Получается какой-то хаос, какая-то чудовищная дисгармония, когда человек должен забыть, что он человек, разбудить в себе дремлющего зверя и, как на праздник, броситься на смерть в опьянении жаждой истребления всего, что подвернется под руку...

— На всякий случай приготовьте десант... — приказал командир.

— Десант наверх! — скомандовал я...

Но, видимо, в этот момент вся масса людей, населявшая «Ангару», жила одной жизнью, и приказание являлось только разрешением...

Едва успели боцмана и унтер-офицеры повторить мою команду, как на палубе, торопливо оправляя на себе амуницию, уже строились ряды десантной полуроты; шлюпочные тали были разнесены и «взяты на руки», а гребцы на шлюпках, схватившись за стопора, ждали только знака отдать их и сбросить шлюпки на воду...

Внезапно из-за Маячной горы поднялись густые клубы дыма, озаренные багровым отблеском. Возможно, что был и взрыв, но среди гула канонады никто его не слышал... Зарево увеличивалось с минуты на минуту...

— Очевидно пожар!.. Но что там может гореть? Голый берег...

Общее недоумение еще увеличилось, когда вскоре же после начала пожара артиллерийский огонь стал ослабевать, а к 4 ч. 40 м. утра вовсе прекратился.

Чуть забрезжил свет, по всей эскадре замелькали сема-

форные флажки. Все торопились узнать, что такое разыгралось минувшей ночью.

Получаемые известия были до такой степени неожиданны, что скептики даже не верили им.

Оказывается, в 3-м часу ночи лучи прожекторов открыли 4—5 пароходов, шедших с моря, явно в Порт-Артур. Пароходы шли так смело, так уверенно, что поначалу их приняли за ожидаемые транспорты с углем и другими запасами. Первым усомнился и на всякий случай открыл огонь «Ретвизан». Ему показалось странным, что пароходы образуют как бы линию фронта, словно собираются все одновременно подойти к узкому входу в Порт-Артур. Коммерческим судам было бы естественнее идти в кильватер, т. е. гуськом, друг за другом, так как в П.-Артур, особенно ночью, возможно было входить только поодиночке. Подозрения еще усилились, когда, несмотря на пальбу «Ретвизана», загадочные корабли не только не стали на якорь, не начали подавать тревожных свистков, но упорно продолжали идти вперед. Наконец, когда выскочили скрывавшиеся за ними миноносцы и бросились на «Ретвизан» — всякие сомнения исчезли. Тут-то и началась та бешеная пальба по всей линии, которой мы были свидетелями. Как сообщали, один из пароходов затонул еще на подходе к рейду, другой попал на камни у горы Белого Волка, а третий, подбитый, не выдержал огня и ушел обратно, в море. Наиболее удачно действовали два, шедшие прямо на «Ретвизан». Один из них только немного уклонился вправо и затонул под Золотой горой, другой же забрал левее и выскочил на берег у южного склона Маячной горы, не дойдя до «Ретвизана» каких-нибудь 100 сажен. Здесь он загорелся, и его-то пожар и был нам виден.

В кают-компании «Ангары» шли оживленные споры. Несмотря на бессонную ночь, никому и в голову не приходило пойти отдохнуть. Мнения были самые разнообразные...

Спор прекратился за получением вполне определенного известия, что пароходы несомненно японские. Захватить в плен никого не удалось, так как в последний момент малочисленный экипаж покидал свои суда и на шлюпках, пользуясь темнотой ночи, уходил в море, где их ждали миноносцы. Мертвый штиль, отсутствие даже зыби как нельзя лучше благоприятствовали осуществлению такого плана.

Из-за Маячной горы все еще подымались густые клубы дыма, а временами, несмотря на дневной свет, видно было и пламя. С разрешения командира я взял паровой катер и поехал взглянуть.

Затея японцев вовсе не показалась мне такой безумной, какой ее признавали некоторые из сослуживцев на «Ангаре». Брандер, выскочивший на берег под Маячной горой, не дойдя до «Ретвизана» каких-нибудь 100 сажен, был пароходом, на глаз, тысячи в 4 тонн. Если бы эта масса врезалась в искалеченный, полузатонувший броненосец, то вряд ли еще оставалась бы надежда на его спасение! Если бы даже таранный удар не произвел непосредственно надлежащего эффекта, то во всяком случае одно соседство, борт о борт, этого гигантского костра представляло огромную опасность даже и для современного броненосца с его угольными ямами, запасами всяких горючих материялов, а главное — с его артиллерийскими и минными погребами...

Брандер, как рассказывали, не достиг своей цели, единственно, благодаря счастливой случайности. Обращенный на него ураган огня и железа не затронул ни одной из жизненных частей. Он шел неуклонно, параллельно берегу Тигрового полуострова, держа курс на середину броненосца, осыпавшего его снарядами, но, почти у цели, какой-то шальной снаряд или осколки перебили его цепочки, поддерживавшие на месте левый якорь... Именно: не сорвали якорь с места, не сбили его, а только «отдали»... Якорь «забрал»; брандер бросился носом влево и — выскочил на берег... Уголь, наполнявший его трюмы, был смочен керосином, так что в борьбе с огнем вода оказывалась бесполезной. Приходилось засыпать его землей. Тут и там в толще угля были заложены небольшие мины, частые взрывы которых сильно препятствовали успешному ходу тушения пожара. Не обошлось без жертв. В общем, работали как на вулкане, потому что под слоем угля могла скрываться и какая-нибудь грандиозная мина, только ждавшая своей очереди...

Далеко на горизонте смутно виднелись силуэты трех миноносцев.

Лихо вышел из гавани и промчался мимо меня «Новик», очевидно посланный прогнать этих соглядатаев. Я не мог проследить за его действиями, так как был отпущен на самый короткий срок и спешил возвратиться на «Ангару».

———

В 8 ч. 30 м. утра из ю.-в. части горизонта появился отряд легких японских крейсеров — «Читозе», «Касаги», «Такасаго» и «Иосино».

С самого начала войны эти четыре крейсера, несшие обязанности передового разведочного отряда японской эскадры, были окрещены в Артуре прозвищем «собачки». Всякому было известно, что если «собачки» пришли, понюхали и ушли прочь — значит, ожидай скорого появления главных сил.

В тот день это правило еще не было установлено, а потому против «собачек», в поддержку «Новику», были высланы «Баян» и «Аскольд».

Однако вскоре же их вернули всех троих, так как следом за «собачками» появился японский флот почти в полном составе...

С того места, где стояла «Ангара» (с ее верхнего мостика), в просвете между Маячной и Золотой горами открывался свободный вид на ю.-в. часть горизонта, ту именно, откуда обычно появлялись японцы.

«Враги!.. Почему?.. Давно ли были друзьями?..» — мелькало в мозгу, и впервые почти бессознательно я чувствовал себя перед той колеблющейся завесой, которая скрывает от нашего умственного взора роковую тайну — смысл войны.

«Вот «Асахи»... Командир — Номото. Старый приятель. Если бы сейчас он был здесь, лицом к лицу со мной, разве он бы не крикнул мне со своей знакомой широкой улыбкой: «Здравствуй, дорогой!» Нет! Там, далеко, на горизонте он готовит свою артиллерию, жадно ждет момента, когда флагман позволит открыть огонь, когда его 12-дюймовки бросят смерть и страдание в ряды его недавних друзей... Почему?.. Какая нелепость!..»

Резкие звуки боевой тревоги митом стряхнули очарование, навеянное странными грезами... Словно назло кому-то, словно заглушая чей-то голос, со дна души поднималось страстное желание, почти мольба, чтобы «они» подошли поближе, чтобы и нам, с нашими 120-мм пушками, довелось принять участие в предстоящем бою...

Бой не состоялся. Японцы только прошлись в виду П.-Артура и скрылись на западе.

В предположении, что они ушли на ночь в Печилийский залив, вечером отряд миноносцев был послан следом за ними.

В ночь, как только зашла луна (около 1 ч.) и вплоть до 4 ч. утра, японские миноносцы произвели целый ряд атак на «Ретвизан», но безрезультатно. С рассветом 13 февраля вернулись и наши, тоже безрезультатно, если не считать гибели «Внушительного». Им не посчастливилось. Они

встретились с неприятелем уже при дневном свете, когда приходилось думать не об атаке, а о том, как бы самим унести ноги. Ведь лозунг «не рисковать, беречь суда» все еще был в силе. «Внушительный» почему-то замешкался и, отрезанный японскими крейсерами от Порт-Артура, бросился в Голубиную бухту, ища спасения. Оказалось, однако же, что батареи берегового фронта не могли прикрыть его здесь своим огнем от огня японцев, которые, не спеша, расстреливали его, как на ученье. В результате — командир затопил свой горящий миноносец, а сам с экипажем благополучно добрался до берега и пешком прибыл в П.-Артур.

Того же 13 февраля, около 10 ч. утра, опять появилась в виду П.-Артура японская эскадра. Опять были высланы в море «Баян», «Аскольд» и «Новик». Держась в районе действия береговых укреплений, они завязали перестрелку, в которой приняли участие Электрический утес и одна из батарей Тигрового полуострова. Вскоре, по неравенству сил, их вернули в гавань...

Вечером, ввиду особой предприимчивости, проявившейся неприятелем, с судов, обреченных на бездействие (в том числе конечно с «Ангары»), свезли десант — всего около 500 человек — на подмогу гарнизону. Надо заметить, что в то время все полевые войска — стрелки и артиллерия — находились в Цзинь-Чжоу, на Нангалине, в Дальнем и на других промежуточных позициях. Предписано было впредь свозить такой десант ежедневно.

За ночь было несколько тревог. Около 11 час. вечера открыли огонь береговые батареи, поддержанные «Ретвизаном». С моря отвечали. Слышался свист снарядов...

Был ли в эти дни наместник в П.-Артуре или уже отбыл в Мукден — не знаю. В моем дневнике ничего об этом не записано, а так как ни в каких боях или стычках он непосредственного участия никогда не принимал, то на эскадре, кроме начальствующих лиц, никто не интересовался вопросом, где он и что делает.

В течение полутора недель японцев не было видно. Куда они делись? Далеко ли ушли? Скоро ли вернутся?.. Может быть, кой-кому и приходили в голову такие вопросы, но к разрешению их никаких мер не принималось... Эскадра словно замерла в бассейнах Порт-Артура...

«Ввиду решающего значения, которое при отражении японских брандеров всецело принадлежало скорострельной артиллерии броненосца «Ретвизан», чем обнаружился крупный пробел в организации обороны внешнего рейда и

входа в гавань, и принимая во внимание, что, с одной стороны, броненосец при первой возможности будет снят с мели и введен в бассейн, а с другой — что крепость не обладает средствами для усиления защиты входа, каковое признано необходимым, постановлено на обращенных к морю склонах Золотой и Маячной гор построить две батареи, вооружив их 120-мм орудиями с крейсера «Ангара», причем орудия расположить возможно ниже, т. е. ближе к уровню моря, дабы в полной мере использовать преимущество настильности и тем восполнить недостаток высоко расположенных орудий батарей берегового фронта, обладающих значительным мертвым углом, а потому...» и т. д.

Приблизительно так гласило официальное постановление.

С тяжелым сердцем принялись мы за работу...

Батареи строились нашей же командою под руководством наших же офицеров, которым только давали указания военные инженеры...

В общем, приходилось довольно трудно. Почти половина команды все время была либо на работах по постройке батарей, либо в десанте. Десант свозился не только на ночь, но иногда оставался на берегу и по суткам. Производились облавы и массовые обыски окрестных китайских деревень. На основании многих данных, главным образом ввиду той уверенности, с которой японцы обходили наши минные заграждения, являлось убеждение, что каждый наш шаг в точности известен неприятелю. Помимо самих китайцев, одинаково ненавидевших всех пришельцев и готовых за деньги служить и нашим и вашим, в первые же дни войны в среде местного населения было обнаружено немало переодетых японцев. Установилось даже, как правило, при аресте подозрительного субъекта раньше всего дергать его за косу, которая часто оказывалась привязанной. Но даже подлинность косы не всегда служила доказательством национальности. Выяснилось, что японцы давно готовились к войне. Их агенты издавна посылались в Южный Китай (например, в Кантон). Там они отращивали себе косу, выучивались говорить по-китайски, приобретали все обличье кантонца и затем приезжали на Квантун, якобы искать счастья в заработках... Главной уликой служили находимые в большом числе ручные сигнальные фонари с угловым освещением... Очевидно, в обиходе мирного поселянина или портового рабочего они были совершенно излишними. Шпион-сигнальщик с таким фонарем был почти неуловим. Забившись между каменьями какого-нибудь мы-

са, он, повернув щель фонаря по известному направлению (конечно в море), передавал по телеграфной азбуке какие угодно известия незримому в тьме разведчику, и патрули, обходившие берег, могли его обнаружить лишь случайно, наткнувшись на него, да и то врасплох. Ведь стоило ему совсем закрыть свой фонарь, забиться поплотнее между каменьями или в расщелину скалы, и самый бдительный дозор, идущий ночью по незнакомому, усеянному препятствиями берегу, мог пройти вплотную, ничего не подозревая...

На эскадре, замершей в своей неподвижности, господствовало настроение какого-то томительного ожидания... Путейцев, пользовавшихся услугами ж.-д. телеграфа, беспрерывно осаждали вопросами: «Где Макаров? Когда приедет Макаров?..» 18 февраля прибыл в Мукден. Остановился на несколько дней для совещания с наместником.

Это известие вызвало целую бурю.

— Нашел время разговаривать! Еще, чего доброго, канцелярщину разведут! Начнут решать вопросы, сноситься с Петербургом... Пиши — пропало! — сердились нетерпеливые.

— Этого не заговоришь! Этот не засидится! — возражали более уравновешенные...

IV

24 февраля в 8 ч. утра командующий флотом Тихого океана, вице-адмирал Макаров, прибыл в Порт-Артур и до принятия дел эскадры от в.-ад. Старка, находившегося на «Петропавловске», поднял свой флаг на «Аскольде».

Взглядывая на этот флаг, многие из команды снимали фуражки и крестились. Царило какое-то приподнятое, праздничное настроение.

Кессон для «Ретвизана» был закончен постройкой уже несколько дней тому назад, но при подводке его на место оказалось, что он плохо рассчитан, не вполне закрывает пробоину, или, вернее, ее ответвления, и, несмотря на работу мощных турбин землесосов, вода в броненосце не убывает. Приходилось при посредстве водолазов разыскать эти щели и, хотя временно, прикрыть их надежными пластырями. Как раз в день приезда вновь назначенного командующего удалось выполнить эту работу. Броненосец всплыл и на буксире портовых пароходов был введен в Западный бассейн, где его поставили на бочки под носом «Ангары», к северу от нее.

— Хорошая примета! — говорили в кают-компании...

— Ишь ты! Приехал — сейчас и распорядился! Не шутки шутит! Он, брат, сделает! — толковали на баке...

Первое время адмирал, конечно, с утра до ночи был занят приемом дел, ознакомлением с местными условиями и обстановкой, совещаниями с начальствующими лицами и т. п... Все же, выбирая относительно свободные минуты, он заезжал то на тот, то на другой корабль...

Посещения эти были в высшей степени кратки и все по одному шаблону. Адмирал выходил на палубу, принимал рапорт командира, знакомился с офицерами, здоровался с командой. Потом — осмотр помещений и опять обход фронта. Два слова одному, два слова другому. Иного узнает, вспомнит прежнюю совместную службу или плавание, иного спросит, что он делал в последнем бою, или вдруг заведет разговор с каким-нибудь комендором, спрашивает его, сколько выстрелов и за какое время он сделал, как брал неприятеля на прицел, вызовет на ответы, на возражения, даже словно заспорит... Потом — «До свиданья, молодцы! Дай бог, в добрый час!» — и — уехал... Как будто ничего особенного — все, как всегда; а между тем каждое его слово, каждый жест немедленно же становились известными на всей эскадре. Казалось бы, что адмирал еще ничем не проявил своей деятельности, ничем не «показал» себя, но, путем какого-то необъяснимого психического воздействия на массы, его популярность, вера в него, убеждение, что это «настоящий», — росли не по дням, а по часам. Создавались целые легенды о его планах и намерениях. Нет нужды, что эти легенды в большинстве случаев являлись апокрифическими, — важно было то, что им если и не вполне верили, то страстно хотели верить... В среде личного состава эскадры, нашедшей наконец истинного вождя, проснулся ее старый «дух»...

И мне казалось, что мои мечты не обманули меня, что никакой гнет последних лет не в силах был погасить этот дух... Настал час — и, разбросав слой пепла и шлаков, он вырвался на свободу ярким пламенем, могучий и страшный...

К вечеру, 25 февраля, мы «заслышали» японцев, т. е. наши приемные аппараты беспроволочного телеграфа стали получать непонятные депеши.

В сумерках с «Ангары» видели, как оба отряда миноносцев — вся наша миноная сила — вышли в море.

— Эге! Кажется, Борода-то не склонен «беречь и не рисковать»! Дедушка не из таких! — толковали у нас.

Борода и Дедушка — это были любовные прозвища, данные Макарову в первые же дни его пребывания в Порт-Артуре.

Около 7 ч. утра, 26 февраля, возвратился 1-й отряд наших миноносцев. Найти японскую эскадру ему не удалось, но на рассвете, уже в виду Порт-Артура, он встретился с отрядом японских миноносцев. Произошла горячая схватка на самой близкой дистанции. Стреляли даже минами, пускали их по поверхности. «Властный» утверждал, что именно от такой его мины затонул один японский миноносец. На самом «Властном» была подбита машина, и отряд вернулся в Артур. Потери: ранен начальник отряда, один механик обварен паром, а из команды один убит и несколько ранено. Должен пояснить, что всякие новости, благодаря переговорам ручным семафором, немедленно же делались известными на всей эскадре.

Двум миноносцам 2-го отряда — «Решительному» и «Стерегущему» — не посчастливилось. Также не найдя японской эскадры, они при возвращении были отрезаны от П.-Артура неприятелем втрое сильнейшим. Здесь дело вышло еще жарче, — настоящая свалка, так как надо было прорываться. Едва не дошло до абордажа. Рассказывали даже, что одному японцу удалось перескочить на палубу «Стерегущего», где он ударом сабли успел свалить кого-то из офицеров, но и сам, конечно, был немедленно убит. «Решительный» прорвался, на «Стерегущем» же, как оказалось, вероятно от неприятельского снаряда или осколка, взорвалась мина в одном из кормовых аппаратов. Корма потерпела страшное разрушение. Японцы, бросив преследование «Решительного», всею силою обрушились на «Стерегущего». Некоторое время они его расстреливали, а затем взяли на буксир и повели на юг, но он затонул *.

«Стерегущий» погиб, но зато в бою с первым отрядом погиб японский миноносец. Не было победы, но не было и поражения. Конечно, можно было жалеть, даже досадовать, что наши миноносцы плохи (добрая половина не участвовала в экспедиции, стоя в Восточном бассейне, занятая исправлением повседневно случавшихся мелких повреждений), что они недостаточно подготовлены к их специальной службе, что по ночам, в море, они растеривают друг друга, не умеют найти неприятеля и т. д. — но все же это было

* Впоследствии из японских источников мы узнали, что, когда на полуразрушенном «Стерегущем» были перебиты все офицеры и почти вся команда, оставшиеся в живых сами затопили миноносец, открыв кингстоны.

первое лихое дело, и вести о нем отнюдь не произвели на эскадру какого-либо угнетающего впечатления. Скорее наоборот, подбодрили ее. В этом отношении огромную роль сыграло обстоятельство, само по себе незначительное, но для П.-Артура столь необычное, что в первый момент ему даже не верили.

Как только сигнальная станция Золотой горы донесла, что в море идет бой между нашими и японскими миноносцами, для прикрытия их вышли из гавани «Аскольд» и «Новик». «Новик» — впереди.

Неужели адмирал сам, лично, отправился в эту «авантюру»? — вопрос, живо всех интересовавший и вполне естественный.

Офицеры, собравшиеся на мостике, усиленно протирали стекла биноклей, напрягали зрение... На «Аскольде» не было флага командующего...

— Ну, понятно! Нельзя ж так рисковать... На легком крейсере... Мало ли что... — говорили некоторые...

— На «Новике»! Флаг — на «Новике»! вдруг, словно захлебываясь от азарта, закричал сигнальщик.

Все кругом разом всколыхнулось. Команда, бросив завтрак, кинулась к бортам. Офицеры вырывали друг у друга бинокли из рук... Сомнения не было! На мачте «Новика», этого игрушечного крейсера, смело мчавшегося на выручку одинокому миноносцу, развевался флаг командующего флотом!..

— Не утерпел!.. Не дождался «Аскольда» — пересел на «Новик»!.. Черт возьми!.. Это уж чересчур!..

Но это было не «чересчур», а именно то, что требовалось. Это были похороны старого лозунга «не рисковать» и замена его чем-то совсем новым...

Схватка миноносцев происходила милях в 10 к югу от Порт-Артура. «Новик» и «Аскольд», как ни спешили, не могли подойти вовремя. «Стерегущий» уже был затоплен, а бросившись преследовать японские миноносцы, они встретились со всей неприятельской эскадрой, шедшей к Порт-Артуру. Пришлось уходить. По счастью, скорость обоих этих крейсеров не только числилась в справочной книжке, но существовала и в действительности. Ни броненосцы, ни броненосные крейсера японцев не могли за ними угнаться, и лишь четыре «собачки» пытались некоторое время, более или менее успешно, преследовать отступающих...

«Новик» и «Аскольд» возвратились благополучно.

Но какое это было возвращение! Десятки тысяч людей, усеявших борта судов, высыпавших на брустверы батарей,

толпившихся на набережных, жадно следили за каждым движением маленького крейсера, который, бойко разворачиваясь в узкостях, входил в гавань...

Это было больше, чем какая-нибудь победа, случайная удача в бою, — это было завоевание. Отныне адмирал мог смело говорить: «моя» эскадра! Отныне все эти люди принадлежали ему и душой, и телом...

Японская эскадра, перед которой вынуждены были отступить «Новик» и «Аскольд», казалось, поначалу, прошла мимо, направляясь на запад, и скоро скрылась за горой Ляо-ти-шана. Против входа, вне дальности крепостных орудий, остался только один крейсер, державшийся почти на месте. Но вот в начале 10 часов утра, между судами, стоявшими в Западном бассейне, внезапно поднялся гигантский столб, и резкий звук, не похожий ни на выстрел, ни на взрыв мины, заставил всех бросить повседневные работы и тревожно оглянуться. Еще и еще... Скоро выяснилось, что это через Ляо-ти-шан ведут перекидной огонь японские броненосцы, крейсирующие от нас в дистанции 8—9 миль. Ни одно из крепостных орудий не могло воспрепятствовать им мирно предаваться этому занятию. Очевидно, до войны самая идея о возможности такой стрельбы признавалась недопустимой как в морском, так и в военном ведомстве. Иначе на берегу несомненно были бы построены соответственные батареи, а на эскадре существовала бы соответственная организация. Адмирал Макаров во время самой бомбардировки приказал немедленно же приступить к ее разработке, но, конечно, это сложное дело — разбивка всего окружающего пространства на квадраты, выбор вспомогательных точек прицеливания, устройство наблюдательных станций и создание системы условной сигнализации — не могло быть выполнено в несколько часов. Для этого потребовалось несколько дней... и невольно напрашивался досадный вопрос: что же думали до войны? Замечательно, как повторяется история. В турецкую кампанию к ружьям нашей пехоты приспособляли, собственными средствами изготовленные, деревянные прицелы для стрельбы на дальние дистанции; прошло 25 лет, и вот — мы вынуждены, тоже своими средствами, наносить деления на прицелы наших пушек для стрельбы на дистанции, признававшиеся чрезмерными... К тому же на иных судах организация такой стрельбы оказалась вовсе невозможной, потому что самые орудийные станки не были рассчитаны на «чрезмерные» углы возвышения!..

У японцев, по-видимому, не только станки и прицелы

удовлетворяли всем требованиям, но и личный состав был хорошо обучен. Снаряды ложились очень недурно, а ведь одного такого, упавшего сверху (они падали под огромным углом к горизонту), достаточно было, чтобы вывести из строя любой броненосец. В конце осады 11-дюймовые мортиры японцев доказали это с очевидностью.

Итак, неприятельские броненосцы беспрепятственно маневрировали к югу от Ляо-ти-шана и, приходя в определенную точку, не торопясь, как на ученье, разряжали по нам свои 12-дюймовые пушки, а находившиеся под расстрелом крепость и эскадра — безмолвствовали...

Казалось бы, у последней было еще одно средство избавиться от такой тяжелой и обидной роли — выйти в море— но... владея 7 лет Порт-Артуром, мы к началу войны не только не успели закончить широко проектированного углубления его внутренних рейдов, но даже и самый выход в море был доступен большим судам только в полную воду. Во время отлива боевые суда эскадры были заперты в гавани самым непобедимым врагом — мелководьем... 26 февраля малая вода в Порт-Артуре приходилась около 9 ч. утра, и вот почему именно этот момент японцы избрали началом своего первого опыта бомбардировки с моря...

Не берусь судить и догадываться, как отнесся бы личный состав эскадры к «расстрелу» 26 марта недели две тому назад, думаю, однако, что подъем духа, вызванный прибытием Макарова, и в особенности недавний, описанный мною, эпизод переноса «флага» на «Новик» имели огромное значение.

Конечно, не только на «Ангаре», но и на любом броненосце не было такого уголка, где можно было бы считать себя в безопасности от 12-дюймового снаряда, свалившегося чуть ли не с неба... притом же паника так заразительна, что если бы и вне нашей видимости кто-нибудь поддался ей — это моментально передалось бы массам. Ничего подобного не было. На судах и в порту жизнь шла своим обычным порядком. Казалось, что, признав невозможность сопротивляться, все молчаливо решили делать вид, что не замечают падающих снарядов, не обращают на них внимания. Трубы мастерских порта выбрасывали к небу клубы дыма и пара, портовые баркасы перетаскивали баржи и плавучие краны, сновали взад и вперед паровые катера, то в одиночку, то с гребными шлюпками на буксире.

Как раз в этот день должна была быть закончена установка наших 120-мм пушек на батареях под Золотой горой и под маяком. Команда с утра отправилась на работу и не

прекратила ее, несмотря на то что места строящихся батарей были, как говорится, совсем не юру. В 10.30 утра, как обычно, паровой катер повез рабочим партиям обед, исполнил поручение и вернулся, но когда пристал к трапу, то одного из прислуги вывели под руки.

— Что такое?

— Так что, ваше высокоблагородие, еще как туда шли, «она» близко вдарила,—докладывал старшина,—и, значит, задело Харченку, но только в мякоть. Пощупали: кость цельная, ногой действует. Сам сказывал: «Для ча ворочаться, только ши команде доставите холодные и ругаться будут...» А мы его в лучшем виде перевязали...

К концу завтрака организовался своеобразный маленький диспут. В наружных дверях поставили вестового (кают-компания помещалась в столовой первого класса, на верхней палубе), и тотчас после взрыва снаряда желающие высказывали свое мнение, куда он попал: в воду, на берег, вправо, влево, спереди, сзади, и далеко ли? Руководствовались характером и интенсивностью звука...

Доклад беспристрастного свидетеля — вестового — разрешал пари.

«Взирая на беспечную веселость сих героев, из угрозы смерти создавших себе невинную забаву, можно ли было не воскликнуть в сердечном умилении: такова сила любви к родине!» — так сказал бы Карамзин, а я записал в свой дневник: «Какова сила человеческого самолюбия (или тщеславия?), вовремя взвинченного подходящим словом или поступком! Не будь здесь Макарова, и эти же люди, прикрываясь свыше данным лозунгом «беречь и не рисковать», были бы способны прятаться за траверзами, построенными из мешков с углем... А теперь они бравировали друг перед другом, ревниво оглядываясь на соседей, — не подметит ли кто-нибудь хоть мимолетной тени беспокойства на их лице, дружески подсмеивались над молодыми матросами, кланявшимися перед шуршащими в воздухе осколками...

Беспредельна сила могучей воли, умеющей подчинить себе волю других! Да!.. но только в том случае, когда эта единая воля сама всецело отдалась служению идее, объединяющей массы, покорные ей «не токмо за страх, но за совесть...».

Около часу пополудни, когда прилив был в половине и эскадра могла бы начать свой выход в море, японцы удалились... Серьезных повреждений на судах не было. Потеряли убитыми и ранеными на эскадре около 30 человек...

27 февраля, чуть забрезжил свет, около 4 ч. утра, все

боевые суда эскадры начали выходить на внешний рейд. Это было распоряженне Макарова, и здесь еще раз наглядно обнаружилось, что может сделать начальник, которому верят и который сам в себя верит... До сих пор, согласно правилам и циркулярам, выработанным в Кронштадте и получившим высокую санкцию из-под шпица Адмиралтейства, ответственность за благополучный вывод корабля из гавани лежала всецело на заведующем портовыми средствами. Мудрое правило мирного времени, устранявшее всякие недоразумения между командиром корабля, всегда склонным «подвинтить» собственными машинами, и начальником буксиров, вовсе не ожидающим такого «подвинчивания». Благодаря такому свято соблюдавшемуся правилу и малочисленности портовых средств Артура оказывалось, что эскадру в полном ее составе никак нельзя вывести на внешний рейд за время одной полной воды, но только в два приема, т. е. на один вывод потратив почти сутки. Макаров все и сразу повернул по-своему, дав совершенно новую директиву: портовые суда «помогают» кораблю развернуться с места, «помогают» ему разворачиваться в узкостях, «стараются всеми силами» оказать ему содействие в затруднительных случаях, не страшась никакой ответственности за свои аварии, раз только они успешно выполнили возложенную на них задачу; с другой стороны, командир корабля «должен» забыть о всяких формальных отписках по поводу ответственности и помнить только, что в наискорейший срок «должен» вывести свой корабль в море, пользуясь всеми средствами, какие ему предоставлены. Кто при всем добром желании не сумел выполнить своих обязанностей — виновен только в неумении, в неопытности, но кто под формальным предлогом, прикрываясь буквой закона, уклонился от их выполнения, тот — преступник.

Адмирал развивал эту идею не только в собрании флагманов и капитанов, но и перед портовыми чинами, до вольнонаемных шкиперов буксирных баркасов включительно.

В результате 27 февраля вся эскадра вышла на внешний рейд за время утренней полной воды в промежуток 2 с половиною часов, а вернулась, т. е. вошла в гавань, с 5 до 7 ч. вечера (вечерняя полная вода). Мы смотрели и глазам не верили...

Неприятель скрылся бесследно. Эскадра, выйдя в море, занималась только эволюциями. Адмирал Макаров тотчас по прибытии в П.-Артур объявил приказами диспозиции походного и боевого строя. В тех же приказах были даны общие руководящие правила для действия артиллерией и

маневрирования отдельных судов в тех или иных обстоятельствах боя. До сих пор этого не было. За отсутствием неприятеля, производились, как бы в мирное время, маневры. Результат получился довольно неожиданный и далеко не утешительный. Два броненосца имели столкновение. «Севастополю», как говорят, изрядно попало в корму, но об этом приказано было не распространяться *.

— Вот они — результаты вооруженного резерва! — злобно ворчали некоторые. — Воевать собрались, а в строю ходить не умеют! Вывели в море плавучие казармы!..

— Макаров научит!

— Дал бы бог сроку!..

Вместе с адмиралом приехали не только корабельные инженеры и мастеровые Балтийского завода, но также и другие специалисты, как, например, полковник М. и с ним целая партия рабочих с орудийного Обуховского. Все сразу зашевелились. Энергично двинулась постройка кессона для «Цесаревича», до того бывшая под сомнением; старый кессон «Ретвизана» признали негодным и строили новый; в артиллерийских складах, где в полном пренебрежении валялись орудия и части их установок, забранные еще в 1900 году из тяньтзинского арсенала, начали разбираться, и кое-что, пропавшее бесследно, сделав вновь в мастерских порта, предоставили на сухопутную оборону до 40 орудий; на батарее Электрического утеса учинили со станками что-то такое, благодаря чему возможный угол обстрела орудий увеличился на 5°... Немало поработали также вольные техники и водолазы ревельской спасательной компании... Адмирал, как ни быстро собрался в путь-дорогу, ничего не забыл, обо всем вспомнил...

День 1 марта был для меня днем радости. Я был приглашен к завтраку, на «Петропавловск», после которого адмирал увел меня в свой кабинет и, со свойственной ему краткостью и прямолинейностью, изложил суть дела.

— Уезжая из Петербурга, я имел сведения, что вы командуете миноносцем, а зная ваш нрав, был уверен, что это-

---

* «Севастополь» был протаранен «Пересветом». По счастью, настоящей пробоины не получилось, а только щель в разошедшихся листах обшивки, да еще была погнута одна из лопастей правого гребного винта, которую пришлось менять при посредстве кессона-колокола.

Однако и «Пересвету» столкновение не прошло даром — он свернул себе на сторону (правда, слегка) таран и получил течь в носовой части. Починили.

«Севастополь» не остался в долгу и ткнул «Полтаву», тоже наградив ее щелью...

го назначения вы не променяете ни на какое другое. Набирая штаб, на вас не рассчитывал. Оказалось иначе; но теперь все подходящие для вас места у меня заняты. Штатного места нет. Хотите причислиться? Все-таки лучше транспорта, а я буду очень рад.

Извинившись за откровенность, я ответил не менее категорично, что в такое время «быть причисленным» к штабу без определенных занятий я не хотел бы, что за высокими местами не гонюсь, а просил бы только о назначении на боевой корабль, все равно в каком звании.

— Заранее знал ответ! Неисправим, хоть брось! — засмеялся адмирал, махнув рукой. — Ну так вот: свободного миноносца сейчас ни одного нет, но кое-что тут надо освежить; открываются вакансии; ступайте к Михал Палычу*; он что-то придумал... А жаль!.. Так решительно не хотите быть «по особым поручениям»?.. Ваше дело...

— Ну, ну! Знаю, знаю! И очень рад! — с первых же слов приветствовал меня начальник штаба. — Я уже на вас прицелился: старшим офицером на «Диану»! Не особенно важно? Корабль действительно из числа «трех богинь» отечественного изобретения... Да что же делать? — другого нет! А поработать придется!..

Все значение этой фразы я постиг, только уже пробыв на «Диане» несколько дней. За эти дни в моем дневнике не записано ни одной строчки. Работы оказалось столько, что едва хватало времени на сон и на еду. Крейсер, начавший кампанию 17 января, до того 11 месяцев простоял в резерве! Если бы даже при уходе его из Кронштадта на Дальний Восток (осенью 1902 года) команда была сформирована строго по правилам, так и то в составе ее должно было бы находиться два призыва, т. е. около трети людей, не видавших моря. На деле же этих мужиков, одетых в матросские рубахи, оказалось почти 50%, а морская практика доброй половины остальных исчерпывалась единственным походом из Артура во Владивосток и обратно... Нравы и обычаи установились не только не морские, но даже и не сухопутно-казарменные, а просто... деревенские. При выполнении какой-нибудь работы, хотя и не общей, но требовавшей значительного числа людей, вместо определенного приказания или команды — такое-то отделение туда-то! — унтер-офицеры просили «земляков» подсобить, и даже старший боцман, вместо начальнического окрика, приглашал

* К.-адм. М. П. Молас был начальником штаба С. О. Макарова и вместе с ним погиб на «Петропавловске».

«ребят» навалиться «всем миром», чтобы скорее «отмахнуть — и шабаш»!.. По сравнению с этой прочно сплотившейся и сформировавшейся деревней сборная команда «Лангары», составленная из людей (конечно, не самых лучших), назначенных с разных судов эскадры (но судов все же плававших), показалась мне образцовым войском. Немало трудов и забот пришлось положить на искоренение этих патриархальных правов и введение хотя бы некоторого воинского уклада жизни. Грязь, особенно в местах, недоступных беглому «смотровому» обзору, была невозможная. Естественный результат 11-месячной стоянки в резерве, когда крейсер был официально превращен в казарму, но на деле, конечно, не мог превратиться в казарму благоустроенную. На корабле люди живут так скученно, в такой, строго говоря, ненормальной обстановке, что поддержание порядка, как внешнего, так и внутреннего, выполнение насущнейших требований гигиены возможны лишь при полном, правильном и беспрерывном функционировании всех элементов этого гигантского организма...

Ломка традиций, уже успевших пустить крепкие корни, новые порядки, предъявление требований, от которых успели отвыкнуть, не могло не вызвать глухого недовольства, даже некоторого пассивного сопротивления. По счастью, я встретил самую энергичную поддержку со стороны командира (прибывшего крейсер за 2—3 дня до моего назначения) и горячее сочувствие со стороны большинства офицеров. Последнее было особенно важно.

Взысканиями, вообще насильственными мерами можно было бы заставить людей работать, даже механически выучить их чему-нибудь, но ведь этого недостаточно. В этих скучающих, облинившихся людях надо было пробудить сознание разумности, целесообразности той работы, которая от них требовалась, чтобы они не считали ее за прихоть всевластного начальства, ссылающегося на какие-то неведомые им законы... Ведь тогда каждая команда принимается как цепное указание более опытного, старшего товарища; каждая работа является не принудительной, а радостно выполняемой на пользу общему делу... Мне так хотелось создать на крейсере подобное настроение!.. И по счастью, у меня нашлось немало единомышленников. У нас не было ни лекций, ни сообщений, а просто офицеры, про которых я говорю, все свое время отдавали команде, находившейся в их подчинении, не столько учили, сколько знакомились с людьми, которых поведут в бой. Строго говоря, это не были даже беседы, а чаще всего несколько, как бы случайно, на

ходу, брошенных слов в разъяснение того или иного распоряжения или замечание, вставленное в разговор нижних чинов между собою... Но как это действовало!.. И, как результат, с каким чувством удовлетворения я исполнял просьбу какого-нибудь «хозяина бомбового погреба», который докладывал, что у него сыро, что ему нужно людей — обтереть пояски снарядов: «Кабы не оборжавели, орудню в бою не испортить бы!» Или другое: люди, привыкшие считать чистоту причудой начальства, жившие целый год, только «заметая сор», вдруг так легко поняли ее смысл, ее необходимость, когда им попросту объяснили, что раненый падает на палубу, что, пока подберут и унесут, грязь может попасть в рану, и выйдет, что из-за пустой царапины — режь руку или ногу, а то так и этим не спасешь от смерти...

Среди судов «Диана» не была исключением. Правда, не каждый корабль до войны простоял 11 месяцев в резерве, но многие были к этому близки. Прибытие популярного адмирала, его личный пример могли вызвать подъем духа; старания офицеров, оживленная, одухотворенная деятельность всякого рода начальства могли способствовать обучению команды в кратчайший срок тому, чему ее не доучили в мирное время; но ничто, никакие усилия не могли наверстать безвозвратно упущенной практики плавания... Мужиков, одетых в матросские рубахи, господ, носящих форму морских офицеров, возможно было превратить в героев, но сделать их опытными моряками, сборище плавучих казарм превратить в боевую эскадру, — для этого требовались долгие годы... Адмирал, принявший командование флотом для того, чтобы вести его в бой, оказался вынужденным предварительно обучать его выполнению простейших маневров...

И работа закипела.

Никогда, даже в лучшие дни для эскадры Тихого океана, не приходилось мне наблюдать такого увлечения, такого подъема духа.

Суда, тесно набитые в узкой полосе Западного бассейна, которую «успели» углубить до войны, широко использовали ту его часть, которая осталась мелководной и, при отливе, даже обсыхала. По ней были разбросаны десятки небольших щитов разных цветов и форм, по которым с утра до ночи производилась «вспомогательная стрельба», дающая командору возможность проверить самого себя в деле наводки, своевременности выстрела, в уменье быстро переносить пушку с одной цели на другую, быстро пристреляться...

V

5 марта начали подводку кессона под «Цесаревич». С «Ретвизана» старый, неудачный, и к тому же пробитый, кессон сняли и спешно строили новый, а пока он стоял поперек бассейна, кормой ошвартовавшись на бочку, носом выбросившись на мель...

7 марта «заслышали» японцев. С вечера миноносцы ходили в море, но ничего не видели.

В тихую и ясную, хотя безлунную, ночь с 8 на 9 марта крепостные прожекторы не раз что-то «нащупывали» во тьме. В первом часу ночи и около 4 час. утра батареи открывали огонь, но не слишком оживленный. С моря им не отвечали.

В 5 ч. 45 м. утра был общий сигнал — «Развести пары во всех котлах».

Около 7 час. утра, как только позволила прибыль воды, эскадра начала выходить из бассейнов. Легкие, т. е. относительно мелкосидящие, крейсера — впереди. Первым, конечно, «Новик» и с ним миноносцы (эти — вне всякой очереди, «по способности»), затем остальные, начиная с ближайших к выходу. В 8 ч. 25 м., когда вышли мы («Диана»), на внешнем рейде уже крейсировали «Аскольд» и «Баян».

Прямо на юге, очень далеко, миллх в 10—12, чуть обрисовывались над горизонтом трубы и мачты японцев. Можно было, однако же, разобрать, что это броненосцы и броненосные крейсера, двумя отрядами приближавшиеся к Порт-Артуру. На юго-восток, много ближе, видпелись «собачки». Впереди и около пих суетились отряды миноносцев.

В 8 ч. 45 м. броненосцы, приблизившись миль на 8, повернули на запад.

— Пошли за Ляо-ти-шань «бросать издалека тяжелые предметы», — смеялись на «Диане». — Не нарваться бы! Кое-что уж им приготовлено!..

Погода стояла великолепная. Ясное небо... ни волны, ни зыби; чуть тянул слабый ветерок...

К 9 ч. утра вся неприятельская эскадра скрылась за горой Ляо-ти-шаня. Против входа остался только один броненосный крейсер, очевидно для наблюдения за падением снарядов.

В 9 ч. 35 м. броненосцы, как и прошлый раз, начали свои рейсы к югу от Ляо-ти-шаня, в определенном пункте разряжал 12-дюймовки по Артуру. Надо думать, они немало удивились, что этому занятию уже нельзя предаваться безнаказанно. Им отвечали. Стреляли из бассейнов «Ретвизан»,

«Пересвет» и «Победа». Наши имели даже некоторое преимущество, потому что японцы стреляли на ходу, по площади, а у нас броненосцы стояли на строго определенном месте и вели перекидную стрельбу, как сухопутная батарея, руководствуясь беспрерывными указаниями с наблюдательных пунктов.

Около того же времени броненосные крейсера неприятеля демонстративно прошлись в виду нас, словно вызывая на бой, но мы, конечно, этого вызова не приняли.

В 10 час. вышел на рейд «Петропавловск» под флагом командующего флотом. Заметив, что эскадра покидает бомбардируемые бассейны, японцы сосредоточили огонь на проходе. Снаряды ложились очень хорошо. В 10 ч. 20 м. лихо, полным ходом, вышла «Полтава». Два раза, у самого ее борта, вздымались столбы брызг, дыма и осколков, но, по счастью, не задело.

В 10 ч. 40 м. с Золотой горы донеслись раскаты «ура!». Семафором сообщали, что, кажется, кому-то из японцев попало *. Это им, по-видимому, не понравилось, и они, прекратив бомбардировку, вышли из-за Ляо-ти-шаня, благоразумно маневрируя вне обстрела крепостных орудий.

Около 11 ч. броненосные крейсера неприятеля, явно задирая, подошли к нам на дистанцию 57 кабельтовых. Их было пять, а с нашей стороны — 2 броненосца, 1 броненосный крейсер и 2 легких, не считая «Новика» и миноносцев. Адмирал повернул на них, собираясь (или делая вид, что собирается) отрезать их от главных сил.

В 11 ч. 3 м. заговорили башни «Петропавловска».

Крейсера, даже не пробуя отстреливаться, полным ходом пошли на юг, к своим броненосцам, но те вовсе не спешили им на помощь, явно не желая входить в сферу огня береговых батарей.

Кстати, на подмогу вышли «Севастополь», «Пересвет» и «Победа». (Два последних были самые глубокосидящие и могли выходить только близ момента полной воды.)

Бомбардировка прекратилась; неприятель решительно не желал подходить к крепости, а потому в 11 ч. 20 м. с «Петропавловска» был сделан сигнал: «Стоп машина. Команда имеет время обедать».

— Наскочили с ковшом на брагу! С Бородой не очень-то разгуляешься! Не то что раньше! — слышались бодрые, веселые восклицания среди матросов...

* Как выяснилось впоследствии, броненосец «Фудзи» получил 12-дюйм. снаряд в носовую башню.

13 марта с утренней полной водой, почти с рассветом, адмирал вывел всю эскадру в море с целью... (печальная необходимость) учить ее маневрированию... Пошли на юг, несколько склоняясь к западу и проделывая (довольно плохо) различные эволюции. Порой досадно было смотреть.

— Аргонавты!.. — ворчал старший штурман...

В ночь с 13 на 14 марта японцы повторили свою попытку — запереть вход в Порт-Артур. Началось в 2 часа 20 мин. пополуночи. Та же картина, что и прошлый раз, с тою лишь разницей, что теперь никто не сомневался в истинных намерениях приближающихся пароходов, и сразу же огонь открылся по всей линии.

Правда, «Ретвизана» уже не было на старом месте, но зато в проходе стояли «Бобр» и «Гиляк», а из-под Золотой горы стреляла батарея 120-мм пушек, снятых с «Ангары».

Два заградителя выбросились на берег под этой самой батареей. По пути на эту пару произвел лихую атаку сторожевой миноносец «Сильный», который, не обращая внимания на сыпавшиеся градом наши же снаряды, почти в упор выпустил свои мины. Хорошо, но несчастливо, т. е. не причинив пароходам таких повреждений, чтобы они немедленно затонули. У одного из них, например, был снесен взрывом почти весь форштевень, а носовая переборка как-то уцелела, и он продолжал идти вперед.

Другая пара заградителей шла несколько левее. Один затонул, но доходя маяка, а второй выскочил на берег как раз на том месте, где так недавно стоял на мели «Ретвизан».

Рассказывали, что было еще несколько, что часть погибла на минах, часть была утоплена артиллерийским огнем, а остальные не выдержали и ушли в море. Но к таким известиям надо было относиться с осторожностью...

В предупреждение новых попыток заградить вход на внешнем рейде было устроено два ряда бонов. Такие бопы или по крайней мере материалы для них, конечно, должны были бы заготовляться еще в мирное время. Теперь, ввиду невозможности быстро подвезти все необходимое, пришлось пользоваться тем, что оказалось под руками... Испытания, производившиеся под непосредственным руководством самого адмирала, дали не слишком блестящие результаты. Небольшие пароходы (1000—1500 тонн) с прямым, т. е. перпендикулярным к поверхности воды, форштевнем задерживались бонами; со скошенным, наклонным вперед, форштевнем — перелезали через них, хотя и с трудом; когда же пустили «Ангару» (11 000 тонн и форштевень скошен-

ный), то она, словно не заметив бонов, которые подмяла под себя, с застопоренными машинами, силой одной инерции дошла до самого входа... Выяснилось, что не пожалей японцы 2—3 пароходов вроде нее и они могут запереть эскадру. Приходилось изыскивать другие, более радикальные средства... Проекты рассматривались без замедления и к осуществлению тех, которые признавались наилучшими, приступали тотчас же. Адмирал твердо держался своего правила: «Не ошибается только тот, кто ничего не делает. Лучше десять раз начать сызнова, признав свою ошибку, чем за все это время ничего не делать и сидеть сложа руки, в раздумье: как бы сделать превосходнее?..»

Важно было то, что никто не сидел сложа руки.

Хорошее было время!..

Новый командующий обо всем успевал вспомнить, обо всем подумать. Так, между прочим, были отменены все церемонии. Не только при проезде начальства мимо корабля, но даже и при посещениях работы не прекращались.

— Я не для парада приехал, а посмотреть на дело в полном ходу. Вот, бог даст, кончится война, тогда начнется настоящая служба, согласно артикулу, а теперь не до того!.. — полушутя, полусерьезно говорил адмирал.

Форма одежды была также упрощена до крайних пределов...

———

24 марта с Золотой горы донесли о появлении на горизонте «собачек». В дежурстве на внешнем рейде держался «Баян». Всем остальным крейсерам приказано было развести пары, но выход не состоялся. «Собачки» только показались и сейчас же ушли. Погода портилась. 25 марта почти круглые сутки шел дождь, а 26-го надвинулся густой туман. Неприятеля не было ни видно, ни слышно.

27 марта в дежурстве была «Диана». Весь день пробродили близ Артура, высматривали, слушали... — ничего...

30 марта снова было наше дежурство... Около 10 ч. вечера прибыл на крейсер адмирал Макаров со своим штабом... Только что адмирал успел обойти батареи, бросить тут и там несколько ласковых, пустых, но в боевой обстановке так много значащих, фраз команде, застывшей на своих постах,— как «что-то увидели»... Трудно сказать, что именно, но несомненно в лучах прожектора Крестовой горы обрисовались силуэты каких-то судов...

Особенно мешала разобрать, в чем дело, сетка мелкого дождя, ярко освещенная прожекторами... Казалось, что подозрительные силуэты не то стоят неподвижно, не то бродят взад и вперед по тому же месту... Было 10 ч. 20 м. вечера.

— Прикажете открыть огонь? — спросил командир...

— Эх!.. Кабы знать! — досадливо махнул рукой адмирал. — Вернее всего — наши же!.. Не умеют ходить по ночам!.. Отбились, растерялись... и теперь толкутся около Артура! И своих найти не могут, и вернуться не решаются, чтобы за японцев не приняли!.. Чистое горе!.. — Но тотчас же, поборов свою досаду, он добавил спокойным, уверенным тоном: — Прикажите точно записать румб и расстояние. На всякий случай, если не наши, надо будет завтра же, с утра, протралить это место. Не набросали бы какой дряни...

Видение только мелькнуло и быстро скрылось за сеткой дождя.

В 10 час. 50 мин. вечера к югу от нас, приблизительно у горы Белого Волка, раздалось несколько пушечных выстрелов не то с берега, не то с пары миноносцев, охранявших южный бон.

Остальная часть ночи прошла спокойно. Ничего не видели, да вряд ли и могли бы что-нибудь видеть из-за ненастья.

В 4 час. 15 м. утра, чуть забрезжил свет, адмирал со штабом уехал на «Петропавловск». В то же время с востока показался целый ряд дымков — это возвращались наши миноносцы после удачно выполненной, но безуспешной экспедиции, никого не найдя на рейдах островов Эллиот. Возвращались, но, к сожалению, не в полном составе. Опасения адмирала оказались вполне справедливыми — часть «отбилась и растерялась»... Неожиданно в направлении на юго-восток в дымке ненастного утра (было уже 5 ч. 25 м. утра) замелькали огоньки; донеслись оттуда раскаты выстрелов... Опознать сражающихся за дальностью не было возможности... Однако ясно было, что дерутся какие-то мелкие суда, вероятно миноносцы... Конечно, мы («Диана») скорее всех могли бы поспеть на выручку, но, оказывается, адмирал, обещавший выслать крейсер, не похожий ни на один из японских, не хотел посылать «Дианы», так как ее могли бы легко принять за «Ивате»... «Аскольд» почему-то не мог выйти немедленно, а потому выслали «Баяна» (четырехтрубный), подобного которому у японцев тоже не было. На все эти перемены и распоряжения ушло немало драгоценного времени. Когда «Баян» прошел в море, мы, думая, что про нас просто забыли, не ожидая сигнала, начали отдавать швартовы, чтобы идти за ним, но, конечно, сильно

опоздали. Он был уже далеко впереди, когда мы только еще выходили на свободную воду.

Как выяснилось впоследствии, наш миноносец «Страшный» ночью, отбившись от своих, в розысках за ними встретил отряд японских миноносцев и примкнул к ним. Японцы тоже не заподозрили в нем неприятеля, и они совместно бродили в окрестностях Артура вплоть до рассвета. Тут недоразумение обнаружилось, и завязался отчаянный бой одного против шести. Бой грудь с грудью, почти в рукопашную...

Как ни спешил «Баян» на выручку «одного из малых сих», он мог только разогнать врагов, круживших около места, где уже затонул «Страшный». Японские миноносцы бежали на юг. Поддерживаемые спасательными поясами, цепляясь за всплывшие деревянные обломки, остатки геройского экипажа радостно приветствовали «свой» крейсер... Но на смену бежавшим миноносцам с юга полным ходом приближались «собачки»...

Правда (скажут скептики), броненосный крейсер — против четырех легких... Однако (скажу я) четыре — против одного...

«Баян»... ни мгновения не колебался. Прикрыв, как стеной, своим высоким бортом плавающие обломки, за которые хватались утопающие, он спустил шлюпки для их спасения, а сам, стоя на месте, принял бой... Мы, в то время, глядя из-под Золотой горы, не понимали, в чем дело... Видим — остановился... Захолонуло на сердце... Должно быть, подбита машина!.. Поспеем ли?.. Боже мой!.. Как доставалось в эти минуты петербургскому порту, строившему «Диану»!.. Ведь вместо 20 узлов, по штату положенных, мы давали едва 17!.. Подвернись в этот момент самому молодому мичману самый большой технический генерал — каких бы горьких истин он не наслушался!.. Мимо нас, обгоняя, как стоячего, промчался «Новик», выскочивший из гавани... Следом за ним шел «Аскольд»...

— Ишь, черти! Видно, что за границей строились! Не то что наша... богиня!..

Но «Баян» уже возвращался. «Собачки» его не преследовали. Они, видимо, вовсе не желали приближаться к береговым батареям на дистанцию их выстрела. Было 7 час. 10 мин. утра. Миноносцы (шедшие с Эллиота) благополучно вошли в гавань. В 7 час. 15 мин. оттуда вышел «Петропавловск». За ним — «Полтава». «Баян» семафором, сигналами и беспроволочным телеграфом докладывал командующему о том, чему был свидетелем. Он не был уверен,

что в горячке неравного боя успел подобрать всех; может быть, и еще кто-нибудь держится на обломках... Немедленно же последовало приказание: «Быть в строе кильватера. «Баяну» быть головным и вести эскадру к месту. Всем — смотреть за плавающими обломками».

Во время перестроения, пока мы, застопорив машины, ждали очереди, чтобы занять свое место в строю, мимо нас, по правому борту, совсем близко прошел «Петропавловск»... Адмирал вышел на левое, обращенное к нам, крыло верхнего мостика. Он был в пальто с барашковым воротником; русая борода развевалась по ветру... Это был последний раз, что мы видели нашего адмирала...

В моей книжке записано: «8 ч. утра... Кильватер — «Баян», «Петропавловск», «Полтава», «Аскольд», «Диана», «Новик».

Навстречу из мглы опять появились «собачки», но уже предводимые двумя броненосными крейсерами. Шли смело, хотя и видели, что наш отряд сильнее. Завязалась перестрелка с дальней дистанции. В 8 ч. 10 м. японцы круто повернули и стали уходить на юг. Наименьшее расстояние 50 кабельтовых. У нас потерь не было. Некоторое время кружились близ места гибели «Страшного», высматривая, не увидим ли чего-нибудь, но бесплодно. Мы были от Артура приблизительно в 15 милях. Привычный глаз мог различить, что остальная эскадра выходит на внешний рейд. В 8 ч. 40 м. обрисовались во мгле силуэты японских броненосцев. Соединившись с броненосными крейсерами и сопровождаемые «собачками», они держали курс прямо на нас. Теперь превосходство сил было уже на их стороне, и притом почти вдвое.

Следуя за адмиралом, повернули к Артуру и начали уходить. Японцы за нами. Видимо, нагоняют. «Новик» и миноносцы, пользуясь своим ходом, вышли несколько вперед и влево. «Диана» осталась концевым кораблем строя. Признаюсь откровенно — положение было довольно жуткое. Идем полным ходом, а дистанция все уменьшается... В 9 ч. утра расстояние до головного японца (кажется, «Миказа») всего 38 кабельтовых. Наши кормовые шестидюймовки были наведены... Ждали с «Петропавловска» приказания: «Открыть огонь...» Но сигнала не было. Японцы тоже, словно по уговору, не стреляли... В 9 ч. 15 м. вошли в район действия крепостных орудий (6—7 миль), а в 9 ч. 20 м. неприятель, так и не сделав ни одного выстрела, прекратил погоню и склонил курс к западу... Расстояние начало увеличиваться...

Гибель «Страшного», вызванный ею спешный выход отдельных судов, появление главных сил неприятеля, сбор эскадры — все это как-то заслонило события минувшей ночи, казавшиеся такими мелкими. Ни сам адмирал, ни кто-либо из окружающих его не вспомнили о подозрительных силуэтах, смутно виденных сквозь сетку дождя, озаренную лучами прожекторов... А ведь эти силуэты появились именно в вершинах восьмерки, которую мы описывали при нашем крейсерстве, — восточнее Крестовой горы и южнее горы Белого Волка... Протралить, поискать, «не набросал ли какой дряни», — об этом словно забыли...

— Комендорам остаться при орудиях! Остальным — вольно!.. — скомандовал я *.

— Пошла старая история! Сейчас начнут «бросать издалека тяжелые предметы»... — промолвил старший артиллерист...

Мы оба спустились с верхнего мостика. Артиллерист — на полубак, к фитилю, где разрешается курить, а я — на палубу. Здесь, стоя у правой шестидюймовки носового плутонга, я отдавал обычные распоряжения старшему боцману, когда глухой, раскатистый удар заставил вздрогнуть не только меня, но и весь крейсер. Словно где-то близко хватили из двенадцатидюймовки. Я с недоумением оглянулся... Удар повторился еще грознее... Что такое?.. «Петропавловск»! «Петропавловск»!..» — как-то жалобно и беспомощно раздались кругом разрозненные, испуганные восклицания, заставившие меня сразу броситься к борту в предчувствии чего-то ужасного... Я увидел гигантское облако бурого дыма (пироксилин, минный погреб — мелькнуло в мозгу) и в нем как-то нелепо, наклонно, повисшую в воздухе, не то летящую, не то падающую фок-мачту... Влево от этого облака видна была задняя часть броненосца, совсем такая же, как и всегда, словно там, на носу, ничего не случилось... Третий удар... Клубы белого пара, заслонившие бурый дым... Котлы!.. Корма броненосца вдруг стала подниматься так резко и круто, точно он топил не носом, а переломившись посредине... На мгновение в воздухе мелькнули еще работавшие винты... Был ли новый взрыв? — не знаю... но мне казалось, что эта, единственно видимая за тучей дыма и пара, кормовая часть «Петропавловска» вдруг словно раскрылась и какой-то ураган пламени хлынул из нее, как из кратера вулкана... Мне казалось, что даже несколько мгновений спустя после того, как скрылись под водой остатки броненосца, море еще выбрасывало это пламя...

Никогда после сигнала — «Слушайте все» — не наступало на крейсере такого глубокого безмолвия, как перед этим зрелищем...

Однако привычка — вторая натура. Как старый штурман, привыкший точно записывать моменты, я, только что увидев взрыв, совершенно машинально вынул часы и отметил в книжке: «9 ч. 43 м. — взрыв «Петропавловска» — а затем: «9 ч. 44½ м. — все кончено...»

Не является ли такого рода, почти бессознательная, деятельность спасением для наших нервов, для нашего рассудка в моменты жестоких ударов, жестоких потрясений?.. Наружно как я, так и все прочие офицеры «Дианы» сохраняли полное спокойствие... Мне кажется, судя по той выдержке, которая была проявлена, каждый инстинктивно чувствовал, что одно неосторожное слово, один неверный жест могли вызвать панику... Это был один из тех критических моментов, когда от ничтожного внешнего толчка команда может быть с одинаковой вероятностью и охвачена жаждой подвига, и предаться позорной трусости... По-видимому, младший флагман, контр-адмирал кн. Ухтомский, верно оценил положение. В то время как миноносцы и минные крейсера бросились к месту гибели «Петропавловска» в надежде спасти, кого можно, — он, словно ничего особенного не случилось, сделал сигнал: «Быть в строю кильватера; следовать за мной» — и, выйдя головным на своем «Пересвете», повел эскадру так же, как, бывало, ее водил Макаров...

Как известно, из всего экипажа «Петропавловска» спаслись только 7 офицеров (в том числе великий князь Кирилл Владимирович) и 73 матроса...

В 10 ч. 15 м. утра «Пересвет» уже повернул на обратный курс, когда снова раздался глухой удар минного взрыва и шедшая за ним «Победа» начала медленно крениться... «Пересвет» застопорил машину и бросился влево... Строй спутался... Эскадра сбилась в кучу... Внезапно, со всех сторон, загремели выстрелы... Среди беспорядочно столпившихся судов то тут, то там вздымались столбы брызг от падающих снарядов... Снаряды свистели над го-

---

* Во флоте «командует» старший офицер, получая на то приказание от командира, командир же поставлен всем укладом службы так, что ему подобает распоряжаться лично только в самых критических случаях.

ловой... Осколки шуршали в воздухе и звякали о борт... Наш крейсер тоже открыл какой-то бешеный огонь...

Я стоял на верхнем мостике со старшим артиллеристом.

Ошеломленные неожиданностью, мы переглянулись, словно не веря себе, словно пытаясь взаимно проверить свои впечатления...

— Что такое? — спросил он.

— Что? Паника!.. — ответил я.

Больше разговоров не было. Мы оба бросились вниз. На нижнем мостике, при входе в броневую рубку, я увидел командира...

— Почему стреляют?

— Кто приказал?

— Остановите! Они с ума сошли!..

Кругом творилось что-то невообразимое... Крики: «Конец пришел!.. Подводные лодки!.. Всем пропадать!.. Стреляй!.. Спасайся!..» — покрывали гул канонады... Обезумевшие люди вытаскивали койки из помещений, отнимали друг у друга спасательные пояса... Готовились спасаться за борт...

— Дробь! Играй дробь! — не своим голосом ревел артиллерист, выволакивая за шиворот на крыло мостика штаб-горниста, забившегося куда-то в угол...

Неверный, дрожащий звук горна пронесся над крейсером...

— Как играешь? Глотку перехватило? — кричал я. — Еще! Труби без конца! Пока не услышат!..

Звуки горна становились увереннее, но на них не обращали внимания...

Что-то громыхнуло между трубами... Впоследствии оказалось — свои же угостили нас снарядом, по счастию разбившим только подъемные тали барказа и не причинившим никакого серьезного повреждения...

Я побежал по батареям.

— Господа офицеры! Не позволяйте стрелять! Гоните от пушек!..

Но слова не действовали на комендоров, вцепившихся в свои орудия и посылавших снаряд за снарядом, без прицела, куда-то, какому-то невидимому врагу... Пришлось употреблять силу...

Порядок был скоро восстановлен. Пальба прекратилась. Опомнившаяся команда с виноватым, смущенным видом торопливо укладывала по местам разбросанные койки и спасательные пояса, прибиралась у орудий... Некоторые робко и неуверенно пробовали заговаривать с офицерами, пытались

оправдываться, объясняли, что «затмение» нашло... что кто-то «как крикнул, а за ним и все...».

— В кого-то стрелял? В кого? Кто тебе приказывал?— яростно наседал артиллерийский кондуктор на комендора, которого он только что силой оторвал от орудия.

— Я — что ж?.. Видит бог!.. Кабы знать!.. Обеспамятел — одно слово...

— Ведь ты без малого по «Аскольду» жарил! Хорошо, коли пронесло... а то — не дай бог!..

— Не корите, Иван Трофимыч, — сам знаю... что уж!..

Без ложной скромности, считаю себя вправе отметить тот факт, что «Диана» была одним из первых кораблей, на которых прекратилась эта беспорядочная паническая стрельба по воде и по воздуху. На многих других она продолжалась еще несколько минут...

Из числа судов эскадры одни стояли на месте, другие беспорядочно двигались в разных направлениях, куда-то ворочали, в тесноте ежеминутно угрожая друг другу столкновением...

Почему японцы не воспользовались этим моментом? Почему не атаковали нас?.. Лишь немногие могли бы отвечать им, тогда как они, сосредоточив свой огонь на центре той нестройной кучи, которую представляла собою эскадра, били бы почти наверняка... Хорошо, что не догадались или не решились, — это был бы полный разгром!..

«Пересвет» поднял сигнал: «Войти в гавань, начиная с броненосцев».

Было 10 ч. 25 м. утра.

Первой, конечно, вошла поврежденная «Победа», под своими машинами, только накренившись на 5—6 градусов. Ей посчастливилось. Взрыв мины пришелся под большой угольной ямой, к тому же полной угля, на толще которого и разразилась вся его сила.

Если бы так же посчастливилось «Петропавловску»!..

Вскоре после полудня мы уже стояли на своем месте, в Западном бассейне.

Несчастный день... Из семи броненосцев, которыми мы располагали перед началом войны, у нас оставалось только три — «Пересвет», «Севастополь» и «Полтава»... Но не в этом ослаблении наших сил было горе... Пока эскадра входила в гавань, пока еще не получалось официального подтверждения, — все, от старшего до младшего, так жадно вглядывались в каждый поднимавшийся сигнал... У каждого в душе еще теплилась слабая надежда, мечта, которую он не решался даже высказать громко...

— А вдруг спасен?..

И каждый трепетно ждал, не разовьется ли на мачте одного из броненосцев тот флаг, который так недавно, так горячо мы приветствовали на мачте «Новика», — флаг командующего флотом!.. Нет...

Ужасный день!..

Это было общее настроение...

— Что вы ходите как в воду опущенный?! — обратился я к старшему боцману. — Ваше дело — подбодрить команду, поддержать дух! А на вас — лица нет! Стыдно! На войне нельзя без потерь! Погиб броненосец, ослаблена эскадра — пришлют подкрепление! Новую эскадру пришлют! Нельзя нос вешать! Нельзя рук опускать!..

— Так точно, ваше высокоблагородие... Без потерь нельзя... Оно конечно... броненосец — что ж? — как-то смущенно и неуверенно, пряча глаза, заговорил боцман и вдруг, словно решившись махнуть рукой на всякий этикет, резко переменил тон: — Не то, ваше высокоблагородие! Что броненосец? Хоть бы два! Да еще пару крейсеров на придачу! Не то! Голова пропала!.. Вот что!.. Почему оно, я, как все прочие... — Голос его задрожал и оборвался...

Да. Этой мыслью были проникнуты массы. Она овладела ими. Она одинаково крепко засела и под офицерской и под матросской фуражкой. Только здесь, на баке, эти простые люди не умели и не находили нужным прятать ее под маской спокойствия и самоуверенности, о чем так заботилось население кают-компании...

VI

...Необходимо было принять энергичные меры, чтобы хоть отчасти стряхнуть это угнетение. Первобытные, цельные натуры, какими в огромном большинстве являлись наши матросы, так же легко воспринимают слова ободрения, как и поддаются отчаянию. Это облегчало задачу. Не знаю, как поступали на других судах, но у нас, на «Диане», никогда еще не было такого широкого общения между офицерами и командой. В батарейной и жилой палубах на видных местах были развешаны наскоро составленные и (на машинке) отпечатанные списки боевых судов Балтийского и Черноморского флотов с указанием их водоизмещения, брони и артиллерии. Около «прокламаций» (как их шутя называли) толпился народ. Толковали, спорили и (право, неглупо) прикидывали в уме и на пальцах, намечали состав эскадры, какую можно бы послать в Тихий океан. Офицеры, появляясь то тут, то там, давали необходимые объяснения...

———

Утром 2 апреля прибыл в П.-Артур наместник и поднял свой флаг на «Севастополе», стоявшем в Восточном бассейне, у северной стенки, против дома командира порта. Обстоятельство это прошло почти незамеченным.

— Это только для видимости! Этот в бой не пойдет! — уверенно заявляла молодежь, несдержанная на язык.

С того момента, как несколько улеглось первое ошеломляющее впечатление катастрофы, погубившей «нашего» адмирала со всем почти его штабом, эскадра жила фантастическими слухами о назначении нового командующего. Откуда они брались, эти слухи? Вернее всего, просто создавались нетерпеливым воображением... упорно назывались три имени — Дубасов, Чухнин, Рожественский...

Того же 2 апреля с рассветом появились на горизонте японцы. Мы... не вышли в море. Около 9 ч. утра началась бомбардировка. Как сообщалось с Ляо-ти-шаня, ее вели только «Кассуга» и «Ниссен» — два вновь приобретенные крейсера, только что вступившие в состав японского флота и впервые появившиеся под Артуром, очевидно, с целью испытать свою артиллерию (10-дюймовки). Южнее их, не принимая в бомбардировке активного участия, держались броненосцы, а несколько ближе, к востоку, почти против Артура, бродили «собачки» и два броненосных крейсера. От нас отвечали «Пересвет» и «Полтава». Японцы на этот раз стреляли неважно — по большей части недолеты, ложившиеся в южной части Западного бассейна. Наши потери ограничились двумя ранеными на Тигровом Хвосту.

В 12 ч. 30 м. дня японцы поспешно удалились. С Ляо-ти-шаня доносили, будто они ушли потому, что один из новых крейсеров («Кассуга» или «Ниссен») наткнулся на мину, после чего со всех судов началась беспорядочная стрельба «по воде». Вероятно, как и у нас 31 марта, заподозрили присутствие подводной лодки. Дня через два китайцы-лазутчики донесли, что в бухте Кэр (к востоку от Талиенвана) погиб на наших минах крейсер III класса «Мияко».

Правда, ни то, ни другое известие не получили подтверждения в официальных донесениях с театра военных действий, публиковавшихся японцами, но дело в том, что наш неприятель, в противоположность нам, простодушно объявлявшим всему свету о ходе работ по исправлению поврежденных судов, заботливо скрывал и умел скрывать свои

потери *, а потому я склонен верить этим рассказам, тем более что впоследствии японцы признали гибель «Мияко», только отнеся ее на месяц позже, а также и повреждение «Кассуги», которое объяснялось столкновением в тумане с «Иосино», который якобы при этом был потоплен; у нас же честь его потопления приписывал себе миноносец «Сильный», бывший в паре со «Страшным» в роковой день 31 марта.

Конечно, эти спорные факты сами по себе не представляют большого значения: не все ли равно, отчего затонул «Иосино»? при каких обстоятельствах была повреждена «Кассуга»? какого числа и какого месяца погиб «Мияко»? Если я и упоминаю о них, то единственно с целью отметить резкую разницу в успешном хранении военной тайны с нашей стороны и со стороны японцев. У нас эта тайна являлась чисто формальным, канцелярским делом, у японцев же — делом совести, священным долгом перед родиной. Нельзя не признать, что культ канцелярской тайны всегда имел у нас самое широкое распространение. Всякое приказание начальства, хотя бы на йоту выходящее за пределы шаблона, принятого текущего момента, уже составляло секрет. Надписи «секретно», «весьма секретно», «конфиденциально» и т. п. — так и пестрели на заголовках рапортов, отношений и в особенности предписаний. В результате все эти страшные слова совершенно утратили свое первоначальное значение и могли бы с успехом быть заменимы словами — «важно» или «интересно»... К тому же при множестве секретных бумаг оказывалось физически невозможным писать их лично или при посредстве самых близких, доверенных лиц. Являлись посредники в виде мелких канцелярских чиновников, даже писарей, всегда склонных сообщать приятелю новость (конечно, тоже по секрету). Между тем среди ворохов чисто канцелярских тайн попадались и настоящие! Да где ж тут разобраться! «Секреты» всегда были известны всем, кроме тех, кто, казалось бы, имел наибольшее право быть в них осведомленным, на чью скромность и сдержанность можно было бы положиться.

Бывало, командир или старший офицер (не кто-нибудь) спросит знакомого, даже приятеля, из штаба:

— Не известно, когда выходить собираемся?

— Не знаю! Право, не знаю!

* Броненосец «Ясима» наткнулся на мину 2 мая, а 4 мая погиб по пути в Японию, но не только в Европе, даже в самой Японии смутные слухи о его гибели появились только в октябре, достоверно же стало о ней известно лишь после Цусимы.

А на судне вестовой в тот же день докладывает, что ему надо ехать к прачке.

— Зачем?

— Так что белье забрать, потому — уходим!

— Куда уходим? Что ты врешь?

— Никак нет! Адмиральский вестовой сказывал, приказано завтра к вечеру, чтоб все было дома...

Помню однажды, еще за несколько лет до войны, начальник эскадры был серьезно озабочен, как бы разослать командирам предписание, которое он желал действительно сохранить в секрете.

— У нас это дело отвратительно поставлено! — сердился он. — Все знают, и ведь именно те, которым не следовало бы знать!

— А вы, ваше превосходительство, прикажите вовсе не ставить наверху «секретно» — никто и читать не станет... — посоветовал кто-то из присутствующих.

И удалось. Никто не поинтересовался...

...Так как японцы словно сквозь землю провалились и не показывались в течение почти трех недель, эскадра замерла в бассейнах. Даже дежурство крейсеров на внешнем рейде, установленное Макаровым, было отменено.

Вообще все макаровское пошло насмарку, и восстановились порядки, властно господствовавшие до... войны. Казалось, что флаг, развевавшийся на грот-мачте «Севастополя», обладал каким-то особенным свойством парализовать всякую инициативу, задерживать на губах всякую фразу, кроме достолюбезных — «слушаю» и «как прикажете»...

Правило «беречь и не рисковать» воцарилось снова. К нему, под гипнозом флага, поднятого на «Севастополе», естественно, присоединялось и другое: «ничего без указания или без испрошенного одобрения»...

Такой простой, всем понятный и пользовавшийся таким широким успехом принцип, провозглашенный Макаровым,— «верю, что каждый приложит все силы к приведению своей части в боевую готовность», принцип, дававший такую широкую свободу действий не только командирам и офицерам, но даже и младшим начальникам из нижних чинов, принцип, на первый план выдвигавший личную инициативу, одухотворивший службу, сведенную к отбыванию «номеров учений», — этот принцип был осужден бесповоротно...

8 апреля ознаменовалось печальным происшествием. При постановке с портовых барказов минного заграждения близ Ляо-ти-шаня, вследствие преждевременного взрыва мины, погиб лейтенант Пелль и 19 нижних чинов. Я знал

его еще по китайской кампании, когда он, участвуя в походе адмирала Сеймура, был ранен в обе ноги, много дней оставался почти без медицинской помощи, перетаскиваемый на носилках... все-таки поправился, снова пошел на войну и погиб, так нелепо, от несовершенства оружия, которого был специалистом (он имел звание минера 1-го разряда).

Около того же времени я, совершенно неожиданно, был назначен членом в комиссию для допроса японцев, захваченных 13 марта на пароходе «Хайен-мару», и для разбора оказавшихся при них документов. Назначение в такую комиссию старшего офицера боевого корабля являлось несколько странным. Для сведения моих сухопутных читателей считаю долгом пояснить, что на корабле командир — это как бы верховная власть, выступающая лично только в наиболее критические моменты жизни, а старший офицер — это как бы действующий именем командира, с его ведома и одобрения, премьер-министр, на котором и лежит непосредственно вся тяжесть внутреннего управления. Можно сказать, что, вне исключительных случаев, командир — маятник, регулирующий ход часов, а старший офицер — пружина, силой которой работает механизм. Отсутствие старшего офицера, хотя бы на несколько часов, уже вносит некоторую заминку во внутреннюю жизнь корабля... В штабе объяснили, что назначение вызвано... сведениями о моем знакомстве с японским языком и японско-китайской грамотой... На эскадре знали, что некогда, на пари, я в годичный срок выучился японскому языку и японско-китайской грамоте настолько, что свободно читал и переводил... японские газеты, но это было 6 лет тому назад. С тех пор многое было, за отсутствием практики, перезабыто, и я отнюдь не считал себя вправе выступать в роли переводчика, да еще в таком ответственном деле. Однако на первом же заседании пришлось, волей-неволей, отбросить всякую скромность и пытаться, по мере сил, применить свои познания.

Оказывается, что во всем огромном штабе наместника не было ни одного человека, основательно знакомого с японским языком и японской письменностью...

Воображаю, однако же, как такое следствие было бы обставлено у японцев, у которых на каждом корабле, в каждом полку, батальоне, даже роте, были люди, прекрасно говорившие и писавшие по-русски...

В ночь на 17 апреля приходили на внешний рейд японские миноносцы. Вероятно, с целью набросать мин. Обнаруженные прожекторами и встреченные огнем батарей, поспешно скрылись, но, конечно, дело свое сделали.

В 1 ч. ночи 20 апреля меня разбудили глухие удары отдаленных пушечных выстрелов...

Внезапно раскаты одиночных выстрелов перешли в беспрерывный гул. Даже сквозь плотно задернутую занавеску иллюминатора пробивались отблески то ярко-багровых, то зеленовато-золотистых негаснущих молний... Видимо, стреляли все, кто мог!.. Сна — как не бывало...

С мостика «Дианы» мы немного увидели... могли только догадываться о содержании драмы, разыгравшейся на главной сцене...

Это была третья, наиболее отчаянная, попытка японцев запереть П.-Артур.

Несомненно, что через своих шпионов они знали не только о неудаче предыдущей попытки, но и о всех мерах, принятых нами к предотвращению новой. Они знали, что теперь уже нельзя попросту взять прямой курс ко входу, но надо идти по искусственно созданному фарватеру. И вот — под бешеным огнем батарей и сторожевых судов — их миноносцы подошли к поворотным пунктам и стали маячными судами, указывая дорогу заградителям...

Очевидцы говорили, что это было похоже на сказку!.. Один миноносец взорвался на наших минах, один был утоплен артиллерией, вероятно, многие пострадали, — но свое дело сделали!..

Всех брандеров-заградителей было 12. Четверо, подбитые или просто не выдержавшие огня, повернули обратно в море, 8 — дошли.

Все затонули вдали от входа...

По счастью, они не легли поперек дороги...

Во всяком случае, нельзя не признать, что уже второй раз блестяще оправдала себя система отражения атаки брандеров, детально разработанная при Макарове и объявленная его приказами. Береговые батареи, сторожевые и охранные суда и шлюпки действовали как по нотам.

Наместнику, прибывшему на «Отважный», оставалось только наблюдать за тем, как разыгрывается пьеса по партитуре гениального композитора — нашего дорогого Деда.

Поклонники талантов адм. Алексеева, историки, пытающиеся еще более расцветить его и без того цветистые реляции, любят говорить о том, как он лично руководил отражением этой атаки брандеров-заградителей, «с которых сыпался град из поставленных на них пулеметов» («Русская старина». 1907. Апрель. С. 71). В интересах восстановления истины не могу не указать, что, несмотря на «град», потерь с нашей стороны не было, а кроме того, не-

сомненно, что если и был «град», то он сыпался на ближайших противников — сторожевые и охранные суда и шлюпки, а также на батареи скорострельных морских орудий, недавно воздвигнутые и вынесенные возможно вперед и ближе к уровню моря.

«Отважный» стоял в самом проходе, во второй линии обороны, между Золотой горой и воротами в Восточный бассейн. На него этот «град» никоим образом не мог быть направлен, и драгоценная жизнь наместника не подвергалась никакой опасности. Впереди «Отважного» были: два внешних бона, преграда из затопленных судов, первая линия обороны — «Гиляк» и прибрежная батарея — и, наконец, солидный бон, снабженный стальными сетями, опускающимися почти до дна, занирающий самый проход.

Вряд ли даже с «Отважного», стоявшего в трубе, а не в горле прохода, возможно было наблюдать за ходом дела и давать какие-либо указания. Это было бы возможно лишь с «Гиляка», находившегося на авансцене, но туда... наместник не счел необходимым проследовать...

11 февраля и 14 марта, при штилевой погоде, уцелевший экипаж брандеров-заградителей, пользуясь смятением... уходил на мелких шлюпках в открытое море, где с рассветом его подбирали разведчики и миноносцы неприятельской эскадры... 20 апреля дело обстояло иначе... по внешнему рейду гуляла невысокая, но крутая волна, а с моря шла зыбь. Самая посадка на мелкие, в большинстве подбитые, шлюпки представляла уже немало затруднений, а выгребать на них против волны и ветра оказывалось совершенно невозможным.

Те, у кого шлюпки уцелели и где их успели спустить на воду, вынуждены были выброситься на берег и сдаться в плен, прочие же плавали, держась за обломки, цепляясь за мачты и трубы, торчавшие над поверхностью моря, и отчаянно взывали о помощи... Надо ли говорить, что, как только кончился бой, наши паровые катера, только что бросавшие в неприятеля свои метательные мины, бросились спасать погибающих, ежеминутно рискуя сами разбиться в бурунах, ходивших над затонувшими пароходами...

При этом нельзя пройти молчанием одной весьма любопытной подробности. Холодная ванна, по-видимому, отрезвляюще подействовала на тех, кого подобрали катера, но те, что высаживались на берег, полуодетые, безоружные, с криками «банзай» бросались на наших, спешивших к ним на помощь. Конечно, в такой обстановке ни солдаты, ни матросы и не думали пускать в дело оружия, а отбросив

винтовки, со смехом и шутками принимали «очумелых» на кулачки... Некоторых пришлось даже связать, так как они были совсем невменяемы... Недаром мы, осматривая из любопытства ранее затонувшие брандеры, удивлялись многочисленным откупоренным и полуопорожненным бутылкам коньяку, которые на них находили. Тем более странно, что вообще Япония — страна трезвости: национальный напиток — «сакэ» — крепостью не превосходит обыкновенного пива, а употребляют его крошечными чашечками... Ясно, что даже японские нервы не могли выдержать той поистине адской обстановки, в которой находились брандеры, приближаясь к цели, и опьянение патриотизмом, жаждой подвига надо было поддерживать более реальным опьянением — алкоголем.

Каким-то путем это открытие с невероятной быстротой разнеслось повсюду и резко способствовало подъему духа в нашей команде, среди которой большинство считает, что перед боем, как перед причастием, грех пить водку, и часто отказывается от казенной чарки, если обедать приходится в виду неприятеля.

— Это не шутка! С пьяных-то глаз на рожон лезть!— ораторствовал на баке боцман Ткачев. — Нет! Ты мне вот, как свеча перед Истинным, докажи, как ты себя понимаешь! Какова есть твоя присяга!..

И, слушая эти речи, откровенно скажу, мы — офицеры — ободрялись. В нас опять зарождалась надежда... А что, в самом деле, если все «как свеча перед Истинным»? Неужели же ничего не удастся?..

В 11 ч. 30 м. утра на «Севастополе» флаг командующего флотом был заменен контр-адмиральским флагом. Наместник уехал в Мукден... Отъезд произошел так внезапно, что из начальствующих лиц многие узнали о нем как уже о совершившемся факте...

Не скажу, чтобы это явное бегство произвело на эскадру сильное впечатление. Некоторые были даже довольны. Все, однако, видели в нем тревожный симптом...

23 апреля японцы высадились. Железная дорога была испорчена. С нашей стороны им не было оказано никакого сопротивления...

Эскадра глухо волновалась. Возбуждение росло. В самом деле: у нас было три исправных броненосца, один броненосный и три легких крейсера 1 ранга, один крейсер 2 ранга, четыре канонерки и более 20 миноносцев. Казалось бы, с такими силами можно предпринять что-нибудь против высадки, происходящей от нас в расстоянии 60 миль!.. Для

горячих умов из высших кругов был пущен слух, что наше бездействие входит в планы генерала Куропаткина. Будто бы он сам просил наместника не мешать японцам высаживаться к востоку от П.-Артура, опасаясь высадки в Ньючванге. Приводилось даже изречение какого-то великого полководца, сказавшего, что он знает 12 способов высадки десантной армии и ни одного способа обратной посадки ее на суда в случае неудачи, а потому рекомендовалось не рисковать судами и всячески беречь эскадру именно для этого момента, когда придется «не пускать японцев домой»... Знакомый лозунг «беречь и не рисковать» внушал некоторые сомнения в достоверности этого слуха, но других объяснений не было.

...На «Диану» ее привезли рано утром 26 апреля. Командир еще спал; папку подали мне, и, развернув ее, я имел несчастие прочесть то, что на артурской эскадре называли «Великой хартией отречения флота»... Вот подлинные строки, которые я занес в мой дневник по поводу этого события:

«26 апреля. Случайно прочел знаменитый протокол совещания — акт самоупразднения флота. Стыдно! Слава богу, все же нашлись двое, которые не подписали этой гадости!»

Протокол начинался заявлением, что в настоящем положении эскадра не в состоянии иметь какого-либо успеха в активных действиях, а потому, до лучших времен, все ее средства должны быть предоставлены на усиление обороны крепости...

Настроение на судах было самое подавленное, не многим лучше, чем в день гибели Макарова... Рушились последние надежды...

VII

Надо ли пояснять, что японцы, которые благодаря своей идеально организованной системе шпионства получали наисекретнейшие наши приказы едва ли не раньше, чем наши корабли и отдельные части, конечно, в тот же день были осведомлены о содержании «великой хартии», так откровенно развозившейся по городу и порту, и с этого момента, не опасаясь помехи, словно на маневрах, деятельно занялись высадкой своей армии, выгрузкой артиллерии, обоза, запасов и т. п. Они стали положительно беспечны и даже задорны...

С 27 апреля они подходили совсем близко, точно зная о приказании «не стрелять, чтобы не вызвать бомбардировки» — верх осторожности и бережливости...

Среди общей апатии и бездействия... уже несколько дней командир «Амура», должно быть задетый за живое развязностью японцев, выбирал удобный момент, чтобы выйти в море и набросать мин на месте обычных, безнаказанных прогулок неприятеля.

1 мая случай представился — нашел легкий туман, и японцы скрылись из вида. «Амур» выбежал на рейд, исчез во мгле... Прошло немного более двух часов, и он благополучно вернулся... Особенно важным являлось то обстоятельство, что... с берега совершенно нельзя было определить, куда он ходил.

Я уже говорил о той изумительной осведомленности, которую проявляли японцы, с уверенностью ходившие между поставленными нами заграждениями, никогда на них не натыкаясь. Очевидно, среди китайского населения Квантуна у них имелись не только простые шпионы, но и опытные штурмана, наносившие на карту каждое движение наших судов. Впрочем... мог быть и другой путь — добыть копию секретного предписания...

2 мая мы сидели за завтраком в кают-компании, когда с вахты доложили, что появилась японская эскадра. Никто не шевельнулся... Вдруг наверху послышалась беготня, восклицания и затем какой-то стихийный рев, проникший до самых трюмов, откуда, как слышно было по топоту ног о железные трапы, все мчались на палубу...

— Японец! На мине! — выкрикнул вместо доклада унтер-офицер, присланный с вахты...

Что творилось наверху!.. Люди лезли на ванты, на мачты, стараясь подняться как можно выше, надеясь в просветы между Золотой, Маячной и Тигровой горами увидеть что-нибудь своими глазами... Старший артиллерист, забыв про ревматизм, бежал на марс, мичманы громоздились под самые клотики...

Внезапно на Золотой горе, на окрестных возвышениях батареях, с новой силой вспыхнуло «ура»...

— Второй! Второй!.. Потонул! — ревели засевшие под клотиками мачт...

Им даже не сразу поверили... Но вот повсюду замелькали семафорные флажки, на мачте Золотой горы взвился сигнал: «Японский броненосец затонул»...

— На рейд! На рейд! Раскатать остальных! — кричали и бесновались кругом...

Как я верил тогда, так и верю теперь: их бы «раскатали»!.. Но как было выйти на рейд, не имея паров?.. Блестящий, единственный за всю кампанию, момент был упущен...

По поводу этой, фотографически точно записанной сценки казенные историки заявляли, что легко было неразумной толпе на «Диане» кричать — «Раскатать остальных!» — но на деле выполнить это было невозможно.

Посмотрим.

По японским сведениям, в тот день, в виду П.-Артура, в расстоянии 10 миль проходили в строе кильватера броненосцы — «Хапусе», «Ясима» и «Сикисима» — и легкие крейсера — «Кассаги» и «Тацута». «Хацусе» пошел ко дну через 50 сек. после того, как наткнулся на мину; «Ясима», также наткнувшийся на мину, с трудом держался на воде (не дошел до Японии, затонул по дороге); оставались один броненосец и два легких крейсера, хлопотавших около подбитого, почти погибающего «Ясимы».

Мы имели в то время: вполне исправные «Пересвет» и «Полтаву», а также «Севастополь», хотя и поврежденный во время учебных эволюций 27 февраля (трещина корпуса, погнута одна из лопастей правого винта), но правоспособного к выходу в море, что было им доказано 5 и 28 марта; затем крейсер — броненосный «Баян», легкие «Аскольд», «Паллада», «Диана» и «Новик», четыре канонерки и два отряда миноносцев.

Решительно утверждаю, что если бы эти силы были в полной готовности и в 11 ч. утра 2 мая вышли бы на внешний рейд, то остальных «раскатали бы»!..

Этот промах подействовал на эскадру хуже всех потерь...

Как раз в этот день десантная армия японцев окончательно отрезала П.-Артур...

Тем временем сила решений, изложенных в «великой хартии», понемногу распространялась и на суда, и вовсе неповрежденные, вполне готовые к бою. С «Дианы» сняли и увезли на позицию при Киянь-Чжоу один прожектор, а с ним вместе — 1 мичмана, 2 минеров, 2 минных машинистов и 2 кочегаров.

11 мая кают-компания «Дианы» была близка к открытому возмущению...

Утром 13 мая «Бобр», счастливо миновав минные заграждения, появился в северной части Талиенванского залива и начал оттуда громить японцев, наседавших на наш правый фланг. Те отступили с огромными потерями... Многим, однако же, казалось странным, что «Бобр» в тот же

день, засветло, вернулся в Артур, покинув (несомненно по распоряжению свыше) позицию, на которой принес такую пользу... Его встретили криками «ура», но в сердце закрадывалось невольное сомнение... Почему его вернули? Почему, наоборот, не послали на помощь ему «Гремящий», «Отважный», «Гиляк», уже собравшие свои машины и готовые к походу? Почему отставили экспедицию крейсеров и миноносцев, стоявших под парами?..

Я обещал моим читателям, что буду стараться с фотографической точностью передавать те впечатления, те настроения, которые мы переживали за эти роковые дни, но это так трудно!.. Дела было по горло... И какого тяжелого, обидного дела: снимать пушки с судов и ставить их на батареи сухопутного фронта... Именно за эти дни в моем дневнике записаны (часто в несколько приемов за сутки) только отдельные, отрывочные фразы... Нет! я не берусь их комментировать!.. Вот они:

«16 мая. Досадно. Писать противно. Отреклись. — Спасти, уберечь эскадру, усиливая безнадежную крепость ценою разоружения судов... Вздор! Не то! В кусты тянет. С кораблем гибнет 100 проц., а на берегу этого не бывает. Вот где собака зарыта!.. — Идти драться, а не отсиживаться! — Бой невозможен. Силы неравны... Так ли?.. А если и так — прорыв с боем во Владивосток! — Говорят: бегство, бросить своих! Ловко сказано! Прямо — герои! — Да, не надуешь!.. Пожертвуем эскадрой, съедем на берег, попробуем спасти Артур!.. С виду — самоотвержение, а на деле — все-таки есть шанс уцелеть! На земле не тонут!.. — У нас снимают две 6-дюймовых и четыре 75-миллиметровых... Дрянь! Еще не то будет!..»

«11 ч. 35 м. вечера (лунная ночь). Отряд японских миноносцев идет по внешнему рейду с востока на запад. Верно, пришли бросать мины. 11 ч. 52 м. «Гиляк» и другие суда в проходе открыли огонь. Далеко: 40—45 кабельтовых. Стреляли и батареи. 12 ч. 8 м. ночи. Японцы благополучно ушли. Конечно, свое дело сделали. «В тихую, лунную ночь...» Как на смех!.. Даже не пробовали послать прогнать... Водобоязнь!..»

«20 мая. Готовилась экспедиция крейсеров и миноносцев. Туман помешал. Пошли в Печилийский залив только миноносцы...»

«21 мая. Миноносцы благополучно возвратились в 8 ч. утра. Ничего не сделали, ничего не видели. Хоть все целы — и на том спасибо! К тому же — добрая примета — все же на что-то «рискнули...».

Тяжелое было время и в смысле чисто физического труда. Особенно доставалось крейсерам. Стоя в проходе, каждую ночь караулили и перестреливались с японцами, приходившими забрасывать ввешний рейд минами, причем команда спала, не раздеваясь, — половинное число прислуги у своих орудий, прочие где-нибудь поблизости. Кроме того, день и ночь работали над постройкой батарей... Прибавьте сюда же погрузку угля, наряд шлюпок для траления рейда. Выдавались дни, когда люди почти валились с ног от усталости, засыпали на ходу.

Главная наша беда, по меткому матросскому выражению, заключалась в том, что «голова пропала!..».

В. К. Витгефт, принявший командование эскадрой, оказался на этом посту совершевно случайно, единственно вследствие... поспешного отъезда адмирала Алексеева и неприбытия адмирала Скрыдлова. Личная его храбрость, многократно на деле им проявленная, стояла вне всяких сомнений. В прошлом его сопровождала репутация безукоризненно честного человека и ученого работника... Но почти вся его служба прошла на берегу. Моряком он не был и открыто в этом признавался. Вступив в командование эскадрой, на первом же сообрании флагманов и капитанов он так и заявил: «...жду от вас, господа, не только содействия, но и совета. Я — не флотоводец...»

Это было сказано честно и прямо, но, по-моему, лучше было бы не делать такого заявления...

На войне единоначалие — первое условие успеха. Без полководца может погибнуть армия. Без флотоводца не может существовать флот. Военные законы, основанные на уроках истории, недаром так подчеркивают значение этой единой власти, единой воли...

Однако же, вспоминая и оценивая минувшие события, уже отошедшие в область истории, я не могу не признать, что в данный момент не запес бы в свой дневник тех резких, горьких слов, которые цитировал выше. Было смягчающее обстоятельство. Был фактор, оказавший роковое давление на собрание флагманов и капитанов... Генералы двенадцатого года не решались покинуть Москву, ва произвол неприятеля, страшась упрека всей России. Правда, Артур не был Москвой, но наши флагманы также не решались покинуть его в критическую минуту, страшась упрека со стороны своих сухопутных товарищей... А этот упрек уже висел в воздухе!.. По судам эскадры рассылались анонимные произведения... Приведу одно из них — пародия на известную тему «Дедушка Мазай и зайцы». В этой пародии весьма прозрачно и образно полсиялось взаимоотношение армии и флота. К сожалению, у меня под рукой нет полного текста — он погиб в бою, и я могу только на память пересказать его содержание:

«Какой-то барский двор стерегли серые собаки, а во дворе жили белые зайчики. Пришла беда — появились волки. Собаки стали готовиться к обороне, а зайцы говорили: «Да вы не беспокойтесь! У нас такой способ есть, что мы их близко не подпустим!» Однако когда от собак уже начала шерсть клочьями лететь, то зайцы обеспоконлись и в один прекрасный день под предводительством «самого старого и самого трусливого» зайца пустились наутек в страны северные (понимай — Владивосток), а позади них только смрад (понимай — дым) остался, от которого собаки прочихаться не могли...»

Пасквиль этот, отпечатанный на пишущей машинке, был разослан по почте всем адмиралам, командирам и старшим офицерам судов и в судовые кают-компании, т. е. появился сразу в весьма значительном количестве экземпляров.

Очевидно, кто-то был крайне заинтересован наивозможно широким его распространением.

Отношения между моряками и сухопутными никогда не были (в П.-Артуре) особенно дружественными, а с началом войны и вовсе испортились.

Беспристрастно (и теперь уже относительно спокойно) оглядываясь на прошлое, нельзя не отметить, что, несомненно, чья-то воля, в личных выгодах, упорно внушала сухопутным мысль, что в промахах флота виноваты не высшие начальники, а негодный матерьял (команда и офицеры), бывший в их распоряжении! С другой стороны — то же внушалось морякам по отношению к сухопутным.

Сухопутные с пеной у рта кричали, что эскадра проспала появление неприятеля. Моряки утверждали, что крепость проспала войну, что 27 января поддержать эскадру в бою могли только две наскоро изготовленные батареи, что остальные были без гарнизона и с пушками «по-зимнему»!

Чем дальше в лес — тем больше дров... Несомненно, кому-то выгодно было поддерживать эту смуту.

Иначе как объяснить такую явную несообразность?

В кают-компаниях судов, с которых снимали орудия для усиления сухопутной обороны, разыгрывались сцены, поч-

ти бунты, включительно до угроз — развести пары и уйти в море, отстреливаясь от крепости, если она попробует задержать, — а в то же время на фортах той же крепости — взрыв негодования против моряков, которые не хотят драться сами, отдают свои пушки на берег, и даже... предложения — огнем крепостной артиллерии заставить эскадру выйти в море и вступить в бой...

Что это было, как не чудовищное недоразумение, кем-то и как-то весьма умело посеянное между двумя главными элементами защитников русского дела, русской чести на Дальнем Востоке?

Позже недоразумение рассеялось. Инстинктом массы поняли, что они не враги друг другу... Но... в японцах ли они увидели своего общего врага? Нет! — в «начальстве»...

VIII

...На берегу японцы продолжали свое наступление.

13 июня они продвинулись уже до Лунвантана. Атаку поддерживал отряд миноносцев, обстреливавший наши позиции с моря фланговым огнем. Чтобы прогнать его и самим взять во фланг сухопутные войска неприятеля, от нас выслали «Новик», «Отважный», «Бобр» и миноносцы. Японские миноносцы первоначально ретировались, но вскоре же на поддержку им появились три легкие крейсера. В ответ с нашей стороны выпустили «Палладу» и «Диану». Неприятель не пожелал вступить в бой и поспешно удалился...

14 июня повторилось то же, что накануне... На рейде нашли 15 плавающих деревянных салазок, на которых японские миноносцы сбрасывают мины заграждения.

Это были результаты их ночного посещения. Тралящий караван не выходил. Тралили своими средствами — паровыми катерами с «Дианы», — но удалось выловить только две мины...

В 9 час. вечера два японских миноносца, поставив на мачтах характерные четырехугольные паруса китайских джонок и тем обманув бдительность крепостных прожекторов, успешно подобрались к нам, идя вдоль берега, со стороны Ляо-ти-шаня. Как только мы осветили их собственными прожекторами, обман обнаружился. Встреченные огнем «Дианы», миноносцы сбросили свои фальшивые паруса и ринулись в атаку. Какой это был поразительно красивый момент, когда они, ярко освещенные лучами прожекторов, разворачивались бортом, чтобы выпустить мины! Особенно один, приблизившийся на дистанцию меньше 15 кабельтовых... Я совершенно отчетливо видел, как два наших шестидюймовых снаряда попали в него: один — позади труб, другой — у ватерлинии под мостиком. Последний, видимо, нанес серьезные повреждения — миноносец, на глаз заметно, получил дифферент на нос и замедлил ход...

Некоторые утверждали, что на другом миноносце во время его отступления удачный снаряд произвел взрыв собственных мин и он затонул. То же говорили и наблюдатели с Золотой горы...

20 июня, утром, благополучно вернулся миноносец «Лейтенант Бураков» *, которого посылали в Инкоу с донесениями. Несомненно, что обратным рейсом он привез какие-то приказания от главнокомандующего, так как находился в отсутствии четверо суток, а при его скорости пробег в один конец мог быть выполнен в течение одной ночи...

Миноносец «Лейтенант Бураков» уже второй раз удачно прорывал блокаду, второй раз давал осажденной крепости возможность непосредственных сношений с главными силами армии.

В статуте ордена св. Георгия весьма определенно сказано, что им награждается тот, кто, прорвавшись сквозь линии неприятеля, доставит главнокомандующему важные сведения. Вряд ли сведения, которые доставлял «Лейтенант Бураков», были не важными; вряд ли он занимался перевозкой дружеской корреспонденции, не имеющей большого значения... Таким образом, дважды был выполнен им подвиг, указанный статутом. И однако, командир его получил из рук адмирала Витгефта только Владимира 4-й ст. с мечами, да и то с пояснением значительности этой награды, которую еще надо оправдать дальнейшей службой... А между тем, по приказам, все мы хорошо знали о том дожде боевых отличий, который сыпался на лиц, непосредственное участие которых в делах против неприятеля было более чем сомнительно...

IX

...9 июля, в 10 ч. 45 м. вечера, показалась в лучах прожекторов китайская джонка, шедшая с моря, прямо и смело, ко входу на внутренний рейд. Открыли огонь. Джонка

---

* Какая горькая ирония! Лучшим, т. е. самым исправным и быстроходным, нашим миноносцем оказывался «Лейтенант Бураков», забранный нами у китайцев при взятии Таку и построенный по их заказу в Германии более десяти лет тому назад!.. Из всей нашей минной флотилии он был единственный, годный для такого поручения, как прорыв блокады...

некоторое время упорно держала старый курс, а затем кинулась в сторону и выбросилась на каменистый риф, идущий от Золотой горы...

10 июля прибыл на «Диану» начальник крейсерского отряда. Накричал, пашумел, разнес нас в пух. Оказывается, мы расстреляли джонку, везшую почту из Чифу!.. Совершенно ясно, что, раз такая джонка ожидалась, начальство обязано было снабдить ее условным, познавательным сигналом и предупредить о том дежурный крейсер, без чего этот последний не только не имел права позволить ей беспрепятственно войти в гавань, но даже и подойти на дистанцию минного выстрела. А если бы это оказалась японская штука? Если бы на джонке были минные аппараты? Если бы, наконец, сама она представляла собою мину-брандер с сотней пудов мелинита или шимозы?.. Конечно, каждый из офицеров имел полное право, слушая начальство, думать про себя: «Юпитер, ты сердишься, значит, ты не прав», — и громовой разнос, конечно, не следовало принимать близко к сердцу. Я мог бы даже вовсе опустить этот эпизод как не представляющий для читателей особого интереса. Но тут было другое: меня поразило то... не спокойствие, а пренебрежительное равнодушие, которым был встречен незаслуженный выговор... словно скользнуло, не задев никого...

Передо мной была картина полной деморализации. От дисциплины осталась только внешность — чинопочитание, но внутренний смысл ее — доверие, из которого проистекают и преданность, и самоотвержение, и самопожертвование, в котором залог единства и силы духа, т. е. залог успеха,— окончательно утратился. И если таково было настроение в среде офицеров, то, несомненно, хотя бы отчасти, оно проникало и в массы...

11 июля около 3 ч. ночи (стоя в дежурстве) услышали оживленную пальбу по направлению к востоку, как будто в Тахэ, где ночевали сторожевыми судами миноносцы «Боевой», «Грозовой» и «Лейтенант Бураков». Сами ничего не видели из-за погоды — не то туман, не то изморось. С рассветом обстоятельства дела выяснились. Обстоятельства довольно печальные. Японские миноноски, вернее, даже минные катера, пользуясь благоприятными условиями погоды, незамеченные патрулями сухопутных войск, удачно пробрались в Тахэ по самому мелководью и атаковали наши миноносцы из-под берега, откуда, казалось бы, никак нельзя ждать нападения... «Грозовой» — уцелел; «Боевой» — получил огромную пробоину — разворочена вся передняя кочегарка, но главное, «Бураков», наш единственный скоро-

ход, был почти разорван на две части и затонул... С его гибелью мы лишились единственного, сколько-нибудь верного средства сношений с главнокомандующим через Ньючванг...

14 июля «Диана» понесла тяжкую утрату в лице своего трюмного механика Коростелева.

Неутомимый работник, выдающийся механик, обладавший не только серьезной научной подготовкой, но и богатыми практическими сведениями, бывший на заводе во время постройки крейсера и (как говорили, смеясь, в кают-компании) знавший на нем «в лицо» каждую заклепку — он был больше чем правой рукой и командира, и старшего офицера. Рослый, на взгляд крепкий, он, по выражению докторов, обладал от природы каким-то «легким дефектом» сердца и чрезмерно нервной организацией, для которой почти полгода войны не могли пройти даром.

Последнее время чаще и чаще с ним случались припадки удушья.

— Что такое? В чем дело? — спрашивал я нашего молодого симпатичного эскулапа...

— Уехать ему отсюда, отдохнуть и опять приняться за свое мирное дело — сто лет проживет... Какой он воин?! Гадину ядовитую, случайно, как-нибудь, завезут на крейсер с провизией или там с углем, так и ту, если поймает, не убьет, а посадит в коробку и свезет на берег... Когда «Петропавловск» погиб, сколько я с ним намучился! Не понимает он этого, не переносит!..

— Так прикажите ему! Отправьте его в Россию!

— Легко сказать! Заикнитесь только! Уж я пробовал... Хуже будет — по мнительности своей решит, что навек опозорен, и застрелится... Ну да погодите! Когда-нибудь проберет и вас... толстокожие!.. — с неожиданным озлоблением закончил доктор...

Коростелев скончался в госпитале в 1 ч. 30 м. пополуночи 15 июля...

В ночь на 15 июля наши полевые войска отступили по всей линии...

Надежды на выручку с суши отходили в область мечтаний. Усиленно распространялись слухи о том, что в Кронштадте готовится вторая эскадра, которая со дня на день может выйти в море, но этому плохо верили. Скептики утверждали, что готовой «эскадры» у нас нет, что собрать, наскоро достроить или отремонтировать некоторое число кораблей, пожалуй, возможно довольно быстро, но для создания из этого сборища «эскадры» потребуется долгое время. Если же вместо хорошо обученной, тесно сплоченной и

организованной силы по каким-либо соображениям вышлют наспех нестройную «армаду», то вряд ли она дойдет до Порт-Артура.

— За два-три месяца, пока собираются, кой-чему подучатся дома, а затем — в дороге! — пытались возражать немногочисленные оптимисты.

— Так, так! — отвечали им. — На охоту ехать — собак кормить. Старое правило! Нет! Вот японцы 8 лет кряду натаскивали свою эскадру, не жалея кредитов на плавание! Результаты сказались!.. Помните пречение Макарова, из его книги? «Никогда нельзя надеяться хорошо сделать на войне то, чего не учились делать в мирное время».

В общем, мне казалось (может быть, я ошибаюсь), что на почве того недоверия к начальству, о котором я уже говорил, большинство держалось мнения, что слухи о скором приходе второй эскадры имели главною целью оправдать наше бездействие, внушить, что мы «бережем» корабли только для радостной встречи с ожидаемыми подкреплениями. Этого не высказывали вполне открыто, но это чувствовалось между слов.

— Как только начнется бомбардировка с суши — конец нашей эскадре! А вторая — никак не успеет подойти раньше этого момента. Нечего закрывать глаза перед опасностью! Артур обречен. Надо либо спасти эскадру, перейдя во Владивосток, либо погубить ее в бою, нанеся возможный вред неприятелю. Но оставлять ее здесь, под расстрелом, — преступно...

Так думали многие...

17 июля можно было считать началом тесной осады крепости...

19 июля мы опять стали дежурными на внешнем рейде...

Во время обычной ночной стрельбы по японским миноносцам вдруг замолчала одна из 6-дюймовок... Оказывается, при спешной отправке боевых припасов в Порт-Артур, которому угрожала опасность быть отрезанным от севера, некоторые партии снарядов посылались либо вовсе некалиброванные, либо калиброванные только частью... Как всегда, виновными оказывались все, т. е. никто, а факт оставался фактом...

Не знаю, вследствие ли небрежной калибровки или просто вследствие дурного качества металла, оказалось еще, что наши чугунные снаряды (самые дешевые, а потому весьма многочисленные в боевом комплекте) часто раскалываются при самом вылете из дула орудия... Когда при стрельбе по японским миноносцам огонь с «Гиляка» приходилось направлять близко мимо нашего места (дежурного крейсера), то по утрам мы не раз находили на палубе осколки его чугунных снарядов. Помимо опасности для соседей, такой снаряд, расколовшись в самом дуле, мог вывести орудие из строя, а потому последовало распоряжение: «При стрельбе чугунными снарядами употреблять практические (т. е. половинные) заряды».

Печальное решение в смысле использования всей силы своей артиллерии, но — увы! — неизбежное...

20 июля объявлено было, что всем добровольцам и вольнонаемным служащим разрешается нарушить контракты и, по способности, уезжать из крепости морем, в Чифу, на китайских джонках...

Плохая примета!..

X

...Странное дело, как в последующие дни резко изменилось настроение личного состава эскадры... В кают-компании я опять чувствовал себя старшим товарищем, от которого не только не сторонятся, но от которого рады выслушать добрый совет или указание, а «наверху», то есть в служебной обстановке, всякое распоряжение готовы исполнить не только по внешности, но и по существу, с полной охотой, с полным доверием... Что-то было в воздухе!..

Именно около этого времени адм. Витгефт получил приказание — «идти с эскадрою во Владивосток». Приказание категорическое, отданное именем Государя Императора, не допускавшее никаких позднейших толкований из-за неясности выражений. Приказание столь непохожее на обычные распоряжения, исходившие от наместника, в которых всегда имелась спасительная лазейка для их авторов на случай неудачи задуманного предприятия...

25 июля, можно сказать, отметило собою начало конца Порт-Артура. Это был день первой бомбардировки с суши. Стрелять начали в 11 ч. 35 м. утра. Как тотчас же выяснилось — по осмотру неразорвавшихся снарядов, — работала батарея из 120-мм пушек... Стреляли неравномерно, а с перерывами, группами в 7—8 выстрелов. Первая серия легла вся на главной улице Старого города, близ портового лазарета; вторая — несколько западнее, на каботажной набережной, поражая находившиеся здесь склады угля; третья — на портовой площадке у адмиральской пристани, чуть восточнее которой стоял «Цесаревич». К нему-то, видимо, и подбирались! По счастью, удачным оказалось только одно попадание: снаряд разрушил на «Цесаревиче» рубку беспро-

волочного телеграфа, в которой был убит минер-телеграфист, а осколками легко ранило в ногу командующего эскадрой к.-а. Витгефта...

Не скрою, что, наблюдая с мостика за снарядами, разрывы которых образовывали ломаную линию, в общем направлявшуюся к месту стоянки крейсера, на сердце было жутко... Но именно жутко, а не страшно. Для людей обстрелявшихся, твердо знавших, что «не всякая мина — в бок, не всякий осколок — в лоб», это была своего рода азартная игра, где ставкой являлась жизнь.

Быть убитым при бомбардировке — шанс еще меньший, чем взять на номер в рулетке...

В этой игре с одинаковым азартом принимали участие и офицеры, и нижние чины, упорно, несмотря на запрещение, выползавшие наверх «посмотреть»...

Ко мне подходит командир и недовольным тоном замечает, что с «Цесаревича» дважды сигналили — «лишним не быть наверху», а у нас на палубе «целый базар»...

— Вы для них что-нибудь придумали... — говорит он примирительно, — занятие какое-нибудь, что ли?..

Мне в голову приходит счастливая идея, и вот — в шпиленом отделении, по условиям данного момента наиболее прикрытом, — устраивается литературное утро. Мичман Щ., талантливый чтец, своим искусством доставивший команде в тоскливые дни осады немало светлых минут, садится читать «Сорочинскую ярмарку».

Известие распространяется по крейсеру; верхняя палуба быстро пустеет, и скоро через форлюк начинают доноситься взрывы дружного смеха, так странно звучащие среди резкого металлического лязга рвущихся снарядов неприятеля и глухого гула ответных выстрелов с нашей стороны...

Ночь на 28 июля была тихая, жаркая... но не душная, благодаря слабому ветерку, тянувшему с севера. Закончив необходимые приготовления к выходу в море, все крепко спали, набираясь сил на завтрашний день...

«Итак, решено: завтра утром идем в море. Смертный бой... О себе, кажется, мало думают. Надо послужить».

Эти строки я занес в свой дневник, уже ложась спать, накануне выхода...

Известие о предстоящем выходе в море вызвало не энтузиазм, а... вздох облегчения. Необходимость этого выхода была до такой степени очевидна, массы были так проникнуты этим сознанием, что упорство «начальства» порождало среди наиболее горячих голов самые ужасные подозрения...

Чуть забрезжил свет, начался выход эскадры. «Диана», стоявшая на сторожевом посту, пропустив всех мимо себя, тронулась последней в 8 ч. 30 м. утра...

На востоке, в утренней дымке, смутно виднелись «Сикисима», «Кассуга», «Нисспн» и отряд старых крейсеров («Мацусима», «Ицукусима» и «Хасидате»)...

В 10 ч. 30 м. отпустили тралящий караван, который пошел в Артур под охраной канонерок и второго отряда миноносцев...

Только что отпустили тралящий караван, как, по-видимому, что-то приключилось с машинами «Цесаревича», так как оттуда был сигнал: «Иметь 8 узлов хода».

Это — при прорыве блокады!.. В виду неприятеля!..

В 11 ч. 30 м. утра несколько правее нашего курса, очень далеко, обрисовались силуэты 1 броненосного и 3 легких крейсеров, а левее — какие-то большие корабли, предшествуемые отрядами миноносцев...

Наши, по-видимому, увеличили ход, так как мы, чтобы не отставать, должны были держать 10 узлов.

В 11 ч. 50 м. на «Цесаревиче» подняли флаг К, что означает — «Не могу управляться» — явно опять какое-то повреждение. Все застопорили машины. Ждали, когда исправят... Тем временем японские отряды спешили выполнить свой маневр соединения...

В 12 ч. дня (наконец-то!) сигнал — «Иметь 13 узлов»... Пошли, но ненадолго: в 12 ч. 20 м. «Победа», подняв флаг К, вышла из строя... Опять задержка... А неприятель уже соединился, построился, и в 12 ч. 22 м. раздались первые выстрелы с наших головных броненосцев. двигавшихся черепашьим ходом...

— Боевая эскадра! Цвет русского флота!.. — сжимая кулаки, задыхаясь от бешенства, не говорил, а рычал мой сосед на мостике «Дианы»...

И смел ли я остановить его? Сказать ему: «Молчите! Ваше дело — исполнить свой долг!..» А если бы он ответил мне: «Те, кто создали эту эскадру, исполнили свой долг?..»

Да нет!.. Что говорить!.. У меня и в мыслях не было его останавливать... У меня самого к горлу подступали слезы бессильной ярости...

В 12 ч. 50 м. главные силы неприятеля («Миказа», «Сикисима», «Фудзи», «Асахи», «Кассуга» и «Нисспн»), которые около 20 минут держали курс почти параллельно нашим, ведя редкую перестрелку на дальней дистанции (40—50 каб.), повернули все вдруг... и, сблизившись до 3 каб., разошлись с нами на контргалсах.

Это был горячий момент! Особенно, когда японская колонна круто повернула «под хвост» нашей и, недостижимая для пушек наших броненосцев, всею силою своего огня обрушилась продольно на три концевые крейсера... Вокруг концевых крейсеров море словно кипело. Мы, конечно, бешено отстреливались. Беспрерывный гул выстрелов собственных орудий, лязг рвущихся снарядов неприятеля, столбы дыма, гигантские взметы водяных брызг...

Счастье благоприятствовало, или японцы плохо стреляли, но, в общем, нам повезло: «Диана», шедшая концевой, вовсе не получила ни одного снаряда целостью, и даже, хотя борт, шлюпки, разные надстройки, вентиляторы, трубы, мачты были испещрены мелкими пробоинами от осколков, раненых у нас было только двое; правда, я видел, как на «Аскольде» добрый снаряд угодил в переднюю дымовую трубу, а на «Палладе» — в гребной катер правого борта, но и там (как сейчас же выяснилось дружескими справками по семафору) серьезных потерь и повреждений не было.

По-видимому, эта первая схватка закончилась в нашу пользу. Японцы, пройдя у нас «под хвостом», опять повернули к югу и шли правее и сзади нас, поддерживая редкий огонь с дальней дистанции, на который могли отвечать только броненосцы.

...Обходя батареи, я поздравил с Георгием комендора XV орудия Малахова, который, будучи ранен, после перевязки немедленно вернулся к своей пушке и продолжал исполнять свои обязанности.

Страшно было видеть, как этот человек, только что смело глядевший в лицо смерти, вдруг потупил вспыхнувшие радостью глаза и, не то смущенно, не то недоверчиво, промолвил: «Это... уж как начальство...»

Я даже рассердился.

— Какое начальство? Поймп ты, рыбья голова, что по статуту заслужил! Тут ни командир, ни я — ничего не смеем! Начальство не даст — до самого Царя дойти можешь! По закону требовать!..

Кругом все примолкли, поглядывая не то с любопытством, не то с недоверием... Кажется, они впервые услышали, что закон выше воли начальства... Я поспешно прошел дальше, сам недоумевая, что сделал неожиданно вырвавшейся фразой: поддержал или подорвал дисциплину?..

В начале 4-го часа пополудни стрельба прекратилась вовсе. Главные силы японцев, держась позади нашего правого траверза, удалились на такую дистанцию, что над горизонтом были видны только их трубы, мостики и возвышенные

надстройки. Что это значило? Может быть, они исправляли полученные повреждения?.. Во всяком случае... дорога была свободна... Если бы только наши броненосцы могли развить на дело ту скорость, которая значилась за ними по данным справочной книжки!..

Между тем японцы, оправившись и сделав свои дела (какие? — кто их знает...), опять начали нагонять нас...

В 4 ч. 45 м. вновь завязался бой...

Надо заметить, что японские снаряды при разрыве давали целые облака дыму — зеленовато-бурого или черного. Каждое их попадание не только было отчетливо видно, но в первый момент производило впечатление какой-то катастрофы. Наоборот — только в бинокль, да и то с большим трудом, можно было различить легкое прозрачное облачко, которым сопровождался разрыв нашего, удачно попавшего, снаряда, снаряженного пироксилином или бездымным порохом.

Это обстоятельство особенно удручающе действовало на массу команды, малознакомой с техникой артиллерийского дела... Между тем, непрерывно наблюдая за боем в бинокль Цейса, оценивая достоинство стрельбы по перелетам и недолетам, я не мог не признать, что наши комендоры действовали во всяком случае не хуже японских. Мне казалось, что наша стрельба выдержаннее и строже корректируется... что иногда японцы слишком горячатся...

Наибольшую силу своего огня они, разумеется, сосредоточили на флагманских броненосцах.

Немало снарядов угодило в трубы «Цесаревича» (эти попадания были особенно хорошо видны).

В 5 ч. 5 м. у «Пересвета» была сбита грот-стеньга почти на половине высоты, а в 5 ч. 8 м. у него же сбита верхушка фор-стеньги... Повреждение пичтожное, но всем видимое. Снаряд, сбивший верхушку стеньги, — это был, конечно, чудовищный перелет, совсем плохой выстрел... Плохой, но счастливый...

Около того же времени на «Полтаве» перебило найтовы стоймя поставленной между трубами стрелы для подъема шлюпок, и она с грохотом рухнула на левый борт... Тоже пустяки. Даже повреждением назвать нельзя, так как при подъеме шлюпок стрела нарочно ставится в такое положение. А со стороны — впечатление громадное...

В 5 ч. 50 м. вечера «Цесаревич» неожиданно круто бросился влево и так накренился, что по крейсеру [1] пронес-

[1] Имеется в виду «Диана», где находился автор дневника.

ся крик, напоминавший мне момент гибели «Петропавловска»... Казалось, он переворачивается... *

По счастью, это только казалось... На несколько мгновений я да, кажется, и все окружающие забыли и о себе, и о «Диане»... Вся жизнь, все силы души перешли в зрение, были прикованы к наблюдению за тем, что происходило в среде броненосного отряда...

«Ретвизан», первопачально последовавший за «Цесаревичем», тотчас же увидел, что это случайный выход из строя из-за повреждения, и повернул обратно не только на старый курс, но даже на сближение с японцами. Казалось, он хочет тараннть неприятеля.

«Победа» осталась на прежнем курсе. «Цесаревич», описывая крутую циркуляцию влево, прорезал строй между «Пересветом» и «Севастополем», словно разделяя последнее намерение «Ретвизана» и собираясь таранить. «Севастополь», избегая столкновения с ним, тоже повернул на юг. К югу же повернул и «Пересвет», видимо еще не решивший, как действует флагманский корабль — сознательно или лишившись способности управляться?.. «Полтава» шла старым курсом.

Одно время казалось, что готовится решительный удар. В моей книжке записано: «6 ч. 5 м. наши броненосцы строем фронта идут на неприятеля»... Но зачеркнуто, и дальше: «Нет. Кажется, ложатся старым курсом и строем. Порядок — «Ретвизан», «Победа», «Пересвет», «Севастополь», «Цесаревич», «Полтава»... Тоже зачеркяуто и поперек написано: «Ошибка. Никакого строя. В беспорядке»...

У меня записано: «... Разобрали сигнал «Цесаревича» — «Адмирал передает начальство...»

Никаких других сигналов мы не видели **, совершенно терялись в догадках о том, что предполагается предпринять, а главное — кто принял начальство?..

Несомненным являлось только, что адмирал В. К. Витгефт и его непосредственный заместитель в бою — начальник штаба к.-адм. Матусевич — оба выведены из строя, не жив ли следующий по старшинству к.-адм. князь Ухтомский?.. Правда, на «Пересвете» стеньги были сбиты, но разве нельзя было поднять адмиральский флаг на их обломках, на марсах, на трубе, вообще на каком-нибудь приметном месте?.. Если нет флага — вероятно, нет и флагмана!.. А тогда командующим эскадрой оказывался начальник отряда крейсеров к.-адм. Рейценштейн... тогда броненосцы идут либо без всякого начальства, либо их ведет временно, до соединения с крейсерами, старший из командиров...

Когда «Цесаревич» неожиданно бросился влево, «Аскольд» (флагманский крейсер) тоже круто повернул к северу, но, как только выяснилось, что это не маневр, а выход из строя, как только стало очевидным, что броненосный отряд пришел в расстройство, которым может воспользоваться неприятель, — контр-адмирал Рейценштейн решительно повел свои крейсера на соединение с броненосцами. Мы все сразу поняли его мысль: принять непосредственное участие в бою, хотя и слабыми, но свежими силами поддержать броненосцы, дать им время оправиться...

Они шли куда-то... нестройной кучей, обгоняя друг друга, отстреливаясь так беспорядочно, что иные снаряды ложились близ нас, спешивших к ним на выручку...

А под кормой у них проходили... главные силы неприятеля — кильватерная колонна из шести броненосных кораблей, на тесных, ровных интервалах, словно не в бою, а на маневрах...

Около 7 ч. вечера мы примкнули справа к броненосному отряду, который как будто пытался выстроиться в линию кильватера. Головным шел «Ретвизан». Опять тот же вопрос: «Кто ведет? Кто командует эскадрой?..»

На «Аскольде» был поднят сигнал — «Быть в строе кильватера» — без позывных.

К кому относился этот сигнал? К нам ли только (крейсерам), или же, нигде не видя флага, наш флагман вступал в командование всей эскадрой и делал сигнал общий?..

Выйдя под нос «Ретвизану», «Аскольд», опять без позывных, сделал сигнал — «Следовать за мной» — и начал круто ворочать влево. Мы поняли этот сигнал и этот маневр как намерение повернуть эскадру в море, снова повести ее на неприятеля, видимо уже не искавшего боя...

На мостике «Дианы» послышались радостные восклицания, приветствовавшие смелое решение, но радость была непродолжительна и тотчас же сменилась недоумением и тревогой... «Ретвизан» продолжал идти прежним курсом; броненосцы не последовали за «Аскольдом», а сам он, работая полным ходом, с тем же сигналом на мачте, словно летучий

---

* Крен получился оттого, что японский снаряд, удачно попавший в самую боевую рубку, все в ней разрушил, всех перебил, причем никем не управляемый и к тому же поврежденный рулевой привод положил руль «на борт», а от внезапного положения руля «на борт» броненосец получил крен до 12°.

** Из-за сбитых стеньг к.-а. князь Ухтомский вынужден был поднять сигнал — «Следовать за мной» — на поручне мостика. Даже ближайшие соседи не сразу его заметили, что и было главной причиной замешательства.

голландец, пронесся мимо, расходясь с эскадрой на контргалсах и направляясь к югу...

— Значит, не он командует эскадрой! — воскликнул командир. — Но мы-то должны идти за ним!

Обогнать броненосцы и повернуть у них под носом, как это сделал «Аскольд», нам, с нашей скоростью, было бы слишком долго, а потому командир, ни минуты не колеблясь, решил прорезать их нестройную толпу...

Однако первый момент недоумения, когда броненосцы не пошли за «Аскольдом», затем прорезывание строя, — все это заняло время — добрых 10—15 минут, — и, выйдя на чистую воду, мы увидели нашего флагмана далеко на юге, скрывающегося за горизонтом в перестрелке с неприятельскими крейсерами...

Командир сохранял по внешности полную невозмутимость и только нервно пощипывал бородку.

— Ну как я буду «следовать за ним» с нашими 17 узлами! — проговорил он сквозь зубы и, вдруг махнув рукой, резко скомандовал: — Право руля!

«Диана» круто повернула влево и вступила в кильватер «Палладе», которая даже и не попыталась следовать за «Аскольдом» *.

В 7 час. 20 мин. мы были атакованы с севера отрядом «Чин-Иен», «Мацусима», «Ицукусима» и «Хасидате»; с востока подошли отделившиеся от главных сил «Кассуга» и «Ниссин», а с юга насели «собачки».

Ну, для этой компании мы были еще достаточно сильны. Добить нас им не удалось, и после короткого жаркого боя на дистанции свыше 20 кабельтов неприятель поспешно ретировался.

В этой схватке «Диане» не посчастливилось.

Я стоял на... верхнем мостике, когда увидел поднявшийся на правом шкафуте гигантский столб черного дыма, и тотчас же поспешил к месту происшествия.

Оказалось, что снаряд угодил в стрелу... лежавшую на дымовом кожухе, разбил ее, изрешетил осколками ближайшие вентиляторы, дымовую трубу, самый кожух, палубу, перебил отросток трубы пожарной помпы (это было на пользу) и вывел из строя 17 человек — 5 убитых на месте (в том числе мичман Кондратьев) и 12 раненых **.

* Придя в Шанхай, к.-ад. Рейценштейн доносил по телеграфу, что, сделав сигнал «Следовать за мной», развил скорость 20, а затем 22 узла, и с тех пор «Паллады» и «Дианы» не видал... Немудрено!

** На другой день среди обломков мы нашли донышко этого снаряда с маркой 18 s/m. Очевидно, был получен с «Кассуги» или «Ниссин», которые одни имели такую артиллерию.

...Несмотря на всю поспешность, с которой я спускался с верхнего мостика и бежал по палубе, к моменту моего прибытия все уже было сделано. Я увидел только последние, скрывающиеся в офицерский люк, носилки; убитые номера орудийной прислуги уже были заменены людьми с левого (не стрелявшего) борта; пушки, счастливо не получившие никаких повреждений, поддерживали энергичный огонь, а мичман Щ., за смертью Кондратьева вступивший в командование средней батареей, сердито размахивал грязной щеткой для подметания палубы и этим грозным оружием гнал на левый борт, под прикрытие от осколков, излишних добровольцев, стремившихся заменить убитых и раненых, чтобы принять личное участие в бою...

— Лишние, прочь! — скомандовал я, бросаясь к нему на подмогу...

Мне ничего не пришлось ни указывать, ни приказывать, а только одобрить то, что уже было сделано, после чего я пошел в боевую рубку доложить командиру о результатах попадания, но едва ступил на нижний мостик, где помещалась броневая рубка, как из нее до меня долетели слова доклада (кажется, говорил мичман С.): «...подводная... под лазаретом...» — и резкий голос командира: «Доложите старшему офицеру!.. Скорей!..»

— Есть! Слышу! — крикнул я что было мочи в просвет между броней и крышей рубки и, почти скатившись с трапа, побежал на ют.

— Палубный дивизион *, за мной!

— Здесь! Здесь! Все — тут! — отозвался старший боцман...

Первое, что я увидел, сбежав вниз, это — раненых и больных, которых доктор, фельдшера и санитары выносили и выводили из угрожаемых помещений. Опасность была слишком очевидна. Метлахские плитки, которыми была выстлана палуба в лазарете и аптеке, с треском отскакивали со своих мест, а из-под них с шипом и свистом вырывались

* По старой терминологии «палубным дивизионом» называлось небольшое число людей с боцманом во главе, находившихся в распоряжении старшего офицера и во время боя занимавшихся тушением мелких пожаров, исправлением незначительных повреждений. В Порт-Артуре при Макарове эти «дивизионы» были значительно усилены, снабжены всеми необходимыми средствами для заделки пробоин и специально обучались этому делу. В состав их входили наиболее опытные и расторопные люди, как-то: боцмана, лучшие унтер-офицеры и марсовые, а также специалисты и мастеровые — водолазы, плотники, парусники, слесари, кузнецы и т. п. Название осталось старое.

струйки воды. Каждое мгновение швы могли окончательно разойтись и палуба — вскрыться... Трюмный старшина, заведовавший кормовым отсеком, и его подручные тотчас вслед за ударом снаряда уже начали ставить подпоры. Им помогали некоторые из числа легкораненых. С прибытием дивизиона работа закипела...

Надо ли говорить о том, как работали, с каким искусством, с какой силой сыпались удары тяжелых молотов на клинья, которыми крепились подпоры? Ведь эти клинья, зажимавшие расходившиеся швы палубы, удерживали само море, мощному напору которого не могли противостоять надорванные железные заклепки... Борьба шла на жизнь и на смерть. Двери в непроницаемых переборках были задраены; выхода наверх не было; победи море — мы были бы первыми его жертвами... Сильно мешала правая кормовая 6-дюймовка, находившаяся прямо над нами. От ее выстрелов палубы так сильно вибрировали, что клинья сдвигались со своих мест, часто самые подпоры грозили рухнуть, и их приходилось поддерживать с боков раскоспнами... А чуть где ослабевало крепление — тотчас же появлялась вода. «Хоть бы подбили эту проклятую пушку!» — мелькнуло в голове преступное желание... и вдруг — она замолкла... Дело пошло быстрее.

Мы одолели.

— Теперь уже не пустим! — торжествующе воскликнул трюмный старшина, топая ногой по палубе...

Сколько времени мы работали? Под первым впечатлением мне показалось, что несколько секунд, но, оглянувшись на выполненную работу, припомнив различные ее эпизоды, я впал в другую крайность и решил, что прошло не менее получаса, а то и больше... Посмотрел на часы — они подмокли и остановились...

Выйдя на палубу, я случайно оказался как раз у правой кормовой 6-дюймовки и сразу понял, почему она так своевременно перестала стрелять: ее разряжали с дула, пытаясь вытолкнуть обратно снаряд, в горячке боя особенно энергично посланный на место и крепко севший в нарезы.

— Что такое?

— Некалиброванный попался, ваше высокоблагородие!— почти со слезами выкрикнул комендор...

...В боевой рубке... я справился о времени. Было 7 ч. 40 м. вечера... Вышел на крыло мостика и огляделся. Шли нестройно. Не то — кильватер, не то — две колонны. Головным «Ретвизан», мы — концевыми, а впереди нас — «Паллада». «Ретвизан» и еще кто-то, шедший за ним (не «Победа» ли?), провожали редким огнем неприятельские крейсера, поспешно уходившие на северо-восток.

Я вынул памятную книжку и при свете зари начал записывать...

— Окончательно! Теперь уж — окончательно! — раздался неподалеку голос, звеневший негодованием.

Я обернулся. На мостике стояла группа офицеров.

— Что такое? — Что — «окончательно»? — спросил я.

— Окончательно возвращаемся в П.-Артур! Торжественно шествуем на погребение эскадры!..

Смеялись первые, говорили громко и резко, с явным намерением, чтобы слышал командир...

Он вышел из боевой рубки на крыло мостика. Вид, как всегда, невозмутимый, почти беспечный. Все стихло. Кругом воцарилось напряженное безмолвие.

— Покойный адмирал, — заговорил он, словно читая по книге, — показал сигналом, что ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОР ПРИКАЗАЛ идти во Владивосток, а наш флагман ушел на юг с сигналом «Следовать за мной». Как только стемнеет, мы отделимся от эскадры и пойдем во Владивосток, если можем это сделать. Надо — маршрут, и надо спросить механиков, хватит ли угля...

Никто не посмел громко высказать свое одобрение, но оно чувствовалось...

Маршрут был тотчас же намечен: обогнуть Кельпарт с юга; располагать скоростью так, чтобы к восточной его оконечности подойти к закату солнца; тут дать самый полный ход и за ночь, кратчайшим путем, проскочить Корейский пролив; если удастся — к рассвету будем в Японском море, вне вида берегов как Кореи, так и Цусимы; дальше — идти во Владивосток... Старший механик удостоверил, что на 12 часов самого полного хода и на остальной путь экономическим (10 узлов) ходом у него угля хватит, даже с запасом на всякий случай...

XI

...Около 8 час. вечера мы еще различали, хотя смутно, легкие крейсера японцев... два броненосные крейсера... медленно удаляющиеся главные силы неприятеля... Именно в том направлении, куда нам следовало взять курс, надвигались многочисленные отряды миноносцев.

На мостике составилось нечто вроде военного совета. Решили прорываться... Следующий вопрос был: как поступать

со встречными миноносцами, по отношению к которым явится подозрение, что они нас опознали и решили атаковать?.. Я предложил — ничего не предпринимать, так как, открыв прожектора, начав стрелять по какому-нибудь миноносцу, мы тем самым навлечем на себя атаку целой минной флотилии; между тем против массовой атаки — мы беспомощны; кормовые 6-дюймовки действовать не могут, так как грозят разрушением всей постройки, ограждающей пробоину... словом, про оборону с кормы и говорить нечего, а с борта — мы имеем по две 6-дюймовки и по десяти 75-мм — этого мало...

— Так что, если даже он мину не выпустит, все-таки не светить и не стрелять?..

— Конечно! Ведь может опознать крейсер только на самой близкой дистанции и тут, в течение нескольких секунд, должен на глаз определить все данные для установки прицела — наш курс, ход... Легко ли это! Какова вероятность попадания? Самая ничтожная... А после промаха когда еще он успеет развернуться, обогнать нас и снова пойти в атаку? Да и не найдет в темноте!.. А начните светить и стрелять — не только он найдет снова, а и еще десятки сбегутся со всех сторон!.. Вот если ему посчастливится — мы, конечно, с нашей пробоиной не выдержим минного взрыва, потонем, — тогда жарьте вовсю! Хоть чем-нибудь досадить на прощанье!..

Командир решительно стал на сторону моего мнения и отдал соответственные приказания...

В начале 9-го часа «Диана» положила лево руля и, отделившись от эскадры, пошла намеченным курсом.

За нами увязался какой-то миноносец. Спросили: «Кто?» Ответил: «Грозный».

Это только способствовало осуществлению нашего плана. Всякий японец мог подумать: идет крейсер, похожий на «Якумо», и при нем миноносец, — ясно, что свой...

Около 9 вечера мы вступили в область, густо усеянную отрядами минного флота неприятеля, и шли ею до 10 ч. 15 м. (последняя встреча). Ночь была безлунная, но не очень темная. По небу стлались не тучи, а легкие, полупрозрачные облака, сквозь ровную пелену которых звезды давали достаточно мягкого, рассеянного света, чтобы привычным глазом заметить большой корабль на расстоянии 1—1,5 миль, а миноносец — на 5—6 кабельтовых. Конечно, не «опознать», а только «заметать что-то».

За эти час с четвертью мы «заметили» на своем пути 15 силуэтов, в которых имели основание подозревать не-

приятельские миноносцы. Всякий раз, обнаружив такое видение, мы круто меняли курс, стараясь не сближаться на дистанцию для «опознания». Из 19 случаев это удалось 13. Только 6 миноносцев нас атаковали, выпустив 8 мин. Ни одна не попала...

Мы не светили и не стреляли...

В 10 час. 15 мин. вечера — последняя встреча. Чуть не столкнулись с миноносцем, мчащимся полным ходом прямо с носа. Едва разошлись, почти вплотную. Очевидно, он принял нас за своего, потому что сделал какой-то опознавательный сигнал и исчез во мраке...

Вечером 3 августа, перед заходом солнца, вошли в устье реки Кван-Чау, а на следующий день (проведя ночь на якоре) поднялись вверх по реке к самому месту французской колонии — миль 25.

Французы приняли нас с истинным радушием и полной готовностью сделать все, что могут. К сожалению... угля у них было всего 200 тонн, да и те не для приходящих судов, а для нужд самой колонии. Из этого личного своего запаса они уступили нам 80 тонн — наш суточный расход... С этой подгрузкой и нашими остатками мы могли добраться до Гайфонга, а там — угля сколько угодно.

6 августа вышли из Кван-Чау, а 7 августа стали на якорь на рейде... Здесь нас уже ждали баржи, груженные брикетами. Приняли полный запас.

12 августа «Диана» пришла в Сайгон.

Донесение командира было передано в Петербург по телеграфу еще 7 августа, а потому мы, вполне естественно, ждали, что первый же человек, который взойдет на палубу крейсера, вручит командиру шифрованную депешу за подписью кого-нибудь из высшего начальства.

Ничего подобного... не только в этот день, но даже и в последующие...

Вместо ожидаемых инструкций из Петербурга в сайгонских газетах появилась телеграмма агентства Гаваса, сообщавшая, что русское правительство решило разоружить находящиеся в нейтральных портах — «Цесаревич», «Аскольд» и «Диану».

Наконец ответ пришел... Такой ответ, какого не ждали не только мы, но даже и местные французы...

За этот проклятый день в моем дневнике записано только:

«22 августа. Все кончено. Сегодня в 11 ч. утра получена телеграмма — разоружаться»...

Что тут было: почти бунт.

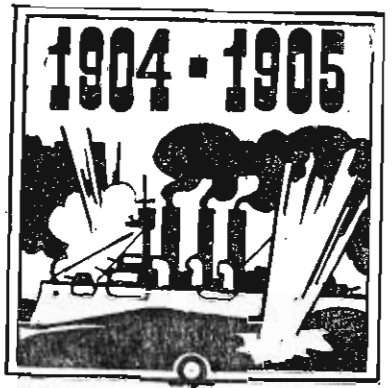
— Не позволим спускать флага! Не допустим разоружения! В море! В море! — кричали в кают-компании. Я попросил слова.

— Крейсеру приказано разоружиться, но это будет выполнено официально еще через несколько дней, а между тем командиру довольно и получаса, чтобы всех нас списать с крейсера за нарушение дисциплины и критику распоряжений высшего начальства в военное время... А раз списан — на все четыре стороны!.. Например — на вторую эскадру...

Командир вполне сочувственно отнесся к моей идее, но, конечно, не согласился отпустить всех желающих, так как нельзя же было оставить крейсера вовсе без офицеров. Я получил разрешение не в счет, а прочие — метали жребий. Судьба решила, что из состава кают-компании уезжали: старший офицер, один лейтенант, три мичмана и два механика...

В то же время я телеграфировал адмиралу Рожественскому: «Крейсер разоружен. В память старой службы прошу разрешения нам прибыть на вторую эскадру. Невыносимо сидеть сложа руки, когда другие дерутся».

Ответ получился благоприятный...



Гибель „Варяга". Цусимский бой

БОЙ «ВАРЯГА» У ЧЕМУЛЬПО
27 января 1904 года [1]

16 декабря 1903 года был послан из Порт-Артура в Чемульпо крейсер 1 ранга «Варяг»; цель его посылки заключалась:

1) в сборе сведений о действии японцев в Корее;

2) усилить представительство России в Корее;

3) выяснить некоторые вопросы совместно с нашим посланником в Сеуле.

Выйдя из Порт-Артура по предписанию начальника эскадры Тихого океана вице-адмирала Старка, крейсер, пользуясь удобным случаем, произвел стрельбу из орудий по плавучим щитам и 17-го числа прибыл к месту назначения.

На рейде в это время находились:

1) мореходная канонерская лодка «Гиляк», командир капитан 2 ранга Алексеев;

[1] Книжка под таким названием вышла в Санкт-Петербурге в 1907 г. Ее автором значится В. Руднев — командир крейсера «Варяг». Всеволод Федорович Руднев (1855—1913), во время боя капитан 1 ранга, позже — контр-адмирал, поистине стал легендарной личностью. Его воспоминания написаны от третьего лица и подкрепляются выдержками из различных боевых донесений.

2) английский крейсер 2 класса «Сириус», капитан 1 ранга С. Мур;

3) японский крейсер 3 класса «Чайода», капитан 1 ранга К. Мураками;

4) североамериканская лодка «Виксбург», капитан 2 ранга К. Маршал.

С момента прихода до 23 декабря крейсером было собрано много сведений, которые, к сожалению, не могут быть помещены здесь, так как копии погибли вместе с крейсером.

24 декабря «Варяг», совершив тяжелый переход в мороз и вьюгу, при сильном северо-западном ветре, вернулся в Порт-Артур, где в это время заканчивалась боевая готовность эскадры.

26-го числа с судов эскадры свезли на берег мебель, парусину и другие предметы, легко подвергающиеся действию огня.

27-го крейсер получил приказание экстренно принять полный запас топлива, провизии и материалов, чтобы 28-го вторично уйти в Чемульпо, руководствуясь следующим предписанием начальника эскадры:

«Предписываю вверенному вам крейсеру 28-го сего декабря в полдень сняться с якоря и с 12-узловой скоростью следовать в Чемульпо, где принять обязанности старшего станционера [1]. Имея в виду настоящее положение дел, предлагаю вам, как во время следования, так и во время якорной стоянки, соблюдать во всех отношениях крайнюю осторожность, в особенности усилить бдительность в ночное время. Как старший станционер, вверенный вам крейсер, с приходом в Чемульпо, поступает в распоряжение посланника нашего в Корее, причем вам надлежит организовать постоянное сношение с миссией, чтобы, в случае замешательств или особых событий в Сеуле, быть в состоянии оказать должное и своевременное содействие к ее безопасности, для чего иметь наготове десант, который, однако, выслать лишь по особому требованию посланника, переданному не иначе как письменно или по телеграфу. По приходе вашем в Чемульпо предложить крейсеру 2 ранга «Боярин» принять из Сеула почту и с оставшейся на нем частью десанта вернуться в Порт-Артур; в случае десант, доставленный крейсером «Боярин», свезен весь, крейсер вернется без него, как одинаково он должен вернуться с полным десантом, если таковой не свезен вовсе.

[1] Командир отряда русских кораблей, стоящих на якорной стоянке в Чемульпо; старший морской начальник на стоянке (станции).

Находящийся в Сеуле десант должен быть подготовлен ко всяким случайностям, и потому обратить на это внимание начальника десанта лейтенанта Климова, окажите ему должное содействие по заблаговременному снабжению десанта не только всем необходимым, но и по заготовлению некоторого запаса по всем частям, который мог бы обеспечить существование десанта и в то время, когда, быть может, он будет лишен возможности довольствоваться обыкновенным путем. Для этого необходимо, чтобы десант был снабжен провиантом и деньгами с вверенного вам крейсера.

Обращаю внимание на то, что до изменения положения дел, при всех ваших действиях, вам следует иметь в виду существование пока еще нормальных отношений с Японией, а потому не должно проявлять каких-либо неприязненных отношений, а держаться в сношениях вполне корректно и принимать должные меры, чтобы не возбуждать подозрений какими-либо мероприятиями.

О важнейших переменах в политическом положении, если таковые последуют, вы получите или от посланника, или из Артура извещение и соответствующие приказания.

Вице-адмирал Старк».

Перед выходом из Артура были получены дополнительные инструкции:

1) кроме исполнения обязанностей старшего станционера, состоя в распоряжении посланника, заведовать десантом и охраной миссии;

2) не препятствовать высадке японских войск, если бы таковая совершилась до объявления войны;

3) поддерживать хорошие отношения с иностранцами;

4) ни в каком случае не уходить из Чемульпо без приказания, которое будет передано тем или другим способом;

5) крейсер посылается в распоряжение посланника, чтобы он имел возможность немедленно и скоро передать в Порт-Артур донесение, если бы действительно началось занятие Кореи японцами.

29 декабря «Варяг» отдал якорь на рейде Чемульпо среди стоявших там судов:

1) крейсер 2 ранга «Боярин» (капитан 2 ранга Сарычев);

2) мореходная канонерская лодка «Гиляк» (капитан 2 ранга Алексеев);

3) английский крейсер 1 класса «Кресси»;

4) английский крейсер 2 класса «Тальбот» (капитан 1 ранга Бэйли);

5) итальянский крейсер 1 класса «Эльба» (капитан 1 ранга Бореа);

6) японский крейсер 3 класса «Чайода» (капитан 1 ранга Мураками);

7) североамериканская лодка «Виксбург» (капитан 2 ранга Маршал).

Прибывшие командиры русских судов доложили о кажущемся спокойствии на берегу, об отправке десанта (команды эскадренного броненосца «Севастополь»), прибывшего на крейсере «Боярин» взамен такового же с лодки «Гиляк», и о посылке провизии для десанта при миссии. В тот же день командир «Варяга» имел совещание с посланником в Сеуле относительно десанта, а именно об оставлении его в числе 56 человек при начальнике лейтенанте Климове; также были решены вопросы о дальнейших действиях и об отправке на другой день крейсера «Боярин» в Порт-Артур.

Описание действий японцев в Корее с половины декабря 1903 года до 25 января 1904 года будет помещено впоследствии, в настоящее время упомянем только о движении военных судов.

1 января ушла в Порт-Артур морская канонерская лодка «Гиляк», а 5-го пришла морская канонерская лодка «Кореец» (капитан 2 ранга Беляев); из иностранных: пришел на станцию французский крейсер 2 класса «Паскаль» (капитан 2 ранга Виктор Сенес) и на несколько дней германский крейсер 1 класса «Ханза» (капитан 1 ранга Шредер) под брейд-вымпелом коммодора Хольцендорфа, также и французский крейсер 1 класса «Адмирал Гейдон» (капитан 1 ранга Гондо).

25 января наш посланник действительный статский советник Павлов, вследствие неполучения в течение двух недель никаких известий по телеграфу, обратился к командиру «Варяга» с приказанием послать лодку «Кореец» в Порт-Артур с бумагами с тем, чтобы она ушла 26-го числа в 3 1/2 часа дня. Достижение цели «Корейцем» было сомнительно, и действительно, как увидим ниже, лодка не могла выполнить данного ей поручения. Уверенность в неизбежности военных действий все увеличивалась, и общее мнение говорило, что сами японцы не объявят войны, но сделают все, чтобы вызвать на это Россию; например, сделают внезапную атаку миноносцами в Порт-Артуре и нападут на одного из станционеров. То и другое осуществилось на деле. Японцы подкрались в Порт-Артуре с миноносцами, нанесли вред судам, а «Варяг» и «Кореец» пытались захватить или истребить в

ловушке своею сильною эскадрою. Оба маневра входили в план их действий и задуманы были раньше; будучи уверены в полном успехе, они решили потопление судов в Порт-Артуре и взятие «Варяга» поднести императору в виде сюрприза ко дню восшествия на престол. Несмотря на такую самоуверенность, планам их суждено было расстроиться: в Порт-Артуре суда не утонули, а «Варяг», геройски отстояв честь российского флага, не прибавил ни одного листка в победный венок, который они собирались плести.

По получении известий о неудачах и понесенных потерях японцы отменили предполагавшиеся празднования первой победы.

26 января на пароходе «Сунгари» прибыл из Шанхая американский военный агент, который сообщил о начале военных действий на следующий день.

Извещение о сем было передано командиру «Варяга» письмом от командира «Корейца» 27 января 1904 года:

«На «Сунгари» приехал американский военный агент, по словам которого война должна быть объявлена сегодня.

Подписал капитан 2 ранга Беляев».

Лодка «Кореец», выйдя в назначенное время, встретила у острова Иодольми (при выходе с рейда) японскую эскадру, часть коей, в числе 3 крейсеров и 3 транспортов, вошла на рейд, а четыре миноносца, маневрируя около лодки, выпустили три мины, не причинившие лодке никакого вреда.

Кроме нападения миноносцев большой крейсер повернул на пересечку пути лодки; «Кореец» не открывал огня; сделав, по недоразумению, два выстрела, вернулся на рейд и стал по сигналу с крейсера «Варяг» за его кормой.

Остальная часть японской эскадры ушла в шхеры, не входя на рейд, и потому численность ее судов для нас осталась неизвестной.

Об этом событии командиром «Варяга» было немедленно донесено рапортом посланнику и сообщено консулу для уведомления посланника, кроме того, телеграфом. Командир «Корейца» донес рапортом:

«Командиру крейсера 1 ранга «Варяг».

Приняв секретные пакеты от нашего посланника в Сеуле и получив сигналом разрешение Вашего Высокоблагородия, 26 января снялся с якоря в 3 часа 40 минут дня и пошел по назначению в Порт-Артур. Через 15 минут после съемки с якоря... увидел по носу японскую эскадру, о чем тотчас же сделал вам соответствующий сигнал. Японская эскадра шла в двухкильватерной колонне, причем правую составляли крейсера, левую — четыре миноносца.

Приближаясь к японской эскадре, ни вправо, ни влево оставить ее не мог, так как колонна миноносцев внезапно уклонилась влево, а колонна крейсеров — несколько вправо, заставив меня подобным маневром войти между колоннами японской эскадры.

В это время было мною замечено, что на японских крейсерах пушки бортовые были без чехлов и поставлены по траверзу, прислуга стояла по орудиям, на миноносцах же минные аппараты были в чехлах.

Как только крейсер, второй мателот правой колонны, прошел траверз моей лодки, броненосный крейсер концевой правой колонны японской эскадры тотчас же вышел из строя, встав бортом перпендикулярно курсу лодки, а четыре миноносца повернули за нами и атаковали лодку с обоих бортов; на аппаратах миноносцев чехлы уже были сняты. Предполагая, что все вышеозначенные маневры вытекали исключительно из желания японского адмирала не пустить вверенную мне лодку в море, с одной стороны, а также находясь в полном неведении о разрыве отношений Японии с нашим правительством, с другой стороны, я повернул обратно на рейд, но на циркуляции лодки одним из 4 миноносцев, продолжавших атаку, была выпущена первая мина, прошедшая за кормой на расстоянии 4 саженей. Сейчас же пробил боевую тревогу — это произошло в 4 часа 35 минут дня; через 2 минуты батарея была готова, но в это время была выпущена вторая мина с того же миноносца, прошедшая так же, как и первая, а за ней и третья с другого миноносца. Третья мина была пущена перпендикулярно к правому борту и шла на правый трап, но, не дойдя до борта 2—3 саженей, пошла ко дну.

Атака миноносцев производилась с расстояния 1—2 кабельтов.

После выпущенной с миноносца второй мины сделал сигнал «Открыть огонь» и потому же дал «Перестать стрелять», так как лодка входила на нейтральный рейд Чемульпо. Нечаянно, после сигнала «Перестать стрелять», было сделано два выстрела из 37-миллиметровой револьверной пушки.

В 4 часа 55 минут отдали правый якорь и стали за кормой крейсера 1 ранга «Варяг». Спустя 1/4 часа стали на якорь и японские миноносцы, причем два из них заняли место к востоку от лодки в расстоянии 2—2 1/2 кабельтов. Немедленно приготовился к отражению минной атаки и провел в ожидании ее всю ночь с 26 по 27 января.

Донося о вышеизложенном, прошу обратить внимание

Вашего Высокоблагородия на спокойствие и выдержанность всего личного состава лодки, бывшего при атаке миноносцев.

Подписал капитан 2 ранга Беляев».

Надо прибавить, что до посылки лодки «Кореец» в Порт-Артур командир «Варяга» предлагал посланнику идти самому на крейсер под своим флагом, и посланник не нашел возможным оставить миссию и русских подданных, не получив на то приказания от своего министерства, хотя телеграф уже давно не действовал.

Крейсера на рейде расположились у своих транспортов, а миноносцы — против наших судов. Транспорты немедленно начали выгрузку вещей и людей; один транспорт с полной водой ночью вошел в гавань, которая освещалась кострами на берегу.

Сделав распоряжение о приготовлении к отражению минной атаки, командир «Варяга» поехал к английскому командиру для выяснения дальнейших действий, причин минной атаки, а также мер безопасной стоянки на рейде, причем предложил ему, как старшему, съездить на старшее японское судно, чтобы заставить командира его поручиться за свои суда в смысле непринятия каких-либо враждебных действий на рейде.

Командир крейсера «Тальбот» немедленно уехал и по возвращении на «Варяг» передал свой разговор с японским командиром:

«Я приехал, как старший из командиров судов наций, стоящих на рейде, к вам, как старшему командиру японских судов, предупредить:

1) Мы стоим на рейде нации, объявившей нейтралитет, следовательно, рейд безусловно нейтральный и никто не имеет права ни стрелять, ни пускать мины в кого бы то ни было. Я вам объявляю, что в то судно, которое это сделает, какой бы то ни было нации, я первый начну стрелять и совершенно готов открыть огонь каждую минуту.

2) Вы должны сделать распоряжение по своему отряду и сделать сказанное известным.

Японцы согласились, но спросили: «А вдруг русские начнут стрелять?» Английский командир повторил о своем обязательстве взять на себя ответственность за суда интернациональной эскадры.

3) Вы должны сделать распоряжение, чтобы шлюпки всех наций имели свободный путь к берегу, не должно быть никаких препятствий к высадке и стоянке.

4) Вы можете свободно высаживать войска, никто вам не помешает, так как это дело ваше и до нас не касается.

5) В случае недоразумений с какой-либо нацией я приглашу командира той нации и сам буду разбирать дело.

6) По поводу стрельбы минами в «Кореец» японский командир ответил, что ничего не знает, это недоразумение, и, вероятно, ничего даже не было».

Ночь прошла спокойно, хотя на всех судах люди спали у орудий и никто не раздевался.

27 января в 7 часов 30 минут командиры четырех иностранных судов получили извещение с указанием времени сдачи этого извещения от японского адмирала о начале враждебных действий между Россией и Японией и что адмирал предложил русским судам уйти с рейда до 12 часов дня, в противном случае они будут атакованы эскадрой на рейде после 4 часов дня, причем предложено иностранным судам уйти с рейда на это время для их безопасности.

Текст извещения следующий:

«Императорское японское судно «Нанива». Рейд Чемульпо, 8 февраля 1904 года.

Сэр.

Имею честь известить вас, что враждебные действия начались между Японской империей и Российской империей. В настоящее время я должен атаковать русское военное судно, стоящее теперь на рейде Чемульпо со всеми силами, состоящими под моей командой, в случае отказа начальника русского отряда на мое предложение оставить порт Чемульпо до полудня 9 февраля 1904 года, и почтительно прошу, во избежание опасности, могущей быть для судна, состоящего под вашей командой, оставить театр военных действий.

Предполагаемая атака не будет иметь места ранее 4 часов дня 9 февраля 1904 года, чтобы дать время вам исполнить мою просьбу. Если имеется в настоящее время в Чемульпо транспорт или коммерческое судно вашей нации, я прошу вас сообщить ему это извещение.

Имею честь быть вашим покорным слугою — Уриу.

Контр-адмирал — командующий эскадрой императорского японского флота.

Старшему из французских офицеров.

Примечание. Это извещение должно быть доставлено вам до или в 7 часов утра 9 февраля 1904 года».

Копия письма была лично привезена на «Варяг» командиром французского крейсера «Паскаль» и вслед затем подтверждена приехавшим итальянским командиром. Все

три командира поехали к 9 часам утра на английский крейсер для совещания, где в 9 часов 30 минут командир «Варяга» получил письмо от японского адмирала через русское консульство при письме консула:

«Императорский вице-консул в Чемульпо командиру крейсера «Варяг».

По просьбе японского консула в Чемульпо препровождаю вашему высокоблагородию письмо японского адмирала Уриу.

№ 23, 27 января 1904 года вице-консул Поляновский.

Письмо адмирала:

«Императорское японское судно «Нанива». Рейд Чемульпо, 8 февраля 1904 года [1].

Сэр.

Ввиду начала враждебных действий между правительством России и Японии почтительно прошу вас оставить порт Чемульпо с судами, состоящими под вашей командой, до полудня девятого февраля 1904 года; в противном случае я принужден буду атаковать вас в порту.

Имею честь быть вашим покорным слугою — С. Уриу.

Контр-адмирал — командующий эскадрой императорского японского флота.

Командующему отрядом русских судов».

В заседании командиров были разобраны различные комбинации действий, и затем в секретном от командира «Варяга» совещании иностранные командиры решили: если русские суда останутся на рейде, то они уйдут в 2 часа дня. На запрос командиров о мнении командира «Варяга» последний ответил, что сделает попытку прорваться и примет бой с эскадрой, как бы она велика ни была, но сдаваться никогда не будет, а также никогда не будет сражаться на нейтральном рейде.

После сего командиры составили и послали японскому адмиралу следующий протест:

«Рейд Чемульпо, 9 февраля 1904 года.

Сэр.

Мы, нижеподписавшиеся, командующие тремя нейтральными военными судами Англии, Франции и Италии, узнав из полученного от вас письма от 8 февраля о предполагаемой вами атаке русских военных судов, стоящих на рейдей Чемульпо, в 4 часа дня, имеем честь обратить ваше внимание на следующее обстоятельство. Мы утверждаем,

[1] В тексте ошибочно указан 1905 г.; эта ошибка повторяется еще в нескольких местах.

что на основании существующих международных законов порт Чемульпо объявлен нейтральным и потому ни одна нация не может атаковать суда другой нации, стоящие в порту; нация, которая нарушит этот закон, является вполне ответственной.

Настоящим письмом мы энергично протестуем против нарушения вами нейтралитета и будем рады слышать ваше мнение по этому вопросу.

Подписали: Левис Бэйли, командир крейсера «Тальбот», Бореа, командир крейсера «Эльба», Сенес, командир крейсера «Паскаль».

На этот протест ответ от японского адмирала Уриу был получен после боя в следующих словах:

«Ввиду решения, принятого храбрым русским командиром, всякие переговоры излишни».

Вернувшись на крейсер, командир «Варяга» собрал офицеров, объявил им о начале военных действий и дал соответствующие инструкции. Офицеры единогласно приняли решение в случае неудачи взорваться и ни в каком случае не сдаваться в руки неприятеля.

Производство взрыва было поручено ревизору крейсера мичману Черниловскому-Сокол.

По окончании обеда команды ее вызвали наверх, и командир обратился к ней приблизительно с такими словами:

«Сегодня получил письмо японского адмирала о начале военных действий с предложением оставить рейд до полдня. Безусловно мы идем на прорыв и вступим в бой с эскадрой, как бы она сильна ни была. Никаких вопросов о сдаче не может быть — мы не сдадим крейсера, ни самих себя и будем сражаться до последней возможности и до последней капли крови. Исполняйте ваши обязанности точно, спокойно, не торопясь, особенно комендоры, помня, что каждый снаряд должен нанести вред неприятелю. В случае пожара тушить его без огласки, давая мне знать...»

Взрыв энтузиазма был поразительный, отрадно было видеть проявление такой горячей любви к своему... отечеству и выражение готовности сражаться до последней капли крови.

В 11 часов 20 минут утра крейсер снялся с якоря и, имея в кильватере лодку «Кореец», пошел к выходу с рейда, причем музыка при проходе мимо военных судов играла национальные гимны. На иностранных судах были команды во фронте с офицерами и вызваны караулы, отдававшие честь при проходе «Варяга»; итальянцы сыграли русский гимн.

Впоследствии иностранцы говорили о величии этой минуты; по их словам, они переживали трудный момент, провожая людей, идущих на верную смерть. По мнению иностранцев, принять вызов на бой с эскадрой во много раз сильнейшей — это подвиг, на который не всякий решится, и «Варяг» был ими обречен на гибель при всех комбинациях, особенно же при совместном действии с лодкой «Кореец», малый ход коей стеснял «Варяга», а пушки старой системы не достигали цели.

Японская эскадра под командой контр-адмирала Уриу в составе шести крейсеров: «Азама», «Нанива», «Такачиха», «Чайода», «Акаши», «Ниитока» — и восьми миноносцев расположилась... от острова Ричи к северному проходу, прикрывая оба выхода в море. Миноносцы держались около своих судов.

Сведения о числе и названии судов были получены с английского крейсера после боя. Японский адмирал предложил сигналом сдаться, но командир «Варяга» не счел нужным отвечать, и тогда, в 11 часов 45 минут, с крейсера «Азама» грянул первый выстрел из 8-дюймового орудия, вслед за которым вся японская эскадра открыла огонь. Крейсер «Варяг» в свою очередь по выходе с нейтрального рейда, произведя пристрелку, открыл огонь на расстоянии 45 кабельтов.

Один из первых японских снарядов попал в крейсер, разрушил верхний мостик, произведя пожар в штурманской рубке, перебил фок-ванты, причем был убит младший штурманский офицер мичман граф Алексей Нирод, определявший расстояние дальномером, и все дальномерщики станции № 1 убиты или ранены (по окончании боя нашли руку графа Нирода с дальномером, ребро и внутренности упали на орудие № 2). Смерть молодого офицера произвела удручающее на всех впечатление; чудный человек, отличный человек, подававший большие надежды в будущем, был особо ценим командиром, и потеря графа Алексея Михайловича была для него истинным горем. После этого выстрела снаряды начали попадать в крейсер чаще, а падавшие около, разрываясь при ударе о воду, осыпали осколками и разрушали надстройки и шлюпки.

Последующими выстрелами было подбито 6-дюймовое орудие, вся прислуга орудия и подачи убита или ранена; одновременно ранен плутонговый командир мичман Губонин, отказавшийся идти на перевязку и продолжавший командовать плутонгом, пока, обессилев, не упал (рана оказалась серьезной — разбита чашка ноги).

Непрерывно следовавшими снарядами был произведен пожар на шканцах, потушенный стараниями ревизора мичмана Черниловского-Сокол, у которого осколки снарядов изорвали бывшее на нем платье. Пожар был серьезен, так как горели патроны с бездымным порохом, палуба и вельбот № 1 (деревянный).

Возгорание произошло от снаряда, разорвавшегося на палубе, при этом подбиты: 6-дюймовые орудия №№ 8, 9; 75-миллиметровые №№ 21,22; 47-миллиметровые №№ 27, 28.

Другими снарядами почти снесен боевой грот-марс, уничтожена дальномерная станция № 2, подбиты орудия № 31 и 32, а также произведен пожар в рундуках броневой палубы, вскоре потушенный; кроме того, подбиты 6-дюймовые орудия №№ 4, 5; 75-миллиметровые №№ 17, 19, 20.

При переходе траверза острова Иодольми снаряд перебил трубку, в которой проходили все рулевые приводы; одновременно с этим осколками другого снаряда, разорвавшегося у фок-мачты, влетевшего в проход боевой рубки, был контужен и ранен в голову командир крейсера, убиты наповал стоявшие рядом с ним по обеим сторонам штабгорнист и барабанщик, ранен в спину тут же стоявший рулевой старшина Снигирев (не заявил о ране до конца боя, оставаясь при исполнении своей обязанности, рана оказалась впоследствии средней тяжести). Одновременно ранен в обе руки ординарец командира квартирмейстер Чибисов (завязал раны платком, чтобы остановить льющуюся кровь, и отказался идти на перевязку, говоря, что, пока жив, не покинет ни на минуту своего командира). Этим же снарядом выведены две пушки (около боевой рубки) и кроме вышеупомянутых убиты четыре человека и один ранен из прислуги этих пушек. Управление крейсером было немедленно переведено на ручной штурвал в румпельное отделение, но при громе выстрелов приказания в румпельное отделение и ответы обратно были почти неслышны — пришлось управляться машинами. Это управление было крайне затруднительно, так как крейсер плохо слушался, будучи на сильном течении; необходимо добавить, что в недалеком расстоянии с обеих сторон были камни и отмели. В 15 часов 25 минут сдвинулся с места котел № 21, давший течь, в 12 часов 25 минут показалась течь в угольной яме № 10 от пробоины, в 12 часов 30 минут то же — в № 12.

В 12 часов 45 минут, желая выйти на время из сферы огня, чтобы по возможности исправить рулевой привод и потушить возникшие в разных местах пожары, стали разворачиваться машинами и, так как крейсер плохо слушался и ввиду близости острова Иодольми, дали задний ход (крейсер поставило в невыгодное положение относительно острова в то время, когда был перебит рулевой привод при положенном «лево руля»). Расстояние до неприятеля уменьшилось, огонь его усилился, и попадание увеличилось.

Приблизительно в это время снаряд большого калибра пробил левый борт под водой, в огромное отверстие хлынула вода, и третья кочегарка стала быстро наполняться водой, уровень которой подходил к топкам (вода вливалась в кочегарку через открытые двери угольной ямы, из которой брали уголь). Кочегарные квартирмейстеры Жигарев и Журавлев задраили угольную яму, чем прекратили доступ воды в кочегарку; работу эту они выполнили с замечательной самоотверженностью и хладнокровием. Старший офицер капитан 2 ранга Степанов со старшим боцманом Харьковским под градом осколков снарядов подвели пластырь. Хотя вода все время выкачивалась и уровень стал понижаться, тем не менее крейсер продолжал крениться на левый борт.

Снарядом, прошедшим через офицерские каюты и разрушившим их, была пробита палуба и зажжена мука в провизионном отделении. Пожар удалось приостановить с большим трудом мичману Черниловскому-Сокол со старшим боцманом Харьковским. Вслед за тем перебиты коечные сетки на шкафуте над лазаретом, причем осколки попали в лазарет, а койки в сетках загорелись, пожар быстро потушили.

Значительные повреждения, полученные крейсером, лишили его возможности идти далее и заставили выйти из сферы огня на более продолжительное время, почему и пошли на рейд, продолжая стрелять оставшимися орудиями кормы. Командир крейсера пошел на рейд в надежде исправить повреждения насколько возможно, чтобы вновь вступить в бой.

Когда крейсер приближался к якорному месту, японцы прекратили огонь ввиду опасности для иностранных судов, и преследовавшие крейсера вернулись к эскадре за островом Иодольми. Расстояние настолько увеличилось, что продолжать огонь было бесполезно, почему его прекратили в 12 часов 45 минут.

Во втором часу, став на якорь на прежнем месте, приступили к осмотру и исправлению повреждений, подвели второй пластырь и развели оставшуюся команду по орудиям

ям в ожидании возможного нападения неприятельской эскадры в 4 часа на рейде.

По осмотре крейсера кроме перечисленных выше повреждений оказались еще следующие:

1) все 47-миллиметровые орудия негодны к стрельбе;

2) еще 5 орудий 6-дюймового калибра получили различные серьезные повреждения;

3) семь 75-миллиметровых совершенно повреждены в накатниках, компрессорах и других местах;

4) разрушено верхнее колено третьей дымовой трубы;

5) обращены в решето все вентиляторы и шлюпки;

6) верхняя палуба пробита во многих местах;

7) разрушено командирское помещение;

8) поврежден фор-марс;

9) найдено еще четыре пробоины, а также много других повреждений.

Машина сохранилась благодаря броневым крышкам, также и шахты подачи, хотя прислуга, стоявшая около них, почти вся пострадала.

Электричество действовало все время без отказа. В течение часового боя выпущено 1105 снарядов, коими нанесено японской эскадре достаточно повреждений: на крейсере «Азама» разрушен мостик и произведен на нем пожар, причем «Азама» временно прекратил огонь.

Кормовая башня его, по-видимому, была повреждена, так как прекратила стрельбу до конца боя. Во время взрыва мостика убит командир крейсера.

Впоследствии выяснилось: утонул миноносец и один из крейсеров получил столь серьезные повреждения, что затонул на пути в Сасебо, имея раненых с эскадры, взятых после боя для доставки в госпиталь. Крейсер «Чайода» чинился в доке, так же как и крейсер «Азама». После боя японцы свезли в бухту 30 убитых.

Эти сведения получены от наблюдавших итальянских офицеров, английского офицера, возившего протест японскому адмиралу, в Шанхае из японских и английских источников, также через посредство нашей миссии в Сеуле и официального донесения нашего посланника в Корее.

С момента выхода с рейда мореходная канонерская лодка «Кореец» держалась соединенно, но ее выстрелы вначале не могли быть действительны, вследствие недолета снарядов, и потому стрельба была прекращена до сближения с эскадрой. «Кореец» не получил никаких повреждений и не имел никакой потери в людях — ясно, что все внимание японцев было обращено на «Варяг», по уничтожении коего

предполагали быстро покончить с лодкой. По окончании боя «Кореец» возвратился на рейд одновременно с «Варягом».

Иностранные суда, несмотря на готовность к уходу с рейда, прислали немедленно шлюпки с врачами и санитарами для перевозки раненых. Шлюпки имели на носовых флагштоках флаг Красного Креста.

Действие японских снарядов кроме большого разрушения судна производит значительный урон в личном составе; от дробления снарядов на мелкие куски получались ужасные раны. Некоторые люди были покрыты сплошь впившимися в них мелкими кусками.

По произведенной проверке людей оказалось: убитыми — мичман граф Нирод и нижних чинов — 31; раненых — 6 офицеров, контужен и ранен в голову командир крейсера капитан 1 ранга Руднев, контужен старший офицер капитан 2 ранга Степанов, тяжело ранен в ногу мичман Губонин, ранены легко — мичманы Лобода, Балк и Шиллинг. Раненые офицеры отказались от перевязки, оставаясь все время на своих местах, они согласились сделать перевязку только по окончании перевязки нижним чинам, и то уже будучи на иностранных судах. Нижних чинов ранено серьезно 85, легко более 100 человек.

Непригодность артиллерии к дальнейшему действию, постепенное наполнение судна через подводные пробоины, порча рулевых приводов и большая убыль личного состава убедили в полной невозможности вновь вступить в бой, и, не желая дать неприятелю возможности одержать победу над полуразрушенным крейсором, на совещании всех офицеров было решено уничтожить крейсер. Об этом командир «Варяга» поехал сообщить командиру крейсера «Тальбот», который принял согласие на принятие части команды.

Немедленно приступили к перевозке раненых на присланных с иностранных судов шлюпках за непригодностью своих.

Командир французского крейсера «Паскаль», капитан 2 ранга Сенес, прибыв на «Варяг», лично содействовал перевозке раненых и команды, перевозка коих, а главное, переноска их на шлюпках с лежащего на боку крейсера заняли много времени, и только к 4 часам могли перевезти и остальную команду.

Когда команда покинула крейсер, старший и трюмный механики с хозяевами отсеков открыли кингстоны и клапаны и затем отвалили с крейсера. Пришлось остановиться на потоплении вследствие представления иностранных ко-

мандиров не взрывать судна, чтобы не подвергнуть опасности на узком рейде их корабли, а также и потому, что крейсер погружался все более и более в воду.

С последней партией команды был отправлен часовой у флага боцманмат Петр Оленин, который оставался на посту с начала боя — на нем осколками было разорвано платье, разбит приклад у ружья, разорван сапог с легкой раной ноги.

Командир со старшим боцманом, удостоверившись еще раз в отсутствии людей на судне, последним покинул крейсер в 3 часа 55 минут, сев на французский катер, который ожидал его у борта, вместе с командиром крейсера «Паскаль».

«Варяг», постепенно наполняясь водою, продолжая крениться на левый борт и гореть во многих местах, в 6 часов 10 минут погрузился в воду на глубину десяти сажен во время отлива*. После 4 часов сообщения с крейсером не было вследствие настояния командиров иностранных судов, ожидавших входа японской эскадры на рейд. Командир морской канонерской лодки «Кореец», получив извещение от командира «Варяга» о принятом решении ввиду безысходного положения, по общему согласию офицеров, взорвал лодку.

Капитан парохода «Сунгари», по соглашению с агентом пароходства, сжег свой пароход.

Свезенная команда распределилась:

На французский крейсер «Паскаль» — часть команды «Варяга»; вся команда «Корейца»; впоследствии прибывшие обе миссии и охрана, состоявшая из части команды броненосца «Севастополь», фельдшера, 11 казаков и 2 стрелков.

На английский крейсер «Тальбот» — часть команды «Варяга»; команда парохода «Сунгари».

На итальянский крейсер «Эльба» — часть команды «Варяга».

Американский авизо «Виксбург» отказался принять людей для спасения от потопления за неимением разрешения от своего министерства, также он отказался подписать протест иностранных командиров.

Впоследствии командиры иностранных судов получили от своих посланников одобрение и благодарность за их действия.

Ввиду того что перевозка раненых заняла очень много

* Во время прилива глубина доходит до 15 сажен.

времени при участии всего личного состава, с перевозкой остальной команды пришлось спешить, вследствие требования командиров окончить погрузку до 4 часов дня. Были взяты судовые документы и командой — малые чемоданы. Офицеры же, занятые перевозкой раненых и исполнением своих обязанностей, не успели захватить вещей — как командир, так и офицеры потеряли решительно все свое имущество, бывшее на крейсере.

С полным убеждением можно сказать, что «Варяг» благодаря удивительной стойкости, беззаветной храбрости и безупречному исполнению долга офицерами и командой с достоинством поддержал честь русского флага, исчерпал все средства к прорыву, не дал возможности одержать победу неприятелю, нанеся ему много убытков и вреда, и спас оставшихся людей, не сдав ни судна, ни команды.

3 февраля крейсер «Паскаль» ушел из Чемульпо для доставки команды в «Сайгон», откуда она возвратилась в Россию...

В. Руднев.

СОСТАВ ОФИЦЕРОВ КРЕЙСЕРА «ВАРЯГ» ПО БОЕВОМУ РАСПИСАНИЮ[1]

Командир крейсера, капитан 1 ранга Всеволод Руднев.

Старший офицер, капитан 2 ранга Вениамин Степанов.

Старший минный офицер, лейтенант Роберт Берлинг.

Старший артиллерийский офицер, лейтенант Сергей Зарубаев.

Старший штурманский офицер, лейтенант Евгений Беренс[2].

Батарейный командир, мичман Александр Шиллинг.

Плутонговые командиры, мичманы: Александр Лобода, Василий Балк, Петр Губонин, Дмитрий Эйлер.

Ревивор, мичман Николай Черниловский-Сокол.

Старший судовой механик, помощник старшего инженера-механика Николай Лейков.

Трюмный механик, помощник старшего инженера-механика Яков Солдатов.

[1] Этот список, как и последующие, дан в уже названной книге в приложениях.

[2] Евгений Андреевич Беренс (1876—1928) — в последующем видный советский военно-морской деятель: в 1917—1919 гг. начальник Морского генерального штаба; в 1919—1920 гг. командовал Морскими силами Республики.

Младшие механики: Николай Зорин, Сергей Спиридонов.

Врачи, старший — коллежский советник Михаил Храбростин, младший — титулярный советник Михаил Банщиков.

Содержатели казенного имущества: шхипер, титулярный советник Барсуков; машинный содержатель, титулярный советник Маркелов; комиссар, титулярный советник Девисов; минно-артиллерийский содержатель, кондуктор Хижняков.

Священник Михаил Руднев.

СПИСОК УБИТЫХ В СРАЖЕНИИ 27 ЯНВАРЯ 1904 ГОДА

Бак

1) Мичман граф Алексей Нирод — находился на мостике при определении расстояний.
2) Артиллерийский содержатель Василий Мальцев — там же.
3) Писарь 1-й статьи Василий Оськин — там же.
4) Сигнальщик Гавриил Миронов — там же.
5) Квартирмейстер Иван Костин — при передаче приказаний около боевой рубки.
6) Комендор Дмитрий Шарапов — пушка Барановского № 35.
7) Матрос 2-й статьи Михаил Кабанов — там же.
8) Матрос 2-й статьи Федор Эдревиц — там же.
9) Штаб-горнист Николай Нагл — около командира.
10) Барабанщик Донад Кореев — около командира.
11) Комендор Григорий Поснов — 6-дюймовое орудие № 3.
12) Подручный комендор Матвей Дерябин — 6-дюймовое орудие № 2.
13) Матрос Михаил Журавлев — 75-миллиметровое орудие № 18.
14) Машинист 1-й статьи Иван Гребенщиков — у рожка помпы.

Шкафут

15) Комендор Даниил Кучубей — 47-миллиметровое орудие № 26.
16) Комендор Степан Капралов — № 27.

17) Матрос 2-й статьи Карл Спруге — 75-миллиметровое № 26.
18) Матрос 2-й статьи Иван Родионов — № 18.

Фор-марс

19) Марсовый Архип Шевелев — 47-миллиметровое № 29.

Шканцы

20) Комендор Мартемьян Островский — 6-дюймовое № 9.
21) Комендор Андрей Трофимов — там же.
22) Комендор Петр Мухачев — 47-миллиметровое № 28.
23) Марсовый Федор Хохлов — 6-дюймовое № 8.
24) Комендор Роман Балабанов — 6-дюймовое № 10.
25) Матрос 1-й статьи Климентий Кузнецов — у элеватора.
26) Матрос 1-й статьи Илья Ковалев — 6-дюймовое № 9.
27) Матрос 1-й статьи Кирилл Иванов — там же.

Грот-марс

28) Матрос 1-й статьи Ефим Горбунов, дальномерщик.
29) Матрос 1-й статьи Михаил Араменко — 47-миллиметровое № 31.
30) Матрос 2-й статьи Кирилл Зрелов — 47-миллиметровое № 31.
31) Матрос 2-й статьи Дмитрий Артасов — № 32.

ТЯЖЕЛОРАНЕНЫЕ

После боя отправлены в Гонконг мичман Петр Губонин, квартирмейстер Иннокентий Рыжков, комендор Сидор Мудрин.

Оставлены в Чемульпо 24 человека, из них 2 умерли от ран.

Все оставшиеся в живых из тяжелораненых вернулись в Россию, не будучи в плену.

РАПОРТ КОМАНДИРА МОРЕХОДНОЙ КАНОНЕРСКОЙ ЛОДКИ «КОРЕЕЦ» КОМАНДИРУ КРЕЙСЕРА «ВАРЯГ»

«27 января в 8 1/2 часов утра, потребованный вашим сигналом, прибыл на крейсер 1 ранга «Варяг», где из пись-

ма японского адмирала, предъявленного вам командирами иностранных судов, стоявших на рейде, узнали об объявлении войны с Японией. Согласно принятому решению «попытаться прорваться» начал готовиться к бою. Команда, энергично руководимая старшим и всеми другими офицерами, успела выбросить за борт: светлые люки, гафели, стеньги, трапы и другие деревянные предметы.

Лазарет и моя каюта еще с вечера были обращены в перевязочные пункты. В 10 1/2 часов утра дал команде обед.

В 11 часов 20 минут по сигналу вашего высокоблагородия снялся с якоря и вступил в кильватер вверенному вам крейсеру.

Опередив на некоторое время «Варяг», в 11 часов 45 минут утра, в ответ на выстрел японской эскадры, открыл огонь из правого погонного 8-дюймового орудия, идя средним ходом. После того как «Варяг» обогнал меня, дал полный ход, стараясь сохранить между судами малую дистанцию. Ввиду получавшихся недолетов и доклада артиллерийского офицера лейтенанта Степанова об его опасении, что, продолжая стрельбу на такой дистанции, снарядов может не хватить на случай сближения с противником, а также чтобы недолетами не поднимать дух неприятеля, временно прервал стрельбу. По дальнейшему сближению с противником вновь открыл огонь, ведя стрельбу из погонного и ретирадного орудия фугасными снарядами.

Пройдя остров Иодольми, увидели ваш сигнал «Меняю курс вправо», и, избегая сойтись с вами для неприятеля, а также предполагая у вас повреждение в руле, положил право на борт и, уменьшив ход до малого, описал циркуляцию в 270°.

Все это время безостановочно поддерживал огонь из двух 8-дюймовых погонных и 6-дюймового ретирадного орудий; было попутно сделано 3 выстрела из 9-фунтовых пушек, но за большими недолетами стрельбу из них прекратил. В 12 1/4, следуя движению «Варяга», повернул на рейд, продолжая стрелять сначала из левого 8-дюймового и 6-дюймового орудий, а затем из одного 6-дюймового. В 12 часов 45 минут одновременно с японской эскадрой прекратил огонь. Японская эскадра оставалась под парами за островом Иодольми.

В продолжение часового боя в вверенную мне лодку не попало ни одного снаряда, было 3 недолета, а остальные перелеты, хотя из последних многие были незначительны. В 1 час дня стал на якорь на рейде Чемульпо.

В 3 часа дня японская эскадра приблизилась к острову Иодольми, пробил артиллерийскую тревогу и приготовился к бою.

В 3 часа 15 минут дня присланный вами мичман Балк передал мне решение уничтожить крейсер «Варяг», свезя предварительно раненых и команду на иностранные суда.

Собрав после этого своих офицеров и сообщив о вашем решении, предложил им, начиная с младшего, высказать свой взгляд о дальнейшем образе действий. Решено было единогласно: предстоящий через полчаса бой неравен, вызовет напрасное кровопролитие, а может быть, и гибель всей команды без нанесения вреда неприятелю, а потому необходимо свезти команду и взорвать лодку до 4 часов дня. Согласившись с ними, я приказал спустить все шлюпки и посадить на них команду, запретив за малостью времени до нападения японской эскадры и ввиду ограниченности места в шлюпках брать с собою вещи. В то же время крюйт-камеры были окончательно приготовлены к взрыву.

Взрывали лодку с помощью 15-минутного фальшфейера, помещенного в промасленную паклю и окруженного картузами с порохом; фальшфейер воспламенялся перовой гальванической трубкой. Из числа охотников произвести взрыв назначил: лейтенанта Левицкого, мичмана Бутлерова, младшего инженера-механика Франка и 3 нижних чинов. В 3 часа 35 минут все шлюпки, за исключением четверки с мичманом Бирилевым, оставшимся у борта, отвалили.

В 3 часа 55 минут последовало два взрыва с промежутками 2—3 секунды, лодка погрузилась на дно, причем носовая часть отделилась и перевернулась, а кормовая разорвалась на части. Этим взрывом пушки всех калибров уничтожены. Шифр, секретные приказы, бумаги, карты, таблицы и сигнальные книги были сожжены.

В шлюпки взяты два судовых образа, царская грамота, серебряный георгиевский рожок, деньги из сундука, вахтенный журнал и отчетность.

Взяты на шлюпки ружья, но приказано было бросить при приближении к французскому крейсеру «Паскаль»; офицеры и команда съехали без вещей. По соглашению с агентом пароходства Восточно-Китайской железной дороги я приказал капитану «Сунгари» испортить котлы и потопить пароход. На нем были открыты все кингстоны и устроен пожар, к ночи пароход погрузился на дно. Донося о сем вашему высокоблагородию, прошу обратить внимание, что все назначенные к взрыву лодки, рискуя своей

жизнью, блестяще исполнили возложенное на них поручение. Во время боя все, начиная со старшего офицера и кончая последним матросом, действовали в бою с удивительным спокойствием, точно они были на обыкновенном учении или на стрельбе по щитам. Все они блестяще исполнили долг свой. Подписал капитан 2 ранга Беляев 2-й».

Н. Д.[1]

БРОНЕНОСЕЦ «АДМИРАЛ УШАКОВ»

Путь на восток

Много времени прошло уже с того памятного вечера, когда, озаряемый мягкими лучами заходящего солнца, под ожесточенным расстрелом двух сильных неприятельских крейсеров, одиноко погибал в Японском море маленький броненосец береговой обороны «Адмирал Ушаков».

Каждому моряку знакомо то чувство глубокой привязанности, которое испытывается по отношению к судну, на котором приходится служить более или менее продолжительное время, равно как и острое ощущение грусти в момент расставания с кораблем, ставшим родным и близким, и при разлуке с товарищами, с которыми приходилось делить и радости, и горести.

Недолго, всего лишь два месяца и одну неделю, довелось мне провести на «Ушакове», но и за это короткое время так много светлого и горького пришлось пережить и переиспытать, что у меня явилось желание записать и навсегда сохранить воспоминания о последних месяцах службы родному флоту этого славного корабля.

Заметки эти написаны мною в Японии, во время нахождения в плену, и, заключая в себе мои впечатления о важных и в то же время несчастнейших событиях в истории русского флота, имеют целью дать краткое, но достаточно точное описание как плавания, так и боев, в которых мне привелось участвовать.

Теперь некоторые мелочи горестного для нас дня Цусимской битвы, быть может, ускользают из памяти, но зато все, что мною сюда внесено, действительно было и отнюдь не грешит против истины. Большинство моих товарищей прочло черновик этих записок, и все их замечания и поправки приняты мною во внимание.

С начала июля 1904 года я находился в плавании на канонерской лодке «Черноморец», бывшей станционером при нашей миссии в Афинах.

Один за другим прошли через Средиземное море отряды кораблей, направлявшихся на Мадагаскар, и наконец подплялись слухи об изготовлении к походу третьей эскадры.

Трудно было в такое горячее время удовлетворяться безмятежной службой мирного станционера, но, несмотря на все мое стремление попасть на вооружающуюся в Либаве эскадру, мне это не удавалось вследствие полного комплекта офицеров.

А между тем вооружение судов эскадры быстро подвигалось вперед, и 3 февраля 1905 года отряд контр-адмирала Небогатова вышел из Либавы с целью идти на соединение с эскадрой вице-адмирала Рожественского, который в это время стоял в Носи-бей на Мадагаскаре.

Несмотря на серьезный шторм, встреченный отрядом в Атлантическом океане, он поразительно быстро совершил переход вокруг Европы, причем малоизвестные до того времени наши броненосцы береговой обороны — «адмиралы»: «Ушаков», «Сенявин» и «Апраксин» выказали свои отличные морские качества и на огромной океанской зыби держались лучше и спокойнее, нежели старые испытанные корабли «Николай I» и «Владимир Мономах».

И не лишен интереса разговор, который как раз в это время пришлось вести в Пирее с одним офицером, только что приехавшим из Либавы.

Я очень интересовался состоянием отряда, и особенно его маленькими «адмиралами».

— Да что же, — сказал мне мой собеседник, — сами по себе кораблики эти ничего, ну а что касается перехода через Индийский океан, то там в муссоне они очень вероятно, что и перевернутся; их ведь, собственно говоря, и послали-то только ради успокоения общественного мнения, взбудораженного газетными статьями.

Вот, значит, как думали даже моряки, когда отряд Небогатова уходил из России...

Как было уже упоминал выше, в описываемое время я плавал на «Черноморце» и находился с лодкой в Воло, когда совершенно неожиданно командиром была получена те-

[1] Именно так было обозначено авторство этого воспоминания. Но, сверившись со «Списком чинов, бывших на броненосце...», а также учитывая корабельную специальность Н. Д., узнаваемую из содержания книги, можно предположить, что автор — Николай Николаевич Дмитриев.

леграмма Главного штаба с предложением немедленно доставить меня на эскадру Небогатова.

Придя через сутки в Пирей, мы застали там наш миноносец, на котором, после самого сердечного прощания с «черноморской» семьей, вечером 5 марта я вышел к месту своего нового, полного загадочной будущности назначения.

Придя утром 6 марта в Суду, к подъему флага явился на флагманский броненосец и, представившись давно меня знавшему адмиралу, тут же был им назначен старшим артиллеристом броненосца «Адмирал Ушаков» вместо списанного в Зафарине по болезни лейтенанта Г... а.

Выслушав о своем назначении, сначала я был несколько огорчен им, так как помнил пожелания своих сослуживцев по «Черноморцу»: только не попасть под команду капитана Миклухи [1], который вообще слыл за человека с очень тяжелым и неприятным характером.

Но как же теперь я благословлю и всю жизнь буду благословлять судьбу за это назначение, давшее мне возможность служить и сражаться под начальством именно такого доблестного командира, каким оказался покойный Владимир Николаевич.

Больной, с сильно расшатанными нервами, Миклуха действительно подчас бывал довольно тяжел, но он безусловно был лучшим из всех командиров отряда...

В ночь на 8 марта отряд вышел из Суды, и на переходе до Порт-Саида, сопровождавшемся очень свежей погодой с громадной попутной зыбью, я имел случай лично убедиться в легкости и плавности качки нашего маленького броненосца...

Условия тропического плавания были очень тяжелы, особенно на таких кораблях, как наши маленькие броненосцы, приспособленные лишь для непродолжительных прибрежных плаваний в умеренном климате.

Крайне недостаточная вентиляция нижних жилых помещений, в которых температура подымалась до 50° С, отсутствие льда и рефрижераторов — все это сильно давало себя чувствовать.

В каютах, расположенных вдоль черных, раскаленных и за ночь не остывающих бортов, жить не было никакой возможности, и все офицеры спали на верхней палубе...

---

[1] Капитан 1 ранга В. Н. Миклухо-Маклай, брат известного русского ученого и путешественника Н. Н. Миклухо-Маклая.

У нас нельзя было, как на хорошо обставленных судах второй эскадры, брать большие запасы свежей провизии, а приходилось кормиться почти исключительно консервами...

Цу-Симский бой 14 мая

...С раннего же утра сквозь дымку легкого тумана справа от эскадры был обнаружен крейсер, упорно державшийся несколько позади нашего траверза. Это был первый вражеский корабль... крейсер «Идзуми»...

Около 9 утра, когда мы уже были в строю кильватера, слева прошли на большом расстоянии и скрылись в тумане японские крейсера, а за ними показались и тоже прошли вперед четыре старых корабля типа «Матсушима». Несмотря на легкий туман, они ясно были видны, и одно время дальномеры показывали до них 35—40 кабельтовых.

И как нам ни хотелось разрядить по ним свои, с утра готовые, пушки, но стрельбы адмирал не открывал, а лишь около 10 ч. утра был открыт огонь по четырем легким крейсерам... которые долго и упорно, очевидно следя за нами, держались на траверзе с левой стороны.

Началом этой стрельбы послужил нечаянный выстрел с «Орла», но за ним левыми бортами загремели остальные корабли, и снаряды наши сразу стали ложиться очень хорошо.

На одном из крейсеров скоро между трубами блеснуло пламя взрыва — и все они, стремительно повернув влево, полным ходом стали отходить и скоро скрылись из виду, своими выстрелами не нанеся нам никакого вреда.

Эта небольшая перестрелка, длившаяся всего минут 10—15, замечательно воодушевляюще подействовала как на офицеров, так и на команду, и когда в полдень мы вступали в роковой Корейский пролив, настроение царило великолепное.

Почти два часа шли мы вполне благополучно, не видя неприятеля, и лишь «Идзуми» все время держался справа на большом расстоянии да телеграф наш непрерывно воспринимал знаки японских депеш.

Но вот в 1 ч. 50 м. дня из тумана снова показались очертания японских броненосцев, которые шли нам как бы навстречу, затем описали петлю и легли на сближающийся с нами курс.

Адмирал Рожественский с первым броненосным отрядом («Суворов», «Бородино», «Александр III», «Орел») в это время держался впереди остальной эскадры и кабельтовых 6—8 правее ее.

Находясь на мостике «Ушакова» с самого утра 14 мая и до поздней ночи, то есть все время продолжения боя и минных атак, я был свидетелем всех его моментов и видел всю его ужасную, потрясающую картину...

«Ушакову», бывшему концевым кораблем в линии броненосцев, постоянно приходилось менять свой ход от полного до самого малого и даже стопа...

Важнейшие моменты дальнейшего боя 14 мая запечатлелись у меня в памяти в следующей последовательности.

Вскоре после гибели «Ослябя» (около 3 ч.) «Суворов», на которого обрушился весь огонь японцев, оказался вне строя, со сбитыми мачтами и поваленными трубами, весь окутанный густым черным дымом огромного пожара.

Долго эскадра, имея теперь головным «Александра III», не могла подойти для оказания помощи и прикрытия несчастному броненосцу, несмотря на пожар, геройски отбивавшемуся от наседавшей на него и жестоко его расстреливавшей неприятельской эскадры.

Видимо, «Александр III» сам не мог справиться со своими авариями, т. к. он скоро вышел из строя в левую сторону и на борту его за неимением фалов были выброшены флаги какого-то сигнала.

Как раз в это время «Ушаков» проходил справа мимо накренившегося «Александра», и мы сразу очутились в сфере жестокого огня, т. к. японцы, видя затруднительное положение «Александра», сосредоточили по нем огонь и все их недолеты ложились около нас.

В это-то время мы сразу, одна за другой, получили две значительные пробоины в носовой части правого борта и на «Ушакове» явились первые жертвы боя. Но об этом я скажу ниже.

Несмотря на массу сыпавшихся вокруг снарядов, наши сигнальщики пытались переговорить с «Александром» по семафору, но из этого ничего не вышло, равно как нельзя было разобрать и выкинутых за борт флагов.

Пропустив мимо себя всю эскадру, «Александр» перешел за нашей кормой на правую от нас сторону и стал держаться несколько позади нас и немного правее линии кильватера (бой в это время велся правым бортом) и шел так почти до шести часов вечера, несмотря на крен и пожар, все время стреляя по японцам...

Около 6 часов вечера «Александр III», шедший сзади и несколько правее «Ушакова», вдруг начал крениться на правый борт, крен сильно увеличивался, и скоро стало ясно, что море готовится поглотить еще одну жертву, еще один из лучших наших броненосцев.

Как раз в это время шесть броненосных крейсеров отряда Камимуры зашли нам в тыл и открыли усиленный огонь по гибнущему «Александру III».

Я сделал попытку направить огонь своей кормовой башни на головной крейсер, но, несмотря на максимальный угол возвышения, наши снаряды не долетали до цели...

В это время уже стемнело, артиллерийский бой понемногу начал стихать...

Один за другим приводили в кильватер «Николаю» оставшиеся еще корабли.

Страшный момент был в это время пережит на палубе «Ушакова», когда «Сенявин», бывший в это время сзади нас, стал вступать нам в кильватер и, не видя потухшего из-за перебитого проводника кормового огня, чуть не протаранил нас с кормы.

Он был так близко от нас, что даже при застопоренной у него машине и положенном на борт руле его таран прошел в нескольких саженях за кормой «Ушакова»...

До сих пор я говорил о бое вообще, не упоминая о том, что происходило в этот приснопамятный день на самом «Ушакове»...

Не перечисляя всех наших курсов... скажу лишь, что до 4 часов дня дела «Ушакова» обстояли благополучно...

Но вот после 4 часов, как раз в то время, как мы проходили мимо подвергшегося расстрелу броненосца «Александр III», в нас сразу попало один за другим два снаряда большого калибра. Одним из них был пробит борт в носовой части броненосца, и все носовое отделение жилой палубы оказалось заполненным водой.

Через несколько минут другой снаряд ударил в борт над самой водой против носовой башни, ворвался в кубрик и там разрывом своим сразу вывел 8 человек.

Трое из них были страшно истерзаны и убиты на месте, четвертый скоро скончался, четверо же были тяжело ранены.

Эту пробоину, несмотря на значительные ее размеры, удалось до некоторой степени заделать изнутри, заняться же исправлением обеих пробоин нельзя было, не прекращая действий носовой башни и не стопоря машины.

Спустившись после 5 часов вечера на несколько минут вниз, я прошел в кают-компанию, где на полу, прикрытые брезентами, лежали, вытянув окостеневшие ноги, четыре покойника, а раненые сидели и лежали на диванах.

Тут же на носилках, весь залитый кровью, лежал смертельно раненный осколком в горло матрос, и с его тихими стонами сливалось какое-то глухое, страшное рокотание в перебитой гортани.

С непопятным теперь и только среди боя и сопровождающей его атмосферы смерти возможным спокойствием и с каким-то тупым равнодушием смотрел я на эти трупы, на стопущих, страдающих раненых, на куски мозга, прилипшие к изголовью носилок...

Сознание, что каждую минуту сам можешь превратиться в такую же кровавую массу, повергало в состояние отупения.

Точно так же странным кажется теперь и то чувство спокойного равнодушия, которое испытывалось во все время боя, за целые семь часов, проведенные на открытом мостике среди свиста и грохота снарядов...

В боевой рубке за весь этот день мне быть совсем не пришлось, так как там было полно народу, да, кроме того, и управлять башнями из рубки не было возможности.

Телефон не действовал с самого начала боя, говорить же под несмолкаемую канонаду выстрелов при помощи переговорных труб было бесполезно.

Переходя же с одной стороны мостика на другую, мне удобно было следить за неприятелем и передавать распоряжения в носовую башню — лично, а в кормовую — через бывшего при мне ординарцем молодца-комендора Чернова.

С большим уважением вспоминаю я о поведении этого человека во время боя.

С полнейшим самообладанием и невозмутимостью бегал он, исполняя мои поручения, по открытому мостику и спардеку, и не только ни малейшего страха не было заметно на его простенькой физиономии, но, напротив, он был весел и оживлен.

Но чье положение было хуже всех — это офицеров и сигнальщиков, определявших расстояния у дальномеров.

У нас на «Ушакове» было две дальномерных станции, но место задней было выбрано очень неудачно, почему и было решено в бою пользоваться лишь носовыми дальномерами, установленными на площадке над крышей боевой рубки...

Когда у нашего борта разорвался снаряд, сделавший пробоину в кубрике, все мы, бывшие на мостике, оказались залитыми огромным столбом воды, после чего лица, кителя

и фуражки — все это было покрыто желтыми пятнами мелинита, окрасившего воду при взрыве...

Не знаю, когда именно, но вероятно между 5 и 6 часами, когда мы шли близ «Александра» и когда все предназначавшиеся ему перелеты сыпались вокруг нас, попал один снаряд в броню кормовой башни.

Этим ударом, по словам находившихся в башне, встряхнуло довольно чувствительно всю установку, но броня совершенно уцелела.

На ней лишь остался глубокий отпечаток, да вокруг, от взрыва, сгорела вся краска.

Палуба же, а также находящаяся поблизости железная стенка спардека были покрыты дырами от осколков этого снаряда, массой валившихся около.

Еще днем был уничтожен наш беспроволочный телеграф и сбит гафель, флаг с которого квартирмейстер Прокопович тотчас же перенес на правый нок грота-рея.

Не могу обойти молчанием молодчину Прокоповича, бывшего по боевому расписанию часовым у флага. Весь бой 14-го числа простоял он бессменно на своем посту и, несмотря на то что оказался совершенно оглохшим, ночью вступил еще на вахту.

15 мая снова все время пробыл он на своем месте у флага и под самый конец боя был совершенно растерзан взорвавшимся около него снарядом...

...К 9 часам вечера (14 мая), т. е. в самый разгар атак японских миноносцев, наша колонна шла на север в таком порядке: «Николай», «Апраксин», «Сенявин», «Ушаков» и, несколько отстав, «Сисой Великий», «Наварин» и «Нахимов», расположение остальных судов мне неизвестно...

Покойный Миклуха, следя за адмиралом и помня его наставление, выраженное в одном из приказов, что «полная темнота есть лучшая защита от миноносцев», почти не приказывал светить прожекторами и совершенно запретил стрелять из орудий, рассуждая, что своими двумя фонарями мы не только не защищаемся от неприятеля, а, напротив, наверняка привлечем на себя его атаки...

Получив от командира категорическое приказание ни в каком случае без его команды не открывать огня и сообщив это распоряжение орудийной прислуге, я, измученный тяжелым днем боя, прилег тут же на мостике на ящике с сигнальными флагами и тотчас же заснул, несмотря на несмолкаемую канонаду и пронизывающий ночной холод...

Около полуночи меня разбудили и позвали в штурманскую рубку, где командир составил совещание из старших

судовых офицеров. В это время канонада стихла, и лишь откуда-то издалека доносились слабые звуки выстрелов.

Вокруг нас не было заметно миноносцев, и ни одного огонька не было видно поблизости.

Оказалось, что, имея затопленным все носовое отделение, «Ушаков» сильно зарывался носом и на крупной зыби при полном числе оборотов не мог давать более 10 узлов.

Вследствие этого один за другим обогнавшие нас корабли, следуя за идущим впереди «Николаем», скоро нас опередили, и к полночи мы сильно отстали от эскадры, шедшей не менее 12—12 с половиною узлов, и, таким образом, в описываемые минуты мы находились в полном одиночестве...

Единогласно было решено продолжать идти тем же, назначенным адмиралом курсом (норд-ост 23°) и самым полным ходом стараться догнать ушедшую вперед эскадру...

Около 3 часов ночи, совершенно иззябнув и продрогнув на мостике, спустился я вниз и прошел в кают-компанию, причем принужден был шагать через лужи переливающейся от качки воды, которая около перевязочного пункта была красно-бурого цвета.

Никогда еще мне не приходилось видеть нашу кают-компанию при столь мрачной обстановке, как теперь.

Прикрытая сверху лампочка слабо освещала фигуры спящих на диванах офицеров и лежащих на полу в своих застывших позах покойников.

Сурово выглядывали в полумраке с полотна портрета пристальные глаза старика Ф. Ф. Ушакова, как бы осматривая всю эту послебоевую картину *...

Последний бой и гибель броненосца «Адмирал Ушаков»

Часов около шести утра, 15 мая, как раз в то время, когда «Читозе» быстро настигал нас и мы готовились к бою с ним, на шканцах «Ушакова» была совершена в высшей

---

* На стене кают-компании висел прекрасный портрет адмирала Ф. Ф. Ушакова, подаренный броненосцу одним из потомков славного адмирала.

Кают-компанейская молодежь в последнее плавание броненосца верила, что лицо на портрете меняется в зависимости от обстоятельств, и зачастую спрашивала: «Как пойдут наши дела, Федор Федорович?»

Офицер, видевший последним портрет в полуразрушенной кают-компании, утверждает, что лицо адмирала было хотя грустное, но довольное. Таким образом, дух адмирала как бы напутствовал броненосец своего имени в час его славной гибели.

степени тяжелая церемония погребения в море наших вчерашних покойников.

Сначала старший офицер предполагал предать морю их тела как следует, то есть зашив в парусину и т. п., но теперь обстоятельства принудили все это упростить и ускорить.

Убитые были вынесены и положены на шканцах — все четверо рядом, прикрытые родным, многострадальным Андреевским флагом.

Судовой наш священник о. Иона, бледный и взволнованный, дрожащим голосом прочел необходимые молитвы, посыпал трупы горстью песка, и затем матросы, одного за другим, сбросили в море своих недавних товарищей.

Грузно ударились о воду четыре тела и затем, увлекаемые привязанными к ногам тяжелыми балластинами, исчезли в пучине моря...

Кстати, скажу несколько слов о нашем милом «ушаковском» батюшке. Еще далеко не старый человек, всегда являвший собою образец и воплощение скромности, доброты и кротости, отец Иона во время боя приносил огромную пользу.

Дело в том, что, бывши в молодости фельдшером в одном из стрелковых полков, он не утратил своих медицинских познаний и во время сражений делил труды с нашим доктором и фельдшером...

Продержавшись часа три на принятом курсе, Миклуха решил, что так как не видно вокруг ни одного дымка неприятельских разведчиков, повернуть в полдень... к Корейскому берегу и затем, по мере возможности, ложиться на Владивосток.

Между 10 и 11 часами слева, издалека и очень слабо, были слышны звуки пальбы, скоро смолкнувшей...

В начале третьего часа сигнальщик с марса передал, что справа показался дым. Повернули влево, но там скоро по носу снова вырос дымок, низко расстилавшийся над водой...

Опять повернули мы в сторону, не помню уж в какую, но только с этого момента «Ушаков» стал метаться как в агонии, всюду натыкаясь на дым или отдаленный рангоут...

Около трех часов дня над горизонтом... показалось несколько дымков, и скоро в бинокль стали видны рангоуты шести идущих в кильватер больших кораблей...

Скоро у нас было замечено, что два корабля отделились от эскадры и направились к нам.

Было приказано изготовиться к бою, но так как в окончательном исходе последнего не могло быть никаких сомнений, то Миклуха, призвав на мостик минного офицера Б. К. Ждапова, велел ему изготовить ко взрыву, на случай надобности, трубы кингстонов и циркуляционной помпы.

Команде же дано было распоряжение выбросить с мостика, по возможности, все горючее: лишнее дерево, парусину, койки и т. п.— и оставить одни лишь пробковые матрацы...

Из маневрирования японцев, еще до начала боя, было ясно, что они, рассчитывая на свою, вдвое преобладающую над нами, скорость, хотят обойти нас таким образом, чтобы солнце взять себе за спину и тем лишить нас возможности хорошо целиться против ослепляющего света... Понимая наше стремление — сблизиться с ними на дистанцию нашего действительного обстрела, не желали, видимо, подставлять себя под наши 10-дюймовые бомбы... Для этого, заметив, что «Ушаков» ворочает вправо и начинает к ним приближаться, головной крейсер «Ивате» тотчас же уклонялся также вправо, а «Якумо» принимался громить нас всем своим бортом.

А как только «Ивате» становился на желаемое и выгодное для него удаление, то же самое проделывал «Якумо» и под прикрытием огня «Ивате» приходил ему в кильватер...

На этот раз в боевой рубке было уже не много народа, и я весь бой провел там, вместе с командиром и штурманом.

Не будь я 15 мая в рубке, мне, конечно, не пришлось бы писать этих строк[1], ибо уцелеть на открытом мостике не было никакой возможности: там буквально все сметалось градом осколков.

Минут около десяти японцы, несмотря на всю легкость для них стрельбы в нас, не могли пристреляться, и их снаряды, по большей части 3-дюймовые, давали часто недолеты, хотя и ложились довольно близко от борта.

Затем пошла небольшая серия перелетов, а за ними огонь неприятеля стал до такой степени прицельным и метким, что каждый залп приносил нам все новые и новые разрушения.

[1] Если верить сведениям центрального справочного бюро о военнопленных, помещенным в «Иллюстрированной летописи русско-японской войны» (Выпуск XVIII. — С.-Пб., 1905), то автор этих записок Николай Дмитриев умер в Японии.

После нескольких выстрелов гидравлическая горизонтальная наводка носовой башни прекратилась, вероятно, произошла какая-нибудь поломка в частях машинки, и без того расшатанной непрерывной стрельбой.

Стали вращать башню вручную, но это было настолько трудно при явившемся на правый борт небольшом крене, что стрельба этой башни замедлилась и стала малодейственной. Кормовая же башня работала вполне исправно до самого конца.

Что касается огня батареи, то его, временами, приходилось совершенно прекращать за полной его бесполезностью, т. к. дистанция боя все время значительно превосходила дальность поражения 120-мм пушек.

Кроме того, минут через 20 после начала боя было разбито правое, носовое, 120-мм орудие, а несколькими последовательно попавшими в батарею неприятельскими снарядами был произведен взрыв трех беседок с 120 патронами, вследствие чего начался сильный пожар.

Этими же снарядами и взрывом беседок были произведены большие разрушения на правой стороне батареи, да и левая ее сторона была вся завалена кусками и обломками от разбитой динамо-машины и развороченного камбуза.

Местами попадались залитые кровью и изуродованные до неузнаваемости трупы убитых матросов.

Через полчаса пальбы огонь обоих неприятельских крейсеров, сосредоточенный на сильно уже подбитом «Ушакове», был ужасен по своим результатам. Кроме пожара в батарее от взрыва снаряда в жилой палубе загорелась обшивка борта и рундуки с командными вещами.

К концу получасового боя нашим броненосцем были получены следующие повреждения, вдобавок ко вчерашним: 8-дюймовым снарядом была произведена большая пробоина по ватерлинии под носовой башней, несколько пробоин... по всему борту, и наконец, огромное отверстие в борту было сделано под кают-компанией снарядом, взрыв которого был ужасен по своей силе.

После перечисленных разрушений «Ушаков» быстро накренился на правый борт настолько сильно, что стрельба из башен стала недействительна вследствие уменьшения дальности, а затем и полной невозможности вращать башни против крена.

При таких условиях командир, видя бесполезность дальнейшей стрельбы и использовав всю боевую способность своего корабля, приказал потопить «Ушакова».

Были открыты кингстоны, затоплены бомбовые погреба

и подорвана труба циркуляционной помпы в машинном отделении.

Машины были застопорены, стрельба была прекращена, и людям было приказано выходить наверх и бросаться за борт, пользуясь имеемыми под руками спасательными средствами.

Все наши шлюпки были избиты снарядами и осколками, и вдобавок к матрацам и пробковым поясам могли служить лишь... большие спасательные круги, подымавшие на себе до тридцати человек...

Вплоть до самого прекращения огня простояли на площадке, у дальномеров, мичманы Сипягин и Транзе с помогавшими им сигнальщиками... среди вихря проносившихся вокруг осколков.

Едва успел я крикнуть дальномерщикам, что они больше не нужны и чтобы уходили вниз, как снаряд, разорвавшийся у основания боевой рубки, вдребезги разбил оба дальномера, снес стоявший на марсе пулемет и наповал убил последнего из спускавшихся с площадки — сигнальщика Плаксина, тело которого кровавой массой упало на мостик, около самой рубки. Когда почти вся команда была уже в воде, на мостик пришел старший офицер доложить командиру о том, что вода быстро прибывает и что «Ушаков» через самое короткое время перевернется.

Никогда не забуду я спокойствия и полного самообладания, с каким держал себя в это время А. А. Мусатов.

В кителе, с надетой поверх портупеей, с револьвером на боку, самым невозмутимым голосом отдавал он с мостика какие-то приказания плававшей за бортом команде и затем так же спокойно доложил командиру о положении судна.

В это время в рубке находились кроме командира еще наш старший штурман и я.

Простившись со всеми, снял я сапоги и тужурку, пробежал под свист осколков по мостику и, миновав несколько изуродованных трупов, благополучно спустился на ют.

Здесь у кормовой башни в последний раз увидел я своего дорогого товарища Бориса Константиновича Жданова, погибшего с кораблем, и, как мы, все его соплаватели, думаем, погибшего нарочно, по своей воле.

Как раз в это время снова раздался страшный взрыв снаряда под кормовой башней, и «Ушаков» начал крениться еще быстрее. Спустившись за борт, я с огромными усилиями отплыл от гибнувшего броненосца, точно притягивавшего меня к себе.

Минуты через три после этого совершенно избитый ко-

рабль лег совсем на правый борт, перевернулся кверху килем, а затем, кормой книзу, пошел ко дну...

И пока не скрылся под водой последний край тарана, японцы ожесточенно добивали своего маленького стойкого врага, гордо отвергшего их позорное предложение о сдаче.

Это ожесточение в последние минуты, впрочем, можно объяснить тем, что пропала надежда на привод в Японию лишнего трофея, в получении которого никто на крейсерах, как говорили потом нам офицеры, после сдачи Небогатова, не сомневался.

И неудивительно, что, видя перед собой до конца развевающийся, точно дразнящий их, Андреевский флаг, японцы старались выместить злобу на виновниках своей неудачи, осыпая беспомощно плавающих в воде людей жестокой шрапнелью, для чего крейсера, видя гибель «Ушакова», приблизились кабельтовых до 40. И много, много страшных сцен разыгралось на воде за эти последние минуты.

Ежесекундно то в одном, то в другом месте разрывались снаряды, и места их разрыва окрашивались кровью.

Один же из снарядов попал в центр большого пробкового круга, на котором держалось около двадцати человек. К счастью своему, я не был свидетелем этого ужасного попадания, но видевшие его говорят, что взрыв этот был совершенно красного цвета и сопровождался целым фонтаном рук, ног, голов и других частей двух десятков изорванных человеческих тел.

Да и кроме этого случая много людей было перебито по отдельности. Некоторые были высоко подброшены взрывами снарядов, но уцелели.

На себе я испытал крайне неприятное и резкое ощущение от близкого разрыва снарядов, передающееся в воде и с силой ударяющее по животу и ногам.

В момент погружения «Ушакова» внутри броненосца произошел еще взрыв, не знаю чего именно и не отличавшийся большой силой.

В этот день хотя и не было свежего ветра, но зыбь в море развело очень крупную, и очутившиеся в воде триста человек то большими группами вскидывались на вершину одной огромной волны, то разбрасывались ею же в разные стороны.

И многие, расставшись так случайно, более уже не встречались.

Крейсера неприятеля, бывшие от нас на расстоянии 4—5 миль, с воды были еле приметны на горизонте.

Казалось, что они или удаляются, бросив нас на произвол судьбы, или стоят на месте, но что спасать утопающих они не намерены.

И действительно, не менее как через час стали они к нам приближаться, затем снова остановились на полпути, как бы в раздумье, и уже потом подошли близко, спустили по две шлюпки и стали вытаскивать из воды плавающих, измученных людей.

А за это время немало народу выбилось из сил, окоченело и погибло. Некоторые же, дойдя до полного изнеможения и видя, что крейсера не подходят, впадали в отчаяние и, отвязывая и бросая свои пояса, тонули, чтобы не мучиться долго и напрасно. Вода, сначала казавшаяся довольно теплой, с течением времени становилась холоднее, и этот холод погубил тех, у кого сердце не было вполне исправно и здорово.

Долгое время держался я на одном бревне с нашим старшим боцманом Тройницыным.

Левым локтем он опирался на бревно и держал перед собой крепко зажатый в застывших пальцах образок, а правой усиленно греб и лишь от времени до времени осенял себя крестным знамением.

Большого роста, сильный мужчина, Тройницын под конец так окоченел, что одно время хотел уже бросить свой пояс и тонуть.

Мне пришлось его уговаривать, поддерживая бодрость надеждой на скорую помощь.

Находясь недалеко уже от наветренного борта крейсера «Ивате», я был разлучен с боцманом набежавшей большой волной, которая как щепки разбросала нас в разные стороны, и оказалось, что Тройницына она удачно поднесла к шлюпке, на которую его и приняли японцы. Мне же еще пришлось пережить очень и очень скверные минуты, заставившие и меня тоже подумать об оставлении пояса и о скорейшем потоплении себя, и лишь то обстоятельство, что тесьма пояса была затянута на спине узлом, которого я не мог распутать, не дало мне исполнить своего намерения.

Крейсер, от которого я был, казалось, так близко, что ясно различал лица людей на палубе, относило лагом по волне гораздо скорее, чем подвигался вперед я сам.

Одна за другой ушли две шлюпки, не обращая на меня никакого внимания, да может быть и не замечая меня среди плавающих брошенных коек, анкерков и разных обломков.

А между тем солнце село, начало темнеть, а силы с каждой минутой все убывали и убывали...

Но вот от правого борта крейсера отвалила еще одна шлюпка, я направился к ней, и как раз в эту минуту страшная судорога свела мне правую ногу, а шлюпка, не видя меня, занялась подбиранием бывших на ее пути людей.

Растирая левой ногой сведенную правую, работая руками из последних сил и видя, что все же ни на йоту не приблизился к японскому барказу, я пришел в полное отчаяние... И вдруг в этот ужасный миг я услышал голос, кричавший мне со шлюпки:

— Держитесь, ваше благородие, сейчас подойдем к вам.

Оказалось, что это меня заметил в воде мой старый сплаватель, еще по Черному морю, матрос Петрухин, который в это время что-то усиленно объяснял рулевому японцу, жестикулируя и указывая на меня.

И действительно, шлюпка, бывшая от меня всего лишь в нескольких саженях, которых я не в силах был преодолеть, тотчас же подошла, и стоявший на баке матрос подал мне крюк.

Я ухватился за него, но подняться не мог, так как силы сразу совершенно оставили меня, голова закружилась, и меня затем уже, в почти бессознательном состоянии, вытащили за руки на шлюпку Петрухин и боцман Митрюков...

...Хочу еще упомянуть о судьбе своих погибших сослуживцев, как пришлось слышать рассказы очевидцев их последних минут.

По их словам, командир наш В. Н. Миклуха бросился в воду с мостика в последний момент, когда «Ушаков» уже опрокидывался.

Затем его видели в воде со спасательным поясом, но лежащим на спине и вероятно уже мертвым, так как плавать на спине тогда не было никакой возможности — огромная зыбь заливала с головой и заставляла захлебываться.

Кто-то из наших матросов видел потом Владимира Николаевича около японской шлюпки, на которую якобы японцы его не взяли за неимением места.

По словам же японских газет, отдавших должное доблестному поступку командира «Ушакова», не сдавшего своего корабля сильнейшему врагу, Миклуха сам отказался от помощи и указал на гибнувшего рядом матроса.

Как бы то ни было, но покойный Миклуха так и кончил свою жизнь, как резко отличался от прочих командиров третьей эскадры.

Не спасся и старший офицер, наш симпатичный Александр Александрович Мусатов. Простившись с ним в боевой рубке, я уже не встречал его более, и лишь из рассказа быв-

шего поблизости от него матроса Макарова узнали мы об его последних минутах.

Макаров говорил, что А. А. из рубки прошел к барказу, который хотя и был разбит, но все же мог оказать поддержку в воде, но когда «Ушаков» лег совсем на бок, барказ повалился и придавил собою Мусатова.

Затем, по словам того же матроса, несчастный А. А. тщетно старался вытащить из кобуры револьвер, чтобы покончить с собою, но в этот момент броненосец перевернулся. Макаров очутился в воде, и когда потом всплыл, то старшего офицера уже более не видел, как не видел его и никто из команды.

...Неизвестно, как погиб наш общий любимец, минный офицер, лейтенант Борис Константинович Жданов.

Это был прекраснейший офицер и человек с высшей степени прямыми, честными и твердыми взглядами и принципами.

— Я в плену не буду, — не раз говорил он на походе, и наше общее убеждение, что гордый Борис Константинович исполнил свое намерение и не захотел пережить своего корабля, а погиб вместе с ним.

Про него говорят разно. Один матрос видел, что Жданов хотел броситься за борт с анкерком в руках; другой же утверждает, что перед самым потоплением корабля он сошел по трапу вниз.

Кроме перечисленных офицеров погибли еще: наш младший механик Трубицын, прапорщик Зорич и комиссар Михеев. А из числа кондукторов не вынесли холода и умерли на воде Марулович, Звягин и Федоров. Потери среди матросов достигли 83 человек, так что всего с «Ушаковым» унесено 93 человеческих жизни...

Чтобы не быть в своем рассказе односторонним, я привожу здесь выдержку из японских газет, которая, вкратце, описывает наш бой таким образом: «Около 10 часов утра эскадра Небогатова сдалась, ушел один лишь «Изумруд». «Ивате» бросился его преследовать, но адмирал Того сделал ему сигнал остановиться, вероятно, потому, что, считая скорость «Изумруда» в 22 с половиною узла, находил преследование крейсером в 20 узлов бесполезным.

С 10 часов утра и до 3 час. дня японцы занимались необходимыми подробностями приема кораблей Небогатова, после чего они отправились на юг.

Того имел при себе две главных эскадры: четыре броненосца с «Нисином» и «Касугой» и шесть броненосных крейсеров адмирала Камимуры.

Вскоре японские корабли заметили дым парохода, в котором они признали русский броненосец береговой обороны «Адмирал Ушаков».

Последний, заметив их дым, направился сначала к японцам, приняв их, вероятно, за эскадру Небогатова, но, увидев свою ошибку, повернул и стал уходить полным ходом.

На расстоянии десяти тысяч метров японцы сделали ему сигнал «сдаться» и прибавили, что Небогатов уже сдался.

«Ушаков» поднял до половины ответ, но спустил его раньше, чем японцы могли разобрать что-либо, и открыл огонь.

Тогда японские крейсера стали отвечать и через 30 минут потопили русский корабль.

После этого крейсера поспешили на место гибели «Ушакова», причем «Ивате» подобрал 182 человека, из которых двое (механик Яковлев и матрос Клыков) немедленно умерли. «Якумо» же спас около 146 человек. Весь экипаж «Ушакова» состоял из 422 человек, из которых около ста погибло...

«Ушаков» имел 4 10-дюйм. пушки и был расстреливаем восемью 8-дюйм. орудиями.

Один из снарядов «Ушакова» ударил в «Ивате» и на несколько минут охватил его огнем».

Эта выдержка была напечатана на французском языке в одной из газет и рисует дело почти совершенно так, как оно описано у меня.

Л. Ф. Добротворский[1]

УРОКИ МОРСКОЙ ВОЙНЫ

> Надо помнить, что многие могущественные прибрежные государства, как Корея, Китай, Персия, Египет, Испания, Голландия, Франция, Швеция, Турция, сведены на нет главным образом от пренебрежения к морской силе.
> Теперь настала очередь за нами.

Как известно, в наших морских и сухопутных сражениях с японцами нам часто по необходимости приходилось

[1] Капитан 1 ранга Леонид Федорович Добротворский в Цусимском сражении командовал крейсером «Олег». Впоследствии, обладая большим практическим опытом, глубокими знаниями морского дела, а также талантом публициста, вел непримиримую борьбу на страницах морской газеты «Котлин» с теми, кто бездумно, некомпетентно и злобно пытался опорочить проливавших кровь и честно выполнявших свой долг. «Уроки»-воспоминания Л. Ф. Добротворского вышли отдельной книжкой в Кронштадте в 1907 г. Здесь используются выдержки из нее.

вести артиллерийский бой на таких громадных расстояниях, для которых у нас не были приспособлены снаряды, и потому мы не имели никакой физической возможности видеть, что они делают: попадают или не попадают, долетают или перелетают, берут ли правее или левее неприятеля, а следовательно, нам не по чему было исправлять наводку своих орудий. В этих случаях мы стреляли как слепые, наугад, и потому очень подходили к тем условиям, когда упражняющемуся в стрельбе из ружья никогда не показывают махальные [1] ни направления его пуль, ни номера, куда они попадают, ни самого щита. Что он будет знать о своей стрельбе? Ровно ничего, хотя бы палил всю жизнь!..

На море, при упражнениях в стрельбе по плавучим щитам, падения снарядов определяются всплесками воды, за которыми следят в бинокли и подзорные трубы, но, конечно, до известного предела — примерно до 5—6 верст, далее это уже делается почти невозможным, и в особенности при наличии пенистых волн или при стрельбе против солнца.

Темною же ночью, без освещения предметов обстреливания прожекторами, стрельба возможна только на самых близких дистанциях, а при освещениях не далее 2 1/2 верст, т. е. того расстояния, до которого достают лучи очень сильных электрических фонарей.

Отсюда видно, что, несмотря на громадную дальность полета снарядов из крупных пушек (15—17 верст), мы принуждены были узаконить стрельбу не далее 5—6 верст, почему и имели для нее соответствующие таблицы стрельбы и дальномеры, без которых тоже не может быть никакой стрельбы далее 2 верст, потому что после того, вследствие потери скорости снаряда, каждому расстоянию до щита или до неприятеля соответствуют в зависимости от качества пороха строго определенные углы возвышения орудий...

Для нас, мало думающих, плохо работающих в своем деле и с полным недоверием относящихся к новым изобретениям, всегда приятнее предполагать, что наше дело закончено, что мы пользуемся последними плодами его, но не так рассуждают другие...

Когда нашим светилам говорили, что японцы стреляют с 12 верст, то они, смеясь, отвечали: «Пусть себе валяют хоть с 15 верст, мешать им не будем; пусть себе глупят, это только нам на руку: снаряды-то без толку расстреляют, а тут мы их и доймем».

---

[1] Наблюдатели, корректирующие огонь движениями рук, флажками и т. п.

По наивности мы думали, что они только постреляют и попугают нас некоторое время с 12 верст, а в конце концов подойдут же для настоящего решения боя на узаконенное наукой расстояние и тут жестоко поплатятся от наших многочисленных крупных пушек и жестоких бронебойных снарядов с магнитными наконечниками и затяжными трубками, специально выдуманными для разворачивания всякой брони.

Мы не догадывались, в чем суть дела, однако на всякий случай, для улучшения стрельбы, на эскадрах Рожественского и Небогатова завели новые дальномеры Барра и Струда, оптические прицелы Перепелкина и укрепили подъемные механизмы у пушек, а то они... не выдерживали слишком больших углов возвышения орудий. (Раньше мы на такие дистанции никогда не стреляли.)

Между тем чего же проще: снаряд несется с невероятной быстротой 15 и более верст, а пользуются им для нанесения вреда неприятелю всего до 5 верст. Зачем же прощать этот промежуток в 10 верст? Японцы и не простили!..

Долго они работали над своей выдумкой (не менее восьми лет) и наконец придумали такой снаряд-мину, такую дальнобойную чувствительную гранату, которая, во-первых, благодаря большому количеству сильно взрывчатого вещества (шимозе) одинаково страшна на всех своих расстояниях от нуля до предела, и, во-вторых, она изображет из себя махальных в тире, потому что при взрыве дает массу густого дыма разного цвета, почему удобна для пристрелки на любых расстояниях из разного сорта орудий или разного сорта судов: броненосцев, бронированных крейсеров, легких крейсеров и т. п.

К этому снаряду-мине изобретена была г[осподино]-м Идзуином такая чувствительная трубка-воспламенитель, которая в пушке, несмотря на страшный толчок снаряда, не взрывала, а далее при малейшем прикосновении о любой жидкий, мягкий или твердый предмет взрывала...

Сделав это, они подумали и о баллистике, и о статистике, и о тактике, потому что неверный полет снарядов и их сильное рассеяние на дальних дистанциях они парировали способом стрельбы «по площадям» с заранее ставленными на определенные расстояния углами возвышений орудий; плохую меткость людей в сражениях они поправили страшно быстрым заряжанием орудий, для чего упражняли людей на особых, обрубленных пушках; малочисленность броненосцев и слабость бронированных крейсеров для эскад-

ренного боя они прикрыли громадным ходом, для чего заранее обзавелись патентованными приборами...

Почему же эти, так называемые глупые дикари могли заблаговременно озаботиться о науке и даже сверхнауке, а мы, просвещенные моряки, остановились на полнауке?

Почему ни Техническому комитету, ни начальникам артиллерийских отрядов, ни многочисленным начальникам Тихоокеанской, Черноморской и Балтийской эскадр не пришло в голову усовершенствовать стрельбу настолько, чтобы пользоваться для поражения неприятеля всею дальностью полета снарядов?

Ведь вслед за этим само собой явились бы: и большие углы возвышений орудий, и другие таблицы стрельбы, и лучшие дальномеры, и оптические прицелы, и чувствительные дальнобойные гранаты.

Если мы теперь нарвались на безнаказанное истребление нас с таких громадных расстояний, с которых мы в самые сильные бинокли видели только трубы и мачты противника; если мы нарвались на такой быстрый ход его эскадры, который нам и во сне не снился, то кто поручится при существующей у нас безответственности береговых властей и флотоводцев, при безграничной, слепой их воле, что мы не натолкнемся в будущем на еще большие сюрпризы: на такие гранаты, на такие ядра, которые нас будут сжигать, пепелить или мгновенно отравлять, на такие пушки, которые будут действовать как пулеметы, на такие мины, которыми можно будет бить за несколько миль?!.

Теперь же вывод первый: кто бы нами ни командовал — Рожественский, Дубасов, Скрыдлов, Бирилев, Чухнин, Макаров, Нахимов, Тететгоф, Фарагут, Нельсон, Джервис — и кто бы на наших судах ни плавал, погром наш... неизбежен. Может быть, он мог бы обойтись при некоторых адмиралах несколько дороже для японцев, но избежать его... было абсолютно невозможно. Пусть те, кто почему-либо не принял участия в войне, не задается и не воображает, что он был бы счастливее нас. Никогда!

Вывод второй: тактических и других ошибок было сделано много... но не они привели нас к поражениям.

Вывод третий: японцы, обеспечив себя громадным ходом, дальнобойными гранатами и подводными лодками, с нетерпением ждали появления нашей морской силы, чтобы без остатка разделаться с ней...

Какой такой фатум висит над нашими головами, что японцы и другие нации могут приходить к верным решениям, мы же никак не можем!.. Ведь всякое дело мы умеем

как-то так запутать, так удалить от здравого смысла, что просто страшно становится за судьбу России и всех нас. Взять хотя бы понятия о флоте.

Его с развязностью считаем каким-то подспорьем армии, на манер понтонов или обозов, и с легким сердцем делим на какой-то оборонительный и наступательный, когда он по природе своей без наступления — ноль, хуже чем форт, который все-таки, хотя бы и разрушенный, не утонет.

В понятие военного корабля включаем всякую железную посудину, лишь бы на ней стояли пушки и минные аппараты. Всю оценку личного состава определяем его удалью и отвагою, нисколько не смущаясь прикрывать ими... не только свое невежество по всем техническим, морским вопросам, но даже чуть ли не с полною радостью готовы заменить этой удалью: пушки, снаряды, башни, броню и машины современных кораблей. Всю военно-морскую дисциплину решаем черпать из внешних форм чинопочитания, из молодцеватого вида людей, из фронта и ружейных приемов, а не из твердых знаний боевых сил корабля. Без малейшего смущения выпускаем в офицеры недоученных кадетов и без всякой церемонии наполняем корпус случайным подбором мальчишек даже без намека на конкуренцию.

Находятся и удивительные морские компиляторы, вроде Кладо [1], которые с комическим апломбом, ради личных целей запугивают начальство целым арсеналом ржавленных и проржавленных выводов из Саламинских [2] и других допотопных сражений, которые без всякой церемонии долбят публику выписками из сочинений Лера и других, столь же идущих к морскому делу, как рыба земле, как огню вода.

Никакие академии не сделают Нельсонов, Фарагутов, Тететгофов, Тогов, — кстати, они в них и не были, — но не помешают быть Вильсонам, Персано, Серверам, Рожественским, Небогатовым, Куропаткиным, Орловым, так как всякий элемент военного искусства должен входить в соответствующей пропорции... Ведь смешно предполагать, что способные полководцы и флотоводцы полетят к нам только потому, что мы создали несколько академий и заставляем подзубрить в них в несколько большем объеме те или дру-

---

[1] Главный оппонент Добротворского наряду с другими «критиками» действий русского флота в войне с Японией, такими, как капитан 1 ранга Парфенов, или писавшими под псевдонимами «Варяг» и «Зет».

[2] Морское сражение между греческим и персидским флотами в 480 г. до н. э., завершившееся разгромом последнего.

гие военные науки, без которых, собственно говоря, ни один офицер не должен быть выпущенным в офицеры...

Ученость и бойкий пересказ заученного предмета не есть еще признак военных способностей, как это видно по Рожественскому и Небогатову или по Куропаткину и Сахарову.

Уж их ли можно было упрекнуть в недостатке знаний, а между тем, боже, в какой тьме они бродили, сколько хлестаковщины и самой отчаянной недогадливости проявили эти высокообразованные оппортунисты!

Промелькнула ли в их сознании хотя тень той действительности, что нас ожидала? Оценили ли они хотя чуточку характер войны и предстоящие фатальные положения? Сумели ли они изобрести хотя один свой собственный прием для борьбы с опасным, ловким врагом? Ведь одной решимости и роковой развязности слишком мало для успешной борьбы с неприятелем.

Об шумливых статьях г[осподина] Кладо я писать не буду: их бездарность и невежество достаточно ясно обнаружены г[осподином] Семеновым [1] и мною. О генералах пишут другие.

Буду говорить о нас. Коснусь самого главного.

Несомненно, цель снаряжения и посылки 2-й эскадры Рожественского заключалась в оказании помощи Порт-Артурской эскадре. Но как это должно было сделаться, об том никаких разговоров и совещаний с командирами судов не происходило.

Когда отряд контр-адмирала Вареницуса застало известие о войне с Японией в Джибути, то его решено было вернуть в Россию, хотя правильнее было бы немедленно подкрепить его всякими высланными тогда из России судами, и вот перед тем свиты его величества контр-адмирал Рожественский предложил свои услуги вести этот слабый отряд против всех сил Японского флота, и, конечно, не с целью верной его гибели, а с намерением подкрепить им П.-Артурский флот. Это значит, что Рожественский имел уже тогда выработанный план — как это сделать? — и следовательно, если он годился для одного броненосца «Ослябя», двух крейсеров «Дмитрий Донской» и «Аврора» и семи миноносцев, то он еще больше годился для своего сильного, состоящего из 7 броненосцев, 1 броненосного крейсера («Адмирал Нахимов»), 4 легких крейсеров и 9 миноносцев.

---

[1] Уже известный читателю В. И. Семенов, автор «Расплаты».

Когда П.-Артурский флот погиб и сама крепость пала, то цель похода 2-й эскадры, вместе с походом отряда Небогатова, должна была, конечно, измениться, так как подкреплять было некого и достижение Порт-Артура делалось излишним. Однако как-то мимоходом адмирал Рожественский задал на Мадагаскаре такой вопрос: «Не опереться ли нам на Чифу?», на что ему ответили: «Не позволят другие державы, да и бесполезно...» Отсюда видно, что ни у всего Морского министерства, ни у самого Рожественского никаких, даже приблизительных, планов не было...

Следовательно, что же могла сделать наша жалкая 2-я эскадра?..

Разве в нашей власти было избежать боя? Конечно, нет! Потому что японцы, поместив себя как в центре у Цусимы и имея сторожевые суда в океане и проливах, всегда успели бы встретить нас если не у проливов, то где-нибудь в Японском море, где-нибудь перед самым Владивостоком.

А разве в нашей власти было при этом избежать предназначенного нам поражения?

Конечно, нет! Потому что мы были обречены к тому: несовершенством стрельбы, снарядов, трубок, таблиц стрельбы, башен, станков, мин, несовершенством судов, эволюций, хода.

Без отлично оборудованных частых баз современный флот действовать не может, потому что без них нельзя сохранить в порядке суда и механизмы, а без этого не будет быстрого хода, а следовательно и победы.

Это неоспоримая истина, и нет названия той опрометчивости и легкомыслию, с которыми мы ринулись доказывать всему свету обратное. Мало того: мы имели одну настоящую базу на всем нашем восточном побережье — это Владивосток, да и ту умудрились не использовать. Так могли поступить только люди, ни о чем не думающие или совсем не способные к этому процессу!

Часть этих соображений я имел смелость высказывать многим высокопоставленным лицам и самому командующему эскадрой, и даже в таких выражениях: «Нечестно вводить в заблуждение государя и русское общество, что из посылки нашей эскадры что-нибудь другое выйдет кроме разгрома и позора». Кроме того, многие из упомянутых мотивов были приведены в моей объяснительной записке к «Плану кампании против японцев», составленной за год до войны и напечатанной в «Отчетах занятий слушателей Николаевской Морской академии», и в особой записке, разработанной в форме «Вопросов и ответов», переданной в Глав-

ный морской штаб через командира порта императора Александра III контр-адмирала Ирецкого в июне месяце 1903 года для посылки наместнику и преподнесенной, кроме того, для заключений председателю наших занятий на курсах в Академии.

Большинство командиров тоже понимало всю безнадежность посылки 2-й эскадры, особенно после падения Порт-Артура, но мы все-таки, к удивлению всех иностранцев, шли и шли, не имея не только представления о каких-либо планах нашего начальника, но даже самых общих директив для сражения и обязательно ожидаемого поражения.

Не было условлено: ни рандеву на случай затяжки боя до ночи, ни хода, ни эволюций, ни поворотов, ни как встречать неприятеля, как вести бой, как уменьшить число пожаров, как бороться с пробоинами и кренами, как принимать минные атаки, кому и как распоряжаться в случае потери средств сигнализации, так как вся история морских войн ясно указывала, что роль адмиралов в бою сводится на роль простых зрителей или тех же командиров, а управляться тем же рулем и тою же машиною двум командирам никак невозможно...

Отсюда выводы такие.

Адмиралы, решившиеся утверждать, что можно воевать с отдаленным противником без оборудованных баз и без собственных угольных станций, суть не адмиралы.

Адмиралы, решившиеся быстроходные суда обратить в тихоходные и скорострельные, дальнобойные пушки в тихострельные и короткобойные, суть тоже не адмиралы.

Адмиралы, решившиеся вступить в бой с неприятелем без подготовки своей эскадры к разумным, требующим сражением, маневрированиям и частейшей стрельбе из пушек на самых больших дистанциях и на самом быстром ходу, — не адмиралы, а жалкие школьники!

Разгромили нас японцы, несомненно, своими новыми, дальнобойными, чувствительными гранатами и большим преимуществом хода, позволявшим им занимать в отношении нас выгодные позиции и драться на неслыханных до сих пор дистанциях. Но почему так быстро тонули, перевертываясь, наши лучшие броненосцы?..

Говорят, они были слишком перегружены углем, сложенным наверху и, кроме того, от тушения пожаров вода с палуб не успевала стекать, почему все это делало их неустойчивыми.

Это не совсем так, потому что уголь к сражению уже подобрался, вместо веса воды при тушении пожаров убы-

вал вес шлюпок и других деревянных предметов, пожираемых огнем, а от перегрузки — поясная броня, уйдя глубже в воду, спасала борта ниже броневого шельфа от пробоин, так как японские снаряды, будучи сходны с минами, обладали очень большим радиусом разрушения.

Хорошо, возражают на это, но ведь борта броненосцев были порядочно продырявлены снарядами, почему волна, попадая в палубу, прибавляла очень много вредного для остойчивости веса, снаряды же внизу расходовались, ну вот и еще причина перевертывания судов.

Но, однако, вода, вследствие волны, вступала и снова отступала из палубы, и, наконец, почему же от тех же причин не перевернулись «Суворов», «Орел», «Олег», «Светлана» и другие?

А уж их ли не обсыпали градом снарядов, и особенно «Суворова» и «Орла»! Двести лет можно прожить и не забыть той грандиозной картины, как эти броненосцы плыли точно под извержениями вулканов.

Почему же, повторяю, «Орел» и «Суворов», будучи израненными никак не менее «Александра III» и «Осляби», не перевернулись, а эти перевернулись?

Безусловно, можно быть уверенным, что причиной перевертывания и потопления наших судов было не разрушение борта снарядами и потому медленное наполнение внутренности корабля водою, а исключительно мгновенный приток ее через огромные подводные пробоины в такой страшной массе, что она не успевала растечься по кораблю и тем опрокидывала их. Разве «Цесаревич» и «Ретвизан» в первую ночную атаку 26 января, получив всего по одной мине, не были близки к тому же?

Конечно, такие пробоины могли делать только мины, но так как днем миноносцев в Цусимском сражении не было, с японской же эскадры мины за дальностью расстояний дойти не могли, плавучих или мин заграждения поставить было нельзя, потому что, за невозможностью по чему-либо определиться, японцы сами бы могли нарваться на них, — то откуда же эти мины могли взяться?

А что они были, служит еще доказательством встречи некоторых наших судов с теми из них, которые, не попав в цель, выплыли на поверхность воды. Откуда же, спрашивается, они явились — не с неба же?

Несомненно, они явились с подводных лодок, и они-то и делали те громадные пробоины, от которых наши суда перевертывались, потому что подводные лодки стреляют сразу двумя минами.

Другим доказательством верности этого предположения может служить еще то, что броненосец «Ослябя» перед потоплением так вздрогнул, что многие люди попадали с ног, а это от артиллерийских снарядов не бывает. Кроме того, после потопления, не прямо, а вверх килем, у него из погреба выплыло много мин заграждения, а на них спасались люди, что тоже не могло произойти иначе как через большую пробоину...

Далее говорят, что в такую погоду да еще по двигающимся стреляющим судам подводные лодки не могли действовать, потом — что японцы не успели их приобрести и, наконец, лучше всего то, приобрели, да не нашли время выучиться.

Конечно, все это чистейший вздор! Погода была как нельзя более для них подходящая, позволявшая им плыть и стрелять, не пользуясь даже перископами: ход нашей эскадры был слишком мал, и притом мы так иногда скучивались, что можно было попадать минами чуть не без промаха. Наши и японские снаряды, конечно, подвергали их риску, но ведь без этого на войне и невозможно, почему и есть слухи, что из 12 лодок у них выбыло три штуки, хотя японцы против того принимали некоторые меры...

Относительно приобретения или неприобретения подводных лодок японцами, а тем более выучки обращения с ними, даже не стоит говорить, — настолько это смешно. Уж если мы при всей нашей близорукости и халатности успели построить их сами, выучиться и даже привести две-три штуки из Америки и Германии, то как же японцы, начиная такую опасную для себя войну, сумевшие во всем остальном быть предусмотрительными до изумительнейших подробностей, вдруг бы прозевали с такой капитальнейшей вещью. Дико даже слушать, а не только говорить!

Теперь если к упомянутым доказательствам прибавить: решение адмирала Того встретить нас у о[стро]-ва Катцусима и рассуждения некоторых корреспондентов из Токио и Америки в разных шанхайских, гонконгских и манильских газетах, что в Цусимском сражении первый раз с успехом подвизались подводные лодки, что появился новый, могущественный фактор войны, с которым надо серьезно считаться в будущих морских столкновениях, то мне кажется, — вопрос об утоплении некоторых наших судов подводными лодками совершенно исчерпан и вполне доказан... Я крепко убежден, что если бы мы столкнулись с японцами в открытом море (чего они больше всего опасались) или в таком месте, где не было бы их подводных лодок, то мы

бы хотя сильно искалеченными, израненными и расстроенными, но все-таки доплелись бы до Владивостока.

К сожалению, нам никакого другого исхода не было, как только идти Цусимским проливом, но и тут мы, пожалуй, благополучно его миновали, если бы, воспользовавшись туманом или ночным временем, прошли бы наибольшим ходом. К несчастью, мы очень боялись миноносцев и нисколько — подводных лодок. Мысль об их могуществе по случаю их невидимости, несмотря на верные известия, приходящие к нам после разных опытов с ними в Америке и Франции, нисколько не воплотилась в наше самосознание. В глазах начальства подводные лодки были нуль, ничто, «жалкие забавы каких-то глупых фантазеров».

Дряхлые умы не верят новшествам, с громадным трудом усваивают их, с не меньшим сживаются с ними: им подавай все старое, испытанное, тертое-перетертое их собственными боками и чувствами...

Под Цусимой произошла подавляющая мозг картина перевертывания колоссов-броненосцев под аккомпанемент не менее поражающих глаза и слух человека эффектов от бесчисленного количества взрывов японских гранат в сопровождении огня, искр, клубов дыма, громадных фонтанов воды, почему в сопоставлении с невидимыми действиями подводных лодок все приписалось треску и грому артиллерии, а не деликатной скромности мин...

Где же это губительное действие артиллерийского огня и поразительная меткость японцев, когда орудий у них было чуть не вдвое больше, когда упорный гул, треск, рев их снарядов продолжался 5—6 часов; а мы очень часто, без всяких строев, топтались как стадо быков? Выходит — не так страшен черт, как его малюют, да оно и понятно: с таких громадных расстояний фугасными снарядами можно потопить сколько угодно «Уралов», «Камчаток», «Иртышей», но никак уж не броненосцев. Вот мины с подводных лодок — это совсем другое дело!..

Страшный грех берут на себя те, кто предполагает в деле постройки флота идти по старой дороге, особенно если они сами не будут сражаться и тонуть на полюбившихся им душегубах.

Ведь, собственно говоря, вышло так, что мы проделали длиннейший путь только для того, чтобы убедиться своими глазами, как гибнут суда от взрывов мин, так как до очевидности было понятно, что если бы мы даже и разбили японцев в том же роде, как они нас, то все равно при блокировании их портов для овладения путями сообщений они

бы нас постепенно утопили своими миноносцами и подводными лодками...

За день 14 мая 1905 года у нас погибло четыре броненосца, за ночь три и один крейсер. Если бы броненосец «Николай I» со своим отрядом не был так далеко от «Бородино» и «Орла» и весь флот не отвернулся бы от атакующих миноносцев при наступлении темноты к югу, то, несомненно, число жертв прибавилось бы еще...

Итак, днем 14 мая разбили нас японцы не только своими дальнобойными гранатами и превосходством хода, но также подводными лодками, а ночью закончили поражение миноносцами и всякою вообще посудиною, способною ходить и стрелять минами на волне...

Присоединение ко 2-й эскадре контр-адмирала Небогатова едва ли ее усилило, потому что ход его судов был ниже, поясная броня его 4 броненосцев находилась под водою, почему их нельзя было считать за броненосцев, а прибавка артиллерии хотя была очень существенна, но она без хода не могла сыграть надлежащей роли, что и оказалось в сражении 14 мая...

...Что адмирал[1] ждал боя, это видно по сигналам 13 мая днем: «Приготовиться к бою», «Завтра с рассветом иметь пары для полного хода, а крейсерам «Дмитрий Донской» и «Владимир Мономах» быть в тылу транспортов», «Во время боя иметь лучших телеграфистов и рассыльных у аппаратов».

Что адмирал желал боя именно 14 мая, видно из того, что 12-го и 13-го был туман и эскадра могла бы ускользнуть Цусимским проливом вечером 13 мая, однако Рожественский предпочел поступить по-древнеславянски: «Иду на Вы». Вот только непостижимо — зачем он ослабил свою эскадру отделением 2 вспомогательных крейсеров и взятием с собою яхты «Алмаз», 2 буксирных пароходов и 4 транспортов (двух с углем, одного со снарядами и одного с мастерской)?

Теперь надо задать вопрос: почему бы адмиралу Рожественскому и не искать было боя? Он, как ученый артиллерист, поразивший самого германского императора и его свиту искусным маневрированием и стрельбою на Ревельском смотру, был уверен в превосходстве своей эскадры над японцами даже помимо отряда Небогатова, что он не раз и высказывал. Ту же уверенность поддерживали и другие

[1] З. П. Рожественский.

адмиралы, особенно А. А. Бирелев, напечатавший по сему поводу даже специальное письмо в «Новом времени».

На чем же была построена эта уверенность?

На глумлениях и недоверии к боевым коэффициентам судов, на богатырском духе экипажей и на численном превосходстве наших броненосцев и крупных орудий против японцев...

Может быть, предположения адмиралов и сбылись бы, если бы, на грех, японцы не обзавелись особыми снарядами, дальноходными минами и подводными лодками...

Утром в день сражения от командующего эскадрой с броненосца «Князь Суворов» был такой сигнал: «Когда неприятель покажется в тылу, то броненосцам построить фронт направо и налево, а крейсерам и транспортам выходить вперед».

Почему не делать того же самого, если неприятель покажется и не в тылу, — неизвестно... После полдня в день сражения были еще следующие сигналы (все флагами, а не телеграфом): «Светлане» оберегать транспорты»... «Крейсерам и транспортам держаться правее», «Миноносцам «Блестящий» и «Безупречный» быть при крейсере «Олег»... С крейсерами «Жемчуг», «Изумруд» и с миноносцами поступили... очень странно: их прикомандировали к разным кораблям, вместо того чтобы составить отдельно отряды специально для борьбы с японскими миноносцами и для ночных атак. Если бы так было приказано, то они могли бы днем держаться в стороне от сражения и тем избежать бесцельных повреждений, а ночью или, вернее, с наступлением темноты, удариться: или против неприятельских миноносцев, расстроив их планы, или пойти в атаку на большие суда.

Формированию таких отрядов... вероятно, помешало то обстоятельство, что большинство командиров миноносцев были гораздо старше и опытнее командиров «Жемчуга» и «Изумруда», так как они уже сделали очень тяжелое плавание до Джибути и обратно в отряде контр-адмирала Вириниуса...

Со старшинством вообще нельзя не считаться на военной службе, потому что усердное, добросовестное отношение к ней влечет за собою чины, а те в свою очередь дают власть и предполагаемую способность распоряжаться более сложными и ответственными обязанностями... Как мичманов или лейтенантов не делают сразу адмиралами, так не следует ни начальников отрядов, ни флаг-капитанов назначать из офицеров моложе командиров, составляющих

эскадру. Люди всегда останутся людьми, со всеми их слабостями. Авторитет власти никем не оспаривается и всеми охотно признается, если он покоится на обычном старшинстве или на всем ясных, высказанных самим делом, отличиях и дарованиях. Все остальное считается экспроприацией добытых законным трудом положений или, попросту говоря, насилием и произволом, почему, с одной стороны, вызывает зависть, насмешки, глухой ропот, вражду, а с другой — недоверие к себе, подозрение к окружающим и страх за прочность неправильно полученного возвышения. Вот ценз-то тем и был хорош, что он ограничивал присущее всякому начальству кумовство.

У нас на эскадре уже были нелады между командирами и флаг-капитаном Клапье-де-Колонгом, за его никому не понятное возвышение из самых младших капитанов 1 ранга, и между адмиралом — за его высокомерие, грубость, резкость, заискивание перед гвардейским броненосцем «Александр III» и яхтой великого князя «Светлана», но эта вражда еще более увеличилась, когда ни с того ни с сего другой младший командир, капитан 1 ранга Шеин, был сделан начальником разведочного, никогда не разведовавшего, отряда. Это еще потому было очень дико, что маленький крейсерок «Светлана» совершенно ни по каким статьям не подходил к громадным почтовым, пассажирским пароходам «Урал», «Терек», «Кубань», «Рион» и «Днепр», которые составляли этот отряд...

Адмирал хотя этого и не понимал, но зато чувствовал устроенную им несправедливость в отношении таких заслуженных командиров, как Бер, отказавшийся от контр-адмиральского чина ради активного участия в войне, как Серебренников, Егорьев, Юнг, и потому не решился создавать еще новых начальников отрядов и новый повод для враждебного к себе отношения.

Я нарочно останавливаюсь на этой интимной стороне жизни эскадры, чтобы в будущем не делать того, что нарушает порядок службы и что оскорбляет людей.

Перед сражением эскадра шла двумя неравными колоннами, и адмирал Того, зная это, хотел пройти контргалсом, чтобы воспользоваться столь выгодным для себя строем, но, заметив наше перестроение в одну кильватерную колонну, переменил свое решение и пошел поперек курса, чем поставил себя в некоторое время из-за позднего поворота в очень невыгодное положение, но вместе с тем очень опасное для обоих головных наших кораблей, «Суворова» и «Осляби», которых вскоре и выбил из строя. После того

пошел неописуемый, сплошной кавардак, усиленный еще тем, что следующий головной корабль, «Александр III», склонился не на противоположный курс с японцами, а на параллельный...

А сколько при этом леденящих мозг картин, сколько потрясающих душу впечатлений и сколько досады и злости за то бессилие, которое мы испытали, очутясь, благодаря негодным кораблям, снарядам, фальшивой системе обучения, в безысходных тисках смерти, из которых большинство судов не выручила даже темнота!

Главными виновниками столь постыдного, столь фатального состояния нашего флота надо признать, во-первых, великолепных министров, заказывавших военные суда без всякого плана и расчета, никогда не думавших ни о войне, ни о приобретении и устройстве станций для флота, а во-вторых, всех начальников эскадр и отрядов, не заботившихся никогда о выработке на практике лучших приемов борьбы с неприятельскими эскадрами и никогда не изучавших ни своих, ни иностранных источников этой борьбы.

По-видимому, мысль о том, что флот, все его учреждения, все мы и все они необходимы только для боя, для одного боя, и больше ни для чего, основательно была вычеркнута из головы и заменена отбыванием номеров учений, мелкой формалистикой, бесконечным писанием никому не нужных, будто бы важных для истории, а в сущности для самопрославления, приказов и инструкций, и главное, игрою в почести, якобы крайне необходимые для внедрения дисциплины и поддержания высшего престижа начальников.

Адмиралы совсем забыли мудрую боевую поговорку: «Счастлив тот начальник, который, сделав сигнал начать бой, больше не будет нуждаться ни в каких сигналах» — и со спокойною совестью вязали волю командиров настолько, что не разрешали им быть самостоятельными даже с собственной собакой, даже со своей шестеркой[1] или паровым катером. На все испрашивали начальственного соизволения; взять ли лоцмана, послать ли буфетчика на берег, подкрасить ли трубу, вымыть ли команду и ее платье после нагрузки угля?

Адмиралы каждый шаг командиров брали на себя, не прощали им ни тени независимости и только тогда успокаивались, когда своих командиров вкупе с их офицерами превращали наконец в каких-то аморфных, безмозглых су-

[1] Шестивесельная шлюпка.

ществ, реагировавших только на расшаркивания перед начальством, на слепое, не рассуждающее повиновение и на нежелание жить и мыслить без приказаний и разрешений...

Только бюрократический произвол, выраженный в ненасытной жажде власти ради ее аксессуаров, ради ее престижа и ради канцелярских удобств сношения с центральными органами, превратил наших адмиралов в каких-то громовержцев или еще в церемониймейстеров с большим штатом придворных при оркестре музыки, а не в учителей, не в наставников, как требует это всякий военный флот.

А вот и постыдные результаты этой вероломной чиновничьей системы: ни один из командиров не проявил ни малейшей инициативы, все ждали приказаний, а приказывать было некому, потому что очередной приказывающий, Небогатов, тоже ждал приказания приказывать; все командиры понимали, что идут на позор России, но все-таки шли; все командиры видели роковые ошибки адмирала, но не смели протестовать. Как можно навлечь на себя гнев громовержца? Лучше смерть, чем немилость, чем стыд от удаления с должности без суда и следствия!

А вот еще другой, не менее удачный результат: у нас погиб весь флот, у японцев всего три миноносца, у нас сокрушило жизнь нескольким тысячам человек, у них из 15 000 всего 116 убитыми и утонувшими. Поучительная история перемещения морской деятельности в канцелярии, под шпицем адмиралтейства, — нечего сказать!

Нет, современная морская война слишком сложна и трудна, чтобы быть поручаема бесконтрольно одному лицу! Крупные ошибки неизбежны. Роковой же престиж власти, так усердно и прямолинейно вбиваемый в головы подчиненных, привел лишь к тому, что не встретил сопротивления: ни в сдаче «Бедового», ни в сдаче целого отряда Небогатова, ни в решимости отдельных начальников нанести наибольший вред неприятелю. А само величие престижа не увлекло очередного адмирала встать самостоятельно в голове эскадры после гибели старших флагманов или их кораблей!

Тогда зачем же этот престиж?!

Когда мы воевали с таким... врагом, как турки, то престиж власти не мог еще особенно мешать, но в будущем он принесет, несомненно, те же катастрофы.

Круг деятельности адмиралов и министров совсем не тот, который они присвоили себе, написав собственноручные законы... Вся суть дела в командирах, значение которых надо поднять в таком роде, чтобы они, не имея старшинства между собою, составляли из себя коллегию для подбора новых командиров и для выбора себе представителей. Они же должны: издавать правила, заказывать суда, подготовлять себе офицеров, команду и материальную часть... Подчинение должно вытекать не ради власти начальников, а ради тех действий и приемов, которые по общему, основательному обсуждению приведут к успеху, к славной победе над врагом...

Существующая ложная, бюрократическая система морской службы ничего другого не могла и дать, кроме позора!..

Крейсер «Олег» ушел из России с надтреснутым цилиндром низкого давления у правой машины, с перегрузкой не меньше 2 1/2 футов... и — без всяких испытаний по механизмам и по определению остойчивости, требуемых законом, но запрещенных, «чтобы не смущать умы», бывшим тогда главным командиром Кронштадтского порта вице-адмиралом Бирелевым.

Между тем на «Олеге», против его прототипа «Богатыря», было наставлено столько лишнего груза и водружены такие высокие мачты для беспроводного телеграфа, что его остойчивость сделалась очень сомнительной и потому гораздо больше смущала умы команды, чем проверка. Впрочем, нашему начальству ни до чего другого не было дела, как только бы скорей вытолкать нас за пределы своих отечественных забот [1]...

Вообще с грустью приходится удостоверить, что более недоброжелательного, тщеславного и саморекламного отношения к отправляющимся на войну судам со стороны бывшего главного командира Кронштадтского порта трудно себе представить. Он всеми средствами стремился уронить офицерский состав в глазах команды и общества, чтобы этим способом прославить себя; он принял как раз все те меры, которые портили суда и затягивали срок их изготовления, так как несвоевременным выгоном их на рейд не столько думал о действительной их боевой годности, сколько о том, что он сам ужасно полезен, деятелен и неутомим. Ничего другого, как роли недостойного очковтирательства, он ни в ком и ни в чем не оставил. Печальная память, жалкая память!

Как японские, так и наши легкие крейсера действовали в сражении 14 мая совершенно независимо от броненосцев, имея назначением охранять транспорты и поддерживать

[1] Л. Ф. Добротворский перечисляет 13 существенных недостатков, которые в значительной степени снизили боевую готовность крейсера, отразились на его взаимодействии с другими кораблями.

броненосную линию, т. е. быть завесою между нею и неприятельскими крейсерами, что, иначе говоря, требовало от них принимать снаряды от японских крейсеров на себя и не допускать их до наших броненосцев. С этой целью эти крейсера были поделены на два отряда между контр-адмиралом Энквистом и капитаном 1 ранга Шеиным. Русские крейсера были вооружены 6-дюймовыми [1] пушками, 120-миллиметровыми, 75-миллиметровыми и 47-миллиметровыми и состояли: из бронепалубного крейсера «Олег» с двумя тонкими броневыми башнями и четырьмя казематами, что делало его очень валким; из бронепалубного коммерческого уничтожателя «Авроры», имеющего очень слабое боевое значение; из очень устарелого (20 лет жизни) крейсера с тонкою поясною бронею «Владимира Мономаха»; из такого же устарелого учебного судна «Дмитрий Донской», и с такою же поясною бронею; из двух яхт «Алмаза» и «Светланы» и из пассажирского парохода «Урал» с дальнодействующим беспроводным телеграфом. Всего, значит, с грехом пополам отряд состоял из 7 судов, а в сущности из 5. Здесь, кстати, следует заметить, что наиболее устарелые суда, как «Владимир Мономах» и «Дмитрий Донской», благодаря сплошной поясной броне, оказались на деле гораздо более боевыми судами, чем новейшие «Олег» и «Аврора»...

Японский крейсерский отряд состоял из 3 крейсеров, вооруженных 12 1/2-дюймовыми орудиями, 5 крейсеров, вооруженных 8-дюймовыми орудиями, и 5—6-дюймовыми и 120-миллиметровыми пушками. Кроме того, к ним присоединен был еще бывший китайский броненосец «Чин-Иен», чтобы, вероятно, не было в отряде 13 судов. Всего, значит, было 14 кораблей...

Где же тут было, при таком громадном перевесе сил, идти в атаку? И кому — «Олегу» и «Авроре»?.. Раньше, чем они догнали бы их, были бы утоплены! Гораздо полезнее было закрывать сколько возможно собою броненосцы и принимать на себя крейсерские снаряды, чем быстро погибнуть от смешной, детской атаки.

Уж если кому следовало броситься на нас, так это японцам, однако они преблагоразумно держались вдали и раскатывали нас крупными орудиями без вреда для себя.

В буквальном смысле нас спасло только чудо божие, так как мы себя не жалели и даже бросались полным ходом на крейсера, но они сейчас же увеличивали расстояние, ставя нас в положение догоняющих, и мы снова ложились на

[1] Дюйм — 25,4 мм.

курс, параллельный нашим броненосцам. Для нас же практичнее было иметь дело с одними их крупными орудиями, чем еще с многочисленными мелкими, одинаково опасными для наших небронированных бортов...

Лучшим доказательством добросовестного выполнения нашей задачи служит то, что с левой стороны, где были наши броненосцы, мы получили очень мало повреждений, а с правой, где держались неприятельские крейсера, очень много, и преимущественно на носу. Кажется, и транспорты, благодаря охране, до вечера уцелели.

Перед закатом солнца неприятельские крейсера ожидались слева... Что [нашим] крейсерам следовало делать? Идти на миноносцы, но до наступления темноты они бы стали отходить от нас, и притом мы бы оставили «Бородино» и «Орла». Идти к нашей эскадре? Но это значит опять бросить наши головные броненосцы, да притом гораздо правильнее было бы подойти к ним Небогатову.

Мы уменьшили ход и начали стрелять по миноносцам, но вскоре бросили это занятие, чтобы не тратить снаряды и не смешить японцев, так как из-за дальности расстояния и косых лучей закатывающегося солнца нельзя было различать всплесков воды (ведь наши снаряды не рвутся от нее и не дают густых клубов дыма, как у японцев).

Тем временем «Бородино» и «Орел» продолжали плыть вперед, беспощадно расстреливаемые тучею снарядов, часть которых с визгом и ревом падала близ нас, вздымая высокие фонтаны воды. На «Бородино» у грот-мачты громадный столб пламени, но броненосец бодро отстреливается и вдруг, сделав залп из кормовой башни, мгновенно опрокидывается и тонет на глазах у всех.

На некоторое время все как будто оцепенели, но потом, точно по команде, японские миноносцы бросились на нас, а мы все вдруг начали поворачивать к югу... и прибавлять ходу, чтобы тем затруднить нападение миноносцев, заставляя их производить свои атаки с кормы... Между тем уже настолько стемнело, что «Олег», обгоняя крейсера, чтобы встать во главе их, не видел, насколько помню, ни одного судна, кроме «Алмаза».

Куда «Олегу» и другим было идти? К эскадре? Но там продолжалась стрельба, временами мелькал свет прожекторов, и нас бы, приняв за неприятеля, могли встретить залпами, тем более что показать свои позывные огни было нечем — они были перебиты, — да в горячке и не поверили бы. Тьма же была кромешная. На этом основании, вероятно, не пошли к эскадре ни «Светлана» с «Алмазом», ни

«Дмитрий Донской» с «Владимиром Мономахом», хотя после потери адмиральского «Олега» им никто не мешал это сделать. «Жемчуг» же даже совсем никогда не числился у контр-адмирала Энквиста, а потому мог свободно поступать как угодно, однако тоже не оказался с Небогатовым. Последующие же обстоятельства, в виде появления атакующих миноносцев с левой стороны, еще более удалили нас от эскадры, заставляя каждый раз подставлять им корму и тем отворачиваться вправо, к западу...

Когда крейсера «Олег» и «Аврора» прошли к югу миль на 20 и отделались от японских миноносцев, то адмирал Энквист повернул опять к северу, но вследствие начавшихся встреч с миноносцами, а главное, ненадежности механизмов «Олега» (тек холодильник, лопались трубки в котлах, и просочился пар в рубашку цилиндра высокого давления), не решился превратить крейсер в дешевый трофей японцев и повернул опять к югу. К этому решению склонили адмирала еще следующие соображения: никто при поражениях не отступает на врага, а всегда от него, так как нетрудно было догадаться, что японцы будут ждать нас на севере; что если мы не могли пробиться во Владивосток всем флотом, то частью его, конечно, не удастся этого сделать...

Однако против всех этих логических рассуждений стояло соблазнительное желание совершить подвиг, почему контр-адмирал Энквист хотел пройти во Владивосток западным Корейским проливом, но этому помешали неточное знание своего места счисления и ряд судов вправо от нас, двигающихся не тише нас, в которых мы предположили японские крейсера, исчезнувшие с поля сражения еще перед темнотою. Отклонившись от них влево, вскоре потеряли их.

На следующий день утром адмирал, мучимый сомнениями в правильности своего поступка, хотел было снова пойти во Владивосток, но передумал, не надеясь на машины и боясь, что для самого полного хода может не хватить угля в одной из кочегарок и тогда придется уже идти не под всеми котлами и, следовательно, сделаться обязательной жертвой японских броненосных крейсеров, ход которых всегда превышал скорость «Олега» узла на два.

15 мая утром мы застопорили машины, чтобы выждать нашу эскадру, заделать пробоины, похоронить мертвых и переехать адмиралу на крейсер «Аврора», где был убит командир, капитан 1 ранга Егорьев.

...Контр-адмирал Энквист решил направиться в Манилу в надежде получить там... разрешение принять уголь, по-

правиться и потом идти, куда прикажут из министерства. Так и сделали...

Не доходя миль ста до Манилы, разглядели на горизонте 5 военных кораблей и, предположив в них японцев, приготовились к бою, но вскоре разузнали американскую эскадру, с которой обменялись салютом и получили ответ равным числом выстрелов...

По приходе в Манилу нас немедленно осмотрела портовая американская комиссия и нашла, что «Олегу» нужно для самого поверхностного исправления 6 недель, «Авроре» — 3 недели и «Жемчугу» — 2 недели. После того каждое судно должно немедленно покинуть порт или же, в противном случае, разоружиться.

Когда мы только что приступили к работам, а главное, сняли для исправления некоторые важные части машин, как вдруг пришло из Вашингтона новое решение: «В продолжение суток принять уголь и все необходимое для плавания и уходить, иначе мы будем интернированы». Ничего подобного нам не успеть было сделать даже в трое суток, а не только в одни, посему, с соизволения государя императора, пришлось покориться новому бесцеремонному решению международного права президентом Северо-Американской республики Рузвельтом.

КРАТКИЙ СЛОВАРЬ МОРСКИХ ТЕРМИНОВ

А

АБОРДАЖ — тактический прием времен гребного и парусного флота, представлявший собой свалку или сцепку судов для рукопашного боя.

АБШИД — отпуск, увольнение от должности, а иногда документ об увольнении от службы. Был в ходу в петровские времена, а также в течение XVIII в.

АВАНГАРД (АВАНГАРДИЯ) — соединение кораблей, выдвинутых в сторону противника и расположенное от главных сил в расстоянии, обеспечивающем своевременное предупреждение основных сил и их развертывание.

АМБАРКАЦИЯ — посадка войск на корабли и суда.

АНДРЕЕВСКИЙ ФЛАГ — флаг русского военного флота, учрежденный Петром I: на белом поле синий крест, расположенный по диагоналям.

АНКЕР — якорь.

АНКЕРОК — бочонок от одного до трех ведер вместимостью, употребляемый на шлюпках для хранения запасов пресной воды, а также в качестве балласта при плавании под парусами в свежую погоду; на кораблях — для хранения уксуса, вина.

АНТРЕТНО — определение расстояния приближенно, на глаз.

АНФИЛАДА — построение кораблей на одной линии в направлении на выбранный предмет; анфиладный огонь — продольный огонь.

АНШЕФ — флагман, командующий отдельной эскадрой или соединением.

АРТЕЛЬ — в старом флоте каждая рота на корабле образовывала артель с особым хозяйством и продовольствием из общего котла.

АРЬЕРГАРД — в эпоху парусного флота представлял собой постоянное соединение кораблей на походе под командой особого флагмана, следующее за главными силами, обеспечивая их от неожиданных нападений противника, а также осуществляя прикрытие при отходах.

Б

БАК — надстройка в носовой части палубы.

БАКШТАГ — курс парусного судна, при котором его диаметральная плоскость составляет с линией ветра угол более 90° и менее 180°.

БАКШТАГИ — снасти стоячего такелажа, поддерживающие с боков рангоутные деревья, боканцы, шлюпбалки, дымовые трубы и т. п.

БАКШТОВ — конец, выпускаемый с кормы стоящего на якоре судна, для крепления за него находящихся на воде шлюпок.

БАЛЛ — число, обозначающее силу ветра или волнения.

БАЛЛАСТ — жидкий или твердый груз (вода, чугунные и свинцовые болванки, камень, песок и пр.), принимаемый на суда для придания ему надлежащих мореходных качеств.

БАЛЛОТИРОВКА — избрание офицеров на должности решением большинства голосов; в российском флоте была установлена Петром I в 1719 г., в последующие годы несколько раз отменяемая; последний раз была восстановлена в 1907 г. для избрания офицеров в кандидаты на ответственные корабельные должности.

БАРК — трехмачтовое парусное мореходное судно, имеющее полное прямое вооружение на фок- и грот-мачте и косое на бизань-мачте; строились также четырех- и пятимачтовые — на последней ставились косые, а на остальных — прямые паруса.

БАТАЛЕР — специалист, ведавший на кораблях и в частях денежным, пищевым и вещевым довольствием личного состава.

БАТАЛЕР-КАМЕРА (БАТАЛЕРКА) — помещение, где на парусных судах хранились припасы и где жил баталер; обычно находилось у грот-мачты.

БАТАЛИЯ МОРСКАЯ — морское сражение, бой.

БАШЕННОЕ ОРУДИЕ — артиллерийское орудие, помещенное в башне.

БЕЙДЕВИНД — курс парусного судна, при котором его диаметральная плоскость составляет угол менее 90° с направлением ветра (встречно-боковым, с носа, в отличие от бакштага, когда ветер попутно-боковой, с кормы).

БИЗАНЬ-МАЧТА — третья мачта, считая с носа.

БИТЕНГ — чугунная или стальная литая полая тумба, прочно укрепленная на палубе и умеряющая скорость движения якорной цепи.

БЛИНДИРОВАНИЕ — покрытие небронированных бортов сплетенным тросом или якорными цепями в целях защиты надводной части кораблей от артиллерийских снарядов.

БОКАНЦЫ — деревянные или стальные прямые балки, выдающиеся за борт для подвешивания шлюпок.

БОМБИЧЕСКИЕ ПУШКИ — крупнокалиберные, гладкоствольные, заряжающиеся с дула орудия парусного флота середины XIX в., стрелявшие при больших зарядах разрывными снарядами (бомбами) на небольшие дистанции.

БОЦМАН, БОТСМАН — лицо младшего командного корабельного состава, в обязанности которого входят контроль за содержанием корабля в чистоте, руководство и наблюдение за общекомандными работами, обучение личного состава морскому делу.

БРАНДВАХТА, БРАНВАХТА — корабельная служба на рейде в гавани или в устье реки для наблюдения за входящими и выходящими судами и их регистрации, а также производства разводки и заводки боновых ограждений; корабль, выполняющий брандвахтенную службу.

БРАНДЕР — суда, предназначенные для закупорки неприятельских баз путем их затопления на входных фарватерах; в парусном флоте — судно, наполненное взрывчатыми или горючими веществами, предназначавшееся для взрыва или поджога неприятельских кораблей, пущенное по ветру или по течению («огненный таран»).

БРАНДСКУГЕЛЬ — зажигательный снаряд гладкоствольной артиллерии, представлявший собой пустотелое ядро с отверстиями (скважинами), начиненное зажигательным составом.

БРИГ — двухмачтовое судно с прямым вооружением (парусами); класс военных кораблей парусного флота с конца XVIII в. для крейсерской и посыльной службы с вооружением артиллерийским от 16 до 28 пушек.

БРИГАНТИНА — бриг малого или среднего размера; в раннюю эпоху парусного флота с XVI в. так назывались легкие быстроходные пиратские суда, вошедшие затем в состав военных флотов в качестве посыльных и разведочных кораблей.

БУШПРИТ, БУГШПРИТ — горизонтальное или наклонное дерево (брус), выдающееся с носа судна; служит для отнесения центра парусности от центра тяжести корабля и частично для укрепления фок-мачты; большие корабли имели составной бушприт, продолжение которого называлось утлегарем, а продолжение утлегаря — бом-утлегарь.

В

ВАНТЫ — снасти стоячего такелажа, которыми укрепляются мачты, стеньги и брам-стеньги с боков; по названию рангоутного дерева, которое они удерживают, получают дополнительные названия.

ВАХТА СОБАЧЬЯ («собака») — так называется корабельная вахта с полуночи до четырех часов.

ВЕЛЬБОТ — легкая военная быстроходная шлюпка с острыми обводами носа и кормы, служащая для посылок и разъездов.

ВЫМПЕЛ — длинный узкий флаг с косицами, поднимаемый на грот-мачте всякого военного корабля, находящегося в кампании, если на нем нет брейд-вымпела (вымпел должностного лица) или соответствующего флага; не спускается до конца кампании, независимо от состояния погоды и времени суток; также обозначает корабельный количественный состав эскадры, соединения.

Г

ГАК — железный или стальной крюк.

ГАКАБОРТ — верхняя закругленная часть оконечности кормы; на старых парусных судах — самая верхняя часть кормы, на которую накладывалась кормовая резьба (кормовое украшение).

ГАЛЕАС — боевой корабль XVI и XVII вв.; во флотах разных стран были или двух-, или трехмачтовые.

ГАЛЕРА — тип военного гребного судна, появившегося на Средиземном море около VII в. н. э.; могли ходить и под парусами, имея две-три мачты; военную часть экипажа составляли сухопутные солдаты.

ГАЛЕРНЫЙ ФЛОТ — военный флот из гребных судов галерного типа; в России просуществовал до конца XVIII ст., используемый для действий в шхерных районах (шхерный флот).

ГАЛС — курс судна относительно ветра; снасть или тали, удерживающие на должном месте нижний наветренный угол паруса (галсовый угол).

ГАЛФИНД, ГАЛВИНД, ГАЛБВИНД — курс парусного судна, при котором его диаметральная плоскость составляет с направлением ветра угол в 90° (ход в полветра).

ГАРДЕМАРИН — звание воспитанников старших рот Морского корпуса с 1860 по 1882 год — чин в русском флоте, в который производились окончившие Морской корпус, получающие следующий чин (мичмана) после двух лет плавания на военных кораблях.

ГАФЕЛЬ — рангоутное дерево, висящее на мачте под углом.

ГЕМАМ — гребной фрегат (до 40 орудий), применявшийся преимущественно в шхерных флотах.

ГИТЕРС — лейка с древком, служившая для обмывания бортов корабля или смачивания парусов на шлюпке.

ГИТОВЫ, ГЕЙТОВЫ — снасти бегущего такелажа, служащие для уборки парусов или подтягивания их углов до середины рея.

ГИЧКА — легкая быстроходная (5—8 весел) шлюпка, служащая для посылок и разъездов.

ГОЛЕТ, ГАЛЕТ — судно с вооружением шхуны, удобное для лавировки и управлявшееся малым числом людей.

ГОРДЕНЬ — снасть, с помощью которой подтягивается парус к рею.

ГРАНАТА — разновидность бомбы, отличавшаяся от последней отсутствием ушек и более легким весом.

ГРОТ — прямой парус, самый нижний на второй мачте от носа (грот-мачте); дополнительное наименование реев, парусов и такелажа, находившихся выше марса грот-мачты.

ГЮЙС, ЮЙС — флаг, поднимаемый на носу военных кораблей (1 и 2 рангов) при постановке на якорь.

Д

ДЕК — палуба на парусных военных кораблях, а также пространство между двумя палубами, где размещался личный состав (жилые помещения экипажа).

ДЕРЕВО — мачта на судне.

ДЕСТРОЙЕР — эскадренный миноносец, дословно — истребитель.

ДЕТАШЕМЕНТ — отделение части флота, эскадры, корабельного отряда для выполнения особых задач или самостоятельных операций.

ДЕТЕНШЕН — задержка.

ДИРИК-ФАЛ (дургин-фал) — снасть, с помощью которой поднимается и удерживается в требуемом положении гафель.

ДРЕЙФ, ДЕРИФ — снос судна с линии курса ветром или течением.

ДУБЕЛЬ-ШЛЮПКА — военное одномачтовое судно русского гребного флота второй половины XVIII в., тип каноперской лодки для действий в шхерах, лиманах и у берегов.

Е

ЕНДОВА — медная луженая посуда с носком, в которой выносилось наверх вино для раздачи матросам.

Ж

ЖУРНАЛ ШКАНЕЧНЫЙ — в старом русском флоте так назывался вахтенный журнал, в который записывались поденно, из вахты

в вахту, в хронологическом порядке основные события и обстоятельства внутренней и внешней жизни и деятельности экипажа корабля.

З

ЗАДНИЕ ПАРУСА — паруса грот- и бизань-мачт; называются так в отличие от передних — на фок-мачте, бушприте, утлегаре и бом-утлегаре.
ЗАДРАЙКА — приспособление для плотного закрытия или закрепления иллюминатора, люков, горловин и пр.
ЗЕЕКАРТА — морская карта.
ЗЕЕЛЬ, ЗЕЙЛЬ — парус.
ЗЕЕМАН, ЗЕЙМАН — искусный в мореходстве человек, опытный мореплаватель.
ЗЫБЬ — волнение без ветра, достигающее иногда крупных размеров.

И

ИЛЛЮМИНАТОР — круглое окно на корабле.
ИНТРЕПЕЛЬ, ВИНТРИПЕЛЬ — абордажное оружие, род топора в форме четырехгранного заостренного зуба, загнутого несколько назад.
ИОЛ — небольшое двухмачтовое парусное судно, отличавшееся большой остойчивостью, но недостаточной скоростью.

К

КАБЕЛЬГАТ, КАБЕЛГАТ — место под палубой в носу корабля, где укладывались канаты.
КАБЕЛЬТОВ — мера длины, служащая для измерения в море сравнительно небольших расстояний; (1 кабельтов равен: 87 сажен; 608 футов; 185,2 м; 0,1 морской мили).
КАБОЛКА — свитая из волокон пеньки нить; из каболок вьются пряди, а из последних — тросы.
КАДЕТ — воспитанник младших классов (рот) Морского корпуса.
КАЗЕМАТ — бронированное помещение на корабле, в котором устанавливаются орудия противоминного калибра.
КАЙКА — самая большая шлюпка на галере; небольшие суда русского гребного флота (полугалеры и дубель-шлюпки) в XVIII в.
КАМБУЗ — чугунная плита для приготовления пищи личному составу корабля; само помещение, где устанавливался камбуз, называлось кухней (в петровские времена — поварней), но постепенно тоже стало именоваться камбузом.
КАМПАНИЯ МОРСКАЯ — период плавания и деятельности флота в мирное время, а в военное, как оперативный термин, — период операций флота на театре военных действий.
КАНОНЕРСКАЯ ЛОДКА — относительно небольшой надводный артиллерийский корабль, предназначенный для ведения боевых действий в прибрежных районах.
КАРКАС, КАРКАЗ — зажигательный снаряд, содержавший начинку из пороха, зажигательного состава, нередко с добавлением пуль или картечи; употреблялся в парусном флоте начиная с XVII в.
КАРРОНАДА — короткая чугунная крупнокалиберная корабельная пушка, обладавшая небольшим весом, но значительной разрушительной силой.

КАРТУШКА — главная составная часть магнитного компаса, указывающая страны света.
КЕЙЗЕР-ФЛАГ, КЕЙЗЕРС-ФЛАГ — при Петре I, а также в XVIII в. так называли гюйс, когда он в особых случаях поднимался на мачте в качестве флага генерал-адмирала или главнокомандующего флотом.
КИЛЬВАТЕРНАЯ СТРУЯ, КИЛЬВАТЕР — струя, пенный след, остающийся за кормой идущего корабля.
КИНГСТОН — всякий клапан в подводной части, служащий для доступа забортной воды внутрь корабля.
КЛИВЕР, КЛЮФОК — косой треугольный парус, ставящийся впереди фок-мачты.
КЛИПЕР — быстроходное морское парусное (парусно-паровое) судно с 3—4 мачтами, острыми обводами и повышенной парусностью. В XIX веке служили для перевозки ценных грузов и пассажиров; в военном флоте — для дозорной и крейсерской службы.
КЛОТ, КЛОТИК — точеный, обычно деревянный, кружок со шкивами для фалов.
КЛЮЗ — сквозные продолговатые или круглые отверстия, служащие для проводки кабельтов и якорных цепей; кабельтов в данном случае — трос кабельной работы, толщиной от 152 до 330 мм.
КНЕХТ, КНЕГТ — литая чугунная или стальная тумба, укрепленная (в паре с другой) болтами к палубе и служащая для закрепления швартовых или буксирных концов; в парусном флоте — короткая стойка со шкивами.
КНИПЕЛЬ — артиллерийский снаряд, состоявший из двух чугунных цилиндров, ядер или полуядер, насаженных на концах железного четырехгранного стержня; применялся для разрушения мачт, реев, вант, снастей и пр.
КОК — повар на судне (в петровские времена тоже именовался поваром).
КОМАНДА — экипаж корабля, исключая средний и высший командный состав; приказание.
КОМЕНДОР — специалист, обслуживающий артиллерийское орудие; в старом флоте именовался также канониром.
КОНЕЦ — снасть небольшой длины.
КОРВЕТ — трехмачтовое военное судно, предназначавшееся для разведок и посылок, а иногда и для крейсерских операций; были также и парусно-винтовые корветы.
КОРДЕБАТАЛИЯ (центр) — средняя часть флота или эскадры, построенных в походный или боевой порядок.
КОРМА — задняя оконечность судна (надводная и подводная).
КРИГСРЕХТ — военный суд.
КРЮЙСОВ — планка для закрепления снастей, впоследствии замененная кнехтом.

Л

ЛАГ — мореходный инструмент, предназначенный для определения скорости судна; борт корабля.
ЛАСТ — мера вместимости судна, равная 2 регистровым тоннам или 5,66 м³; ластовые суда — баржи, плашкоуты и др. мелкие плавучие средства, до 60-х годов XIX в. находившиеся в ведении ластовых экипажей, офицеры которых имели сухопутные чины.
ЛЕЕР — туго натянутая веревка (трос) с закрепленными концами,

используемая для различных целей: постановки парусов, установки тента, просушки белья и коек, оградительных защитных мер и т. п.
ЛИНЕК — короткая веревка, с палец толщиной, с узлом на конце, которой наказывали матросов.
ЛИНЬ — тонкий трос, выделанный, как правило, из особо хорошей пеньки, не толще 25 мм (около 1 дюйма).
ЛИСЕЛИ, ЛИСЕЛЬ-ЗЕЙЛИ, ЛИЗЕЕЛИ — паруса (дополнительные), устанавливавшиеся в помощь прямым парусам при попутных ветрах только на фок- и грот-мачтах.
ЛОВЕРДЕК — нижняя палуба.
ЛОЦИЯ — часть науки кораблевождения, занимающаяся подробным изучением морей и океанов; лоцман — лицо, хорошо знакомое со всеми условиями прохода к данному порту или плавания на каком-либо определенном участке пути; в России называли корабельным вождем, затем пилотом (до половины XVIII в.).
ЛЮВЕРС — круглая, обметанная ниткой или обделанная медным кольцом дырка в парусе, генте.
ЛЮГЕР — трехмачтовое малого тоннажа военное судно парусного флота начала XIX в., использовавшееся для посыльной службы.

М

МАРС — площадка в верхней части мачт, служащая для разноса вант, работ по управлению парусами, а также для наблюдений (в пароходном флоте только для этого).
МАРСЕЛЬ — второй снизу на мачте парус.
МАТЕЛОТ — соседний в строю корабль; в старину — два корабля в бою, ближайших к адмиральскому.
МАЧТА, МАШТА — вертикальное дерево на судне, возвышающееся над верхней палубой (на Руси в старину — щегла); в зависимости от места постановки различают: передняя — фок-мачта, вторая от носа — грот-мачта и самая задняя — бизань-мачта; на четырехмачтовых судах вторая и третья соответственно назывались передняя и задняя грот-мачты или имели номера.
МЕЛИНИТ, ЛИДДИТ, ШИМОЗА — взрывчатые вещества.
МИНРЕП — стальной трос, соединяющий мину с ее якорем.
МИЧМАН — первый офицерский чин в старом русском флоте.
МОРИСТЕЕ — дальше от берега.
МУРЦОВКА — еда, приготовленная из сухарей, ошпаренных кипятком и заправленных коровьим маслом и луком; обычный первый завтрак команды на кораблях в старину.
МЭНДЕК — главная палуба.

Н

НАЙТОВ — перевязка тросом двух или нескольких рангоутных деревьев, а также других предметов, или соединение двух тросов одним тонким.
НАКТОУЗ — шкапик из красного или тикового дерева, дуба, на котором устанавливается корабельный компас.
НИРАЛ, НИРГАРДЕР — снасть, с помощью которой убираются косые паруса.
НОЙТАЛИ — снасти, которыми в шторм прикреплялись орудия к борту.

О

ОБЕЧАЙКА — бортик вокруг верхней кромки марса.
ОБРЕЗ — большой эллипсовидный с прямыми бортами таз, сделанный из оцинкованного железа, иногда из дерева, применяемый для стирки белья и парусиновых изделий; наполненный водой, устанавливается на корабле в местах, отведенных для курения.
ОБРОПИТЬ — спустить парус.
ОВЕРЛОП — палубы парусного военного корабля.
ОВЕРШТАГ — поворот идущего против ветра корабля, пересекающего линию ветра носом (если же кормой — то такой поворот называется — через фордевинд).
ОГОН, ОГОНТ — кольцо из самой снасти, сделанное на конце или в середине ее.
ОКНО — порт, отверстие в борту корабля.

П

ПАЛЕВИЦА — брандер.
ПАЛУНДРА, ПОЛУНДРА, ФАЛУНДЕР — окрик, предупреждающий стоящих на палубе людей о летящем или сбрасываемом сверху предмете.
ПАЛЬБА — стрельба.
ПАРАДНЫЙ ТРАП — забортный трап с правого борта военного корабля.
ПЕЛЕНГ — направление на какой-либо предмет от наблюдателя.
ПЕРЕБОРКА — всякая вертикальная перегородка, разделяющая внутрикорабельные помещения или ограничивающая надстройки на верхней палубе.
ПЕРЛИНЬ — трос кабельной работы толщиной 102—152 мм.
ПИРОСКАФ — пароход.
ПЛАСТЫРЬ — приспособление для временной заделки небольших пробоин.
ПЛЕХТ — возвышенная часть корабля в носу и корме.
ПЛУТОНГ — совокупность орудий одинакового калибра на корабле, могущих действовать одновременно и по одной и той же цели, располагавшихся рядом и управлявшихся одним командиром.
ПОГОННОЕ ОРУДИЕ — могущее стрелять прямо по ходу корабля, в отличие от ретирадного, стрелявшего со стороны кормы.
ПОМПА — название различных корабельных насосов.
ПОРТ — отверстие в борту корабля для погрузки боеприпасов, продовольствия и угля, а также для стрельбы из орудий; в петровские времена назывался окном.
ПРАМ — плоскодонное парусное судно, вооруженное пушками большого калибра, предназначенное для боевых действий на мелководье или в реках.
ПРИЗ МОРСКОЙ — неприятельская собственность или военная контрабанда, захваченные в морской войне.

Р

РАНГОУТ, РАНГОФТ — круглые деревянные или стальные трубчатые приспособления, предназначенные для постановки и растягивания парусов: мачты, стеньги, реи, гафели, гики, бушприты, утлегари, лисель-спирты, выстрела.

РАНДЕВУ — место, назначенное для встречи отдельных кораблей или корабельных соединений.
РЕЙ — рангоутное дерево, подвешенное за середину к мачте или стеньге, служащее для привязывания к нему парусов (прямых) и принимающее названия мачт, к которым крепится.
РЕЙД — более или менее значительное водное пространство у берегов, представляющее собой удобную якорную стоянку для судов, закрытую от ветра и волнения; в зависимости от степени защищенности от ветра и волны рейды разделяются на открытые и закрытые.
РИФ, РЕФ — поперечный ряд продетых сквозь парус завязок (риф-сезеней), посредством которых можно уменьшить его площадь.
РУБКА — закрытые помещения на верхней или на вышележащих палубах, не доходящие до борта судна.
РУМБ — направление к точкам видимого горизонта относительно стран света или угол между двумя такими направлениями; мера угла окружности горизонта, разделенного на 32 частицы (румба).
РУНДУК — закрытые нары, ящик или ларь, устанавливаемые во внутренних помещениях корабля для хранения личных вещей членов экипажа и отдыха последних.

С

СЕКСТАН — морской угломерный инструмент, служащий для измерения высот небесных светил, а также углов между видимыми с корабля земными предметами.
СКАМПАВЕЯ — малая галера, гребное военное судно русского галерного флота петровского времени для операций в шхерах; дополнительно к 36 веслам имела одну-две мачты.
СКАУТ — разведывательное судно (форзейль).
СНАСТЬ — любые концы (веревки), служащие для постановки и уборки парусов и управления ими.
СТАКСЕЛИ — косые паруса треугольной формы, имеющие различное название в зависимости места постановки; в старину именовались штаг-сейли.
СТЕНЬГА — верхнее продолжение мачты; в зависимости от названия мачты получает дополнительное наименование.
СХОДНЯ — доска или несколько досок с набитыми поперечными брусками для схода с шлюпки и корабля на берег, а также перехода с одного на другой стоящих рядом кораблей.

Т

ТАКЕЛАЖ БЕГУЧИЙ — снасти, которые служат для уборки и постановки парусов, для подъема и спуска частей рангоута и т. п.; все подвижные снасти.
ТАКЕЛАЖ СТОЯЧИЙ — такелаж, служащий для поддержки и укрепления рангоута; неподвижные снасти.
ТАРАН — выдающаяся вперед подводная часть форштевня, а также надводные специальные конструктивные устройства в носу, реже в корме, служащие для нанесения неприятельскому кораблю таранного удара; древнее корабельное оружие или способ его применения.
ТВИНДЕК (кубрик) — междупалубное пространство на судах, имеющих несколько палуб.

ТЕНДЕР (в парусном военном флоте) — одномачтовое судно в 50—60 т водоизмещения, вооруженное 10—12 пушками небольшого калибра.
ТОП — верхний конец всякого вертикального рангоутного дерева (мачты, стеньги).
ТРАНЦ, ТРАНЦЫ — у гребных шлюпок доска, образующая кормовой срез; у кораблей (деревянных) нижняя часть срезанной плоскости кормы, набираемая в виде горизонтальных брусьев.
ТРАП — лестница на корабле (внутренние и забортные).
ТРИНКЕТ, ТРУНКЕТ — передняя меньшая мачта на галере.
ТРИСЕЛЬ — косой четырехугольный парус (устанавливается на мачте).
ТРЮМ, ТРЮЙМ, РЮЙМ — грузовое внутреннее помещение, расположенное под самой нижней палубой; там же специально выгороженное помещение для хранения воды (водяной трюм).
ТУРЕМА, ТЮРЕМА — трехмачтовое судно шведского шхерного флота конца XVIII в., подобное фрегату и шебеке.

У

УЗЕЛ — единица скорости корабля, равная одной миле в час.

Ф

ФАЛ — снасть, служащая для подъема некоторых рангоутных деревьев (реев, гафелей), парусов (кливеров, стакселей), кормового флага, гюйса, флажных сигналов; в зависимости от назначения носит различные названия.
ФАЛРЕП — трос, заменяющий поручни у входных трапов; веревки, обшитые сукном, употребляемые при трапах для держания.
ФАЛЬШБОРТ, ФАЛЬШБОРТ, ФАЛЬШБОРД — легкая обшивка борта открытых палуб.
ФЕРТОИНГ — способ стоянки на двух якорях, при котором корабль во всяком положении при разворачивании находится между якорями.
ФЛЕЙТ — парусное трехмачтовое грузовое судно XVII и XVIII вв., используемое в военных флотах в качестве транспортов; имело артиллерийское вооружение (4—6 пушек).
ФОР — слово, прибавляемое к наименованиям реев, парусов и такелажа, находящихся выше марса фок-мачты.
ФРЕГАТ — трехмачтовый корабль, второй по величине после линейного корабля, уступавший последнему по мощи, но значительно превосходивший его по скорости, маневренности и другим мореходным качествам; использовался главным образом для крейсерской и разведывательной службы; в переходную эпоху (от паруса к пару) появились колесные, затем винтовые пароходо-фрегаты, часть из которых бронировалась (броненосные).

Ш

ШЕБЕКА — трехмачтовое (имела также весла) посыльное судно, более мощное, чем галеры, и часто заменявшее последние; артиллерийское вооружение — до 30 пушек.
ШКАНЦЫ, ШХАНЦЫ — часть верхней палубы корабля от грот- до бизань-мачты, в российском флоте считавшаяся почетным кора-

бельным местом, где объявлялись высочайшие повеления и где запрещалось курить и садиться; на парусных кораблях — самый верхний помост или палуба в кормовой части корабля для пахождения там вахтенных или караульных офицеров и размещения компасов.

ШКАФУТ — в паровом флоте пространство на верхней палубе между фок- и грот-мачтами; в парусном — широкие доски, соединявшие борта в носовой части (вровень с баком) корабля.

ШКЕНТЕЛЬ, ШКЕНКЕЛЬ, ШХИНКЕЛЬ — короткий конец троса, имеющий в одном из своих концов коуш (металлические кольцо, треугольник, эллипс) или блок.

ШКЕРТ, ШТЕРТ — тонкий короткий конец.

ШКОТ, ШХОТ — снасть, которой растягиваются нижние углы парусов; принимает название того паруса, к которому она прикрепляется.

ШЛЮП — общее название для всех военных кораблей (парусных), которые по своим размерам были меньше корветов и больше бригов.

ШНЯВА — в петровские времена легкие парусные корабли, предназначенные для разведочной и посыльной службы, имевшие на вооружении 14—18 пушек малого калибра.

ШПИГАТ — отверстие в фальшборте или палубной настилке для удаления с палуб воды; на парусных, кроме того, — отверстия для проводки снастей.

ШПИЛЬ — особый ворот для выбирания якорных цепей или других подобных тяжелых работ.

ШПРИНГ, ШПРЫНГ — веревочное (тросовое) приспособление, позволяющее кораблю оставаться повернутым бортом к желаемому направлению, независимо от перемены ветра или течения.

ШТАГИ — снасти стоячего такелажа, поддерживающие мачты, стеньги, бушприт и др. рангоутные деревья спереди в диаметральной плоскости.

ШТЕВНИ — особо прочные части корпуса, укрепленная оконечность носа (форштевень) и кормы (ахтерштевень).

ШТИЛЬ — затишье, безветрие.

ШХЕРЫ — скалистые острова самой разнообразной величины, окаймляющие берег фиордового типа.

ШХИМАН, ШХИМАНМАТ — унтер-офицерские звания в русском парусном флоте.

Ю

ЮТ — надстройка в корме, идущая с борта до борта и обычно до самой кормовой оконечности корабля.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
От составителя	3
Флоту — быть!..	17
Шторм длился двадцать лет...	—
Морские журналы	34
Журналы, письма и указы Петра I	59
Суд над вице-адмиралом Крюйсом	75
Чесменское сражение. Слава Гангута не меркнет	88
Собственноручный журнал капитан-командора С. К. Грейга	—
А. Ш. Слава Гангута не меркнет	131
Гогландская морская битва 1788 года	159
Под флагом Ушакова	173
Р. Скаловский. В походах и сражениях	—
Официальная корреспонденция адмирала Ушакова	195
Вторая архипелагская экспедиция	217
П. И. Панафидин. Письма морского офицера	—
П. П. Свиньин. Русский Геркулес	257
Наваринское морское сражение	259
Е. В. Богданович. Наварин	—
Письма графу Гейдену	270
А. П. Рыкачев. Записки, веденные на эскадре Л. П. Гейдена	272
Черноморский флот в войне с Турцией	292
В. И. Мелихов. Описание действий Черноморского флота	—
Последнее крупное сражение парусного флота	324
Е. В. Богданович. «Битва славная... ура, Нахимов!»	—
Из записок офицера, служившего на фрегате «Аврора»	353

	Стр.
Минная война	365
В. Чубинский. Минная война	—
Порт-Артур	391
Вл. Семенов. Расплата	—
Гибель «Варяга». Цусимский бой	489
Бой «Варяга» у Чемульпо 27 января 1904 года	—
Н. Д. Броненосец «Адмирал Ушаков»	510
Л. Ф. Добротворский. Уроки морской войны	527
Краткий словарь морских терминов	548

Морские сражения русского флота

Воспоминания, дневники, письма

Редактор *Г. А. Ивашкин*
Художник *Н. К. Кутилов*
Художественный редактор *А. Н. Жданов*
Технический редактор *А. П. Бабина*
Корректор *О. М. Соскова*

ИБ № 3739

Сдано в набор 18.04.90. Подписано в печать 21.11.93.
Формат 84×108/32. Бумага тип. № 1. Гарнитура обыкн. новая.
Печать высокая. Печ. л. 17½. Усл. печ. л. 29,4 + 1 вкл. ½ печ. л.,
0,84 усл. печ. л. Усл. кр.-отт. 30,77. Уч.-изд. л. 34,81. Тираж 30 000 экз.
Изд. № 3/4623. С—10. Зак. 477.

Воениздат, 103160, Москва, К-160.
1-я типография Воениздата.
103006. Москва, К-6, проезд Скворцова-Степанова, дом 3.